

ЧТЕНІИ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1868

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТЕПОГРАФИИ, НА СТРАСТНОМЪ ВУЛЬВАРѢ.

1868.

І

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ДВОРЯНСТВО ЗАПАДНОЙ РОССИИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Contenti simus inventis, aliquid veritati et
posteris conferant.

Павлій.

Прежде чѣмъ приступлю къ вопросу о Дворянствѣ Западной Россіи, считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько необходимыхъ поясненій. Поясненія эти касаются прежде всего задачи предлагаемаго изслѣдованія. Что нужно разумѣть подъ именемъ Западной Россіи? Западною Россіею я называю область на право отъ Днѣпра, вмѣщающую въ себѣ нынѣшнія Губерніи: Гродненскую, Ковенскую, Виленскую, Витебскую, Минскую, часть Могилевской, Смоленской и Черниговской, Кіевскую, Волынскую и Подольскую, то есть, все то пространство, которое, подъ именемъ Литвы и Руси, входило въ разсматриваемую пору въ составъ Польско-Литовскаго Государства. Дворянство Западной Россіи XVI вѣка есть, стало быть, Дворянство Литовское и Русское. Второй вопросъ касается сочиненій, которыми я пользовался при составленіи разсужденія. Эти сочиненія слѣдующія:

1. Литовскій Статутъ, во «Временникѣ» за 1854 г., кн. XVIII и XIX, и за 1855, кн. XXII.
2. Volumina legum, т. I—II, изд. Огрызка.
3. Zbiór praw Litewskich od r. 1389 do r. 1529. Tudzież rozprawę sejmowę o tychże prawach od r. 1544 do r. 1563. Poznań 1841. Изд. Дзяльицкаго.

4. Акты Западной Россіи, т. I, II, III. Спб.
5. Жизнь Князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Два тома. Изд. Комисіи, учрежденной при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генераль-Губернаторѣ. 1849 г.
6. Acta Tomisiana. 8 томовъ. Познань, 1852 г.
7. Vetera Poloniae monumenta. 1863 г.
8. Historica Russiae monumenta. Спб. 1841 г.
9. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи. Н. Бантышъ-Каменскаго. Москва. 1805.
10. Литовская Церковная Унія. М. Кюловича. Спб. 1859 — 1861, 2 части.
11. Zbiór pamiętnikow o dawnej Polsce. Нѣмцевича. 4 тома. Warszawa 1822 г., w Lipsku 1838—1840, 5 томовъ.
12. Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej z drugiej połowy XV i pierwszej połowy XVI w. Морачевскаго. Познань 1832—1855 г. 9 томовъ.
13. Starożytności Polskie. Его же.
14. Starożytności historyczne Polskie. Грабовскаго. Краковъ. 1840 г.
15. Prawo pospolite Królestwa Polskiego. Готфрида Ленггяха. Польскій переводъ Мартына Мощенскаго. 2 тома, 1761 г.
16. } Стрыйковскаго, изд. въ Кенигсб. 1582, въ Варшавѣ 1846, 2 тома.
17. Хроники: } Гваньина. Франкфуртъ 1584.
18. } Бѣльскаго. Краковъ 1550, 1564.
19. Jus publicum Regni Poloniae. Хвальковскаго. Года изданія не показано, но изъ сочиненія видно, что оно явилось въ XVII в. «Янъ Казимиръ теперь царствуетъ,» сказано тамъ, на стр. 552.
20. Dzieje w Koronie Polskiej za Żygmunta I-go i Żygmunta II-go. Луки Гурницкаго. 1750 г.
21. Ubiory w Polsce. Голембѣвскаго. Варшава 1830 г.
22. Ostatnie lata panowania Żygmunta Starego i początek panowania Żygmunta Augusta. Лелевеля. Варшава 1821 г.
23. Życia sławnych Polaków, изданіе Бобровича. Лейпцигъ 1837 г., 5 томовъ.
24. Epistolae illustrium virorum. Карнковскаго. Краковъ 1578 г.
25. Historia prawa Polskiego. Я. В. Бандтке. Варшава 1850 г.
26. Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajow i zwyczajow, w czterech częściach opisana przez Maciejowkiego. Спб. и Варш. 1842 г., 4 тома.

27. Rys dziejow kultury i oswiecenia narodu Polskiego. Червинскаго. Перемышль 1816 г.
28. Wybor pisarzow Polskich. Варшава 1805 г.
29. Исторія Россіи, С. Соловьева, и, само собою разумѣется,
30. Исторія Р. Г., Карамзина.
31. Исторія Кіевской Академіи. Булгакова. Спб. 1843 г.
32. О Древнерусскихъ училищахъ. Н. Лавровскаго. Харьк. 1854 г.
33. Panowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorego (извлеч. Онацевичемъ изъ рукописи Альбетранди).
34. Dzieje literatury w Polsce. Кондратовича (Сырокомли). Вильна 1850—1852 г., 2 тома.
35. Obraz Litwy. Ярошевича. Вильна 1844 г.
36. Rys dziejow piśmiennictwa Polskiego. Леслава Лукашевича. Познань 1859 г.
37. Historia literatury Polskiej w zagryсах. Вуйцицкаго. 4 тома Варшава 1859—1860 г.
38. Historia, literatura i krytyka. Маіоркевича. Варш. 1850 г.
39. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, Спб. 1865 г.

Кромѣ того, я пересмотрѣлъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Восточную Европу во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка, какъ, на прим., Флетчера, Бусова, Петрея, Герберштейна и др., ознакомился съ Хрониками Mathiae a Michovia, Jakobi Prilusii, Martini Kromeri, Jodoci Ludowici Decii (de vetustatibus Poloniae), и перечиталъ нѣсколько тысячъ актовъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ.

Называя этѣ сочиненія, я хочу сказать, что большая часть изъ касается Дворянства, жившаго на пространствахъ нынѣшней Волынской, Подольской и Кіевской Губерній. Что же касается Дворянства Литовскаго и Бѣлорусскаго края, то въ нихъ нельзя найти много указаній. Это обстоятельство съ одной стороны, и съ другой то, что мнѣ пришлось пользоваться матеріалами по большей части въ сыромъ видѣ (in crudo), в подѣ рукою не было ни одного сочиненія, которое содержало бы въ себѣ разсмотрѣніе вопроса, составляющаго предметъ моего изслѣдованія (я сомнѣваюсь, чтобы такое сочиненіе существовало гдѣ ни будь; по крайней мѣрѣ мои поиски въ этомъ случаѣ оказались безуспѣшными), лишили

меня возможности сдѣлать то, чего я желалъ и что я могъ сдѣлать. Въ этомъ изслѣдованіи, по всей вѣроятности, отыщутся значительныя ошибки, но такова уже судьба починаемаго дѣла. Вопросъ, литература котораго обширна, имѣеть на своей сторонѣ то преимущество, что его всегда можно удачнѣе рѣшить, чѣмъ тотъ вопросъ, который не имѣеть литературы. Частое занятіе однимъ и тѣмъ же дѣломъ ведетъ непремѣнно къ усовершенствованію. На этомъ основывается развитіе ремесла, развитіе искусства и развитіе вопроса въ области науки. Иногда случайное и даже ничтожное указаніе человѣка наводитъ насъ на новыя мысли, на новыя соображенія, а болѣе счастливыхъ и на открытія. На оборотъ, работа новая, не имѣющая примѣра, ведетъ едва ли не всегда къ огромнымъ промахамъ.

Обращаясь къ рѣшенію вопроса, я долженъ прежде всего остановить вниманіе на составѣ народонаселенія Западной Руси въ теченіе XVI столѣтія. Въ предѣлахъ области, составляющей нынѣшнюю Западную Россію, искони жили Русскіе и Литовцы. Во второй половинѣ XVI в. совершилось событіе, знаменитое по своимъ послѣдствіямъ. Это — Люблинская Унія. Езуитское воплощеніе (wscielenie) Литвы и Руси въ тѣло Короны Польской дало Польскому Дворянству законное основаніе селиться на Литовско-Русской землѣ въ средѣ Русскихъ; впрочемъ, это явленіе не ново. Люблинская Унія не создала, а только узаконила, событіе. Поселеніе на Литовско-Русской почвѣ Польскаго люда началось гораздо раньше Уніи. XVI вѣкъ засталъ уже сдѣсь Поляковъ. Они входили сюда разными путями: путемъ занятія правительственныхъ, придворныхъ и судебныхъ должностей, путемъ женитьбы и путемъ приобрѣтенія поземельной собственности. Еще въ началѣ XVI столѣтія, именно въ 1506 году, Литовское Дворянство жаловалось Сигизмунду I-му, что крѣпости, города и земли находятся въ распоряженіи иностранцевъ, и просило назвать ихъ на ихъ мѣсто Литвиновъ; иностранцемъ же они считали каждаго, кто не родился Литовцемъ, причисляя къ этому разряду и Поляка. Въ актахъ Западной Россіи помѣщены документы, изъ которыхъ ясно видно, что подъ иностранцемъ Литовцы разумѣли почти всегда Поляковъ. Король издалъ привилей, въ которомъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе; но подобныя обѣщанія

скихъ Королей часто оставались голыми обѣщаніями и рѣдко, рѣдко исполнялись, или по тому, что исполненіе ихъ противорѣчило основѣ Государственной политики, стремившейся ополчавать Литовско-Русскій край, или по тому, что Короли потеряли столько силы, что могли только обѣщать. Особенно рѣзко выдается безсиліе Королевской власти со второй половины XVI столѣтія. Непрерывныя и настойчивыя просьбы Литовцевъ и Русскихъ, заносимыя къ Королевскому престолу въ продолженіе цѣлаго столѣтія, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, во 1-хъ, того, что они не забывали протестовать противъ Польскаго поселенія; во 2-хъ, того, что ихъ заявленія и просьбы оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ 1544 году былъ Сеймъ въ Бересты. На Сеймъ явились Литовскіе Послы, и отъ имени всей Литвы подали Королю письменную жалобу на то, что, вопреки привилегіямъ Княжества, Поляки занимаютъ въ ихъ странѣ разныя должности, и просили положить конецъ такому нарушенію правъ. ² На эту просьбу Король отвѣчалъ такъ уклончиво, темно и сбивчиво, что Послы ровно ни чего не поняли изъ его словъ и возвратились къ товарищамъ съ тѣмъ, съ тѣмъ были высланы на Сеймъ. Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить людей, требовавшихъ положительнаго рѣшенія дѣла. Въ Генварѣ 1547 года, когда собрался Сеймъ въ Вильнѣ, они возобновляютъ старую просьбу и, чтобы не оставить ни какого сомнѣнія въ томъ, что имъ нужно, они говорятъ съ такою ясностію и опредѣленностію, какую только возможно требовать. «Мы просимъ, говорили они, чтобы а) Король не раздавалъ чужеземцамъ ни земскихъ, ни придворныхъ должностей; чтобы онъ не поручалъ управленію ихъ Литовскихъ замковъ, городовъ и волостей, принадлежащихъ Его Королевской Милости; б) чтобъ онъ не назначалъ этѣхъ людей ревизорами своихъ имѣній и кассы, хранящейся въ этѣхъ имѣніяхъ; наконецъ в) чтобы при вѣздѣ въ Литву онъ оставлялъ за Литовскимъ рубежемъ тѣхъ чиновниковъ, которые сопровождали его на пути въ Литву, и окружилъ себя Литовцами.» ³ Побужденія, въ слѣдствіе которыхъ они вынуждены были утруждать Короля просьбамъ, заявлены въ слѣдующемъ видѣ: «Раздавая должности Полякамъ, Король оказываетъ имъ предпочтеніе предъ Литовцами, ставитъ ихъ выше Послѣднихъ, какъ будто между этѣми послѣдними нѣтъ людей

умныхъ, способныхъ честно исполнять возложенную на нихъ обязанность. Если во время пребывания Короля въ Литвѣ придворныя обязанности будутъ полнить Поляки, а не Литовцы, то что стоятъ этѣ титулы Крайчаго, Подчашаго и т. д. безъ дѣйствительной обязанности? Да, наконецъ, дѣло не только въ одной обидѣ: не довольствуясь оказываемымъ имъ предпочтеніемъ, они чинятъ обиду и притѣсненія Старостамъ, Державцамъ и ихъ урядникамъ и, въ довершеніе всего, вывозятъ капиталы за границу.»⁴ Последнее обстоятельство даетъ себя чувствовать во всякое время, но особенно чувствительнымъ казалось оно въ то время, когда люди основывали богатство страны на количествѣ звонкой монеты. На нѣкоторые изъ пунктовъ Король далъ, по видимому, благопріятный отвѣтъ; на другіе опять уклончивый. Вотъ содержаніе его отвѣта: «Сколько ему извѣстно, Литовскія должности никогда не раздавались иностранцамъ. Что касается его имѣній, то для ревизіи ихъ онъ воленъ посылать, кого ему угодно, лишь бы посылаемыя имъ лица надлежащимъ образомъ полнили свою обязанность; относительно послѣдней просьбы обѣщаетъ поступать по старинѣ.»⁵ Слишкомъ четыре года прошло съ этѣхъ поръ, и ни одного шагу не сдѣлано въ пользу требованій Литовско-Русскаго Дворянства. Оказалось нужнымъ возобновленіе опять тѣхъ самыхъ требованій, тѣхъ же самыхъ просьбъ, и онѣ не замедлили явиться, какъ только открылся новый Сеймъ въ Вильнѣ въ 1551 г. На этотъ Сеймъ явившіеся Депутаты къ прежней просьбѣ о недопущеніи иностранцевъ къ дѣламъ казны и ко всякимъ другимъ должностямъ, прибавили двѣ новыя: а) чтобы имъ не позволено пріобрѣтать въ Литвѣ поземельной собственности, и б) чтобы женщины, выходящія за мужъ за Литовскую границу, продавали свою недвижимость кому ни будь изъ своихъ родственниковъ.⁶ Король, извиняясь предъ Дворянствомъ въ томъ, что, въ силу особенныхъ, неотразимыхъ, обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ поступить именно такъ, а не иначе, т. е., назначать иностранцевъ чиновниками въ Литву, обѣщая не давать на будущее время послѣднимъ ни какихъ урядовъ, онъ, однако же, долженъ отложить окончательное постановленіе по этому вопросу. Переходя къ вопросу о поземельной собственности, которая, по выраженію просителей, переходитъ въ чужія руки, Король отказывается отвѣчать что либо определенное, по тому что это не

его вина, а ихъ собственная, если иностранцы завладѣютъ ихъ землями: не продавайъ имъ, и они не купятъ. Независимо отъ этихъ просьбъ, Дворяне Волынской земли просили Короля учинить имъ правду и судъ на Поляковъ, которые наѣзжаютъ на ихъ имѣнія и производятъ грабежи и разбой. Въ отвѣтъ послѣдовало Королевское обѣщаніе удовлетворить просителей на будущемъ сеймѣ. ⁷ Въ 1554 г. состоялся третій Сеймъ въ Вильнѣ, и на немъ повторились тѣ же просьбы, и получено то же удовлетвореніе. ⁸ Еще 15 лѣтъ, и Поляки добились давно желаннаго соединенія Литовской Руси съ Короною. Актъ Люблинской Уніи освятилъ Польское населеніе: онъ уничтожилъ возможность просьбъ, онъ заключилъ въ форму закона то, что существовало на дѣлѣ. Изъ перечня событій, сейчасъ приведенныхъ, легко усмотрѣть ту постепенность, которую преслѣдовало Польское населеніе въ Литвѣ въ теченіе 48, лѣтъ. Явившись на чужой землѣ, сначала въ качествѣ управляющихъ Королевскими имѣніями и надзорщиковъ за цѣлостію его казны, Поляки женятся потомъ на Литовкахъ, и наконецъ дѣлаются поземельными собственниками. Поселеніе растетъ быстро. Къ концу XVI столѣтія, рядомъ съ родами Русскаго происхожденія, мы встрѣчаемъ на Литвѣ и Руси очень много родовъ Дзялынскихъ, Вержбицкихъ, Домбровскихъ, Малинскихъ, Касперскихъ, Тарновскихъ, Жолкевскихъ, Ставинскихъ, Станишевскихъ, Ленчицкихъ, и т. д. ⁹ Не смотря на быстрые успѣхи, Польское населеніе не могло вытѣснить мѣстнаго. Во второй половинѣ этого столѣтія предъ лицомъ исторіи дѣйствовали еще многіе Литовскіе и Русскіе роды. Бантышъ-Каменскій, въ своей Церковной Уніи, насчитываетъ 64 Русскіе и Литовскіе роды, ¹⁰ члены которыхъ имѣли большое вліяніе на дѣла, ибо многіе изъ нихъ за сѣдали въ Сенатѣ. Такъ онъ указываетъ на роды: Вишневецки хъ, Волынскихъ, Головчинскихъ, Друцкихъ-Горскихъ, Дубровицкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Корецкихъ, Кошырскихъ, Крушинскихъ, Лукомскихъ, Масальскихъ, Огинскихъ, Острожскихъ, Полубинскихъ, Пронскихъ, Пузиныхъ, Ружинскихъ, Сангушковъ, Соколинскихъ, Соломирецкихъ, Черторыйскихъ. Это Княжескіе роды. Дворяне, упоминаемые въ памятникахъ того времени, были: Боговитины, Бокіи, Березовскіе, Воины, Воловичи, Вяжевичи, Габурды, Глѣбовичи, Горностан, Гулевичи, Дорогостайскіе, Дере-

винскіе, Ермолинскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кирдѣвы, Кмиты, Кишки, Копцы, Корсаки-Кроивнищкіе, Лозки, Мелешковы, Мишковы, Обуховичи, Олизаровичи, Іавловичи, Пацы, Потѣи, Сапеги, Сосновскіе, Сѣмашки, Тышкевичи, Тризны, Халецкіе, Ходкевичи, Хребтовичи, Чолганскіе, Шишкевичи и Яромлинскіе. Итакъ, повторяемъ, на Литовско-Русской почвѣ, рядомъ съ Дворянами Русскими и Литовскими, жили и Дворяне Польскіе. Имѣя дѣло съ столь смѣшанной матеріей, становисься въ затруднительное по отношенію къ ней положеніе, тѣмъ болѣе затруднительное, что источники, изъ которыхъ можно черпать матеріалы, для изображенія бытовой стороны, почти всѣ говорятъ о Полякахъ, да о Полякахъ, и очень рѣдко о Русскихъ и Литовцахъ. Впрочемъ, затрудненіе, въ которое поставленъ изслѣдователь, значительно распутывается, благодаря слѣдующему обстоятельству. Поляки, болѣе счастливые, чѣмъ ихъ Восточные сосѣди, близостью своей страны къ просвѣщенному Западу, болшею безопасностью со стороны кочевыхъ непріятелей, могли подвинуться по лѣстницѣ образованія на высшій щепенъ, чѣмъ послѣдніе, и, въ силу неизмѣнныхъ, вездѣ одинаково дѣйствующихъ, законовъ, могли вліять, и дѣйствительно вліяли, на образованіе послѣднихъ, измѣняя его на Польскій ладъ. Подражатели относительно Европейскаго Запада, они стали образцомъ для Восточныхъ братій. Послѣдніе, во имя образованія, перенимали у нихъ привычки, обычаи, одежду, языкъ, а въ концѣ XVI ст. даже религію, стали, однимъ словомъ, похожи, по стремленіямъ и понятіямъ, на своихъ учителей. Думаемъ по этому, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если нѣкоторыя изъ указаній иностранцевъ о Польскомъ Дворянствѣ, и подобныя же извѣстія самихъ Поляковъ, отнесемъ къ Дворянству Русскому (тамъ, гдѣ будетъ рѣчь объ его частномъ бытѣ).

Личность, дѣйствующая на политическомъ и общественномъ поприщѣ, только тогда очерчивается выпукло, и только тогда понятны всѣ ея дѣйствія, когда извѣстно ея умственное и нравственно-религіозное образованіе, ея домашній бытъ. На этомъ основаніи я раздѣлилъ свое изслѣдованіе на двѣ части. Въ первой части я постараюсь изобразить образованіе и домашнюю жизнь Дворянства Западной Россіи въ XVI в. Тутъ мы узнаемъ,

каковы были обстоятельства, слагавшія ту личность, которой суждено было дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, какъ увидимъ ниже, безапелляционно. Во второй части я поставлю Дворянина того времени предъ лицомъ Монархической власти и другихъ, жившихъ рядомъ съ нимъ, сословіи, и попытаюсь показать, чѣмъ онъ былъ въ томъ и другомъ случаѣ.

1.

Итогъ образовательныхъ силъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ въ рассматриваемое время былъ весьма значителенъ, особенно по сравненію съ Европейскимъ Западомъ и Россією. Не уступая ни сколько Западу, это Государство стояло неизмѣримо высоко надъ тогдашнею Москвою. Въ то время, какъ Московское Государство страдало отъ недостатка или, еще вѣрнѣе, отъ крайней бѣдности въ училищахъ, " Польско-Литовское Государство обладало двумя Академіями, нѣсколькими Коллегіями и Семинаріями и многими низшими учебными заведеніями. Высшимъ образовательнымъ заведеніемъ оставалась Академія, отъ которой, въ большей или меньшей степени, зависѣли другія школы. Всѣ эти школы дѣлились по Вѣроисповѣданію на Католическія, Православныя, Армянскія и Протестантскія. Выше другихъ стояли школы Католическія, по тому что имъ покровительствовали и Правительство, и частныя лица; а ниже всѣхъ, кажется, Православныя, по тому, во 1-хъ, что онѣ не пользовались покровительствомъ власти; во 2-хъ, что не имѣли способныхъ и дѣльныхъ учителей. Духовенство, исполнявшее тогда повсюду просвѣтительное посланничество, сдѣсь, по выраженію современниковъ, *in tabernis publicis vinum adustum totos dies potant. Cumque jam nec pedes officium faciunt, saepe, velut emortui, in mediis plateis concidunt et obdormiunt.*" ¹²

Между Католическими школами самую громкою извѣстностью пользуется Краковская Академія. Первая по времени основанія, ¹³ она сдѣлалась первою по своей учености. Въ то время, когда другія Академіи развлекались разными, чуждыми наукъ, стремленіями, она вѣрно и непреклонно служила чистымъ цѣлямъ науки, не отступая отъ нея ни на шагъ. Въ то время, когда въ другихъ школахъ господствовали исключительно Богословіе и Риторика

Краковская Академія дала у себя приютъ всѣмъ извѣстнымъ тогда наукамъ. Основанная по образцу заграничныхъ Университетовъ, она сдѣлалась представительницею Западно-Европейскаго образованія на Польско-Литовско-Русской почвѣ. Сюда стекались, для слушанія лекцій, Поляки, Литовцы, Русскіе, Угры и другіе иностранцы. Посмотримъ, чему они выучились здѣсь.

Наука Академическая дѣлилась на четыре Факультета: Богословскій, Философскій, Юридическій и Медицинскій. ¹⁴

Богословскій Факультетъ считался главнымъ: онъ обнималъ собою всѣ Богословскія науки. Поступить на этотъ Факультетъ могъ только тотъ, кто предварительно учился свободнымъ наукамъ (*artes liberales*) и приобрѣлъ за познанія въ нихъ степень Магистра. По вступленіи на Факультетъ, студентъ обязывался изучать два года *Sententias* Петра Ломбарда и посѣщать бесѣды и диспуты Богословскіе, происходившіе въ Академіи каждый день. ¹⁵ После двухлѣтняго обученія, испытанный студентъ посвящался въ санъ Священника и удостоивался права преподавать въ Академіи (въ качествѣ Приватъ-Доцента). Для того, чтобы Богословъ былъ признанъ настоящимъ Профессоромъ, нужно было выдержать еще два испытанія: на Магистра и на Доктора. Этотъ Факультетъ имѣлъ цѣлью образованіе духовенства.

Философскій Факультетъ по справедливости стоитъ того, чтобы назвать его именемъ цѣлаго учрежденія, по тому что онъ-то былъ собственно Академіею, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Здѣсь преподавались: Схоластическая Философія, Математика (Астрономія и Астрологія) и Литература. Тонъ всему давала древняя Философія, почерпнутая изъ книгъ древняго мудреца, Аристотеля. Въмѣстѣ съ своими объяснителями, онъ занималъ и поглощалъ всѣ умы, всѣ науки. Онъ служилъ источникомъ знанія, а его объяснители образцомъ критики и предметомъ ученыхъ диспутовъ и прѣвій, Философіею Аристотеля объясняли Откровеніе; его Эстетика дала начало Схоластической Логикѣ и Риторикѣ; его Естественное знаніе замѣняло Физику; словомъ, Аристотель тогда замѣнялъ собою все. Нужно ли было, на пр., объяснить тайну пресуществленія Евхарістіи въ дѣйствительное тѣло и кровь Христову, или тайну

воплощенія, обращались къ этому оракулу Среднихъ Вѣковъ и, основываясь на его познаніяхъ въ Философіи и Естествознаніи, старались доказать дѣйствительную возможность подобнаго чуда. Такъ же, какъ и на Западѣ Европы, ученые Академики достигали до полной сѣдины въ своихъ келіяхъ, занимаясь изобрѣтеніемъ Философскаго камня, или жизненнаго элексира, или гадаціемъ по звѣздамъ, этѣмъ тайнымъ хранилищемъ судебъ человѣка.

Юридическій Факультетъ имѣлъ задачей изученіе Римскаго и, въ особенности, Каноническаго Права.

На Медицинскомъ Факультетѣ изучалась одна Медицина. Состояніе этой науки было плачевно: Анатоміи не существовало; Химія еще не развертывалась изъ своего зародыша; Ботаника считалась первостепенною Медицинскою наукою. На этомъ Факультетѣ, какъ и на другихъ, преобладала Схоластика: силлогизмы, словопрѣнія имѣли больше вѣса, чѣмъ дѣйствительное знаніе. Независимо отъ этого, существовали весьма стѣснительныя для науки правила: всякій оканчивающій Медикъ давалъ обязательство не выступать изъ предѣловъ, положенныхъ для науки Академическими требованіями, а этѣ требованія состояли въ томъ, чтобы Медикъ не смѣлъ помышлять даже о развитіи науки, или, какъ тогда выражались, не вольнодумничать. ¹⁷ Разсматривая Схоластическіе трактаты того времени, невольно удивляешься колизму ихъ выводовъ, не имѣющихъ ни чего общаго съ точною наукою; не смотря, однако же, на это, мы готовы отнестись къ нимъ скорѣе съ благоговѣніемъ, чѣмъ съ насмѣшкою, по тому что имѣемъ на памяти основоположеніе, ради котораго создавались этѣ трактаты. Ученые того времени, иногда до смерти трудившіеся на поприщѣ чепухи, но чепухи въ настоящемъ, а не по отношенію къ прошлому, посвящавшіе этой ученой чепухѣ лучшіе годы своей молодости, наживавшіе при ней горбъ, морщины и сѣдину, были люди высшаго образованія: они все таки служили жертвеннику науки. Кромѣ справедливаго уваженія къ такому тяжелому и кропотливому труду, какъ наука, мы должны помнить заслуги тогдашнихъ ученыхъ, оказанныя въ другомъ направленіи. Своими примѣромъ они создавали и поддерживали въ обществѣ стремленіе къ образованію. Громкая

извѣстность, пріобрѣтенная Академіею за границую, привлекала къ себѣ учениковъ отовсюду. Трудно представить себѣ, сколько лѣтъ полнѣйшаго невѣжества провели бы люди безъ этого высшаго, ученаго учрежденія. Мало того: Академія была расадникомъ многихъ школъ низшаго разряда, давала имъ учителей, заботилась объ ихъ улучшеніи. Къ числу школъ, подвѣдомыхъ Академіи, относятся прежде всего Семинаріи. Въ одномъ Краковѣ ихъ считалось семь. Кромѣ Семинарій, Академіи подчинялись еще другія училища, въ Краковѣ, Познани, гдѣ, кромѣ того, существовала Коллегія, въ Холмѣ, Пинчовѣ, Тарновѣ, Корчнѣ, Гѣзѣнѣ, Влодавѣ, Варшавѣ, Плоцкѣ, Пултускѣ, Перемышлѣ, Львовѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Преподаваніе въ этихъ школахъ ни чѣмъ не отличалось отъ Академическаго; какъ здѣсь, такъ и тамъ, оно не выступало изъ границъ Схоластики. О другихъ школахъ мы знаемъ такъ мало, что приходится ограничиться двумя, тремя, голыми указаніями. Объ Езуитской Академіи въ Вильнѣ намъ извѣстно, что она основана въ 1569 году подъ именемъ Коллегіи, а переименована въ Академію въ 1578 г.; что она дѣлилась на 7 классовъ, по которымъ размѣстились Богословіе и Классицизмъ. *Infima, Grammatica, Syntaxis, Poësia, Rhetorica* составляли пять низшихъ классовъ, *Philosophia* и *Theologia* два высшихъ. Изъ этого дѣленія видно, что Езуиты обращали исключительное вниманіе на изученіе Латыни и Богословія. Философскій, Юридическій и Медицинскій отдѣлы Краковской Академіи здѣсь не существуютъ. Подобно Краковской Академіи, она имѣла подчиненныя себѣ школы въ Познани, Львовѣ, Калишѣ, Краковѣ, Каменцѣ и въ другихъ мѣстахъ.¹⁸ Что касается Протестантовъ и Православныхъ, то школы первыхъ существовали въ Лешнѣ, Козминкѣ, Любартовѣ и Холмѣ, а послѣдніе образовали училища въ Кіевѣ, Острогѣ, Львовѣ, и въ тѣхъ городахъ въ послѣдствіи, гдѣ были Братства. И въ этихъ школахъ преподаваніе шло Схоластическимъ путемъ. Не смотря на всеобщее господство Схоластики, которая не щадила, какъ кажется, ни какихъ силъ на то, чтобы затуманить голову и закутать мысль въ непроницаемую пелену, изъ которой бы она развернуться не сумѣла, не смотря, однако, на все это, мысль не переставала работать. Принужденная трудиться за стѣнами Академіи, въ области вопросовъ не разяснимыхъ, она пріобрѣтала оытность и, выступивши на поприще общественной

жизни, стала трудиться надъ разрѣшеніемъ вопросовъ разрѣшимыхъ, и разрѣшала ихъ легко, по тому что они были легки въ сравненіи съ Академическими. Мы встрѣчаемъ въ XVI стол. много дѣателей на различныхъ поприщахъ, дѣателей, учившихся нѣкогда въ этѣхъ школахъ. Одни изъ нихъ оказали великія услуги обществу дѣятельностью на военномъ поприщѣ Государственнаго управленія, другіе вошли въ общество учителями, и уча, доканчивали его образованіе, начатое въ школахъ. Въ тѣ времена на общество производили сильное вліяніе сатира, краснорѣчіе и исторія; остальные науки дѣйствовали не прямо, а косвеннымъ путемъ. Знакомство съ училищами страны еще не исчерпываетъ всѣхъ образовательныхъ силъ ея. Независимо отъ школъ, страна располагала и другими средствами для распространенія образованія. Богатые и даже небогатые Дворяне иногда предпочитали образовывать своихъ дѣтей дома. Этотъ путь имѣлъ свои хорошія и дурныя стороны. Съ одной стороны можно было ожидать лучшихъ слѣдствій, чѣмъ тѣ, которые давала школа, по тому что ни чѣмъ нестѣсненный учитель могъ освободиться отъ школьной Схоластики и, выѣстѣ съ собою, освободить и ученика. Съ другой стороны отсутствіе надзора давало учителю право на произволъ, учить чему угодно и какъ угодно. Изъ собранія свѣдѣтельствъ, приводимыхъ современниками о домашнемъ образованіи, видно, что оно шло, говоря вообще, не совсѣмъ удачно, по тому что личность учителя цѣнилась низко, его уважали вообще дурно, а отъ такого порядка вещей не лзя ждать хорошихъ плодовъ. Между Дворянами того времени были еще такіе, которые не удовлетворялись родными школами; они искали чего-то высшаго, чего-то лучшаго. Этѣ-то люди высылали своихъ учиться за границу. Такъ какъ жизнь есть другая школа, въ которой каждый человекъ доканчиваетъ свое образованіе, то намъ необходимо послѣдовать за человекомъ изъ школы въ жизнь и посмотреть, чему онъ выучился въ этой послѣдней школѣ. Первое вниманіе обращаютъ на себя передовые учителя, писатели, которыхъ всѣ уважали, которыхъ книжки почти всѣ читали (многіе, по крайней мѣрѣ, читали), которые дѣйствительно содѣйствовали сложенію и образованію общественнаго смысла, ума и убѣжденій. Знакомство съ ними проливаетъ довольно яркій свѣтъ на исторію XVI в. Укажемъ на нѣкоторыхъ.

Николай Рей. Воспитанникъ Краковской Академіи, зѣвавшій на лекціяхъ замысловатыхъ Профессоровъ, сталъ скептически относиться къ ихъ наукамъ, бросилъ и ихъ, и науку, и явился въ жизнь съ комическимъ и сатирическимъ настроеніемъ духа, готовымъ посмѣяться надъ каждою слабостью, надъ каждымъ недостаткомъ. Послѣ его смерти осталось много сочиненій. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія, мы остановимся на одномъ главномъ. Оно озаглавлено такъ: «Zwierciadlo, albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może wzyna. sprawom, jako we zwierciadle, przypatrzycь (напеч. 1568 г.). Оно распадается на отдѣлы, изъ которыхъ важнѣйшіе суть:

1.

Какого рода занятія родители должны доставлять своимъ дѣтямъ?

«Родители должны вмѣнить себѣ въ обязанность позаботиться се о томъ, какое бы образованіе дать дѣтямъ, по тому что наше естество есть голая доска, на которой, что напишешь, то на вѣки и останется» (tabula rasa, Аристотеля). По его мнѣнію, образованіе должно состоять въ томъ, чтобы дѣти выучились читать, ѣздить верхомъ, метать копья, стрѣлять въ цѣль и въ легъ. Ни чего не мѣшаетъ дѣтяти иногда посидѣть въ благородномъ и не пьяномъ обществѣ, поболтать, поострить. Не мѣшаетъ также попрыгать, поиграть на лудкѣ, все это прекрасное препровожденіе времени. Заниматься подобными дѣлами гораздо лучше и благороднѣе, чѣмъ пролежать боровомъ въ берлогѣ и потратить по пустому время, этотъ дорогой даръ, который, если уйдетъ, то уйдетъ на вѣки и назадъ не вернется. Нѣтъ вещи гаже гнусной лѣности. Мы видимъ на лошадяхъ и другихъ животныхъ, что чѣмъ больше выдерживаешь ихъ, тѣмъ они умнѣе; волъ же такъ таки воломъ и останется (такъ!). Огонь тѣмъ ярче горитъ, чѣмъ больше сухихъ полѣнъ положишь; такъ и юноша. Далѣе онъ совѣтуетъ, чтобы знанія сообщались дѣтямъ не вдругъ, а съ постепенностью, по тому что, въ противномъ случаѣ, выйдетъ то же, что съ проливнымъ дождемъ, который побиваетъ растенія и мѣшаетъ ихъ съ грязью.

2.

Произведенія ума не могутъ быть дурными.

Ни въ какомъ случаѣ не лѣзя назвать хорошимъ того, что не сдѣлано съ помощью ума, честности и нравственности. Всѣ богатства и дары судьбы можно назвать въ одно и то же время и дурными, и хорошими. Если употребляемъ ихъ умѣренно и честно, имѣя въ виду не однихъ себя, но и ближнихъ своихъ, то само Св. Писаніе не воспрещаетъ намъ пользоваться ими; но если мы, бросившись на нихъ съ алчностью, предадимся обжорству и пьянству, на свою же голову, тогда этѣ блага становятся дурными. Такъ, на пр., баринъ въ какихъ бы богатыхъ ни сидѣлъ палатахъ, какъ бы пышно онъ ни одѣлся и надушился, а ума въ немъ нѣтъ, то ни какіе духи ни чего ему не помогутъ; онъ завоняется какъ козель (такъ!). Снимите съ него золотое покрывало, уши, хвостъ, грѣлова и цѣля обличать въ немъ чорта. И органы хороши, пока не разстроены; разстрой ихъ, и, вмѣсто музыки, получишь сопѣнію. Вотъ свойство вещей. Палачъ—явленіе гадкое; ибо наноситъ человѣку смерть; но что дурнаго онъ можетъ сдѣлать, если ему не дать повода сдѣлать дурное? Мечъ весьма дуренъ; ибо проливаетъ кровь человѣческую; но не подавайте повода, онъ самъ не подойдетъ къ вамъ, не ударитъ васъ. Золото блеститъ въ какомъ угодно грязномъ мѣшкѣ; такъ и честный человѣкъ; дурное ему мѣшать не можетъ.... Честный и умный человѣкъ подобенъ солнечному лучу, который освѣщаетъ, согреваетъ и осушиваетъ всѣ углы, и хорошъ не только для самаго себя, но и для другихъ. Опытный морякъ полезенъ и себѣ, и другимъ; то же самое лѣкарь и судья и вообще умный человѣкъ. Случается видѣть, что яной такую силу приобретаетъ надъ львомъ, что сообщаетъ ему робость зайца; а тотъ опять водитъ медвѣдя за носъ, другой же умѣетъ укротить дикую, табунную лошадь на столько, что она становится на колѣна, когда онъ садится на нее. На все нужно умѣнье. Точно такимъ же способомъ можно укротить упрямыхъ и сильныхъ людей, — этого льва свирѣпаго, и обуздать этѣхъ бѣшеныхъ лошадей, этѣхъ медвѣдей, называемыхъ мужиками (такъ!).

3.

Что такое правда?

Должно быть правда вещь великая, когда самъ Богъ назвалъ себя правдою. Это Майскій дождь для растений. Честный человѣкъ столько долженъ заботиться объ ней, чтобы его слово было по Евангелію: да, да; нѣтъ, нѣтъ, и чтобы онъ не вилялъ на право и на лѣво. Не даромъ же наши предки держались этого полезнаго правила: Ты дѣлай себѣ, что хочешь, шути, какъ хочешь, но не появляйся съ ложью, по тому что на языкъ аппелляціи нѣтъ.» Правду можно назвать лучшимъ сокровищемъ человѣка.

4.

Объ истинномъ другѣ, какъ его найти и какъ беречь.

Если тебѣ удастся встрѣтить человѣка, котораго ты можешь назвать своимъ другомъ, о, то береги его, какъ сокровище; ибо поступки въ дружбѣ играютъ такую роль, какъ салатъ при жаркомъ: (такъ!) гдѣ они не искренны, то это все равно, что красный хвостъ у гадкой лошади. Раскрась такого человѣка самымъ лучшимъ образомъ, а кляча клячей такъ и останется. Если же между друзьями выростетъ и окрѣпнетъ любовь, то что можетъ быть роскошнѣе? У нихъ все общее, у нихъ покровъ и защита. Случится ли болѣзнь, или другое несчастье, другъ начинаетъ суетиться, утѣшаетъ, бѣжитъ за врачомъ; словомъ, хлопочетъ больше, чѣмъ для самаго себя. Случится ли одному изъ нихъ запутаться въ тяжбу, смотри, уже другой сейчасъ подаетъ помощь.

5.

Чтеніе есть очень полезное дѣло.

Если умѣешь читать, не пріятно ли во время досуга почитать книжку, познакомиться съ своими правами и обязанностями? Побесѣдовать съ мудрецами и философами, познакомиться съ

подвигами людей, записанными въ книжкахъ, значить почти то же, что изѣздить весь свѣтъ, видѣть все собственными глазами, быть вездѣ самому: и все это получаешь сидя дома, не дѣлая ни шагу. Не удовольствіе ли узнать природу разныхъ животныхъ, каждой птички, каждого деревца, каждой травки? Тутъ можно и хозяйству выучиться и въ нуждѣ помочь себѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ обществѣ дармоебытомъ, ни чего не знающимъ. Далѣе совѣтуетъ читать не Горация и Овидія, а исторію людей; ибо чтеніе Исторіи гораздо полезнѣе сухихъ росказней обоихъ вмѣстѣ.

6.

Какъ славно Польское Королевство?

Указавши сначала на богатство страны, на значеніе ея между сосѣдними Государствами, онъ переходитъ къ изображенію темной стороны ея, и представляетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: «Посмотрѣвши на обратную сторону медали, отыщешь ли другое несчастное, пошлое и беззаботное Государство, какъ наша славная отчина? Ни одинъ народъ, ни одна орда, даже Цыганская, не могутъ быть сравниваемы съ нею: они лучше обезпечены, чѣмъ наше Королевство. На тотъ случай, когда непріятель вторгается внезапно въ наши предѣлы, есть ли у насъ какое ни будь прочное учрежденіе, вмѣсто этѣхъ пустынныхъ вещей? (воззваніе къ войнѣ)! Или, есть ли у насъ постоянное мѣсто сбора? Или, знаемъ ли мы навѣрное положеніе дѣлъ непріятеля? Посмотри на любого изъ насъ! Готовъ, какъ говорится, съ чортомъ мѣряться, а посмотри, когда ударитъ легкая тревога; что съ ними тогда дѣлается! Бѣгаютъ, мечутся, не знаютъ куда дѣваться. Умные бѣжатъ, а простаки прячутся по лѣсамъ. Какъ тутъ непріятелю не набрать отваги и какъ не влюбиться чорту въ безпечную душу, зная такихъ славныхъ, богатыхъ и храбрыхъ людей, и зная также ихъ безпечность и безурядицу? Послушайте-ка со стороны, какъ подтруниваютъ надъ нами Поганые; а между тѣмъ; какъ бы они боялись насъ, если бы у насъ былъ заведенъ порядокъ! Если бы не милосердый Богъ, чтобы съ нами было доселѣ; да и Ему скоро надобѣтъ наше хозяйничанье.»

Другой писатель, воспитывавшійся въ той же Академіи, что и Рей, но дѣйствовавшій не силою насмѣшки, а силою положительнаго убѣжденія, былъ Лука Гурницкій. Его сочиненія принадлежатъ къ разряду сочиненій важнаго значенія. Онъ занимался Исторіею и Публицистикою. Изъ сочиненій его мы приведемъ одно «Dwozapan» (Придворный). Вотъ его содержаніе: «Была у Грековъ пословица: Живи такъ, чтобы никто не чувствовалъ, что ты существуешь на свѣтѣ. Плутархъ порицаетъ эту пословицу и доказываетъ, что нѣтъ человѣка, которому было бы прилично оставаться во тьмѣ; ибо кто живетъ разумно, тому нѣтъ нужды скрываться по угламъ; онъ выходитъ на свѣтъ, и приноситъ пользу нуждающимся въ ней; дураку тоже не зачѣмъ скрываться: обнаруживая свои недостатки, онъ можетъ найтти врача, который его вылѣчитъ. Я согласенъ съ Плутархомъ и говорю, что какъ ушному, такъ и глупому, не слѣдуетъ отыскивать себѣ мѣста между мертвецами: глупецъ долженъ обнаруживать свою глупость для того, чтобы избавиться отъ нея (позволить себя лѣчать значитъ сдѣлать первый шагъ къ мудрости); умный же обязанъ радѣть объ общественномъ благѣ, пріобрѣтать похвалу и славу, но не сходитъ въ могилу молча, какъ сходятъ безсловесныя животныя. Желая оставить воспоминаніе о своей привязанности къ народу, я задумалъ писать о «Придворномъ», взявши мысль у Графа Бальцера Кастильоне (Balcega Castiglione).....»

«Мнѣ кажется, что всѣ эти забавы, какъ то: пляска, игра, музыка, вещи пустыя и способны скорѣе унижить человѣка, чѣмъ украсить его; ибо всѣ увеселенія, которыя изобрѣтаются изъ угожденія женщинамъ, что ни говорите себѣ, а они рѣдко ведутъ къ добру: мужчина обабится, а юноша непремѣнно развратится. Цѣль, къ которой придворный долженъ стремиться, есть та, по моему мнѣнію, чтобы говорить правду своему господину, чтобы направлять его на добро и честность. Веселый, умный, ловкій придворный всегда найдетъ случай кстати вернуть слово и наглядно показать своему господину, сколько добра получать его подданные и онъ самъ, когда будетъ оправедливъ, щедръ и великодушенъ, и, наоборотъ, какъ много потеряетъ онъ отъ жадности, ничтожества (мелочности) и другихъ недостатковъ.» Да-

лѣе, воображая ничтожность и глупость придворныхъ, жившихъ въ его время, онъ сравниваетъ ихъ съ гробами похороненными, и находитъ, что они не только похожи на эти гробы, но что даже хуже ихъ, по тому что такой гробъ крѣпко склоченъ и установленъ, и не скоро, по этому, рассыплется, а они разваливаются уже теперь.

Ознакомившись съ этими двумя писателями XVI вѣка, мы переходимъ къ тѣмъ передовымъ дѣятелямъ, которые учились въ Протестантскихъ школахъ. Что же касается учениковъ Езуитскихъ Коллегій, то объ нихъ мы не беремся говорить, такъ какъ между ними мы не отыскали ни одного, который написалъ бы дѣльное сочиненіе небогословскаго содержанія.²⁰ Знаніе же Богословія не завершаетъ собою еще полноты образованія, и для этого нужны другія знанія, другія науки, знаніе права, природы, людей; а въ этой области Езуиты не принесли, кажется, ни какой пользы тогдашнему обществу; кромѣ знанія Латини, другихъ положительныхъ знаній они не дали. Другое видимъ въ людяхъ школъ Протестантскихъ. Для образца приведемъ нѣскольکو мыслей одного изъ нихъ.

Гличнеръ (такъ назывался тотъ ученый, о которомъ мы наѣбремы говорить) написалъ книжку о воспитаніи дѣтей. Въ ней говорится, что дѣтя не слѣдуетъ иѣжить, а воспитывать его запросте и, отдавши на науку въ училище, пригрозить, чтобы оно не стало похоже на тѣхъ, которые не прилежны въ наукахъ, которые ходятъ изъ кабака въ кабакъ, отыскивая, гдѣ лучшее вино, или пиво.» Въ школахъ юноши должны находиться подъ присмотромъ хорошаго учителя, а, по окончаніи ученія, родители должны предоставлять имъ свободный выборъ службы и занятія и не привлекать ихъ, ради денежныхъ выгодъ, къ духовному саму. «Ты готовишь сына въ Священники, хотя онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты поступить въ духовный санъ; пусть сынъ твой возьметъ въ руки плугъ и, погоняя воловъ, слѣдается хорошимъ мужикомъ: это лучше, чѣмъ быть плохимъ Попомъ.»²¹ Потомъ совѣтуютъ женить сына до 30-ти лѣтъ, а при выборѣ невѣсты «обращать больше вниманія на добродѣтели, чѣмъ на красоту лица и деньги.»²²

Мы замѣтили выше, что нѣкоторые родители не желали воспитывать своихъ дѣтей въ общественныхъ школахъ и предпочитали имъ домашнее воспитаніе и воспитаніе за границей. И то, и другое не оставалось безъ послѣдствій для общества. И тамъ, и здѣсь, и дома, и за границей удавалось нѣкоторымъ людямъ образоваться на столько, чтобы прослыть въ послѣдствіи знаменитыми Государственными людьми и даже учеными. На небосклонѣ того вѣка блестяли довольно яркія звѣзды, какъ, на пр., Ягъ Тарновскій, Карлъ Радивилъ, Юрій Осолинскій, Левъ Сапега. Но ярче всѣхъ сіяли личности Яна Замойскаго, Константина Острожскаго и Коперника. Первый и второй прославились, какъ великіе Государственные люди и покровители науки, послѣдній какъ величайшій ученый. Замойскаго современники называли величайшимъ изъ Канцлеровъ. Онъ написалъ сочиненіе о Римскомъ Сенатѣ, которое пользовалось долгое время славой авторитета. Ученикъ заграничнаго Университета, по возвращеніи на родину, основываетъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Замостьѣ, Академію, куда приглашаетъ различныхъ Профессоровъ, кромѣ Профессора Богословія. «Между учениками есть много дѣльныхъ юношей, обещающихъ въ будущемъ многое. Самъ Канцлеръ посѣщаетъ Академію и въ теченіи года, и во время испытаній, и самъ задаетъ вопросы. У Канцлера большая бібліотека.» Такъ говоритъ о немъ его современникъ, иностранецъ Моганте. ²⁸ Личность Коперника слишкомъ громкую и обширную получила извѣстность, чтобы распространяться о ней. Извѣстно, что его новая система произвела переворотъ и въ наукѣ, и въ жизни. Съ именемъ Острожскаго неразрывною цѣпью связано воспоминаніе о Православіи и Братствахъ. Къ числу личностей, вліявшихъ на общество своею образованностью и умомъ, усовершенствованными въ заграничныхъ Университетахъ, относится личность Андрея Модржевскаго (Протестанта). Онъ оставилъ сочиненіе, носящее слѣдующее заглавіе: «De republica emendanda.» Такъ какъ это сочиненіе даетъ, во 1-хъ, понятіе о взглядѣ лучшихъ людей того времени на Государство, и, во 2-хъ, понятіе о томъ, чему этѣ люди хотѣли научить читающее общество, то не лишне ознакомиться съ его содержаніемъ:

«Республика, говоритъ онъ въ началѣ книжки, есть разумное собраніе людей, составленное изъ сосѣдей для взаимной поль-

зы и добра (Теорія XVIII вѣка. Въ этомъ случаѣ онъ опередилъ своихъ современниковъ двумя столѣтіями). Республика есть организмъ, въ которомъ нѣтъ ни одного органа, который служилъ бы одному себѣ, но и око, и руки, и ноги служатъ взаимно другъ другу: они выполняютъ свою службу такъ, чтобы цѣлый организмъ благоденствовалъ; ибо если цѣлому организму хорошо, то и отдѣльнымъ органамъ не обидно..... Какъ членъ, оторванный отъ тѣла, никуда не годится, такъ и членъ Республики, оторванный отъ нея, не можетъ и не долженъ жить. Та Республика совершеннѣйшая, въ которой всею управляетъ власть Королевская, въ которой должности даются достойнѣйшимъ, и въ которой все находится подъ однимъ закономъ.» Такъ какъ дѣятельность людей зависитъ въ значительной степени отъ того, какое они получили воспитаніе, то Модржевскій сейчасъ же переходитъ къ этому вопросу, и подаетъ совѣты и наставленія, которыми родители, по его мнѣнію, должны строго слѣдовать; если хотятъ возможно лучшимъ образомъ воспитать своихъ дѣтей. «Пусть родители приложатъ стараніе на то, чтобы ихъ дѣти съ начала образованія читали и выучивали такія книги, изъ которыхъ бы они уже въ дѣтствѣ узнавали, что честно, а что не честно, а особенно должны отъучать ихъ отъ роскоши; ибо кдѣ роскошь становится козачиномъ, тамъ нѣтъ добродѣтели. Пусть они научатъ дѣтей владѣть себя въ пищѣ: пища не должна быть горчичною, по тому нто возрастъ и безъ того горячій, а чѣмъ же подливалъ въ огонь масло? Пусть они научатъ ихъ переносить жаръ, холодъ и твердую постель. Они обязаны смотрѣть, чтобы ихъ мальчнни и дѣвочки не проводили первые молодые годы въ лѣности, а для этого пусть дѣлаютъ такъ, чтобы они всегда имѣли работу и давали отчетъ въ одѣланномъ. Не слѣдуетъ воспрепятствовать имъ верхоюй ѣзды, прогулокъ, прыганья и метанья камнемъ и игры въ мячъ, но только въ мѣру. Пусть еще научатъ ихъ понимать свои отношенія къ родителямъ, сосѣдямъ и Государству, пусть водятъ ихъ въ церковь. Узнавши способности юноши, родители обязаны дать ему такое занятіе, къ которому онъ обнаруживаетъ больше охоты. Такъ какъ дѣти не только ушами, но и глазами, берутъ примѣръ, прежде всего, съ своихъ родителей, то послѣдніе должны такъ жить и поступать, какъ хотѣли бы, чтобы въ послѣдствіи ихъ дѣти жили и поступали. Отецъ пьяни-

ца не докажетъ того чуда, чтобы въ сынѣ могъ возбудить трезвость; мотъ не научить сына умѣренной и скромной жизни; разбойникъ, жестокосердый и кровопийца не поселить въ своихъ дѣтяхъ мягкости, кротости и любви къ народу. Сыновья великихъ баръ почти все воспитываются въ нѣгѣ и развратѣ: ихъ развешаютъ пляскою, музыкой и безстыдными пѣснями, окружаютъ льстецами, теплою прислуги и учителями, и по этому они очень рано знакомятся съ чванствомъ, спесью и дерзостью, прежде умѣютъ различать шелковое платье отъ не шелкового, чѣмъ начинаютъ говорить, завидуютъ на золотыя цѣпи и огромную челядь; еще въ дѣтствѣ думаютъ о томъ, какими они сдѣлаются Господами. Набравшись такихъ привычекъ, они не поддадутся уже ни какой наукѣ, ни какой учитель не переучитъ ихъ; что они всасали въ себя съ молокомъ, того во всю жизнь свою не покинутъ. Обыкновенно родители высматываютъ дѣтей своихъ ко Дверу, но это не всегда полезно для юноши. Теперь придворнымъ убиваютъ время въ игрѣ въ кости, въ пьидствѣ, въ сластолюбии, презираютъ не только физическій трудъ, но и умственное упражненіе.»

Отъ Педагогика Модржевскій переходитъ собственно къ Государству и говоритъ: «Независимо отъ Короля и Сената, огромное вліяніе у насъ на дѣла имѣетъ Шляхта, которая высматываетъ на Сеймъ изъ каждаго Повѣта пословъ, безъ согласія и позволенія которыхъ ни одинъ законъ, ни одинъ уставъ не получаетъ силы и дѣйствительности; на нихъ-то лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы Государство не потерпѣло какого ни будь ущерба. Однако часто случается, что они больше заботятся о своихъ словесныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ Государства.» Такъ какъ благо Государства зависитъ также отъ людей, окружающихъ особу Короля, то онъ останавливается и на этомъ вопросѣ: «Кромѣ лопоухаго Сената не ищетъ, чтобы Короля окружали лица, достойныя довѣрія, съ которыми онъ могъ бы совѣтываться о дѣлахъ. Совѣтники Короля не должны быть корыстолюбивы и мстительны; ибо сердце, належащее подъ вліяніемъ любви, или ненависти, не способно узнать правду.» Коснувшись Сената, онъ замѣчаетъ, что подача голосовъ лицена разумнаго основанія и нуждается въ преобразованіи. «Я считаю очень вреднымъ полагаться на количество голосовъ, а не на дѣйность ихъ, говоритъ онъ, и

въ доказательство приведу басню. Члены человеческого тѣла разсуждали однажды о солнцѣ, о томъ, свѣтлое ли оно, или темное? Всѣ члены сказали темное, одни глаза только утверждали, что свѣтлое. Умъ, собравши голоса, утвердилъ мнѣніе глазъ, хотя большинство голосовъ и не было на ихъ сторонѣ. Остальные члены разсердились; тогда ихъ спросили: какая разница между свѣтомъ и тьмою? Овѣта они не дали, по этому рѣшеніе ума признано удовлетворительнымъ.*

Слѣдующій отвѣтъ онъ посвящаетъ вопросу о Старостахъ. Старосты, по его мнѣнію, обязаны поддерживать спокойствіе между людьми, давать отпоръ внезапному нападенію врага, приводить въ исполненіе рѣшенія Короли и судей. Между тѣмъ я видѣлъ собственными глазами безправіе по городамъ и замкамъ, точно будто мы живемъ въ лѣсу. Милостивѣйшіе Государи! Вы очень лѣнны, и лѣнность ваша приноситъ большой вредъ обществу и благосостоянію; по этому васъ слѣдуетъ подвергнуть тяжелому наказанію.* Далѣе онъ останавливается надъ Государственнымъ устройствомъ Греціи и Рима, и приходитъ къ мысли о необходимости учредить общественныхъ надзирателей (цензоровъ). У Грековъ и Римлянъ существовали надзиратели. Сенаторы, Дворянинъ, женщина и остальная толпа помнили свои обязанности, по тому что иначе подвергались наказанію. У насъ также слѣдуетъ завести подобную стражу: во 1-хъ, для надзора за супружескою сваволью; во 2-хъ, за торговлею, не допуская продавать дорого тогда, когда произведенія дешевѣютъ (о хлѣбѣ), и не дозволяя одному лицу закупать товаръ по всему Государству; въ 3-хъ, за общественными аданціями, сберегая ихъ отъ разрушенія и огня; въ 4-хъ, за общественномъ нравственностію, преслѣдуя пьяницъ и враздоматающихъ, по тому что Богъ еще въ началѣ міра поставилъ, чтобы человѣкъ въ потѣ лица смывалъ себѣ хлѣбъ. Разнообразіе членовъ дамо не напрасно, но какъ птицамъ крылья для летанья, такъ человѣку члены для работы. Трудъ укрѣпляетъ наши видшія чувства, бездѣйствіе, напротивъ, ослабляетъ ихъ. Негодяй тотъ, кто ѣстъ хлѣбъ, добытый трудомъ чужихъ рукъ. Наконецъ надо обратить вниманіе на нищихъ и за ними ввести надзоръ. Есть несчастные, которые въ самомъ дѣлѣ не могутъ трудиться, но есть и такіе, которые шатаются по

улицамъ и, принявъ на себя видъ калѣкъ, выпрашиваютъ милостыню: этѣхъ нужно заставить работать. Для всего этого нужно создать такую должность, чтобы человекъ, занимающій ее, исключительно завѣдывалъ этѣми людьми.» Отсюда онъ переходитъ къ должностнымъ лицамъ и совѣтуетъ, чтобы они набирались по заслугамъ. «Король пусть не увлекается древностью происхожденія: это дымъ; а пусть ознакомится съ его рѣчью, съ его совѣтами, пусть узнаетъ его поступки. Многие думаютъ, что при раздаваніи должностей нужно руководствоваться происхожденіемъ, а не талантами; это ошибка, и ее надо исправить. Если врачъ не родитъ врача, ремесленникъ ремесленника, то подобающее ли дѣло, чтобы Дворянинъ родилъ Дворянина?» Отдѣлъ XX-й этой книги рассуждаетъ объ отношеніяхъ Господъ къ крестьянамъ. «Въ числѣ привилегій есть привилегія, въ силу которой дѣти наследуютъ по отцамъ власть надъ крестьянами. Эта власть у насъ имѣетъ очень жестокую форму: ибо кметъ (крестьянинъ), получившій самую тяжкую обиду, не имѣетъ права жаловаться на своего господина; а есть такіе жестокіе господа, что обходятся со своими слугами, какъ съ скотиною. Учрежденные для этого надсмотрщики обязаны узнавать о такихъ господахъ и подвергать ихъ наказанію. Бусурмане и тѣ лучше обходятся съ людьми; ихъ законъ воспрещаетъ обращать въ неволю людей одной съ ними Вѣры. А мы, исповѣдующіе истинную Вѣру Христа, не стыдимся держать въ неволѣ такихъ же, какъ и мы, Христіанъ, отнимаемъ у нихъ землю, имущество, а другіе даже продаютъ ихъ, какъ скотину.» Переходя къ вопросу о законахъ, онъ говоритъ: «Законы должны быть справедливы и устремлены къ общей пользѣ; ибо кто скажетъ спасибо за такое лѣкарство, которое одну часть тѣла излѣчиваетъ, а другой вредитъ? Въ нашемъ Государствѣ существуетъ между тѣмъ законъ, на основаніи котораго крестьянинъ, убившій Шляхтича, наказывается смертью, а Шляхтичъ, убившій мужика, можетъ откупиться денежной пеней. Каждое насилье, въ особенности же убійство, должно всегда наказываться смертью. Что жъ это за звѣрство, что мы такъ мало цѣнимъ жизнь мужика, того человекъ, безъ услугъ котораго мы существовать не можемъ? Но насъ не трогаетъ горе простого человекъ, насъ не шевелитъ кровь невинно убитыхъ. Бойтесь Бога и Его суда, чтобы онъ не наслаждъ на васъ бури, ко-

торая можетъ обрушить не только дома и народы, но и самое имя ихъ!»

Разсуждая о различныхъ судахъ, онъ выражаетъ мнѣніе, что не всѣ дѣла должны поступать на судъ Короля и Сеймовъ, ибо ихъ накопляется такое огромное количество, что Король физически не въ состояніи управиться съ ними; Сеймы бываютъ часто, а между тѣмъ люди не перестаютъ терпѣть притѣсненія отъ ихъ притѣснителей и враговъ. Для разбирательства жалобъ нужно учредить Верховный Судъ, который состоялъ бы изъ девяти мужей (трехъ изъ Духовенства, трехъ изъ Шляхтичей и трехъ изъ гражданъ), имѣющихъ постоянное засѣданіе, за исключеніемъ праздниковъ, времени жнива и Сейма. Время для окончанія каждаго дѣла можно опредѣлить въ три мѣсяца; судьи, засѣдающіе въ этомъ судѣ, пусть имѣютъ права окончательнаго рѣшенія; не допускающаго переноса, развѣ случилось бы что ни будь новое, безпримѣрное; тогда можно допустить переносъ къ Королю, или на Сеймъ. Рѣшеніе Короля становится для будущаго закономъ. Кромѣ этого въ книгѣ Модржевскаго заключаются еще два замѣательныя разсужденія: одно о правахъ современниковъ, другое о войнѣ. Пропуская вещи, которыя встрѣчаются и у Гурницкаго, и у другихъ, на прим., о пьянствѣ, ѣдѣ, одеждѣ и т. п., укажемъ на тѣ, которыя отличаются самобытностью:

«Намъ не нравится, когда къ намъ говорятъ въ единственномъ числѣ. Требуется обращаться къ лицу, такъ вести рѣчь, какъ будто говоришь ко многимъ. Отсюда все этѣ *wielmożności; jasności, miłości, miłościwanja, wielebności, świętobliwości.*» Право; смѣшной обычай; а какъ начнутъ переплетать свою рѣчь разными *gaszaniem, wasznościami,* да предложеніемъ себя и своихъ услугъ...»

«Прежде чѣмъ непріятель войдетъ въ предѣлы страны, Шляхта усмѣваетъ уже надѣлать людямъ обиды вдоволь и выступаетъ на войну, забирая съ собою слезы народа.» Далѣе онъ ведетъ рѣчь о границахъ, крѣпостяхъ и войнахъ, и требуетъ учрежденія постоянной казны: «Тѣ, кто побогаче, пусть бы внесли въ казну каждый, на первый разъ, половину своихъ доходовъ, а на

слѣдующій, каждый годъ—пятую часть. Всякое должностное лицо и державца—годовой доход (одновременно), кметы же должны быть свободны отъ всѣхъ податей, по тому что они платятъ ежегодную подать своему Пану и каждый день работаютъ на него. Кромѣ той пользы, которую бы принесла подобная казна во время войны, она принесла бы пользу еще и въ другомъ отношеніи: принесла бы пользу тѣмъ, кто бы хотѣлъ занимать у нея, и самой себѣ; ибо вѣритель давалъ бы проценты, 4% или 5%.

Нѣтъ сомнѣнія, что на просвѣщеніе имѣетъ большое вліяніе описаніе путешествій по чужимъ землямъ: знакомство съ чужими краями расширяетъ кругъ мысли и даетъ ей большій просторъ для дѣятельности. XVI вѣкъ нельзя назвать бѣднымъ въ этомъ отношеніи: отъ него сохранились до нашего времени нѣсколько описаній, на др., описаніе Литвы, Московскаго Государства, Іерусалима... Между писателями этого рода извѣстны Гваньинъ, Коммендони, Карлъ Радзивилъ и другіе. Извлеченія изъ путешествій бесполезны въ настоящемъ случаѣ, и по тому, мы ихъ пропустимъ.

Изъ писателей разсматриваемой поры мы нарочно выбрали такихъ, которые изображаютъ современную имъ жизнь въ самомъ выпукломъ видѣ, при помощи котораго, слѣдовательно, осязательно выдаются черты Дворянскаго быта. ²⁴ Давая себѣ отчетъ въ прочитанномъ, мы повторимъ сжато мысли, разсѣяныя отъими писателями по ихъ сочиненіямъ. Изъ нихъ (не говоря о другихъ источникахъ, съ которыми мы будемъ имѣть случаи встрѣчаться въ послѣдствіи) мы узнаемъ, что Польско-Литовское Государство XVI в. страдало отъ очень большихъ язвъ, которыми было покрыто въ различныхъ мѣстахъ своего организма. Язвы отъ коснулись воспитанія дѣтей, коснулись мужчинъ и женщинъ, вообще, кромѣ Короля и крестьянъ, Дворянъ и гражданъ, коснулись управления, суда, закона и частной, домашней жизни въ частности. Изъ нихъ мы узнаемъ, что многіе отцы дурно воспитывали своихъ дѣтей, вселяя въ молодую душу любовь къ роскоши, разврату и безразсудной гордости и жестокости; что многіе изъ нихъ сами были пьяницами, развратными,

гордыми и жестокими. Этѣ же писатели сообщаютъ намъ, что сословіе Дворянъ имѣло огромную власть въ Государствѣ, что за то крестьянское сословіе переносило на себѣ всѣ тягости несвободнаго, рабскаго состоянія, что управленіе, судъ и законы требовали исправленія. Обо всѣхъ этѣхъ недостаткахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ вѣкъ, ни одинъ народъ (есть и всегда были недовольные современнымъ порядкомъ вещей), они, какъ истые патриоты, говорятъ съ досадою и негодованіемъ, пророчески предсказывая своимъ соотечественникамъ неминуемую гибель отъ подобнаго общественнаго строя, если только они не позаботятся объ его исправленіи. «Если бы не милосердый Богъ, не знаю, что было бы съ нами досель; и ему скоро надобѣсть наше хозяйничанье», восклицаетъ Рей. Еще яснѣе видно пророчество гибели въ вѣщихъ словахъ Модржевскаго. Досаду на неуваженіе къ личности крестьянина, онъ заключаетъ свою досаду извѣстнымъ уже намъ обращеніемъ къ Дворянству: «Бойтесь Бога и Его суда! Вѣдь Онъ наслетъ на васъ бурю, которая ни чего не пощадитъ; Онъ истребитъ дома, племя, самое имя народа Польскаго.»

Выражая негодованіе, они въ то же время предлагаютъ средства исправить зло, не упуская изъ виду ни одной стороны жизни. Первообразомъ ихъ стремленій было создать, съ одной стороны, крѣпкихъ и сильныхъ людей, могущихъ наводить страхъ на непріятелей ихъ страны, съ другой — умныхъ, добрыхъ, честныхъ, свободныхъ и образованныхъ гражданъ. Начертивши такой первообразъ, они проповѣдывали: 1) въ области Педагогикки: Поведите воспитаніе дѣтей такъ, чтобы они упражняли и развивали физическую силу и ловкость, занимались наукою, искусствомъ и научились мудрости въ обществѣ честныхъ, бывалыхъ людей. Для достиженія этого заставьте ихъ заниматься гимнастикой, какъ-то: верховою ѣздою, прыганьемъ, пляскою, игрою въ мячъ и т. п., заставьте ихъ читать книги благочестиваго, нравственнаго содержанія, книги описательной естественной исторіи, какъ, на пр., описаніе животныхъ и растений, книги дѣлній челоувѣческихъ (исторію); наконецъ предлагается и музыка, какъ вещь, имѣющая воспитательную силу. Въ каждомъ рядѣ этѣхъ упражненій совѣтуется умѣренность, какъ и во всемъ. Для при-

ученія людей къ терпѣнію, перенесенію невзгодъ и укрощенію страстей, совѣтуютъ подвергать юношей испытанію жара и холода и удалять отъ нихъ роскошь въ одеждѣ, ѣдѣ и напиткахъ. 2) Для введенія лучшихъ началъ въ кругъ общественнаго строя, надо постоянно стремиться къ тому, чтобы всѣ части его согласовались между собою. Лучшее сочетаніе силъ составитъ тогда, когда будутъ соблюдены слѣдующія условія: а) въ главѣ правленія должны стоять Король, окруженный Сенаторами и умными, разумѣется, и честными, совѣтниками; б) передъ закономъ должны быть всѣ равны; в) Шляхетское сословіе не должно тиранствовать надъ крестьянами; г) должны быть учреждены Верховный Судъ послѣдней степени (Трибуналъ); д) должны быть поставлены цензоры для надзора за супружествомъ, трезвостью, трудолюбіемъ, нищими и жестокими Господами; е) должно положить конецъ наѣздамъ и грабежамъ. Этѣ и имъ подобныя мысли и желанія, какъ добрый духъ, носились надъ страной и нетерпѣливо ожидали воплощенія. Но мысли воспринимаются не вдругъ и не всѣми, а полное осуществленіе желаній возможно только въ будущемъ: настоящее бѣжитъ отъ него. Наконецъ, лучшихъ людей всегда и вездѣ не много. Ниже мы увидимъ, какіе изъ ихъ совѣтовъ современники приняли и какихъ не приняли, увидимъ также, что они многого не приняли. При этомъ не могу не замѣтить, что во всѣ времена люди имѣютъ подъ рукою достаточно средствъ для усовершенствованія внутренней природы и матеріальнаго быта, но не всегда умѣютъ, или не хотятъ, пользоваться ими. Съ XVI в. повторилось то же самое, что и со всѣми вѣками. Если какая-ни будь пора и произвела что-ни будь великое, если она дала толчекъ образованію, то не надо забывать, что этѣ толчки обошлись очень дорого: много крови пролито, много стонотъ вознеслось къ небу, прежде чѣмъ осуществились желанія, прежде чѣмъ человѣкъ получилъ то, что было цѣлью его пламенныхъ желаній, его завѣтныхъ стремленій. XVI в., встрѣченный Русскими и Литовцами, потребовалъ себѣ отъ нихъ въ жертву также кровь, и много пролилось ея на алтарь образованія. Правдивое, какъ мѣръ, старое изреченіе говоритъ: «Искупленіе возможно только кровію.»

Отъ школы и учителей обратимся теперь въ другую сторону и посмотримъ на домашній порядокъ Дворянина разсматриваемой поры. Изученіе его, этого порядка, важно для насъ въ настоящемъ случаѣ въ двоякомъ отношеніи: домашняя обстановка и домашнія занятія служатъ и всегда служили школою для дѣтей (будущихъ гражданъ); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи важно изученіе домашней жизни, какъ школы. Далѣе: домашняя жизнь человѣка опредѣляетъ его личность. Пусть мнѣ расскажутъ, когда такой-то человѣкъ встаетъ съ постели, чѣмъ онъ занимается въ продолженіи дня, когда ложится спать, когда ѣсть и что ѣсть, какъ проводить досугъ, т. е., чѣмъ и какъ онъ развлекается и забавляется, во что онъ одѣвается, и я, едва ли не безошибочно, могу заключить о самой личности, объ его способности, или неспособности, къ общественной жизни, къ работѣ въ пользу другихъ, по тому что въ ѣдѣ, одеждѣ, даже въ часъ веселья и разгула обнаруживается личность и обнаруживаетъ свое умственное и нравственное развитіе. Природа грубая всегда и вездѣ проявляется въ грубыхъ движеніяхъ; природа же высшая, образованная и заявляетъ себя въ движеніяхъ, носящихъ печать высшаго образованія. И можно и должно по сему остановиться на этомъ вопросѣ. Касаясь передовыхъ дѣятелей этой поры, мы получили уже возможность познакомиться отчасти съ личностью Дворянина; теперь намъ остается подойти къ предмету нѣсколько ближе.

«Шляхта встаетъ обыкновенно рано. Если представляются какія ни будь дѣла, то она предается имъ утромъ.» Такъ говорить объ ней иностранецъ, ²⁵ не поясняя, какого рода были эти дѣла, которыми она могла заниматься. Очевидно, онъ разумѣетъ съдѣсь чиновный людъ, который имѣетъ опредѣленные занятія, о которыхъ нечего распространяться. Если бы онъ разумѣлъ всю Шляхту, то, вѣроятно, сказалъ бы другое, по тому что, по отношенію къ труду, Шляхта дѣлилась на двѣ части, на чиновниковъ и простыхъ землевладѣльцевъ (на работниковъ и тунейдцевъ). Первые, разумѣется, имѣли занятія, и эти занятія они старались оканчивать утромъ; вторые же, говоря вообще, не имѣли ни какихъ важныхъ занятій. Живя въ глуши своихъ имѣній, они, сколько извѣстно, не занимались ни какимъ полезнымъ дѣломъ; землю обрабатывали не они, а ихъ крестьяне, учиться и читать,

по увѣренію безпристрастныхъ современниковъ, они не любили, предоставляя дѣло науки презрѣнной черни (разумеется, преобладающее большинство). Шляхта, говоритъ Модржевскій, стремясь къ богатству и славѣ, занятіе наукою предоставляетъ людямъ никакого происхожденія. ²⁶ Бѣльскій говоритъ, что многіе изъ нихъ не умѣютъ читать и писать; то же подтверждаетъ и Рей. ²⁷ «У насъ, у Поляковъ, иной скорѣе повѣситъ, чѣмъ заплатить деньги за обученіе сына.» Привычкою не платятъ заражены не только люди посредственнаго состоянія, но даже и Вельможи, у которыхъ и денегъ куча и огромные стоги хлѣба на гумнѣ. Деньги идутъ на пиво, на одежду, а не на уплату учителю. Его сбываютъ обыкновенно двумя, тремя, грошами за четверть, придерживаясь будто бы стараго обычая: «introitales (входныхъ) два ріенадзе, kretales (?) ріенадз, remissionales (отпускныхъ, отходныхъ) szelag, a pretium kwartalne два groszy.» Имъ и дѣла нѣтъ до того, что учитель съ этого живетъ, съ этого покупаетъ книги и одежду. Кромѣ того, сыновья такихъ отцовъ недолго сидятъ въ школѣ и мало чему выучиваются. Иные отцы не умѣютъ уважать человѣка, которому ввѣрили воспитаніе своего дѣтяти. Они считаютъ учителя за нуль; собака и лошадь пользуются у нихъ большимъ почетомъ, чѣмъ ученый, который ведетъ ихъ дѣтей на добрую дорогу. ²⁸

Если эта Шляхта не занималась ни образованіемъ самихъ себя, ни образованіемъ дѣтей своихъ, ни земледѣліемъ, ни, какъ увидимъ ниже, торговлею; ибо это занятіе считалось оскорбительнымъ для Дворянскаго званія, то чѣмъ же занимались они? Вѣдь ровно ни чего не дѣлать — не возможно? Если исключить время Сеймовъ и войны, гдѣ работа представлялась дѣйствительно важная, то остальное время всецѣло поглотилось разнаго рода увеселеніями, военными упражненіями и наконецъ наѣздами на сосѣднія имѣнія. Къ числу увеселеній надо отнести и на первомъ мѣстѣ поставить охоту. Страна представляла къ тому всѣ удобства; еще теперь, не смотря на систематическое истребленіе лѣсовъ, Западный край можно назвать лѣсистымъ, а въ тѣ времена лѣсу было очень много; въ лѣсахъ же всякаго дикаго звѣря и дикой птицы также очень много; природа, стало быть, давала возможность развѣрнуться

развѣченіемъ этого рода. Дикія козы, лоси, зубры, туры, бобры, лисицы, зайцы, тетерева, утки. давали обильную пищу для охотника, и Шляхта не спускала съ глазъ этого матерьяла для удовольствій. Содержа огромныя своры собакъ и птицъ, приученныхъ для охоты, Панъ содержалъ для нихъ также цѣлую толпу охотниковъ, и подраздѣлялъ ихъ на нѣсколько разрядовъ: псарникъ, охотникъ, и бакалавръ; каждый изъ нихъ, начиная съ низшаго (псарника) и оканчивая высшимъ (бакалавромъ), имѣлъ опредѣленный кругъ знаній и опредѣленный кругъ обязанностей, а во время охоты мѣсто на ложахъ. Приготовленіе къ охотѣ начиналось съ вечера, и чуть свѣтъ на другой день огромная компанія ²⁹ отправлялась въ лѣсъ, и проживала въ лѣсу иногда цѣлые дни. ³⁰ Второй родъ увеселеній состоялъ въ турнирахъ, гдѣ молодые люди шли случай заявить о своихъ талантахъ, а нежылые и старики, глядя на нихъ, любовались и вспоминали молодые, удалые годы. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ родовъ забавы были и другія: пляски, музыка, игра въ кости и карты (недавно изобрѣтенныя) и т. п.

Обѣдъ обыкновенно подавался очень поздно, а вскорѣ послѣ обѣда ужинъ, такъ что промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ длился не долѣе двухъ часовъ. За столомъ пресниживали до полуночи, а иногда до бѣла свѣта. ³¹ За обѣдомъ и ужиномъ пили и пили, въ особенности пили, много, а когда собирались гости, что случалось не рѣдко, тогда пили до полусмерти. Молодые старались перецѣголять старыхъ, а захоренѣлые въ пьянствѣ старики старались перепить молодыхъ, чтобы только не ударить передъ ними лицомъ въ грязь. Случалось иногда, что хозяинъ дома устраивалъ у себя нарочные пьяные вечера, на которые собиравъ извѣстныхъ прослывшихъ питоковъ: тогда отводилась для нихъ особая комната, затворялись шлющную окна, чтобы кто ни будь со стороны не подмѣтилъ пьянаго безобразія, и тогда пили до того, что не рѣдко просыпались забытыми и наренненными, не помня ни того, когда ихъ избили, ни того, кто ихъ избилъ, ни того, наконецъ, за что ихъ избили. Пить считалось, кажется, достоинствомъ, по крайней мѣрѣ, съ этимъ недостаткомъ не очень прятались; объ немъ знали и лучшіе люди изъ ихъ же среды, и заграничные гости-посѣтители. ³² У Гличнера, Релъ,

Кохановскаго, нѣсколько разъ повторяются указанія на этотъ порокъ. Иностранецъ Липоманъ, посѣщавшій Польшу въ 1575 году, рассказываетъ, что «Поляки, какъ и всѣ Сѣверные народы, склонны къ пьянству; отказываться отъ питья у нихъ считалось неприличнымъ; они проводятъ въ пированьяхъ до семи и восьми часовъ. До прїѣзда Королевы Боны они пили гораздо больше; но примѣръ воздержности, поданный Итальянцами и самою Королевою, удержалъ ихъ немного отъ этого порока; впрочемъ, очень не много, до крайней мѣрѣ, въ настоящее время еще существуетъ обычай, въ силу котораго хватаются за сабли и готовы зарубить того, кто отказывается пить. Это малочисло, въ питьѣ они называютъ зеркаломъ души. ³³ Кто не хотѣлъ пить, къ тому приставляли сторожа, который бы слѣдилъ за нимъ и заставлялъ бы его осушить кубокъ до дна, говорить другой современникъ.» ³⁴

При звукахъ музыки, смѣшанныхъ съ бряцаніемъ сабель, со стукомъ бокаловъ и съ шумомъ пѣнагося меда и вина, шелъ живой, одушевленный, иногда важный, а чаще пустой, разговоръ; бодтали о чемъ попало. Одинъ вспоминалъ рыцарскіе военные подвиги свои и чужіе; другой — подвиги на поприщѣ любви; тотъ просто на просто лгалъ, и лгалъ такъ безудержно, что приходилось призывать слугу, обязанность котораго состояла въ каждомъ данномъ случаѣ утверждать, что несомнѣнно было такъ, какъ говорить его Господинъ. ³⁵ Нѣкоторые изъ нихъ рассказывали о чудесахъ Новаго Свѣта (въ то время открывались Американскія земли), гдѣ люди имѣютъ собачьи морды, гдѣ сыновья ѣдятъ своихъ отцевъ. Золы и преслѣдователи Духовенства, которѣ въ это время было очень много, ³⁶ рассказывали другъ другу о воинѣ, который, вернувшись съ войны, рассказывалъ, сколько онъ нагрѣшилъ, и какъ и за что монахи разрѣшили его отъ грѣховъ. (предметъ, взятый у Эразма Ротердамскаго)... Тотъ опять рассказывалъ повѣсти въ родѣ слѣдующихъ:

1. Извѣстный настоятель монастыря потерялъ позывъ къ ѣдѣ; для поправленія его, онъ рѣшился отправиться за границу на Минеральныя Воды. На дорогѣ онъ встрѣтился съ нѣкимъ рыцаремъ, который взялся вылѣчить его въ своемъ замкѣ въ пять

разъ дешевле, чѣмъ обошлись бы ему Минеральныя Воды. Настоятель согласился. Рыцарь затворилъ его въ спальню, и цѣлый день не далъ ему ни чего ѣсть, а на другой день спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ? «Не слишкомъ хорошо,» отвѣчалъ чернецъ. — «Будетъ лучше,» — сказалъ рыцарь, и на этотъ день также не далъ ему пищи. На третье утро чернецъ объявилъ, что ему какъ будто хочется поѣсть. На четвертый день чернецъ, уже не дожидаясь, пока спросятъ его о здоровьѣ, кричалъ во всю глотку: «Ради Бога, дайте мнѣ ѣсть!» Тогда рыцарь сказалъ ему: «А, правда, мое лѣкарство лучше Минеральныхъ Водъ? Давай же 200 злотыхъ, и поѣзжай домой!»

2. Какой-то чернецъ пришелъ къ умирающему Попу, который ни чего не могъ говорить, кромѣ слова «да!» Чернецъ спросилъ его: «Такъ ты жертвуешь на нашу братію тысячу, на колокола сто гривенъ?» На все это большою отвѣчалъ: «Да!» Старшему сыну это не понравилось; чиновникъ между тѣмъ сталъ уже записывать отвѣты больнаго въ завѣщаніе. Видя, что тутъ не шутки, онъ, въ свою очередь, спросилъ отца: не выброситъ ли чернеца черезъ окно? — «Да,» отвѣчалъ тотъ. Тогда сынъ велитъ чиновнику записать волю отца въ завѣщаніе и готовится выбросить чернеца, но послѣдній въ испугѣ отказывается отъ всего, и спасаетъ такимъ образомъ свою жизнь.

3. Пришлось одному Шляхтичу во время путешествія увидѣть возаъ дороги висѣльника. Изъ милосердія надъ нимъ, онъ велѣлъ его отцѣпить и употребилъ всѣ старанія, чтобы возвратитъ ему жизнь. Но на первомъ же почлегѣ спасенный обокралъ Шляхтича и скрылся. Вскорѣ послѣ того Шляхтичъ опять увидѣлъ того же самаго висѣльника на висѣлицѣ, но на этотъ разъ не сожалѣлся уже надъ нимъ. (Рей)

Иногда подтрунивали надъ правовѣдами, предлагая разрѣшать имъ разныя комическія тяжбы, въ родѣ, на пр., спора между пастухомъ и господиномъ о волкѣ, лошади и козѣ. «На косогорѣ паслись козы, а по сосѣдству съ ними въ низу паслись лошади, принадлежащія другому хозяину. Напалъ волкъ и хотѣлъ подавить козъ; въ это время одна изъ козъ уткнула въ волчью пасть

свои рога, и, въ завязавшейся борьбѣ, оба упали въ долину на хребетъ лошади. Лошадь испугавшись понесла обонхъ, и принесла прямо въ конюшню хозяина. Тотъ удивился не мало, увидя на одномъ боку лошади волка, держащагося на козыхъ рогахъ, на другомъ козу. Что дѣлать? Волка убили, а козу Панъ присвоилъ себѣ. По въ это время является пастухъ и требуетъ не только своей козы, но и волчьей шкуры, на томъ основаніи, что волкъ поймалъ за живо его козю.

Случалось также, что подгулявшіе Паны толковали о Государственномъ устройствѣ своей страны. Не скрывая нѣкоторыхъ его недостатковъ, они вообще горю стояли за начало, господствовавшее въ немъ. Начало это — ни чѣмъ не стѣсненная свобода Шляхетской личности; ограничить эту свободу значило разрушить зданіе Республики. «Лучше (говорили они), чтобы неоріатель трижды завоевалъ ее, чѣмъ затронуть хотя одну черточку изъ законодательства; ибо если нарушите законъ въ одномъ, то нарушите его и въ другомъ, т. е., если Вельможи уступятъ что ни будь изъ своихъ правъ Шляхтѣ, то Шляхта будетъ вынуждена поступиться своими правами толпѣ народной (Рей называется ее медвѣдемъ и бѣшеной лошадию), и такимъ образомъ рухнетъ цѣлое зданіе Республики.» Этѣ и имъ подобныя мысли находили (во второй половинѣ XVI в.) сильную опору въ Езуитахъ, всегда вторившихъ музыкѣ сильнаго: это было ихъ правило. Въ настоящемъ случаѣ они тянули ту же ноту и увѣряли, что Паны совершенно правы. Мало того: они доказывали, что Паны такъ умны, что умнѣ ихъ нѣтъ на свѣтѣ: что имъ удивительно, за чѣмъ они ѣздятъ въ чужіе края. Кастильская воля (свобода) 'становилась отъ этого во сто разъ дороже, хотя для нихъ же самихъ не было тайною, что эта свобода, собственно говоря, призрачная, а не дѣйствительная; ибо безсиліе исполнительной власти не могло ограждать личной свободы: право сильнаго было въ полномъ развитіи. Они сами говорили, что Польское управленіе даетъ возможность наживаться Стряпчимъ, которые сдѣсь считаются самыми желанными людьми. Отъ разбора внутренняго порядка часто переходили они къ разсужденію о вѣншихъ отношеніяхъ къ пограничнымъ сосѣдямъ. Московское Государство и нѣмцы обращали на себя немалое вниманіе. Московскій Царь,

какъ представитель Русской Вѣры и Русской народности, могъ всегда изъявлять притязаніе на Галичь, и вообще на всѣ завоеванія Литвы: половина Польско-Литовской области была населена Русскими. Нѣмецкій же Императоръ не давалъ покоя за Пруссію, которая, чрезъ посредство Крестоносцевъ, считалась Нѣмецкимъ владѣніемъ.

Тутъ же разсуждали о заселеніи пустопорожнихъ земель Подола гуляющими людьми, объ основаніи въ Украинѣ Рядцарскаго училища и заведеніи Крестоносцевъ по правиламъ Св. Лазаря, которые, вмѣстѣ съ Запорожскими Козаками, составляли бы оплотъ противъ Турокъ. Наконецъ истинные сыны Отечества давали другъ другу совѣты на счетъ исправленія судебнаго порядка. Они высказывали сожалѣнія, что ихъ «вѣкъ, наслѣдовавшій отъ прошлыхъ вѣковъ Государство, этотъ великолѣпнѣйшій рисунокъ, нѣсколько полинявшій отъ времени, не только не заботился обновить его, но даже и сберечь его не сумѣлъ. Всѣ говорили худо, худо, а никто не указывалъ средства исправить зло.» (Слова современниковъ).²⁷

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ одеждѣ. Въ разсматриваемое время Шляхтичи носили одежду не по одинаковому образцу и не одинаковаго цвѣта. Вообще, она разнообразилась по временамъ года и подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ; въ частности, она видоизмѣнялась по вкусу и желанію каждаго. По свѣдѣтельству одного изъ современниковъ (Легата Комендони),²⁸ тогда носили различныя покроя. Одни ходили въ народномъ покрое, другіе въ Угорскомъ, Татарскомъ, третьи въ Итальянскомъ, нѣкоторые во Французскомъ; цвѣтъ любили зеленый, голубой и багряной; шубы, обшивали шелкомъ и золотомъ. Старовольскій, въ сочиненіи: «*Status regni Poloniae descriptio*,» 1632 г., говоритъ: «Одежда въ Польшѣ не одинакова и не приспособлена къ званію лицъ: каждый одѣвается такъ, какъ ему угодно; однако же рыцарской Шляхтѣ наибольшее правится заграничная мода. Нашими законодателями въ области моды военные. Когда мы воевали у Дибра, тогда наше платье было длинное и широкое, подшитое дорогими собольми, или же рысьими мѣхами, и высокіе колпаки; въ началѣ войны съ Тур-

ціею, въ подражаніе Татарамъ и Туркамъ, мы начали носить платье въ обтяжку и покороче, а въ войнѣ съ Пруссіей широчайшіе кожаные шаровары, плащи и другую одежду Нѣмецкаго покроя. ³⁹ И зажиточные и бѣдные старались соблюдать въ одеждѣ роскошь и богатство, употребляя, для удовлетворенія этой прихоти, серебро, золото, шелкъ и бархатъ. Роскошь и расточительность ради платья дошла до того, что многіе стали переводить огромныя имѣнія на платье по модѣ. Это подавало поводъ людямъ строгой нравственности и зрѣлаго ума дѣлать заблуждающимся рѣзкія замѣчанія, въ родѣ слышанныхъ уже нами. Самымъ рѣзкимъ изъ всѣхъ, какія мнѣ приходилось читать, есть замѣчаніе Смоленскаго Каштеляна Ивана Мелешка, помѣщенное по Польски въ «Zbiór pamieŋnikow o dawnej Polsce», и по Русски въ Актахъ «Южной и Западной Россіи.» ⁴⁰ Мелешко былъ посломъ на Варшавскомъ Сеймѣ 1589 г., гдѣ, въ присутствіи Короля, велъ рѣчь о различныхъ вопросахъ и, между прочимъ, объ одеждѣ. Эта рѣчь въ высшей степени замѣчательна: она изображаетъ, во 1-хъ, образованность Дворянства Русскаго, во 2-хъ, его волю. Тонъ ея смѣлый, откровенный. Ее я помѣщаю цѣликомъ:

«Найснѣйшій, Милостивый Король и на мене ласковыя Паны Братія! Выѣхавши зъ дому, Богумъ ся помолилъ, чтобы къ вамъ здоровъ, пріѣхалъ, да Вашу Милость здоровыхъ огледалъ, и привиталъ. Пришло менѣ зъ вами радыты, а я на гетакыхъ зѣздахъ няколи не бывалъ и зъ Королемъ, Его Милостью, няколи не засѣдалъ; только за покойниковъ Князевъ нашихъ, которые королевали, что Воеводами бывали, сентенцій гетакыхъ не бывало, по просту правымъ сердцемъ говорили, политики не знали, а правдою въ ротъ, яко солию въ глаза, кидывали. Скоро жъ Короли больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразы, што наши старшіе собрали, то все Нѣмцамъ роздали нашіе господамы, пручъ Зыгмунта Короля (того ничего въ люды личыть, бо той Подлясье и Вольны выницылъ, Ляхомъ мянующися), але Зыгмунда Первого, солодкая памѣть его, то той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростыми вельмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ, и гораздо лучшей за его мѣвались, хотя въ такъ дорогихъ свитахъ не ходывали: другіе безъ

ногавецъ, какъ Бернардыны гуляли, а сорочки ажъ до костей, а шапки ажъ до самого пояса, нашивали. Дай Боже и зновъ такой годины прыждаты и теперь! Я самъ коли по домовому уберусь, то Еи Мосць, Пани Мстиславска, малжонка моя, патѣшаться и насмотрѣть на меня не можетъ.

Надо уже насмотрывся на гето, Милостивые Паны Братья, и на тые нудные Нѣмецкія штуки, што на врады; а коли жъ то у нихъ бывало: въ сукняхъ перѣстыхъ ходять, то ни гиги! Да уже у насъ змѣшались, и по Польску такъ умѣють говорыты, и все лихое Королѣмъ, Паномъ Рѣчи Посполитной, какъ могутъ было баламутять. А коли самъ Нѣмчина иде, или жонка его поступае, то черезъ скурку скрипить, шемстить и дорогимъ пжжмюмъ воплетъ. Коли жъ до тебе паничыкъ прыѣде, частуй же его достаткомъ, да и жонку свою подлѣ его посады; а онъ сыдыть какъ бѣсъ надувшыся, махаеъ шапкою или капляюшемъ, и зъ жонкою нашептываетъ, да и въ лодонь скребетъ! Да коли жъ бы я гетого чорта кулакомъ въ морду, или по лицамъ, по хрыптъ, такъ кобы Король, Его Милость, не слыхалъ! Нехай бы морды такой поганой не надымалъ.

Помню я Короля Генгрыха, которій зъ заморской стороны Нѣмецкой былъ, до зрозумѣвъ, што мы ему не много давали шыбинковаты, а Нѣмцы его не вельми перекрывали, такъ и онъ, познавши, што то не шутка, да и самъ, никому не оказавшыся, прочъ поѣхалъ ажъ у свою сторону, ажъ за море скикнулъ.

Кажучы правду, не такъ виноватъ Король, якъ гетые радные баломуты, што пры нимъ сидять да крутятъ. Много тутъ гетакыхъ есть, што хоть наша костка, однако собачымъ мясомъ обросла и воняетъ; тые-то насъ деруть и за ихъ баламутнями нашые не поживаютя, Рѣчь Посполитая, и Волянъ съ Подлясемъ пропали! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боймо. А коли бъ гетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ бы другый нутыты!

И то, Милостивые Панове, не мала шкода, слуги ховаемъ. Ляхи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормы его тлусто,

а зъ нихъ службы не пытай, и только убравшись, на высокихъ подковахъ до дѣвокъ дыбле и ходыть, а зъ великого кубка трубить; ты, Пана, за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяся; ты за фляжку, а онъ за другую, а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ руку вырветъ. Только нильнуеть: скоро зъ дому ты, то онъ мовчкомъ прыласкается до жонки. И такого чортополоха зъ Нѣмцами выгнаты, што до насъ влѣзли противъ праву нашѣму.

Але зрадно поговорилисьмы о разныхъ нашихъ интересахъ. И гетая не малая штука—кони дрыганты на стойни держати: давай же имъ въ лѣто и въ зимѣ овесь и сѣно, подстилай же што почъ, ховай же для нихъ слугу Ляха, конюшню и маштелѣра; а зъ нихъ жадной службы не пытай; а коли жъ еще Ляхъ, какъ жеребець ржетъ коло дѣвокъ, какъ дрыгантъ коло кобылъ, прийми жъ къ нему двоухъ Литвиновъ на стражъ; бо и самъ лѣдко не уильнуеть.

И гетая на свѣтѣ дурнына: годишникъ мнѣ притрафилося на тандетѣ въ Кіевѣ купиты; далисьмы за его три копы грошы, а лосьмы послали до Вильна на направу, ажъ онъ на пятую копу крутымъ злодѣй заморщыкъ! Добры то нашъ годишникъ пѣтухъ, што не хыбне о полночи какарѣкаетъ.

И то вельмы страшная шкода—гологузые куры ховать: ихъ достаткомъ варыты. А за моеи памяти присмаковъ гетихъ не бывало; добро было: гуска съ грибками, кашка зъ перчкомъ, печонка зъ цыбулькою, или чосныкомъ, а коли на перепытныи достатки—каша рыжовая зъ шафраномъ. Вина Венгерского не заживали передъ тымъ, — малмазьню скромно пили, медокъ и горѣлочку длюбали. А грошы подостаткомъ мѣвали, муры муровали и войну славную крѣико и лучей держали, какъ теперъ.

И то не до речи: въ богатыхъ сукняхъ нашии панѣ ходять; не знали передъ тымъ португале или фортугале, а подолоктъ рухается, а около подолка чешляется; а дворяинѣ въ ножку, какъ соколъ, замедаетъ, штобъ гдѣ щипнути солодкого мяся. И тоже радишь бы, цехай бы бѣожонки нашии въ заппананье давыи

убѣрались козакшики, шнурованные назадъ носили роспорки, а къ тому штобы зъ Нѣица не заживали плюндырки: не такъ бы скоро любительну скрадывали бредню. А теперь хотя зъ ротатыною на вартѣ стой, въ живые очи такого бѣса не упильнуешь. Дабы о чемъ радити, не знаю; то только Вашей Милости припоминаю, штобы завсегда, сколько Сенаторовъ и Пановъ Литовскихъ при Королѣ, Его Милости, было, былъ бы и я. Только Кролевщизны не маю, бо передъ другими не схопиль. А што жъ есмо сказали, то все правда. И Анпулку Королеву, Еи Милость, миленко въ ручку поцѣловали, какъ другыя младшыя Сенаторщыки. Давно о томъ радиль весь Повѣтъ не только въ Смоленску, але и въ Мозыру, кого бѣ мудрого до Васъ на тотъ звѣздъ выборы и сененціи выправыты; мене вѣдомого до Вашей Милости, штобъ Господь Богъ ..... умѣты предъ Королемъ, Его Милостью, и Вамъ, Панове Братія, открыты нашыя врады. Сказалъ би кто зъ Васъ лутче, только не баламутычи, то я на томъ перестану.»

Замѣчательною рѣчью Мелешка я оканчиваю первую часть моего труда. На концѣ пройденнаго пути весьма полезно остановиться и дать себѣ отчетъ въ произведенныхъ на ономъ наблюденіяхъ, и для памяти записать ихъ. Такъ дѣлаютъ умные путешественники, и я хочу послѣдовать ихъ примѣру. Изучая Дворянство, въ разнообразныхъ условіяхъ его частной жизни, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что при такихъ условіяхъ могъ выработаться извѣстный кастическій первообразъ, именно первообразъ Шляхты. Разсмотримъ, что это за первообразъ.

Проводя дѣтство въ домѣ родителей, гдѣ все, начиная отъ стѣнъ дома, украшенныхъ алебастромъ и мраморомъ, и оканчивая толпою слугъ и прислужницъ, готовыхъ читать и понимать въ малѣйшемъ движеніи бровей господина его волю, его желанія, гдѣ все, повторяю, говорило о богатствѣ, пышности и роскоши, проводя молодость посреди безпечной обстановки, дававшей все готовое и не требовавшей въ замѣнъ ни какого труда и усмія (крестьянинъ несъ Пану послѣдній трудовой грошъ), Шляхтичъ рано пріучался относиться презрительно къ промышленному труду. За тѣмъ трудился самому, когда на тебя трудятся другіе?

Вотъ естественный логическій вопросъ, раждавшійся въ головѣ каждаго Шляхтича. Очевидно, отвѣтъ слѣдовалъ отрицательный. Независимо отъ этого, пренебреженіе къ труду должно было вырости и усилиться отъ вліянія другихъ сочетаній.

Промышленный трудъ, поведенный правильно, требуетъ личнаго участія самого промышленника, и ставитъ его въ положеніе работника, у котораго руки не чисты, лицо не бѣлое, платье не изысканное, и времени мало для развлеченія и гульбы; а это все такъ заманчиво, такъ нравится молодости; привычки же, созданныя молодостью, не забываются до глубокой старости. Вотъ тайна того, по чему промышленный трудъ становится столь непривлекательнымъ. Трудъ находится въ родовой связи съ личностью работника; презрѣніе къ труду ведетъ само собою къ неуваженію личности трудящагося, къ неуваженію, далѣе, правъ и крестьянина, и горожанина, и купца. Вотъ первая отличительная черта Шляхты. Въ Vol. legum есть законы, которыми запрещается не Шляхтѣ чѣмъ бы то ни было приближаться къ Шляхтѣ, и осквернять ее своимъ приближеніемъ; такъ предписаны особая одежда тѣмъ, кто не Шляхетскаго рода; такъ запрещено Шляхтѣ заниматься мѣщанскимъ ремесломъ. Чѣмъ длиннѣе дѣлалось разстояніе, отдѣлявшее, на пр., кметовъ отъ Шляхты, тѣмъ желаннѣе становилось приближеніе къ ней, если не правами, то хоть парядомъ. Лягушка, надувавшаяся до того, чтобы стать воломъ, лопаесть; такъ и сдѣсь было: кметы лезли въ неплатные долги и кончали темницею. Правительство наконецъ обратило на это вниманіе, и запретило носить дорогую одежду. ⁴¹

Толпа слугъ и прислужниковъ есть хранилище лести и обольщенія. Шляхтичъ, окружавшій себя ими, не замѣчалъ, да и замѣтить не могъ, какъ онъ попадалъ въ сѣти, сплетенныя пороками невольной человѣческой природы. Изъ такихъ сѣтей можно выйти не иначе, какъ съ приростами, не совсѣмъ завиднаго качества. Гордость, высокомѣріе, чванство, деспотическій произволъ — вотъ что пріобрѣтается въ этой школѣ, гдѣ учителя — лакейское униженіе и овечья покорность.

Роскошь въ ѣдѣ, питкѣхъ и одеждѣ оттискиваетъ на характерѣ печать самодовольства и самонаслажденія. Застольныя бе-

сѣды, допускаяшія свободную критику внутренняго правленія страны, вели къ развитію политическаго ума. Вотъ признаки, по которымъ можно узнать истаго Шляхтича разсмариваемаго времени. И такъ логическій выводъ, который мы рѣшаемся дѣлать, находитъ себѣ значительную поддержку со стороны домашней жизни Шляхтича. Чѣмъ онъ былъ дома, мы знаемъ, благодаря свѣдѣтельству стоящихъ довѣрія современниковъ. Если онъ проявлялъ себя такимъ же образомъ и при столкновеніи условіями гражданскаго и политическаго быта, то мы имѣемъ право утверждать, что черты, сейчасъ наши приведенныя, составляютъ настоящую, неотъемлемую принадлежность его первообраза. Изученіе Шляхты въ политическомъ быту составляетъ вторую часть нашего труда; къ ней мы и обращаемся.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ существуютъ сословія и Монархи, съ тѣхъ поръ существуетъ между ними взаимное столкновение и ни на мгновение не прерывавшаяся борьба за право, за власть.

Характеръ столкновения опредѣляетъ характеръ и направленіе борьбы. Проявленіе этой борьбы отличается, съ одной стороны, разнообразіемъ, съ другой повсемѣстностью; нѣтъ ни одного угла на земномъ шарѣ, гдѣ бы не произошло то и другое. Изученіе этой борьбы есть изученіе исторіи сословія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторіи Монархическаго начала; на оборотъ, знать исторію сословія значитъ понимать смыслъ исторической борьбы. Дворянское сословіе въ Западной Россіи въ столѣтній періодъ XVI в. столкнулось съ тремя силами: Монархическою, городскою (мѣщанскою) и сельскою (крестьянскою); независимо отъ этого, оно боролось съ своею собственною силою. Такимъ образомъ борьба завязалась на четырехъ точкахъ, и на каждомъ изъ нихъ принимала дѣйственное направленіе. Любопытно прослѣдить и здѣсь и тамъ ея ходъ и познакомиться съ послѣдствіями.

Начинальная точка соприкосновенія Дворянства съ Королемъ стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается царствованіе Королей, т. е.,

дри, вступленіи ихъ на престолъ. Въ началѣ XVI в., въ тене-
рещицкой Западной Русси дѣла стояли такъ, что тотъ, кто желалъ
сдѣлаться Королемъ Польши и Великимъ Княземъ Литвы, дол-
женъ былъ, желать также, чтобы его признали таковымъ; ибо
безъ этого желанія всѣ остальные значили ровно ни чего и могли
разбиться при первомъ толчкѣ. За наследственность, за право на
престолъ, не говорила ни одна буква закона. Всѣмъ руководилъ
обычай, или простой случай. Правда, въ прежнее время Короли
и Великіе Князья всегда избирались изъ дома Ягайлова, но
это было скорѣе дѣло случая, чѣмъ закономъ, или обычаемъ
освященное право. Такъ, сынъ Владислава Ягайла вступилъ на
престолъ не по тому, что имѣлъ на него право по закону наследо-
ванія, а по тому, что отецъ его купилъ ему позволеніе Шляхты
увеличеніемъ ея вольностей. Онъ обѣщалъ ей за это: 1, оставить
непрекосновенными свѣтскія и духовныя должности; 2, оставить
неприкосновенными всѣ ея привилегіи; 3, раздавать должности
только туземной Шляхтѣ и при томъ осѣдлой (т. е., имѣющей по-
земельную собственность, а не иностранной); 4, управленіе замка-
ми, каштеляніями и староствами не поручать Князьямъ, или чу-
жеземцамъ; 5, возвращать потери во время войны и выкупать
пленныхъ; 6, требовать отъ Шляхты вести войну только въ пре-
дѣлахъ Государства; въ случаѣ же необходимости воевать въ пре-
дѣлахъ чужой земли, онъ (Король) обязывается платить пять ма-
рокъ на каждое копые (*super quamlibet hastam*); 7, освободить имѣ-
нія, принадлежащія свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, отъ повин-
ности поднимать Королевскія станціи, во время проѣзда его по
Государству; 8, ни кого изъ поземельныхъ собственниковъ (кото-
рымъ были исключительно Дворяне) не подвергать темничному за-
ключенію, не доказавши предварительно на судѣ ихъ виновно-
сти. ⁴² Казимиръ IV купилъ престолъ для одного изъ своихъ сыно-
вей цѣною новыхъ уступокъ требованіямъ Дворянства. ⁴³ Такимъ
образомъ шли дѣла до начала XVI столѣтія, когда, избранный
еще прежде Великимъ Княземъ Литовскимъ, Александръ вступилъ
на престолъ Польши, соединивши въ своемъ лицѣ оба Государ-
ства въ послѣдній разъ. Вступая на престолъ Польши, онъ обѣ-
щалъ дать Дворянству листъ, подтверждающій ихъ вольности, и
дѣйствительно сдержалъ свое слово. ⁴⁴ Что же касается Литвы,
то нѣтъ прямыхъ и подробныхъ указаній на то, чтобы Литовскіе

Дворяне, при избраніи Александра на престолъ, потребовали отъ него какихъ либо уступокъ въ пользу своихъ правъ; но что онъ вступилъ на престолъ не безъ ограниченій, на это есть нѣскольکو свѣдѣтельствъ. Мартинъ Вѣльскій рассказываетъ такимъ образомъ о вступленіи его на престолъ: «Вскорѣ послѣ смерти Казимира Литовскіе Вельможи собрались на Сеймъ въ Вильну, гдѣ Василій и Михайлъ Глинскіе, Симеонъ, Князь Слуцкій, и Князь Ольшанскіе, Мстиславскіе и Гедройцы, избрали Александра Великимъ Княземъ. Послѣ благословенія его Епископомъ, выступилъ впередъ Литвинъ Хребтовичъ, Литовскій Маршалъ, и, подавая ему мечъ, сказалъ: «Возьми, Князь, этотъ мечъ, и управляй нами, но помни, что ты долженъ такъ управлять, чтобы въ одной рукѣ былъ мечъ, а въ другой милость. Если вздумаешь поступить не милостиво, то знай, что сдѣлаешься причиною и своей и нашей гибели.» Александръ, принявши мечъ, обѣщавъ быть всегда милостивымъ Государемъ.»⁴⁵ Рѣчь Хребтовича напоминаетъ собою вассаловъ Западной Европы, извѣстныхъ своею силою, т. е., я хочу сказать, что Литовское Дворянство имѣло большую власть и значеніе, если представитель его могъ такъ говорить къ Великому Князю.

Въ Актахъ Западной Россіи собраны листы и привилегіи, данныя Александромъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ (Шляхетскаго рода) на различныя права и льготы, что доказываетъ и необходимость существованія условій, которыми этотъ Князь и Король обязывался дать обѣщаніе (при вступленіи на престолъ) сохранять ненарушимость и цѣлость, раньше пріобрѣтенныхъ сословіемъ, преимуществъ и правъ.

Изъ тѣхъ же Актовъ и изъ другаго источника видно, что Сигизмундъ I, его преемникъ, также не былъ свободенъ отъ ограниченія. «6» Ему наследовалъ сынъ его, Сигизмундъ-Августъ, которому все сословія присягнули на вѣрность и послушаніе еще въ то время, когда жилъ отецъ его. Въ это время Дворянство пріобрѣло такую силу, что Король ни какими мѣрами не могъ остановить начавшагося теченія вещей. Подобно своимъ предкамъ, онъ долженъ былъ подтвердить права и вольности Дворянства.»⁶⁷ Со смертію Сигизмунда-Августа прекратился знаменитый въ исторіи

домъ Ягайловъ. Наступило время избирать Королей между членами царственныхъ семействъ Западной Европы. Братъ Французскаго Короля, Генрихъ Валуа, удостоился чести быть избраннымъ предпочтительно предъ другими совскателями Польско-Литовскаго престола. Это было въ 1573 г. Съ этѣхъ поръ къ обычнымъ «*confirmaciones iugium*» (подтверженіямъ правъ) прибавились новыя ограничительныя требованія, извѣстныя подъ именемъ «*Pacta conventa*» (условія избранія). Этѣ *Pacta conventa* не имѣли опредѣленныхъ границъ; каждый новый Король подписывалъ новыя каждый разъ *Pacta*. Они зависѣли отъ времени, отъ характера международныхъ отношеній, отъ числа и личности совскателей Королевскаго вѣнца. Такъ, Генрихъ Валуа согласился принять условія, по которымъ онъ обязывался: 1, соблюдать вѣчный миръ между Польско-Литовскимъ Государствомъ и Франціею; 2, привести съ собою, для войны съ Московскимъ Царемъ, 4000 Гасконцевъ, и содержать ихъ своими собственными средствами; 3, завести флотъ; 4, на берегу Франціи дать одну пристань для Польско-Литовскихъ кораблей; 5, изъ доходовъ своихъ Французскихъ имѣній внести въ общественную казну 450 тысячъ золотыхъ; 6, уплатить всѣ долги Рѣчи Посполитой, сдѣланные его предшественникомъ и Сенаторами во время междуцарствія; 7, улучшить бытъ Краковской Академіи, выписать для нея и содержать на свой счетъ ученыхъ; 8, воспитывать въ Краковской и Парижской Академіяхъ на свой же счетъ молодыхъ Дворянъ; 9, не приводить съ собою иностранцевъ, кромѣ необходимаго (слѣд. небольшого) числа людей, нужныхъ для прислуживанія при Дворѣ; но этѣ люди должны быть вскорѣ высланы изъ Государства; не давать имъ ни земель, ни должностей, и наконецъ 10, подтвердить всѣ права, преимущества и привилегіи каждаго сословія.⁴⁸ Послы Стефана Баторія предложили отъ его имени слѣдующія условія, при которыхъ онъ согласенъ царствовать: 1, Седмиградскій Воевода дастъ присягу сохранять свято и ненарушимо всѣ права; 2, онъ обѣщаетъ уплатить всѣ Государственные долги; 3, возвратить всѣ завоеванія Московскаго Царя; 4, сохранять вѣчный миръ съ Турками; 5, устроить пограничныя дѣла; 6, заплатить Рѣчи Посполитой 200 тысячъ золотыхъ;⁴⁹ 7, выкупить Русскихъ Дворянъ, попавшихъ въ плѣнъ къ Татарамъ, на деньги частію благотворителей, частію на его собственные (*lum favore, tum proprio sumptibus*).⁵⁰

Вступленіе на престолъ Сигизмунда III сопровождалось тоже условіями договора. Этотъ Король обязался: 1, быть всегда въ союзѣ съ Шведскимъ Королемъ, Іоанномъ III, противъ общихъ враговъ Польско-Литовскаго и Шведскаго Государствъ. По смерти Короля Швеціи, Сигизмундъ наследуетъ, по праву наследованія, Шведскій престолъ, а ему наследуютъ его дѣти въ мужескомъ колѣнѣ. Дочери его получаютъ приданое отъ народа, согласно обычаю и старшиннымъ постановленіямъ Королевства Польскаго. Если Королю представится необходимость ѣхать въ Швецію, то онъ обращается къ Чинамъ Государства и требуетъ ихъ согласія; 2, Шведскій Король возвращаетъ Польско-Литовской Рѣчи Посполитой ту часть Ливоніи, которую она владѣетъ; 3, Сигизмундъ III обязуется отростить и отдать въ распоряженіе своего новаго Государства флотъ, и предоставить ему свободное плаваніе по Балтійскому морю; 4, доставлять изъ Швеціи на свои деньги военные припасы и снаряды на случай, если придется воевать Новгородъ, Псковъ, или Смоленскъ; 5, обязуется подарить долгъ, сдѣланный Сигизмундомъ-Августомъ въ 1561 г., а также всѣ долги Рѣчи Посполитой. Кроме того, даетъ обѣщаніе уступить часть Неаполитанской суммы, предназначенной искони на Королевскій столъ; 6, обязуется подарить Польшѣ и Литвѣ орудія, взятые при Венденѣ у Москвитей соединенными войсками обоихъ Государствъ; 7, обязуется построить на свой счетъ пять крѣпостей и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ; 8, обязуется не допускать ни одного чужеземца въ Польско-Литовское Государство, и отправить обратно въ Швецію тѣхъ изъ нихъ, которые придутъ съ нимъ въ Польско-Литовскій край. Сдѣлавшись Королемъ Швеціи, онъ обязывается никогда не допускать Шведскихъ чиновниковъ занимать какія бы то ни было должности въ области Польско-Литовскаго Государства; 9, стражу своей особы (гѣлохранителей) учредить изъ туземцевъ (т. е., изъ Поляковъ и Литвиновъ), не выключая и начальника ея. Иностранцы не получаютъ права занимать должности и пріобрѣтать нишніи. Если же кто ни будь изъ нихъ вмѣшается въ Польско-Литовскія дѣла, то онъ позволяетъ поступать съ ними такъ, какъ будетъ постановлено на Коронаціонномъ Сеймѣ; 10, обязуется не только не трогать Конфедераціи, которая существуетъ между Разновѣрцами (Диссидентами) относительно Религіи, но и пре-

слѣдовать вѣхъ враговъ этого союза; 11, наконецъ, общаетъ подтверждать всѣ прежнія права...

Вотъ главные статьи договора, заключеннаго между этьхъ Королемъ и Дворянствомъ. Изъ обозрѣнія вѣхъ этьхъ: договорѣвъ оказывается, что они рѣшительно зависели отъ характера и обстоятельствъ, вызвавшихъ тѣ или другія статьи. Обстоятельства, сопровождавшія избраніе Феррида, были не тѣ, что при Стефанѣ Баторіѣ, а Стефанъ Баторій вступилъ на престолъ при обстоятельстве, ипоекъ, чѣхъ Сигизмундъ Вава. Различныя обстоятельства, различныя по этому и Раста. обвѣнта ихъ. Согласившись на предложенныя договорныя статьи, Король давалъ присягу исполнить сдѣланное раньше обещаніе. Въ этой присягѣ обращаютъ на себя вниманіе, по важности послѣдствій, слѣдующія слова: «казанман Генрихомъ и повтореныя съ этьхъ вортъ его пресмыкама: «Вси въ чомъ либо нарушу присягу, те народъ велитъ отказать мнѣ въ послушаніи». 52. Этѣ слова присяги показываютъ, съ одной стороны, стоишь зависимости Короля отъ сврихъ избирателей, съ другой силу и независимое положеніе послѣднихъ. Король, дававшій такое право на свою личность, долженъ былъ бояться за каждый свой шагъ, за каждый поступокъ: ибо каждый его шагъ и поступокъ находился подъ учетомъ тѣхъ, кто могъ митам обедіаоттам праестаре. На сколько невыгоднымъ становилось вложеніе Короля, на столько выгоднымъ дѣлалось положеніе Дворянства, со времени Сигизмунда-Августа единственнаго участника въ избраніи Короля. Значеніе его возрастало тѣмъ больше, чѣхъ выше была цифра искателей Польско-Литовскаго престола; ибо каждый изъ нихъ старался предложить возможно выгодныя условія, лишь бы только этпль престолъ одного изъ первыхъ по величинѣ и силѣ Государствъ Европы: По смерти послѣдняго Ягайловца, во время междоусобія, чужеземные послы ѣздили взадъ и впередъ по Польшѣ и Литвѣ, отъ дому до дому Шляхтичей, сора деньгами и обещаніями. 53

По открытіи Сейма явились послы Императора Германскаго, Короля Шведскаго, Царя Московскаго, Королей Французскаго и Испанскаго. Каждый изъ нихъ прославлялъ своего кандидата и предлагалъ условія одно другого выгоднѣе. Шведскій по-

солъ говорилъ, что трудно найти въ свѣтѣ лучшаго Короля; какъ Король Шведскій, и что выборъ его на Польско-Литовскій престолъ доставитъ неисчислимыя выгоды для избирающаго люда. Во 1-хъ, оба Королевства соединились бы въ одно; во 2-хъ, соединенныя силы составили бы страшное ошолнѣніе на Московскаго Царя; въ 3-хъ, можно было бы сохранить миръ съ Турками и Татарами; въ 4-хъ, Шведскій Король легче, чѣмъ кто-либо другой, можетъ остановить Нарвскую навигацію, откуда на Польшу и Литву шли бы разныя блага; въ 5-хъ, онъ можетъ подарить землю, сдѣланную у него Сигизмундомъ Августомъ.⁵⁴ Императорскій посолъ, предлагая Дворянству Эрнста, втораго сына Императора Максимилиана, обѣцалъ за него, что если его наберутъ Государемъ, то онъ: 1, прежде всего учинитъ присягу строго крѣпости прежція права и вольности, и даже готовъ прибавитъ къ нимъ новыя; 2, должности духовныя и сѣтскія будетъ раздавать природнымъ жителямъ страны и не въ какомъ случаѣ чужеземнымъ; 3, прекратитъ споръ, который идетъ между Короною и Германіей за Пруссію; уничтожитъ также Нарвскую навигацію; 4, заключитъ союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Поморскими городами; 5, постарается выхлопотать у Испанскаго Короля возвращеніе Короля Княжества Баръ, и даже, можно бы заключить съ нимъ вѣчный союзъ, въ силу чего онъ давалъ бы помощь на непріятелей Государства всякій разъ, какъ представилась бы въ ней нужда; 6, постарается возвратитъ всѣ завоеванія Московскаго Царя; 7, возобновитъ договоры, существовавшіе между Короною Урбію и Чехією, и усилитъ ихъ торговля сношенія; возобновитъ миръ съ Турецкимъ Султаномъ; 8, приметъ на свой счетъ воспитаніе ста молодыхъ Дворянъ въ Вѣнскомъ Университетѣ, либо въ Италіи, либо же при дворѣ цюсторонныхъ Князей; 9, выхлопочетъ у Рудольфа (своего брата), Короля Угорскаго, освобожденіе вина, отираемого въ Польшу и Литву, отъ всякаго мыта на все время царствованія своего.⁵⁵ Послѣ побѣга Генриха во Францію, много искателей Польско-Литовскаго престола, также было не мало, и каждый изъ нихъ предлагалъ свои Раста соуденія, дававшія возможность произвести болѣе удачный выборъ. Кромѣ прежнихъ, какъ ихъ называетъ Бильскій, компетаторовъ (соискателей), явились новые въ лицѣ Селиградскаго Воеводы, Стефана, и Князя Феррарскаго, Адфонса. Послѣдній предложилъ: 1, подтвердитъ права

и вольности; 2, должностей не раздавать иностранцамъ; 3, сохранять Вѣроисповѣднѣй миръ; 4, украсить Краковскую Академію учеными; 5, выписать изъ Италіи на свой счетъ искусныхъ мастеровъ для постройки замковъ; 6, открыть для купцовъ пристань на берегу Италіи; 7, привести и въ теченіи семи мѣсяцевъ содержать на свой счетъ четыре тысячи Итальянской пѣхоты для войны съ Московскимъ Государствомъ; 8, въ случаѣ надобности, найти между Итальянскими владѣтелями союзниковъ; 9, присутствовать лично на войнѣ; 10, во время мира быть добрымъ Королемъ и обязать свое Государство; 11, уплатить всѣ долги Государства; 12, доходы съ своихъ имѣній доставлять въ Польскую и Литовскую казну; 13, подарить Королевству Польскому свое право на Княжество Корну во Франціи; 14, воспитывать за границей на своемъ содержаніи 50 Шляхтичей; 15, прислать до своего прѣзда въ Польшу 300 тысячъ злотыхъ. ¹⁶ Шляхта видѣла и понимала цѣну, которую платили иностранцы за престолъ, находившійся въ ея рукахъ; она сознавала свое положеніе, положеніе капиталиста-монополиста, которому ни чего не мѣшаетъ положить какую угодно цѣну на свой товаръ. Престолъ въ рукахъ Шляхты былъ товаромъ, который продавался тому, кто дороже заплатитъ. Подтвержденіе прежнихъ правъ и привилегій было *conditio sine qua non* всякаго Короля, вступающаго на Польско-Литовскій престолъ.

Какія же это были права, которыми такъ дорожили въ то время? Что это за знамя, которое Шляхта несла предъ собою каждый разъ, когда хотѣла напомнить Королю о своемъ существованіи?

Едва Сигизмундъ I-й сѣлъ на престолъ, какъ отовсюду посыпались къ нему челобитныя о подтвержденіи старинныхъ правъ. Въ Декабрѣ 1507 года Князья, Паны, Бояре, Земляне и вся Шляхта Кіевской земли были челомъ Королю, чтобы онъ подтвердилъ своимъ Королевскимъ листомъ всѣ права, данныя имъ его предками, Казимиромъ IV и Александромъ. Эта права касаются во 1-хъ, отношеній Дворянства къ Верховной Власти; во 2-хъ, отношеній крестьянамъ, въ 3-хъ, хозяйственнаго порядка. Желая оградить свою личность отъ посягательства на нее Королевской власти, Дворянство просило Короля, чтобы онъ въ отношеніяхъ

къ нему руководствовался закономъ, а не личнымъ усмотрѣніемъ; чтобы, по этому, онъ безъ права (безъ суда) людей не казнилъ, не губилъ и не отнималъ имѣній. Оно просило также, чтобы, на основаніи Листовъ Казимира и Александра, онъ не отнималъ (родовыхъ?) имѣній у родственниковъ преступника и имѣній, называемыхъ выслуги отчизны; власть собственника на послѣдніи должна быть свободна отъ всякихъ ограниченій. Кромѣ того, оно просило, чтобы Король не вмѣшивался въ ихъ имущество, не запрещалъ имъ (Князьямъ и Панамъ) выѣзжать за границу, кому выѣздъ нуженъ, исключая военного времени (если не будетъ земской службы),⁵⁷ и Государства, находящагося съ Польско-Литовскимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Уѣзжающій за границу давалъ обязательство оставлять на своемъ мѣстѣ человека, который замѣнилъ бы его во всемъ, въ отправленіи повинностей податной и военной, въ случаѣ нападенія враговъ, а также въ случаѣ требованія судебной власти. Въ каждой области были Намѣстники, Воеводы, имѣвшіе значительное вліяніе и власть. Надо было оградить себя и съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что они, поставляемые на Воеводства непосредственно самимъ Королемъ и смѣняемые тѣмъ же Королемъ, могли распоряжаться съ своихъ мѣстъ довольно произвольно. Шляхта это знала, и по тому просила Короля, чтобы онъ запретилъ Воеводѣ устанавливать произвольно новыя мыта, а Старостѣ судить людей, принадлежащихъ Пану, безъ извѣщенія его о томъ, что его человекъ требуется Судомъ. Не менѣе важнымъ считалось не допускать населенія края иностранцами; это подало поводъ къ просьбѣ «волости Кіевскія должны быть держимы только Кіевлянами.» Далѣе Шляхта требуетъ, чтобы ей предоставлено было старое право разбирать и судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ; но и уголовныя дѣла, а слѣд., и уголовное право, не остались безъ вліянія на нихъ Шляхты, какъ это сейчасъ увидимъ. «Король, просить Шляхт, пусть не вмѣшивается въ дѣла людей, принадлежащихъ церквамъ, Князьямъ, Панамъ и Боярамъ, а также въ земли, доходы и приходы... А на церковные люди, и на Князскіе и на Боярскіе дѣцкихъ⁵⁸ не давати, первѣй обслати листомъ, чтобы къ праву сталъ (тотъ, кому принадлежитъ крестьянинъ), а любо человекъ поставилъ, до кого дѣло будетъ (т. е., крестьянина, до котораго дѣло будетъ):

ино тогда дѣцкаго дати, и вину Государю осужденную запла-
тити (долженъ тотъ), чьй будетъ человекъ. А коли преступить
Бояринъ, ино Намѣстнику нашему Королевскому осудивъ и за-
поруку давши, до насъ, Короля, отложить, а мы пакъ вольни
будемъ въ той винѣ взяти и отпустить.» Судья не долженъ до-
пускать показаній (и вѣрить имъ) холоповъ и рабовъ на Господь
(сочити). Несостоятельный тать долженъ быть повѣщенъ. Нако-
нецъ, если кто изъ Королевскихъ людей женится на Княжеской,
Панской, или Землянской, дѣвкѣ, то обязанъ заплатить выводную
куницу тому Господину, чья дѣвка; если же дѣвка принадлежит
Королю, то женихъ платитъ выводную куницу Королевскому Вое-
водѣ. Что касается хозяйственнаго дѣла въ этой просьбѣ, то
надо замѣтить, что Шляхта старалась какъ можно болѣе умень-
шить количество лежащей на ихъ крестьянахъ Государственной
повинности, отбываемой въ тогдашнее время чаще всего нату-
рою. Такъ она требовала, чтобы ея люди были свободны отъ
подводной повинности, отъ ѣзовъ, сѣнокоса..... Король подтвер-
дилъ этѣ права, прибавивши, что онъ «старинны не нарушаетъ,
а новины не вводитъ, хочетъ все по тому мѣти, какъ будетъ бы-
ло за Великаго Князя Витовта и за Жикшмонта.»⁸⁹ Въ Августѣ
1509 года Владыка Владимирскій и Владыка Луцкій, Князя, Па-
ны, Земляне и вся Шляхта Волынской земли били челомъ Коро-
лю, прося, подобно Кіевской землѣ, подтвержденія своихъ, какъ
они говорили, старинныхъ правъ, ибо этѣ права получены ими
еще при Казимирѣ (IV). Ихъ права касаются почти тѣхъ же са-
мыхъ статей, которыя выставлены въ челобитной Кіевской земли.
Главнѣйшія требованія по каждой изъ статей состоятъ въ слѣ-
дующемъ: Старосты и Намѣстники посылаютъ Шляхтѣ дѣтскихъ
не сразу, а послѣ двукратнаго требованія на судъ; Старосты и
Намѣстники, Маршалъ Земскій, Ключникъ и Конюшій не должны
брать головщины; если случится, что чей либо человекъ убьетъ
кого ни будь, то головщина принадлежитъ его Господину, а не
упомянутымъ Чиновникамъ. Староста не смѣетъ грубо обходиться
съ Шляхтою (злыми словами соромотити), не можетъ подвергать
ее тюремному заключенію, а извѣщать Короля о преступленіи:
какъ Король разсудитъ, такъ ему и поступить. Староста и На-
мѣстникъ не вмѣшиваются въ судъ Помѣщика надъ его крестья-
ниномъ. Если случится въ городѣ уголовное преступленіе, то

Староста производить судъ въ Королевскомъ замкѣ. Староста и слуги его не берутъ ни на комъ зарукъ (закладныхъ денегъ), развѣ кто ни будь станетъ похвалиться, что онъ дѣлаетъ набѣздъ на ивѣнїе, или побьетъ кого ни будь, тогда только берется зарука. ⁶⁰ Далѣе въ этомъ актѣ говорится: 1, о томъ, кто судить лицъ, совершившихъ преступленіе на ярмаркахъ Жидичинской и Дорогобужской, и какъ судить; 2, о мытѣ, отъ котораго Шляхта освобождается; 3, объ аппеляціи къ Королю, которую Старосты должны допускать во всякомъ случаѣ. «А къ тому тежѣ (говорится въ концѣ акта), зѣ особливоѣ ласки нашеѣ, бачучи ихъ вѣрную а пильную, накладную, николи не омѣшканую, службу, которую жѣ они здавна, завжды не лютуичи горлѣ своихъ (не жалѣя), цютливѣ предкомъ нашимъ и намъ... оказывали, зѣ ласки нашеѣ на ихъ покорную просьбу и чоломбитье, пожаловали есмо ихъ, отпустили есмо ивъ зѣ ихъ людей воловщину, по всей Волынской земли, которую жѣ воловщину здавна... люди ихъ давали... и тоѣ воловщины мы вжо, Господарь, не маемъ зѣ людей ихъ брати, а ни потомковѣ наши, ни жьли коли Панове Рада наша Великого Княства Литовского, для котороѣ великоѣ потреби земскоѣ, звать который платъ зѣ людей своихъ дати; тогда Князи и Панове и вся Шляхта Волынскоѣ земли мають такожѣ тотъ платъ зѣ своихъ людей дати.»

Въ 1511 г. дана подобная же подтвердительная грамота прежнихъ привилегій жителямъ Полоцкой области. Въ силу этой грамоты Король обязывался не вступать въ дѣла церквей, никого не казнить на заочное обвиненіе безъ суда, соскранять неприкосновенность ивѣнїи, данныхъ Шляхтѣ Витовтомъ и Скиргайломъ, не посылать дѣтскихъ ни на Боярскихъ людей, ни на мѣщанскихъ сябровъ (владѣльцевъ нераздѣльнаго ивѣнїя). ⁶¹ Далѣе идетъ дѣло о мѣщанахъ, Боярахъ и о мытѣ. Актъ оканчивается готовностью Короля «давать Воеводу Полочаномъ по ихъ воли; а который будетъ Воевода нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу инаго дати по ихъ воли; а прїѣхавши Воеводѣ нашему къ Полоцку, первого дня ему крестъ цѣловати къ Полочаномъ на томъ, што онъ безъ ихъ sprawy Полочанина не казнять ни въ чомъ. А воеводу городамъ не дарити.» ⁶²

Не за долго до 1529 года сгорѣло Берестье (Берестъ Русскій), и въ немъ погорѣли грамоты и другіе документы, въ числѣ которыхъ сгорѣла также грамота, данная Сигизмундомъ I-мъ жителямъ Кіевской области въ подтвержденіе ихъ правъ, которыя они приобрѣли при Казимирѣ IV и Александрѣ. Въ слѣдствіе чего жители Кіевской области обратились къ Королю съ просьбою дать имъ новый листъ, который бы подтверждалъ собою права, заключавшіяся въ сгорѣвшемъ актѣ. «Мы зъ ласки наше, за ихъ вѣрныя и знаменитыя къ намъ службы, ижъ они пиднѣи и окотнѣи и вѣрнѣи намъ заслуговали, и крови своее не мало за насъ и за паньства наши съ поганьствомъ и съ иными неприятелими нашими розлили, и въ поганьскихъ рукахъ многіе съ нихъ у вязеньи будучи, окрутными смертми и нятотвы и обтяженьи, нужу пріймовали и терпѣли, а вѣру свою сталѣ (стойко) и цютливѣи и непорушиѣи заховали и заховывають къ намъ, яко къ пану своему прирожаному дѣдичному;—тыя права водлѣ первое данины славноѣ памяти отца и брата нашего, Королей Ихъ Милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Напервѣи церквамъ Божіимъ. и проч. (см. выше актъ подъ № 30).

Изучая юридическіе памятники XVI вѣка, мы убѣждаемся, что прошенія Дворянства не останавливались на простомъ подтвержденіи правъ; они шли гораздо дальше; ибо стремились къ безпредѣльному расширенію правъ. Каждый новый годъ прибавлялъ что ни будь къ прежнимъ приобретеніямъ. Да и не могло быть иначе. До XVI вѣка условія были таковы, что при нихъ не успѣло выработаться и получить законченность самоуправленіе Шляхты; граждане только что стали на ноги, крестьяне еще не были вполне и повсюду закрѣплены, а Шляхта не имѣла общей связи, общихъ выгодъ. Общая связь, которою она стала сильна и непобѣдима, создана именно въ XVI столѣтіи, когда, по указу Сигизмунда I-го, получило жизнь устройство Сеймовъ (главныхъ, большихъ), а съ 1550 года и Сеймиковъ (Повѣтовыхъ, малыхъ Сеймовъ). “До сихъ поръ Сеймы или собранія Шляхты, были случайными и при томъ областными, т. е., такими, на которые собиралась не вся Шляхта, а известная часть ея, Шляхта одной какой ни будь области. Служа выраженіемъ интересовъ известной области, областные Сеймы не касались во-

просить, общихъ для цѣлаго Государства, и никогда не возбуждали ихъ. Сеймы же XVI вѣка превратились въ собранія постоянныя, открывающія правильно отъ времени до времени свои засѣданія. Тѣ изъ нихъ, которые назывались главными, служили представительствомъ всей Шляхты, которая стала заявлять гегерѣ не о нуждахъ области, а о нуждахъ цѣлаго Государства. Впрочемъ, существованіемъ своимъ они не исключали существованія областныхъ Сеймовъ, которые мало по малу превратились въ Повѣтовые Сеймы, т. е., такіе, которые служили какъ бы приготовленіемъ къ главнымъ (вальнымъ). Со времени установленія правильности въ открываніи Сеймовъ, появилась общественная связь, выработалось единство стремленій и общность интересовъ. На нихъ-то, на этѣхъ Сеймахъ и Сеймикахъ, выработалась страшная кастическая сила Шляхты. Прежде чѣмъ приступимъ къ изученію пути, по которому шло развитіе этой силы, не лишне познакомиться съ тѣмъ учрежденіемъ, которое служило пособіемъ къ развитію, т. е., съ Сеймомъ.

Число Сеймовъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ было небольшое. Названія ихъ различны. Были Сеймы Конвокаціонныя, Элекціонныя, Коронаціонныя, Вальныя, Генеральныя, Повѣтовые. Первые три созывались обыкновенно во время междуцарствія, послѣднія собирались по указу Королей всякій разъ, когда представлялась надобность обсудить вопросъ, рѣшеніе котораго не зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія Короля. Были вопросы съ общественнымъ характеромъ, какъ, на пр., вопросъ о войнѣ, о податяхъ, вообще о правахъ Шляхты. Безъ согласенія съ нею Король не могъ разрѣшать ихъ ни такъ, ни иначе, и по тому созывалъ Сеймъ въ Вильну, Варшаву, или въ другой какой нибудь городъ, и предоставлялъ ему обсужденіе и окончательное рѣшеніе. До Сигизмунда-Августа Шляхта только на Генеральномъ Сеймѣ узнавала, за чѣмъ ее созвали, и рѣшала дѣла, такъ сказать, ex propti. Сигизмундъ-Августъ далъ, въ 1550 г., привилей, по которому обязался созывать не только Генеральный Сеймъ, но и Повѣтовые, “на которыхъ должны быть подвергнуты обсужденію (предварительному) тѣ вопросы, о которыхъ будетъ рѣчь на Сеймѣ Генеральномъ. Въ силу этого закона, Сеймики предшествовали Генеральному и открывались обыкновенно за шесть недѣль

до Вальнаго Сейма. Дѣла чрезвычайныя, не терпѣвшія отлагательства, могли сократить этотъ срокъ на три недѣли. Мѣстомъ для собранія Сеймика назначался какой ни будь городъ въ Воеводствѣ. Каждое Воеводство имѣло свой Сеймикъ; случалось, впрочемъ, что отдѣльные Повѣты Воеводства имѣли свои особенныя собранія, такъ что въ Воеводствѣ могло быть нѣсколько Сеймиковъ. Собиравшаяся на Сеймикъ Шляхта обсуждала всѣ общественныя вопросы, а иногда и частныя, касавшіеся одной какой либо личности. Такъ въ 1553 г. шла рѣчь о Димитріѣ Сангушкѣ, который похитилъ Гальшку, дочь Иаъи, Князя Острожскаго. Въ 1587 г. спорили объ Янѣ Замойскомъ и Зборовскомъ. ⁶⁵ Въ 1554 г. Литовцы разбирали на Сеймикѣ поведеніе Виленскаго Городничаго, Юпа, который избилъ Хоружича, Николая Курклевскаго, и посламъ поручено было говорить объ немъ на Сеймѣ и просить Короля учинить справедливость. ⁶⁶

Сеймики составлялись изъ мѣстной Шляхты подъ предѣтельствомъ Маршала. Въ Польскихъ областяхъ Маршалъ избирался для каждаго новаго Сеймика, а въ Литовско-Русскихъ областяхъ эта должность возлагалась разъ навсегда на Земскаго Маршала. Обязанность Маршала состояла въ томъ, что онъ собиралъ голоса, мирилъ поссорившихся и вообще наблюдалъ порядокъ. Сеймикъ открывался богослуженіемъ, послѣ котораго избирался Маршалъ (если Сеймикъ созванъ въ Польскихъ областяхъ); за тѣмъ Королевскій посолъ объявлялъ вопросы, которые будутъ подняты на Сеймѣ и уходилъ. Послѣ его выхода собраніе начинало совѣщаться, не ограничиваясь при этомъ вопросами, предложенными Королемъ; тутъ рѣшались также вопросы, возбужденныя мѣстными интересомъ. Сдѣлавши извѣстное постановленіе, Сеймикъ поручалъ выбраннымъ изъ среды Шляхтичей лицамъ передать это постановленіе на Сеймъ и настаивать на его утвержденіе. Лица, высылаемые на Сеймъ, назывались послами. ⁶⁷ Когда наступало время обсужденій, тогда могъ говорить всякій, кому хотѣлось. Первое, безъ чего Сеймикъ не могъ обойтись, была свобода слова. Чтобы свободно говорить, необходимо обезпеченіе личности говорящаго. Въ обществѣ всегда найдутся люди, готовые прислуживаться и доносить; отъ такихъ-то людей прежде всего стараются охранить себя. Сеймики не могли не обратить на это вниманія. Имѣя

дѣло съ общественною жизнью, съ учрежденіями страны, которыя никогда не бывають на столько совершенными, чтобы не требовали исправленія, имѣя дѣло съ распоряженіями Короля, который, какъ чловѣкъ, также не свободенъ отъ погрѣшностей, имѣя дѣло съ вещами подобнаго рода, говорящій не всегда могъ сохранить спокойствіе и умѣренность: онъ легко могъ сказать лишнее слово, употребить рѣзкое выраженіе, какъ противъ лицъ, стоявшихъ на верху правительственной сферы, такъ даже и противъ личности Короля. Рѣзкость же и нескромность выраженія противъ такой особы, какъ особа Королевская, давали пищу прислужникамъ и доносчикамъ и могли вести за собою весьма непріятныя послѣдствія для того, кто, въ порывѣ увлеченія, вытекающаго чаще всего изъ любви къ родинѣ, употребилъ неловкое слово. Ограждая себя съ этой стороны, Шляхта выхлопотала право, записанное и въ Vol. leg., и въ Литов. Статутѣ всѣхъ трехъ изводовъ, быть свободной отъ доносовъ въ оскорбленія Величества. По смыслу закона, оскорбленіе Величества не существуетъ въ томъ случаѣ, когда доносчикъ не доказалъ введеного обвиненія судебнымъ порядкомъ; но доказать судебнымъ порядкомъ преступленіе этого рода было не возможно, или, по крайней мѣрѣ, очень трудно. Тутъ нужны свѣдѣтели; свѣдѣтелями же могли быть только тѣ, кто засѣдалъ на Сеймикѣ. Вопросъ: могъ ли кто ни будь изъ Шляхты свѣдѣтельствовать на такое дѣло, стать обвинителемъ своего товарища? Онъ шелъ бы тогда противъ столь дорогой для него свободы слова и, стало быть, личности; онъ шелъ бы противъ самаго себя; ибо кто поручится, что на слѣдующемъ Сеймикѣ онъ самъ не скажетъ ни чего рѣзкаго противъ власти? Наконецъ нужна огромная рѣшимость со стороны доносчика. Не доказавшій обвиненія подвергался тому же наказанію, какому подвергался обвиненный, если бы онъ не былъ оправданъ судомъ. За оскорбленіе Величества въ извѣстномъ случаѣ наказаніе полагалось больше: виновный лишался имущества и умиралъ какъ гражданскою, такъ и политическою, смертію. Два этѣ обстоятельства были, значить, сильною помѣхою для доказательствъ подобнаго рода. Вотъ эта статья закона: «Объицуетъ словомъ нашимъ Господарскимъ (всему Дворянству и горожанамъ Великаго Княжества Литовскаго, земель Кіевской, Русской, Жомойтской, Волынской, Подляпской, Смоленской, По-

лоцкой, Витебской, Мстиславской и иных), ижъ надъ жадного челоука выданье, альбо осоченье (доносъ) явное, таежное и подозрѣнье тыхъ становъ вышемененыхъ карати не хочемъ, а ни винити которою колвекъ виною пенежною, кривавою, везеньемъ, або достоинствъ, врядовъ, або имѣнья отнятьемъ, нижли ажбы первой у суду явнымъ рядомъ и поступомъ права, коли жалобникъ, то есть, поводъ и отпоръ обжалованный очевистъ стануть и достаточнѣ наконецъ будутъ поконаны, которые по судѣ и по такомъ поконанью винни, мають быти караны виною, у артыкулахъ ниже описанныхъ меновите назначоною (т. е., такіе честь, имѣнье и горло тратять. Стат. 1556 г., Арт. 3.). А хто бы кого тежъ обмовляючи вчинилъ ко соромотѣ и зелживости, а штобы о честь, або о горло, або о которое колвекъ скаранье, тогды тотъ, хто на кого мовить и ведеть, а не доведеть, тымъ караньемъ самъ маеть быти каранъ.... " А за обмовенье славною о парсунѣ нашей Господарской за доводомъ слушнымъ справа и суду маемъ карати ведѣть важности выступу и словъ, вѣдѣше ласкою нашою Господарскою, а честью и горломъ, а ни имѣнья отнятьемъ, за то карати не 'будемъ." "

Огражденіе свободы слова съ этой стороны не можетъ быть названо еще полнымъ обезпеченіемъ Сейма. Былъ другой врагъ, врагъ очень сильный, который держалъ въ страхѣ какъ Сеймики, такъ и Сеймы. Это—сама же Шляхта. Еще въ XV в. многіе изъ Шляхтичей имѣли огромныя поземельныя владѣнія и могли выставить огромное войско. Одровонжамъ, на прим., принадлежали земли Львовская и Жидачовская, Бучацкимъ значительная часть Подола (Морач. кн. XIV, стр. 296). Въ XVI вѣкѣ имѣнія Сангушковъ, Замойскаго, Острожскаго, Вишневецкаго, да еще двухъ, трехъ Вельможъ, составляли область нынѣшней Кіевской, Волынской и Подольской Губерній. Остальные землевладѣльцы, чуть не всѣ, находились отъ нихъ въ подручной зависимости. Располагая огромными средствами, Вельможи обнаруживали большое вліяніе на Сеймъ; ибо за нихъ говорили весьма внушительная сила богатства и самопаловъ. Чтобы освободить Сеймъ отъ посягательства на его свободу съ этой стороны, Шляхта настаивала на изданіе строгихъ законовъ на нарушителей Сеймоваго порядка. Особенно сильна стала боязнь за свободу Сейма съ того времени, когда

прекратился домъ Ягайловцевъ, когда на Сеймъ 1573 года явилось много лицъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Тогда-то вышло постановленіе, что кто явится на мѣсто сеймованія съ другимъ оружіемъ, кромѣ обыкновеннаго: меча, сабли и шпаги, тотъ подвергается смертной казни.⁷⁰ Этотъ законъ былъ началомъ цѣлаго ряда законовъ въ подобномъ родѣ: всѣ они были вызваны укоренявшеюся мало по малу привычкою являться на Сеймъ не иначе, какъ съ вооруженною силою. Не только Сеймы, созванные во время междуцарствія, въ смутное время, окружались войскомъ, но даже Сеймы самаго мирнаго, какъ кажется, свойства, Сеймы законодательные и судебные, которые меньше всего нуждаются въ содѣйствіи штыка и ружья, вдругъ окружались тысячами воиновъ, готовыхъ, по первому указанію своего предводителя, начать кровавый бой. Сильные Вельможи и сдѣсь стремились къ тому, чтобы навязать другимъ свой образъ мыслей, свое мнѣніе, заставить Сеймъ опредѣлить то, что было бы пріятно, что льстило бы ихъ самолюбію. Противъ этихъ-то личностей и изданы законы 1578 и в 1581 годовъ (въ Польшѣ уже въ 1510 году существовалъ законъ противъ нарушителей Сеймоваго порядка). Законъ 1578 г. гласитъ: «Какъ на Сеймъ, созванный для избранія Судей, такъ и на мѣсто производства Суда, ни кто не смѣетъ являться вооруженнымъ и привозить съ собою другого оружія, кромѣ меча и сабли. Если же кто осмѣлится показаться (на Сеймъ, или на Судъ) съ запрещеннымъ оружіемъ, тотъ, не сходя съ мѣста, долженъ уплатить пятьдесятъ гривенъ, подъ страхомъ наказанія пенею въ четырнадцать марокъ; но если кто, не смотря на этотъ законъ, уйдетъ съ Сейма, или Суда, съ шумомъ (*temere*), то отсылается въ такомъ случаѣ на Судъ Старосты (*ad loci Capitaneum*). Если кто на три недѣли до открытія Сейма, или Суда, и за три недѣли по окончаніи того и другого, ранить, или убьетъ, кого ни будь, тотъ подвергается такому же наказанію, какъ тотъ, кто сдѣлалъ это въ присутствіи Короля.»⁷¹ По Литовскому Статуту даже ранившій кого ни будь въ Судъ наказывался смертью.⁷²

Оказывается, что полное обезпеченіе свободы Сеймы получили не равнше второй половины XVI в.; до этого времени они находились подъ сильнымъ вліяніемъ личности Короля и сильныхъ

Вельможъ. Получивши скоротечную (въ XVII в. мы видимъ тотъ же произволъ Вельможъ, создавшій безурядицу и погубившій Польшу, какъ самостоятельное Государство) свободу, Сеймъ превращался въ колыбель, гдѣ могли воспитаться и возрасть: 1) ораторское краснорѣчіе и 2) Шляхетское самоуправленіе. Чтобы получить понятіе о томъ, какъ и что говорилось тогда на Сеймахъ, стоитъ прочесть нѣкоторыя рѣчи. Кромѣ знакомой намъ рѣчи Мелешка, заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія:

1. Рѣчь Петра Эборовскаго, говоренная Сигизмунду I-му на Сеймѣ въ деревнѣ Бонскѣ. Въ ней замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Народъ (т. е., Шляхта) обязанъ вести только оборонительную войну, а не наступательную (Король хотѣлъ вести тогда войну съ Валахією); по этому, если въ рукахъ Короля нѣтъ денегъ, то напрасны его усилія заставить Шляхту ити бесплатно на войну за предѣлы Государства.... Теперь собрана на песполитое рушеніе самая нищія Шляхта, а Вельможи взяли отпускъ. Сомнительно, чтобы Король могъ раздавать отпуски, если онъ самъ не свободенъ отъ личнаго участія на войнѣ. Вся тяжесть войны падаетъ исключительно на бѣдныхъ Шляхтичей, которыхъ выжимаютъ и во время мира; ибо Шляхтича безъ всякаго Суда, по простому приказанію сильнаго, выгоняютъ изъ имѣнія, наказываютъ также безъ Суда, который безсиленъ на Вельможъ. Сенаторы, заставляющіе на Сенаторскомъ креслѣ для того, чтобы оборонять Шляхту, вмѣсто этого занимаютъ изобрѣтеніемъ разныхъ тягостей.... Королевичъ со временемъ сдѣлается Королемъ, а между тѣмъ не получаетъ соотвѣтствующаго образованія. Вмѣсто того, чтобы при отцѣ изучать Государственное управленіе, онъ губитъ молодые лѣта въ кругу женщинъ, забавляясь пѣснями и пляскою. Людовикъ Ягайловецъ потерялъ такимъ способомъ Угрію.»

2. Отрывокъ рѣчи Дембинскаго, говоренной на томъ же Сеймѣ: «Панове Рада говорятъ, что не чего заботиться объ управленіи существующаго порядка; но вѣдь же не безызвѣстно имъ, что они сами вырвали имѣніе изъ рукъ Станислава Одровонжа, Воеводы Подольскаго, у Литинскихъ и Казановскихъ, которыхъ даже на Судъ не считали нужнымъ позвать. Король, накупивши множество имѣній, помѣстилъ въ нихъ разныхъ чино-

никовъ, которые никогда не жалуются на Шляхту мѣстному Суду, а таскаютъ ихъ на Судъ Королевскій, гдѣ позваннѣй мало что выиграетъ, хотя бы его дѣло было самое правое. Наши предки (умные это люди были) постановили, чтобы ни кто изъ родственниковъ Короля не приобрѣталъ имѣній въ странѣ; они имѣли основательную причину бояться, чтобы ихъ свобода не потеряла ущерба, а теперь въ имѣніяхъ Королевы хозяйничаютъ чужеземцы. Прежде и Сенатъ и Король повиновались законамъ, а теперь какіе-то новички стоятъ выше закона. Изъ имѣній Королевскихъ ни кто не выходитъ на войну, вся тяжесть ея падаетъ на Шляхту. Тѣ, кто живетъ въ этихъ имѣніяхъ, умѣютъ одно—ловить деньги, тогда какъ Шляхта проливаетъ кровь, и къ тому еще, когда она возвратится обѣдѣлая и оборванная, ее въ конецъ разоряютъ.» ⁷⁸

3. Въ началѣ третьяго Статута помѣщено предисловіе Льва Сапѣги, читанное на Сеймѣ. Оно обращено къ Королю и къ Шляхтѣ.

Обращеніе къ Королю:

«Милостивый, Святѣйшій Государь мой! Было время, что въ этомъ Собраніи людей, которое мы зовемъ Республикою, Государи управляли не на основаніи писанаго Закона или Статута, а по своему убѣжденію и произволу, и часто отступали отъ своихъ обязанностей, заботясь не о благѣ общества, а о своихъ личныхъ выгодахъ. Изъ этого вышло, что люди стали презирать ихъ управленіе и царствованіе и прозвали ихъ тиранами. Съ тѣхъ поръ народъ сталъ строить безопасность и добро Речи Посполитой на одномъ только Статутѣ или на законѣ писанномъ. Не даромъ великій философъ Аристотель сказалъ, что тамъ, гдѣ человекъ управляетъ произвольно, живетъ *bellua*, а по нашему дикій звѣрь; гдѣ же во главѣ управленія стоитъ законъ или Статутъ, тамъ управляетъ самъ Богъ, а это по тому, что законъ, по выраженію другого мудреца, есть истинный разумъ и стражъ человеческого ума, которымъ Богъ одарилъ человеческую природу для того, чтобы она всегда обращалась къ честному и береглась безчестнаго. Такъ какъ природа создала не всѣхъ одинаково спо-

собными подчиняться указаніямъ ума, а не животнымъ побужденіямъ, то Богъ и святой законъ Его наложили на такихъ дерзкихъ удило или мундштукъ, по силѣ котораго безчестные получаютъ наказаніе, а честные достойную награду.... Это—цѣль всѣхъ закономъ на этомъ свѣтѣ. Тѣ, которымъ нравится своеволие, рады бы сбросить съ себя это удило и уничтожить законы. Они доказываютъ, что такъ какъ законъ глухъ, такъ какъ онъ различно относится и къ бѣдному, и къ богатому, такъ какъ онъ неумолимъ, а у Пана сердце всегда открыто для ласки, для снисхожденія къ личности человѣка, то по этому гораздо лучше жить подъ полною верховностію Короля.... Мы, Свѣтлѣйшій Государь, считаемъ себя счастливѣйшимъ народомъ именно по тому, что Богъ даетъ намъ такихъ Королей, какъ Вы и Ваши предки, которые не только не хотятъ управлять нами произвольно, но еще сами позволили намъ ограничить свою власть, требуя одного опредѣленія границъ ея. За это они заслужили у насъ безсмертіе, а Ты, Милостивѣйшій Государь, прославилъ свое имя, позволивши ввести въ употребленіе этотъ новоправленный Статутъ, за что именемъ всей Рѣчи Посполитой приношу Тебѣ благодарность....»

Обращеніе къ Литовскимъ Панамъ:

«Мудрые люди всѣхъ временъ понимали, что для честнаго человѣка ни чего не можетъ быть дороже свободы, а рабство должно казаться столь отвратительнымъ, что, для отогнанія сго отъ себя, онъ не долженъ щадить ни сокровищъ, ни самой жизни. Вотъ по чему честные люди смѣло несутъ противъ врага имущество и жизнь, лишь бы не подпасть подъ его владычество и не лишиться воли. Но не довольно было бы, если бы человѣкъ освободился отъ вѣншнаго непріятеля, а не былъ бы свободенъ отъ врага домашняго и терпѣлъ бы отъ него неволю; на этотъ-то случай и изобрѣтена узда, которая бы сдерживала всякаго, кто готовъ насиловать и угнетать слабаго; для этого-то и установлены законы, чтобы сильный не все дѣлалъ, что ему вздумается; мы невольники закона для того, говоритъ Цицеронъ, чтобы могли пользоваться свободою. Если честный человѣкъ въ отечествѣ своемъ не боится, чтобы кто либо оскорбилъ его честь, или поку-

силъ на его здоровье и имущество, то за все это онъ обязанъ закону. Мы гордимся предъ другими своею свободою по тому, что у насъ нѣтъ владыки, который управлялъ бы нами не по законамъ, а по своей прихоти. По правдѣ сказать, мы имѣемъ за что благодарить Бога, ибо подъ управленіемъ нашихъ Государей мы пользуемся свободою и, составляя себѣ законы, можемъ надзирать за ея неприкосновенностью такъ, что не только нашъ соотчичъ, но и Король, не можетъ располагать властію, большею той, которую ему дозволяетъ законъ....»

Возвращаясь къ прерванной нити, повторяемъ, что первое, къ чему стремилась Шляхта, было огражденіе личности. Въ области этого рода стремленій Шляхта достигла цѣлаго ряда законодательствъ, освобождающихъ отъ посягательства на ея личность, во 1-хъ Короля, во 2-хъ Чиновниковъ, и опредѣляющихъ какъ кругъ ихъ дѣятельности, такъ и кругъ ихъ обязанностей. Въ приведенномъ выше актѣ, 1507 года, ⁷⁴ Дворянство просило Короля, чтобы онъ ни кого не казнилъ, не губилъ безъ права (т. е., не по закону, не по Суду). Та же просьба раздалась въ 1511, въ 1529 году; въ 1530 году она нашла удовлетвореніе. Въ этомъ году изданъ, давно ожидаемый, Литовскій Статутъ. Въ началѣ его помѣщены знаменитыя слова, извлеченныя изъ привилегіи Владислава Ягайла: ⁷⁵ «Объщаю ни кого (изъ Шляхты и горожанъ) не казнить по заочному обвиненію; всякое преступленіе должно быть доказано на Судѣ». Но эта статья не говорила, какого рода преступленіе наказывается казнію. Въ слѣдствіе этого Дворянство заговорило на Сеймахъ новыми прошеніями, прошеніями объ опредѣленіи преступленій, подлежащихъ этому наказанію. Въ Статутахъ, второмъ и третьемъ, есть статьи, доказывающія собою, что это желаніе Шляхты удовлетворено. Приведемъ эти статьи:

«О ображенъе маестату Господарского такъ се розумѣть, коли бы хто змову, альбо спикненъе (заговоръ), альбо бунтъ учинилъ на здоровье наше Господарское, хотя бы Панъ Богъ ухоты, ижъ бы оная змова не была учынкомъ пополнена, таковый, за слушнымъ доводомъ.... честь и горло и имѣнне тратить. Тежъ кды маестатъ нашъ ображонъ бываетъ съ тое причины, кды

хто бунтовалъ покой посполитый, врушаючи противъ насъ, Господара, ку шкодѣ и Речи Посполитое, и мынцу безъ воли наше биль явне, а чога Боже уховай на насъ смерти, такъ тежъ и на потомки наши, Великіе Князи Литовскіе, по зештяхъ (смерти) ихъ хотячы хто осѣсти и опановати тое Панство, Великое Князство, и Господаремъ быти на немъ, войско, людъ служебный, сбиралъ и выводилъ; хто бы тежъ зъ неприятелми порозумѣнне мѣлъ, листъ до нихъ, або послы противъ намъ, Господарю, и Речи Посполитое, або остерегаючи славъ, тымъ неприателемъ якую жъ кольвекъ помочь давалъ, хотя бы тежъ замокъ нашъ неприателеви подалъ; ⁷⁶ хто бы тежъ люди неприятельскіе въ Панство наше, Великое Князство Литовское, зрадливе привелъ, а то бы на него слушне и справедливе было передано... таковой с права зъ розсудку нашего съ Паны Радами нашими, Великого Князства Литовского, честь горло тратити, и такового зрадцы дѣти, сынове, за таковой выступокъ отца своего безсцными будутъ, а имѣнія того зрадцы отчизные выслужонные, которымъ кольвекъ обычаемъ набытыя, мимо дѣти и блиакіе, на насъ, Господара, приходать. Вѣдь жо жоны таковыхъ зрайтцъ, которіе не будутъ ли вѣдали тое зрады мужовъ своихъ, а съ того ее выведутъ присегами своими, таковыя имѣній своихъ отчизныхъ и матерыстыхъ и вена, предъ учинкомъ тое зрады имъ отъ мужей ихъ описаного, не тратять. ⁷⁷ «Тежъ уставуемъ, хто бы кольвекъ съ подданныхъ нашихъ съ Панства нашего утекъ до земли неприятельское умысловъ злымъ на адраду ку шкодѣ намъ, Господарю, и Речи Посполитой, такій честь тратить; а если бы пойманъ былъ, тогды и горломъ маеть быти каранъ. А дѣти ачъ кольвекъ (хотя) для того выступку отца своего почтливости свое не тратять, але имѣнія вси отцовскіе тратять, нижъ бы што мѣли власного набытыя своего, або передъ тымъ учинкомъ отца своего отдѣлены были, тогды при томъ зостати мають. Такимъ же обычаемъ и жоны, если будутъ не вѣдали таковое зрады мужовъ своихъ, таковыя въ томъ будутъ захованы...» ⁷⁸ «Тежъ хто бы монету нашу фалшовавъ... ку шкодѣ Речи Посполитое, а то бы на нихъ досвѣдчано, тые мають огнемъ караны безъ милосердыя...» ⁷⁹ Тежъ обѣцуемъ и маемъ давати о безпечность здоровья подданныхъ нашихъ, Шляхту, за похвалками и званинїемъ (ссора) чимъ кольвекъ противко ихъ каждого... съ Канцелярии наше листы за-

ручные и заклады на нихъ казати описовати, пять сотъ копѣ грошей наименшей, а болшей двѣ тысячи копѣ грошей... даваны быти не мають... А хто бы за похвалкою, або звазнемьемъ своимъ, обнесенъ будучы урядовне листомъ нашимъ заручнымъ, а черезъ тотъ закладъ кого забилъ, тогда с права, за слушнымъ доводомъ, горломъ маеть каранъ, а закладъ на насъ, Господаря, до скарбу нашого Земского Великого Княвства Литовского, на имѣнью его маеть быти справлено. А хто бы за руку выневши, сторону противную, на которую заруку взялъ, самого его забилъ, або билъ, або ранилъ, тотъ самъ таковою жъ виною маеть быть каранъ. ⁸⁰ Бѣжавшій съ поля битвы во второй разъ также тратитъ честь. ⁸¹ Тежъ уставуемъ, если бы хто, будучы на службѣ нашей, одинъ другого умыслне, або оборочаючи, або обычаемъ звяды наѣхалъ, або на станъ квалтомъ, кого забилъ, або ранилъ, а было бы на него переведено, тотъ горло тратитъ. ⁸² Тежъ уставуемъ, коли бы хто, будучы стану Шляхетского, стоечи передъ Судомъ, корда, меча, або шабли к яко кольвекъ брони безъ слушное причины добылъ, хотя бы и не ранилъ, таковой руку тратитъ; кгда бы ранилъ, тогда ни чимъ инымъ, только горломъ маеть быти каранъ.... Хто бы на Судѣ Судью, Подсудна, або Писаря, такъ владу Земского, яко и Замкового, ранилъ, або забилъ, таковой маеть горломъ каранъ быти.... Если бы Судья, Подсудокъ и Писарь самъ квалтъ мѣстцу нашему и Суду учинилъ, а кого ранилъ, або забилъ, тогда маеть быти каранъ горломъ. ⁸³ Хто бы на чѣй домъ а госпуду умыслне наѣхалъ, хочечи его забити, а умыслне наѣхавши, або нашедши, а въ томъ дому кого кольвекъ ранилъ, або забилъ, а то бы на него переведено было слушнымъ доводомъ, таковой горло тратитъ.... Тымъ же тежъ обычаемъ, естли бы хто кому въ мѣстѣ на госпуду нашомъ квалтовнѣ, а кого забилъ, або ранилъ, и тымъ покой посполитый взрушилъ, маеть быти сужонъ и сказанъ на горло.... Тежъ если бы хто пришедши квалтовнѣ на костелъ, або на цвинтару въ школъ, або въ капланскомъ поповскомъ дому кого забилъ, або ранилъ, а тые бы раны значны были, тогда подъ таковымъ же способомъ и доводомъ маеть быти каранъ, яко выше о квалтовнѣкахъ описано... Хто бы съ подданныхъ нашихъ Господарскихъ людей подозренихъ злочынцовъ, разбойниковъ, явныхъ выволанцовъ въ дому, або въ имѣнью своемъ, переховывалъ,

маючи вѣдомость, кимъ которую раду помочъ ку шкодѣ Речи Посполитой давалъ и чынилъ, або тежъ и речей злодѣйскихъ вѣдомо поживалъ, а то бы на него было переведено слушнымъ правомъ, тогда таковой маеть быти горломъ каранъ, таковой и онъ злочынца, котораго онъ въ дому переховывалъ... Кто бы дѣвку, або учтивую невѣсту якого кольвекъ стану, сильствомъ згвалтилъ, а оная дѣвка, або невѣста, имѣла бы на это доказательство, тогда таковой маеть быти каранъ горломъ.... Кто бы безъ воли отца и матки, стрывевъ, або близкихъ, взялъ въ малженство «какую ни будь женщину и «егда то покажетъ съ права, же яко пріятель кривныхъ, такъ тежъ и ее самое, на то позволенья не было, тогда тотъ, хто ее того важылъ, маеть горломъ каранъ быти.» Тому же наказанію подвергается человекъ, отравившій, или убившій своего мужа, или жену. «Если хто отца, або матку свою, изъ якои замсти забилъ, якимъ кольвекъ обычаемъ родича своего о горло приправилъ, тогда таковой сынъ, або дѣвка .. не только горломъ маеть быти каранъ, але и почтивость и вси имѣнья тратить, и таковою смертью и потварностью ганебною (позорною) маеть каранъ быти, по рынку возечи и клещами тѣло его торгати, а потомъ у мѣхъ скураный (кожаный) усадившы до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посподу въ мѣхъ завезавши, гдѣ наглубей до воды утопити.» Смерть также убійцѣ сестры, или брата. ⁴⁴ Изъ этого слѣдуетъ, что, по силѣ Литовско-Русскаго законодательства, самымъ страшнымъ преступленіемъ считалось убіеніе родителей; другія преступленія были менѣ виновны, и по тому на нихъ налагалось и не такое сложное наказаніе. Преступленія, подлежащія наказанію смертью, были: 1, Убіеніе отца, матери, брата, сестры, мужа, жены и другихъ родственниковъ. 2, изнасилованіе женщины и прелюбодѣйство; 3, убіеніе кого ни будь въ Судѣ, или на Сеймѣ; 4, нападеніе на чье ни будь имѣніе и разбой, произведенный въ немъ. По 3-му Статуту еще поджогъ и тайное убіеніе Шляхтича. ⁴⁵ 5, *Crimen laesae Majestatis*. Къ нему относились: убіеніе, или покушеніе на жизнь Короля, Государственная измѣна (помощь и содѣйствіе, оказанныя врагамъ Государства), поддѣлка монеты, Государственной печати, руки Канцлера, Подканцлера... и повторившееся съ поля битвы бѣгство. Преступленія же противъ родственниковъ Короля не входили въ разрядъ той области преступленій, которая называ-

лась оскорбленіемъ Величества. Преступленіе противъ нихъ равнялось преступленію противъ частнаго лица. Вотъ всѣ преступленія, за которыя Дворянинъ XVI вѣка могъ подвергнуться лишенію жизни, но не иначе, какъ по разслѣдованіи и по судебному доказательству вины; преступленія другія, какого бы рода они ни были, не вели за собою этого наказанія.

Законодательство 1566 года, по настоянію Дворянства, было въ концѣ этого столѣтія нѣсколько смягчено. По Статуту 1588 года дѣти, не знавшія о преступленіи отца, не лишаются чести, но за то теряютъ отцовское наслѣдіе, если это наслѣдство раньше преступленія не было раздѣлено между ними. Также не лишался жизни тотъ, кто сдавалъ непріятелю крѣпость, будучи вынужденъ къ тому голодомъ. ⁸⁶

Вникая въ сущность уголовного законодательства Статутовъ, находимъ въ немъ то начало, что насиліе, противъ кого бы оно ни было учинено, противъ личности ли Дворянина, или противъ личности Короля, или противъ сборной личности Государства, заслуживаетъ самаго высокаго наказанія. Въ кругу насилія нѣтъ такого преступленія, которое влекло бы за собою наказаніе лишеніемъ чести, или жизни. Простое оскорбленіе личности, включая сюда особу Короля и его семейство, наказывалось денежной пеней, или темничнымъ заключеніемъ, смотря по силѣ оскорбленія. И такъ, жизнь Дворянства, по видимому, получила полное обезпеченіе; ибо безъ суда ни кто не могъ быть преданъ смерти; но тутъ надо еще знать, кто Судья.

Судовъ и Судей въ тогдашнее время было очень много. Судьями уголовныхъ дѣлъ были Воеводы, Старосты, Державцы Королевскихъ имѣній, Судья Главнаго Трибунала (съ 1578 г., ихъ было нѣсколько), ⁸⁷ Король съ Сенаторами и наконецъ Сеймъ. «Воеводове, Старосты и Державцы наши, каждый въ Повѣтъ и вьрядѣ своемъ, судятъ и справуютъ и позвы свои дають о тые артыкулы, меновите тутъ описаные, то есть, о наѣздъ кгвалтовный на дома Шляхетскіе, не толко на самый дворъ, але и на гуно або на дворець, гдѣ быдло и инъшое господарство домо-

вое бываетъ ховано, нѣ тому и квалтъ костела Христіанскаго (Стат. 1588 г.), квалтъ въ мѣстѣхъ нашихъ, о пожогу (дому, або гумна; Стат. 1588 г.) и разбой по дорогахъ, и злодѣйство, о фалшь, о голову Шляхетскую (о чародѣйство, о трутизну и отповедь Шляхтича Шляхтичу на здоровье, або огонь, такъ же и поручниковъ такихъ, которые бы о похвалку на горъло, або огонь кого рудили, але о збегу слуги и подѣданныхъ вшелякихъ и челеди невольное. Стат. 1588 г.). А въ небытности ихъ Намѣстники ихъ зъ судьєю замковымъ присяглымъ осѣлымъ мають судити и моць мѣти справовати и кончыти.»⁸⁸

Этѣмъ судьямъ принадлежали, стало быть, всѣ дѣла по преступленіямъ противъ частныхъ лицъ. Жалоба на нихъ допускалась до 1578 года къ Королю, а съ этого времени въ Главный Трибуналъ, который такимъ образомъ сдѣлался послѣднею инстанціею и принималъ переносныя жалобы (апелляціи) на всѣ Повѣтовые Суды.⁸⁹

Что же касается преступленій относительно Величества, то до 1588 года единственнымъ судьєю былъ Король, совмѣстно съ Сенаторами, а съ 1588 года на этомъ судѣ стали засѣдать еще послы отъ Повѣтовыхъ Сеймовъ; они судили преступленія противъ Государства при участіи Короля, а преступленія противъ послѣдняго сами, безъ Короля, какъ это видно изъ постановленія Коронаціоннаго Сейма, бывшаго въ этомъ году.⁹⁰ Это событіе весьма знаменательно. вмѣстѣ съ другими, данными оно доказываетъ собою, что къ концу XVI в. Дворянство окончательно освободилось отъ преобладанія Короля и Вельможъ. Перевѣсъ послѣднихъ обнаруживался именно въ томъ, что они были безъ обжалованія Судьями. Лишившись права судить заочно и безконтрольно, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишились и перевѣса.

И такъ, судьєю въ дѣлахъ, касающихся оскорбленія Величества (т. е., покушенія на жизнь Короля и бунта противъ него), съ 1588 г. былъ Сеймъ, составленный изъ Сенаторовъ и Шляхты. Руководясь началомъ: никто въ своемъ дѣлѣ не судья, Король не присутствовалъ на судѣ, а это очень важно. Судьи, не связанные присутствіемъ Короля, могли свободнѣе и безпристра-

стиѣ относиться къ дѣлу. Король только тогда присутствовалъ при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣла, когда преступленіе было направлено не противъ его личности, а противъ Государства, таковы, на пр., сношенія съ врагами страны, содѣйствіе, оказанное имъ подвозомъ оружія, сдачею крѣпости и т. п. Въ преступленіяхъ этого рода Король становился въ ряды Судей, Сенаторовъ и Пословъ, какъ гражданинъ одной съ ними земли, которому, на равнѣ съ ними, дорога эта земля,

Разбирая выше приведенныя данныя, мы получаемъ глубокую увѣренность въ томъ, что стремленія Дворянства въ области борьбы съ Королевскою властью за жизнь достигло полнаго осуществленія: жизнь его получила полное обезпеченіе. Вторая цѣль его стремленій состояла въ огражденіи личности отъ разнаго рода лишеній; сюда относятся: лишеніе должностей, отнятіе имущества и темничное заключеніе. Всѣ должности давались сначала по волѣ Короля; очень естественнo, что Король могъ и отнимать ихъ, если находилъ, что лицо, отправлявшее какую ни будь должность, не удовлетворяло его ожиданіямъ. Такъ какъ отнятіе должностей сопровождалось всегда большимъ, или меньшимъ, произволомъ, не ограничивалось ни какимъ закономъ, а по слѣдствіямъ вредило самостоятельности Дворянства, то не удивительно, что послѣднее, имѣя возможность заявить свою волю, являлось съ прошеніями предъ престоломъ, прося установленія закона, который обезпечивалъ бы личность Дворянина и съ этой стороны. Созданіе Короля, по естественнымъ законамъ человѣческой природы, готово всегда заявить больше усердія и привязанности къ особѣ своего благодѣтеля, чѣмъ къ той средѣ, въ которой было поставлено въ качествѣ судьи, или начальника. Разумѣется, что дѣятельность его не всегда совпадала съ выгодами Дворянства, особенно, если выгоды послѣдняго приходили въ столкновеніе съ выгодами Короля. Для устраненія опасности, Дворянство избрало два пути. Оно понимало очень хорошо, что Чиновникъ перестаетъ находиться въ рабской зависимости отъ Короля, когда онъ 1, избранъ не имъ, а обществомъ; или, 2, хотя бы его избраніе и зависѣло отъ Короля, но когда онъ не можетъ быть смѣненъ безъ суда. Вотъ по чему въ 1544 г. Литовскіе Послы просили, чтобы Король раздавалъ должности только извѣстнымъ лицамъ,⁹¹ а въ 1547 г. чтобы Ко-

роль, согласно статьямъ перваго Статута, не наказывалъ ни кого «отнятіемъ вѣровъ.» Изъ отвѣта, даннаго Королемъ въ 1544 г., видно, что Король имѣлъ тогда большую власть распорядиться должностями. ⁹³ Въ 1547 году тотъ же Король, въ лицѣ Сигизмунда-Августа, уже не могъ отвѣчать такъ смѣло и рѣшительно. «Его Королевская Милость казалъ вамъ повѣдѣти, ижъ Его Милость вѣдомости того мѣти не рачитъ, кому бы якіи вѣрды безъ слушнои причины былъ взятъ, яко жъ и впередъ браны не будутъ, хто бы тому самъ на себе причины не далъ.» ⁹⁴ Судя по этому отвѣту, должность никогда не отнималась безъ суда, но изъ часто повторявшихся жалобъ видно, что это бывало не рѣдко. Въ 1551 г. на Виленскій Сеймъ поступила снова жѣлоба на безвинное отниманіе должностей. Король отвѣчалъ, что «вѣрды безъ причипы и безъ очевистого мовенья и поконанья у правѣ, яко первѣи не были браны, такъ и теперъ не мають быть браны, на которыхъ чти и достоенства суть положоны и присѣганы утвержены; бо таковыя вѣрды и достоенства не отходятъ безъ причинъ слушныхъ; и не только таковыхъ вѣровъ присяжныхъ, але и тѣхъ иныхъ посполитыхъ ещо Его Королевская Милость.... ни кому не рачилъ брати, хѣба естли бы ся хто въ державѣ, альбо въ намѣстничествѣ своемъ, неряднѣ и неслушнѣ и лѣодливѣ справовалъ и подданныхъ Его Королевской Милости обтяжливимъ былъ; альбо естли бы што скарбъ Его Королевской Милости, для несправы оного вѣрдника, шкодовати мѣлъ; таковымъ Его Королевская Милость вѣрды може брати, не яко вѣрдникомъ, але яко тымъ, которые не подлѣ воли Его Королевской Милости, противъ подданныхъ Его Милости заховываються.» ⁹⁵ Наконецъ, упорною настойчивостью Дворянство достигло того, что ни кто изъ должностныхъ лицъ не былъ наказываемъ безъ суда отнятіемъ урядовъ, по крайней мѣрѣ, со времени изданія втораго Статута затихли всякія жалобы. Въ 11 артик. 3-го Раздѣла ясно и опредѣленно, безъ всякихъ условій, говорится, что «достоинствъ всякихъ вѣровъ, староствъ, державъ, тивунствъ на справу чію кольвекъ и на обнови заочныя, мы и потомки наши не мають отнимати, але коли бы который изъ вѣрдниковъ нашихъ былъ распрошытель (расточитель), або шкодникъ нашъ и дворовъ нашихъ, и до насъ бы въ томъ обмовенъ и обвиненъ былъ, тогда обоя сторона, якъ тая, кто ведеть, такъ, на кого ме-

нить, мають передъ нами очевидно стати, а мы съ Паны Радами нашими Великого Князства Литовскаго, выслушавши ихъ, и разознавши тую речъ, винного водлѣ выступку его карати маемъ, а безвинные и безъ права на заочное повѣданье не будемъ ни въ кого врядовъ брати, а ни ихъ зъ нихъ рушати.» И такъ, начиная съ 1566 г., отрѣшиться отъ должности Король могъ не иначе, какъ съ позволенія Пановъ Рады.

Првступая къ изученію имущественныхъ условій, въ которыхъ вращалось Дворянство XVI столѣтія, мы должны предварительно замѣтить, что поземельная собственность его распадалась на двѣ часуи: имущество родовое и, какъ бы его назвали теперь, имущество благопріобрѣтенное (вотчины, выслуги, данины). Стремясь охранить неприкосновенность первыхъ, Дворянство не упустило случая превратить въ родовыя послѣднія, какъ это видно изъ тогдашняго законодательства. Въ челобитной 1507 г. жителей (Шляхта) Кіевской области домогались неприкосновенности имѣній своихъ, и получили грамоту, въ которой Король обѣщаль «имѣній не отнимати» ни у кого, за исключеніемъ «зрадцы, хто иметь на насъ (Короля) лихо мыслити, алибо на землю нашу..... А отчины и выслуги не отнимати, што которые будутъ выслужили у Великого Князя Витовта и Жякгимонта и въ отца нашего, Короля Его Милости, и въ брата нашего, и што придали предки наши, то имъ потвержаемъ. А што придали Князь Александръ и Князь Семень, а не отчины чужбы, и съ того ихъ не рушаемъ, оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ въ ласки нашое, и то вже будетъ наше данье. «А по животѣ жонѣ и дѣтямъ держати имѣніе, а у кого дѣтей не будетъ, ино ближнему, а жона тая, покуль усхочеть по мужѣ вдовѣти, и она мужнію (далѣе въ этомъ актѣ пробѣлъ, исполняемый другою грамотой, подтверждающею настоящую, и она володѣеть. Ак. З. Рос. т. II, № 164), а записати жонѣ пеньязи на имѣнья (не на всемъ, въ Ак. З. Рос. № 164 этого же тома), на одной части, а имѣнья не записывати; а похочеть за оный мужъ пойти, и она съ тымъ идетъ, што будетъ мужъ ей записаль, а имѣнье дѣтямъ оставити; а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустой человекъ, ни дѣтей, ни племени, ино на насъ то имѣнье. А Князи и Панове, которые выслуги держать,

а кому подтвердимъ листы нашими, въ томъ волины по души къ церкви дати, замѣнѣти и продати, и отдати зъ нашимъ произволениемъ.»⁹⁷ Подобная же грамота дана въ 1511 г. жителямъ Полоцкой области (Ак. З. Рос. т. II, № 70). Въ Статутѣ Сигизмунда I-го имущественное право состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1, отчизны переходятъ по наслѣдству дѣтямъ и ближайшимъ родственникамъ; 2, дѣти преступника, бѣжавшаго за границу, не имѣютъ права наслѣдства; если до побѣга отца они не были выдѣлены, или знали о преступномъ намѣреніи отца, уже надо разумѣть и о наслѣдованіи послѣ брата; 3, имѣніе бѣглаго поступаетъ въ Государственную казну; 4, тотъ, кто держалъ земли и людей за Казимира и Александра, и никто не протестовалъ противъ пользованія ими, тотъ можетъ свободно пользоваться ими, и даже третью часть дать, или продать, кому угодно. Въ случаѣ крайней нужды, на пр., въ военное время, владѣлецъ такого имѣнія могъ даже заложить и остальные двѣ части, но ни въ какомъ случаѣ не дозволяется продать ихъ. 5, Что же касается до данинъ, розданныхъ Сигизмундомъ самимъ, то было постановлено, что продавать и вообще отчуждать ихъ могъ владѣлецъ не иначе, какъ съ дозволенія Короля. 6, Если кто имѣлъ листъ на имѣніе, и не воспользовался имъ въ теченіи 10-ти лѣтъ, то такое лицо теряетъ право владѣть послѣ этого срока дарованнымъ нѣкогда имѣніемъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и жившихъ за границей. Какъ во всякомъ другомъ, такъ и въ этомъ случаѣ, Дворянство клало предъ каждымъ новымъ Королемъ свои старые листы, и просило ихъ подтвержденія. По смерти Сигизмунда I-го, вступившій на престолъ его сынъ слушалъ просьбу Литовцевъ, заявленную въ слѣдующихъ словахъ: «Кгды Король, Его Милость, старшій, отецъ Его Милости, рачилъ насъ зъ даски своее, за службы наши, правомъ и волюностями обдароваты, и то въ Статутъ права земскаго вписати, ижъ хто за Короля Казимира спокойнѣ што держалъ, и за Короля Александра никто о то ся не вспомнилъ, абы то вжо было вѣчне держано, жебы Его Королевская Милость вси выслуги, купли и инны имѣнья, которымъ кольвекъ обычаемъ отъ предковъ нашихъ набытыи, и чего предкове наши и по нихъ мы сами въ спокойнемъ держаньи были... ажъ до се-го часу, рачилъ розказати все то особымъ привилеємъ своимъ Государскимъ на вѣчность намъ подтвердить, жебы есмо съ по-

томки своими на таковыхъ всихъ имѣньяхъ спокойнѣ были захованы. И который тежъ артикулъ въ Статутѣ права земскаго есть описанъ, ижъ Его Королевская Милость давности не маеть, мы за то его Королевскоѣ Милости просимъ, абы Его Милость рачилъ намъ въ томъ ласку свою Господарскуюю оказати, а тотъ артыкулъ особливимъ привилеємъ своимъ съ Статута казалъ вынати, ижъ бы вжо черезъ то ни короѣ моцы не мѣлъ, жебы есмо за тымъ зѣ спокойного держанья имѣній нашихъ на вѣчныи часы не были рушоны.»⁹⁸ Такъ какъ это прошеніе вело къ превращенію всѣхъ имѣній (и тѣхъ, на которыя Король имѣлъ право, какъ верховный раздаватель) въ наследственные, и къ устраненію Короля отъ вліянія на нихъ, то, очевидно, что Король не могъ удовлетвориться. Онъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Его Королевская Милость, намовивши въ томъ съ Паны Радамя, ихъ милостью, тую просьбу о давность Его Милости Господарскуюю, и о имѣнья ваши выслужонныи и купленныи и якимъ кольвекъ обычаемъ набытыи, рачить, водлѣ старыхъ привилеєвъ земскихъ предковъ Его Королевскоѣ Милости и ухвалы першоѣ Статутовоѣ, отъ отца Его Милости даноѣ, застановити, а иншого ся Его Милости нового ничого въ томъ чинити не видеть.»⁹⁹ Въ 1551 г. Литовская Шляхта передала на Сеймъ въ Вильнѣ нѣсколько просьбъ, изъ которыхъ въ одной высказано желаніе, чтобы завѣщаніе признавалось законнымъ въ томъ случаѣ, если бы одинъ, или два, три пункта его были испорчены и признаны незаконными.¹⁰⁰ Въ Статутѣ 1566 года, въ Розд. 3, арт. 2, сказано: «Мы, Господарь, обѣцуетъ словомъ нашимъ, за насъ и за потомки наши, Великіе Князи Литовскіе, ижъ всихъ Князей и Пановъ Радъ и всихъ врядинковъ земскихъ и дворныхъ, Пановъ хоругвовныхъ, Шляхту, Рыцарство, мѣщанъ и всихъ людей посполитыхъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и во всихъ земляхъ того Панства, намъ заховати при свободахъ и вольностяхъ... на привилеяхъ и лостѣхъ Великихъ Князей Литовскихъ, предковъ нашихъ, и отъ насъ всихъ вобецъ, яко и каждому зособна, на учтивости, достоинства, вряды на имѣнья, на люди, на кгрунты и на что кольвекъ даныхъ, и что еще будутъ даваны впередъ, непорушне неотимѣнне (вѣчными часы), ховати. А хто бы тежъ што хотя безъ привилеєвъ за отчизнымъ правомъ якимъ кольвекъ обычаемъ набытыхъ людей кгрунтовъ своихъ въ держанью былъ такъ за славного пано-

ванья предковъ нашихъ, Короля, Его Милости, Казимира и Александра, яко тежо за святой памяти и отца нашего и за нашего щасливого панованья, тые сами съ потомки ихъ близкими и теперь то вѣчнѣ держати мають и будутъ.» ¹⁰¹ «Тежъ уставуемъ, ижъ по смерти отцовъ, матокъ ихъ дѣти, сынове и дочки, отчизны и материзны не мають быти отдалены, але они сами и щадки (чады) ихъ властные кровные и близкіе правомъ прироженнымъ и слушне набытымъ, звычайемъ стародавнымъ и тежъ Статутомъ першымъ и теперешнимъ мають посягнути и одѣржати и тые добра на пожитокъ свой оборочати вѣчными часы. А то се тежъ будетъ разумѣти о близкостяхъ, спадкохъ, выслугахъ и всякомъ набытѣ водлугъ права тымъ же обычаемъ, если бы было колко братья и сестеръ рожоныхъ выданныхъ, албо и не выданныхъ замужъ, а тые бы братья межы собою отчизною подѣлилися, албо еще не подѣлилися, а который бы зъ нихъ потомъ умеръ, не зоставившы по собѣ плоду, тогда его часть отчизны толко на братью приходитъ и на ихъ потомство, а на сестры толко выправа съ четвертое части всякого имѣнья, если бы предъ тымъ которая замужъ идучи отъ отца своего, або тежъ отъ тое жъ братьи, не была дана, поколь бы се мѣли межы собою не подѣлилися; а естли бы была материзна, тогда мають братья зъ сестрамы равно подѣлити межы собою. Цакли жъ бы Богъ такъ допустилъ, жебы оная братья померли вси, а у жадного потомства по нихъ не зостало, а хотя жъ бы и было, а потомъ се звело, тогда оная вся отчизна и всякимъ обычаемъ набытые имѣнья за се на сестры ино ихъ потомство спадываеть. Нижли если бы еще также Панъ Богъ допустилъ, жебы оныхъ братья и ихъ сестры, а ни ихъ потомство и щадковъ не зостало, тогда оная отчизна ихъ вся, также всякимъ обычаемъ слушное набытье имѣнья и маетности, на близкихъ спадывати маеть, который есть навблизшій до отчизны по мечу; водлѣ того жъ поступку также тежъ и материстые мають спасти на тыхъ, которые будутъ до материстаго имѣнья и маетности навблизшіи по матцѣ оныхъ змерлыхъ, если бы черезъ нихъ кому слушнымъ записомъ не было заведено. Кромѣ тежъ того, которые безъ потомства близшихъ щадковъ и наслѣдниковъ своихъ зомрутъ, а ни на кого права своего прироженного, выслужного и набытого, не влвшы, а ни записавшы; бо по тыхъ тымъ обычаемъ имѣнья спадкомъ на насъ, Госмодаря,

Великого Князя Литовского, и потомковъ нашихъ, Великихъ Князей Литовскихъ, приходятъ и придутъ. А гдѣ потомство близкихъ и шадковъ изъ сядковъ (наслѣдниковъ) и надальшого вже бы въ поколѣнью кровныхъ близкихъ не достало и ни кому отъ нихъ записано и заведено не было, тогда по тыхъ и по таковыхъ обычаямъ имѣнья спадковъ на насъ, Господаря, Великого Князя Литовского, и потомковъ Великого Князства Литовского, придутъ и придутъ.»¹⁰² «Тажъ уставуемъ, ижъ всемъ становомъ Шляхетского народу, яко и людемъ вольнымъ вольность будетъ имѣнїями своими отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми, шафовати, подлѣ потреби воли и по добовѣя своего отдати, продати, даровати, записати, заставити въ долгу и въ сумалъ завести, замѣнати.»¹⁰³ Этѣ законы были подтверждены еще два раза: первый разъ на Люблинской Униі, 1569 года,¹⁰⁴ другой разъ 1588 г., при составленіи третьего извода (редакціи) Статута.

Разборъ сейчасъ приведенныхъ законовъ объ имуществѣ приводитъ къ постановкѣ слѣдующихъ положеній: 1) Шляхта въ теченіи XVI столѣтія стремилась сдѣлаться собственникомъ земли на прочныхъ основаніяхъ, на такихъ основаніяхъ, чтобы ни Король, ни другой кто ни будь не въ силахъ былъ ослабить ея право въ этой области условій; 2) она хотѣла, *per consequentiam*, превратить всѣ имѣнія, въ томъ числѣ и пожизненные раздачи Короля, въ наслѣдственные, и достигла этого въ значительной степени; ибо къ концу XVI столѣтія оставались на наслѣдственными въ родѣ Шляхтичей только собственные Королевскія имѣнія; 3) она прибрѣла право распоряжаться ими съ полною свободою, могла ихъ отдать кому угодно, продать, дарить, заложить, завѣщать; даже могла закладывать и продавать, впрочемъ, съ позволенія Короля; 4) она выхлопотала ту статью Закона, по которой имѣніе переходитъ къ Королю только въ случаѣ крайности, когда не остается въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ наслѣдователя. Очевидно, что эта статья закона согласована съ вадушевными стремленіями Шляхты—ограничить власть Короля, лишая его возможности обогатиться и усилиться (на счетъ ея же самой, разумеется); 5) въ постановленіи о наслѣдованіи женщины посвящаетъ задняя мысль предотвратить переходъ

Шляхетскихъ имѣній, во 1-хъ, въ другой родъ, а главное, во 2-хъ, въ чужія руки, въ руки иностранцевъ. Женщина, получившая большую часть имѣнія въ наследство, по выходѣ замужъ, могла перевести, конечно, это имѣніе, Богъ знаетъ, въ какія руки. Если коснемся вопроса о темничномъ заключеніи, и прослѣдимъ его по памятникамъ такимъ же образомъ, какъ мы поступали доселѣ съ другими вопросами, то легко убѣдимся, что требованія Дворянства въ этомъ отношеніи къ концу XVI в. получили полное удовлетвореніе. Въ началѣ этого столѣтія повторялись, вѣроятно, довольно часто случаи темничнаго заключенія безъ суда, по одному подозрѣнію; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ часто приводимые нами акты. Такъ, на прим.: «А хто кого обидитъ, алибо обмовитъ, тайно ль, явно ль, ино того ни одною виною не казнить, ни нятствомъ (отъ слова имати, т. е., арестомъ, заключеніемъ), ни шыєю (1507 г.). Оли жъ поставити на явномъ Суду Хрестыанскомъ того, который вадитъ, и того, на кого важено, и, досмотрѣвъ межъ ними, право вчинить; а хто будетъ што заслужилъ, тотъ тое утерпитъ.»¹⁰⁵ А Князей, Пановъ, Землянъ, Старость нашему (Старостѣ въ Волинской землѣ) злыми словы не соромотити, у казнь и у вѣжу ихъ не сажати, не дождавшись Королевскаго распоряженія». ¹⁰⁶ (1509 г.). Подобное же узаконеніе находится въ уставной подтвердительной грамотѣ жителямъ Полоцкой области 1511 года (Ак. З. Рос. т. II, № 70), Кіевской 1529 г. (тамъ же № 164) и Полоцкой 1547 г. (тамъ же т. III № 5). И отдѣльныя области, а, наконецъ, вся Литовская Русь заговорила о взытіи подѣ стражу и темничномъ заключеніи однимъ языкомъ, прося Правительство руководствоваться въ этомъ случаѣ приговоромъ Суда (Zbióg Дзялынскаго). Это дѣлалось при Сигизмундѣ I, а при Сигизмундѣ II и III постановлено за правило и внесено въ Статутъ, что Король «везенъемъ карати не маеть и не будетъ, ажбы перво у Суду явнымъ рядомъ и поступкомъ права.... достаточнѣ будутъ поконаны.» Любопытно знать, за что и на какой срокъ назначалось въ то время темничное заключеніе.

По третьему Статуту темничному заключенію подвергались:

1. Тотъ, кто заочно поносилъ Государя, или составлялъ на него пасквили, срокомъ на шесть недѣль, а не болше. ¹⁰⁷

2. Бѣгущій въ непріятельскую землю и задержанный во время бѣгства. Онъ содержался въ темницѣ до будущаго Сейма. ¹⁰⁸

3. Тотъ, кто въ присутствіи Короля ударилъ кого ни будь, или ранилъ, или въ Дворцѣ выбранилъ кого ни будь непристойными словами. Въ первомъ и во второмъ случаѣ онъ подвергался трехмѣсячному заключенію, а въ послѣднемъ шестимѣсячному. ¹⁰⁹

4. Тотъ, кто выстрѣлилъ въ городъ, гдѣ имѣеть пребываніе Государь, кто выстрѣлитъ и ранитъ; кто ходитъ по городу съ запрещеннымъ оружіемъ. Въ первомъ случаѣ назначено темничное заключеніе на три мѣсяца, во второмъ на шесть недѣль, въ третьемъ на двѣнадцать недѣль. ¹¹⁰

5. Тотъ, кто побьетъ Вознаго или Королевскаго посланца, срокомъ на полгода, ¹¹¹ а по артикулу II-му, Розд. 4-го, на двѣнадцать недѣль.

6. Возный, не исправно разносящій листы, призывающіе на Сеймъ, или въ Судъ. ¹¹²

7. Тотъ, кто бы произвольно распоряжался въ Королевскихъ кнѣжнѣяхъ, срокомъ на двѣнадцать недѣль. ¹¹³

8. Шляхтичъ, оскорбившій честь другаго Шляхтича, на шесть недѣль. ¹¹⁴ Сюда же относится, между прочимъ, слѣдующая любопытная бытъ: «Ижъ коли бы хто кому рекъ, же съ ты не учъстивое матки и не чистого ложа сынъ, а того на него не довелъ, а тотъ, которому примовено, съ того слушне бы се вывелъ, тогда скажемъ, ижъ таковой маеть онога навезати совито сорокъма копами грошей, а тую примовку передъ тымъ же судомъ за разомъ справа не отходячи, такъ очистити я тыми словы одъмовити маеть, што есьми менилъ на тебѣ, же бы ты былъ неучъстивое матки и не чистого ложа сынъ, такъ на тебе брехалъ, яко песь; а гдѣ бы такъ упорнымъ былъ а тыми словы за разомъ у Суду того отъмовити не хотѣлъ, тогда маеть седѣти у везенью на замъку нашомъ такъ долго, ажъ тыми словы, яко въ томъ артикулѣ написано, отъмовить.....» ¹¹⁵

9. Тотъ, кто произведетъ грабежъ, раны, или убійство, въ Повѣтъ, въ которомъ онъ не имѣетъ оцѣдлости, до тѣхъ поръ пока онъ не удовлетворитъ обиженного. ¹¹⁶

10. Тотъ, кто ворвался въ Судъ и, не смотря на напоминаніе Судьи, не хотѣлъ выйти, платитъ наказанія 12 копъ грошей, а если не заплатитъ, подвергается темничному заключенію на 12 недѣль, ¹¹⁷ а тяжущійся, который бранится въ Судъ, на шесть недѣль. ¹¹⁸

11. Стряпчій, съ умысломъ пропустившій какія ни будь доказательства, говорившія въ пользу защищаемаго, срокомъ на четыре недѣли. ¹¹⁹

12. Тотъ, кто вызвалъ на поединокъ и ранилъ своего соперника, срокомъ на полгода ¹²⁰

13. Шляхтичъ, посадившій въ свою собственную темницу другого Шляхтича, на три мѣсяца. ¹²¹

14. Сумасшедшихъ сажали тогда въ темницу. Сумасшедшій, вырвавшійся изъ темницы и убившій кого ни будь, подвергался темничному заключенію въ крѣпостной мѣшокъ на годъ и шесть недѣль; а если онъ только ранилъ, то на полгода и не въ мѣшокъ. ¹²²

До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ отношеній Дворянства къ особѣ Короля. Мы видѣли, что въ области этѣхъ отношеній все полнѣе и полнѣе вырабатывалась личность Дворянскаго сословія, выростала его самостоятельность. Среди этѣхъ отношеній выдвигалось на первое мѣсто его стремленіе забрать въ свои руки управленіе всѣми вѣтвями Государственнаго строю. Мы видѣли, что Шляхта, въ борьбѣ съ Королемъ, не только отстаивала свои права, которыя пріобрѣла раньше XVI в., но расширяла ихъ болѣе и болѣе. Разсматривая подробности отношенія ея къ Правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ, мы увидимъ, что не простаго обезпеченія своего сословія, а господства, желала она. Ближайшее столкновеніе съ властью она встрѣчала въ лицѣ мѣ-

стныхъ Чиновниковъ каждаго Повѣта. Въ началѣ этого вѣка Повѣтовыми Чиновниками были Воеводы, Старосты и Намѣстники: они сосредоточивали въ своемъ лицѣ судебную, полицейскую и управительскую власть, а въ военное время предводительствовали ополченіемъ.

Такъ какъ тогда еще не были въ точности опредѣлены ни область ихъ дѣятельности, ни кругъ ихъ обязанностей, ни прѣдѣлы ихъ власти; такъ какъ, кромѣ этого, они не имѣли закона, съ которымъ могли бы согласовать свои поступки, а все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія, то, понятно, сколько путаницы и произвола должны были выражать ихъ дѣйствія. Желая, съ одной стороны, опредѣлить границы ихъ власти, съ другой же поставить ихъ въ стѣснительное относительно себя положеніе, Шляхта постепенно укладывала въ форму закона новыя и новыя требованія, несомнѣнно клонившіяся къ ограниченію власти Правительства. Стоя на этой почвѣ, Шляхта Кіевской земли еще въ 1509 году выхлопотала у Короля слѣдующій законъ: «а коли поступитъ Бояринъ, ино Намѣстнику нашему, осудивъ и на поруку давши, до насъ отложить; мы паки волни будемъ въ той вигѣ взяти и отпустить.» Такъ какъ Воеводы, не допуская обжалованія на ихъ рѣшенія престола, ставили Шляхту въ затруднительное и тягостное положеніе, то, для избавленія ея отъ него, Король, по ея же ходатайству, опредѣлилъ: «А хто бы, не вступая у право, передъ нашимъ Воеводою отозвался на насъ, на Господаря, того пустити предъ насъ, и призвавши ихъ обоихъ, сутяжцевъ, передъ собою, дати имъ рокъ (срокъ) подобный, передъ нами имъ стати.»¹²³ Въ уставной грамотѣ жителямъ Волынской области Король запрещаетъ Чиновникамъ (Старостѣ, Намѣстнику, Земскому Маршалку, Ключнику и Конюшему), во 1-хъ, брать голову (подать за голову) съ убійцы, который находится въ служеніи Шляхты. Эта дань идетъ въ пользу Господина; 2, посылать Дѣцкаго за слугою Шляхтича; 3, «А Князей, и Пановъ, и Землянъ Старостѣ нашему злыми словы не соромити, у казнъ и вѣжу ихъ не сажати; а если бы ся который провинилъ въ чомъ, ино Старостѣ насъ обослати, какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, штобы умѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки наше»¹²⁴ то вчинити.» Давая подобные листы

Шляхтѣ, слѣдовало также дать наказъ самимъ Чиновникамъ, чтобы они знали, что относится и что не относится къ ихъ власти. Этѣ наказы мы встрѣчаемъ еще на двѣнадцать лѣтъ передъ изданіемъ перваго Статута. Такъ въ 1511 г. посланъ наказъ Старостѣ Дорогицкой ¹²⁵ земля, въ 1514 г. данъ на азъ Юрію Радивилу, Городенскому Старостѣ, ¹²⁶ и другимъ. Но всѣ этѣ наказы, имѣя свойство случайности, мѣняясь, смотря по обстоятельствамъ, для каждой области, не могли удовлетворить ни кого: пуженъ былъ законъ: онъ появился въ болѣе обыкновенной формѣ не раньше второй половины этого вѣка. Съ этого же времени появились многія выборныя должности, какъ-то: Судьи, Подсудка, Писаря, Старосты Гродскаго, Подстаросты, Возного, Вижа (присяжнаго свѣдѣтеля), тогда же ограничена власть Сенаторовъ и появилась отчетность Министровъ.

Разсмотримъ каждую изъ главныхъ должностей особо.

Воевода. На Литовской Руси Воевода получилъ полное опредѣленіе своей власти не раньше второй половины XVI вѣка, со времени Люблинской Уніи. ¹²⁷ Воеводства — это были военные округа, а Воевода — начальникъ войска, составленнаго во время войны изъ Шляхты этого округа. Воеводства были слѣдующія: 1) Виленское. Къ нему относились Повѣты: Ошмянскій, Брячеславскій и Вилькомирскій. 2) Троцкое; оно дѣлилось на Повѣты: Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій и Упитскій. 3) Минское съ Повѣтомъ Рѣчицкимъ. 4) Новогородецкое съ Повѣтами: Слонимскимъ и Волковыскимъ. 5) Берестъ-Литовское имѣло одинъ Повѣтъ Пинскій. 6) Подольское; 7) Брячеславское съ Повѣтами того же имени. 8) Кіевское съ Повѣтомъ Мозырскимъ. 9) Волынское съ тремя Повѣтами: Луцкимъ, Владимирскимъ и Кременецкимъ. 10) Мстиславское; 11) Витебское съ Оршанскимъ Повѣтомъ. 12) Полоцкое; 13) Смоленское. ¹²⁸ Каждымъ изъ Воеводствъ управлялъ Воевода. За исключеніемъ Воеводы Полоцкаго, избираемаго народомъ, всѣ остальные назначались Королемъ. ¹²⁹ До Люблинской Уніи Воевода имѣлъ право судить Шляхту (см. приведен. Акты Зап. Рос.), но съ этого времени онъ былъ Судьею въ уголовныхъ дѣлахъ между Евреями, главнымъ Судьею города, ¹³⁰ устанавливалъ цѣны на разные предметы торговли и былъ Предводителемъ Воеводства

во время посполитаго рушенья. Онъ имѣлъ помощника, называвшагося Подвоеводою. Такъ какъ онъ устанавливалъ цѣну на товары въ цѣломъ Воеводствѣ и занимался повѣркою мѣръ и вѣсовъ, то ему приходилось разъѣзжать по Воеводству и входить въ разнообразныя столкновенія и съ Шляхтою, и съ горожанами.⁴³¹ По всей вѣроятности, Воеводы, въ угоду Шляхтѣ, устанавливали очень низкія цѣны на товары и брали за это съ нихъ взятки, по тому что въ уставной грамотѣ, данной Полочанамъ, Воеводѣ запрещается разъѣзжать по волости: «а поѣдитъ ли когда въ ловы (на охоту), ино по станомъ не дарити.» Воевода, по важности сана, считался первымъ свѣтскимъ лицомъ въ Государствѣ; послѣ Епископовъ ему принадлежало переднее кресло въ Сенатѣ. Между Воеводами почетнѣйшее мѣсто въ Сенатѣ принадлежало Воеводѣ Виленскому; за нимъ пониже сидѣли Воеводы: Троцкій, Берестъ-Литовскій, Кіевскій, Волинскій, Подольскій, Смоленскій, Полоцкій, Новогородецкій, Витебскій, Мстиславскій, Брячеславскій и Минскій.⁴³² Какъ Члены Сената, они принадлежали къ высшимъ Правительственнымъ органамъ страны

Каштелянъ. Каштеляны также входили въ составъ Сената. Порядокъ ихъ въ Сенатѣ такой же, какъ и Воеводъ. За Каштеляномъ Виленскимъ сидѣлъ Троцкій и т. д. до Минскаго. Каштелянъ считался ниже Воеводы, исключая Каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, которые не уступали имъ въ значеніи, садились между ними и даже выше многихъ изъ нихъ.⁴³³ Обязанности Каштеляна состояли въ надзорѣ за крѣпостью (castellum) во время мира. Во время войны онъ, какъ начальникъ Повѣта, велъ Шляхту на сборное мѣсто, представлялся съ нею Воеводѣ и подчинялся такимъ образомъ послѣднему, какъ своему начальнику. Каштелянъ — лицо, избираемое въ должность Шляхтою.

Староста. Старосты были двоякаго рода: городскіе и не городскіе. Первые предсѣдательствовали въ Городскихъ Судахъ и судили по уголовнымъ дѣламъ, возникшимъ въ городѣ или же въ области Староста. Къ ихъ вѣдомству относились также гражданскіе иски, по переноснымъ жалобамъ отъ Городскаго Суда и даже, въ особенныхъ случаяхъ, указанныхъ Статутомъ, гражданскія дѣла, возникшія между Шляхтою. Обжаловать рѣшеніе Старосты

и Городскаго Суда можно было къ Королю, или же въ Трибуналь. Староста избирался Шляхтою и утверждался въ должности Королемъ. Староста негородской — только титулъ. Онъ не имѣлъ судебной власти. Такъ называлось лицо, которому Король пожаловалъ имѣніе, называвшееся Староствомъ. Староста, имѣвшій въ рукахъ судебную власть, избиралъ себѣ помощника, который назывался Подстаростою, и Писаря. вмѣстѣ съ ними и съ нѣсколькими выбранными Засѣдателями онъ составлялъ судебное мѣсто. Обязанность Подстаросты состояла не только въ томъ, чтобы судить вмѣстѣ съ упомянутыми лицами, но и предсѣдательствовать въ Судѣ въ отсутствіе Старосты. Писарь вносилъ въ акты книги Суда жалобы истца, донесенія Вознаго, который при Судѣ исполнялъ роль чиновника особыхъ порученій,¹³⁵ и записывалъ рѣшеніе Суда. Онъ обязанъ былъ также дѣлать выписки изъ протоколовъ, если этого желала которая ни будь изъ тяжущихся сторонъ. Въ вознагражденіе за это онъ получалъ извѣстную, таксою установленную, плату.¹³⁶

Судья. Судовъ, т. е., Судебныхъ мѣстъ, тогда было очень много. Смотря по роду возбужденныхъ вопросовъ, и Суды дѣлились на нѣсколько частей. Кромѣ Воеводскихъ и Старостинскихъ Судовъ, были Суды Подкоморные, къ которымъ обращались въ дѣлахъ по межеванью. Когда возбуждался споръ о границахъ между смежными имѣніями, тогда на спорное мѣсто выѣзжалъ Подкоморій и при свѣдѣтеляхъ разбиралъ тяжбу. Были еще Суды Верховные; они назывались Трибуналами. Сюда поступали жалобы на неправильное рѣшеніе Повѣтоваго Суда.¹³⁷ Сеймы также имѣли Судебную власть. Къ рѣшенію Сеймовъ относились всѣ дѣла касательно оскорбленія Величества и жалобы на злоупотребленіе высшихъ Чиновниковъ Государства. Всѣ гражданскіе иски, тяжбы по имѣніямъ, принадлежали къ первой инстанціи вѣдомства Повѣтовыхъ, Земскихъ Судовъ. Подобно Городскому, Земскій Судъ состоялъ также изъ Судьи, Подсудка, Писаря и Засѣдателей. Всѣ этѣ лица были выборныя и давали присягу въ томъ, что они честно и добросовѣстно будутъ исполнять свою обязанность. Члены Городскаго Суда были также присяжные.

Маршалъ Земскій. Его обязанности: предѣдательствовать на Сеймикѣ и Сеймѣ (областномъ) и вести Шляхту на посполитое рушене.

Великій Маршалъ. Кругъ его дѣятельности: онъ управлялъ Королевскимъ Дворомъ, производилъ судъ надъ Королевскими поданными, называемыми «d wozanie,» и надъ тѣми, кто, въ присутствіи Короля, отважился на драку (иногда рѣшеніемъ дѣла этого рода занимался Сеймъ), принималъ иностранныхъ Пословъ, завѣдывалъ постройкою шопы (зданіе для Генеральнаго Сейма) и налагалъ таксу на произведенія, закупаемыя Дворомъ.

Подскарбіи Великій Литовскій. Онъ завѣдывалъ Государственною казною, монетнымъ дворомъ, собиралъ подати, выплачивалъ долги, велъ прихода-расходныя книги. Всѣ уплаты онъ производилъ не иначе, какъ съ позволенія Сейма, или, по крайней мѣрѣ, Сената. На каждомъ Сеймѣ онъ давалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и получалъ росписку на то, что суммы не растрacены.

Канцлеръ. Онъ самое близкое къ Государю лицо и первое свѣтское лицо въ Государствѣ. Обязанности онъ несъ очень важныя. На Сеймѣ, или во время приема иностранныхъ Пословъ, всегда, какъ представлялась надобность, чтобы Король заговорилъ съ престола, его выручалъ Канцлеръ. Онъ былъ главнымъ редакторомъ всѣхъ бумагъ, носившихъ печать Короля. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за тѣми, чтобы 1, ни кто не трогалъ Королевскихъ правъ, и 2, чтобы Король, въ свою очередь, не нарушалъ правъ Шляхты; въ силу этого закона, онъ могъ отказаться подписать актъ, уже подписанный Королемъ, и приложить къ нему Государственную печать, которой онъ былъ хранителемъ (чему бывали примѣры). Товарищемъ его былъ Подканцлеръ, хранитель малой печати, равный Канцлеру во всемъ. Онъ часто заступалъ его мѣсто.

Гетманъ. Главный полководецъ. Онъ назывался Великимъ, а его помощникъ Полевымъ. Гетманъ не имѣлъ права засѣдать въ Сенатѣ, по той причинѣ, что въ его распоряженіи было вой-

ско; слѣдовательно, онъ могъ быть опасенъ для общественной безопасности. Назначеніе его зависѣло отъ Короля.

Сенатъ — личность собирательная. Онъ состоялъ изъ лицъ, набираемыхъ на сеймѣ Шляхтою и утвержденныхъ Королемъ. Сенатъ составлялъ верховный совѣтъ Короля и назывался по этому Радю. Во главѣ Рады стоялъ Архіепископъ Гнѣзненскій, называемый Примасомъ. Изъ Сената, независимо отъ этого, избиралось нѣсколько лицъ, которыя всегда присутствовали при Королѣ и наблюдали за его дѣйствіями. ¹³⁸

Всѣ упомянутыя мною лица были отвѣтственны предъ Шляхтою, не смотря на то, назначались ли они Королемъ, или Сеймомъ. Король былъ также отвѣтственнымъ предъ нею. Во главѣ Государства стоялъ Сеймъ, т. е., Шляхта. Такъ было къ концу XVI вѣка; къ этому вели всѣ стремленія и ожиданія Шляхты. Шляхта стремилась къ господству, и ея стремленія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, если не принимать въ расчетъ городского населенія. Чтобы убѣдиться въ подлинности этого вывода, обратимся къ событіямъ. Памятники этого времени докладываютъ, что не было ни одного явленія въ общественной жизни, ни одного вопроса, которыя не чувствовали бы силы Шляхтской личности. Шло ли дѣло объ управленіи Государствомъ, или о сборѣ на войну, или о деньгахъ, или объ образованіи, или о законахъ, вездѣ слышалось присутствіе этой силы, вездѣ она обнаруживала громадное вліяніе. Господство Шляхты въ Правительственной области и надъ ея орудіями проявлялось на разныхъ мѣстахъ. Шляхта могла требовать, чтобы не предпринимали ни одного дѣла безъ созволенія Сейма, ¹³⁹ чтобы Король назначалъ въ должности тѣ, а не другія, личности, какъ, на прим., для обереганія границъ. ¹⁴⁰ Такъ какъ всѣ Чиновники непосредственно и посредственно были назначаемы самою же Шляхтою, то, разумѣется, они находились отъ нея въ зависимости. Шляхта могла требовать у Короля, чтобы онъ дѣлалъ имъ замѣчанія, если увидитъ, что они допускаютъ упущенія, или злоупотребленія по службѣ, могла сама дѣлать Правительственныя замѣчанія и напоминанія и наконецъ требовать удаленія отъ должности.

Въ 1572 г. Сеймъ, высылая пословъ въ Варшаву, дадъ имъ полномочіе поблагодарить Сенаторовъ, что они убили столько времени на безполезныя сѣзды, отъ которыхъ не осталось ни чего, кромѣ, развѣ, вреда для Рѣчи Посполитой; а Любдинское Воеводство напоминало Примасу, чтобы онъ не превышалъ своей власти. Въ 1505 году на Петрковскомъ Сеймѣ Мацѣевскій лишенъ печати, а Краковскій Каштелянъ—Староства. На Сеймѣ 1563 г. хранителемъ большой печати послѣ Оцѣскаго былъ сдѣланъ Дембинскій. ¹⁴¹ «Намъ, Господару, давати Воеводу нашего Полочанамъ по ихъ воли; а который Воевода будетъ нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу иного дати по ихъ воли.» ¹⁴² Посредствомъ Сейма Шляхта могла требовать, чтобы монета чеканилась такая, а не другая, могла устанавливать подати, требовать, чтобы собранныя деньги употреблялись для той, а не другой, цѣли, ¹⁴³ чтобъ они хранились въ томъ, а не другомъ, мѣстѣ, ¹⁴⁴ требовать измѣненія и поправленія Статута. Если бы Король отказался исполнить которое ни будь изъ требованій, то она, помимо воли Короля, могла собраться на Сеймъ и рѣшить вопросъ, какъ ей было угодно. «Я самъ соберу Сеймъ, говоритъ Архіепископъ Гибзенскій Дзѣржковскій Сигизмунду-Августу, если ты не хочешь созвать его.» При Сигизмундѣ Вазѣ было нѣсколько Сеймовъ, не разрѣшенныхъ Кородемъ. ¹⁴⁵

На основаніи сказаннаго выше, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что Шляхта обнаруживала большое вліяніе на общественную дѣятельность Короля; мы можемъ сказать больше: она господствовала надъ домашнею, семейною жизнью его. Когда Шляхта увидѣла, что молодой Сигизмундъ-Августъ проводитъ жизнь среди увеселеній, она напомнила отцу вести воспитаніе сына лучше. Когда Король Генрихъ слишкомъ много времени тратилъ на развлеченіе, то къ нему былъ посланъ отъ Шляхты Іеронимъ Осолинскій съ пятью товарищами сказать, что если онъ не хочетъ отдѣлять больше времени для исполненія обязанностей, которыя онъ принялъ на себя виѣстѣ со скипетромъ, то нѣтъ сомнѣнія, что весьма скоро будетъ низложенъ. ¹⁴⁶ Шляхта посягала даже на права сердца Короля, чему доказательствомъ служить трогательная исторія отношеній Сигизмунда-Августа къ Варварѣ Радивиль и бурныя Сеймы при Сигизмундѣ III, укрѣпленія его за бракъ съ женщиною, которая не нравилась Шлях-

тѣ. Сигизмунду III-му запрещенъ былъ выѣздъ въ Швецію. ¹⁴⁷ Имѣнія Короля сравнены были во всѣхъ отношеніяхъ съ Дворянскими: онъ платитъ съ нихъ одинаковую съ другими подать, въ спорахъ за границы, или въ другихъ какихъ ни будь спорныхъ дѣлахъ, онъ подлежалъ вѣдомству однихъ и тѣхъ же Судовъ; но для Шляхты этого оказывалось не достаточно; ей хотѣлось большаго, а именно, ей хотѣлось лишить Короля поземельной собственности.

Въ 1551 году Шляхта въ числѣ просьбъ помѣстила такую: «которая братья наша, Шляхта, мѣвала пожитки у волостяхъ, Вашей Королевской Милости поданныхъ, и теперь покорнѣ просимъ, абы то было не уймовано, и по старому заховано, а злѣща то, што ся на мѣстахъ окажетъ.» ¹⁴⁸

Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ видъ, что онъ не понимаетъ просьбы и не знаетъ, къ чему она клонится. Ему трудно было согласиться на утверженіе просьбы, лишавшей его права на поземельную собственность; ибо, подтверждая Шляхтѣ изъ году въ годъ право на доходы отъ своей земли, онъ дѣлался собственникомъ только по имени, не болѣе того. Не только надъ Королемъ, но и надъ цѣлымъ его семействомъ, тяготѣла Дворянская опека. Такъ, по смерти Сигизмунда-Августа, Подскарбій получилъ приказъ принять Королеву подъ свою опеку, и даже приставили къ ней караулъ, въ особѣ Полоцкаго Старосты и нѣсколькихъ Дворянъ. ¹⁴⁹ Послѣ всего этого на долю Короля выпадала одна лишь исполнительная власть. Цѣмъ онъ въ своемъ распоряженіи войско, тогда другое дѣло; но этого войска не было. При наступленіи войны Шляхта сама выходила на битву; если и собирались иногда наемники, которые за деньги могли бы служить Королю и составлять, такимъ образомъ, его силу, то Король не могъ воспользоваться ими, по тому что законъ обязывалъ его, по минованіи войны, тотчасъ распустить ихъ.

Раскрывши тѣ страницы Исторіи, въ которыхъ описана жизнь горожанъ (мѣщанъ), мы читаемъ, что въ столкновеніи съ ними Шляхта завляла притязаніе на такое же господство, какъ и въ другихъ случаяхъ. Мы знаемъ, что въ тогдашнее время горожане при-

надлежали къ двумъ видамъ. Одни изъ нихъ находились подъ защитою Магдебургскаго права, другіе судились Литовскимъ Статутомъ. Тотъ, кто пользовался правами и судился по законамъ Статута, тотъ самими дѣламъ (*ipso facto*) подпадалъ подъ управленіе Шляхты и становился хотя, не хотя (*volens, nolens*) ея рабомъ. Шляхта была тутъ владычицею. Кто же находился подъ управленіемъ правъ Магдебургскаго и Холмскаго, тотъ могъ еще пользоваться свободою и обезпеченіемъ личности, если только самъ не хотѣлъ дѣлать насилія Шляхтичу. ¹⁵⁰ Король, ругаясь за неприкосновенность Нѣмецкаго, какъ тогда выражались, права, долженъ былъ оберегать его также отъ тѣхъ, кто бы осмѣлился напасть на него и угрожать его цѣлости. Многократно первѣй сего жаловали намъ Лентвойтъ и Бурмистры и Рядцы и всѣ мѣщане мѣстца нашего Полоцкаго о кривды и утиски, о грабежи и о зламаныя права ихъ Майтборскаго и привилія нашего, што ся имъ отъ твоей милости стало, и о иншіи многіе кривды, о забійство головъ, и о бои и грабежи, которыи ся имъ отъ вранниковъ и отъ слугъ твоей милости стали; о чемъ же мы первѣй не однокротъ до твоей милости писали, и Дворянъ нашихъ посылали, приказуючи тебѣ, абы ты имъ жадныхъ кривдъ и утисковъ не чинилъ, и во всемъ далъ имъ покой, и заховалъ ихъ подлѣ права Майтборскаго и привилія нашего, которыйи есмо имъ на то дали. И твоя милость о то не дбаючи, и еще большей кривдъ и утисковъ имъ подѣлалъ потомъ...» Наступая на ихъ права Шляхта напирала на двѣ точки. Прежде всего она хотѣла подчинить ихъ своему суду. Въ просьбахъ, посылаемыхъ на Сеймъ, часто повторяется желаніе, чтобы горожане Вильны, Трокъ, Луцка и другихъ городовъ, судились съ Шляхтою не Городскимъ правомъ (т. е., Мѣщанскимъ), а Земскимъ (т. е., Шляхетскимъ). ¹⁵¹ Но горожане ссылались на привилегіи Казимира, Александра и Сигизмунда I, данныя имъ при вступленіи на престолъ, и Шляхта заявляла, что она стоитъ за старину, за ненарушимость правъ, принуждена была замолчать. Но чего она не могла сдѣлать прямо, то дѣлала окольными путями. Для чего ей желать, на пр., чтобы горожане, принадлежащіе ей ¹⁵² и живущіе въ городахъ, находились подъ властью Магдебургскаго, а не Земскаго, права? ¹⁵³ Очевидно, проводя своихъ людей въ кругъ городскиихъ жителей и не теряя на нихъ права, какъ владѣльцы, Шляхтичи поутили такимъ образомъ строй городскаго управленія. На горожанахъ ле-

жали многія податныя повинности, довольно обременительныя для нихъ. Шляхта старалась соблазнить ихъ на этомъ пути лестными видами на благополучіе, которое представлялось будто бы тогда, когда они зададутся за нее, и легковѣрные переходили въ собственность Пана, закладывались за него. Остальнымъ приходилось отбывать за нихъ платежи и нести еще тяжелѣйшее бремя. Въ ириведенныхъ выше актахъ записана жалоба горожанъ, въ которой они просто, но краснорѣчиво, изображаютъ свое стѣснительное положеніе съ этой стороны: «А которыи, дей, мѣщане выломилсь зъ нашего права Майтборского и задали ся за него (за Воеводу) въ городовое право, не хотячи серобщизны и ордынщины и иныхъ платовъ мѣстскихъ посполъ зъ нами Королю платити, какъ же за Владыку и за Князей и за Бояръ Полоцкихъ многіи мѣщане для того жъ ся задали.»¹⁵⁴ Потрясая городской строй въ одномъ, они не переставали тревожить его и на другомъ мѣстѣ. Главное средство существованія для горожанъ состояло въ торговлѣ, но, благодаря таксамъ, торговля не могла получить правильного, развитія. Установленіемъ таксы Шляхта надвѣялась поставить горожанъ въ зависимое относительно себя положеніе, но далеко не достигла осуществленія своихъ цѣлей. Такса подавала поводъ къ стачкамъ и, въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, къ разбоямъ и жалобамъ.

Въ Статутѣ 1588 года читаемъ подтвержденіе правъ горожанскихъ относительно ихъ самостоятельности съ значительнымъ противъ прежнихъ правъ измѣненіемъ привилегій или, какъ тогда выражались, съ поправленіемъ стараго законодательства, а именно: въ Статутѣ говорится, что «гдѣ бы ся трафило жаловати которому Шляхтичу на мѣщанъ нашихъ Виленскихъ о збитье, о раны и о забойство и о каждое обложенье, тогда о то врьдъ мѣстскій справедливость чинити маєтъ правомъ ихъ Майтборскимъ водлугъ привилеевъ ихъ, къ тому месту Виленскому и мѣщаномъ нашимъ, подъ местькимъ правомъ мешкающимъ, отъ предковъ нашихъ и отъ насъ, Госнодара, поданныхъ... Если бы кому зъ мѣщанъ нашихъ права Майтборского которая кривда деела отъ Князей, Пановъ и Земянъ а подъданныхъ ихъ, а они бы се сами добровольно усправедливити не хотѣли, або справедливости съ подъданныхъ своихъ не вчинили, тогда такового каждого мещанинъ

масть до Суда Земьского Повѣтового позвати и дадей поступовати противъ ему подлугъ поступку права и Статуту Земьского. ¹⁵⁵ По видянному, горожанинъ не проигрывалъ отъ этого ни чего. Литовскій Статутъ позволяетъ ему доискиваться правды и защиты. Король обязывался давать ему судъ и чинить справедливость на равнѣ со Шляхтою. Но дѣло-то въ томъ, что законъ былъ безсиленъ предъ такой мощной силой, какъ Шляхетская. Судъ въ большинствѣ случаевъ существовалъ только такъ, рго fogma; онъ судилъ, писалъ рѣшенія; но этѣ рѣшенія теряли всякую силу, всякій смыслъ, какъ только приходилось столкнуться съ живою дѣйствительностью: слаба была въ то время исполнительная власть. Чтобы заставить кого ни будь изъ Шляхтичей покориться рѣшенію Суда, приходилось иногда употреблять въ дѣло военную силу, созывать посполитое рушенье изъ цѣлаго Повѣта, или даже изъ нѣсколькихъ, но и тогда выходило мало толку. Безчисленные примѣры, взятые изъ бытовой жизни, доказываютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Передъ Дворцомъ Короля (Генриха Валуа) нѣкій Шляхтичъ, Самуилъ Зборовскій, позволилъ себѣ вступить въ бой съ Паномъ Тенчинскимъ. Съ обѣихъ сторонъ бился не на шутку, употребивши въ дѣло огнестрѣльное оружіе. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ Ваповскій, находившійся въ отрядѣ Тенчинскаго. Начинателемъ этой драки былъ Зборовскій, и по тому, по закону, онъ подлежалъ наказанію, и при томъ, наказанію самому жестокому, по тому что онъ отважился на бой въ присутствіи Короля. Послѣ долгихъ колебаній, Сеймъ и Король приговорили его къ баниціи, т. е., къ лишенію имущества и изгнанію. Вмѣсто того, чтобы удалиться за границу, онъ, съ толпою вооруженныхъ людей, выходилъ на дорогу и занимался разбоемъ и грабежемъ, нападая на имѣнія, безъ сомнѣнія, тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ осужденіемъ на баницію. Мало того: онъ хвасталъ, что онъ вѣдетъ въ Краковъ въ одинъ день съ Замойскимъ, на то время Канцлеромъ, на которомъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ Королевскаго рѣшенія. ¹⁵⁶ Только несостоятельностью органовъ можно объяснить то безчисленное множество случаевъ грабежей, разбоевъ по дорогамъ и дома, которыми переполнены акты, хранящіеся въ сдѣшнемъ (Кіевскомъ) Центральномъ Архивѣ. Изъ этѣхъ актовъ можно узнать, что Шляхтичи просто издѣвались надъ приговорами Суда.

Нападеніе совершалось на Князей и Духовенство, на горожанъ и Шляхту, на мужчинъ и на женщинъ, совершалось оно и Панами, и Духовенствомъ, частными лицами и Чиновниками, мужчинами и женщинами. Для примѣра возьмемъ нѣсколько актовъ, и прочтемъ ихъ.

1. Управляющій имѣніемъ Загоровскаго «способившися зъ слугами Пана своего, помочниками своими, маючи въ себѣ разное оружіе, наѣхавши мощно и квалтомъ на дворець мой (принадлежащій Дубницкому), ворота дворные побили и порубали и, вбѣгши на коняхъ до двора, за слугами и челядью начали гонити и ихъ бити; я, дей, седечы въ светлицѣ въ дому моемъ зъ гостями и пріятельми моими, послышавшы на дворе крикъ, и не вѣдаючи о томъ ни чого, што ся дѣветъ, выбегъ, дей, есмн зъ свѣтлицы на дворъ безъ жадное брони, толко маючи на себѣ однорядокъ на опашку безъ жупицы, и обачилъ, дей, есмн, что тотъ врядникъ Грицко съ помочниками своими по двору на конехъ за слугами и челядью моими гонять, бьютъ; я, дей, почалъ ихъ упоминати, абы миѣ такого квалту не чинили и зъ двора моего себѣ прочь поѣхали; врядникъ, дей, Пана Загоровскаго, Грицко, не мовячи зо мною ни чого, одно скочивши ко миѣ на кони, конемъ мя потрупилъ, ажемъ уналъ на землю, и отъ оного потрученья кровь, дей, ми зъ носа пошла такъ гвалтовне, же ми вся кошуля кровью сплынула, а въ тотъ, дей, часъ врядника, слугъ и челядь мою дворную позбивали и поранили, а сами зъ двора уѣхали.» ¹⁵⁷

2. Пани Шелвовская жалуется Суду на своего сына, который нѣсколько разъ уже нападалъ на ея имѣніе, грабилъ и разбивалъ ея людей и, не смотря то, что Судъ нѣсколько разъ принуждалъ его къ уплатѣ убытковъ, напалъ снова на ея имѣніе, а чтобы избѣгнуть платежа пени, записалъ все имѣніе своей женѣ. ¹⁵⁸

3. Иваницкій напалъ на домъ своей матери: она въ это время разбирала притязанія и жалобы своихъ крестьянъ. Обвиняя ее въ растратѣ отцовскаго наслѣдства, онъ разогналъ крестьянъ, которыхъ судила мать, и, схватившись за саблю, кричалъ: «Суди,

дей, себе до дѣбла зѣ дому моего! бо то, дей, домъ мой, а не твой; ты, дей, до того ни чого не маешъ, и такъ промотала все золото и серебро и деньги моего отца.» ¹⁵⁹

4. Панъ Мировицкій такъ похвалялся горожанину Дешку: «Батько твой зѣ неприятели мои бурсуетъ (якшается), за то его ненавижу; я, дей, говорю и теперъ не пивши, ни ѣвши; Боже мя убей, если я которого Радковича не повѣшу; бодай быхъ я, дей, самъ виселъ где кольвекъ; дей которого зѣ нихъ збивши, то вже ихъ буду вѣшати; однаково, дей, я вже въ лиси хожу; нехай же, дей, мене хлопци до Князя позываютъ, и тамъ, дей, мнѣ ни чого не вчинять; я, дей, о то ся не бою, а имъ ся мстити буду зѣ братью моею; бо, дей, насъ брати чотыре.» ¹⁶⁰

5. На вопросъ, сдѣланный нѣкому Шипкѣ, за чѣмъ онъ занимается разбойни, Судъ получилъ такой отвѣтъ: «Я женою, а ни дѣтьми, ся не осадилъ, человекъ есмь вольный; учинивши што злого, жадная рѣчь мя не загамуеть.» ¹⁶¹

6. Земскій Судья Немирчъ явился въ Судъ по дѣлу съ Княгинями: Вишневецкою и Капустянкою. Подсудокъ и Писарь разбирали это дѣло: какъ они разбирали его, не извѣстно; только Немирчъ былъ недоволенъ ихъ разбирательствомъ, тутъ же въ Судѣ разбранилъ Подсудка, а его сынъ, схватившись за саблю, готовился къ дракѣ. На вопросъ Писаря, за чѣмъ берется за саблю, онъ отвѣчалъ: «Сабля моя, и мнѣ вольно браться за нее.» ¹⁶²

7. Возный прибылъ въ имѣніе Пана Выгнанскаго и объявилъ ему Королевскій приговоръ, по которому онъ обязанъ расплатиться съ Паномъ Дубовицкимъ, возвративши ему долгъ, или отдать послѣднему свое имѣніе въ пользованіе. Выгнанскій, не смотря на то, что приказаніе получено отъ имени Короля, отказался и отъ платежа, и отъ уступки имѣнія. ¹⁶³

8. Возный Луцкаго Повѣта пріѣхалъ въ Межиречи, имѣнье, принадлежащее тогда Старостѣ Луцкому, Брючеславскому и Виницкому, Князю Корецкому, съ тѣмъ, чтобы ввести во владѣніе тѣмъ имѣніемъ Сангушка; но Корецкій не только не допустилъ

его до ввода, но еще поколотилъ его, когда узналъ, что онъ, исполняя свою обязанность, объявилъ Суду о сопротивленіи его рѣшенію Суда. ¹⁶⁴

9. Шляхтичъ, служившій у одного изъ Пановъ, отличался буйствомъ. Судъ приговорилъ его къ наказанію, но онъ отказался принять это наказаніе; тогда дѣло перешло въ Королевскій Судъ, который подтвердилъ прежнее рѣшеніе. Когда ему прочли приговоръ Короля, то онъ объявилъ, что онъ служить не у Короля, а у своего Пана, и ни какихъ приговоровъ Короля знать не хочетъ и подчиняться имъ не намѣренъ. ¹⁶⁵

10. Въ XVI вѣкѣ началъ приниматься слѣдующій обычай. Если кто изъ Шляхтичей провинился, и Судъ приговорилъ его къ баниціи, т. е., къ лишенію правъ и имущества, или если преступленіе было не такъ велико и влекло за собою только изгнаніе изъ имѣнія, то Возный объявлялъ это рѣшеніе Суда провинившемуся; послѣдній по закону долженъ былъ сдать свое имущество, кому слѣдуетъ. Судъ ждалъ, и если, по истеченіи извѣстнаго срока, онъ не принялъ приговора, тогда Члены Суда, вмѣстѣ съ посполитымъ рушеньемъ Повѣта, отправлялись въ его имѣніе и старались приступомъ взять его. Такое рушеніе прибыло въ имѣніе Пана Краевского (или Граевского), «хотячи у тое имѣніе Пана Виценьтого Репковского увезати, и оное имѣніе ошачовавши въ сумѣ пенязей, ему подати; то пакъ Панъ Янъ Граевскій, братъ Пана Станислава Граевского, собравшися зъ слугами и пріятельми своими, осадивши около того села Родовичъ стрельбу, пудалками (малая пушка: полъ дѣла), гаковницами (отъ слова hak, крючекъ, стѣнобитное орудіе), зъ ручницами, обачивши насъ, за разомъ до насъ стреляти казалъ, и мощно боронили, стреляли, а когда мене, Возного, и Шляхту, при мнѣ будущую, твоя Милость (Подстароста) до Пана Яна Граевского послалъ, упоминаючи его въ томъ, абы ся вряду не спротивлялъ, а въ вязанья бы допустилъ, за оное стрельбы стреляти не казалъ, а Панъ Янъ Граевскій на то повѣдалъ: «Нехай Князь Подстароста съ Повѣтомъ до насъ не выѣзжаетъ, бо мы будемъ битъ и того села Родовичъ боронити, и въ вязованья не допущу, по-

куль мене ставати буде, и мощно бороню.» Подстароста и посполитое рушене принуждены были отступити. ¹⁶⁶

11. Благодаря такому порядку вещей, не было ни одного мгновения свободного от опасности; нужна была всегда на готовѣ сила, способная дать отпоръ насилію. Опасность особенно сильною становилась въ военное время. Не даромъ, по этому, Саугушко, отправляясь на войну, даетъ довѣренность двумъ Шляхтичамъ сражаться съ сосѣдями, въ случаѣ нападенія на его имѣнія. ¹⁶⁷

Если мужчины дрожали за свою жизнь и имущество, то каково было положеніе женщинъ вдовъ?

12. «Зоставивши мне вдовою по небощнику малжонку моемъ, Федорѣ Шишкѣ, говоритъ женщина, и не могучися въ кривдахъ своихъ, которую маю отъ братья свое стрыечные, Пановъ Болобановъ, обороны и ратунку себѣ учинити и доходити, въ опеку и въ мощъ и въ оборону ся поддаю такъ сама себе, яко и всю маетность свою, ихъ милости, Вельможному Князю Александру Пронскому, Стольнику Великого Князя Литовского, Пану Григорию Колмовскому и Пану Ермогену Шипицѣ, деверу своему.» ¹⁶⁸

Не давали спуску и Королевскимъ имѣніямъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ актовъ, видѣнныхъ мною. Такъ, на пр.:

13. Врядникъ Князя Андрея Михайловича Курбскаго съ оружіемъ и нѣсколькими сотнями людей сдѣлалъ нападеніе на Королевское имѣніе Рѣчицы, перебилъ крестьянъ, работавшихъ въ это время въ полѣ, насловалъ дѣвокъ и грабилъ. ¹⁶⁹

Въ заключеніе приведемъ два свидѣтельства, показывающія, какъ трудно было привести въ исполненіе не только рѣшеніе мѣстныхъ Судовъ, но даже рѣшеніе Сейма. Такъ, Послы Брячеславской земли отказались платить какія бы то ни было подати (цдо, мыто, покоморки), по тому, что Сеймъ не удовлетворилъ просьбамъ ихъ земли. ¹⁷⁰

По той же причинѣ Шляхта Волынскаго Воеводства отказалась признать сборщикомъ податей Сѣмашка, присланнаго къ нимъ

Королеми, и отъ самихъ податей даже, наконецъ объявила, что она не допуститъ ни Старосту, ни кого бы то ни было, приступить къ исполненію.¹⁷¹ Кромѣ того, она отправила къ Королю Пана Древинскаго съ просьбою, чтобы Король позволилъ собраться на Сеймикъ и рѣшить, нуженъ ли поборъ, и, если нумень, то въ какомъ размѣрѣ, и чтобы дозволилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ самимъ избрать себѣ сборщика. Король согласился.¹⁷²

Если Шляхтѣ не удалось поработить горожанъ, по тому что они умѣли отстаивать свои права, то за то она одержала побѣду въ другомъ мѣстѣ, надъ крестьянами. Уже въ началѣ XVI вѣка крестьяне Югозападной Россіи рассматриваются, какъ крѣпостные, которыхъ приказано ловить и возвращать Господамъ, когда они убѣгутъ съ земли ихъ, которые не имѣютъ права свидѣтельствовать въ Судѣ на Шляхту, которыхъ наконецъ судить самъ Господинъ. Правда, что не вездѣ и не всѣ еще были закрѣплены тогда, но тѣмъ не менѣе дѣло клонилось къ повсемѣстному закрѣпленію. Въ концѣ этого вѣка все земледѣльческое населеніе было крѣпостнымъ. Въ уставной грамотѣ Дворянству Волинской земли сказано: «Старостамъ и Намѣстникамъ нашимъ вины и за руки на ихъ самихъ не брати и людей ихъ не судити и не ридити; судити имъ самимъ люди своя и вины брати каждому съ своего человѣка.»¹⁷³ Во второй половинѣ этого вѣка нигдѣ уже не встрѣчается опредѣленія отношенія Шляхты къ крестьянамъ; значитъ, этѣ отношенія были опредѣлены въ первой половинѣ, и опредѣлены такимъ образомъ, что крестьянинъ отданъ въ собственность Шляхтичу; ибо потомъ принято за правило «холопу и рабѣ вѣры не няти,» когда они свидѣтельствуютъ на Пана, и возвращать бѣлаго на мѣсто жительства. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена цѣна за голову убитаго крестьянина, изъ чего можно заключить, что законъ признавалъ крестьянина личностью гражданскою, живую. Да, онъ признавался за личность только на бумагѣ, въ дѣйствительности же она не существовала; ибо кто могъ заговорить о крестьянинѣ, когда онъ подвергался обидѣ, насилію, или же смерти отъ неудержимаго ни чѣмъ произвола Пана? Шляхтичу не было нужды заботиться объ его личности; самъ крестьянинъ не имѣлъ права на свидѣтельствованіе въ Судѣ. Если Шляхтичъ иногда и требовалъ вознагражденія за голову убитаго крестьянина, то изъ

видовъ чисто корыстныхъ. Обходясь съ нимъ, какъ съ вещью, какъ за вещь онъ требовалъ и получалъ вознагражденіе. Какъ жилось крестьянину у Пана, видно изъ безчисленнаго множества случаевъ бѣгства крестьянъ отъ своихъ Господъ, записанныхъ въ актовыхъ книгахъ тогдашняго времени. Наконецъ, крестьянское и Козацкое возстаніе XVII вѣка, котораго ближайшую причину слѣдуетъ искать въ общественномъ порядкѣ XVI столѣтія, оставили потомству кровавой документъ ихъ бѣдственнаго положенія.

Достигши господства въ общественной области почти надъ всѣми ея органами и проявленіями, Шляхта окружила себя непроницаемою оболочкою, проникнуть за которую равнялось чуду. Кастическое отчужденіе, къ которому она стремилась и котораго достигла, не допускало ни кого проникнуть въ ея заколдованный кругъ. Великія, особенныя заслуги могли доставить ищущему Шляхетское званіе; но приобрѣтеніе его сопровождалось необыкновенными трудностями; современники съ нѣкоторымъ отвращеніемъ смотрѣли на этѣхъ *homines novos*, не исключая даже и самыхъ образованныхъ изъ нихъ. Бѣльскій, на пр., знаменитый, образованный лѣтописецъ, съ негодованіемъ говоритъ, что какіе-то Прованы, которые нѣкогда разносили вино, получили индигенатъ, т. е., Дворянское достоинство. ¹⁷⁴

Получившій индигенатъ не вдругъ становился Шляхтичемъ; самъ онъ пользовался только нѣкоторыми правами Шляхетства; полное Шляхетство давалось уже его потомкамъ. Обособивши себя такимъ образомъ отъ всѣхъ, Шляхта гордилась своимъ достоинствомъ и подвергала строгому наказанію оскорбителя ея чести. Быть Шляхтичемъ значило быть великимъ; не быть имъ значило не значить ни чего. Въ слѣдствіе такого пониманія вещей кто сказалъ бы Шляхтичу, что онъ не Шляхтичъ, тотъ подвергался темничному заключенію. ¹⁷⁵ Шляхтичъ, который захотѣлъ бы заниматься торговлею, оскорблялъ честь своего сословія, и терялъ по этому, право называться Шляхтичемъ. ¹⁷⁶

Въ довершеніе всего Шляхта освободилась отъ всѣхъ податей.

На этомъ мы остановимся.

Въ заключеніе намъ кажется не лишнимъ установить нѣкоторыя положенія, которыя вытекаютъ изъ нашего изслѣдованія.

Вотъ они:

I. XVI столѣтіе было временемъ процвѣтанія образованности въ Литовско-Польскомъ Государствѣ, но человѣчный характеръ ея не проникъ въ массу Дворянства.

II. Дворянство того времени слагалось въ кастическую форму быта.

III. Дворянство XVI вѣка стремилось стать выше Короля, и достигло этого.

IV. Дворянство XVI вѣка поработило крестьянъ окончательно.

V. XVI вѣкъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ есть вѣкъ насилій въ области общественныхъ отношеній.

Н. Тумасовъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Zbiór praw Litewskich стр. 95.

2. Тамъ же.

3. Ак. Зап. Рос. т. III, № 4, просьбы 19, 20 и 21. «Абы уряды земскіи и дворнии, и тежъ державья замковъ, дворовъ, мѣсть и волостей Его Королевской Милости не были даваны чужеземцомъ... Абы объѣзжанье и попись замковъ, дворовъ и волостей Его Милости, и тежъ личбы съ доходовъ Его Милости, не были справованы черезъ чужеземцы... Былъ тотъ обычай завжды хованъ изъ стародавна за щастного панованья предковъ Его Милости, ижъ кгда кольвекъ Его Королевская Милость съ Коруны Польскоѣ ѣзджали до Великого Князства Литовского, тогда на границы вси вриадники дворнии коруннии оставалися; а естли который до Князства Литовского ѣхалъ, тогда бывалъ яко бы гостемъ... теперь вжо ся во всемъ стародавний обычай около тыхъ вриадовъ змѣнилъ... За что жъ просимъ, абы Его Королевская Милость рачилъ ласкою и бачностью своею Паньскою такъ то осмотрѣти, яко бы вже, черезъ то, панове вриадники коруннии въ тѣхъ вриадѣхъ дворныхъ жадвоѣ моцы, а ни владности въ справованью не мѣли, одно тыи братья наши, которые то съ предковъ своихъ предкомъ Его Королевской Милости, и тежъ Его Милости самому, добрѣ и цвотливѣ заслужовали».

4. Тамъ же.

5. Тамъ же.

6. Тамъ же. № 11, просьбы 2-я и 22-я (въ Октябрѣ) и 13-я (въ Нолбрѣ).

7. Тамъ же.

8. Тамъ же. № 13, просьбы 5, 6-я и 12-я.

9. Акты Влад. Гродска. Суда № 919, 922, 923, 928, 934, 935, 950, 961; Житом. Уѣзд. Суда № 8. (Кіев. Центр. Арх.).

10. Т. 1, стр. 33—35; см. также книги Кіев. Центр. Арх.

11. О древне-Русскихъ училищахъ, Лавровскаго.

12. Kondratowicz т. 1, стр. 171.

13. Она основана Казимиромъ В. въ 1364 г. Bandtke, Kondratowicz, Łukaszewicz, Jaroszewicz.

14. Вышнее устройство Академіи было, также какъ и на Западѣ Европы, цеховое. Всѣ Доктора, Магистры, студенты, педеля, переписчики и книгопродавцы, со всѣми слугами, не взирая на то, исправляли ли они какую ни будь обязанность въ Академіи, шѣли ли къ ней какое либо отношеніе, или нѣтъ, по тому только, что жили въ Краковѣ, составляли членовъ Академическаго братства. Во главѣ ихъ стоялъ Ректоръ, избираемый изъ среды учениковъ, и это не противорѣчило повѣтіямъ вѣка, по тому что 16-ти, или 17-тилѣтній, юноша признавался совершенно-

лѣтнимъ и могъ достигать вскорѣ высокихъ должностей. (За границей дѣлалось то же самое: Янъ Замойскій сдѣлалъ Ректоромъ Павіанскаго Университета на 20-мъ году отъ роду. См. *Życia sławnych Polaków: Jan Zamojski*). Члены братства выполняли присягу на повиновеніе Ректору, который имѣлъ надъ ними верховный судъ по всѣмъ дѣламъ объ имуществѣ и личному оскорбленію; рѣшеніе его въ вѣхъ случаяхъ не допускало обжалованія. Въ дѣлахъ важныхъ Ректоръ отсылалъ виновнаго къ суду Епископскому, если онъ духовное лицо, и къ суду Короля, если онъ лицо свѣтское. Кого Ректоръ исключалъ изъ братства, тотъ обязанъ выѣхать изъ Кракова не медля, и ни кто изъ жителей города не смѣлъ давать ему ни пищи, ни питья. Въ періодъ управленія Академію, Ректоръ не могъ держать испытанія ни на какую степень. Морачевскій *Dzieje* кн. XIV, стр. 278.

15. Тамъ же, стр. 282.

16. *Kondratowicz* т. 1, стр. 142—143.

17. Тамъ же, стр. 142—154.

18. *Łukaszewicz* стр. 55.

19. Между Шляхтою происходили непрерывныя ссоры за землю. При недостаткахъ межевой системы трудно было установить прочныя границы; отъ этого происходили частыя недоразумѣнія, а людямъ извѣстнаго разбора всегда представлялся удобный случай захватывать и присвоивать себѣ чужое.

20. Мнѣ случилось читать Езуитское сочиненіе, названное «*Kauterye*.» Сочинитель старается быть поучительнымъ, но, вмѣсто, того дѣлается циническимъ шутникомъ, по тому что пороки, которые онъ изображаетъ, выставлены въ онъ полнаго сладострастія, т. е., такъ, что видно, что сочинителю самому нравится порокъ, изображаемый имъ, и что онъ самъ не далеко отъ него. Такова, на пр., каутерія: «*Diabeł zwodzi smieszkiem, mieszkkiem i grzeszkiem.*» Въ ней сказано, что грѣхъ начинается всегда съ хи, хи, хи, а всѣ говорятъ: «*to nie, to nie; i wtołel mówi nie, nie* (подражаніе воробью), а *pełna strzecha potomstwa*; остальное все въ этомъ родѣ.

21. «*Ku karpiństwu go wiedziesz, chociaż syn żadnej weny ku tej godności nie czuje. Niech raczej twój syn, panie ojciec, weźmie radło i kozioł (бороздникъ), а ożeniwszy się, doma treluje, paganiając woły, i będzie raczej dobrym chłopem, niż złym, jak Polacy mówią, popem.*»

22. «*Patrzeć więcej na dobroć i cnotę, niż na gładość lica lub pientądze.*»

23. *Zbiór pamiętn.* т. 2, стр. 262.

24. Есть очень много писателей, которые только выхваляютъ различныя стороны характера Шляхты. На сколько правдивы эти похвалы, можно видѣть изъ описанія, приведеннаго выше; а этому описанію нельзя не вѣрить; ибо оно составлено горячими патриотами, которые никогда не лгутъ, говоря подобнымъ образомъ.

25. *Zbiór pam., Niemcewicza* т. 2, стр. 141: «*Діаріумъ Моганте.*» Есть нѣсколько описаній Польши, Литвы и Московскаго Государства, какъ въ физическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи; но не многимъ изъ нихъ можно дать вѣру, по тому что въ нихъ много неправды, вкравшейся отъ пристрастія къ Полякамъ и ненависти къ Православію и Московскому Правительству. Не нужно думать, чтобы составителями такихъ описаній были одни Поляки; нѣтъ, не одни Поляки. Ино-

странцы также гнали, или по незнанію страны, или умышленно, въ благодарность за богатое угощеніе, которымъ ихъ принимали Поляки. Такъ, вы найдете у нихъ рассказы о необыкновенныхъ добродѣтеляхъ Поляковъ, объ ихъ образованности, объ ихъ кротости и т. д., и въ то же время рассказы о небывающихъ порокахъ Русскихъ. Для примѣра приведемъ отрывки изъ нѣкоторыхъ. Іоаннъ Ласкій, Архіепископъ Гнѣзненскій, такой отчетъ далъ о Русскихъ на Латеранскомъ Соборѣ: «Русскіе крестить младенцевъ въ яблочномъ квасѣ, или въ сокѣ другихъ плодовъ. Они не считаютъ грѣхомъ обмануть Католика и оклеветать его. Они не вѣрятъ въ смертельный грѣхъ. Они убѣждены, что воръ освобождается отъ грѣха, если скажетъ на исповѣди семи Священникамъ, какой онъ имѣлъ поводъ къ совершенію воровства, и помажется муромъ (*furi sufficere rationem furti sui representare e petere olei unctionem ab eis*). Они не признаютъ дѣйствительности второго и третьего брака», и т. д. *Hist. Rus. pop. t. 1, N CXXIII.*

Или:

«Несомнѣнно, что всѣ Православные, сколько ни есть въ Литвѣ, охотно перешли бы на сторону Великаго Князя Московскаго, если бы ихъ не путала его тиранія (Іоанна III). У этого человѣка нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни клятвы, ни религіи, ни законовъ. Никто изъ его подданныхъ не имѣетъ собственности, все ихъ имущество принадлежитъ ему: обращеніе его съ подданными ужасное. Нерѣдко, когда онъ овладѣваетъ *furore atque amentia*, онъ велитъ гнать Бояръ изъ Думы въ шею и, раздѣвши до нага, ихъ гонять черезъ всю площадь кнутами; послѣ такой раздѣлки ихъ опять вводятъ въ Думу. Несчастные! они еще прославляютъ тирана и благодарятъ его. По его приказанію, она часто сама себя убиваютъ, вѣшаютъ. Если кто ни будь изъ его подданныхъ попадетъ въ плѣнъ, то его не только не стараются выкупить, но даже объ немъ и рѣчи не заводятъ, какъ бы онъ тамъ ни былъ храбръ и полезенъ въ будущемъ. Если же къ нему кто ни будь попадетъ въ полонъ, то его сейчасъ заковываютъ въ цѣпи, прыскиваютъ къ стѣнѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ; по этому съ Русскими всегда бьются на смерть, чтобы только не попасть въ плѣнъ. Игдѣ, ни у Турокъ, ни у Татаръ, ни у Гарамантовъ (такъ!) нѣтъ такой неволи, какъ у нихъ. Къ этому немилосердому, свирѣпому народу, управляемому Сатурномъ, перешли изъ ада всѣ казни, пытки, всѣ дьявольскія изгазанія. Тамъ женщины колдуньи, Цирцеи и Данайры, тамъ Верресы, Діонисіи, Пероны; къ нимъ, вѣтъ медвѣдякъ, переселились тѣни всѣхъ жесточайшихъ тирановъ міра. Тамъ мучатъ несчастныхъ людей всевозможными мученіями:

Однихъ въ смоли и сѣрѣ жгутъ,
Другихъ на рожнахъ тамъ лекутъ,
Инымъ водѣваютъ раскаленный шлемъ на голову,
Иныхъ варятъ въ кипящей водѣ,
Тѣхъ руды, ведя въ кашу, варятъ,
И, обрѣзавъ мясо, обожженные кости ломаютъ,
Иныхъ обуваютъ въ туфли съ горячими сливами (такъ!),
Инымъ надѣваютъ на голое тѣло раскаленные латы
Иныхъ смертельнымъ голодомъ мучатъ,

Инымъ вливають кипятокъ въ ротъ,
 Инымъ шпильки подъ ногти забиваютъ,
 Иныхъ, зашивъ въ медвѣжью шубу, травятъ собаками,
 Инымъ обрѣзываютъ уши, губы и носъ,
 Инымъ вырываютъ зубы и глаза,
 Инымъ выламываютъ руки,
 Инымъ ломаютъ ноги и голени,
 Иныхъ на колъ сажаютъ,
 Иныхъ колесуютъ,
 Иныхъ растерзываютъ лошадьми,
 Иныхъ четвертуютъ,
 Въ иныхъ, какъ въ цѣль, стрѣлы пускаютъ,
 Иныхъ варятъ въ пищу змѣямъ,
 Иныхъ изголодавшихся кормятъ ихъ же собственными дѣтьми.

Трудно перечислить все, прибавляетъ сочинитель. Очевидно, и выдумки подчиняются закону усталости; однако надо удивляться обилію его замысловатости. Acta Tomic. т. III, стр. 10, 11.

26. «Pragnąc tylko bogactwa i świetności, nauki i ten wazystek uczenia się i nauczania warsztat ludziom podłym zostawują». Kondratowicz т. 2, стр. 23; Wójcicki, т. 2, стр. 211.

27. Выше стр. 32.

28. «U nas, Polakow, płacić pieniędzy snadź drugi woli się za szeląg, albo za grosz, dać ukrzyżować, aniżeli by miał go udzielić na nauki synowi swemu, i ten obyczaj jest nie tylko u troche zamożnych ludzi, ale prawie u panów samych, jako szlachty, gdzie nie tylko pieniądze są, ale też i gumna naprawione i nasadzone brogami stoją. Ma pan ociec pieniądze na co inszego, ma na piwo i na ubiory, ale ich nie ma dla nauczyciela. Przez wazystek kwartał nie chce się mu wiele wydać, jedno dwiema groszami, albo trzema chce odbyć, dzierżąc się zwyczajowi jako by popolitego; introitales два pieniądze, kretales pieniądz, remissionales szeląg, a pretium kwartalne два groszy. Nie wchodzi w to, że nauczyciel z tego żywie, z tego sobie księgi, odzienia sprawuje. Krótко go też trzyma w szkole i zawczasu odbiera, jako to więc czynią oni, którzy sobie na rzemieśle tęsknią, z którego gdy wystaną, dla tego iż go troche zakusili, będą też partolіć, od czego zowiemy ich tam słowem partaczami. Drugi też nie umie szanować człowieka, któremu na wychowanie dziecie swoje powierzył. Za syszkę waży sobie nauczyciela, woli psów graskać, muskać a konie tuczyć; w większej u niego jest wadze palacz (непопяккъ), albo stróż, niż człowiek uczony, który mu сына на добре życie учу.» Гличнеръ у Вуйцицкаго т. 2, стр. 320.

29. Хозяинъ считалъ священною обязанностью доставить своему гостю, въ числѣ другихъ удовольствій, и это, и, для удовлетворенія Барскому самолюбію, не щадилъ ни какихъ средствъ. Гость обыкновенно просиживалъ у него по нѣскольку дней.

30. Polska aż do połowy XVII w. т. 2, стр. 354—382, отаѣлъ объ охотѣ.

31. Діар. Моганте во 2-мъ т. Zbiór pamiętn. стр. 141.

32. Polska aż do poł. XVII w. t. 3, стр. 175—181.

33. Zbiór pamiętn. t. 3, стр. 28.

34. Polska aż do poł. XVII w. t. 3, стр. 377.

35. Дворня, содержимая Шляхтичемъ, была очень многочисленна; она дѣлилась на нѣсколько разрядовъ. Морачевскіи (Starożytności), Костомаровъ (Дмитріи Самозванецъ), Бусовъ (Regum Rossic. script. exteri).

36. Кстати замѣтить, что Христіанская Религія не проникла въ глубь природы тогдашняго человѣка; благочестіе было болѣе внѣшнее, обрядовое чѣмъ внутреннее, сердечное. Ни Религія, ни высокій духовный санъ, не сдерживали человѣка, когда ему хотѣлось, во что бы то ни стало, показать свою физическую силу. Въ памятникахъ того времени мы встрѣчаемъ, рядомъ съ релігіознымъ испущеніемъ, вещи крайне не релігіозныя. Такъ, на прим., въ 1552 г. на Сеймѣ въ Петровѣ. въ церквѣ, во время богослуженія, нѣкоторые стояли въ шапкахъ и не хотѣли преклонять колѣнъ (Крон. Bielskiego стр. 594). Въ 1569 году во Владимірскій Городской Судъ поступила жалоба на Владыку Владимірскаго и Берестейскаго, что онъ «самъ особую свою зъ многими слугами своими, не бачучи на станъ свой духовный, разбойнымъ а рейтарскимъ обычаемъ на насъ ударилъ и найпервѣи самъ рукою своею... Петра Лысовича Жуковскаго въ голову шкодливѣ зранилъ, и слугамъ своимъ всихъ, дей, насъ казалъ мордовати, бити, рубати, и за початкомъ, дей, его самого и розказаньемъ, слуги его насъ стали бити; мы, дей, снадши съ коней у воду передъ нами втопили (?), а они, дей, насъ з воды волочили, били, мордовали и шкодливо, дей, мене (Ставинского) зраняли; не мало, дей, ми ранъ въ головѣ, на твари и по рукамъ задали... и въ тотъ, дей, часъ при томъ разбоѣ не мало речей въ насъ цоотинмали и побрали зъ маестности нашею, которую есма на тотъ часъ при себе мѣли, насъ злушили.» Кн. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г., актъ 105-й (Кіев. Арх.).

37. «Ubolewano nad tym, że owczesny wiek, wzięwszy od przodków Rzeczpospolitą jako malowanie najpiękniejsze, jeno już przez starość nieco zeszło, nie tylko, że go odnowić zaniebadał, ale i tego nie uczynił, aby był przynajmniej wizerunek jego a zwierszchnie linije zachował. Wszyscy mówili złe, a nikt nie umiał pokazać drogi, jak by to złe naprawić». Реі, Кохановскіи у Мацѣвскаго стр. 186.

38. Ubiory w Polsce, Голембѣвскаго.

39. Тамъ же стр. 10.

40. Zbiór pam. t. 2, стр. 477; Ак. Юж. и Зап. Рос. т. 2, стр. 188.

41. Морачевскаго Dzieje, кн. XIV, стр. 301.

42. Vol. leg. т. 1, стр. 40—42; Bandtke стр. 272.

43. Vol. leg. т. 1, стр. 68—104.

44. Тамъ же стр. 161. «Мы, Александръ, обѣщаемъ хранить всѣ привилегіи, данныя Королевству блаженныя памяти предками нашими Князьими и Королями: tamen, propter majorem eorum firmitatem, annuentes votis consiliariorum nostrorum et nuntiorum terrarum, ex universis regni terris in hac conventione existentium, privilegia, indulta, munimenta, statuta, donationes, libertates, praerogativas, immunitates.... per praedecessores nostros.... regni Poloniae datas, donatas, concessas et emanatas.... in omnibus punctis, articulis, clausulis, conditionibus et consuetudinibus.... roboramus, confirmamus et ratificamus».

45. Стр. 479.

46. Ак. Зап. Рос. т. 2; Vol. leg. т. 1, стр. 162.

47. Vol. leg. т. 2, стр. 5.

48. Chron. Bielskiego стр. 697; Vol. leg. т. 2, стр. 133.

49. Бѣльскій этотъ пунктъ передаетъ иначе (см. стр. 723). Онъ говоритъ: «przed swym przyjazdem 100,000 złotych przysłać»; но это показаніе не оправдывается Volumin'ами Legum. Мы приняли показаніе законодательнаго акта.

50. Vol. leg. т. 2, стр. 149.

51. Тамъ же стр. 247—248.

52. «Si in aliquibus juramentum meum violavero, nullam mihi incolae regni optiumque dominorum uniuscujusque gentis obedientiam praestare debebunt». Vol. leg. т. 2, стр. 135, 148, 246.

53. «Posłowie cudzoziemscy jechdzili po Polsce i po Litwie wsządzie od domów do domów szlacheckich, pieniędzmi sypiąc, a drugimi też listy dając i obietnicami karmiąc.» Bielski стр. 655.

54. Тамъ же стр. 692.

55. Тамъ же стр. 676.

56. Тамъ же стр. 724.

57. Этѣмъ именемъ называлась военная повинность выходить на войну.

58. Дѣцкій—то же, что въ послѣдствіи Возный. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы обвиненнаго позвать къ Суду, вручивши ему повѣстку.

59. Ак. Зап. Рос. т. 2, № 30:

60. «Старосты и Намѣстники наши не мають на нихъ Дѣцкихъ своихъ слави первымъ разомъ; а коли на кого жалоба прійдетъ, ино того первымъ листомъ и другимъ обеслати; и коли на тыи два листы не станеть, тогда Дѣцкого послати; а коли за тыи Дѣцкимъ не станеть, ино дѣцкованье маєт заплатити, а Старостѣ и Намѣстникомъ нашимъ на томъ усказати отпривити. Тежъ который слуга, або человекъ Князскій, або Панскій, а любе Земляскій, убьетъ кого, ино Старосты и Намѣстники наши, и Маршалокъ Земскій, и Ключникъ, и Конюшный на нихъ головщины бирали; и отецъ и братъ нашъ то имъ отпустили, и листы права ихъ милости на то передъ нами покладали: ино мы тыхъ листовъ и правъ выслухавше и также.... то есмо имъ отпустили: нехѣй они зъ слугъ и людей своихъ, хто въ головщину упадетъ, сами головщину на слугахъ и на людехъ своихъ берутъ; а Старостамъ и Намѣстникомъ нашимъ не надобѣ въ ихъ слугъ и людей головщины брати. А Князей и Пановъ и Землянъ Старостѣ нашему замыи словы не соромити, у казнь и у вѣжу не сажати; а если бы который ся провинилъ въ чомъ, Князь, або Панъ, або Землянинъ, ино Старостѣ вазъ обеслати; какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, што бы мѣлъ съ тыиъ вчинити, ино ему подѣбъ науки нашею то вчинити.... Старостѣ и Намѣстникомъ нашимъ вины и заруки на ихъ самыхъ и на ихъ людехъ не брати, и людей ихъ не судити и не ридати; судити имъ самымъ люди свои, и вины брати каждому съ своего человека».... А далѣй: «Старостѣ судити на замку нашемъ Князскихъ, або Панскихъ, або Землянскихъ людей, што ся дотычетъ розбою приличного, квалату, Шляхетскоу рану, помоги, абы ся злодѣйство не множило; а злодѣя приличного гдѣ коли имутъ на чьемъ имѣннѣ, тамъ его мають судити и тамъ

но имеетъ каранъ быти, подлугъ давного обычая, а поличное тому, на чьемъ имѣньи людѣя изымають.... А слугамъ Старостиннымъ вѣдати по селомъ заручъ не заручати, ни жьли бы кто хотѣлъ на чье имѣнье мощно наѣхати, альбо кого жьли, а ояъ будетъ заручати, а на то доводъ вчинить: то есть справная заручка». Тамъ же № 54.

61. Тамъ же № 70. «Напервѣи въ церкви Божьи и въ имѣнья церковныя намъ не вступатися, въ домъ Божій Святой Софіи и въ домъ Божій Святого Спаса, и въ шныя дома церковныя намъ не вступатися. А хто кого обвадитъ (обвинить) явно, а любо тайно, ино намъ его не казнити ни одною пвною, а ни имѣньемъ, ни пнатьемъ (арестомъ), ни серебромъ, ни шыєю, али жъ поставити его очу на очу на явномъ судѣ Хрестьянскомъ, п того хто вадитъ, и того на кого вадитъ, и досмотрѣвши межъ ними справедливости, хто будетъ што заслужилъ, и какъ право укажетъ, такъ его казнити. А который которую вину будетъ заслужилъ, ино того самого казнити по вниѣ его, а жопы и дѣтей не займати и имѣнья не рупати, ни жьли который будетъ въ томъ дѣлѣ, а то вѣдагъ, тыхъ и казнити... Также хто держитъ отчизныя имѣнья свои, а любо што кому будетъ Великій Князь Витовтъ далъ, и Великій Князь Скиргайло далъ, и отецъ и братъ нашъ, Короли, Ихъ Милость, што кому дали, и мы што кому дали, то ему и держати, какъ въ Королевствѣ Польскомъ Князи и Папове и мѣщане держать: всхочеть ли имѣнья свои хто продати, или одати, или замѣнити съ кимъ, ино намъ, або Намѣстникомъ нашимъ явивши, продати и замѣнити. Также на Болрскіе люди и на мѣщанскіе слобы Дѣцкихъ намъ и Намѣстникомъ нашимъ не давати; а будетъ ли кому кривда, ино перво у Господаря его искати правомъ; пакъ ли не всхочеть Господарь его подобнымъ рокомъ права ему вчинити, ино намъ и Намѣстникомъ нашимъ Дѣцкихъ давати; а вина которая будетъ осужена, ино тую вину Господарю своему заплатити, а въ люди намъ Болрскіе не вступатися».

62. Въ этомъ актѣ (см. также актъ подъ № 30) есть одно мѣсто, котораго смыслъ необыкновенно темный. Вотъ оно:

«А о выдачку, коли ся обадва выдадутъ, и оба шапками вергутъ, ино то выдачка; а одинъ ся выдасть, а другій сл не выдасть, ино то не выдачка».

А которые Полочане межъ собою побьются, а за Дѣцкимъ простятся, ино намъ вуаница шерстью съ мирщины; также коли посварятся Полочане и выдадутся оба въ кольцѣ, ино то вина наша; а будетъ ли одинъ выдасться, а другій не выдасться, то есмо имъ отпустили.»

Для надлежащаго пониманія этѣхъ выраженій, необходимо знать: 1) что такое выдачка; 2) что такое шапками вергутъ, и 3) что такое кольцо?

У Литовцевъ искони употреблялась Древне-Славянская форма судебного разбирательства при посредствѣ денежнаго залога и шапки; она называлась техничестичъ терминомъ «покладать шапку рублемъ грошей» (Jaroszewicz т. 1, стр. 161). Тяжущіеся, — истецъ и отвѣтчикъ, — явивши на Судъ, говорили каждый: я выдаваю этѣ деньги (при этомъ клалъ деньги въ шапку) и отказываюсь отъ штъ, если виновнымъ по Суду окажусь я, а не ты. Этѣмъ одинъ другого какъ бы выдавалъ Судѣ. Виновный терялъ тогда право на залогъ, который поступалъ въ собственность Судьи. Могло случиться, что обѣ стороны представляли залогъ, а стало быть, обѣ соглашались подчиниться Суду, и могло случиться также, что

одна сторона представляла залогъ, а другая нѣтъ, выражая вѣтъ нежеланіе подчиниться рѣшенію такого-то Судьи. Принимая этотъ обычай къ настоящему случаю, мы сообщаемъ первому выраженію слѣдующій смыслъ: «относительно выдачи постановляемъ (т. е. Король): если оба тяжущіеся представляютъ залогъ въ шакѣ, и оба согласны подвергнуться судебному разбирательству дѣла въ томъ Судѣ, въ который явились, то это выдачка; но если только одна сторона согласна на Судъ и представила залогъ, то это не выдачка, т. е., тяжущіеся должны обратиться къ другому Суду, или покончить между собою дѣло другимъ какимъ ни будь способомъ.»

Всякое состоявшееся судебное рѣшеніе влекло за собою оправданіе одной стороны и обвиненіе другой. Обвиненный платилъ Судѣ судебную пошлину или, какъ тогда выражались, вину. Отсюда попятно, по чему во 2-мъ выраженіи сказано: также коли посварятся Полочане и выдадутся оба въ кольцо, вно то вина наша; а будетъ ли одинъ выдаться, а другіи не выдаться, то (такъ какъ при этомъ не было Суда) есмо имъ отпустили. Кольце есть слово, заимствованное, но всей вѣроятности, изъ Польскаго языка. Польское *koło*, *kółko* имѣетъ значеніе собранія, міра. *Koło Rycerskie*, *koło Senatorskie*, *kółko ludzi*; *wdać się w koło*, значить войти въ кругъ, въ середину собранія. Вдаться въ кольцо, послѣ того, когда посварятся, значить по этому подвергнуться Суду общинны или старцевъ (и тотъ, и другой Судъ существовали въ XVI в.).

Вотъ всѣ соображенія, которыя я могу представить и которыми надѣюсь содѣйствовать къ раскрытію темнаго смысла сихъ выраженій.

63. Vol. leg., Ленгинихъ, Морачевскій.

64. Первые Повѣтовые Сеймики относятся къ 1521 г. Бѣльскій говоритъ, что начало ихъ было несчастливое; ибо собравшіеся чуть не порѣзались по поводу вопроса о томъ, какую власть предоставить посламъ, назначаемымъ на Главный Сеймъ. Дѣло дошло до того, что Король вынужденъ былъ закрыть ихъ. Стр. 549. Въ промежуткѣ между 1521 и 1550 гг. они были забыты.

65. *Dalszy ciąg chr. Bielskiego* стр. 3—5.

66. Ак. Зап. Рос. т. 3. № 13.

67. Ленгинихъ, т. 2, стр. 419; Морачевскій *Staroż.*, tit. *Sejmiki*.

68. Стат. 1566 г., Разд. 1, арт. 1.

69. Тамъ же Разд. 1, арт. 4. Въ первомъ Статутѣ также есть эта статья, но она изложена въ немъ не такъ ясно, какъ во 2-мъ и 3-мъ Статутахъ. Вообще, первый Статутъ запечатлѣвъ краткостью выраженія и недоразвитостью мысли.

70. Vol. leg. т. 2, стр. 125.

71. Тамъ же стр. 184; Законъ 1510 г.; см. тамъ же т. 1, tit.: *roena consiliorum*...

72. Стат. 1566 г. Разд. IV, арт. 39. Кто же осмѣлится въ присутствіи Короля ранить кого ни будь, тотъ подвергается баниціи, т. е., лишенію права на имущество, иногда на жизнь, и изгнанію изъ Государства, словомъ, тотъ лишается покровительства и защиты закона.

73. *Dzieje*, Морачевскаго кн. XV, стр. 124—125.

74. № 30 въ Ак. Зап. Рос. т. 2.

75. Этотъ привилей данъ Владиславомъ Ягайломъ въ Едльнѣ 1433 г., и въ немъ сказано: «Nullum terrigenum possessionatum pro aliquo excessu seu culpa capiemus, nec capi mandabimus, nec aliquam vindictam in ipso faciemus, nisi iudicio rationabiliter fuerit convictus.» Jaroszewicz т. 2, стр. 48—49.

76. Въ 3-мъ Стат. прибавлено: «кроме причины голоду квалтовного».

77. Стат. 1566 г. Разд. 1, арт. 3.

78. Тамъ же арт. 6.

79. Тамъ же арт. 13.

80. Тамъ же арт. 21.

81. Тамъ же арт. 14, Разд. 2.

82. Тамъ же арт. 23.

83. Тамъ же Разд. 4, арт. 39, 40, 41.

84. Тамъ же Разд. 11, арт. 1, 3, 5, 8, 9, 10, 16 и 17.

85. Тамъ же арт. 17 и 18.

86. Разд. 1, арт. 3. «Хто бы тежъ замокъ нашъ непріятелю здрадою подалъ, кроме причины голоду квалтовного... А тые сынове, которые бы не были дѣти зубольныхъ дорослыхъ, або другые и дорослыми будучы, а тое здрады отцовское не были вѣдомы, таковыя чести а ни горьла не будутъ тратити». Арт. 6 «а вѣдъ же дѣти того зраицы, естли бы што мѣла властного набытья своего, альбо передъ тыемъ учынокомъ отца своего отъ него отъделены были, тогда при томъ зостати мають.» См. также арт. 7.

87. Хвалковский (Jus publ. стр. 419) говоритъ, что Трибуналь, учрежденный въ 1578 г., былъ принятъ Литвою только въ 1681 г., но оправданія его словъ я не нашель нигдѣ.

88. Стат. 1566 г. Разд. 4, арт. 20.

89. «Pertinent ad haec judicia tribunalitia appellationes sive, ut loquuntur, motiones omnes a judiciis terrestribus, succamerarialibus, capitanealibus, vice-capitanealibus et commissarialibus ratione divisionum.» Jus publ. стр. 427.

90. Стат. 1566 г. Разд. 1, арт. 3. «Таковий (т. е., оскорбитель Величества) съ права, зъ розсудку нашего съ Папы Радами нашими Великого Князства Литовского, честь горло тратить».

91. Vol. leg. т. 2, стр. 251—252. «Jesliby kiedykolwiek Nam i Potomkom naszym Królom Polskim,» сказано во 2-мъ параграфѣ этого постановленія z poddanym swym szlacheckiego zaważenia przyszła sprawa o crimen laesae Majestatis, które tylko in personam regiam, podług prawa, machinatione, conspiratione, violento conatu et, quod longe absit, facto ipso in vitam committitur, tedy od Instygatora naszego (Ипокыropa), za wiadomością Marszałka naszego, ma na takowego pozwem... być położony na sejm, i onego położenia relacya w xiągach grodzkich tegoż Powiatu ma być zapisana, w którą pozwem ma być wpisana: i na sejmiku takie położenie pozwu, dla dostatecznej wiadomości przez Woznego ma być publikowane. Który tak pozwany ma peremptorie stanąć; i gdy sprawa z pozwu takowego przypadnie, mamy, wysłuchawszy propozycyą i dowody Instygatora naszego, także i strony obwinionej, Panom Radom naszym i posłom ziemskim niżej opisanym, w tym dać czas, aby na tę sprawę na sejmie onym, bez bytnosci naszej wotowali, i w niej się wedle potrzeby rozmówili. A gdy by się spólnie

wszyscy na jedną sentencyą zgodzili, tedy taki dekret przez nie w niebytności naszej konkludowany, przez Nas ex scripto ma być ferowan przez Marszałka. A gdzieby się wszyscy na jeden dekret zgodzić nie mogli, tedy przy większej części konkluzya zostawać ma. Do którego takowego sądu z kęła poselskiego deputowani być mają ośm osób, który, przysiǳszy na prawne i na sprawiedliwe podług sumienia wotowanie, przy Paniech Senatorzech wotować i wota ich także, jako i Panów Rad, liczone i porachowane być mają... Jeżeliby była wotorum paritas, tedy obwiniony do odvodu (признание виновнымъ) bliższy być ma... Takż postępek być ma in causa perduellionis contra R. P., to jest, gdyby kto czynił bunt przeciwko Rzeczypospolitej, porozumiewając się z nieprzyjacielem Koronnym ku szkodzie Koronnej, wynosił tajemnice Krzplptej zwierzzone nieprzyjacielowi Koronneму, podał mu zamek na znowie, wzruszał pacta et foedera z postrobnymi Pany, rebellią facto popełnił, który by właśnie był contra Rempubicam, jednak już in tali casu, My jako głowa, i z Pany Radami, i z ośmią deputatów poselskich, sądzić, i przy większej części konkluzją uczynić mamy: w których jurta qualitate excessus et illius iudicii sententiam, poenae debent irrogari. To warując, iż gdzieby in ea causa perduellionis delatora (доносителя) nie stało, tedy sam Instygator, z wiadomością Marszałka naszego, mając certa et evidentialia documenta, taką kauzę może instituere et continuare».

92. Zbiór Дзялынскаго.

93. Тамъ же.

94. Ак. Зап. Рос. т. 3, стр. 6.

95. Тамъ же стр. 26.

96. Вездѣ дацнина стоить независимо отъ выслуги; это не по тому, что бы между ними была существенная разница. Въ сущности и выслуги, и дацнины—одно и то же, значить пожалованіе; разница только та, что выслуга — это имѣніа, пожалованныя прежнимъ Государемъ, а дацнина — имѣніе, пожалованное живымъ Государемъ. Этою, по видимому, ничтожною разницею очень дорожили въ то время; ибо на основаніи ея Шляхта мало по малу иреварщала первый видъ собственности, т. е., выслуга, въ потомственное владѣніе.

97. Ак. З. Р. т. 2, стр. 33—34, № 30.

98. Тамъ же т. 3, № 4, прос. 2.

99. Тамъ же.

100. Тамъ же стр. 36, прос. 10: «Если бы testamentъ въ одномъ которомъ члону, або и въ двухъ и въ трехъ, былъ скажонъ, тогда абы предѣя вси нвые рѣчи, въ томъ testamentѣ описаные, были при моцы захованы».

101. Стр. 43—44; Стат. 1588 г. Разд. 3, арт. 2. Этотъ Статутъ даетъ подтвержденіе на право владѣнія имуществомъ, которое находилось въ пользованіи Шляхтича до 1588 г., хотя бы и незаконно «безъ превьяльвѣ».

102. Стат. 1566 г., Разд. 3, арт. 14.

103. Тамъ же арт. 33.

104. Vol leg. т. 2, стр. 82 и 86. «Execucya, to jest odbieranie dóbr i miast, zamków, dworów, wsi i ziem, gruntów, zamian, wysług, danin wszystkich, od przodków naszych przodkom ich i ich samym nadanych, teraz i na potym ich samych i potomkow ich nie dołęże, a ni im i potomkom ich żadnemi sejmy, wynalazki

i konstytucyami sejmowymi Koronnemi, nic szkodzić nie może. A na ostatek a ni też z ich strony obywatelów i posłów ziemskich Wołyńskich (и Киевскихъ) stanowiona być nie ma wiecznemi czasu... A jesliby którzy z nich na dobra swe ojczyste i dziedziczne listów nie mieli, a bez listów onych dóbr spokojnie używali, tedy takowe dobra tymże W. X. Litewskiego prawem wedle starego i nowego Statutu, jako to tego czasu trzymali, będą dzierżyć wiecznemi czasu.»

105. Ак. З. Р. т. 2, № 30.

106. Тамъ же № 54.

107. Разд. 1, арт. 4: «а вѣдже естли бы хтбъ зъ глупьства, або шаленства, въ томъ выступилъ, за то мы господаря братися не будемъ».

108. Тамъ же арт. 7, 11.

109. Тамъ же арт. 9.

110. Тамъ же арт. 10.

111. Тамъ же арт. 24.

112. Тамъ же арт. 35.

113. Тамъ же Разд. 3, арт. 6; Разд. 4, арт. 9.

114. Тамъ же Разд. 3, арт. 27.

115. Тамъ же арт. 28.

116. Тамъ же арт. 29.

117. Тамъ же арт. 53.

118. Тамъ же арт. 59.

119. Тамъ же арт. 62.

120. Тамъ же Разд. 11, арт. 14.

121. Тамъ же арт. 28.

122. Тамъ же арт. 35.

123. Ак. З. Р. т. 2, № 30.

124. Тамъ же № 70.

125. Тамъ же № 64.

126. Тамъ же № 87.

127. Ленгинъ говоритъ, что Воеводства въ Литовской Руси учреждены въ 1566 году. По всей вѣроятности, онѣ существовали здѣсь гораздо раньше этого года, и происхожденіе ихъ такъ же старо, какъ появленіе Воеводъ, о которыхъ упоминается въ актахъ Зап. Рос. подъ 1506 г., т. 2, стр. 3.

128. Vol. leg. т. 2; стр. 93; Хрон. Гваньина стр. 326 — 332; Staroż. Морачевского.

129. Ленгин. т. 1, стр. 422; Ак. Зап. Рос. т. 2, стр. 89. «Также намъ, Господару, давати Воеводу нашего Полочаномъ, по ихъ воли; а который будетъ Воевода нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу иного дати по ихъ воли».

130. Кромъ Воеводствъ Минскаго и Брестскаго. См. Морачевского Starożytn.

131. Staroż.; Jus public. стр. 137. «Palatini munera sunt: esse ductorem copiarum suae satrapiae in expeditionibus bellicis, indeque habet nomen lingua vernacula, ut Vojevoda dicitur. In conventibus nobilitatis praesidet, praetia rebus venalibus imponit, ponderum et mensurarum curam gerit, Judaeorum etiam patrocinium et judicia ad eundem pertinent».

132. Vol. leg. т. 2, стр. 98.

133. Тамъ же.

134. Staroŕytn.; Jus public. стр. 138.

135. Возный исполнял не только порученія Суда, но и порученія частныхъ лицъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ. По требованію истца, онъ часто относилъ позовы (повѣстки) къ отвѣтчику, съ требованіемъ его на Судъ.

136. Въ каждой Канцеляріи висѣла доска, на которой было выставлено, сколько въ какомъ случаѣ давать Писарю. Обыкновенно давали больше противъ таксы, и такой излишекъ назывался plus offerentia. Staroŕ.

137. Тамъ же.

138. Всѣ Чиновники должны были имѣть поземельную собственность, т. е., быть настоящими Шляхтичами. См. множество указаній въ Vol. leg., въ Стат., въ Ак. З. Р., въ Хроникѣ Бѣльскаго и т. д.

139. Ак. З. Р. т. 3, стр. 26, 27.

140. Тамъ же. «Абы вриды пограничные людемъ въ годности дозванымъ и заслужонымъ были даваны».

141. Бѣльскій стр. 591, 615, 657; Альбертранди стр. 134. «Дембинскій за нерадѣніе былъ низложенъ» (1576 г.).

142. Ак. З. Р. т. 2, стр. 89.

143. Тамъ же т. 3, стр. 98, 99.

144. Тамъ же стр. 7. «Не малое вонтпѣние межъ нами есть, гдѣ ся тые пѣнязи подѣли, и на которую потрѣбу земскую обернуты, которые есмо передъ тымъ не однокротъ на оборону земскую давали? А для того Его Королевской Милости просимъ, абы вжо отъ сего часу и на потомныи часы, кгда бы ся кольвекъ притрафилю для обороны земскоѣ серебщивану складати, абы то намъ было особливимъ листомъ Его Милости описано, ижъ бы тыи пѣнязи не до скарбу Его Милости были даваны, але ижбы есмо сами зъ братьи своее обрали людей добрыхъ, вѣры годныхъ, одного закону Римского, а другого закону Греческого, а при нихъ третяго, Писаря, которыхъ бы тыи пѣнязи серебщиваны отъ насъ отбиралъ и за своимъ ключомъ ховали, и тыхъ пѣнязей ни на жадныи инышии потребы и ни на чый розказъ не выдавали, одно на посполитую оборону земскую, на люди служебныи, и съ того всего абы предъ нами личьбу чинили».

145. Бѣльскій, стр. 591; Dalszy ciąg. стр. 140, 146.

146. Альбертранди стр. 23.

147. Dalszy ciąg chroniki Bielskiego стр. 194 и слѣд.

148. Ак. З. Р. т. 3, стр. 31.

149. Бѣльскій стр. 653.

150. Пользовавшіися Магдебургскимъ правомъ имѣли свой Судъ, свое управленіе и были вольны отъ Суда Шляхты (то же самое по Хелмскому праву). Если мѣщанинъ обидѣлъ Шляхтича, то послѣдній могъ требовать его на Судъ, но только на Судъ городской (мѣщанскій).

151. Ак. З. Р. т. 3,

152. Былъ и такой разрядъ горожанъ (мѣщанъ).

153. Ак. З. Р. т. 3, № 11, просьба 12.

154. Тамъ же т. 2, стр. 179.

155. Разд. 3, арт. 35.
 156. Альбертранди стр. 7, 162, 170.
 157. Влад. град. 1566 г. № 53.
 158. Влад. град. 1580 г. № 498.
 159. Тамъ же № 321.
 160. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г., безъ номера между актами 304 и 305.
 161. Тамъ же № 198.
 162. Жит. Уѣзд. Суда № 8, кв. 1, годъ 1584.
 163. Влад. Град. 1580 г., № 492; такой же актъ подъ № 348.
 164. Влад. Град. 1565 г., № 160.
 165. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г. № 234.
 166. Влад. Град. 1580 г. № 571. Подоб. акты подъ №№ 611, 622, 654
 и слѣд.
167. Влад. Град. 1567 г., № 279.
 168. Влад. Град. 1580 г., № 243.
 169. Тамъ же № 497.
 170. Влад. Град. 1595 г., № 135.
 171. Тамъ же № 513.
 172. Тамъ же № 559.
 173. Ак. З. Р. т. 2, стр. 65.
 174. Стр. 601.
 175. Стат. 1588 г. Разд. 3, арт. 27.
 176. Тамъ же арт. 25. Этотъ законъ важенъ по послѣдствіямъ. Такъ какъ Шляхтичь, занимающійся ремесломъ, или торговлею, терялъ право на званіе Шляхтича, а потерять это право значило потерять все, то Шляхта, разумѣется, неохотно посвящала себя этому занятію. Розрастаніе же ея неминуемо вело къ обѣднѣнію многихъ фамилій и потерѣ поземельной собственности. Потера земли заставляла ихъ избрать себѣ какой ни будь родъ жизни. Не промышленностью же заняться имъ; ибо это занятіе считалось постыднымъ; и вотъ они обратились къ военной службѣ и къ службѣ при Дворѣ, какъ занятію почетному и благородному. По образцу Королевскаго Двора, Вельможи устроили и у себя дворъ, куда толпами валла бѣдная Шляхта. Такимъ образомъ она содѣйствовала возвышенію нѣсколькихъ фамилій и преобладанію ихъ въ Государствѣ.

И

МАТЕРИАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

П Л Я С О В Ы Я.

1.

Широкая борода,
Не ходи мимо сада,
Дороженьку не торн,
Худу славу не клади!
5 Дороженьку проторилъ,
Худу славу положилъ.
Стыдъ головушкѣ долой,
Какъ миѣ будетъ прити домой,
Сказать матушкѣ родной?
10 Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу этакъ, на косякъ:
Я во саднику гуляла,
Сладки яблочки рвала,
На тарелочку клала,
15 Дружка жаловала.
Дружокъ яблокъ не беретъ,
Миѣ отвѣту не даетъ.
Ужь я топну ногой—
Призадумается,
20 Ужь я топну другой—
Образумится,
А самъ съ терема долой,
Оставайся! Шутъ съ тобой!

Зап. А. Шумиллѣ, Тул. Губ. Крап. Уѣзда.

---

* Веселая голова.—См. Рыбн. III, стр. 456, № 7.

2.

Ъхали Казаки
 По новой дорожкѣ,
 Волы приустали,
 На дорожкѣ стали.
 5 Молодой Казачикъ
 Рано зажурился:
 Отецъ и мать померъ,
 А я не женился.
 Пойду ль я, Казачикъ,
 10 Лужкомъ бережочкомъ,
 Зеленымъ садочкомъ,
 Не найду ль я долю
 Парню молодому.
 Не нашелъ я долю,
 15 Зашелъ въ рыболовню:
 Рыболовцы, хлопцы,
 Удалы молодцы,
 Вы закипьте сѣтку,
 Черезъ быстру рѣчку,
 20 Вы поймите долю
 Парню молодому!
 Не поймали долю,
 А поймали рыбу:
 Шука рыба по морю гуляетъ,
 25 Все пороку, временемъ, ни чего не знаетъ.
 Молодой Казачикъ,
 Не губи жь ты душу:
 Душу ты загубишь,
 Самъ въ раю не будешь,

Зап. А. Шумилинъ въ с. Давыдовкѣ. Тул. Г.

Передѣлана изъ Малороссійской.

3.

Поѣхалъ зять къ тещѣ
 По зеленой роцѣ
 На жену просити:
 Здорово ты, теща!—
 5 Здорово, ты, зятникъ,
 Здорово, касатикъ!—
 Не совсѣмъ здоровъ я:
 Жена меня била,
 Больно колотила;
 10 Ни чѣмъ, ни тѣлымъ,
 Полѣномъ дубовымъ.—
 За что же ты, зятникъ,
 За что же, касатикъ?—
 Залѣзъ я во погребъ,
 15 Поѣлъ всю сметану,
 Ни мало, маленько,
 Дѣнадцать горшечковъ.—
 Дочь моя дура,
 Мало тебя дула!—
 20 Прощай же ты, теща,
 Прощай, не милая!—
 Прощай же ты, зятникъ,
 Прощай же, сметаникъ!

Тамъ же и тѣмъ же.

4.

Сколько бражки миѣ ни пити,
 25 Съ бражки пьяной миѣ не быти,
 Ой лели, лели, лели, *

* Присѣвъ: «Ой, лели, лели,» повторяется послѣ каждыхъ 2 стиховъ, съ прибавленіемъ послѣдняго.

- Съ бражки пьяной мнѣ не быти.
 Когда бъ чарочку горѣлки,
 Я бы пьяна напилася;
 Я бы пьяна напилася,
 5 Вдоль по улицѣ прошлася,
 Вдоль по улицѣ прошлася,
 Травку-муравку топтала;
 Травку-муравку топтала,
 Трое чеботовъ сносила.
 10 Гопъ, гопъ, гопъ, чеботочки!
 Здравствуйте, милые дружечки!
 У насъ дома не здорово:
 Свекоръ съ печки свалился;
 Свекоръ съ печки свалился,
 15 За корыто завалился;
 За корыто завалился,
 Ветчиною подавился;
 Когда бъ было мнѣ вѣстимо,
 Я бы выше подмостила;
 20 Я бы выше подмостила,
 Свекру голову сломила.

Зап. Е. Горошковскій въ Курск. Губ.

5.

- Ужь и батька старъ,
 На палаткахъ спалъ, 2
 Пробуждаться сталъ:
 25 Ужь и дочь родна,
 Ты вздуѣ огня!
 Ужь не чортъ тебя,
 Батюшка, спрашиваетъ,
 Сѣрой кошечкой
 Подъ окошечкомъ.
 30 Ужь и брысь, повались,
 На перину завались,
 Подъ дѣяло схоронись!..
 Ой, не горе горевать,

Некуды ката дѣвать.
 Посажу ката въ подолъ,
 Понесу ката на дворъ,
 Ки ну, брошу, на заборъ.
 8 Ужь и котъ побѣжалъ,
 Весь заборъ задрожалъ,
 Всѣхъ телятъ перпугалъ;
 Всѣхъ телятъ и ягнать,
 И маленькихъ ребятъ.

Зап. мною въ Тулѣ со словъ крест. Агаеви.

6.

10 Сударь ты, мой батюшка!
 Поставь ты мнѣ горенку,
 Новую, тесовую,
 Окошкомъ на улицу,
 А другимъ въ околицу,
 15 Чтобъ я млада видѣла,
 Три лебедя плавають,
 Три бѣлые плавають:
 У перваго лебедя
 Златая головушка;
 20 У другога лебедя
 Жемчужная шеюшка;
 А въ третьяго лебедя
 Правильное перышко.
 Златая головушка—
 25 Молодой Иванъ,
 Жемчужная шеюшка—
 Молодой Гаврилъ;
 Правильное перышко—
 Молодой Петрунь.

Зап. Ю. Ауэрбахъ, Дмитров. У. въ с. Глоднѣвѣ.

7.

- Виндадоры, виндадоры,
 Виндадорушки мон!
 Какъ у нашего Попа
 Сталовѣрскаго,
 5 Взбѣсилася Попадья,
 Еще стюшилася:
 Посылала Попа
 Она въ лѣсъ по дрова,
 Она въ лѣсъ по дрова,
 10 По березовія,
 Дала ему сѣкирушку
 Не точеную,
 Запрягла ему кобылушку
 Не ѣженую.
 15 А сѣкира не сѣчетъ,
 И кобыла не везетъ,
 Зацѣпила за пенекъ,
 Простояла весь денекъ.
 Сталовѣрскій Попъ
 20 Онъ до дѣвокъ добръ
 Въ сталовѣрскаго Попа
 Нѣту денегъ ни гроша;
 Нѣту денегъ ни гроша,
 На немъ ряса хороша;
 25 Онъ рясу скидаеть,
 Краснымъ дѣвкамъ отдаеть;
 Онъ до того дожилъ—
 Штаны снялъ да отдалъ.

Зап. Е. Горошковскій въ Тугѣ.

8.

- Вдоль по сахару рѣченька течеть,
 По изюму разливается;
 Берега-то вотъ хрустальныя,
 Деревя-то виноградныя:
- 8 Тамъ мой миленькій хорошъ, хорошъ,
 Онъ русымъ кудрямъ на барица похожъ:
 Были бъ слугя мои вѣрны, кучера,
 Заложили бъ моего вѣрна коня,
 Я поѣхалъ бы по сужену.
- 10 Моя суженая, ряженая,
 Она ростомъ небольшой человекъ,
 Она роду-то богатаго,
 Отца съ матерью почетнаго.
 Что и дѣвичья походочка
- 15 Сто рублей парню находочка.
 Здравствуй милая, хорошая моя,
 Хорошая, драгоцѣнная,
 Красота твоя безцѣнная!
 Тебя лучше я, краше не напелъ.
- 20 Есть получше и покраше тебя,
 Но въ моемъ сердцѣ желаньница иѣтъ.
 Что и иѣтъ и не будетъ никогда:
 Поцѣлуй разокъ, пожалуста, меня! —
 Я бы рада цѣловать, мой другъ, тебя,
- 25 Да мое лицо разгарчистое:
 Разгорится, не уймется,
 Приду домой, догадаются,
 Съ чего лицо разгарается,
 А не съ пива и не съ зелена вина,
- 30 Сладка водочка анисовая,
 Ходить барыня написаная,
 Жемчугомъ она унизана,
 Бриліантомъ-то усыпана.

Зап. въ Твери Д. В.

9.

Надъ рѣкой дѣвка стоитъ,
 Сама плачетъ, говоритъ:
 Эка я несчастная,
 Дѣвка безталанная!
 5 Сговорила меня мать
 За Боярина отдать;
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужъ за Боярина:
 Бояринъ-то, матушка,
 10 Собачій охотничекъ,
 Собаки борзые,
 Лакеи босые.

Зап. М. С. Оленвиною Твер. Г. Новоторж. У.

10.

Я поѣду ль во лѣсокъ,
 Ужь я вырѣжу лозу,
 15 О-о-охъ, о-о-охъ, охъ охонюшки хохо!
 Ужь я вырѣжу лозу
 На свою дуру жепу,
 О-о-охъ . . . . .
 Подъѣзжаю ко двору,
 20 Жена ходить по двору,
 О-о-охъ . . . . .
 Жена ходить по двору,
 Разбѣленная, разрумяненная,
 О-о-охъ . . . . .
 25 Гдѣ же ты, жена, была,
 Гдѣ, Сударыня, была?
 О-о-охъ, ...
 Я была, Сударь, была,
 У сосѣдушки въ гостяхъ.
 30 О-о-охъ . . . . .

Много пива и вина,
 Ни чего въ ротъ не брала,
 О-о-охъ.....
 За твое, Сударь, здоровье,
 ь Стаканъ меду выпила,
 О-о-охъ.....
 Ужь я брошу лозу,
 Поцѣлюю жену,
 О-о-охъ, о-о-охъ, охъ охонюшки хохо!

Зап. въ Коломнѣ по порученію А. Н. Островскаго.

 11.

- 10 Родимая матушка,
 Все я не женать хожу,
 АЙ люли, ай люли *
 Все я не женать хожу.—
 Родимое дитятко,
 15 Пойди въ короводъ, женись!
 Выбирай себѣ,
 Кая лучше всѣхъ.
 Дочь Дворянская
 Мнѣ на встрѣчу шла.—
 20 Дочь Дворянская,
 Тебѣ не ровнюшка,
 Бѣлымъ рученькамъ,
 Не замѣнушка,
 Твоимъ плечикамъ,
 25 Не подмогушка,

(Начинается опять повтореніе того же:)

Родимая матушка и т. д.
 Дочь купеческая,
 Мнѣ на встрѣчу шла.

---

* Повторяется послѣ каждыѣ 2-хъ стиховъ.

Дочь купеческая,
 Тебѣ неровнюшка и т. д.
 (Опять сначала)
 - Дочь крестьянская,
 Шла на встрѣчу мнѣ.
 8 Дочь крестьянская,
 Тебѣ ровнюшка,
 Бѣлымъ ручелькамъ,
 Замѣнушка,
 Твоимъ плечикамъ,
 10 Подмогушка.

 12.

Погляди-ка, матушка,
 Стоитъ дѣвокъ короводъ,
 А я у те, матушка,
 Хожу холостъ, не женатъ! —
 15 Женись, 2, дитятко;
 Возьми дочь Боярскую! —
 Боярска дочь, матушка,
 Она не работница,
 Твоимъ рукамъ, матушка,
 20 Она не замѣнушка,
 А мнѣ, добру молодцу,
 Она не совѣтница,
 (Опять сначала)
 Возьми дочь Поповскую и т. д.
 (Опять сначала)
 Возьми дочь крестьянскую!
 23 Крестьянская дочь, матушка,
 Твоимъ рукамъ замѣнушка,
 Вотъ она пособница,
 Вотъ она совѣтница.

Зап. Студ. Н. А. Някольскимъ въ с. Кушалинѣ Твер. Г. и У.

13.

- Сговорила меня мать
 За солдатика отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужъ за солдатика,
 5 Будь онъ унтеръ, рядовой...
 У него лишь хлѣбъ съ водой,
 Часто пивомъ, медомъ поитъ,
 Торговать на рынокъ водятъ.
 Не йду, не йду, матушка, 2
- 10 Замужъ за солдатика. 2
 Сговорила меня мать
 За кузнечика отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужъ за кузнечика;
 15 Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
 Самъ онъ въ сажѣ чортъ какъ чортъ,
 Часто въ кузницѣ бываетъ,
 Не равно онъ замараетъ.
 Не йду, не йду, матушка 2
- 20 Замужъ за кузнечика. 2
 Сговорила меня мать
 За Поповича отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужъ за Поповича:
 25 Будь онъ Дьяконъ, или Попъ
 Въ камлавиѣ Протопопъ,
 Стрѣлы водить по ночамъ,
 Не дасть спать моиѣ очамъ.
 Не йду, не йду, матушка, 2
- 30 За мужъ за Поповича. 2
 Сговорила меня мать
 За кушца было отдать.
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужа я за купчика:
 35 Купецъ воръ, обманщикъ, плутъ,
 Черезъ годъ можетъ банкротъ,

- И его возьму въ тюрьму,
 А я по міру пойду.
 Не йду, не йду, матушка, 2
 Замужъ я за купчика. 2
- 8 Сговорила меня мать
 За Боярина отдать:
 Иду, иду, матушка,
 Замужъ за Боярина:
 Жизнь Боярска, что твой рай,
- 10 Только знай, себѣ гуляй,
 Въ клубъ, театръ, на балъ катайся,
 Или дома забавляйся;
 Я Боярина люблю,
 Замужъ за него пойду.
- 18 Иду, иду, матушка, 2
 Замужъ за Боярина. 2

Сооб. Ф. И. Скрапкинымъ въ Твери.

14.

- Сговорила меня мать
 За крестьянина отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
- 20 Замужъ за крестьянина;
 Крестьянинъ-то, матушка.
 Много земли пашеть,
 Деньги пропиваетъ.
- Сговорила меня мать
- 28 За Подъячаго отдать:
 Иду, иду, матушка,
 Замужъ за Подъячаго;
 Какъ Подъячій-то писать,
 А я денежки считать.

Зап. въ Твер. Г. Новоторж. У. М. С. Олени ою.

15.

- Какъ хотѣла меня мать
 За Филипушку отдать:
 У Филипа въ саду липа,
 За всегда я буду бита.
 5 Эка я несчастная,
 Безталанливая!
 Захотѣла меня мать
 За Поповича отдать:
 Попы рано встають,
 10 Попы громко поють.
 Эка я несчастная,
 Безталанливая!
 Какъ хотѣла меня мать,
 За подмарика отдать:
 15 Пономарикъ-отъ звонить,
 А я млада слезы лить.
 Эка я несчастная,
 Безталанливая!

Зап. въ Твер. Г. А. В. Соколовымъ.

16.

- Захотѣла меня мать
 20 За Ивана отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 Не йду, не подумаю;
 У Ивана въ саду яма,
 За всегда я буду тамо.
 25 Захотѣла меня мать
 За Степана отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 Не йду, не подумаю;
 У Степана три стакана,
 30 Завсегда я буду пьяна.
 Захотѣла меня мать

- За Филипа отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 Не йду, не подумаю;
 У Филипа въ саду ливна,
 5 Завсегда я буду бита.
 Захотѣла меня мать.
 За кошатника отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 Не йду, не подумаю;
 10 Кошатникъ кошекъ драть,
 А мнѣ ножки держать.
 Захотѣла меня мать
 За Боярина отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 15 Не йду, не подумаю;
 Какъ баринъ крестьянъ бить,
 А мнѣ милости просить.
 Захотѣла меня мать
 За Писаря отдать:
 20 Иду, иду, маменька,
 Иду и подумаю;
 Какъ Писарь писать,
 А мнѣ деньги считать.

Зап. мною отъ солдатки Лукерьи Епиф. У. деревни Пашкова.

 17.

- Ахъ во саду, саду,
 25 Люблю садовое,
 Люблю, люблю садовое,
 Грушу зеленую,
 Дѣвку веселую;
 Надъ рѣвкой дѣвка стонѣтъ,
 30 Сама себѣ говорить:
 Али я безчастна,
 Дѣвка безталанна!
 Сговорила меня мать

- За крестьянина отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
 Замужъ за крестьянина;
 Крестьянинъ невѣжа,
 5 Много пашни пашеть;
 Много пашни пашеть,
 Много заѣваеъ,
 Борозды широки,
 Полосы глубоки,
 10 Жнецы-то худыя.
 Ахъ во саду, саду,
 Люблю садовое,
 Люблю, люблю садовое,
 Грушу зеленую,
 15 Грушу, грушу зеленую,
 Дѣвку веселую;
 Надъ рѣкой дѣвка стоитъ,
 Сама себѣ говорить:
 Али я безчастна,
 20 Дѣвка безталанна!
 Сговорила меня мать
 За Боярина отдать,
 Не йду, не йду, матушка,
 Не йду, государыня,
 25 Замужъ за Боярина;
 Бояринъ охотникъ,
 Много собакъ держитъ.
 Собаки борзые,
 Холопы босые.
 30 Ахъ во саду, саду,
 Люблю садовое,
 Люблю, люблю садовое,
 Грушу зеленую,
 Грушу, грушу зеленую,
 35 Дѣвку молодую;
 Надъ рѣкой дѣвка стоитъ,
 Сама себѣ говорить:
 Али я безчастна,

Дѣвка безталанна!
 Сговорила меня мать
 За Подъячаго отдать:
 Иду, иду, матушка,
 5 Иду, государыня,
 Иду, государыня,
 Замужъ за Подъячаго,
 Ахъ, Подъячій-то писать,
 А я денежки считать;
 10 Пусть худое говорятъ,
 А мы будемъ обирать.

См. «Полное и новое собраніе Россійскихъ пѣсенъ.» М. 1780 г., ч. II, 179.

 18.

Сговорила меня мать
 За крестьянина отдать:
 Не йду, не йду, маменька,
 15 Замужъ за крестьянина;
 Съ крестьяниномъ жить трудиться,
 Рано встать, поздно ложиться,
 Сѣно косить, жито жать,
 Съ требухой (?) въ овинъ сажать;
 20 Не йду, не йду, мамешка,
 Замужъ за крестьянина.
 Сговорила меня мать
 За сапожника отдать:
 Не йду, не йду, мамецька,
 25 Замужъ за сапожника;
 Сапожникъ воръ, буянъ,
 Съ утра до вечера пьянъ,
 Жену морить голодомъ,
 Заморозитъ холодомъ;
 30 Не йду, не йду, мамецька, и т. д.
 Сговорила меня мать
 За солдатика отдать:

- Не йду, не йду, маменька:
 Солдать, будь хоть строевой,
 Съ нимъ всегда ѣшь хлѣбъ съ водой,
 Часто пивомъ, медомъ поить,
 5 Торговать на рынокъ водить;
 Не йду, не йду, маменька, и т. д.
 Сговорила меня мать
 За купчика отдать и т. д.
 Купецъ гадкій воръ и плутъ,
 10 Черезъ годъ будетъ банкротъ,
 Его посадятъ въ тюрьму,
 А я по міру пойду, и т. д.
 Сговорила меня мать
 За Поповича отдать. и т. д.
 15 Будь онъ Дьяконъ, или Попъ,
 Въ камлавкѣ Протопопъ,
 Съ требой ходитъ по ночамъ,
 Не дастъ спать моимъ очамъ и т. д.
 Сговорила меня мать
 20 За Штабъ-Лѣкаря отдать и т. д.
 Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ,
 Смотри въ спиртъ да на ланцетъ,
 Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
 На тотъ свѣтъ меня отправитъ и т. д.
 25 Сговорила меня мать
 За Боярина отдать:
 Иду, иду, маменька,
 За мужъ за Боярина;
 Живѣ Боярина, что твой рай,
 30 То и дѣло, что гуляй,
 Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
 Или дома забавляйся;
 Иду, иду, маменька.

Зап. Уч. VII кл. Гимназія Горошковскій въ Кур. Г.

19.

Вдоль улицы, (3) мимо кузницы,
 Во той кузнѣ (3), молодые кузнецы
 Куютъ, дуютъ (3) да навариваютъ,
 Меня младу (3) подговариваютъ:
 5 Пойдемъ, Дуця, (3) во зеленый садъ гулять,
 Сорвемъ Дуцѣ (3) лопушекъ, лопушекъ,
 Сошьемъ Дуцѣ (3) сарафанъ, сарафанъ,
 По Русскому (3) растегай, растегай.
 Носи, Дуця, (3) сберегай, сберегай,
 10 Въ коробочкѣ (3) сохраняй, сохраняй,
 По праздничкамъ (3) надѣвай, надѣвай!
 Разсукинъ сылъ (3) тараканъ, тараканъ,
 Изъѣлъ Дуцинь (3) сарафанъ, сарафанъ,
 По Русскому (3) растегай, растегай.

Заг. со словъ учеп. Бѣлов. У. Духов. учил. П. Чулко вскѣиі.

20.

15 Ай столбы, доски, 2.
 Столбы, доски дубовыя! 2.
 Ай, ай вы, сѣни, 2
 Ай вы сѣни кленовыя! 2.
 По тѣмъ сѣнямъ 2
 20 По тѣмъ сѣнямъ свекоръ ходя, 2.
 Свекоръ ходя, 2.
 Свекоръ ходя, журя, броня, 2.
 Журя, броня, 2
 Журя, броня не за дѣло, 2.
 25 Не за дѣло, 2
 Не за дѣло, за бездѣлье. 2.
 Пойду гулять, 2.
 Пойду гулять, не спрошуся, 2
 Съ гульбы приду, 2

Съ гульбы приду, не скажуся. 2.
 Гульба моя, 2
 Гульба моя часовая, 2.
 Журьба моя, 2
 5 Журьба моя вѣковая

Зап. въ Тулѣ Г. О. Соколовъ.

21.

Грушица, ты грушица моя!
 Грушица, зеленый виноградъ!
 Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
 Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
 10 Забавныя рѣчи говоритъ:
 Сушать жеиъ хорошіе мужья,
 А дѣвушекъ дальніе друзья.
 Пойду я въ зеленый садъ гулять,
 Сорву я со травушки цвѣтокъ,
 15 Совью на головушку вѣнокъ.
 Пойду я на Волгу на рѣку,
 Стану я на мытномъ на плоту;
 Брошу свой вѣночекъ на воду,
 А сама подалѣ отойду,
 20 На свой на вѣночекъ погляжу:
 Тонетъ ли, не тонетъ ли вѣнокъ?
 Тужитъ ли, не тужитъ ли дружокъ?
 Ахъ, мой вѣночекъ потонулъ,
 Знать, меня мой милый обманулъ.

Зап. тѣмъ же и тамъ же.

22.

- Вы слѣды мои, слѣды,
 Довели меня слѣды
 До горюшка, до бѣды,
 До славушки до худой,
 5 До улицы мостовой!
 По улицѣ мостовой
 Шла дѣвушка за водой,
 На встрѣчу парень молодой.
 Дѣвка парню говорила,
 10 Во глаза его бранила:
 Ты дуракъ, дуракъ, дуракъ,
 Зачѣмъ къ дѣвкамъ ходишь такъ?
 Ты поди-ка, понеси-ка,
 Ты поздравствуйся:
 15 Здравствуй Саша и Параша,
 Здравствуй душечка моя!
 Дома ль маменька твоя?—
 Ни папеньки, ни маменьки,
 Дома нѣту никого,
 20 Пользай, сударь, въ окно!
 Милой ручку протянулъ,
 Казакъ плеткой стеганулъ:
 Не твоя бы, сударь, честь
 Къ дѣвушкамъ въ окошко лѣзть:
 25 У насъ двери на то есть,
 У насъ двери и ворота,
 Камиточка расперта.

Зап. А. Шумлинымъ въ селѣ Даншловѣ.

23.

- Какъ во полюшкѣ рябинушка стоитъ,
 Подъ рябинушкой тропинушка лежитъ,
 30 По тропинишкѣ дѣтинушка бѣжитъ,
 Дѣтинушка удалой молодецъ,

- Онъ всю травушку, муравушку принималъ,
 Всѣ лазоревы цвѣточки посорвалъ;
 Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить,
 Много злата, много серебра носить,
 5 Безъ разсчета золотой казной дарить,
 Безъ аршинца камочки отдирать.
 Ты камочка, камочка моя,
 Ты камочка мелкотравчатая,
 Мелкотравчатая; узорчистая!
 10 Не давайся ты, камочка моя,
 Ни простому, ни Боярину,
 Ни тому сыну гостинному;
 Ой, гостинный-то сынъ волюшку беретъ,
 Красну дѣвушку за ручушку ведетъ.
 15 Ой голудьба, удамой молодецъ!
 У голудьбы столбы точеные,
 Верешки позолоченныя,
 Подворотинка стекольчистая.
 У воротинки бѣлъ камушекъ лежить,
 20 Изъ подъ камушка быстра рѣчка течеть,
 А по рѣчушкѣ суденушко плыветь,
 Во суденушкѣ немножко людей,
 Да и съ ними красна дѣвушка сидеть.

Изъ стариннаго Семнарск. Сборника въ Твери.

24.

- На тихинькимъ Дунаи
 25 Писарь гусей гоняи
 О, о, о хо-хо, писарь гусей гоняи.
 Писарь гусей гоняи
 Самъ дѣвушкѣ мигаи,
 О, о, о хо-хо, самъ дѣвушкѣ мигаи:
 30 Дѣвица, красавица,
 Скажи своей паньницѣ,
 О, о, о хо-хо, скажи своей паньницѣ,

- Скажи своей паньницѣ,
 Что во свѣтломъ платьницѣ:
 О, о, о хо-хо, что во свѣтломъ платьницѣ:
 Пусть она меня не ждетъ,
 5 Пусть она замужь идетъ,
 О, о, о хо-хо, пусть она замужь идетъ;
 А я, писарь молодой,
 При томъ еще богатой:
 О, о, о хо-хо, при томъ еще богатой,
 10 Тройка коней вороныхъ,
 Девять овецъ Черкасскихъ,
 О, о, о хо-хо, девять овецъ Черкасскихъ.
 Пошли дѣвушки въ садокъ,
 15 Сорвали розовой цвѣтокъ,
 О, о, о хо-хо, сорвали розовой цвѣтокъ,
 Во водицѣ вымыли,
 Во молокѣ сварили,
 О, о, о хо-хо, во молокѣ сварили:
 20 Мой цвѣточекъ закипѣлъ,
 Ко мнѣ милый прилетѣлъ,
 О, о, о хо-хо, ко мнѣ милый прилетѣлъ.

Зап. Твер. Г. Осташи. У. въ с. Федоровѣ дворѣ, В. Тюкиши.

 25.

- Во лужяхъ, лужяхъ,
 Во зеленыхъ лужяхъ,
 25 Стоять дѣвушки въ кружкахъ,
 По другую сторонушку
 Удалые молодцы,
 Удалые, веселые,
 Не женаты, холостые;
 30 Что пошли наши ребята,
 Да вдоль по кругу гулять,
 Красныхъ дѣвокъ выбирать;
 Выбиралъ, выбиралъ парень

Красну дѣвушку не величку,
 Не величку, ни малу,
 Ни величка, ни мата,
 На ней шубочка ала,
 5 Душегрѣчка красна,
 Молодцу сердце зажала.
 Какъ ударилъ парень дѣвушку
 По бѣлому по лицу,
 Онъ по бѣлому лицу,
 10 По румяной по щекѣ,
 По жемчужной по серьгѣ;
 Какъ жемчужная сережка,
 Разсыпъ тась,
 Передъ молодцомъ дѣвчонка
 15 Расплакалась:
 Ты не бей, не бей, невѣжа,
 Не твоя, сударь, надежа,
 Коли я буду твоя,
 Буду слушаться тебя,
 20 А теперь я не твоя,
 Я не слушаюсь тебя,
 Отойди ты прочь,
 Отойди, шельма, отъ меня!

Зап. мною отъ двор. жен. Моск. Г. Мож. У. с. Мясятина.

26.

Ыдетъ миленькой
 25 Самъ на троицкѣ
 Съ колокольчикомъ.
 Пишетъ миленькой
 Ко мнѣ грамотку,
 Не перомъ писалъ,
 30 Не чернилами,

- Пишетъ миленькой
Горючьми слезьми.
Ужь я лѣсомъ шла,
Не боялася,
5 Ужь я полемъ шла,
Не шаталася,
Ко двору пришла,
Пошатнулася,
За вереюшку судержалася:
10 Верѣя ль ты моя,
Ты вереюшка,
Судержи жь ты меня,
Бабу пьяную,
Шельму хмѣльную;
15 Не видалъ бы меня
Свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Моему мужу;
Какъ и мой-то мужъ,
20 Горькій пьяница,
Онъ вина не пьетъ,
Съ кабака не йдетъ,
Съ воды пьянъ живетъ,
Съ квасу бѣсится.
25 Я порогъ мыла,
Во щи вылила,
Ужь я полъ мыла,
Въ горохъ вылила;
Я полы скребла,
30 Пирогъ спекла,
Со начиночкой,
Со ветчиночкой.

Зап. Тул. Г. въ Новос. У. Шт. Смор. Шелрпнымъ.

27.

- Какъ по первой по порошѣ
 Трое саночекъ бѣгутъ,
 И шумать, и гремать,
 Лишь копыльцы говорятъ;
 5 Трое саночекъ бѣгутъ
 Къ Акулинину двору,
 Акулина выбѣгала,
 Воротички отпирала,
 Акулинушка бѣжить,
 10 Только юбочка шумить;
 Ворона коня примала,
 На конюшку становила,
 Овса сѣна заложила,
 Акулиннѣ мужъ,
 15 Онъ догадливъ былъ:
 Онъ въ конюшку вошелъ,
 Ворона коня нашелъ.
 Акулина! Это что? —
 А тебѣ, сударь, на что?
 20 Вечеръ по торгу ходила,
 Ворона коня купила.
 Акулина, хорошо!
 Григорьевна славно!
 Акулиннѣ мужъ,
 25 Онъ догадливъ былъ:
 Онъ во горенку вошелъ,
 Кафтанъ съ шляпою нашелъ:
 Акулина! Это что? —
 А тебѣ, сударь, на что?
 30 Вечеръ по торгу ходила,
 Кафтанъ съ шляпою купила.
 Акулина, хорошо!
 Григорьевна, славно!
 Акулиннѣ мужъ,
 35 Онъ догадливъ былъ:

Онъ въ другую-то вошелъ.
 Тесову кровать нашелъ,
 На кроватушкѣ дѣтинушка.
 Кудрявенькій лежитъ.
 5 Акулина! Это что? —
 А тебѣ, сударь, на что?
 Вечеръ по торгу ходила,
 Сиротинушку нашла,
 Надо, надо сиротинушку,
 10 Приголубить, приласкать.
 Три плеухи ему дать,
 Со двора его согнать.
 Акулина, хороша!
 Григорьевна, славно!

Зап. П. М. Глѣбовымъ Веневск. У. села Хойдакова.

28.

15 Какъ по этой по мятели
 Трое саночекъ летѣли,
 Не стучамши, не гремемши,
 Лишь копытца говорятъ,
 Къ Акулинѣ катятъ.
 20 Акулина, душа,
 Отпирай ворота! —
 Милый другъ, у меня
 Отперты ворота. —
 Акулина, душа,
 25 Гдѣ жь мнѣ постановить? —
 Станови свово коня
 Середъ мово двора,
 Привяжи свово коня
 Къ золотому кольцу. —
 30 Акулина, душа,
 Гдѣ жь плетку повѣсить?

- Акулина, душа,
Гдѣ жь кушакъ съ шляпой положить? —
Милый другъ, положи
Кушакъ съ шляпою на столъ! —
- 8 Акулина, душа
Дружка милаго взяла,
Во спальенку ввела.
Акулининъ мужъ,
Онъ догадливъ былъ:
- 10 Во конюшеньку взошелъ.
Добра коня нашелъ,
Къ Акулинѣ подошелъ:
Акулина! Это что? —
А тебѣ, мой другъ, на что?
- 15 Я на рыночекъ ходила,
Ворона коня купила,
Восемьсотъ рублей дала.
Акулининъ мужъ,
Онъ догадливъ былъ,
- 20 Онъ догадался и пошелъ.
Онъ въ горницу взошелъ;
Онъ и плетку нашелъ,
Къ Акулинѣ подошелъ:
Акулина! Это что? —
- 25 А тебѣ, мой другъ, на что?
Извощики сдѣсь были,
Шелкову плетку забыли.
Акулининъ мужъ,
Онъ догадливъ былъ,
- 30 Онъ догадался и пошелъ,
Къ столику подошелъ,
Кушакъ съ шляпою нашелъ,
Къ Акулинѣ подошелъ:
Акулина! Это что?
- 35 А тебѣ, мой другъ, на что?
Сдѣсь Господа были,
Кофій, чай пили,
Кушакъ съ шляпою забыли.

Акулининъ мужъ,
 Онъ догадливъ былъ,
 Онъ догадался и пошелъ,
 Во спальню вошелъ,
 5 Онъ и сидѣльцеу нашелъ,
 Къ Акулинѣ подошелъ:
 Акулина! Это что? —
 А тебѣ, мой другъ, на что?
 Я въ добрыхъ людяхъ видала,
 10 И себѣ имѣть хочу.
 Акулининъ мужъ,
 Онъ догадливъ очень былъ,
 Онъ догадался и пошелъ,
 Къ тесовой кровати подошелъ,
 15 Друзька милаго нашелъ,
 Къ Акулинѣ подошелъ:
 Акулина! Это что? —
 А тебѣ, мой другъ, на что?
 Прости, мой милый другъ,
 20 Виновата передъ тобой.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У. отъ солдатки.

29.

Ночка ль, ноченька,
 Ночка темная,
 Ночка темная,
 Осенняя, долгая.
 25 Молодка, молодка,
 Молоденькая,
 Головка твоя,
 Побѣдненькая.
 Не съ кѣмъ мнѣ, молодкѣ,
 30 Ночку ночевать:
 Лягу спать одна,

- Безъ мила дружка; 2
 Обуяла грусть тоска,
 Грусть тоска беретъ,
 Далеко милый живеть,
 5 Далече, далече, не близко ко мнѣ,
 На той сторонѣ;
 Ходить мой милой
 Тою стороной,
 Машеть мой милой
 10 Правую рукой,
 Шляпой пуховой:
 Перейди, сударушка,
 На мою сторонушку! —
 Я бы рада перешла,
 15 Переходу не нашла,
 Переходъ нашла,
 Жердочка тонка:
 Тонка, тонка, гнется,
 Боюсь переломится,
 20 Знать-то мой милой,
 Съ иной водится.
 Жердочка тонка,
 Рѣчка глубока.*
 Во этой во рѣчкѣ
 25 Купался боберь,
 Купался, купался,
 Не выкупался,
 На горку взошелъ,
 Весь вымарался,
 30 Подъ горку сошелъ,
 Отряхивался;
 Лисица добра,
 Будила бобра:
 Ты вставай, боберь!

---

* У Якушкина до сихъ поръ нѣтъ почти ни какой разницы, а да-
 лѣе слѣдуютъ еще 6 стиховъ; у Сахарова же этѣмъ стихомъ
 кончается. Помѣщена она у него въ отд. пласовыхъ № 24.

Вставай, молодой,
 Охотнички свищутъ,
 Тебя, бобра, ищутъ,
 Хотятъ бобра бить,
 5 Хотятъ застрѣлить,
 Машѣ шубу шить,
 Бобромъ опушить,
 На фабрику ходить,
 Бумажку мотать,
 10 Въ Москву отсылать.

Зап. мною въ Твери отъ извозчика Григорья.

30.

На базаръ Маша ходила,
 Чеботы себѣ купила,
 Три полтины заплатила,
 На босу ногу носила,
 15 Бѣлу пшонушку молола,
 Черный куколь выбирала,
 На чужу межу бросала,
 Чеботами притоптала,
 Желтымъ пескомъ засыпала,
 20 Чеботами притоптала,
 И сама туда попала,
 Перепелкой закричала;
 Какъ ѣхали Бояре,
 Перепелочку поймали,
 25 Со руками, со ногами,
 Со буйной головой.

Зап. мною Т. Г. Енф. У. отъ дворовой.

31.

- По улицѣ молодчикъ идетъ,
 По широкой удаленькій,
 Онъ идетъ не пьянъ, шатается,
 Къ короводу приближается,
 5 И за дѣвушку хватается:
 Полюбилъ меня молоденькій Попокъ,
 Посулилъ мнѣ кашмировой платокъ,
 Мнѣ платочекъ взять хочется,
 А Попа мнѣ любить не хочется,
 10 По тому мнѣ не хочется,
 Что по погосту волочится,
 Онъ блинами побирается,
 Цѣлый вѣкъ пробавляется.
 Полюбилъ меня молоденькій купецъ,
 15 Посулилъ мнѣ китайки конецъ,
 Мнѣ китайки взять хочется,
 А купца любить не хочется,
 По тому мнѣ не хочется,
 По базару волочится,
 20 Онъ тряпьемъ побирается,
 Цѣлый вѣкъ пробавляется.

Въ Епифави отъ крестьянки.

32.

- Молодка молоденькая,
 Чернобровая, хорошая,
 Состарила, сокрушила молодца,
 25 Сокрушивши велѣла побывать:
 Другъ ты мой, побывай у меня! —
 Я бы радъ побывалъ у тебя,
 Захватила меня полая вода,
 Заливала всѣ болоты и луга,
 30 По самые по крутые берега.

Негдѣ молодцу ни вѣхать, ни пройтить.
 Я не знаю, какъ по милому угодить:
 Угожу ли я по милому дружку,
 Черезъ рѣченку мосточекъ намощу,
 5 Намощу мосты калиновые,
 Перемосточки малиновые,
 Сама млада межи дворья пойду,
 Межи дворья, ко сосѣду подѣ окно,
 Послушаю, что сосѣди говорятъ;
 10 Сосѣдушки говорятъ, говорятъ,
 Меня молоду ругаютъ и бранятъ:
 Полно, дура, полно, глупая, гулять,
 Не пора ль къ своему мужу привыкать?—
 Что жъ вамъ нужно, что же больно до меня?
 15 Хочу люблю, хочу брошу его,
 Полюблю парня молоденькаго,
 Иванушку чернобровенькаго,
 Иванушка чернобровъ, черноглазъ,
 Еще Ваня круголикъ, бѣлолицъ,
 20 Я не знаю, къ чему дружка примѣнить;
 Примѣню я дружка къ золотому перстеньку,
 Золотой перстенецъ на рукѣ, на рукѣ,
 Сердечный другъ на умѣ, на умѣ.

33.

Никогда меня хмѣлина не разымывала.
 25 Разняла меня хмѣлина,
 Полюбилъ щеголь дѣтина,
 Иванушка сиротина;
 У него сердце ретивое,
 Онъ разжегъ, распалилъ,
 30 Чулочки подарилъ,
 Коты новые купилъ.
 Вы не бойтесь, коты,
 Не ломайтесь. каблукъ,

- Я сама коты купила,
 Свои денежки платила:
 Миѣ Гаврюшка полушку,
 Сидоръ денежку,
 5 Миѣ Егоръ не задоръ,
 Два съ полтиной на столъ.
 Какъ в рано на зарѣ,
 Тамъ метелица мела,
 Негдѣ къ милому пройтить;
 10 Я по старому гумну
 По загуменью,
 Во конюшеньку взойду,
 Пару коней уведу,
 Его дочерю смаю,
 15 За конюшню заведу,
 Поцалую, обойму,
 Надеждушкой назову.
 Надеждушка, мой дружечекъ,
 Пойдемъ съ тобой во садокъ!
 20 У меня ли во саду,
 Тамъ нѣту ни кого,
 Первый я, другой ты,
 Третій ялые * цвѣты;
 Сорву яловый цвѣтокъ,
 25 Завяжу его въ платокъ,
 Маленько погожу,
 Узелочекъ развяжу,
 Не завялъ ли, не заблекъ,
 Да мой яленькій цвѣтокъ,
 30 Что не тужить, не горюеть,
 По миѣ миленькій дружокъ?
 Такова бѣ ему тоска,
 Что въ полу лежитъ доска;
 Такова бѣ ему кручина,
 35 Что въ печи лежитъ лучина;
 Лихоманка сколоти,

---

* Алые.

Кто не носить калачи;
 Иабей того въ раночки,
 Кто не носить прянички;
 Ужь и допни того глазъ,
 * Кто не любить дѣвокъ насъ!

Зап. уч. III кл. У. Учл. Тул. Г. Кинѣ. У. въ с. Сукромѣ.

34.

Пошли дѣвки,
 Пошли въ лѣсъ по ягоды собирать:
 Одна дѣвка,
 Одна да оставалась во лѣсу.
 10 Ужь начали,
 Ужьначади комары, мухи, кусать,
 А я млада,
 А я млада рукавами махать.
 Пошли дѣвки,
 15 Пошли дѣвки вдоль по улицѣ гулять,
 Вдоль улицы,
 Вдоль улицы, мимо кузницы.
 Во кузницы,
 Во кузницы моладые кузницы,
 20 Куютъ, дуютъ,
 Куютъ, дуютъ, принавариваютъ,
 Меня младу,
 Меня младу приговариваютъ,
 Сулятъ, дарятъ,
 25 Сулятъ, дарятъ, мнѣ замочекъ съ ключомъ;
 Не надо мнѣ,
 Не надо мнѣ, ни замочекъ, ни ключа,
 А мнѣ надо,
 А мнѣ надо, мнѣ кленовую стрѣлку,
 30 Убить, сгубить,
 Убить, сгубить, во снѣ постылаго мужа,
 Постылаго,
 Постылаго да немылаго:

- Постылый мужъ,
 Постылый мужъ, 2 тараканъ,
 Изъяль Дунинъ,
 Изъяль Дунинъ, 2 сарафанъ,
 5 А ленточки,
 А ленточки 2 осака.
 Рости, Дуня,
 Рости Дуня, 2 высокая!
 А гарусыкъ,
 10 А гарусыкъ, 2 дигелекъ,
 А пугвочки,
 А пугвочки, 2 репеекъ.

Зап. Саратов. Губ. Сердоб. У. Б. А. Масюдова.

35.

- Во лужкахъ дѣвки гуляли,
 Съ комарикомъ плясали;
 15 Комаръ ножку отдалъ,
 Кричитъ матери косаря,
 Рубить, казнить, комаря:
 Покатилась голова,
 Во заднія ворота.
 20 На улицѣ срамота,
 Жена мужа продала,
 За дешево отдала,
 Взяла цѣну шесть полтинъ,
 По Русскому три рубли;
 25 Я за то его продала,
 Плететь лапти, кошелю,
 Оборы вьетъ какъ гужи,
 Оборвутся, надвужи.

Зап. мною.

36.

Я посадку,
 По садку гуляла,
 Я съ комарикомъ,
 Съ комарикомъ плясала;
 5 Мнѣ комарь ножку,
 Комарь ножку отдалилъ,
 Всѣ суставочки,
 Суставочки переломилъ,
 Ужь и я млада,
 10 И я млада кричала:
 Мнѣ подай, мати,
 Подай мати, косаря!
 Мнѣ по Русскому,
 По Русскому топора,
 15 Мнѣ рубить, казнить,
 Рубить, казнить комара.
 Покатилася,
 Покатилась голова,
 Вдоль широкаго,
 20 Вдоль широкаго двора,
 Ужь за заднія,
 За заднія ворота.
 Ужь на улицѣ,
 На улицѣ рамота:
 25 Ужь жена мужа,
 Жена мужа продала.
 Я не дорого,
 Не дорого, рубь взяла;
 Я за то его,
 30 За то его продала,
 Онъ плететь лапти,
 Плететь лапти, кошели,
 Онъ оборы вьетъ,
 Оборы вьетъ какъ гужи;
 35 Онъ обрывашки;
 Обрывашки натяжи.

Я сама мужу,
 Сама мужу удружу,
 Я сошью мужу,
 Сошью мужу рубашку,
 5 Я изъ бѣлаго,
 Изъ бѣлаго полотна,
 Я изъ торпища,
 Изъ торпища изъ холста:
 Ты носи-ка, мужъ,
 10 Носи мужъ, поблюдай!
 Ты по праздникамъ годовымъ,
 Ты по Троицамъ,
 По Троицамъ, почестнымъ;
 Ты по маслянницамъ,
 15 По маслянницамъ по честнымъ!

37.

Сбирался комарикъ
 Жениться,
 Что на той ли на мушкѣ,
 На горюшкѣ.
 20 Налетѣли сверчки,
 Да раскарили:
 Ну что жь эта, комарикъ,
 За невѣста:
 Не ткать, ни прять,
 25 Не горазда;
 Она шелкомъ шить
 Не умѣетъ.
 Полетѣлъ комарчикъ
 Во лѣсочикъ,
 30 Сѣлъ комарчикъ
 На дубочикъ,
 На зеленый ли дубочикъ

Подъ листочикъ.
 Какъ ударился комарикъ
 Объ сырую землю,
 Рассыпались кости
 5 Комаревы.
 Соѣзжались Господа,
 Все Дворяне *
 Они этѣмъ костямъ
 Дивовались:
 10 Ну, что жь это за кости
 Комаревы!
 Они бѣлы, и чисты
 И рѣчисты.

Зап. А. Шумилинъ въ с. Даниловкѣ. Тул. Г.

 38.

Я съ комарикомъ плясала,
 15 Мнѣ комаръ ножки отдалелъ,
 Всѣ суставчики раздробилъ.
 Я вскричала: Мати!
 Подай, мать, топора,
 По Русскому косаря,
 20 Рубить, казнить комаря!
 Покатилась голова
 За заднія ворота.
 На улицѣ срамота:
 Жена мужа продала,
 25 За дешево отдала,
 За горячій блинъ;
 Онъ таковскій былъ,
 Взялъ цѣну шесть полтинъ,
 По Русскому три рубля.
 30 Я за то его продала:
 Плететь лапти, кошель,

---

 * Бояре.

Оборы вьеть какъ гужи.
 Я сама мужу угожу:
 Ему рубашечку сошью
 Изъ тонкаго полотна,
 Изъ дерюжнаго холста;
 Пришью ему пуговку
 Дегтярную баклажку,
 А петельки завертки.

Тул. Г. Кане. У. въ с. Бутыркахъ, отъ дворовой. зап. мною.

 39.

Старикъ наши старые!
 10 У васъ бороды сѣдыя,
 Усы стриженые.
 Не хлопайте усами,
 Шевелите бородами!
 Бородами шевелять,
 15 Господь своихъ веселятъ.
 Господа наши Бояре,
 Они не разсудливые
 И не раздогадливые:
 На работу рано гонять,
 20 Съ собой хлѣба даютъ мало.
 Мы работу работали,
 Мало хлѣба поѣдали.
 Хорошо лакеямъ жить
 Во Господскомъ во дому:
 25 Лакей пашеньки не пашеть,
 Косы въ руки не беретъ
 И оброку не даетъ;
 Куды посланъ, иди скоро,
 Чтобы дѣло было споро!
 30 Этотъ парень застоился,
 На дѣвушку заглядѣлся,
 Не велятъ намъ оправдаться,

Велятъ скорѣе раздѣваться;
 Ужь я бытъ-то кнудомъ,
 Любилъ дѣвшуку путемъ.

Зан. мною Тул. Губ. Елнѣ. Уѣз. отъ солдатки.

40.

- Тараканъ дрова рубилъ,
 5 Себѣ голову срубилъ;
 Комаръ воду возилъ,
 Въ тинѣ ноги увязилъ;
 Мушка парилась,
 Приумаялась,
 10 Съ потолка упала,
 Ребра поломала;
 Блоха подымала,
 Животъ надрывала;
 Двѣ курицы, двѣ рябыя,
 15 Горохъ молотили;
 Два кочета, два красные,
 Съ току водочили.
 Ужь ты жура, жура, журавецъ,
 Жура, добрый молодецъ!
 20 На мельницу ѣзидилъ,
 Диковинку видѣлъ:
 Диковинка небольшая,
 Коза муку мелеть;
 Маленькій козюльчикъ
 25 Туды жь не гуляетъ,
 Муку выгребаеть,
 А ворона стережена
 По горенкѣ ходить,
 Въ окошечко смотреть.
 30 Какъ и наша Попадья
 Зародила воробья,

- Совѣмъ воробей,
 Совѣмъ молодой,
 Востроносенькій,
 Клиноносенькій;
 5 Повели воробья
 На Боярскій дворъ
 Къ Воеводушки:
 Воеводушка, сударь, батюшка!
 Не сѣки меня кнутомъ,
 10 Остриги меня кругомъ,
 Три косички оставь,
 На дорожку поставь:
 Кто ни ѣдетъ,
 Кто ни идетъ,
 15 Все Попомъ назоветъ;
 Ужь ты батюшка Полокъ,
 Что ты служишь безъ портокъ?
 Поѣду въ полки,
 Куплю себѣ портки,
 20 Портки строченные,
 Позолоченные;
 Надѣваше
 И похваляше.

Зап. мною Тул. Губ., Епиф. Уѣзда.

41.

- Воробей пиво варилъ,
 25 Карповичъ вино курилъ,
 Онъ всѣхъ гостей созывалъ,
 Всѣхъ мелкихъ птишекъ.
 Одною сову не звалъ,
 Совушка сама пришла,
 30 Савельевна незваная,
 Она сѣла посередъ поля,

Середъ полу на цыпочкахъ,
 Заиграла во скрыпочку—
 Воробей плясать пошелъ,
 Карповичъ скакать пошелъ,
 5 Совушкѣ на ножку сталъ,
 Савельевнѣ на правую;
 Совушка осердилась,
 Савельевна прогнѣвалась:
 Она дверью хлопнула,
 10 Воротами скрыпнула;
 Воробей въ погонъ,
 Карповичъ догонять пошелъ:
 Воротися, совушка!
 Воротися, Савельевна!—
 15 Не того я отчества,
 Чтобъ назадъ воротитися,
 А я роду Царскаго,
 А лица Дворянскаго.

Зап. мною Тул. Губ. Епиф. Уѣз. отъ солдатки.

42.

Воробей пиво варилъ,
 20 Молодой гостей сзывалъ;
 Ай люли, ай люли, *
 Молодой гостей сзывалъ,
 Воробей всѣхъ пташечекъ,
 Молодой Савельевну;
 25 Совушка не спѣсива,
 Савельевна не гордива:
 Сама пришла незваная,
 Середъ полу на лапочки,

---

* Этотъ пригвѣзъ повторяется послѣ каждаго двуступища съ прибавленіемъ послѣдняго стиха.

- Заграла въ скрыпочки:
 Воробей пошелъ плясать,
 Молодой въ присядочку;
 Отдавилъ совѣ ногу,
 8 Савельевнѣ правую.
 Совушка разсердилася,
 Савельевна возгордилася,
 Она дверью хлопнула,
 Воротами скрипнула;
 10 Воробей пошелъ въ догонь,
 Молодой съ поклонами:
 Воротись ты, совушка,
 Воротись Савельевна! —
 Я сама вино курю,
 12 Я сама крестьянѣ держу.

Зап. мною Тул. Губ. Епшо. Уѣзда.

43.

- Свѣтитъ, свѣтитъ мѣсяць,
 Далеко, не близко, высоко, не низко,
 То-та люли, то-та люли,
 То-та люшеньки мои! *
 20 Какъ во полѣ, полѣ,
 Дѣвка просо полетѣ,
 Она полетѣ, полетѣ,
 Бѣлы руки колетѣ.
 Жалко мнѣ дѣвицы,
 25 Снялъ бы рукавицы,
 Снялъ бы рукавицы,
 Подармѣ бы ихъ дѣвицѣ,
 Пускай просо полетѣ,
 Бѣлыхъ рукъ не колетѣ.

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого двустишія.

- Зашлю я къ ней свата,
 За себя посватать.
 А Попъ-то не вѣщаетъ,
 За сыночка чаеть;
 5 А Дьяконъ не служитъ,
 По дѣвицѣ тужить;
 А Дьячокъ-то говоритъ,
 Самъ за сына порочить;
 Пономарикъ не постъ,
 10 Грусть, тома его беретъ.
 Поѣдемъ-те, братцы,
 Да въ лѣсъ по охоту,
 Наловимъ-те, братцы,
 Разныхъ звѣрковъ много;
 15 Убьемъ-те мы, братцы,
 Всѣмъ-то имъ по звѣрю:
 Пѣпуть-куницу,
 Дьякону—лисицу,
 А дьячку-то бѣдному
 20 Бѣлу горностайку,
 Понмарю-то горюну
 Хоть сѣраго зайку,
 Просвирнѣ горюши
 Хоть заячьи уши,
 25 Чтобы они не мѣщали,
 Съ дѣвкой обвѣнчали.

Зап. въ Епиф. Тул. Г. отъ Канцел. служ. Ник. Ст. Некрасова.

 44.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцѣ,
 Не низко, высоко, высоко!
 Тота люли, тота люли,
 Тота люшеньки мои! *

---

* Этотъ призывъ повторяется послѣ каждого двустипія.

- Не низко, высоко,
 Не близко, далеко, далеко,
 Не близко, далеко,
 Во все чисто поле, поле.
 5 Во чистомъ во полѣ
 Дѣвка просо полеть, полеть,
 Дѣвка просо полеть,
 Бѣлы руки колетъ, колетъ;
 Гдѣ ни взялся молодчикъ,
 10 Скинулъ рукавички, рукавички,
 Скинулъ рукавички,
 Далъ красной дѣвочки, дѣвочки..
 Дѣвка парню полюбилась,
 Сердце вспламенилось,
 15 Послать было свата
 За дѣвушку сватать, сватать,
 Попъ-та не вѣнчаетъ,
 Денежки считаетъ, считаетъ..
 Дьяконъ-та не служитъ,
 20 По дѣвушкѣ тужить, тужить,
 Пономарь не звонить,
 Вонъ изъ церкви гонить, гонить.

Зап. Твер. Г. Новоторж. У., въ с. Селяховѣ конторщик. А Соловьевымъ.

45.

- Нынче охъ, завтра охъ,
 Отъ чего животъ засохъ?
 25 Вотъ засохъ, 'васохъ, засохъ,
 Отъ хорошей отъ жены.
 Какъ хорошая жена
 Мужа высушила,
 Присушила русы кудри

Ко буйной головѣ,
 Приневолила шататься
 По чужой сторонѣ,
 Приневолила любить
 5 Чужу мужнину жену,
 Чужа мужниѣ жена,
 Та и душечка моя,
 А моя шельма жена,
 Полянъ горькая трава,
 10 На межѣ въ полѣ росла,
 На межѣ, во ржѣ,
 На широкомъ рубежѣ:
 Изъ ржи въ овесъ,
 Перепелица летитъ,
 15 Сама выпархиваетъ.
 Загорися, мой теремъ,
 За Боярскимъ дворомъ!
 Сохрани, Боже, помилуй,
 Одинъ дядюшкинъ овины!
 20 У овину Дворанинъ,
 Кроватку сгородилъ,
 Что на той на кроваткѣ
 Лежитъ дѣвица,
 Шельма нѣжится.
 25 Чего дѣвкѣ хочется?
 Забаву хорошую:
 Лакея со скрипкой,
 Ваньку съ балалайкой;
 Балалаичка, гудокъ,
 30 Разорила весь домокъ,
 А соха, борона,
 Весь домокъ собрала.

Зап. А. Шумилинъ въ с. Даниловкѣ.

46.

Я вечеръ въ гости ходила,
 При компаньицѣ была,
 Что ни лучше два молодчика,
 Въ любовь себѣ взяла.
 5 Долго музыка играла,
 Пошла съ милымъ танцовать,
 Я не долго танцовала,
 Милъ за ручку крѣпко жалъ, 2
 Приступалъ къ лицу жаръ.
 10 Пойду, выйду на крыльцо,
 Простудить бѣло лицо:
 Не слыхала, какъ упала,
 Стоитъ милый предо мной, 2
 Говоритъ рѣчи со мной:
 15 Если любишь, другъ, скажи,
 А́ не любишь откажи!—
 Я любить не люблю,
 Отказаться не могу.

47.

У Ивана, Миколая,
 20 У Гребенщикова,
 Была дочька хороша,
 Лимпидушка душа, 2
 Въ Чистякова влюблена;
 Чистяковъ мальчикъ удалъ,
 25 Онъ на тройкѣ подѣзжалъ, 2
 Лимпиду съ собою взялъ.
 Отецъ съ матерью хватился,
 По всѣмъ комнатамъ искалъ:
 Эка дура наша дочь,
 30 Ушла гулять во полночь,

Во двѣнадцатомъ часу.
 Ты гори, гори, лампада,
 Не прійдетъ Лимпіада;
 Ты кати, кати-ка, тройка,
 5 Вонъ изъ Тулы поскорѣй!
 Чистяковъ мальчику удалъ,
 На тройку подѣзжалъ:
 Ты здравствуй, старичокъ!
 Моя женка—твоя дочь,
 10 Тебѣ кланяется.
 Старикъ рѣчи отбиралъ,
 Чистякова въ шею гналъ.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовниновѣ отъ дворовой.

48.

Подъ яблонкой, подъ такой, *
 Сидѣлъ молодецъ такой,
 15 Не женатый, холостой,
 Не женатый, холостой,
 Держалъ гусли подъ полой,
 Подъ правую стороною:
 Заиграйте, гусли, въ мысли,
 20 Я вамъ пѣсенку спою.
 Про женитьбу про свою:
 Какъ женила молодца,
 Чужедазная сторона,
 Чужедазная сторонка,

* Подъ грушицей, подъ такой,
 Кудрявой, золотой,
 Сидѣлъ молодецъ такой,
 Не женатый, холостой.

Макарьевска ярмарка.
 Какъ у насъ было, ребята,
 У Макарья въ ярмаркѣ;
 У Гостиннаго двора,
 8 У Сафронова купца,
 Солучилася бѣда,
 Да не маленькая,
 Что не сто рублей пропало,
 И не тысяча,
 10 Запропала, запропала,
 Дочь любимая его;
 Что искали ту пропажу,
 По болотамъ, по лугамъ,
 По Макарьевскимъ степямъ;
 18 Какъ нашли эту пропажу,
 У сосѣда на дворѣ,
 Въ новой банѣ на полкѣ.

• Что нашли эту пропажу
 Въ гостинницѣ одной,
 Въ диванной, за столомъ.
 Ужь сидитъ наша Катюша,
 Вся разбита голова,
 Распропали волоса;
 Ея бѣлое лицо все изсушено,
 Ея платье цвѣтное,
 На стопочкѣ (въшалкѣ) висять,
 Черепахова гребеночка
 На окошечкѣ лежить,
 Вся изломанная.
 Ужь кто тебя, Катюша,
 Ужь кто тебя завель?—
 Ужь завель меня, Катюшу,
 Воръ купеческій сынокъ,
 Все Ванюпиевка.
 Повели Катю домой,
 Не дорогой, стороной, 2
 Задней улицей домой.

Зап. мною отъ дворовой женщины въ Епифани Туд. Г.

У ней буйная головушка проломлена,
 Русая косынька растрепана,
 Черепахова гребеночка изломана,
 Цвѣтное платьице изодрано,
 5 Тонка бѣлая рубашечка изорвана.
 Ужь и самъ ли воръ, разбойникъ,
 Подъ окошечкомъ сидитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ,
 10 Не меня ли въ гости звать?
 Какъ взяли молодца,
 Ухватили удалца,
 Посадили молодца
 Въ нову клѣточку
 15 Въ нову клѣточку,
 За рѣшеточку.

Зап. мною въ с. Селиховѣ Твер. Г. Новоторжск. У.

 49.

Кума къ кумѣ приходила,
 Про здорovyице спросила:
 20 Здорова ли, кумушка,
 Бѣлая голубушка?—
 Я не такъ-то здорова,
 Болитъ больно голова.—
 Сорви травки голушку,
 25 Да припарь головушку!—
 Я парила, парила,
 И паръ ее не беретъ,
 Богъ здаровья не даетъ.
 30 Свою мужа дурака
 Чѣмъ хочу я обману:
 Сырыхъ дровъ нарублю,

Хатеночку затоплю,
 Сама по воду пойду.
 Какъ на рѣчкѣ, на рѣкѣ,
 Гуси, лебеди, сидятъ,
 5 Воду свѣжую мутятъ:
 Размахнула широко,
 Почерпнула глыбоко,
 Подняла ведра на плечи,
 Зашаталася, пошла,
 10 Подвернулся каблучокъ,
 А я хопъ на бочокъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Меня некому поднять;
 Оглянулась я назадъ,
 15 Позади стоитъ Казакъ,
 Я не знаю, какъ назвать:
 Ванюшинька, душинька!
 Подыми за рученьку,
 Подыми за рученьку!—
 20 Я бы радъ тебя поднять,
 Со стороны люди глядятъ,
 Не чужіе, все свои,
 Все товарищи мои.

Зап. въ Тулѣ. И. П. Чулковскій.

 50.

Груня моя, Груня,
 25 Груня, ягода моя,
 Веселая голова!
 За чѣмъ любишь Ивана?—
 За то люблю Ивана:
 Лице бѣлое, румяное,
 30 И головушка кудрява.
 Какъ повадилася наша Груня,

- Повадилась Груня,
 Часто по воду ходить,
 Съ горы на гору ходить,
 По задворьямъ воду лить,
 5 По заборамъ воду лить,
 Прѣтивъ милаго двора,
 Прѣтивъ Ванна двора,
 Прѣтивъ милаго двора,
 Приукатана гора,
 10 Приубита, приулита,
 Приумаслянная:
 Водой улита,
 Чеботой убита.
 Ужь я скокъ на ледокъ,
 15 Окаянный башмачокъ,
 Отвалился каблучокъ,
 Подломился,
 Не видала, какъ упала,
 Погляжу, — млада лежу
 20 На лѣвымъ боку,
 Ко Цареву кабаку,
 Помираю со смѣху,
 Туды глядь, сюды глядь,
 Миѣ некому споднять;
 25 Оглянулася назадъ,
 Стоитъ душенька Казакъ,
 Стоитъ Ванюшка солдатъ,
 Не знаю, какъ назвать:
 Ужь ты, Ваня, лебединъ,
 30 Подыми меня одинъ!
 Ужь ты Ваня подыми!
 Сударикъ, подыми! —
 Я бы радъ споднять,
 Съ стороны люди глядятъ, 2.
 35 И про насъ говорятъ,
 Примѣчаютъ, говорятъ,
 И ругаютъ, и бранятъ,
 Любить Ваню не велятъ.

- По мильіонной луговой
 Шелъ Маіорикъ молодой,
 Онъ шпорамъ не гремитъ,
 На высокъ теремъ глядитъ,
 5 Изъ терему дѣвку манитъ.
 Соряжалась, собиралась,
 За ворота выходила,
 Со Маіоромъ говорила:
 Здравствуй, миленькій мой,
 10 Маіорикъ молодой!
 У Маіора сердце бьется,
 Со дѣвшкой разстается,
 Сказалъ дѣвшкѣ: Прости,
 Оставайся, не грусти!

Зап. мною въ Твер. Г. Новоторжск. У. отъ крестьянки.

51.

- 15 Ты голытьба, ты голытьба, мужичокъ!
 У голытьбы на дворѣ хорошо,
 У голытьбы столбы точеные,
 А верей позолоченныя,
 А запиручка лучинушка,
 20 Подъ воротнемъ бѣлый камушекъ лежитъ,
 Изъ подъ камушка быстра рѣчка бѣжитъ,
 По быстрой рѣчкѣ суденышко плыветъ,
 Во суденышкѣ немножко людей,
 25 Всего пять, всего шесть, человекъ,
 А седьмой кашеваръ кашу варитъ,
 А восьмой водовозъ воду возитъ,
 А девятый самъ хозяинъ молодой
 По суденышкѣ похаживаетъ,
 30 Таки рѣчи поговариваетъ:
 Какъ у насъ, братцы, во прошломъ во году,
 Уродилось много агодъ во бору,

Заблудилась красна дѣвица душа,
 Она вышла на крутой бережокъ,
 Растилала полупелковый платокъ,
 Вынимала сладкой водочки полштофъ,
 5 На закусочку крупичатый пирогъ,
 На забаву слѣдквыхъ яблочковъ пятокъ,
 Закричала перевозчику:
 Перевозчикъ молодой!
 Перези меня на ту сторону домой,
 10 На ту сторону, на батюшкину,
 На родимую, на матушкину!

52.

Посѣяли дѣвки ленъ, уродились конопли,
 Какъ и въ эти конопли повадился воробьи,
 Я старому воробью коломъ ногу перломлю,
 15 Молодому воробью головушку оторву.
 Куды же мнѣ дѣтси, куды схоронитси?
 Въ соломушку сяду, сѣнцомъ затрушуся,
 У Попа корова, корова прожора,
 Соломушку съѣла, сѣно подобрала,
 20 Сѣно подобрала, меня оказала.
 Какъ нынѣ-то куры поютъ пѣтухами,
 Какъ нынѣ-то жоны вольны надъ мужьями,
 Вольны надъ мужьями, сѣкутъ батожьями:
 Лежи ты, мужъ, тута, дожидайся кнута!

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ с. Селховѣ.

53.

25 Нынче куры поютъ пѣтухами,
 Нынче жоны больши надъ мужьями,
 Больши надъ мужьями, сѣкутъ батожьями:
 Мужъ, женѣ покорился, въ ноги поклонился:

- Женушка, виноватъ, душа моя, виноватъ,
 Ложись ко мнѣ на кровать, а я буду цѣловать!—
 Ты, мужъ, не пахарь, а я, жена, не пряха;
 Мужъ-то въ полѣ съ сохой, съ бороною,
 5 А я, жена, на печь, съ гребнемъ, съ донцомъ,
 Съ кривымъ веретенцомъ.
 Приѣхали торгаши за заднія ворота,
 Кобылушку продала, бѣлилъ себѣ я взяла,
 Коровушку продала, румянъ себѣ я взяла,
 10 Одоньце продала, сурмиль сепѣ я взяла;
 Мужъ приѣхалъ съ поля, съ сохой, съ бороною,
 А я, млада, съ печи съ гребнемъ, съ донцомъ,
 Съ кривымъ веретенцомъ.
 Гдѣ, жена, корова?—У стадушко прогнала,
 15 Тамъ ее волки сѣрые съѣли.
 Гдѣ, жена, одонье?—Одонье сгорѣло.
 Гдѣ, жена, попелокъ?—Разнесъ, сударь, вѣтерокъ,
 На Боярскій на дворокъ.
 Съ чего, жена, такъ бѣла?—Муку, сударь, сѣяла.
 20 Съ чего, жена, румяна.—Противъ жару стояла,
 Лицо загорѣло.
 Съ чего, жена, бровь черна?—Съ грядъ дрова снимала,
 За брови хватала.
 Былъ мужъ жену,
 25 Отъ клѣти до клѣти во четыре плети;
 Еще билъ мужъ жену,
 Отъ гумна до гумна: будь, жена, умна, умна!

Зап. мною въ Г. Тул. отъ старухи.

(Припѣвъ къ балалайкѣ.)

- Растворила я квашоночку на столбушкѣ,
 Три недѣли квашня кисла, да не выкисла,
 30 На четвертую недѣлю стала хлѣбушка валять,
 На полу хлѣба валяла,

Подъ лавочкой катала,
 На печи въ углу пекла,
 Кочергой оттуль гребла,
 Наклала я въ коробокъ,
 8 Потащила въ городокъ;
 Никто хлѣбушки не купить,
 Никто даромъ не беретъ.
 Подошла свинья Аксинья,
 Да два борова Василья,
 10 Торговать не торговали,
 Только замарали.

Зап. мною въ с. Селеховѣ Тверск Г. Новоторж. У

55.

За что Ванька жену бьетъ,
 За что онъ ее бранить?
 Она прясть была горазда,
 18 Очень ткать мастеровъ,
 По три нитки на день прjala,
 А въ недѣлю ручнцоукъ.
 Ужь поставили кросна,
 Имъ девятая весна,
 20 Со Великаго Поста,
 Имъ десятая пошла,
 А подножки по поклюшки
 Всѣ травю заросли.
 На прошестѣ насѣдка
 28 Цыплятъ высидѣла:
 Семьдесятъ молодокъ,
 Полтораста пѣтуховъ;
 Какъ одинъ пѣтухъ сапожникъ,
 А другой чеботарь:
 30 Чеботарь мой, чеботарь,

Ты башмачки работалъ:
 Вы носитея, башмачки,
 Не ломайтесь, каблучки!
 Не сама коты кушила;
 8 Не свои деньги платила,
 За то матушка бранила,
 Государыня журила,
 Не велитъ поздно ходить,
 Съ холостыми говорить,
 10 Цѣловальничка любить;
 Цѣловальникъ, цѣловальникъ,
 Цѣловальникъ молодой.
 Проводи Дуню домой,
 Не дорогой, стороной,
 12 До горницы до новой,
 До кровати тесовой!

Зап. Тул. Г. Епие. У. въ с. Буйцахъ А. Д.

56.

Течеть рѣчка по песку,
 Во матушку во Москву, 2
 Ко фабричному двору;
 20 Какъ фабричные ребята,
 Они сукна ткуть
 Во двѣнадцать рукъ.
 Мы приходимъ къ кабаку:
 Цѣловальникъ, маркиганъ,
 22 Отворяй новый кабакъ,
 Бери шубу подъ закладъ,
 Бери шубу поновѣй,
 Наливай вина полнѣй,
 Наливай вина осьмуху!

Наберемъ того духу, 2
 Цѣловальника по уху,
 Цѣловальника побьемъ,
 Сами вонъ пойдѣмъ.

Зап. Твер. Г. Новоторж. У. М. С. Олениной.

57.

- 5 Гуляли дувушки за быстрой за рѣкой,
 Добрыя молодчики другою стороною,
 Сѣяли, сажали они ярый хмель,
 Сѣяли они, приговаривали:
 Вейся, хмелекъ, по тычинкѣ вверху!
- 10 Безъ тебя хмелинушка не водится,
 Сладкій медокъ не становится,
 Пиво и вино не варятся,
 Добрыя молодцы не женятся,
 Красныя дѣвушки замужъ не йдутъ.
- 15 Вздумалъ Николаша, жениться сталъ,
 Вздумала Параша, замужъ пошла.
 Теща Акулина зятя въ гости звала,
 Теща про зятя пирогъ испекла:
 Купила муки на четыре рубля,
- 20 Сахару, изюму на восемь рублей,
 Сталъ ей пирогъ весь двѣнадцать рублей.
 Теща зятюшку подчиваетъ:
 Сядь-ка-ся, ты, зятюшка, покушай-ка!
 Думала теща пятерымъ пирогъ не съѣсть,
- 25 А зять-то съѣлъ, да за присѣстоиъ съѣлъ.
 Теща по горинкѣ похаживаетъ,
 Нехотя на зятя поглядываетъ,
 Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
 Какъ тебя, зятюшка, не розарвало,
- 30 На семь частей не раздернуло?

- Зять услыхалъ, на то тещѣ сказалъ:
 Лучше разорви тебя, тещу мою,
 Тещу мою да виѣстѣ съ дочерью!
 Знала бы ты, теща, не подчивала.
- 8 Сталъ потомъ зять тещу въ гости авать:
 Приходи, моль, теща, на масляницу,
 Я тебѣ, матушка, честь водамъ,
 Я тебя, матушка, отподчиваю,
 Въ четыре дубины березовыя,
- 10 Пятый кнутъ по заказу свить.
 Вырвалась теща изъ зятниныхъ рукъ,
 Бѣжала домой безъ оглядки,
 Прибѣгла домой, да на печку легла.
 Вотъ погода стукъ, стукъ! у воротъ.
- 15 Батюшки, ребятушки, не зяткъ ли мой?—
 Матушка родимая, зять идетъ!
 Зять идетъ на похмѣльице зоветъ.
 Скажите ему: Со вчерашняго больна,
 Съ пива и съ вина, де, болить вся спина,
- 20 Съ мягкихъ блиновъ порасперло бока,
 Съ сладкаго меду я вся не могу.

Зап. въ Тулѣ И. П. Чулковскіи.

58.

- Ходили дѣвушки по Волгѣ по рѣкѣ,
 Добрые молодчики другою стороною,
 Сѣяли дѣвушки ярый хмель,
- 25 Сѣяли онѣ, приговаривали:
 Расти, хмель, по тычинѣ вверхъ:
 Безъ тебя, безъ хмелинушки, не волится,
 Добрые молодцы не женятся,
 Красныя дѣвушки замужъ не йдутъ.
- 30 Вадумала Паранюшка, замужъ пошла,

- Теща про зятя пирогъ пекла;
 Соли да муки на четыре рубля;
 Масла, крупъ на цѣлковый рубль;
 Сахару, изюму на восемь рублей,
 5 Сталъ ей пирогъ въ тринадцать рублей;
 Думала, гадала: семерымъ не съѣсть.
 Теща зятюшку въ гости звала,
 Теща роднаго зятя подчивала:
 Сядь-ка ты, зятюшка, покушай-ка!
 10 Зять былъ смѣлъ, за прѣсѣдъ пирогъ съѣлъ.
 Теща по горенкѣ похаживаетъ,
 Косо на зятюшку поглядываетъ,
 Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
 Какъ тебя, зятюшка, не розорвало?—
 15 Лучше бы ты, теща, не подчивала!
 Я жь тебя, теща, честь воздамъ,
 Позову я въ гости объ масляницѣ,
 Я жь тебя, теща, уподчиваю:
 Въ четыре дубины березовья,
 20 Пятый кнутъ по заказу свить.
 Рвалась, рвалась, на силу вырвалась,
 Бѣжала, бѣжала, на силу ушла;
 Прибѣжала теща къ своему двору,
 Уворотъ теща грохнулась:
 25 Экой воръ, да вѣдь зять-то мой!
 Бѣжала, бѣжала насилу ушла!

Зап. мною Твер. Г. и У. въ с. Голенихи отъ прест. кузнеца.

59.

- Я по бережку похаживала,
 Гусей сѣрыхъ я заганивала:
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 30 Не пора ли вамъ наплаваться,
 Ужь и мнѣ молодой наплакаться?

- Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Наплакалась, нарыдалася,
 Давно съ милымъ не видалася;
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 5 Погоню я гусей сѣрыхъ домой,
 Миѣ на встрѣчу шелъ дѣтинка молодой,
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Онъ молоденькій, хорошенькій,
 Изъ себя онъ былъ пригоженькій:
 10 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Онъ и сталъ со мной заигрывать,
 На рѣзвы ножки наступливать,
 За бѣло лицо похватывать,
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 15 Не играй со мной, дѣтинка молодой,
 Не хватай меня за бѣлое лицо!
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Моя матушка догадливая;
 Приду домой догадается,
 20 Отъ чего лицо разгарается:
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Либо съ пива, либо съ зелена вина,
 Либо сладенькую водочку пила.
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 25 Сладка водочка анисовая,
 Тесова кровать расписаная,
 Расписаная, разрисованая,
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!
 Занавѣсочка узорчатая,
 30 Красна дѣвица уборчатая,
 Уборчатая, разговорчатая,
 Тега, гуси, тега, сѣрые мои!

З ан. Кал. Г. Малояросл. У. въ с. Костанѣ Е. Г. Дурнова.

60.

Я по бережку похаживала,
 Чернобыльничикъ заламливала,
 Ай жги, жги, говори!
 Чернобыльничикъ заламливала.
 5 Ай вы гуси, гуси, лебеди мои, 2
 Да и всё ли вы наплавались?
 Ай жги, жги, говори!
 А я млада на васъ наплакалася
 На чужой на сторонущкѣ,
 10 На чужихъ молодцовъ гляючи.
 А какъ мой-то мужиченочка,
 Онъ и весь то съ кулаченочка,
 Ай жги, жги, говори!
 Какъ и всё мужья до женъ добры,
 15 Покупили женамъ соболи, бобры,
 Ай жги, жги, говори!
 Покупили женамъ соболи, бобры.

Зап. со словъ И. Я. Одинцова, изъ Кал. Г. Мещ. У. с. Воскресенскаго.

61.

Я по бережку похаживала,
 Гусей сѣрыхъ заганивала,
 20 Тига, гусь, тига, сѣрые, домой!
 Вамъ пора ль, гуси, наплаваться,
 А мнѣ дѣвицѣ наплакаться.
 Погоню я гусей сѣрыхъ домой,
 А на встрѣчу мнѣ молодчикъ молодой,
 25 Онъ молоденькой, хорошенькой,
 Чернобровенькой, холостинькой:
 Сталъ онъ съ дѣвицей поигривати,
 За бѣло лицо похватывати.

Не хватай, парень, за бѣлое лицо!
 Мое личико разгарчистое,
 Моя маменька догадливая:
 Приду домой, догадается,
 5 Съ чего лицо разгорается,
 Что не съ пива и не съ зелена вина,
 Что не съ той ли сладкой водочки,
 Сладка водочка анисовая,
 Тесова кровать расписанная.

Зап. въ с. Мадвѣдскомъ, Кан. У. А. С.

62.

- 10 Я по бережку похаживала,
 Чернобыль травку заламливала,
 Гуся, лебеди заганивала:
 Гуси сѣрые, идите домой!
 Вы уже ль, гуси наплавались,
 15 Я на васъ глядя наплакалася,
 Наплакалась, нарыдалася,
 Давно съ мадымъ не видалася:
 Я гоню, гоню гусей сѣрыныхъ домой.
 А на встрѣчу Офицеръ молодой,
 20 Онъ и сталъ со мной заигрывать,
 За бѣло лицо похватывать.
 Мое личико разгарчивое,
 Разгарится, да не войметя,
 Приду домой, догадаются,
 25 Съ чего лицо разгорается,
 Либо съ пивца, либо съ полпивца,
 Съ сладкой водочки анисовой,
 Кроватушки расписаной;
 Хозяюшка разнаряженная,
 30 На кроватку спать ложилася,

Куда ручка, куда ноженька,
 Куда буйная головушка:
 Моя буйная головушка,
 Ко милу дружку на рученьку.

Зап. Тул. Г. Новосильскаго У.

63.

5 На горѣ калина,
 Подъ горой малина,
 Тамъ дѣвушки гуляли,
 Цвѣтъ калину ломали,
 Въ пучиньки вязали,
 10 За рѣку бросали,
 За рѣченькой гусары,
 За быстрою господа.
 Куды ѣдешь, мой милой?
 Возьми меня съ собой!
 15 Я буду тебѣ слугой,
 Твою коня уберу,
 Овса, сѣна наложу,
 Повѣду—лѣса нарублю,
 Пилой тесу напилю,
 20 Кроватушку сдѣлаю;
 Кроватушка тесова,
 Перинушка наслана,
 Изголовье крутое,
 Мое житье плохое:
 25 Гулять пойду, не спрошусь,
 Съ гульбы приду, не скажусь,
 Своему мужу не корюсь,
 Ему низко поклонюсь,
 Тебѣ жь постель постелю,
 30 Съ собой спать положу.

Зап. мною Твер. Г. Новотор. У. въ дер. Карцевой; поется и въ Тул. Г

64.

- Ой самодерга! ой самодерга!
 Самодерга дома нѣту. 2
 Ойі дома нѣту, 2
 Самодерга у сосѣда, 2
 5 Ой у сосѣда, 2
 У сосѣда во бесѣдѣ, 2
 Ой во бесѣдѣ. 2
 Кума къ кумѣ приходила, 2
 Ой приходила 2,
 10 Рубашечки просила, 2
 Ой да просила: 2
 Кума, кума, дай рубашку, 2
 Ой дай рубашку, 2
 Хоть худую, да льняную, 2
 15 Ой да льняную, 2
 Со долгими рукавами, 2
 Ой съ рукавами, 2
 Съ кумачными полками, 2
 Ой съ полками! 1
 20 Ай, ну жь, кума, провалися, 2
 Ой провалися! 2
 Сама пряди, не лѣнися, 2
 Ой не лѣнися!—2
 Я бы рада не лѣнилась, 2
 25 Ой не лѣнилась, 2 |
 Да льнянышка не родилась, 2
 Ой не родилась; 2
 Хоть родилась, не годилась, 2
 Ой не годилась, 2

Собщ. С. М. Карѣевой.

65.

- Охъ, чей это садокъ,
 Зеленехонекъ стоитъ?
 Чья во садикѣ кроватушка
 Тесовинькая,
 5 На кроватушкѣ перинушка
 Пуховенькая,
 На перинушкѣ изголовьице,
 Высоконькое,
 На изгодовьицѣ дѣвочка
 10 Хорошенькая?
 Хороша, пригожа,
 Раскрасавица моя!
 Взялъ бы дѣвку за себя,
 Изукрасилъ для себя,
 15 Я нанялъ бы сударушки
 Гребцовъ-молодцовъ.
 Хорошо гребцы гребутъ,
 Сами пѣсни поютъ;
 Одинъ-то молодецъ
 20 Не грянетъ, не гребетъ,
 И самъ пѣсни не поетъ:
 Онъ съ ножки на ножку
 Поскакиваетъ,
 Сапогъ объ сапогъ
 25 Поколачиваетъ,
 Къ широкому двору
 Приворачиваетъ,
 Къ широкому двору,
 Къ Дуняшиному:
 30 Ой дома ли жена,
 Жена, барыня моя?
 Не гнѣвайся на меня!
 Не болитъ ли голова,
 Не привести ли тебѣ Попа?
 35 Охъ, ну тебя съ Попомъ, *

---

* Отцомъ.

Съ духовнымъ молодцомъ
 Вы подяте, приведите,
 Чумака изъ кабака!
 Чумакъ пьяницу ведетъ,
 5 Вина стекляницу несетъ,
 Всѣмъ по рюмкѣ обнесетъ.

66.

У батюшки у воротъ
 Собрался хороводъ,
 Вздывовался весь народъ
 10 На дѣвичій хороводъ;
 Усѣ дѣвки хороши,
 Разлапушки пригожи;
 Ужь и нѣтъ лучше одной,
 Что сударушки моей:
 15 Сударушка Татьянушка,
 Уродилася хороша,
 Съ малымъ, малымъ спала,
 Много во снѣ видѣла:
 Будто, будто мой милой,
 Федоръ парень молодой,
 Разговоръ твой дорогой,
 Разговаривалъ со мной;
 Сладки пряники, калачи,
 На столику лежать,
 25 Зелена вина бутылка
 Въ Татьянѣ у головахъ.
 Узметалась, узбросалась,
 И туды и сюды,
 Во зеленые сады,
 30 Искать милаго слѣда.
 Ужь и милаго слѣды
 Всѣ завьяли, замели,

- Всѣ зашндѣвъли.
 Сударушка Татьянушка!
 Мы поѣдемъ во торжокъ
 Закупочки закупать:
 8 Кому чулки, кому коты,
 Кому красны сапоги,
 Своей женѣ, боярынѣ.
 Да лаптеночки,
 Простоплеточки,
 10 Да оборочки,
 Простовивочки.
 Жена меня, боярыня,
 Носи лапти, наблюдай,
 По праздникамъ обувай!
 15 А ты, моя сударушка,
 Носи коты, не жалѣй!
 Куплю тебѣ сапоги,
 Высокіе каблуки,
 Мѣдныя скобы,
 20 Серебряныя пряжки,
 Шелковы подвязки.

Объ зап. Туд. Г. Крашени. У. А. Шумилинъ.

67.

- Обѣщался однодворецъ,
 Мѣщаночку взять,
 Она ему отвѣчала:
 25 Я не умѣю жать,
 Я ни жать, ни вязать,
 Въ полѣ работать.
 Продай, милъ, косу, молоточекъ,
 Сдѣлай въ полѣ холодочекъ,
 30 Я буду лежати.
 Въ Понедѣльникъ,

Онъ бездѣльникъ,
 Я весь день пролежала,
 Какъ во Вторникъ,
 Междворникъ,
 8 Сто сноповъ нажала,
 Я въ Середу возила,
 Въ Четверкъ молотила,
 Въ Субботу напѣрила,
 Въ Воскресенье продала,
 10 Всѣ до гроша пропала,
 И музыкантовъ наняла;
 Пила я горѣлочку,
 Еще буду пить;
 Была жена мужа,
 18 Еще буду бить,
 Положила его въ перину:
 Лежи, лежи, мужъ, тута!
 Пойду искать кнута,
 Не найду я кнута,
 20 Пойду, выскы прута.

Зап. жною Тул. Г. въ Елне. У.

68.

Выгоняйте вы скотину
 На широкую долину,
 На Попову луговину!
 Гонять дѣвки, гонять бабы,
 8 Гонять малыя ребята,
 Гонять стары старики,
 Мроѣды мужики,
 Гонять старыя старушки,
 Мроѣдовы женушки.
 20 Одна дѣвка весела,
 Она плясать въ кругъ пошла.

Сама пляшетъ,
 Рукой машеть,
 Пастуха къ себѣ манить:
 Пастухъ мой, пастушокъ,
 5 Пастухъ, миленькой дружокъ!
 Ты скотинушки паси,
 Ночевать ко мнѣ ходи!
 Пастухъ ночку ночевалъ —
 Сѣрюю овцу потерялъ,
 10 Онъ другую ночевалъ —
 Коровушку потерялъ,
 Онъ и третью ночевалъ —
 Все стадо потерялъ.

Зап. мною Тул. Г. Епф. У. въ с. Мурамендѣ, отъ запѣвалы Соны.

 69.

Раскудряшь, кудряшь,
 15 Раскудрява голова!
 Не сиди возлѣ меня;
 Ты не возлѣ, ты не возлѣ,
 И не рядушкомъ!
 Люди скажутъ,
 20 Люди сложать про меня,
 Что я люблю тебя.
 Ужь я тебя молода,
 Тебя не любливала,
 За малиною въ лѣсъ
 25 Не хаживала,
 Старого мужа
 Я не кармливала.
 Какъ сѣдая борода
 Прогнѣвалась на меня.
 30 Какъ на улицѣ мужикъ

- Съ расадою стонгъ,
 На денежку мало дасть,
 Мнѣ купить-то, не купить,
 Купи на весь алтынъ,
 5 Посадить-ко, насадить,
 Мнѣ на весь огородъ.
 Родись, капуста
 Сѣрая, бѣлая,
 Съ тынкомъ ровно! 2
 10 Ухватила пѣтушка
 За правое крылушко, 2
 За лѣвое заломила: 2
 За то тебѣ, пѣтушокъ
 За вчерашній смѣшокъ,
 15 За чѣмъ рано встаешь, 2
 Голосисто поешь, 2
 Въ теремъ голосъ подаешь,
 Варѣ спать не даешь

Зап. мною Твер. Г. в Твер. У. въ д. Глазковой.

70.

- Я люблю уланика, 2.
 2 Люблю я молодова;
 Дарю я уланика,
 Дарю молодова,
 Коморочку нову.
 Весь дворъ на подмость.
 25 Пріѣхалъ уланикъ
 Къ Марусейкѣ въ гости.
 Лишь только пріѣхалъ,
 Назадъ уѣзжаетъ,
 Его разкрасавица
 30 Плачетъ да рыдаетъ,
 Ночевать унимаетъ:

- Ты ночуй, уланъ,
 Хоть ночку со мной! —
 Радъ бы я, разлюбезная,
 Хоть двѣ почевать,
 5 Не будутъ меня, уланика,
 Товарищи ждать.
 Если я ночую,
 Сбуди меня рано,
 Ранешенько, рано,
 10 Чтобъ не разсвѣтало! 2
 Проснулся уланикъ —
 На дворъ бѣленько,
 Его разлюбезная
 Плачетъ, обробѣла:
 15 Что ты, разнегодная,
 Раньше не будила?
 Ты меня, уланика,
 Вѣчно погубила.
 Былъ я уланикъ
 20 Перваго полку,
 Второва эскадрона,
 Четвертаго взвода,
 Во первой шеренгѣ,
 Со правой сторонки,
 25 Я уланикъ бравый,
 Пѣсельникъ удалый.

Зап. мною Твер. Г. Новоторжск. У. въ с. Селиховѣ.

71.

- Какъ по нашему по саду
 Ходилъ, гулялъ, молодець.
 Енъ на первый разъ идетъ, —
 30 Машетъ правою рукой,
 На другой то разъ идетъ —

- Машеть шляпой пуховой.
 На третій разъ идетъ —
 Останавливался,
 Съ душой съ красной дѣвицей
 5 Заговаривался,
 На что жь, моя милая,
 Не идешь въ зеленъ садъ гулять?
 Или ты, моя милая,
 Много цванишься.
 10 Миѣ не кланяешься?
 Опослѣ, моя милая,
 Раснокаешься. —
 Я не знала, что сказать,
 Не посмѣла отвѣчать,
 15 Пошла въ зеленъ садъ гулять, —
 Молодецъ дѣвкѣ поклонъ,
 И платоцекъ изъ рукъ вопъ:
 Наклонялась, подымала,
 Безъдекосуй платокъ,
 20 Я платоцекъ приняла.
 Почтенье отдала:
 Ты платоцекъ-то прими,
 Меня, дѣвицу, люби!
 Ты поѣдешь, мой любезный,
 25 По деревнямъ, по селамъ,
 По погостамъ, по ирамъ:
 На веселыхъ бесѣдахъ,
 Не засниживайся,
 На хорошихъ, на пригожихъ, —
 30 Не заглядывайся!
 Хушь хорошія, припежія,
 Цасовыя для тебя,
 А я, худая, негодная, —
 Високая твоя,
 35 Обрученная жена,
 Подвѣшная судьба.

72.

Я поѣю лебеду на берегу,
 Свою крупную разсадушку:
 Погорѣла лебеда безъ воды,
 Моя крупная разсадушка.
 5 Пошлю Казака по воду, —
 Ни воды нѣтъ, ни Казаченьки;
 Кабы мнѣ молодой ворона коня,
 Я бы вольная Казачка была,
 Скакала, плясала по лугамъ,
 10 Съ Донскимъ съ молодцомъ Казакомъ,
 Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

Зап. мщор. Твер. Г. въ дер. Назаровкѣ отъ извож. Григорья.

73.

Уточка полевая,
 Гдѣ ты спала, ночевала? —
 Я спала, ночевала,
 15 На болотѣ, подѣ кусточкомъ,
 У березы подѣ листочкомъ.
 Ужъ какъ шли, прошля скомороги,
 Срѣзали по пруточку,
 И сдѣлали по гудочку:
 20 Вы, гудочки, не гудите,
 Мово батюшку не будите!
 Мой-етъ батюшка спитъ съ похмѣльи,
 Со великаго перепою;
 И было у меня три братца:
 25 Одного братца убьли,
 И подѣ колоколенькой похоронили!
 И кто объ немъ поплакать?
 Двѣ свиньи подосатыхъ.

Зап. въ Твери Семшар. В. А.

74.

Во полѣ рябина стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла,
 О, о, ой ты, рябина моя,
 О, о, ой ты, кудрявая моя.
 * Кудрява, раскудрява,
 Кудреватая моя! *
 Не кому рябины заломати,
 Не кому кудрявой заломати,
 Пойду ль я заломая, заломая,
 † Сръжу ль я три пруточка, 2
 Сдѣлаю ль три гудочка: 2
 Вы гудки, не гудите,
 Старого мужа не будите!
 Старый мужъ пробудился, 2
 † Вотъ тебѣ помощ—умойся, 2
 Вотъ тебѣ онучи—утрися, 2
 Вотъ тебѣ заслонъ—помолися, 2
 Вотъ тебѣ сухарь—подавися! 2 **

Зап. въ Тулѣ уроженцемъ Твер. Г. Соколовымъ.

* Припѣвъ о, о, ой и т. д. повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ, или же одного повторяющагося стиха.

** Въ некоторыхъ мѣстахъ Тульской Губерніи, на пр., въ Бѣловѣ и его Уѣздѣ, эта пѣсня поется съ припѣвомъ:

Шары, бары,
 Раздабары,
 Снѣги бѣлы
 Выпадали,
 † Сѣры зайцы
 Выбѣгали,
 Охотнички
 Выбѣжали,

75.

Прячеты во время плясокъ, когда плясунъ, или плясунья, приходять въ восторгъ:

Разсыпся, горохъ;
На двѣнадцать дорогъ!

Ходи, барыня, смѣлуй,
Музыканту веселей!

Ѹ Полюбила бѸ коваля,
Да не моя воля.

Ходи, изба, ходи, сѣни,
Мова мужа черти съѣли.
Что ты? что ты? что ты?
Ѹ Я на улицу пойду,
Семерыхъ еще найду.

Были сиськи,
Съѣли кыски,

Красну дѣвку
Испугали:
Ты, дѣвица
Стой, стой,
Ѹ Красавица
Пой, пой, пой!

И тогда напѣвъ этой пѣсни бываетъ совершенно отличный отъ перваго. Но нужно замѣтить, что въ томъ и другомъ случаѣ пѣсня эта поется хоромъ.

Зап. въ Тулѣ И. П. Чулковскій.

Пришелъ вечеръ,
Мануть не чинъ.

Я пошла бѣ за торгаша,
Нѣту денегъ ни гроша.

---

5 Ходи, изба, ходи, печь,
Хозяину негдѣ лечь:
На печи широко,
Растянешься далеко.

Расколся, сырой дубъ,
10 На четыре грани!
А кто двушку полюбить,
Того душа въ раи.
Кто молодушку полюбить,
Того душа на спасенье,
15 А кто старую старуху обойметъ,
Тотъ въ адѣ мѣста не найдетъ.

Хочешь—любишь, хочешь—нѣтъ,
Ни копѣйки денегъ нѣтъ,
Ни копѣйки, ни гроша,
20 Походочка хороша:

Деньги есть—веселюсь,
На хорошенькой женюсь,
Жениться не разорюсь
А хлѣбомъ не подавлюсь.

---

25 Поѣхалъ по дрова,
Она ноги задрала.

Ужь ты, Филъ, простота,
 Купилъ лошадь безъ хвоста,
 Самъ поѣхалъ, засвисталъ,
 И всѣ сани замаралъ.

76.

- 2 Не ель, сосна,
 Раззыбалася,
 Ай люли, люли. *
 Раззыбалася,
 Тамъ Аксиньюшка
- 10 Разгулялася,
 За ее батюшка носылочку,
 Гонецъ за гонцомъ,
 Посоль за посломъ;
 Я того гонца не убоялася:
- 12 Первый куръ поѣлъ,
 Я домой не йду,
 Другой куръ поѣлъ,
 Я не думаю,
 Третій куръ поѣлъ,
- 20 Я домой пошла,
 Заря взошла;
 Прихожу я ко изору
 Ко широкому,
 Ко терему ко высокому,
- 22 Мой высокъ теремъ
 Растворенъ стоитъ,
 Мой браный пологъ
 Распышонъ виситъ,
 Мой призывъ мундъ
- 30 Въ переду сматъ,
 А ремена плетъ
 На гвоздю виситъ

* Этотъ призывъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Енъ по лавицѣ
 Подвигантса,
 За ремену плеть
 Принимаантса,
 8 Енъ и бьетъ жену
 Понапрасницу,
 По чужимъ рѣчамъ,
 По своимъ плечамъ:
 Ты не ходи, жена,
 10 На улицу,
 Не играй, жена,
 Со ребятами, 2
 Все женатами!

77.

Я подумаю, погадаю.
 18 Ой люли, люли, погадаю,
 Я головушкой покачаю!
 Да за что меня люди любятъ.
 Да за что меня почитаютъ?
 Что я у батюшки дочь единая,
 20 Что я у роднова дочь гулливая,
 Всею ночушку не спала,
 Всею осеннюю прогуляла,
 Золоты ключи потеряла,
 Что со шелковымъ подсочкомъ,
 28 Со серебрянымъ со цѣпочкомъ.

78.

Вдоль вулицы, вдоль вулицы,
 Вдоль вулицы, мимо кузницы,
 Во кузницы, во кузницы,
 Молодые кузницы, 2

- Кують и льютъ 2
 Да навариваютъ,
 Меня молоду, меня молоду,
 Подговариваютъ, 2
 5 Сулятъ, даютъ, 2
 Мнѣ замочикъ со ключомъ, 2
 А мнѣ молодой, 2
 Не хотѣлося замка,
 Хотѣлося, хотѣлося,
 10 Пистолета да ружья,
 Убить, застрѣлить,
 Постылова мужа.
 Во лузяхъ, во лузяхъ,
 Во лузяхъ зеленыхъ,
 15 Расцвѣли цвѣты,
 Цвѣты лазоревые,
 Я тымъ цвѣтамъ,
 Выкормлю коня,
 Снаряжу коня, 2
 20 Во золоту узду, 2
 Поведу коня, 2
 Къ батюшкѣ:
 Ахъ ты, батюшка, 2
 Родимый мой;
 25 Ты прими коня,
 Неѣженнаго,
 Полюби слово мое
 Привѣтливое,
 Ты не днѣи мени,
 30 За Рунюшку* 2 за мужь!
 Я Рунюшку 2
 На смерть не люблю.

---

* Грунюшку.

79.

Девятое лѣто
 Мужа дома нѣту,
 Ой бой, говори, голова!
 Мужа дома нѣтъ,
 5 Гроза его дома,
 Шелковая плетка,
 У горенки на грядки,
 На правой сторонки:
 Я во горенку войду,
 10 Мое сердце ноеть,
 Я изъ горенки выйду,
 Мое сердце отойдетъ,
 Выйду за ворота,
 И мхи да болоты,
 15 Выйду за новые.
 Луги зеленые,
 Луги зеленые,
 Съ дѣвкамъ говорили:
 Вы дѣвки, злодѣйки,
 20 Не пейте горѣлки!
 Горѣлка злодѣйка,
 Къ добру не приводить,
 Съ ума дѣвку сводить,
 Во пуньку заводить,
 25 Во пунки мякинки,
 Во мякинки дитинки,
 Щелкантъ, мигантъ,
 Къ себѣ дѣвку манить,
 Душой назывантъ,
 30 Къ сердцу прижимантъ.
 Травка муравка,
 Травка зеленая,
 По тебѣ, травушка,
 Я не нахожуся,
 35 На свово милова,
 Я не наглажуся!

Люди, раздайся,
 Народъ, разступися!
 Дайте мнѣ съ милымъ,
 Съ милымъ погуляти,
 5 Покуль батюшка
 Меня не затямилъ,
 Родная матушка
 Меня не заручила!

80.

Посѣяла дѣвка ленъ,
 10 Ай люли, ай люли!
 Въ чистомъ цолѣ подъ дубомъ;
 Дѣвки день пололи,
 Бѣлы руки кололи;
 Разыгрался карій конь,
 15 Разбилъ камень копытой,
 Въ этомъ камнѣ огню нѣтъ;
 Сошью мужу рубашку,
 Съ тративола листочка,
 Чтобы тѣло не свербѣло,
 20 Чтобы въ баню не хотѣло.

81.

Васнвля мать родила,
 Васѣ рѣчи говорила:
 Полно, Вася, уваймись,
 Съ краснымъ дѣвкомъ не водись! —
 5 Родимая моя мать,
 Тебѣ меня не унять,

За рѣку ходить гулять;
 Я таки за рѣчушку,
 Таки хожу, такн хожу,
 Я Маіорску дочь, Парашеньку,
 5 Таки люблю, такн люблю:
 У ей вочи соколиныя,
 У ей брови соболиныя,
 Рѣчи банть, разсыпанть,
 Съ горь погоду подымаить;
 1 Подымалась съ горь погода,
 Стала мать потакать,
 Гулять Васю посылатъ;
 Во горницѣ, во свѣтлицѣ,
 Игранть Ваня 'во скрыпицу:
 15 Ты, дѣвица, не тоскуй,
 Красавица, не горюй!
 Я поѣду во Москву,
 Разведу твою тоску,
 Да по темному по лѣсу
 По желтому по песку.

82.

Я по жердочки шла,
 Я по тоненькою,
 Я по новенькою,
 Тонка жердочка гнется,
 5 Да не сломится,
 Хорошо съ милымъ жить,
 Да не стошнитса,
 Разгуляитса.
 Выйду, выйду, молада
 10 За новыя ворота,
 За новыя, кленовыя,
 За рѣшетчатая,
 Мнѣ на встрѣчу другъ милой,

На емъ кафтанъ голубой,
 Плясовыя шапки,
 То наши ребятки.
 Въ горохи не ходите,
 5 Шутокъ не водите!

83.

Голова ль моя, ты ль, головушка,
 Ой да люли, ты ль головушка,
 Злонесчастливая, безталанная!
 Навязался на головушку,
 10 Навязался мужъ, горькая пьяница,
 Енъ пьяница, пропойца,
 На кабакъ идетъ, енъ шатаится,
 Изъ кабака идетъ, енъ валяется,
 Въ черну грязь енъ марается.
 15 Какъ заставилъ мужъ
 Меня разуть, раздѣть, распоясати,
 У его ноги грязныя,
 А у меня, молодой, руки бѣлыя,
 На рукахъ перстни позолоченыя.

84.

20 Я молода одинокая была,
 Сама печь топила,
 Сама по воду ходила,
 Я по воду, воду, воду,
 На Самарову рѣку,
 25 На Самаровой рѣкѣ
 Гуси сѣрыя сидять,
 Воду свѣжую мутять,
 Сомугили, сомугили,

- Воду свѣжую съ пескомъ,
 А я молода, догадлива была,
 Поставила ведерочки
 На тоненькій ледокъ,
 5 На шелковинькій платокъ,
 Постояла молода,
 Простоялася вода,
 Размахнула широко,
 Почерпнула глубоко,
 10 Узнала, пошла,
 На гору взойшла,
 На той на горѣ,
 На той на крутой,
 Стоит кумъ со кумой,
 15 Еще кумова жена:
 Здравствуй, кумушка моя!
 Давно ль ты со двора?
 Сходите-ко ко дому,
 Что дѣлается на двору:
 20 Одинъ печокъ у печи,
 Подорвался кипучи,
 А другой на полу,
 Позавидовалъ тому,
 Средніе горшечки
 25 Понаплакалися,
 Сдѣшніе ребята
 Хотуть гулять:
 Въ Новѣгородѣ гуляли,
 Серебро на мѣдъ мѣняли,
 30 Мочало закупали,
 Кошелки наплели,
 Сами по міру пошли,
 Стали солоду просить,
 Солодъ легче носить,
 35 Енъ пиво наварили,
 Красныхъ дѣвокъ напоили,
 На грошъ пряниковъ купили,
 Полтора года носили.

- Дѣвица милая,
 Радость дорогая,
 По саду гуляла,
 Думала, гадала,
 5 Ни сегодня, завтра,
 Ко мнѣ милый будетъ,
 Меня не забудеть,
 Подарочикъ купить,
 Ни малъ, ни величекъ,
 А нова гризету,
 Съ этово подарку,
 Сошью я шубейку.
 Пойду я во торжейку,
 Во той во торжейкѣ
 15 Казачекъ гуляить,
 Глазами мигаить,
 Ахъ хто его знаить,
 Чего енъ миганты!
 Али ему пива?
 Али ему вина? —
 Мнѣ не надо пива,
 Мнѣ не надо вина,
 Мнѣ дѣвушка мила.
 25 Дѣвица милая,
 Радость дорогая,
 Напой мойво коня
 Среди снѣ моря,
 На камешки стоя,
 Чтобъ конь напился,
 Коверъ не смочился!
 Конь водицы не пьеть,
 Дороженьку чуетъ,
 Гдѣ милый ночуетъ,
 35 Ни дома, ни сдѣсь,
 Во темномъ во лѣсѣ,
 Подъ бѣлой березой!

85.

- На рѣкѣ, на рѣчкѣ,
 Дѣвка платье мыла,
 Звонко колотила,
 На сухо крутила,
 5 На березѣ клала,
 Тамъ и шелъ дѣтина:
 Богъ поможь, дѣвица,
 Тебѣ платье мыти,
 Звонко колотити,
 10 На сухо крутити,
 На березу класти!
 Дѣвушка спѣсивая,
 Не дала спасибо,
 Дружкомъ не назвала.
 15 Душечка дѣвица,
 Сшей-ко мнѣ рубашку,
 Не ткавши, не прявши,
 Въ рукахъ не державши! —
 Душечка молодчикъ,
 20 Выстрой теремочикъ,
 Безо мху, безъ лѣсу,
 Безо бѣлову тесу! —
 Душечка дѣвица,
 Набери мнѣ ягодъ,
 25 Зимой объ Крещеньѣ,
 А лѣтомъ объ Вознесенъѣ! —
 Душечка молодчикъ,
 Сшей-ко мнѣ башмачки
 Со желтово песочку! —
 30 Душечка дѣвица,
 Напряди вервицы
 Со чистой водицы! —
 Душечка молодчикъ,
 Слей-ко перстеночикъ

Со краснова соннца,
Гдѣ бѣ я ни ходила,
Все бы я свѣтила.

Всѣ записаны мною въ Псков. У. въ с. Федоровцевѣ и д. Тетеркѣ

86.

Дѣвка платье мыла,
5 Валькомъ колотила,
Бѣло полоскала
Круто выжимала, 2
Дружка поджидала;
Ѣдетъ милый съ поля
10 На ворономъ конѣ:
Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти! —
Благодарствуй, дѣтицка,
На добрымъ словѣ. —
15 Дѣвица хороша!
Напой мово коня
Среди синя моря,
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь напился,
20 Коверъ не смочился! —
Молодецъ хорошій,
Сошей мнѣ башмачки
Съ желтова песочку,
Чтобъ башмачокъ не сносился
25 Чтобы песокъ не ронился
И не теръ бы бѣлыхъ ногъ. —
Напряди, милая, дратвы
Изъ дождевой капли,
И шей, милая, халатикъ
30 Изъ булатной стали,
Сталь булатная картина

Чтобы пуля не пробила,
 Чтобы могъ ее носить! —
 Сруби, миленькій, мнѣ теремъ
 Изъ маковыхъ зеренъ,
 5 Чтобы были двери,
 Двери, двѣ кровати,
 Чтобъ на той кровати
 Я могла бы спать,
 10 Чтобы мнѣ снился
 Милый сонъ!

Зап. В. Тюкинъ. Твор. Г. Осташки. Уг. кз. к. Федоровъ Дворъ.

87.

Какъ по мосту, по мосточку,
 Ишла дѣвка семилѣтка,
 За дѣвухой сынъ купецкой:
 Постой дѣвка, семилѣтка,
 15 Загадаю три загадки,
 Изволь, дѣвка, отгадати:
 А что растеть безъ коренья,
 А что цвѣтеть безъ адаго цвѣту,
 А что шумить безъ буйнаго вѣтру? —
 20 Растеть камень безъ коренья,
 Шумить вода безъ буйнаго вѣтру,
 Цвѣтеть сосна безъ адаго цвѣту.

Зап. Штат. Смотрителемъ Щедринымъ. Тульск. Г. Новосильск. У.

88.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ? —
 Отгадаю, сынъ купеческій, — хоть' дроблей!
 25 Ужь и что это, дѣвица, краше дѣла?
 Ужь и что это, дѣвица, выше дѣла?

- Ужь и что это, дѣвица, чаще рощи?
 Ужь и что это, дѣвица, безъ коренья?
 Ужь и что это, дѣвица, безъ умолку?
 Ужь и что это, дѣвица, безъ отвѣту? —
- 5 Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце,
 Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяць,
 Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды,
 Безъ коренья, сынъ купеческій, крупенъ жемчугъ,
 Безъ умолку, сынъ купеческій, течеть рѣчка,
 10 Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья! —
 Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
 Ужь и быть за мною, быть моею женою!

Зап. въ Московск. У. А. Н. Леанасьевъ.

89.

- Летѣлъ голубѣ
 Черезъ поле,
 15 Несъ онъ вѣстку
 Про невѣстку.
 Про такую,
 Про милую,
 Про Дуняшину вину:
- 20 Вечеръ Дуню
 Ведетъ въ пуню,
 Дуню въ пунѣ
 Больно били,
 Ее били,
- 25 Причитали:
 Бросай волю,
 Кудаи нѣгу! —
 Я не кину,
 Пойду къ тани,

Я не брошу,
Пойду въ рощу:
Я по рощицѣ гуляла,
Свой платочекъ
5 Уронила,
Кто не пойдя,
Тотъ подоймя,
Кто подоймя,
Дуню любя,
10 Дуню любя,
Вина куша,
Куша булку
Для залуку,
А конфетовъ
15 Для совѣта,
А цюму
На раздуму,
Винограду
Для разгляду.
20 Ишла дѣвка
Семилѣтка,
За ней парень,
Словно баринъ:
Постой, дѣвка,
25 Семилѣтка!
Загадаю
Три загадки:
Что ростеть-то,
Безъ коренья?
30 Что цвѣтеть-то,
Но безъ цвѣта?
Что шумить-то,
Но безъ вѣтра?
Дѣвка стала
35 Отгадала:
Растеть камень
Безъ коренья,

Цвѣтегь сосна,
Но безъ цвѣта,
Шумитъ рѣчка.
Но безъ вѣтра.

Сообщ. М. И. Семеновскія Псков. Г. Остров. У

ВЕСЪДНЫЯ,

1.

- Пошла наша Дуня
По торгу гулять,
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
8 Купила моя Дуня,
Ленку то немножко,
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Ленку то немножко,
10 Всего три десятка;
Запряла то Дунюшка
Потолще ужища,
Потонѣ каната;
Напряла то Дуни
12 Съ поцатоцкомъ девять.
Пошла наша Дуня,
Красеньцы сновати:
Семь стѣнъ обложила,
Семь коловъ сломила, 2
20 Семь бабъ задавила.
Пошла наша Дуня
По селу свистать, 2
Бердецу искать:
Семь селъ освистала,
22 Бердѣ не сыскала.
Пошла наша Дуня
Къ Егору на гору,

...!

- Просить изгороду:
 Пожалуй-ко, Егоръ, частой изгородки,
 Красеньцы мнѣ ткати:
 Коломъ-то тикала,
 5 Шестомъ пртыкала.
 Пошла наша Дуня
 Холстинки моцти:
 Семь рѣкъ засушила,
 Холста не смоцла.
 10 Ёде Аенасій,
 Съ кривымъ глазомъ:
 Богъ поможь, Дуня,
 Рогожа моцти!—
 Охъ, ты кривая рожа,
 15 Это не рогожа,
 Дунина холстинка.
 Пошла наша Дуня
 Холстинку суцти:
 Семь жердовъ сломила,
 20 Холста не ссушила.
 Давай-ко намъ, Дуня,
 Холстину кроити:
 Пилой-то пилити,
 Топоромъ рубити!
 25 Давай-ко намъ, Дуня,
 Рубашечку шити:
 Напарьемъ провернемъ,
 Канатомъ продернемъ.
 Давай ко намъ, Дуня,
 30 Рубашку надѣвати:
 Семеро держать,
 Трое надѣвають,
 Дуня ль моя, Дунюцка,
 Дуня тонкопрядля!

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ д. Карцевѣ.

2.

Собрались дѣвки на супрѣтку,
 Что на супрѣтку, на сѹпулку.
 Задумали дѣвки пиво варить:
 Кая имѣлю, кая солоду мѣшокъ,
 5 Наварили дѣвки пива горшокъ;
 Пошли дѣвки гостей зазывать:
 Кая тетку, кая дядушку.
 Пришелъ къ дѣвушкамъ незваный гость,
 Что незваный гость, не вѣдаютъ какой;
 10 Стали дѣвки перешептываться;
 Кая въ щеку, кая за волосы,
 Черезъ скамью дали тасканину,
 Черезъ порогъ его клюкой попереть,
 По сѣничкамъ будьто сѣмячко толкутъ,
 15 А по крыльцамъ будьто ступицу катятъ,
 По дворичку будьто платице перуть.
 Вдоль улицы, мимо кузницы,
 А во кузницѣ два молодые кузнеца,
 Что куютъ, дуютъ, навариваютъ,
 20 Меня молоду подговариваютъ:
 Пойди, Дуня, въ огородъ, въ огородъ!
 Сорви, Дуня, лапушокъ, лапушокъ,
 Подъ саменной корешокъ, корешокъ!
 Сошей, Дуня, сарафанъ, сарафанъ,
 25 Со частыимъ съ оборомъ, съ оборомъ!
 Носи, Дуня, берегай, берегай,
 По праздничкамъ въ коробочку замыкай!

Псков. Г. д. Поддубье. Собицъ. М. И. Семевскимъ.

3.

На зорѣ, на зорюшкѣ,
 Лютая свекровушка,
 Коровъ доила,
 Невѣстущку свою
 5 Рано будила:
 Невѣстущка, встаны!
 Сударушка, встаны!
 У насъ на дворѣ
 Не все во добрѣ:
 10 Коровки буренки
 На лугъ сведены
 Телятъ пострѣлять
 И тѣхъ дома нѣтъ.
 Невѣстущка встала,
 15 Побранивалась:
 Что чортъ за семья,
 Все рано вставай!

Зап. мною Тульск. Г. Епиф. У.

4.

Охъ, мужъ у меня,
 Онъ злодѣй былъ до меня,
 20 Онъ хотъ баринъ, да дуракъ,
 Я не барыня—умна.
 Заставилъ меца мужъ,..
 Заставилъ господинъ,
 Баню, банюшку, топить, 2
 25 И я, ходя, баю, баю, 2
 Будьто банюшку топлю. 2
 Охъ, мужъ у меня,
 Онъ злодѣй былъ до меня,

Онъ хотъ баринъ, да дуракъ,
 Я не барыня—умна.
 Заставилъ меня мужъ,
 Заставилъ господинъ,
 5 Въ баню водицу носитьъ, 2
 И я, ходя, вою, вою, 2
 Будьто водицу ношу. 2

Отъ, мужъ у меня,
 Онъ злодѣй былъ до меня,
 10 Онъ хотъ баринъ, да дуракъ,
 Я не барыня—умна.
 Заставилъ меня мужъ,
 Заставилъ господинъ,
 Въ баню вѣнички носитьъ, 2
 15 И я, ходя, вѣю, вѣю, 2
 Будьто вѣнички ношу. 2

Зап. А. Завьяловъ Калужн. У. въ с. Спировѣ.

5.

Заставилъ меня мужъ-господинъ
 Баню, банюшку топить,
 А я, ходя, баю, баю,
 20 Будьто банюшку топлю.

Заставилъ меня мужъ-господинъ
 Вѣникъ, вѣничекъ, вязать,
 А я, ходя, вѣю, вѣю,
 Будьто вѣничекъ вяжу.

25 Заставилъ меня мужъ-господинъ
 Щелокъ, щелочекъ, варить,
 А я, ходя, щолкъ, щолкъ!
 Будьто щелочекъ варю.

Заставилъ меня мужъ-господинъ
 Шаекъ, паечекъ, искать,
 А я, ходя, шарю, шарю,
 Будьто шапекъ ищу.

Зап. въ Москвѣ А. Н. Аванасьевъ.

6.

- 5 Прялюшки, попридальюшки!
 А что же вамъ, прялюшки,
 Прясть-то будетъ?
 Старымъ старушкамъ охлопочковъ,
 Молодымъ молодушкамъ чесаный ленъ,
 10 Краснымъ дѣвушкамъ бумажки куделя,
 Молодцамъ-щегольцамъ омялица.
- Прялюшки, попридальюшки!
 Что же вамъ, прялюшки,
 Ъсть-то будетъ?
 15 Старымъ старушкамъ хлѣбъ да вода,
 Молодымъ молодушкамъ кисель да сыта,
 Краснымъ дѣвушкамъ калачики,
 Молодцамъ-то щегольцамъ дурьинды * кусокъ.
- Прялюшки, попридальюшки!
 20 А гдѣ же вамъ, прялюшки,
 Спать-то будетъ?
 Старымъ старушкамъ на печи въ углу,
 Молодымъ молодушкамъ на войлочкѣ,
 Краснымъ дѣвушкамъ на перинѣ пуховой,
 25 Молодцамъ-то щегольцамъ со свиньями во хлѣву.
 Прялюшки, попридальюшки!
 Чѣмъ-то васъ, прялюшки,

* Выбонны отъ коноплянаго масла.

Будеть-то: будить?
 Молодцовъ-то щегольцовъ молѣномъ по пятамъ,
 Красныя дѣвушки, пусть онѣ снятъ:
 Въ люди-то выйдутъ, намаются,
 5 Всякой-то заботы напринимаются.

Зап. въ Твери А. Б. Соколовымъ.

7.

Въ воскресный день по рыночку ходила,
 На три денежки кудерюшки купила,
 На алтынъ веретенцъ подхватила,
 Я, пришедши, подъ лавку положила:
 10 Ты лежи, лежи, кудерюшка, недѣлку,
 Что по доброй-то прялюшкѣ другую,
 Въ Понедѣльничекъ я баньку топила,
 Я во Вторникъ париться ходила,
 Я въ Середу съ угара пролежала,
 15 Въ Четверкѣ буйну голову чесала,
 Что по Пятницамъ добры жены не пряли,
 Въ Субботу по родителямъ ходила,
 Воскресенье—день на веселье,
 Въ Понедѣльничекъ раненько вставала,
 20 Охъ, я три ниточки тонешенько напярла,
 Охъ, мозоли кровавые понатирала.
 Охъ, я дождавши, милому показала:
 Не пряди, моя милая, не невольси,
 Охъ, что придетъ-то, придетъ, моя милая, весна красна,
 25 Что повыростетъ лопушничекъ широкой,
 Я сошью тебѣ, моя милая, сарафанчикъ.

---

* Молодытъ молодушекъ плеточкой,
 Молодцовъ-то щегольцовъ по бокамъ костьюемъ.

Что по Русскому сказать раздыманчикъ.
 Да не ходи, моя милая, околъ тыну,
 Ты ходи, моя милая, по дужечку,
 Что по ровенькому, по гладенькому мѣстечку,
 5 Чтобъ Поповы-то козы не видали,
 Чтобъ сарафанчика-раздыманчика не разорвали.
 А Поповы-то козы увидали,
 Сарафанчика-раздыманчика разорвали,
 Часты пуговицы всѣ перервали,
 10 Шелковы петельки всѣ прѣли.

Зап. мною Твер. Г. Новотор. У. въ с. Селиховѣ

8.

Какъ звали недвигу во ширь пировать,
 Въ бесѣду сидѣть,
 Въ честную сидѣть,
 Люли, люлюшки мои!

15 Стара недвига
 Отыѣкиваться,
 Отговариваться,
 Отъ меня молодца,
 Люли, и пр.

20 Миѣ не въ чемъ ити,
 Миѣ не отъ кого,
 Люли, и пр.

Стала недвига,
 Снаряжаться, поворачиваться,
 25 Во бархаты, во атласы,
 Приказала мужилушкѣ,
 Дома сидѣть:
 Люли, и пр.

Ты сяди, мужъ, дома,
 Жди жидомора,
 Лапти плети,
 Пшеницу суши,
 8 Цыплятъ стереги,
 Дѣтя колыши,
 Люли и пр.

Какъ на встрѣчу недвигѣ
 Старъ старшчокъ,
 10 Кривой колпачокъ,
 Сани писаныя:
 Люли, и пр.

Ты садись-ка въ сани,
 Поѣдемъ-ка съ нами,
 15 У насъ, на Руси,
 Три радости:
 У мужа жена
 Себѣ сына родила:
 Безъ пальца нога,
 20 Безъ мезинца рука,
 Безъ уса борода
 Безъ ума голова.
 Люли, и пр.

Пріѣзжаетъ недвига
 25 Къ широкому двору:
 Ты здравствуй, мужилушка!
 Дома сидишь?
 Люли, и пр.

Не само здорово:
 30 Прилеталъ жидоморъ,
 Я кинулся, опрокинулся,
 Масло пролилъ,
 Пшеницу рассыпалъ,
 Дѣтя разбудилъ,
 35 Семерыхъ задавилъ.
 Люли, и пр.

Жена мужа въ щеку,
 Жена въ другую,
 Сама прочь пошла,
 Люли, люлюшки шов!

Зап. Тверск. Г. Новоси. У, Шт. Смотр. Щедрнымъ.

9.

- 5 Сижу я млада
 На печкѣ одна,
 Заплатки плачу,
 Приплачиваю,
 Я мужа брашу
- 10 Прибраниваю:
 Продай, мужъ, корову.
 Съ лошадушкою,
 Купи, мужъ, саяцъ —
 Широкий подоль;
- 15 Душегрѣйку
 Камчатнинькую!
 Купи, мужъ, кокошникъ —
 Косой, золотой,
 Еще онжерелье
- 20 Жемчуженькое!
 Молода снаряжуся,
 Къ обѣднѣ пойду,
 Ахъ, люди-то скажутъ:
 Чья это така? —
- 25 Купецка жена!
 Обѣдня отходить,
 Мой милый идетъ,
 Саночки везетъ, 2.
 И хомутикъ несетъ:
- 30 Младая жена,
 Впрягайся сама,

Да въ лѣсъ по дрова!
 Заѣхалъ въ цѣликъ,
 Наклалъ возъ великъ;
 На горку онъ ѣдетъ —
 5 Прихлыстываетъ,
 Подъ горку онъ ѣдетъ —
 Присвистываетъ:
 Не то мнѣ досадно,
 Что возъ великъ.
 10 А то мнѣ досадно,
 Что мужъ на возу,
 Объ одномъ глазу.

Зап. въ Твери Ю. А. Шавровой.

10.

На печкѣ сижу, заплатки плачу,
 Я плачу, плачу, приплачиваю,
 15 Я мужа журю, прижуриваю:
 Продай, мужъ, лошадку со коровушкою!
 Купи, мужъ, шубку китайчатую:
 Я въ шубку сряжусь, къ обѣднѣ пойду,
 А люди глядятъ: Да чья такова?
 20 Да чья такова?—Купческа жена,
 Купческа жена со гостипова двора. —
 Раздѣвайся-ка, жена, впрягайся сама,
 Впрягайся сама, да въ лѣсъ по дрова,
 Да въ лѣсъ по дрова по березовыя:
 25 Заѣхалъ въ цѣликъ, наклалъ возъ великъ,
 Подъ гору-то ѣдетъ, присвистываетъ —
 На гору-то ѣдетъ, прихлыстываетъ,
 По деревнѣ ѣдетъ, ребятамъ кричить,
 Ребятамъ кричить: «Жена впряжена!» —
 30 Не то-то досадно, что возъ-огъ великъ,
 А то-то досадно, что самъ-огъ сидитъ.

Зап. Тверск. Г. Каляз. У. А. В. Соколовымъ.

11.

Ходила калина,
 Ходила малина,
     Калина, малина!
 Ходила малина
 5 Тихими шагами,
     Калина, малина!
 Тихими шагами,
 Крутымъ берегами;
     Калина, малина!
 10 Кликали калину
 Во пять голосочковъ:
     Калина, малина!
 Первый же голосъ
 Да свекорко кличетъ,
 15 Калина, малина!
 Да свекорко кличетъ,
 Работы пытая;
     Калина, малина!
 А я къ свекру съ мягкимъ калачами,
 20 Съ сладкою сытою;
     Калина, малина!
 А второй же голосъ —
 Свекровушка кличе,
     Калина, малина!
 25 Свекровушка кличе,
 Работы пытая,
     Калина, малина!
 А я ко свекрови
 Съ бѣлымъ кужелечкомъ;
 30 Калина, малина!
 Третій же голосъ —
 Золовушки кличутъ,
     Калина, малина!
 Золовушки кличутъ
 35 Да чесаться хочугъ,

- Калина, малина!
 А я ко золовкамъ
 Съ частымъ гребешочкомъ,
 Калина, малина!
 5 Съ частымъ гребешочкомъ
 Съ шелковымъ улеточкомъ;
 Калина, малина!
 А четвертый голось —
 Деверюшки кличуть,
 10 Калина, малина!
 Деверюшки кличуть,
 Да гуляти хочуть,
 Калина, малина!
 А я ко деверьятъ
 15 Съ красною дѣвицей,
 Калина, малина!
 Съ красною дѣвицей,
 Съ веселой музыкой;
 Калина, малина!
 20 Пятый же голось —
 Мило ладо * кличеть,
 Калина, малина!
 А я къ милой лады,
 Съ пуховой подушкой,
 25 Калина, малина!
 Съ пуховой подушкой,
 Съ крутыть изголовьемъ,
 Калина, малина!
 Съ крутымъ изголовьемъ,
 Съ крѣпкимъ обниманьемъ,
 Калина малина
 30 Съ крѣпкимъ обниманьемъ,
 Съ сладкимъ цѣлованьемъ.
 Калина, малина!

Собщ. М. И. Семеновскимъ.

* Ласкательное названіе супругами другъ друга.

12.

Что пошелъ холопъ за охотою,
 Поймалъ холопъ
 Онъ себѣ чечоточку,
 Посадилъ эту чечоточку,
 5 Посадилъ эту лебедочку,
 Ее за рѣшеточку;
 Что и вывела эта чечоточка
 Себѣ семь дочерей:
 Дарью и Марью,
 10 Арину и Марину,
 Степаниду и Солмониду,
 Да семую Катерину.

Что пошла эта чечотка,
 Что пошла эта лебедка,
 15 Богу молитися:
 Какъ помилуй Боже, Боже,
 Моихъ семь дочерей:
 Дарью и Марью,
 И Арину и Марину,
 20 Степаниду и Солмониду,
 Да семую Катерину!

Что пошла эта чечотка,
 Что пошла эта лебедка,
 Въ торгъ торговати,
 25 Зятьевъ выбирать.
 Какъ выбрала чечотка,
 Какъ выбрала лебедка,
 Себѣ семь зятьевъ:
 Ивана и Романа,
 30 Охима и Трохима,
 Евсѣя да Стегнѣя,
 Седьмаго Алексѣя,
 Да Алексѣюшку.

Что пошла эта чечотка,
 Что пошла эта лебедка,
 Богу молитися:
 Что помилуй, Боже, Боже,
 5 Моихъ семь зятьевъ:
 Ивана и Романа,
 Охима и Трохима,
 Евсѣя да Стегнѣя,
 Семаго Алексѣя,
 10 Да Алексѣюшку!

Что пошла эта чечотка,
 Что пошла эта лебедка,
 Богу молитися:
 Дай же миѣ, Боже,
 15 Много внучать:
 Двое сидневъ,
 Двое лежневъ,
 Двое поползневъ,
 Двѣ игрушки
 20 Въ люлькѣ
 Качаются,
 Двѣ Наташки
 У кошки
 Питаются,
 25 Двѣ Варюшки
 У краюшки
 Поправляются,
 Два у лавки стоятъ,
 Поучиться хотять,
 30 Два у окошка глядятъ,
 По лепешкѣ ѣдятъ,
 На студницѣ сметана,
 У сметаны
 Два Степана,
 35 Два Степанушка!

Зап. мною Твер. Г. и У. въ дер. Глазуновѣ.

13.

Какъ пошла наши Бояре за охотою,
 За охотою чечотокъ ловить,
 Какъ поймали чечоточку въ клѣточку,
 Посадили эту чечоточку въ клѣточку,
 8 Вывела эта чечоточка семь дочерей:
 Перву Дарью, другу Марью,
 Степаниду, Солмониду,
 И Арину, и Марину,
 И семую Катерину.

10 Какъ пошла наша чечотка
 Въ торгъ торговать,
 Выбрала себѣ чечотка
 Себѣ семь зятьевъ:
 И Вавилу, и Данилу,
 15 И Андрея-водогрѣя,
 Епифана, Ермолая,
 А семаго Николая.

(Пѣсельница обочлась, но не могла вспомнить еще одного зятя. Далѣе нѣтъ разницы отъ предыдущей пѣснш.)

Зап. мною Твер. Г. Новоторж. У. въ с. Селиховѣ.

14.

Нажила себѣ чечотка,
 Она много дочерей:
 20 Двѣ Марьи, двѣ Дарьи,
 Арину, и Марину,
 А семую Катерину.
 О, помилуй, Боже,
 Моехъ дочерей:

Двѣ Марьи, да двѣ Дарьи,
И Арину, и Марину,
А семую Катерину,
Катеринушку!

8 Нажила себѣ чечотка,
Она много зятьевъ:
Два Ивана, два Романа,
Дементя, Клементя,
А семаго Алексѣя,

10 Алексѣюшка душа!
Помилуй, Боже,
Моихъ семь зятьевъ:
Два Ивана, два Романа,
Дементя, Клементя,

15 А семаго Алексѣя,
Алексѣюшку!

Нажила себѣ чечотка
Многое внучать:
Двое въ люлькѣ,

20 Въ бирулькѣ,
Качаются,
Двѣ Аленки
Въ пеленкѣ
Свиваются,

25 Два Степана
Въ сметанѣ
Копаются,
Двое сидя сидятъ,
Двое ползя ползутъ,

30 Двѣ Парашки
Кашкой
Питаются,
Двѣ Варюшки
Къ краюшкѣ

35 Подвигаются,
Двое на окошечкахъ сидятъ,

По лепешечкѣ ѣдятъ;
 Помилуй, Боже,
 Моихъ многое внучать!

Зап. мною Тульск. Г. Елиз. У.

15.

Отдае братъ сестру,
 8 Онъ придано сулить:
 Быкъ да козелъ,
 А ще маленькій бычокъ,
 Доморощеночокъ.
 Отдае братъ сестру,
 10 Онъ придано сулить:
 Два быка, два козла,
 А ще быкъ да козелъ,
 Да ще маленькій бычокъ,
 Доморощеночекъ.

Далѣе: три быка, три козла и т. д., пока насчитается десять быковъ,
 десять козловъ.

Сообщ. М. И. Семевакимъ Исков. Г. и У.

16.

15 Безъ меня меня женили,
 Я на мельницѣ былъ,
 Приѣзжаю домой,
 Поздравляютъ съ женой:
 Не коснуть ли мнѣ головой,
 20 Да не трянуть ли бородой,

Для хозяйки молодой?
 Я головушкой коснулся,
 И кудерышкомъ тряхнулся,
 И самъ себѣ улыбнулся.

Зап. мною въ Новгородск. Г. Валдайск. У., въ усадьбѣ Гоголевѣ.

 17.

- 5 Ужь какъ вздумалъ грибъ,
 Загадалъ, де, боровикъ,
 Онъ подъ дубомъ стоячи,
 На всѣ грибы глядючи,
 Онъ наказывалъ,
 10 Онъ приказывалъ:
 Собирайтесь, опенки, на войну ити!
 Отказались опенки:
 У насъ ноги больно тонки, —
 Не идемъ на войну. 2
- 15 Ужь какъ вздумалъ грибъ,
 Загадалъ, де, боровикъ, и пр.
 Собирайтесь, мухоморы, на войну ити!
 Отказались мухоморы:
 Мы, де, сами Сенаторы, —
 2 Не идемъ на войну. 2
- Ужь какъ вздумалъ грибъ,
 Загадалъ, де, боровикъ, и пр.
 Собирайтесь, волнушки, на войну ити!
 Отказались волнушки:
 25 Мы, де, старыя старушки, —
 Не идемъ на войну. 2
- Ужь какъ вздумалъ грибъ,
 Загадалъ, де, боровикъ, и пр.

Собирайтесь, бѣлянки, на войну ити!
 Отказались бѣлянки:
 Мы, де, столбовы Дворянки, —
 Не идемъ на войну. 2

Зап. мною въ Москвѣ отъ 90-лѣтняго Свящ. отца С.

 18.

5 Какъ вздумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ,
 Подъ дубомъ сидючи,
 На всѣ грибы глядючи,
 Грибовъ приглашаючи
 10 На войну воевать. *
 Отказались опенки:
 У насъ ноги очень топки,
 Не повинны мы тому,
 Мы не идемъ на войну.

15 Какъ вздумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ,
 Подъ дубомъ сидючи,
 На всѣ грибы глядючи,
 Грибовъ приглашаючи

---

* Отказались сморчки:
 Мы старые старички,
 Не повинны мы тому,
 Не идемъ мы на войну.

5 Какъ вдумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ и пр.
 Отказались волвянки:
 Мы почетныя гражданки,
 Не повинны мы тому,
 1 Не идемъ мы на войну.

На войну воевать
 Отказались волнушки:
 Мы, де, старыя старушки,
 Не повинны мы тому,
 5 Мы не йдемъ на войну.

Какъ вздумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ,
 Подъ дубомъ сидючи,
 На всѣ грибы глядючи,
 10 Грибовъ приглашаючи
 На войну воевать,
 Отказались волуи:
 Мы господски холуи,
 Не повинны мы тому,
 15 Не идемъ мы на войну.

Какъ вздумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ и др.

Какъ вздумалъ грибъ и пр.
 Приказалъ свинушкамъ на войну ити:
 Отказались свинушки:
 Мы, де, старыя старушки,
 5 Не повинны мы тому,
 Не идемъ мы на войну.

Какъ вздумалъ грибъ и пр.
 Приказалъ рыжикамъ на войну ити:
 Отказались рыжики:
 10 Мы богаты мужики,
 Не повинны мы тому,
 Не идемъ мы на войну.

Какъ вздумалъ грибъ и пр.
 Приказалъ груздямъ на войну ити:
 15 Мы грузди—люди дружны,
 Давайте въ руки ружья,
 Повинны мы тому,
 Идемъ на войну.

Отказались чернушки:
 Насъ заѣли мушки,
 Не повинны мы тому,
 Не идемъ мы на войну

5 Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
 Какъ сказали грузди:
 Мы ребята дружны,
 Повинны тому,
 Мы идемъ на войну.

Зап. въ Москвѣ Г. П. Сорокинскимъ.

19.

10 Грибъ, грибъ боровикъ
 Надъ всѣмъ грибамъ полковникъ,
 Онъ подъ дубомъ сидючи,
 На всѣ грибы смотрючи,
 Онъ приказываетъ,
 15 Онъ отказываетъ,
 Грибамъ на войну нти;
 А мы бѣдныя опенки,
 У насъ ноги больно тонки,
 На войну не идемъ.
 20 А мы бѣдны рыжечки,
 Мы простые мужички,
 На войну не идемъ.
 А мы бѣдныя волнушки,
 Мы богадѣльныя старушки,
 25 На войну не идемъ.
 А мы храбрые грузди,
 Дайте намъ въ руки ружья!
 На войну поидемъ,
 Всѣхъ грибовъ побьемъ.

Зап. въ Торжкѣ Твер. Г. М. С. Олениной.

20.

- Жилъ свѣтъ Васильюшка Путятинскій,
 Енъ трудно больно во постелюшкѣ лежалъ,
 Что не сможа енъ головы поднять:
 Выпилъ чарочку зелена вина,
 5 Съ винца голова весела,
 Со пива просыпанье тяжело,
 Со калачика шейка бѣла,
 Со попряничка румянице,
 Со кисленька поектанійце,
 10 Съ толоконца порыганіице:
 Мнѣ гулятинки не хочется,
 Поросятинка на умъ не йдетъ,
 Захотѣлося говядинки
 Право свѣжьей бычачинки,
 15 Вотъ я крикну свою скорую слугу
 Слугу, свою вѣрную посылочку,
 Ты поди ко мнѣ, скорая слуга,
 Поди вѣрная посылочка,
 Походи по рынку, по дворамъ,
 20 Поцѣпи быка веревкой за рога,
 Доведи быка къ болотійцу,
 Привяжи быка къ сосоночкѣ,
 Приударь быка березенкой,
 Хорошенько съ быка кожу сними,
 25 Половину на куски разрубн,
 А другую на поварню отошли,
 Прикажи мати нажарить, наварить,
 Штобъ до свѣту артель накормить
 Штобы не было пеняльщикова,
 30 А послѣ того жалальщикова,
 Во дворѣ пану не сказывали бѣ;
 Была баба шельмилица,
 Была старая харчевница,
 Ни чаво-то ена не взяла,
 35 Только бычьи рожки да ходилочки;

Хорошо баба выпаливала,
 Чередно яну выскабливала,
 Ету стюдиньку наваривала,
 Па начовочкамъ разлиывала,
 8 На боярушекъ вынахывала,
 А боярушки откухивали.
 Калачомъ яну закусывали,
 Ету стюдиньку похваливали:
 Хороша твоя, бабушка,
 10 Хороша твоя стюдинька! —
 На здоровье вамъ, боярушки,
 На здоровье, кормилицы,
 На здоровье, мои батюшки,
 12 Со великою со сытностью,
 Што со вашего жъ со добрыхъ!

Сообщ. М. Ш. Семеновскимъ Псков. Губ. Опочецк. У.

21.

Дома ль кумъ воробей? —
 Дома.
 Что онъ дѣлаеть? —
 20 Боленъ лежитъ.
 Что у него болитъ? —
 Плечики.
 Сходи, кума, въ огородъ,
 Сорви травы гречки,
 25 Попарь ему плечки! —
 Парила кумушка,
 Его паръ не беретъ,
 Только къ сердцу придаеть.
 Домаль ль кумъ воробей? —
 30 Дома.
 Что онъ дѣлаеть? —

Боленъ лежитъ.

Что у него болитъ? —

Животокъ.

Сходи, кума, въ огородъ,

8 Сорви травки рещеекъ,

Попарь ему животокъ. —

Парила кумушка,

Его паръ не беретъ,

Только къ сердцу придаетъ

10 Дома ль кумъ воробей? —

Дома.

Что онъ дѣлаеть? —

Боленъ лежитъ.

Что у него болитъ? —

12 Пяточки. *

Сходи, кума, въ огородъ —

Сорви травы мяточки

Припарь ему пяточки! —

Парила кумушка,

20 Парила голубушка,

Его паръ не беретъ,

Только къ сердцу придаетъ.

Зап. мною въ Тверск. Г. и У.

22.

Ерема да Оома,

Двое братеньки,

8 Прокуратеньки,

* ... Лыточкн

Сходи, кума, въ огородъ

Сорви травы сныточкн,

Припарь ему лыточкн!

** Какъ Ерема

Изъ Бѣлева,

У нихъ бороды, какъ бороны,
 Усы, какъ кнуты!
 Собирались наши бороны,
 Въ торгъ торговать,
 5 Ерема взялъ полтину,
 А Оома полтора,
 Ерема купилъ лошадь,
 А Оома жеребца:
 Еремина не ѣдетъ,
 10 Оомина не везетъ;
 Ерема-то ножомъ,
 Оома кожу на рожонъ:
 Неудача намъ, Ерема,
 Съ тобой пашеньку пахать,
 15 Лучше станемъ мы, Ерема,
 Съ тобой клѣти ломаты!

 Вотъ Ерема залѣзъ въ клѣтъ,
 А Оома въ амбаръ,
 Ерема схватилъ шубу,

А Оома
 Изъ подъ Орла,
 Оня братнички,
 Рукомысленнички,
 5 Обучилися работу работать,
 По дороженькамъ стоять.
 Какъ Ерема купилъ лошадь,
 А Оома борону,
 Какъ Ерема запрягъ лошадь,
 10 А Оома борону и т. д.
 Неудача намъ, Ерема,
 По дороженькамъ стоять,
 Лучше станемъ мы, Ерема,
 Съ тобой клѣти ломать.
 15 Какъ Оома-то взялъ дубинку,
 А Ерема топора,
 Какъ Еремъ не пришлось,
 А Оомъ не удалось и пр.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У. въ с. Муравленкѣ.

- А Ѡома кафтанъ,
 Ерему ухватили,
 А Ѡому сгребли,
 Ерема убѣжалъ,
 5 Ѡома вырвался;
 Вотъ Ерема-то бѣжить,
 Не оглянется,
 А Ѡома за нимъ спѣшитъ,
 Не разстанется:
 10 Неудача намъ, Ерема,
 Съ тобой кляти ломать,
 Лучше станемъ мы, Ерема,
 Съ тобой Бога молить!
- Вотъ Ерема идетъ въ церковь,
 15 А Ѡома во алтарь,
 Ерема схватилъ ризы,
 А Ѡома стихарь,
 Ерема взялъ кадило,
 А Ѡома свѣчу,
 20 Ерема-то кадитъ,
 Ѡома кланяется.
 Какъ натялся на нихъ
 Да лихо пономарь,
 Вотъ Ерему-то по рылу,
 25 А Ѡому по ноздрямъ,
 Ерема убѣжалъ,
 Ѡома вырвался:
 Неудача намъ, Ерема,
 Съ тобой Бога молить,
 30 Лучше станемъ мы, Ерема,
 Съ тобой рыбу ловить!
- Вотъ Ерема купилъ неводъ,
 А Ѡома бродникъ,
 Вотъ Ерема-то за щуку,
 35 А Ѡома за сома,
 Вотъ Ерема утонулъ,
 И Ѡому потянулъ;

Вотъ Ерема съѣлъ на дно,
 И Оома съ нимъ за(о)дно:
 Вотъ Ерему схоронили,
 А Оому погребли,
 5 Ужъ не выйдутъ изъ земли!

Зап. мною въ Твери отъ 70 лѣтней старухи.

Срав. «Народн. пѣс. Вологод. и Олонец. Г., собр. Студитскимъ. Сиб. 1841.»

23.

Утка Маврушка,
 Селезень Павлушка,
 Кошка Хаврошка,
 Коть Мирошка,
 10 Свинья Апра辛ья,
 Боровъ Василій,
 Телушка Мотрюшка,
 Быкъ Матюшка,
 Кобыла Арина,
 15 Меринъ Гаврило,
 Пестрое рыло.

Зап. Орловск. Г. Елецк. У. А. М. Агаѣоновой.

24.

Сяду, посаду,
 Ко милому сяду,
 Ой ли, да ой!
 20 Еще пересяду,
 На путь на дорожку,

Ой ли, да ой! *
 Гдѣ мой милъ поѣдетъ,
 Меня не проѣдетъ,
 На сивкѣ на буркѣ,
 5 Еще въ Петербургѣ;
 Ременные возжи
 Лежатъ у Егорки,
 Егоркина жонка,
 Скотинкѣ давала,
 10 По имени назвала:
 Корова Матрена,
 А быкъ-то Ерема,
 Козлы-то Микиты,
 А козы Улиты,
 15 Кобыла Ненила,
 Жеребецъ Данила,
 Свиньи Аксины,
 Борова Васильи,
 А ерешки Рюшки,
 20 А барашки Яшки,
 Сучка-то Настушка,
 Песичикъ Петрушка,
 Кошка Солошка,
 Котокъ Агафюшка,
 25 Курочка Федорка,
 Пѣтушекъ Егорка,
 Уточка Анютка,
 Селезень Павлутка,
 Гусынька Гагамка,
 30 Гусачокъ Абрамка.

Зап. мною Псков. Г. Великолук. У. въ с. Федорцов.

---

* Припѣвъ «Ой ли, да: ой» повторяется послѣ каждыѣ двухъ стиховъ.

25.

Кума къ кумѣ приходила,
 Тай, тай, тай, ты, ладо мое! *
 Гостинець приносила:
 Пирогъ во весь столъ,
 5 А кума-то испугалась,
 Да изъ избы вонъ побѣжала:
 Ты постой, кума, не бѣгай,
 Пирога мово отвѣдай:
 Я пудъ муки мѣсила,
 10 Пудъ масла положила,
 Пудъ соли бросила,
 А двадцать утенка,
 Тридцать три цыпленка,
 Пятьдесять поросенковъ.
 15 На дворъ было кутливо.
 А въ избѣ дымливо,
 Жеребя было игриво,
 Тутъ же въ пирогъ заскочило. —
 По чему же, кума, узнада? —
 20 Жеребя въ печи заржало.

Зап. мною въ Москвѣ отъ старой няни.

26.

На улицѣ ромада, мада, мада,
 Жена мужа продала, дала, дала,
 Не дорого да взяла, взяла,
 Съ полтиною полтора, тора, тора;
 25 Купила три коня, коня, коня,
 Воспахала три поля, проля, поля,

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

- Настѣяла житарю, тарю, тарю,
 Надѣлала солоду, лоду, лоду,
 Наварила пиварю, варю, варю,
 Зазвала гостей, гостей, гостей,
 8 Гости пиво выпили, пили, пили,
 Хозяюшку увели, вели, вели,
 Привязали ко ели, ели, ели,
 Прибѣжали кобели, бели, бели,
 Растащили по ногѣ, ногѣ, ногѣ,
 10 Куды руку, куды ногу, ногу, ногу,
 Куды туловище, вище, вище.

Зап. мною Тверск. Г. Новоторжск. У. въ с. Селиховѣ.

27.

- Жилъ я у пана,
 У того у свѣта,
 Жилъ я у пана
 15 На первое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Куручку себѣ:
 Моя курка
 Черношейка
 20 По двору ходила,
 Хохолъ надымала,
 Пана спотѣшала.
 Страмъ, страмъ, страмъ!
 Курица моя,
 25 Хохлатенькая,
 Шулды, булды, бухъ,
 Какъ разъ!

 Жилъ я у пана,
 У того у свѣта,
 30 Жилъ я у пана

На второе лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Уточку себѣ:
 Моя утка
 5 Водоплавка,
 Моя курка
 Черношейка
 По двору ходила,
 Хохолъ надымала,
 10 Пана спотѣшала.
 Страмъ, страмъ, страмъ!
 Курица моя,
 Шулды, будды, бухъ,
 Какъ разъ!

15 Жилъ я у пана и т. д.
 На третье лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Гуся себѣ:
 Мой гусь
 20 Возлѣ усъ,
 Моя утка и т. д.

Жилъ я у пана и пр.
 На четвертое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 25 Индюшку себѣ:
 Мой индюкъ
 Шлепендюкъ,
 Мой гусь и пр.

Жилъ я у пана и т. д.
 30 На пятое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Барана себѣ:
 Мой баранъ
 Таварганъ,

Мой индюкъ
Шлепендюкъ и пр.

Жилъ я у пана и пр.
На шестое лѣто,
5 Выжилъ я у пана
Свинку себѣ:
Моя свинка
Черноспинка,
Мой баранъ
10 Таварганъ и пр.

Жилъ я у пана и т. д.
На седьмое лѣто,
Выжилъ я у пана
Козу себѣ:
15 Моя коза
Сорветъ съ воза,
Моя свинка
Черноспинка,
Мой баранъ
20 Таварганъ,
Мой индюкъ
Шлепендюкъ,
Мой гусь
Возлѣ усъ,
25 Моя утка,
Водошлавка
Моя курка
Черношейка
По двору ходила,
30 Хохолъ надымала.
Пана спотѣшала.
Страмъ, страмъ, страмъ!
Курица моя,
Хохлатенькая,
35 Шулды, булды, бухъ,
Какъ разъ!

28.

Жилъ я у пана
 По первое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Куринку себѣ:

8 Моя курка
 По двору ходитъ,
 Цыплятъ водитъ,
 Хохолъ воздымаетъ,
 Пана спотѣшаетъ,
 10 То-то курка моя!

Жилъ я у пана
 По другое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Уточку себѣ:

15 Моя утя
 Водомутя,
 Моя курка
 По двору ходятъ и пр.

Жилъ я у пана
 20 По третье лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Гусыньку себѣ:

Мой гусь
 Водомусь,
 25 Моя утя
 Водомутя,
 Моя курка
 По двору ходитъ,
 Цыплятъ водитъ,
 30 Хохолъ воздымаетъ,
 Пана спотѣшаетъ,
 То-то курица моя!

Объ зап. мною въ Твери.

29.

Жилъ я у пана
 Первое лѣто,
 Далъ же мнѣ панъ
 Курочку за это:
 5 Моя курочка
 Чернушечка
 По двору ходитъ,
 Цыплятъ водитъ,
 Хохолъ подымаетъ,
 10 Пана угѣшаетъ,
 Курочка,
 Чернушечка!

Жилъ я у пана
 Второе лѣто,
 15 Далъ же мнѣ панъ
 Кочета за это:
 Мой кочетъ
 Куриць топчетъ,
 Моя курочка и пр.

На третье лѣто онъ получаетъ утку водоплавку.

20 Жилъ я у пана
 Четвертое лѣто,
 Далъ же мнѣ панъ
 Гуся за это:
 Мой гусь
 25 Поди въ Русь,
 Моя утка
 Водоплавка и пр.

На четвертое лѣто получаетъ онъ барана.

Мой баранъ
 По горамъ,
 30 Мой гусь
 Поди въ Русь и пр.

Жилъ я у пана
 Пятое лѣто,
 Далъ же мнѣ панъ
 Козочку за это:
 5 Моя козя
 Урви съ воза,
 Мой баранъ
 По горамъ и пр.

Жилъ я у пана
 10 Седьмое лѣто
 Далъ же мнѣ панъ
 Корову за это:
 Моя корова
 Златорога,
 15 Моя коза
 Урви съ воза и пр.

Зап. М. А. Тетлевымъ въ Твери.

 30

Жилъ я у пана
 Первое лѣто,
 Далъ же мнѣ пане
 20 Курочку за это:
 Моя курочка,
 Хохлушечка,
 Чернушечка,
 По двору ходитъ,
 25 Цыплятъ водитъ,
 Хохоль надымаеть,
 Пана утѣшаеть.

Жилъ я у пана
 На второе лѣто,
 30 Далъ же мнѣ пане,
 Кочета за это:
 Мой кочеть

Курку топчеть,
Моя курочка
Хохлушечка, и пр

Жилъ я у пана
7 На третье лѣто,
Даль же миѣ пане
Уточку за это:
Моя утя
Водоплутя, и пр.

10 Жилъ я у пана
На четвертое лѣто,
Даль же миѣ пане
Гуся за это:
Мой гусь
12 Подлѣ усъ,
Моя ути
Водоплутя и пр.

Жилъ я у пана
На пятое лѣто,
20 Даль же миѣ пане
Барана за это:
Мой баранъ
По горамъ,
Мой гусь
22 Подлѣ усъ, и пр.

Жилъ я у пана
На шестое лѣто,
Даль же миѣ пане
Теля за это:
30 Мое теля
Хвостомеля,
Мой баранъ
По горамъ, и пр.

Зап. мною въ Москвѣ отъ 90-лѣт. старика.

31.

Жилъ я у пана
 По первое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Курицу себѣ:

8 Моя курка
 Потатурка
 По двору ходитъ,
 Хохолъ пыдымаеть,
 Бояръ утѣшаетъ.

10 Жилъ я у пана
 По второе лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Гуся себѣ:
 Мой гусь

15 П отри усъ,
 Моя курка
 Потатурка, и пр.

Жилъ я у пана
 По третье лѣто,

20 Выжилъ я у пана
 Утку себѣ:
 Моя утка
 Поплавутка,
 Мой гусь

25 Потри усъ и пр.

Жилъ я у пана
 По четвертое лѣто,
 Выжилъ я у пана
 Барана себѣ:

30 Мой баранъ
 По горамъ,
 Моя утка
 Поплавутка,

Мой гусь
 Потри усъ,
 Моя курка,
 Потатурка
 8 По двору ходить и пр.

Зап. Г. Ш. С. въ Москвѣ.

32.

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ тороговать,
 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 10 Купимъ мы, женушка, курочку,
 Курочка по сѣнюшкамъ
 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ пировать,
 15 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 Купимъ мы, женушка, пырочку:
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 Курочка по сѣнюшкамъ
 20 кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ торговать,
 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 25 Купимъ мы, женушка, уточку:
 Уточка госко, поско!
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 Курочка по сѣнюшкамъ
 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ торговать,
 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 5 Купимъ мы, женушка, гусыньку:
 Гусынька га-га, га-га!
 Уточка госко, поско!
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 Курочка по сѣнюшкамъ
 10 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ торговать,
 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 15 Купимъ мы, женушка, свиночку:
 Свиночка шугры, мугры!
 Гусынька га-га, га-га!
 Уточка госко-поско!
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 20 Курочка по сѣнюшкамъ
 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ городъ торговать,
 Станемъ мы, женушка,
 25 Домикъ наживать,
 Купимъ мы, женушка, кошечку:
 Кошечка мяу, мяу!
 Свиночка шугры, мугры!
 Гусочка га-га, га-га!
 30 Уточка госко-поско!
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 Курочка по сѣнюшкамъ,
 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Поѣдемъ мы, женушка;
 35 Въ городъ торговать,

Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 Купимъ мы, женушка, корову:
 Корова му, му, му, му!
 5 Кошечка мяу, мяу!
 Свинushка шугры, мугры!
 Гусочка га, га, га, га!
 Уточка госко-поско!
 Пырочка пырь, пырь, пырь!
 10 Курочка по сѣюшкамъ
 Кудахъ, тахъ, тахъ!

Зап. въ Тульск. Г. А. М. Агафоной.

33.

Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 Поѣдемъ, сударыня,
 15 Въ торгъ торговать,
 Купимъ мы, женушка,
 Курочку себѣ:
 Курочка по сѣнюшкамъ
 Трюхъ, тюрюрюхъ!

20 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 Поѣдемъ, сударыня,
 Въ торгъ торговать,
 Купимъ мы, женушка,
 25 Уточку себѣ:
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ
 Трюхъ, тюрюрюхъ!

Станемъ мы, и пр.
 Купимъ мы, женушка,
 Коночку себѣ:
 Коночка динь, динь, динь!
 5 Уточка съ носка плоска, и пр.

Станемъ мы, женушка, и пр.
 Купимъ мы, женушка,
 Гусинка себѣ:
 Гусинка по сѣнюшкамъ
 10 Га, га, га, га!
 Коночка динь, динь, динь! и пр.

Станемъ мы, женушка, и пр.
 Купимъ мы, женушка,
 Козочку себѣ:
 15 Козинька шарды, барды!
 Гусинька по сѣнюшкамъ
 Га, га, га, га! и пр.

Станемъ мы, и пр.
 Купимъ мы, женушка,
 20 Барашка себѣ:
 Барашекъ бе, бе, бе!
 Козинька шарды, барды,
 Гусинька по сѣнушкамъ
 Га, га, га, га! и проч.

25 Станемъ мы, женушка,
 Домикъ наживать,
 Поѣдемъ мы, женушка,
 Въ торгъ торговать,
 Купимъ мы, женушка,
 30 Бычинка себѣ:
 Бычинка бу, бу, бу!
 Барашекъ бе, бе, бе!
 Козинька шарды, барды!
 Гусинька по сѣнюшкамъ
 35 Га, га, га, га!

Коночка динь, динь динь!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по свиюшкамъ
 Трюхъ, тюрюрюхъ!

Зап. Тул. Г. Епиф. У. въ с. Вуйцахъ Д.

34.

ъ Побѣжалъ нашъ дурында
 Въ чужую деревню,
 Въ чужой-то деревнѣ
 Овинъ молотили,
 Тутъ нашъ дуракъ сказалъ,
 10 Тутъ-то молвилъ:
 Создай вамъ, Боже,
 Съ овина по овсинѣ,
 А съ копны три зернины!
 Тутъ его били,
 15 Тутъ его колотили.

Побѣжалъ нашъ дурында
 Въ свою-то деревню:
 Баба, ты баба,
 Жена молодая!
 20 Тамъ меня били,
 Тамъ и колотили
 Дура, ты дура,
 Дура полевая!
 Ты бы тутъ, дуракъ, сказалъ:
 25 Создай вамъ, Боже,
 Носить, не переносить,
 И возить, не перевозить!

Побѣжалъ нашъ дурында
 Во чужую деревню,
 30 Въ чужой-то деревнѣ

Родителя несутъ,
 Тутъ нашъ дуракъ и сказалъ:
 Создай вамъ, Боже,
 Носить, не переносить,
 5 Вozить, не перевозить;
 Тутъ его били,
 Тутъ его колотили.

Побѣжалъ нашъ дурында
 Во свою деревню:
 10 Баба, ты баба,
 Жена молодая!
 Тамъ меня били,
 Тамъ меня колотили.
 Дура, ты дура,
 15 Дура полевая!
 Ты бы тутъ, дуракъ, и молвилъ:
 Вѣчная память,
 Царство небесно!

Побѣжалъ нашъ дурында,
 20 Въ чужую деревню,
 Въ чужой-то деревнѣ
 Свадьбу играютъ,
 Тутъ нашъ дуракъ сказалъ:
 Вѣчная память,
 25 Царство небесно!
 Тутъ его били,
 Тутъ его колотили.

Побѣжалъ нашъ дурында
 Въ свою деревню:
 30 Баба, ты баба,
 Жена молодая!
 Тамъ меня били,
 Тамъ меня колотили.
 Дура, ты дура,
 35 Дура полевая!

Ты бы, дуракъ, плясалъ,
Ты бы, дуракъ, скакалъ.

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню,
5 Въ чужой-то деревнѣ
Овны горять,
Тутъ нашъ дуракъ плясалъ,
Тутъ нашъ дуракъ скакалъ,
Тутъ его били,
10 Тутъ его колотили.

Побѣжалъ нашъ дурында
Во свою деревню:
Баба, ты баба,
Жена молодая!
15 Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.
Дура, ты дура,
Дура полевая!
Ты бы тутъ, дуракъ, съ ведромъ,
20 Ты бы тутъ, дуракъ, съ водой.

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню,
Въ чужой-то деревнѣ
Мужикъ свинью палить,
25 Тутъ нашъ дуракъ съ ведромъ,
Тутъ нашъ дуракъ съ водой,
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.

Побѣжалъ нашъ дурында
30 Въ свою деревню:
Баба, ты баба,
Жена молодая,
Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.

Дура, ты дура,
 Дура полевая!
 Ты бы тутъ, дуракъ, сказалъ:
 Рѣпа тебѣ мясо,
 5 Въ праздникъ разговѣться,
 Тѣмъ и заговѣться!

Побѣжалъ нашъ дурында
 Въ чужую деревню,
 Въ чужой-то деревнѣ
 10 Мужикъ кобылу деретъ,
 Тутъ-то нашъ дуракъ сказалъ:
 Рѣпа тебѣ мясо;
 Въ праздникъ разговѣться,
 Тѣмъ и заговѣться!
 15 Тутъ его били,
 Тутъ его колотили.

Зар. мѣсто въ Твери.

Срав. Курши Данилова: «Древн. Рос. стихотв., изд. 1818 г. Моск., стр. 390.»

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

■.

- Служилъ я пану
По первое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Курочку за это:
- 5 Моя курочка
Гей, гей, да зюсюлечка;
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаеъ.
- 10 Пана утѣшаеъ,
Курочка!
- Служилъ я пану
По второе лѣто,
Далъ же мнѣ пану
- 15 Уточку за это:
Моя утка
Водоплавка,
Моя курочка
Гей, гей, да зюсюлечка и пр.
- 20 Служилъ я пану
По третье лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Гуся за это:
Мой гусь
- 25 Подлѣ усь,
Моя утка
Водоплавка и пр.

Служилъ я пану
 По четвертое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 Порося за это:
 5 Мое порося;
 Лежа прося,
 Мой гусь
 Подлѣ усь, и пр. ●

Служилъ я пану
 10 По пятое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 Козочку за это:
 Моя коза
 Спала съ воза,
 15 Мое порося
 Лежа прося, и пр.

Служилъ я пану
 По шестое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 20 Барана за это:
 Мой баранъ
 По горамъ,
 Моя коза
 Спала съ воза, и пр.

Служилъ я пану
 По седьмое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 Телятко за это:
 Мое теля
 30 Хвостомъ меля,
 Мой баранъ
 По горамъ и пр.

Служилъ я пану
 По осьмое лѣто,

Далъ же мнѣ пану
 Корову за это:
 Моя корова,
 Будь здорова!
 8 Мое теля
 Хвостомъ меля и пр.

Служилъ я пану
 Девятое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 10 Кобылу за это:
 Моя кобыла
 Черногрива,
 Моя корова,
 Будь здорова! и проч.

15 Служилъ я пану
 Десятое лѣто,
 Далъ же мнѣ пану
 Коника за это:
 Мой конь
 20 Возитъ въ домъ,
 Моя кобыла
 Черногрива,
 Моя корова,
 Будь здорова!
 25 Мое теля
 Хвостомъ меля,
 Мой баранъ
 По горамъ,
 Моя коза
 30 Спала съ воза,
 Мое порося
 Лежа прося,
 Мой гусь
 Подлѣ усь,
 35 Моя утка
 Водоплавка,
 Моя курочка,

Гей, гей, да зюзюлечка,
 По двору ходитъ,
 Цыплятъ водитъ,
 Хохолъ надымаеъ,
 5 Пана утѣшаеъ,
 Курочка!

Изъ «Собр. грѣс., Новикова. Москва, 1783 г.»

2.

Служыѣм у pana на pierwsze lato,
 Wysłужыѣм sobie kokosku za to,
 Moja kura
 10 Złotopióra
 Po sędzie chodziła,
 Kurczęta wodziła,
 Hej, hej, moja kuryca!

Служыѣм у pana на drugie lato,
 15 Wysłужыѣм sobie scygielka za to,
 Mój scygielek dziobie mak,
 Moja kura
 Złotopióra
 Po sędzie chodziła,
 20 Kurczęta wodziła,
 Hej, hej, moja kuryca!

Служыѣм у pana на trzecie lato,
 25 Wysłужыѣм sobie kacusia za to,
 Moja kacka mówi tak,
 Mój scygielek dziobie mak,
 Moja kura
 Złotopiora,
 Po sędzie chodziła,
 Kurczęta wodziła,
 30 Hej, hej, moja kuryca!

Służyłem u pana na ozwańte lato,
Wysłużyłem sobie gąseczkę za to:

Moja gęś,
Kuprem trzęś,

8 Moja kaczką mówi tak,
Mój scygielek dziobe mak,...

Moja kura i
Złotopióra.

Po sadzie chodziła, 11

10 Kurczęta wodziła,
Hej, hej, moja kurcyca!

«Piesni ludu Krakowskiego, zebrał J. Konopka.. W Krakowie, 1840; стр. 157.»

3.

Породила чечотка

Семерыхъ дѣтей:

Евдосью,

15 Ѳедосью,

Варвару,

Марину,

Еврію,

Марію,

20 Настасью свою!

Вскормивши, возрадивши.

Замужъ отдаеть:

За Захара Евдосью,

За Макара Ѳедосью,

25 За Ивана Варварину,

За Семена Марину,

За Егора Еврію,

За Демида Марію,

Настасью свою.

30 Стрѣжно, больно,

Къ нимъ прѣѣхали:

Изъ Кіева панъ Грицко,

Изъ Кракова панъ Стецко,

Изъ Полтавы панъ Куцай,

- Изъ Лубенъ панъ Бублинко,
 И Сивернико.
 Были тутъ гости
 Отборные всѣ,
 5 Во червонныхъ чеботахъ,
 Во зеленыхъ колпакахъ,
 Во золотыхъ поясахъ,
 Во червонныхъ жупанахъ,
 И въ перевязяхъ.
- 10 Какъ вызывали,
 Воспѣвали:
 Альтисты,
 Басисты,
 Тенористы,
 15 Дишкантисты,
 Въ сопели,
 Въ свирѣли,
 Со бандорами,
 Вкругъ колечкомъ,
- 20 Хороводами.
 Скакали,
 Плясали,
 Игнали,
 Танцовали,
 25 Варенуху подпивали,
 Фурдане охмѣлялись,
 И горѣлкою.
 Возгласили,
 Возносили,
 30 Господину чечоту,
 За такую охоту,
 За панью чечотку,
 За такую работку,
 И зятей, и дѣтей,
 35 И пріѣзжихъ всѣхъ гостей,
 Настасью свою!

Изъ «Собр. разн. пѣс. Москва. 2. изд., IV ч. № 149.»

Ш

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

WIDOK PRZEMOCY

na słabą niewinność srogo wywartej.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

О

СОБЫТІЯХЪ НА ВОЛЫНИ И ПОДОЛѢ

ВЪ 1789 ГОДУ,

ФЕОДОСІЯ ВРОДОВИЧА,

АРХИПРЕСВИТЕРА ГРЕЧЕСКАГО УНІЯТСКАГО КАПИТУЛА ЛУЦКАГО.

WIDOK PRZEMOCY
na słabą niewinność
SROGO WYWARTEJ
roku 1789.

Widziałem pod ciężkim ciężarem dusze pobitych dla słowa Bożego, i dla świadectwa, które miały.—I wołały głosem wielkim, mówiąc: dokądże, Panie święty i prawdziwy, nie sądzisz i nie mścisz się krwie naszej nad tymi, co mieszkają na ziemi?—I dano każdemu z nich po szacie białej, i powiedziano im, aby jeszcze odpoczęły na mały czas, ażby się też wypełniłi towarzysze ich i bracia ich, którzy mają być pobici jako i oni.

Objawienia św. Jana VI, 9—11.

LIST

do WX. Oficyała Gr. Kat. Kapituły Lwowskiej,
JX. Michaila Harasiewicza. *

Perillustris, Reverendissime Domine,

Patrone Colendissime!

Wielkie przymioty WWMgo Pana Dobrodzieia, które wielbi odgłos powszechny, oraz te dowody łask, iakie w proźbach moich skutecznie okazywać raczyłeś, zapalały we mnie zawsze chęć do osobistego z Nim poznania się, aby mi tym zreczniej było przyłożyć się do szacunku Jego y okazania wdzięczności, Mu winney. Lecz gdy mnie to szczęście chybiło, a z kolei wypadło bydy już na brzegu życia ludzkiego, y tym pewniejszy śmierci, że y Doktorzy y siły mnie opuściły, żegnając tedy moich przyjaciół, żegnam oraz y WWM Pana Dobrodzieia; a w dowód szacunku, któren miałem zawsze ku osobie Jego, y mieć go chęć po śmierci moiej, posyłam Mu książkę, albo raczej okropnego przesładewania Historyą, która mnie do terazniejszego stanu przywiodła, w iakim iuż będącemu nie zostaje, tylko prosić WWM Pana Dobrodzieia, abys raczył u ołtarza Pańskiego pamiętać o duszy moiej. Szlę ostatni Mu wyraz szacunku y poważania Mego

Perillismi Revdmi-Dni,

Patroni Colendissimi,

Servus humillimus

Theodosius Brodowicz,

Archipresbyter Luceoriens.

---

* Письмо писано рукой брата Θεοδοσιѣва, Самеона Бродовича, кромиъ собственно-ручной подписи подъ письмомъ: «Theodosius Brodowicz.»

LIST

Szymona Brodowicza do X. Harasiewicza.

Dię 25 Januarii, 1804 A-o. Skurcze.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

J. Xiądz Archiprezbiter Kapituły Łuckiej, brat mój, będąc zawsze pełen naywyższego czacunku dla WWMśc Pana Dobrodzieia, a z tym sentymentem idąc y do grobu, nie zapomniał oświadczenia chęci swoich na piśmie Mu zostawić, oraz dzieła swego w manuskrypcie, iakowe zdarzona okoliczność fatalna mu podyktowała, przesłać WWMśc Panu Dobrodzieiowi zalecić. Ja, pełniąc ostatnią wolę brata moiego, mam honor uwiadomić Pana, że od dnia 13 Maia v. s. 1803, żyć przestał, a list zostawiony y księgę przesyłając, łączę oświadczenie, pełne respektu y uszanowania, y z tym się piszę

WWMśc Pana Dobrodzieia

nayniższym sługą

Szymon Brodowicz.

PRZEDMOWA

Y WYKŁAD CAŁEGO PISMA.

Jasna prawda nie potrzebuie wywodu; sama mówi za sobą, y najokropnieysze wydarzenia działy się pod okiem, których świeża pamięć y krwawe ślady ieszcze są nie zatarte. Wiek ósmnasty własnie przy końcu swoim, wiek oświecony tyle na samą ludzkość okazał nieczułości, żeby go sprawiedliwie z wiekiem, który kiedy był najciemniejszy y najdzikszy, połączyć można.

Znaydziesz, Czytelniku, świadectwa, wypytania, a nawet świadków żyjących, nad których okolicznościami zadziwisz się. Przeczytasz dekreta, ostrym żelazem napisane, dostrzeżesz wszędzie gwałtu, iesli nie nastrojnym okiem patrzeć będziesz.

Lecz ieżeli masz uprzedzonym czytać umysłem, porzuć to pismo natchmiaszt, y nie czytaiąc falszywym osądz. Lepiej powiedz, że słońce w południu nie świeci, że rzeki z dołu płyną do góry, y że zmysły wszystkich ludzi mogą być razem oszukane.

Natym już kończy się cała przedmowa, którą zwyczajnie na czele każdego dzieła, pismem obiawionego, kładą; a zamiast onéy, otwieram ci widok przemocy, na słabą niewinność srogo wywartéy. Żebyś atoli całą iéy okropność poznał, trzeba nieco czas upłyniony cofnąć, y wyżej ten rysunek obaczyć, z którego smutny teraz zrobił się obraz.

II

Po wstąpieniu na tron Stanisława Augusta roku 1764, nie wię-
cący nad lat trzy, trwała spokojność kraiowa; kto ją zerwał y z iakich
przyczyn? nie należy to do zamiaru dzieła ninieyszego. Nastąpiła Konfe-
deracya Barska pod przewodnictwem Krasinśkiego y Puławskiego
Zamieszanie powszechne było przyczyną podniesienia buntu w odległych
częściach Ukrainy przez pospólstwo. Kozak Żeleznik, kupę hultaiów
zgrupadziwszy, wyszedł z Zaporozża y podstąpił pod Humanń, miasteczko
dziedziczne Franciszka Potockiego, Woiewody pod ów czas Kijow-
skiego. Kozak Honta tegoż pana w Humaniu, wszedłszy w spisek z Że-
leznikiem, otworzył bramę do miasteczka, przyjął hultaiów, y nieszczę-
śliwych obywatelów, tam schronionych, bez względu na wiek y płeć,
nie przepuszczając kapłanom y zakonnikom obojga obrządków katolic-
kich, okrutną rzezią wytępił. Jak daleko to się okrucieństwo rozsze-
rzyło, y iak wiele duchowieństwa Ruskiego w nim zabito, obaczyć proszę
w Sumaryuszu manifest, położony pod literą A, y pod tąż literą mani-
fest Kozaków.

Kto czyta dzieie kraiove, y przypominć zechce owego Bohdana
Chmielnickiego, nie będzie mu dziwny takowego tyraństwa w Ukrainie
przypadek; temu iednak dziwić się należy, że marszałkowie Konfe-
deracyi Barskiéy, wyżey wspomnieni, uwierzyli potwarzy na duchow-
ieństwo zjednoczone Ruskie, złośliwie narzuconéy, iakoby oni na spo-
wiedziach namawiali pospólstwo do podniesienia gwałtownych rąk na
swoich panów y ich namieśników. O czym tychże marszałków list okol-
ny, do Biskupów Ruskich pisany, świadczy w Sumaryuszu pod literą B.

W tym samym czasie, kiedy hultaystwo krew ludzką nieszczędną
rozlęwało, wszczęło się powietrze w kraiu, a Biskupi Ruscy iak mogli
nayprędszą upatrzeć sposobność, zjechali do Lwowa, y tam w aktach
publicznych uroczyste swoiéy y swego kleru niewinności uczynili 'oświad-
czenie. Odsyłam do Sumaryuszu pod literą C.

Sami zaś z duchowieństwem udawszy się do Pana zastępów, wkrót-
ce oglądali koniec téy dwoiakiéy klęski, to iest: powietrza y rzezi
Powietrze w Woiewództwach Ruskich, ile Wołoszczyźnie przyległych
z okazyi woyny Tureckiéy rościagnione, w roku 1770 zupełnie usta-

III

ło; a bunt Ukraiński, przez połapanie y wytracenie herasztów (do których schwytania y sami Moskale dopomogli), zniszczony został. Rosproszona też y Konfederacya Barska, po dopełnionym gwałcie Roku 1771, dnia 3-go 9-bra, na osobie Króla, z hańbą narodu.

Na mieysce zamieszania nastąpiła spokoynność pożądana; lecz y ta nie długo trwała, mianowicie w Woiewodztwach Kijowskim y Braolawskim. Nieunicy, na mocy traktatu, w roku 1778 między Rossyą a Rzeczpospolitą zawartego (ponieważ prawo im dozwoliło cerkwie, po roku 1717 do Unii zagarnione, z parafialnym ludem na powrót do swoihey zabierać jurysdykcyi), parochów obrządku zjednoczonego Ruskiego od parafii y funduszów cerkiewnych oddalali, a dobrowolnie ustępować nie chcących mocą kommend Rossyjskich rugowali, od żon, dzieci y majątków w niewolę zabierali.

Nie chcę wyszczególniać obywatelów, dobra w Ukrainie dziedziczących, którzy swoich poddanych do odstąpienia Unii przymusili. Piszę w tym wieku, gdzie wszyscy wiedza, że interes osobisty śmiało najsłabsze stanu y Religii zwykł targać obowiązki.

Napełnione były więzienia w Berdyczowie, w Połonnym Wielkim kapłanami, pod strażą woyska Rossyjskiego scisle trzyznanými, o czyn y swieża pamięć. y same tych więźniów listy do Józefa Garampiego, na ów czas Nunciusza Apostolskiego, w Polszcze będącego, pisane, y jego odpisy, do nich przesyłane, swiadczą, z których odpisów daie się wiedzieć, za czym dopięro ustawieniem się więźniowie kilkoletni na wolność wyszli, a nie zastawszy domów y majątków swoich, nie mogąc innych mieć parafii, gdzieby się natychmiast umieścili, długo potym, z rąk miłości Chrzesciainskihey, dla siebie y swoich domowników szukali pozywienia. Obacz w Sumaryuszu pomienione listy pod literą D.

Minęła przecież y ta nawalność; uznano duchowienstwo Ruskie, dosyć gorliwie do zjednoczenia przywiązane; słyszano czasem na Seymie senatorskie y poselskie mowy z pochwałą dla kleru tegoż.

To było właśnie przyczyną, że Król Jegomość, żądaiący w każdym stanie poddanym swoim okazać dowód łaski y osobliwszhey dobroci

IV

swego serca, do proźb Jasona Smogorzewskiego, Arcybiskupa Metropolity całej Rusi, łaskawie skłoniony, wstawić się raczył do stolicy Apostolskiej, aby przedniejszych nauką y zasługami z tegoż duchowieństwa mężów, nadgradzając ich prace, y do podobny zachęcając innych, nowym jakim ozdobiła zaszczytem. Dla tego Ojciec Sw. Pius, tego imienia VI, dla trzydziestu w hierarchii kapłanów prawo noszenia widocznych ozdób, na wieczne czasy wydać rozkazał, y onych szafunek w rękę Metropolitów złożył. Obacz w Sumaryuszu pod literą E.

Już się zdawało, że kler Ruski pewnym jest na zawsze swoich prerogatyw, już miłość y szacunek w obywatelstwie znajdował, już pierwsze z tegoż kleru osoby znamiona łask stolicy Apostolskiej y Królewskiej na sobie nosily, już na ostatek po śmierci Cyprjana Steckiego w roku 1786, dnia 25 miesiąca Grudnia, starego kalendarza, nastąpony, gdy Koadjutor jego, Michał Stadnicki, dla swojej słabości, rządów Katedry Łuckiej, obić sposobny nie był, ¹ widziano na téż katedrze przybranego z pomiędzy kleru świeckiego Koadjutora z następstwem y administratora z zupełną jurysdykcją, w osobie Stefana Lewińskiego, pierwéy na Biskupstwo Tegieyskie zagraniczne z tytułem Suffragana Metropolii wyświęconego. Otoż po srodku tych pomysłności znagła, iak błyskawica iaka, nierównie większa, niż była kiedy, na tenże kler Ruski powstała burza.

Rok 1789 był hasłem nigdy dotąd nie wydarzonych nieszczęśliwości, które tym są okropniejsze, że z początków, do zamieszania naymniéy nie podobnych, a z okoliczności nie tylko obojętnych, ale całkowicie niewinnych, wyniknęły.

Pocztaki te są: Rossya, z Turczyнем wojująca, chciała mieć tu, na Rusi, swoje magazyny; na ten koniec żądała za gotowe pieniądze sku-

¹ Michał Stadnicki z Woiewództwa Sieradzkiego, nayprzód powołaniem Pijar, z Pijara Xiądz świecki, Kanonik Lucki, a potym Krakowski, następnie z Mazura Rusin, Profess Bazylian Monasteru Supraślskiego, na ostatek Koadiutor Biskup Łucki y Ostrogski, w różnyh stanach y obrządkach człowiek dał poznać, że w tyle odmianach scisłym nie zatrudniał się rozmysłem, po śmierci zaś Koadiuta swojego cale rwaryował.

pować furazę. Obywatele zaś, uważając znaczny nieurodzaj kraiovy, a przeto zboża drożyznę, ustanowili kommissyą furazową, przepisali iéy obowiązki, wyznaczyli cenę różnego zboża, y wielość korcy, które każda okolica nie pierwiéy do magazynow Rossyiskich ma dostawić, aż za ten furaz do rąk kommissarzów wyliczona xypełna będzie zapłata.

Ta ostrożność, mianowicie w woiewodztwie Wołyńskim, tyle skutkowała, że przełożeni magazynów Rossyiskich, nie chcąc tak drogo kupować, odrzekli się furazów, y, iak pospolicie bywa, z nieukontentowania odgrządzali się na obywatelów Wołyńskich, co im dawało do myślenia, że od Moskwy czegoś dla siebie nie pomyślnego spodziewać się maia.

Także y Seym Roku 1788, w Warszawie pod Konfederacyą zaczęty, różne czynił wyobrażenia; owe posłów y senatorów bardzo żywe naprzeciw Moskwie mowy, y groźny iéy pełnomocnemu zapowiedzi, owe woysk kraiowych do stu tysięcy pomnożenie, owe rady nieustaiący, na różne departamenta podzielonéy, zniszczenie, y zupełna wnątrznego rządu, przeciwko traktatowi, roku 1768 zawartemu, odmiana, były więcéy niż dostateczne przyczyny uformowania zdań rozmaitych, według rozmaitego sposobu myślenia. Te atoli zdania, aczkolwiek między sobą różne, zawsze się zgadzały na to, że Moskwa, prędzéy czy późniéy, iesli nie otwarcie, to skrycie, użyć sposobów nie zaniedba, aby swą plantę wywróconą na nogi postawiła. Do czego że się bydz zdaie naypochopnieyszym srodkiem zamieszanie kraiu, tego się więc naprzód od Moskwy spodziewać y obawiać zaczęto.

Okoliczności zaś, które nie tylko obojętnemi, lecz cale niewinnemi nazywam, są te: Od dawnych czasów markietanie Rossyiscy (których wiele osiadło y w tuteyszych kraiach pod imieniem Piliponów) z różnemi towarami w kray Polski przyjeżdżali. Widziano ich po miastach, miasteczkach, a nawet po wsiach, po dworach, plebaniach y karczmach chustki, pasy, gospodarskie noże, mydła, kitaie, płucienka y inne rzeczy przedaiących; ich liczby, ich przestawania, bawienia się, y noclegów nikt przedtym nie uważał; bo żadnego o nich nie było podeyrzenia, jani go mieć y teraz należało, kiedy przez Celne Komory do kraiu są puszczeni.

VI

Położywszy tedy to za fundament, że Moskwa zacznie swą zemstę od zamieszania krain, dalszy uformowano wniosek, że do téy czynności używa swoich markietanów.

Puszczono nayprzód odgłos, że dwa tysiące wózków, a przy każdym po dwu markietanów, w kray Polski weszło. Zaczęto szpiegować, co sprzedają, gdzie się bawią y noclegują. Rewidowano ich towary, naleziono także, iakie y dawniey były, a między temi gdy noże gospodarские obaczono, wzięto za dowód, iakby już oczywisty, że oni są wysłani na wykonanie rzezi podobnéy, iaka się w Humaniu przed dwudziestu laty wydarzyła.

Aże ciż markietanie nayeściej u kapłanów noclegi mieli, dla lepszego bezpieczeństwa swoich towarów, przeto wniesiono, że oni popów, a popi chłopów, do podniesienia buntu namawiają.

Powszechna za tym z uprzedzenia samego trwoga zgromadziła tak kommissarzów furażowych, iako y innych wielu obywatelów do miasta Łucka. Naradzano się o sposobach odwrócenia wiszącéy zguby. Wysłano sztaffetę do Stanów seymniących, donosząc o tym z taką żywoscją, iaką przytomna dyktowała boiaźń, y razem podano propozycye, iakimi środkami można by publiczne utrzymać bezpieczeństwo.

Stany seymujące, zawierając temu doniesieniu, tych samych kommissarzów furażowych autoryzowały do utrzymania porządku y spokojności publiczney, dozwalając im mocy do wysłedzenia zamieszków sposobami przyzwoitémi y donoszenia sobie o wszystkim.

Na mocy tego pozwolenia Kommissya z furażowéy na porządkową przeistoczona, rozpoczęła czynności swoje w Łucku, wydawszy naprzód uniwersał do wszystkich obywatelów, aby każdy ze wsi, trzydziestu chłopów mający, konnego milicianta, a z wioski mniejszey osiadłości pieszego, lecz nie Rusinów, ale samych obrządku Rzymskiego ludzi, w mundury woiewodzkie przybranych, w oręż y cały moderunek opatrzonych, w ciągu dni ośmiu od daty tegoż uniwersału, z lenungiem na cztery miesiące dla nich, pod karą scistéy exekucyi, do Łucka przysyłali. Lit. F.

VII

Powiększył trwogę przypadek okropny z inney okoliczności, nie zaś z mniemanych buntów chłopskich wydarzony. W Niewierkowie, wsi o mil dwanaście od Łucka odległej, ludzie dworscy państwa Wyleżyńskich obojga y kobiet kilka służących zamordowali.

Przywiodło ich do tego łakomstwo, że znaczne pieniądze u tychże państwa swoich widzieli.

Nikt inaczey nie mówił, nikt inaczey do Kommissyi nie raportował, tylko że chłopi zbuntowani zaczęli rzeź w Niewierkowie, y których na prędcę zaleciała ta wiadomość, jedni do Dubna, drudzy do Łucka, wszyscy się tłoczyli z żonami, dziećmi y domownikami swými. A lubo się potym przez Inkwizycyę odkryło, że gromada Niewierkowska nie miała uczestnictwa żadnego z temi zabójcami, y oni sami połapani, podanych tamejszych niewiadomemi y niewinnými byź uznali, to iednak nie mogło z umysłów uprzedzonych rugować, tego podeyrzenia, żeby iuż aktualnych buntów nie było.

Pierwszy impet obrócił się na markietanów. Przystawieni do Łucka milicianci, podług uniwersału wyż mianowanego, chwyтали ich wszędzie, towary y pieniądze, przy nich będące, zabierali, a ich w więzieniu osadzali.

Kommissya wydawała ordynanse do sprowadzenia ludzi tak pospółstwa, iako y kapłanów, gdziekolwiek o bunt pomówionych, y od kogokolwiek pismem, lub słownie tylko, doniesionych.

Nie przestając na samych miliciantach, których aż nadto dosyć było na ucisk nieszczęśliwéy Rusi, częstými sztaffetami żądano w Kommissyi wojskowéy w Warszawie, aby różne kommandy wojsk Koronnych sciągnęła na Wołyń. Stały wojska w Łucku, Krzemieńcu y Włodzimierzu, nie mniéy w okolicach miast tychże, właśnie przed Świętami Wielkonocnymi według Rzymskiego kalendarza, a to dla odwrócenia mniemanéy rzezi, która niby miała się zaczynać pod czas Rezurekcyi.

A tym czasem gdziekolwiek markietan iako u kapłana, lub u chłopa, nocował, gdziekolwiek kto z Rusinów słowo iakie z przechwałką, trzeźwy,

VIII

czy piany, wymówił, gdziekolwiek kto komu jaką przestrożę czynił, porywano ich z domów własnych y osadzano iednych w Łucku, drugich w Dubnie, innych nakoniec po różnych miastach y miasteczkach pod ściłą strażą woyskową, dybami obciążonych. Szukano podéyrzenia, gdzie go nie było, wyciągano na słowa, osobliwie kapłanów nieuczonych, y przeciwnie tłumacząc, donoszono za buntowników.

Podciągano osobiste niechęci pod winę téyże konspiracyi, używano tego czasu na zemstę, żądano explikacyi z słów nawet obojętnych, przed rokiem y wyżéy kiedy powiedzianych. Naieżdzano maiętniejszych kapłanów nocą, udawano iakoby y oni przez drugich są za buntowników powołani, y znaczne od nich, niby za ochronę ich, wydzierano pieniądze.

Kommissya, moc sobie daną rozszerzywszy, mimo pozwolenie Stanów seymujących, przywłaszczyła sądowniczą magistraturę, y pięciu nieszczęśliwych więźniów, w ciągu dwu niedziel, na szubienicę wskazała tu, w Łuckú, a zaś w Dubnie trzynastu, oprócz co w więzieniach z głodu, zimna y okrutnego chłostania poginęli.

Daléy nastąpiły Sądy Kryminalne. Głos religii zagłuszony; prawa iéy ministrów potłumione; zamilkła ludzkość y wrodzonéy sobie litości czuć nie chciała. Szły pod miecz głowy sług ołtarza, albo w odległych więzieniach nieszczęśliwego dokonywaiąc życia, dzikiéy zapalcywości stawały się offiarą.

Dozwol mi, czytelniku łaskawy, żebym od tego widoku odwrócił oczy moie, a na to miejsce przyłączył mu w téy okoliczności dwóch zacnych obywatelów, od przesądu wolnych, korespondencyą.

LIST PIERWSZY.

Z WARSZAWY d. 25 Maii 1789.

Musisz się W.M. Pan swoim w porządkowey Kommissyi urzędem bardzo żywo zatrudniać, kiedy od niego dotąd żadney nie odbieram odezwy, zwłaszcza w tym czasie, gdzie nayciekawszych wiadomości pełno jest na Wołyniu. Nie braknie mi tu na nowinach co poczta z Rusi prawdziwie okropnych, ale że od W.M. Pana nic nie mam, ieszcze mi się takie bydź nie zdaia. Z pióra W.M. Pana będą naypewnieysze dla mnie, który znam, że niżeli onych komu udzielić raczysz, sam pierwéy wszystko doskonale rozważysz.

Od czasu połączenia Ruskich z Litwą Woiewódtw do Korony, nie czytam nigdzie, żeby się na Wołyniu poddani przeciwko swoim panóm buntowali, a tym bardziéy, ażeby zwierzchność duchowna Ruskiego ob rządku, ziednoczonego z kosciołem naszym Rzymским, używała swoich podręcznych za narzędzia do utworzenia w kraiu krwawego zamieszania.

Wszelako gdyście W. M. Panowie żądali tu w Kommissyi woyskowéy wykomenderowania kilku regimentów na konsystencyą dla swego bezpieczeństwa w Woiewódtwo Wołyńskie, y między wiele żądaiącemi czytałem podpis ręki W.M. Pana, gdy przeieżdżaiący widzieli w żywe oczy napełnione szubienice pospólstwem, tak na wkoło Łucka, iako y Dubna, przybite do pręgiérzow ręce, y wiele przez katow pod pręgiérzami smaganych, a to wszystko, iak powiadaia, z wyrokow, Kommissyi W.M. Państwa porządkowéy nastąpić miało, lubo y to nie zdaie mi się, żeby Kommissya, mocy sądenia niemaiąca, sama ia sobie nadać odważyła się. Gdy przytym sprowadzony tu pop z dóbr J.M. Pana Rzyszczewskiego, Kasztelana Lubaczewskiego, a po nim dway inni z pod Łucka y z Krzemieńca, iakoby iuż o zbuntowanie pospólstwa

przekonani; gdy naostatek, pod konwojem kawalerii narodowej, stawiony tu dzisiaj Sadkowski, Archi-Jerey z Słucka, Nieunit, z swoim Namieśnikiem, podobnież o konspiracyą więcéy iak podéyżany, a ci wszyscy są w ścisłym areszcie osadzeni, y iuż Stany seymuiące osobną na to wyznaczili deputacyą; wnosić mi ztąd należy, że się tam na coś straszego zakroiło, y że W.M. Pan rozumnym przewidzeniem czekasz końca téy burzy, a dopiéro masz mnie o wszystkim dokładnie uwiadomić.

Tego mi szczéra przyiaźń y doskonałe sentymenta jego każą się domyślać y spodziewać. A przeto zawieszam moje zdanie w tych okolicznościach aż do odebrania od niego na mój list rezolucyi.

Jestem et cet.

P. S. Przesyłam W.M. Panu uniwersał seymowy, który zdaie się wierzyć ustawicznym z Wołynia doniesieniom, że tam istotne są bunty, a przeto y Sąd Kryminalny wyznacza, y Dniatorów choć w spółnictwie znowy będących od kar uwalnia, ale to samo bydz może hakiem dla prostoty. Uniwersał w Summaryuszu pod litt. G.

ODPIS

PRZYIACIELOWI DO WARSZAWY.

D. 5 Iunii 1789 a. Z Łucka.

Nie zawsze to najszybszych nowin siedliskiem powinna być Warszawa; można w tym wieku oświeconém przerobić na nią y prowincyi miasto, y tyle tu, co tam, albo więcéy dokazywać. Tam się prawa stanowią, tu nadciągają y natychmiast exekwują. A mnie się zdaie więcéy, to jest, rzecz iaką do końca nigdy nie myślanego nadciągnąć, niżeli ją na ten właśnie koniec postanowić.

Odkrywam W.M. Panu nayszybszą zasadę, na której odpowiadając sentymentóm jego o mnie, łaskawie powziętym, szczerze mu o wszystkim doniosę.

Już na Konfraktach w Dubnie obywatele, z różnych prowincyi przybyli, iedni drugich iakimsiś spodziewanym z strony Moskiewskiéy zamieszaniem trwożyć zaczęli. Im daléy szedł czas przeciągiem ten odgłos, tym się stawał ogromniejszym, na ktorego utłumienie, albo raczej zrzódel jego docieczenie, zjechaliśmy się do Łucka ieszcze in Februario w znaczny liczbie, iak na Seym walny.

Na tym piérwszem zjeździe postanowiliśmy, że Król Jegomość iedno rozumiejąc z Imperatorową, chce Kray Polski zamieszać; że Moskwa, z Szwedem y Turczyinem wojną zabawna, nie mogąc teraz do Polski wkroczyć, chce tym czasem Polaków buntem chłopskim wyplenić; że Król używa do tego Biskupa tuteyszego Ruskiego, żeby swemu ducho-

wieństwu zalecił bntować chłopów po parafiach; że ten Biskup, iako dworski człowiek y Sekretarz Królewski przysięgły, wykonanie tego zlecenia wziół na obowiązek wierności, Królowi należący; że potym na dobitkę Moskwa cały swój impet obróci, y kray do reszty zabierze.

Ledwie kilka godzin upłynęło na tym Seymie naszym, a przecie tak ważne materye udecydowaliśmy szczęśliwie, donosząc Stanom, żeby naszeniu zaradzali bezpieczeństwu.

W tym mieyscu pewnie się W. M. Pan mnie zapytasz o przyczyny, które nas o tym wszystkim koniecznie przekonywały pod ów czas? Ia W.M. Panu na to krótko odpowiadam. Duch teraz obywatelski iest niewypowiedzianie przenikły, doziéra on z naydalszych mieysć nayskrytsze serc tajniki; nie potrzebuie dowodów żadnych, gdy co chce postanowić u siebie, a iesli onych publiczności potrzeba, postara się o naydokładniejsze.

Nigdy prędzéy y iednomysłniéy, iak w ten czas, na to wszystko nastąpiła zgoda. Zdawało się, że Królowi, Imperatorowéy y Biskupowi geometrycznie wydemonstrowano spiknienie się na zamieszanie Kraiu. A zatym Król y Imperatorowa przegrali w sądach Seymu naszego Łuckiego, a pastérz z ubogą swą trzodą kryminalnie odpowiadać musi.

Skoro bowiem nadeszła od Stanów rezolucya, nas z furazowych na porządkowych Kommissarzów odmieniaiąca, kto tylko czuł w sobie tego ducha obywatelskiego, rzucał się między tę trzodę, iak wilk wygłodzony.

Zaczęło nas ze wsząd rapportami okrywać, że markietanie Rossyisicy, pod pozorem kupiectwa na Wołyń przybywszy, zunawiają się z popami y chłopami na wyrznięcie Polaków y Żydów.

Nie trzeba było zatrwożonym umysłem tylko choć fałszywych cokolwiek poddać nowinek, boiaźn nie umie rozpoznawać rzeczy, iak są same w sobie, do którój skoro się kto wczesnym przesądem przygotował, gotów się na wszystko resolwować, gdy mniema, że idzie o życia jego ochronę.

Na ten koniec rezolucyą Stanów, pomknąć do mocy sądowniczéy, zdało się nieuchronną potrzebą. Oh! wieleż to takich Kommissarzów między nami było, którzy wiedzieli, co to szafować krwią ludzką. Alboż Wincenty Rohoziński na umyśle pomieszany, alboż Kaietan

Trzebuchowski małą swiatłą iskierkę wielkimi szklenicami zalawiający, alboż Wałęty Załęski, roku dopiero przeszłego we wsi Omelany naiezdnik, y tamże srogi kilku chłopów zabójca, alboż inni choć nie wykroczeni, lecz prawa niewiadomi, warci byli w materji tak delikatnéj, iaką iest życie ludzkie, sprawować urząd Sędziow? A ci naybardziej domagali się bydź sędziami!

Stało się to wszystko na wrzask powszechny. Argumentować naprzeciw, dowodzić z wyrazów seymowéj rezolucji, że Stany nie dozwoliły Kommissyi sądenia mocy, było występkiem y całej społeczności naszéj obrazą, a przeto milczyć y gwałtem narzuconą nie mowię jurysdykcyą, ale moc wykonania nad bliźnim tyranii przyjąć należało.

Do tego momentu rozumiałem, że grono swiatłych Kommissarzów, których była część większa, niż nieumieiętnych, znajdzie sposób iaki między sobą ku oszczędzeniu krwi niewinnéj, lecz po przypadku Niewierkowskim, lubo się pokazało iasnie, że chłopci do zabicia swoich państwa bynajmniéj nie wchodzili, y żadnéj poprzednie o tym wiadomości nie mieli, gdy postrzegłem, że iuż y ci moi kolledzy zaczęli odmieniać swoje zdania, y zuprzedzoną powszechnością iedno rozumieć, obróciłem na to całą usilność, y tak zręcznie chwyciałem porę w sprawowaniu moiéj funkcji, że żadnéj kryski na wydarciu życia nie dałem nigdy.

Rozdzieliliśmy się. Tu w Łucku pozostał ieden komplet, a drugi w Dubnie. Naypierwsza J.M. Pani Pruszyńska, Cześnikowa Wołyńska, wdowa, gorliwość czuléj obywatelki okazała.

We wsi jéj, Kuryłówka zwanéj, parobcy y gospodarze młodszy zbrali się, iak zwyczaj, do pani kolędować. Było to między swiętami Ruskiemi od pierwszych do ostatnich. Kiedy kolędnicy późnym wieczorem pod okna iéj przyszli y razem spiewać zaczęli, ona tym nagłym okrzykiem ulękniona, ile iuż do wczasu się zabierając, kazała ich kijmi z pod okien rozpedzić. Proście darować ten niewczesny postępek, y bardziéj na ich dobrą intencją, niżli na nieprzyzwoite onéj wykonanie zapatrywać się należało.

Tak zawstydzeni y kijmi po plecach otrzepani kolędnicy sami między sobą te słowa powiedzieli: «Jakże niełaskawa pani nasza; trzeba by na nią syna Gonty, że by ją z ludźmi po ludzku obchodzić się nauczył.»

Wiedzieć zaś potrzeba, że między uroczystymi baśniami, była y ta rozgłoszona, że syn Gonty, Kozaka, straconego za rzeź Humańską, iakoby, stanowszy przed Imperatorową, prosił, iżby mu pozwoliła windykować krwi oycy iego. Czy możnaż wierzyć, żeby Monarchini dozwoliła y posiłkować go miała w takim zamysle? A przecie u nas wszystkiemu na gołą powieść uwierzono. Y gdy ta nowina coraz się rozszerzając zapalone boiaźnią zawracała głowy, ieden z kolędników doniósł z przydatkiem pani, iak srogie kolledzy iego przeciwko niéy czynili przechwałki.

Zatrwożona tym doniesieniem, natychmiast chłopów kilkudziesiąt dybami obciążonych, z przyłączeniem sowitzéy płacy dla kata, do Dubna odesłała, domagając się iak nayprędzszéy eksekucyi.

Nie długo zabawiły wyznania dobrowolne. nie taili się chlōpi, iż wyżéy rzeczone słowa z bolu y konfuzyi przeciwko swéy pani wyrzekli, ale o żadnych spiskach, a ni o synie Gonty, ktorego przypadkiem wspomnieli, bynajmniéy nie wiedzieli.

Komplet naszéy Kommissyi w Dubnie trzynastu ich na śmierć osądził, y tak przed Świętami Wielkonocnémi iednych mieczem wybito, drugich powieszano, resztę, pod pręgiem wyćwicwszy, na powrót do Kuryłowki odesłano, y tam ieszcze na gróncie, dla wrazenia drugim boiaźni, ćwiczyć nakazano.

Na dwa warsztaty rwała śmierć pasma życia ludzkiego. O tém że czasie tu w Łucku tłumem dolatywały do nas wiadomości o buncie chlōpskim. J.M. Pan Frańciszek Wilczyński, possessor części wsi Lubcza, Xięcia Woronieckiego dziedzicznéy, mając niektórych chlōpów zamożniejszych, nie tak, iak żądał, sobie posłusznych, oskarżył ich o bunt, dowodził zaś tego buntu częścią tym, że wiele strzelby u siebie mają; częścią, że na własnego popa swego przechwałki czynią, stwoią zaś osobistą ku nim nienawiść, z innéy przyczyny powziętą, utaić umiał. I prawdą powiedział, co do tych dwóch punktów; chlōp albowiem na Polesiu maiętny, zawsze ma podostatkiem strzelby, którą sobie w puszczech zwierza bije, atoli z tąđ żadného buntu wnosić nie można. Powtóre téż niechęć iakás między kapłanem Lubeckim a parafianinem iego po przyzwisku Porucznikiem, naylepszym właśnie w Lubczu gospodarzem, zakorzeniona, niektóre z ust iego, czy téż podobno syna iego, przeciwko kapłanowi wycisnęła słowa zuchwałé. Ale to był tylko

pozór obwinienia onych. Właściwa zaś przyczyna ta śmierć haniebną im sprawiła, że ci chłopci donosili o wszystkim Xięciu dziedzicowi, cokolwiek z krzywdą poddaństwa broił pan possessor w dobrach jego. Dziedzic zwyczajnie cieszył chłopka uciśnionego, pochwalał wierność jego w donoszeniu, czynił mu nadzieję, że się już prędko skończy ucisk jego; a ztym chłopkiem, zaufany w protekcją dziedzica, stawał się śmielszym a possessorowi mniej posłusznym.

Skoro zaprzysiągł J.M.Pan Wilczyński swoje przeciwko chłopóm doniesienie, natychmiast wysłani miliciani do Lubcza. Przez imiona wyszczególnionych w dyby pozabijawszy, zabrawszy przytym ich strzelbę, na lepsze o buntach przekonanie, sprowadzili do Łucka. Po krótkich wypytaniach bez żadney inkwizycyi, syn powieszony, oyciec, więcący osmiudziesiąt lat mający, w dybach kilka niedziel więziony, z głodu, zimna y głębokiéy starości tamże umarł, po śmierci z dybów rozbity, bez trumny na cmentarz Ruski przywieziony, tam przez kapłana pogrzebiony został Reszta synów tegoż gospodarza y inni ludzie Lubeccy, w każdéy wsi od Łucka aż do Lubcza niemiłosiernie katowani, ^a zaledwie z życiem do własnych domów doprowadzeni byli.

Po exekucyi chłopca Lubckiego nazaiutrz na drugiéy szubienicy powieszono Szymona Sarockiego, diaka ze wsi Żukowa z pod Klewania. Ten stracił życie za to, że piany po izbie wyskakując, gadał, iż będzie rznąć Lachów y Żydów.

Do niczego się nie przyznał, o niczym nie wiedział, y wymawiał się, iż te słowa żartem powiedział.

Ciała ich wisały przez niedziel cztery aż do fetoru. W tydzień potym powieszono na trzeciéy szubienicy dwóch ludzi; pierwszym był kowal z Kwasowa, drugi z Ostrożcap oddany. Ci także za słowa, po piianu wyrzeczzone, utracili życie. Tenże sam los śmierci haniebnéy czekał chłopca z Krowatki, ale że instancya za nim od naszéy Kapituły za-

---

^a Dekret w Kommissvi wypadł na tych ludzi, żeby, z Łucka aż do Lubcza prowadzeni, w każdéy wsi po sto plag wzięli. Prowadzono ich na Jarowicę, Wyszaków, Liplany, Zydyczyn, Koleczyn, Rudnią, Rożyszcza, Kozin, Rudkę do Lubcza, takim sposobem po tysiąc sto plag każdemu z nich w téy podróży dostało się z rak zawziętych miliciantów. Ztąd sądzić można o zdrowiu tych nieszczęśliwych ludzi, czy są do pracy stanu swego sposobni?

szła, iż ma wiele dzieci, a w czasie tak drogim pewnie by pogineli z głodu, gdyby on był stracony, prze to mu także za słowa prawą rękę uciąć kazano, ta ucięta, do pręgiarza przybita była, on zaś kalęka, staraniem Katedry wykurowany, powrócił do dzieci, lecz potym w tydzień umarł.

Próżno się wysilam na porządne tego wszystkiego opisanie, co się działo bezrządnie w naygwałtowniejszym zamieszaniu, y owszém proszę W. Pana darować mi, że, chcąc mu rzecz ze wszystkimi okolicznościami wykryślić, mogę go znudzić częstym ciąglego wyrażenia iakiego powtarzaniem. ⁵

Już W.M.Pan wyżey masz wyrażoną plantę trwogi naszéy, do kórey y Biskup Ruski z swoim duchowieństwem ma się przykładać, bośmy tak iednomyslnie udecydowali.

Był on ieszcze w Warszawie spodziewany na święta do dyiecezyi, przetośmy wezwali namieśnikow iego, przykazując iżby swoim popóm zabronili słuchać spowiedzi Wielkonocnéy po parafiach, y żeby ich obowiązek w téy mierze Bazylianie zastąpili.

Swiatłym tym namieśnikom biskupim dosyć było tyle powiedzieć, zaraz się oni domyslili téy na kler potwarzy, iakoby na spowiedziach na zabicie panów swoich lud parafialny namawiali. to więc przed nami w pokorze y skromności wyrazili, że, ponieważ spowiedź u Rusi zaczyna się od szrodopocia y do kwietnéy niedzieli wszyscy ią pariafianie odprawia, proźna by teraz rzecz była zakazywać y tą niezwyczajnością lud prosty trwożyć, gdyż do téy iuż pory rzadko kto z parafian paschalnéy spowiedzi nie odprawił.

Na téy oczywistéy przyczynie prześtać musieliśmy, a tym czasem daliśmy rozkaz z Kommissyi tymże officyałom, aby nam dwóch kapitanów, to iest, X-a Kostiuszkiewicza z Kołków y Borkowskiego z Starosila przystawili

Było to pierwsze pomienionych officyałów doświadczzenie, iesli rozkazóm naszym powodować się będą. Odpisali oni natychmiast, że swego posłali do Kołków instygatora, końcem sprowadzenia tychże kapitanów.

---

⁵ Te smiertelne egzekucje działy się w Wielki nasz Tydzień, kiedy kościół Boży szczególniey rozpamiętywa mękę Zbawiciela naszego.

X. Kostiuszkiewicz Kołkowski sam dobrowolnie stanął przed Kommissyą, niżeli go rozkaz Konsystorski zaszedł. X-a Borkowskiego z Starosila sprowadził wysłany instygator Ci obay za delacją słowną, iakoby swoich parafian na bunt namawiali, w scisłym areszcie osadzeni.

W tym czasie zaraportowano do Kommissyi, że u popa Suskiego, nazwiskiem Łukaiewiczza, nocował markietan y miał się iakimsiś słowem w potocznym dyskursie wymówić.

Tego Kommissyi naszéy naybardziéy trzeba było, żeby kilka już ludziom, a licząc z Dubińskimi, kilkunastóm, wydarłszy życie za prózne tylko słowa, mogła się uchwycić czegoś więcéy, niż słowa znaczącego.

Ofiarował się jeden z pomiędzy nas Kommissarzy, J. M. Pan Kaetan Aksak, sprowadzić tego kapłana z Suska. Tą myślą wyiechawszy, zastał go takiego, iakim mieć chciał. Kapłan ten prosty, ledwo po Rusku nagryzmolić wiedzący, od nayciemniejszego pospólstwa iedną tylko suknią różniący się, załękniony, iż mu się Pan iakisiś do Łucka stawić każe, wyiechał z domu od żony y dzieci oplakany.

W drodze gorąco prosił Pana, iżby mu raoczył powedzieć, po co go wiezie do Kommissyi, która już była głośna y straszna. Odpowiedział groźno Kommissarz: «Musisz, Popie, odpowiedzieć za to Kommissyi, żeś pozwolił markietanowi nocować w domu swoim.» Tym ieszcze bardziéy zatrwożony kapłan, powtórzył prozby do Pana, aby go raczył nauczyć, co ma przed Kommissyą powedzieć.

Tu dopiéro obrotny Kommissarz zaczął cieszyć załęknionego prostaczka «Nie bój się, Xiężo; nic ci się złego nie stanie, iesli opowiesz, że cię markietan na bunt namawiał, że ci pismo Imperatorowy na to pokazywał, żeś ty się tego nie podiał.» — «Ależ bo, Panie, tego nie było: była, prawda, o woynie Moskiewskiéy mowa między nami, że się tam z kimś biie; było także y to, że teraz y Polacy zbierają woyska, może także myślą z kim wojować, ale nic więcéy.» — «Albo ż to nie dosyć, Xiężo? O to już gadał o woynie markietan, że Moskwa gotuje się na Polaków, tyś się już powinień był domysłać, że ciebie chce namówić, abys chłopów na nas buntował; powiedz tedy, iak staniesz przed Kommissyą, że cię namawiał, y pismo Moskiewskie pokazywał, inaczéy zginiiesz, żonę y dzieci zgubisz, a żal mi cię szczerze!» — Woświadczeniu tego politowania J. M. Pan Kommissarz podsunął kapłanowi czerwonych złotych dwa. — «Na ci, mój Xiężo; zda ci się to na wyżywienie

przez jaki czas w Łarcku; będziesz miał więcéy potym, iezli się dobrze sprawisz.» — Sciskając za nogi kapłan tak wielkiego dobrodzieia swego. rzecze: — «A będęż ja, Panie, wolny, iak to powióm?» — «Na honor, na pocziwość upewniam cię, Xiężé, że będziesz nie tylko wolny, lecz ieszcze y nadgrodeń znaczną za twoią wierność odbierzesz.» — Obiecał kapłan we wszystkim podług danéy sobie informacyi sprawić się na Kommissyi. ⁴ Zostawiwszy w stancyi w Łucku swego ucznia, J. M. Pan nauczyciel Aksak. przybył do nas z oznaymieniem, że coś osobliwszego ma powiedzieć X. Lukaiewicz, Paroch Suski.

Nie tylko my, Kommissarze, ale y wielu innych obywatelów, y Xięża nasi katedralni, zaczowszy od Officyała, zeszlismy się na tą ciekawę sessyą

Stanął przed nami X. Lukaiewich, właśnie na przeciwko nauczyciela swego, Aksaka. Wyznał, że markietan, noclegując u niego, namawiał go do zbuntowania chłopów Suskich na Polaków, że mu okazywał pismo iakieś Moskiewskie, którego on przeczytać nie mógł, tylko na podpisie liter kilka przeczytał: Ekat.; że ten markietan upewniał go, iż taka iest wola Imperatorowéy, y kto iéy posłusznym będzie, wielką nadgrodeń wieźmie.

Takowe słysząc wyznania, iedni się nad wielkością występku zadziwiali, drudzy się cieszyli, mniemając, iż iuż kłębka po nici doszli, inni na Moskalów oburzali się, y srogie im batalie wydawali. Jam siedział trzeci od Pana Aksaka, także naprzeciw Xiędza zeznawaiącego, y dostrzegłem znaczne pomieszanie jego, a z tąd pewny byłem, że prostoty iego na zdradę użyto.

Ale gdy przyszło do przysięgi, bo zeznawaiący zapewne iéy nie spodziewał się, drżał biedny kapłan, coraz poglądając na Pana Aksaka Uważałem to bardzo pilnie, że groźnym od niego spoyrzeniem upomniony, wniosł sobie, iż mu się cofać nie wolno y niebezpieczno było. Prze to w naywiększym pomieszaniu, bo wątpię, czy nawet rozumiał, co mu dyktowano, swoją depozycyą zaprzysiął. ⁵

⁴ J. M. Pan Ksietan Aksak, Chambetan J. K. Mci sam potym w podobny kompanii opowiadał wszystko, iakim sposobem rzeczowego kapłana Suskiego do wyznania takiego przywiódł.

⁵ Wyznał to y sam X. Lukaiewicz, gdy ubolewał nad niewinną śmiercią powieszzonego markietana, którzy on był przyczyną, dając się uwieść namowom J. M. Pana Aksaka.

Dopiero z nim Kommissarze y obywatele w karessy, dopiero mu krocie pochwał y nadziei wielkiéy nadgrody, że ieden onotliwego serca kapłan otworzył uknowany spiszek na zgubę naszą, ztąd większa pewność o Biskupie Ruskim y jego duchowieństwie, że wiedzą o tym, że się na występkię spiknęli, y pory tylko wykonania czekają.

Kazano pilnie szukać tego markietana wszędzie, a tym czasem już y bez wiedzy Kommissyi chwymano kapłanów y sprowadzano do Łucka. W sam wielki nasz czwartek U. Sobolewski z Szypra, nie dawny przysiolka na Polesiu possessor, powziowszy nienawiść do niektórych kapłanów, w bliżkim sąsiedztwie będących, swoim domysłem pięciu ich w dybach na rynku w Łucku stawił, y tamże trzech zaraz, wziowszy od nich pieniądze, uwolnił, dwóch zaś, nie mających czym się od napaści wykupić, w areszt instygatorowi Kommissyi oddał. *

A nie tylko, że za takowy postępek od Kommissyi naganiony nie był, lecz y owszem gorliwość jego podobała się. Długo potym ci dway kapłani, to iest, Zbuski y Bereściański, zostawali w areszcie, aż już na sądach Grodzkich odprzysięgli się. y wolno puszczoni byli.

Sprowadzono także kapłana z Rafałowki, z dobr J. M. Pana Olizara Exstolnika Koronnego.

Ten Pop, żadnéy edukacyi nie mający, za to był obwiniony, że gdy go przez miasteczko Czartorysk miliciańci prowadzili, wołał: «Gwałtu, ratujcie! Oto Lachy, iak czorty, berut мене.» Zadano mu y to także, że z pewnym dyspozytorem swoim, niby przyjacielem, tamże się spokawszy, za pas go wziół y palcem w brach iego kręcił. Ztąd wnoszono, iż go wczasie miał żywcem swidrować. Explikował się z tego zarzutu kapłan, powiadając, iż to z poufaléy zażyłości uczynił.

Sprowadzony dyspozytor zaprzysięgł te swoje doniesienie, a kapłan w areszt poszedł.

Struchlałem, gdy przyszło do krysek; nayıerwszą dał J. M. Pan Trzebuchowski: «Powiesić»; bo ta była u niego nie mał w każdéy sprawie ordynaryina. Poszły y inne kryski podobne; kilku się nas odpisało, ale tamci przeważyli. ?

* Byli to parochowie z wsiów Poleskich, to iest, z Zbusa, z Postoynego, z Bereścian, z Micka, z Osnicy, a potym szósty z Werbeza.

? Za ieden znak obojętny kręcenia w brzuch palcem, sądzić na szubienicę kapłana, iest to podobnie, iak owa dysputa chłopca z mędrcom na Migi. Mędrzec pokazał

Powiększył trwogę J. M. Pan Józef Załęski, Podstarosta Włodzimierski. Ten, zakończywszy tam sądy swoje, przywiozł nam taką wiadomość, że markietanie kartki swoje do Popów rozsyłają, aby stawali z ludem zbuntowanym do ich woyska. Te kartki roznosił nieiakis żebrak, złapany przez miliciantow, powołał kilku kapłanow dyiecezyi Włodzimierskiéy, iako by u nich był, y kartki oddał. Sprowadzeni kapłani do niczego się nie przyznali, owszem, że a ni go znają, a ni go kiedy w domach swoich wiedzieli, statecznie twierdzili, y na to przysięgli, a przeto sądownie od nawleczonéy napaści uwolnieni zostali.

Ten zaś żebrak wyznał, że iest rodem z Torczyna, dobr J. M. X-a Biskupa naszego, że tam ma krewnych, że resztę kartek markietanśkich w strzechę u swego krewnego w tymże Torczynie schował. Prowadzono go natychmiast do Torczyna, gdzie a ni ludzie, a ni dwór nie przyznał, żeby on miał bydz z taintąd rodem.

Pokazał na ostatek tę strzechę, kazano ją odrzeć, y ponaymnieyszem dziebelku słomę przerzucać, końcem wynalezienia tychże kartek, ale tak pilnie szukając, nie naleziono. Dopoty Relacya wyrzeczonego J. M. Pana Podstarosty.

A lubo się oczywisty fałsz pokazał, y pewnie, że ten żebrak miał zynasty pomieszane, miano to iednak rozumny Podstarosta wyrokiem swoim wskazał go na szubienicę, y tak powieszony został, bardziéy Felczera, żeby mu krwie upuścił, niż smierci godzien.

Brano iuż potym kapłanów z domow ich własnych za naymnieyszym podeyrzeniem, y tak ich wiele, iednych na swiadectwo, drugich na przeświadczenie, o konspiracyi, do Łucka, do Dubna, do Krzemieńca przywołano, że trudno iest wszystkich wyrachować. Złapano też y owego markietana, na którego głowę paroch Suski zaprzysiągł. Stawiony w dybach na Kommissyi, w oczy swomu przeciwnikowi, powiedział, iż go nigdy do buntu nie namawiał, iż mu innego żadnego pisma, oprócz zwycaynego paszportu swego, nie pokazywał, y nie miał nigdy, iż tylko

---

chłopowi palec ieden, a chtop mędrcewi palców dwa. Mędrzec rozumiał przez ieden pokazany palec, że Bóg iest mitosierny, a przez dwa od chłopca pokazane palce, że Bóg nie tylko iest mitosierny, ale y sprawiedliwy. Kiedy zaś chłopca zapytano, co by też on rozumiał? «Jam, powiada, to dobrze porozumiał, iż mędrzec, pokazując mi palec ieden, chce oko mi iedno wykuć, dla tego pokazałem mu dwa palce, że mu obie oczy wykole.» Właśnie sie dobrze obay porozumieli.

w potocznej mowie o Moskiewskiem z Turczyńcem wojnie gadał, że y Polacy także nie próżnie muszą czynić werbunki, zwyczajną ciekawością zgadywał, że o niczym nie wie, że tylko jako kupiec z swoimi towarami przybył w kraj tutejszy. Szukano pilnie przy nim tego pisma, o którym Pop Suski zeznawał, iakoby na podpisie te tylko słowa: Ek at. wyczytał, ale nienaleziono, tylko paszport. ⁶

Nie był ten człowiek markietanem, co się znaczy Piliponem, ale był Rossyanem nieumitem: bo powiadaia, że niema praktyki, aby kiedy Pilipon dał się do Religii Katolickiej nawrocic.

Padły na niego kryski, żeby go powiesić. Po przeczytany dekrecie zaraz uczynił wyznanie wiary, y spokojnie smierci doczekał. Obiecali Kommissarze darować mu życie, ieśliby dobrowolnie do występku namowy Imperatorskich na wykonanie rzezi ordynansów przyznał się, lecz odpowiedział, że kłamstwem y potwarzą swę Monarchini własnego życia nie chce okupować, spowiadał się bardzo przykładowie, potwarzał te słowa po Rusku: «Naprasuo hinu,» to jest, niewinnie ginę. Słuchał go spowiedzi ostatni raz pod szubienicą X. Bołha, Bazylian staruszek, którego sędziwość. nie pospolity rozum, y siwa zdobiła broda. Uragali się z téj jego brody milicianci nasi, a czekając końcą spowiedzi delinkwenta, głośno wołali na spowiednika: «Niech przestanie ten brodaty schyżmatyk słuchać spowiedzi, bo on go zapewne na rzeź namawia.» — I już odtąd pomieniony X. Bołha, z okazji tego prześladowania, słuchać delinkwentów spowiedzi nie chciał.

Niżeli exekucya tego nieszczęśliwego Rossyanina nastąpiła, bo to było w Piątek Wielki, już trzema dniami pierwéy, na pocztę wtorkową z Warszawy przyszedł do stanów seymniących zakaz, aby Kommissya woiewodztwa Wołyńskiego porządkowa nie ważyła się dłużej przywłaszczać sobie mocy sądowiczey, której Stany im nie dozwoliły. Doniesiono albowiem Seymowi, iak w krótkim czasie, za staraniem Kommissyi, licz-

---

⁶ Gdy by innego domu nie było na przekonanie o fałszu Popa Suskiego, ten sam jest najmocniejszy przeciwko niemu, że iakoby czytał na podpisie: Ek at., to jest, Katarzyna. Zdrowy na to drzy rozum, żeby Imperatorowa Rossyiska swoją ręką paszporta markietanom podpisywała, albo gdy to nie był paszport, żeby swe pismo tak podłym ludziom, a zwłaszcza na rozlew krwi ludzkiej, powierzała.

nemi Łuck y Dubno miasta nasze uzbroiły się wisielcami. Kazano do Warszawy przesłać inkwizycyę tych potraconych ludzi, ale tam, rozważywszy one, uznano, że próżno nacyjęścię głowy trunkiem zawrocónę mowa, nie będąc warta tylko pląg kilku, haniebną śmiercią karna była. Wzieli po nosie nasi gorliwi Kommissarze, wygrał y Pop z Rafałówki, większością krysek na szubienicę wskazany, bo już gotow-go dekretu czytać, a tym bardziej exekwować, nie można było. To iednak Rossyanina od śmierci nie uwolniło. Za naleganiem obywatelów Kommissya, już y przywłaszczonę mocy ne mająca, swóy dekret exekwować kazała. Krótko mówiąc: w tych ustawicznie powtarzanych, y na ostatnim szczeblu wyrzeczonych po Rusku słowach: „Naprasno hinu powieszony został.

Ten śmierci rodzaj tym był okrutniejszy, że Łucki Magistrat nie miał kata, a ni go z kądinąd mógł na ów czas sprowadzić. Kommissya do exekucyi używała kominiarza piaka, który darmo swoją publiczności offiarował usługę, y tym się tylko kontentował, co przy winowacy zastał. Ten nie wiedząc sposobu strącania karków, iak czynią doskonali mistrze, wieszal poprostu zadziergnowszy postronkiem, y tak się nie umiętnie w swoim dziele sprawował, że przez sześć, siedm y ósm godzin podług mocniejszey konstytucyi męczyli się wisielcy, widocznie pięrsiami robiąc, niżeli w srogich boleściach uduszeni zostali.

Kommissya, w dowód winnego posłuszeństwa Stanóm, lubo więcéy swoich wyroków, na śmierć nie wydawała, zatrudniała się iednak wydawaniem ordynansów na zaskarzonych, sprowadzeniem do Łucka, osadzeniem w areszt y wypytywaniem onych, a potem do sądu kryminalnego odsyłaniem.

Schodziły sessye nacyjęścię na rozpisach między samemż Kommissarzami, gdy iedni moc sobie tylko na smieć dekretowania odięta, drudzy słuchanie nawet konfessat zabronione rozumeli, y większością głosów raz te, drugi raz inne, popierali zdanie.

Lecz nierównie więcéy to nas obeszło y żywięy przeniknęło, kiedy Stany seymujące kazali sobie do Warszawy przystawić obróncę naszego, to iest, Parocha Suskiego, Lukaiewicza, żeby się z ust iego o wszystkim dowiedzieli. Trzeba tu znowu y nauczyciela, J. M. Pana Aksaka, y niedosyc iego iednego, bo chodzi o wszystkich.

Zatrudniała się tym większa część naszéy Kommissyi, wzięli Popa prostaka między siebie, czytali mu ustawicznie iego zeznanie, y dla lepszy

pamięci, żeby sobie punkta po swojemu napisał y czytał, — rozkazali. Opowiedzieli mu, że go do Warszawy posłać mają przed Króla y Stany seymujące, a to po wielką nadgrode, która czeka go zapewne, ieśli też samo tam wyzna, co tu wyznał, ale, brón Boże, ieśli cokolwiek chybi, to tam zapewne straszney nie uydzie smierci!

Ośmielili go, żeby się niczego nie obawiał, tylko iednéy różności w swoim zeznaniu, a tak ciągiem dni kilku dobrze go wyuczywszy, y na częste zapytywania, zgodnemi iego odpowiedziami, iż się nie omyli, mocno się zapewniwszy, sprawili mu suknie, dali na drogę pieniędzy y do Warszawy posłali. Ten więc iest teraz w Warszawie, o którym W. M. Pan piszesz, kapłan z pod Łucka, nie o zbuntowanie pospólstwa winny, ale raczéz za odkrycie iakoby spisku iuż utworzonego po nadgrode posłany.

Inni zaś dway kapłani, to iest, ieden z Krzemienca X. Hromaczewski, Dziekan, dobrze uczony, był pierwéy w Dubnie w areszcie, ale gdy się na niego nic nie pokazało, y Xiążę go wypuścił, nasi zaś gorliwi obywatele iednozgodnym okrzyknęli wrzaskiem, że go Xiążę uwolnił, znaczne wziowszy pieniądze, y tak do Warszawy opisali. ⁹

Było to Xięcia interesem, żeby się od téy potwarzy oczyścić, y razem niewinnego oswobodził Dziekana, że go do Warszawy posłał. Drugi z Wereszczak, dobr J. M. Pana Kasztelana Lubaczewskiego, Pop, nazwiskiem Rubinowicz, którego także do Warszawy posłano, prostak, to iest, y piak natógowy, podstęp pod nim uczynił Krzyżanowski, żołnierz regimentu Ostrogskiego. ¹⁰ Spodziewam się, iż na nim nie więcéz

⁹ Pomieniony Dziekan Hromaczewski, od nayprzyjaźniejszych sobie z tamejszéz pałestry o konspiracyą oskarżony, w areszt tamże konsystuiącemu z Dubna officerowi oddany został. Nocował on u tegoż officera w stancyi, nazajutrz do Dubna odestany. Xiążę Generał Lubomirski, widząc niewinnie napastowanego Dziekana, napisał mocny list do officera, że go wziąć w areszt y do Dubna odsyłać poważył się. Officer zdesperowany po odebranym liście, pochwycił brzytwę y gardło sobie poderznoł.

Gdy by to był officer pod ów czas uczynił, kiedy u niego nocował Dziekan, iakim sposobem mógł by od zarznięcia tegoż officera wyekskuzować się? Ztąd się dowodzi, że sędziowie w takich sprawach y naymniejszyéy okoliczności bez naypilniejszyéy rozwagi opuszczać nie powinni.

¹⁰ Krzyżanowski żołnierz przebrawszy się za dyzertera, umyślnie schronił się do kapłana Wereszczackiego, prosząc aby go przechował, uczynił to kapłan na jego prośbę, napiął się z nim do późney nocy. Dyzerter wiele wygadwał przed

wybada deputacya seymowa, tylko nie rozumne po piianu wyrzeczone słowa, y zdradę Krzyżanowskiego z dodatkiem.

Insza iest, Archijereja wziąć z Słucka: ten będąc nieunitem, ieśli prawda, że Moskwa chciała kray zamieszać, mógł o tym mieć wiadomość.

Latwo się o wszystkim Stany zainformują z jego papierów y korrespondencyi, z różnemi swego narodu mianéy, które są zabrane z nim razem, iak nam poczta donosi.

Już taż y Biskup Ruski przyiechał do dyiecezyi swoiéy w ten Wielki nasz Piątek. Nie wie zapewne, iaką tu będzie miał robotę. Jch M. Panowie Załęscy, mając swóy interes, z okolicznosci przeszłego Biskupa, Steckiego, wynikły, z którym się zpowinowacili, poniechęcivszy się z terażniejszym, zřęcznie umieli użyć téy pory przeciwko iemu y duchowieństwu jego.

Nazaiutrz, w Wielką Sobotę, wielka trwoga, iako na zbliżający się termin rzezi. Wiadomość albowiem, nie wiedzieć z iakiéy pustéy głowy wyszedłszy, zaięła wszystkich umysły, że pod czas Rezurekcyi markietanie z popami y chłopami złączeni, mają wyrznąć Lachów y Żydów. Żydzi tedy w naywiększym kredycie, zarówno z miliciantami odbywając warty, stali się stróżami publicznego bezpieczeństwa. Jak na nieszczęście, że się śmiać nie wolno, a trzeba było koniecznie w ten dzień wielkosobotni, kiedy wielki nad milicyą Komendant, J. M. Pan Zagórski, nasz sędzia grodzki Łucki, dosiadłszy rumaka swego, na czele kilkudziesiąt miliciantów, wyiechał za Łuck w pole przeciwko woysku markietañskiemu. Przebog! Gdziez to iest woysko? Z kąd o nim poszlaka? Z której strony ma przyiść? y czy po ziemi, czy po powietrzu? Bynaymniéy temi uwagami bohaterskie nie zatrudniaią się serca, chcą nieprzyziaciela

---

nim na Polaków, udawał, że iest popowiczem do woyska gwałtownie wziętym, przechwalał się na Polaków, że póydzie do Moskwy y tam służbę przyimie, że Moskale kray do reszty rozbiorą: kapłan piiany na to wszystko przystawał. Polym dyzterter, niby złapany, oskarżył kapłana o spisek, wzięto go do Dubna w arest, y niżeli do Warszawy postano, doniesiono do Króla y Stanów, iak by już zupełnie o bunt przekonanego. Musiało to bydź mocne Królowi Jego Mci przełożenie, kiedy list napisał do J. M. X-a Biskupa Ruskiego, aby nie czynił trudności w degradowaniu tegoż kapłana. Ten list Królewski Biskup, iadąc do dyiecezyi, w drodze odebrał.

w otwartych scigać polach. y albo z tryunfem na Rezurekcyą powrócić, albo, w ochronie życia współbraci, mężnie y chwalebnie swoje własne położyć.

Stało się; nikogo w polu nie widzieli, oprócz że coś z daleka maia-czyło się. Tam ieden z miliciantów, odwagą znakomitszy, na utarczkę wysłany, doniósł komendantowi, że bab kilka, po odwiedzeniu grobów, z Łucka do własnych domów powracaia. Zląkł się nieprzyjaciel, nie dał się widzieć, uciekł w niedostępne mieysca, a wesołego alleluia rycerzóm naszym przeszkadzać nie chciał.

Na Święta przybył do nas J. M. Pan Świętostawski, z Krzemieńca, poseł nasz Wołyński, wiele nam z Seymu ciekawości opowiadał, których tu nie wyliczam. Grono było liczne obywatelów, razem z J. M. Panem posłem, u J. M. Pana Załęskiego, Podstarosty Włodzimierskiego, dokąd ieden z Officyałów Biskupa Ruskiego, J. M. X. Brodowicz, przybyły, imieniem swojego Biskupa y swoim wieszował nam Święt z życzeniem najlepszego zdrowia, lat długich y wszelkiéy pomyślności. Należało przez samą politykę te oświadczenia dobrym przyjąć sercem. Wszakże gospodarz nasz, J. M. Pan Podstarosta, w swoiéy odpowiedzi, podziękowawszy za nie, przydał, iż skutek tego życzenia, osobliwie lat przedłużonych, jest w woli y ręku samychże W. M. Panów, a przeto, gdy uprzeymie życzye, pozwólcie ż, aby się spełniły. Zawstydzony tą odpowiedzią Officyał, rzekłszy, iż ten, który widzi skrytości sere ludzkich, naucza złe za dobre odbierać, y natychmiast odszedł. Różne po jego odejściu czyniono wnioski. Dany nasze osądziły, że iak nigdy przedtym, ile go dobrze znamy, teraz mu coś złego z oczu patrzy, a prze to w większym o wszystkich, oprócz iednego posła, został w podéyrzeniu. Bo też nie dziw, że poseł inaczéy myśli y rozumie; dosyc powiedzieć, że przybył z Warszawy, dworskim duchem nodęty.

Gdy już Święta nasze odeszły, a za tydzień następowaly Ruskie, zdało się głowom zapalonym, że Wielkanoc Ruska ma bydź wykonaniem spodziewanéy rzezi, przeto my, Kommissarze, wydanym do J. M. X-a Biskupa naszym mandatem, zarządziliśmy, iżby wszelkie nocne nabożeństwa, mianowicie, w Wielki Czwartek y Wielką Sobotę obrządkowi temu zwyczajne, ustały. Rozeslane w całą dyecezyą na Wielkim Tydniu listy Biskupie, nową przesładowania popów dały przyczynę. Obszerna dyecezya Łucka y Ostrogska nie mogła bydź tak prędko uwiadomiona, y ci tylko parochowie w dzień pomienione nabożeństwo odprawili, do

których listy doszły. Inni wiadomości nie mając, poszli za dawnym zwyczajem, za co potym, iakoby nie posłuszni y buntownicy, odpowiadać musieli.

Wyszły potym dwa uniwersały Biskupie w tęż dyecezyą, których zamiarem było upomnienie duchowieństwa, aby poddanych nauczali, iak mają być wiernemi y posłusznemi panóm swoim, y aby z ludem błagali Boga celem odwrócenia wszelkiéy nieszczęśliwości od oycyzny. Nie mogły inaczéy wychodzić te uniwersały na publiczność, aż pierwéy w Kommissyi drabowane były. Za ieden z tych, dość wiele umartwienia cierpieć musiał wyźpomieniony Officyał, J. M. X Brodowicz, a prawdziwie niewinnie.¹¹

Już y Ruskie Święta minęły, y w poblížszych powiatach powrócona spokoyność równą klerowi dyecezyi Łuckiey czyniła nadzieię, gdy znowu na ten kler tym strasniejsza padła nawalność, że ią samiż kapłani własnym wyznaniem na siebie y na cały swój stan sciagnęli. Można tu przyznać, iż takowe ich pomieszenie w depozycyach przeciwność, albo niechętné iednych na drugich zmyślanie, albo nadzieia uwięzionych, że oskarżywszy niewinnych, w domu ieszcze na wolności będących, sami dla siebie odzyskaią wolność, to, mowię, wszystko nie mogło być skutkiem kary Pana Boga.

Pierwszego dnia Maia Głodowski, Pop z Chorupania, do Dubna wzięty, wyznał, iakoby X. Symeon Karpowski, Instygator Konsy-

---

¹¹ Ten Officyał, stosując się do okoliczności w uniwersale, położył te słowa: «W owym czasie, kiedy ieszcze swiattem Ewangelií bałwochwalstwo objaśnione nie było, a spoganie na wytępienie Chrześcian wszelkiéy mocy y władzy swoiéy używali, przećcież Piotr S., nauczając wierwych, iak mają się sprawować względem panów, to «im przykazywał, aby byli poddani wszelkiemu ludzkiemu stworzeniu dla Boga, «bo ta jest wola Boża. Bądźcie (mówi) posłuszni panóm we wszelkiéy boiaźni, nie «tylko dobrym y skromnym, ale też y przykrým. Do iakiéy że dziś powinności nie «ma się czuć każdy, kiedy wszyscy panowie, na tonie kościoła Bożego wychowani, «téy władzy nad poddaństwem sobie od Boga powierzony nie inaczéy używaią, «tylko prawdziwie sercem oycowskim, zawsze dla nich nad wszelkie dobrodziey- «stwa wylanym.»

A mogą ż być piękniejsze wyrazy tego uniwersału? Wszelako zdało się wielu, że się w nim sekretne wzbурzenie pospolstwa zawiera. Pochwycono kopia tego uniwersału z rąk Officyała, a nazaiutrz napisano inny z Kommissyi z przykazem, aby ten był do druku podany. Obacz w summaryuszu sub lit. H.

storza Ruskiego, w czasie Kontraktów tegorocznych, namawiał go, aby swoich parafianów do buntu podżegał; co większa, nayszarniejszą potwarz na swoją zwierzchność nawlekł, powiadając, iakoby list od władzy Konsystorskiéy na zabicie niektórych panów był wydany, y takowy list do czytania y wykonania straszny, a rzeczonemu Instygatorowi naylepiéy wiadomy był, widziany u Popa Surazkiego, który go potym spalił.

Te swoje wyznanie pomieniony Pop Chorupański razem z towarzystwem świadkami z ust jego słyszającemi w aktach Magdeburgii Dubieńskiéy umieścił. Nieprzepuścił tam y samemu Biskupowi, y swemu urzędowi, owo zgola, że on naywiększy kamień obrażenia położył. To wyznanie z Madgeburgii wyięte na oczernienie Biskupa y kleru jego wszędzie ekstraktami rozsyłano. A J. M. Pan Podstarosta Włodzimirski, tryumfując z mniemania swego, iż mu się zdało, że Biskupa już trzyma w swoich łapach, pomieniony ekstrakt posłał w Woiewodztwo Kijowskie, y tam, przez subordynowaną osobę, w grodzie Owruckim oblatował. Przesyłał to wszystko W. M. Panu na osobnéy karcie, y odpis na toż z strony Biskupa, żebyś uważył, czy iest iakie podobieństwo do prawdy. Obacz pod literą S.

Skoro tę swoją depozycyą podpisał Pop Chorupański, natychmiast Xiąże Michał Lubomirski, cheff regimentu Ostrogskiego, z Dubna, a zaś Kommissya Woiewodzka od siebie z Łucka, wysłali osobne komendy do Rożyszcz, rezydencyi Biskupiéy, celem wzięcia w areszt tegoż Instygatora.

Nastąpił spór między Xięciem a Kommissyą. Xiąże chciał mieć Instygatora w areszcie w Dubnie, przeciwnie Kommissya chciała go mieć w Łucku y stawić przed sądem kryminalnym.

Przemogła Kommissya. Jeden z Kommissarzów rzeczonych, J. M. Pan Kаетan Trzebuchowski, dnia drugiego Maia przybył do Rożyszcz, w kompanii z Xięciem Kalixtem Ponińskim, sobie w dziwaczney gorliwości równym. Xiąże zabawiał Biskupa w pokojach, a pan Kommissarz z licznym poczem milicyi wpadłszy do stancyi, wziół Instygatora do Łucka, a prawie wydarł z rąk żołnierzy Dubieńskich y zaprowadzonego późną nocą w scisłym osadził areszcie. Zabráł wszystkie jego papiéry do sądu, iakoby na przekonanie go, a bardziéy jego Biskupa y Konsystorz o zmwę z kapłanami na zbuntowanie chłopstwa.

Wzięto też y Popa Surazkiego do Dubna, z Dubna do Krzemieńca na sądy, a Chorupańskiego także przystawiono do Łucka. Pop Surazki, sędownie pytany o list, wyznał, iż go miał nie od władzy Konsystorskiéy, ale od brata swego, Franciszkan z kordonu Cesarskiego, że w tym liście nie było nic podobnego téy powieści, którą zynyslił Pop Chorupański, że brat jego, Franciszkan z kordonu, wyraził tylko w tym liście ucisk duchowieństwa tameyszego, że go się radził y prosił, aby jakim sposobem do tuteyszéy dyecezyi mógł się przenieść, że tenże list czytał Paroch Rochmanowski, sąsiad jego, że naostatek ten list Popadya w pieć wrzuciła y spaliła. Wezwany do sądu, Paroch Rochmanowski na świadectwo, toż samo, co y Surazki, wyznał, ile nie dawno sam czytał y dobrze pamięta. Zaprzysięgli obay w Krzemieńcu przerzeceniu Popi, y sędownie uwolnieni zostali. U nas zaś, w Łucku, cała się na tym oparła suspicya, za co ten list spalono? ¹² Powołany przez Chorupańskiego, Pop Iwański za świadka, iakoby on w domu swoim goszczącego Instygatora sam słuchał, kiedy Chorupańskiego na bunt namawiał. Stanął y ten przed sądem, ale przysięgłszy, nie na Instygatora nie wyznał. Przeto sąd grodzki Łucki, nie chcąc opuszczać téy okoliczności, ile już wyznaniem Krzemienieckim zniszczonéy, unyslił ją wskrzesić, y tym końcem nakazawszy ustęp, tajemnie przywołał Popa Chorupańskiego, y na wyznanie jego, w Dubnie zporządzone, do przysięgi przypuścił, po której wykonaniu tego krzywoprzysięcę uwolnił, a Instygatora w scisleyszy areoszt wziąć kazał.

Jeden z towarzystwa, świadek wyznania Popa Chorupańskiego, J. M. Pan Andrzej Dmoszyński, ruszony gorliwością usmierzenia buntów, wziwszy trzech z sobą szeregowych z Dubna, pojechał do wsi Sitna Wielkiego, dobr J. M. Pani Mniszechowy, Chorążyny Litewskiej, wdowy. Tam do plebanii wstąpiwszy, zastał Parocha, głęboką sędziwością wieku

---

¹² Pop Surazki, list od brata swego przeczytawszy, powtarzał te słowa: «Wielkie się nieszczęście dzieje między ludźmi.» Trwało to kilka dni, że ten Pop okazywał smutek wielki, żalując brata swego. Gruchnęła między prostotą powieść, że Pop iakąś smutną wiadomość odebrał. Doszło to z czasem do dworu. Dwór Surazki, w tych rozruchach trwożliwy, kazał zawołać Popa, a gdyby niechcącego, gwałtem wziąć do pana. Gdy Pop do dworu poszedł, Popadya tym czasem wiedząc, iż ta trwoga y zamieszanie z owego listu pochodzi, spaliła go. Otoż cały wywód tego fatalnego listu, y tak się na gróńcie pokazało.

osłabionego, pytał go groźno o Piliponów, wmawiając, iakoby ich na nocleg w dóm swój przyjmował. Zalekniiony staruszek, odpowiedział, że ich nie przyjmował y nie widział.

Zaczol towarzysz rewidować plebania, skrzynię iednę odbił, bo klucza nie było, resztę podanemi sobie kluczami poodnykał, chustki kramne, koszule cienkie y inne płutna, y co pieniędzy nalazł, wszystko to zabrał, podłogę zerwać kazał, y tam Piliponów szukał, zboże z beczek na tok powysypywał, wszystkie komory spichrze y zabudowania przetrząsł, a gdy nic nie znalazł, do dworu, iak zloczyńce iakiego, Popa staruszka pżed sobą pędził.

Ledwo żywy Pop, gdy się y tam, iako niewinny do niczego, nie przyznał, związano Dziaka, pytał go towarzysz, gdzie Pop noże, spisy y pałasze pochował? Odpowiadał Diak pod nahaiami, iż żadnych nożow, spis, pałaszow u kapłana nie widział, y nie wie o nich: bito bez miłosierdzia od karku do pięt, przewracano nawznak, y toz samo tyraństwo na piersiach y brzuchu wykonywano. Zeindlony Diak prosil o pozwolenie czasu do spowiedzi. Przecież tyle uznał liłości, iż mu się spowiadać nie broniono, a po spowiedzi pochwycono znowu pod nahaie y póty bito, że w całym cieie żadný nie zostawiono cząstki, która by dzikiu okrucieństwem naznaczona nie była. ¹⁵

Gdy już postrzeżono do momentu skonania zbliżonego Diaka, obrocono impet powtórnie na kapłana staruszka. Kazał mu się towarzysz poniemiony rozbierać; zdięto z niego suknią y rozebrano do koszuli. Lecz gdy staruszek, mając od Dyspozytora taméyszego dwa ruble wciśnione sobie w rękę, domyślił się one dać towarzyszowi, tym sposobem wykupił się z jego okrucieństwa. Wzięto zatym pod nahaie ludzi szesćciu z gromady Siteńskiéy, y bito niemilosierdnie. Czterech w domu po plagach długo y niebezpiecznie chorowali. Dwoch zaś towarzysz kazał wziąć do Dubna, którzy tam w więzieniu pomarli. Diaka zaś zbitego wzieli ze dworu gromadni ludzie y zanieśli w weretach do jego pomieszkania. Żył potym dni cztery spuchły y zczerniały. Sakramentami świętymi opatrzony, męczennik miłości bliźniego Bogu ducha oddał, y tamże na cmentarzu pochowany iest.

---

¹⁵ Kapłan Siteński nazywał się Leonty Lokacki, lat 83 wieku swego mający; Diak iego tyrańsko zabity Stefan Grabowski, lat około 40 mający.

Tę smutną historią dla tego za nayspewniejszą donoszę W. M. Panu, bom ią z ust czterech świadków naocznych, co do słowa, we wszystkich okolicznościach z sobą zgadzających się, odebrał. Taki to był y jest zapal nie iednego Pana Dimoszyńskiego, ale niemal wszystkich, jemu w szalonéj gorliwości podobnych, która do iak okropnego doszła kresu, z dalszego ciągu doniesienia mego uznasz W. M. Pan.

W tym samym czasie stawiony iest do sądu kryminalnego Alexander Benderowski, Pop Horodyski, z dóbr J. M. Pana Jana Steckiego, Starosty Owruckiego. Tego Popa o konspiracyą sądziła pierwéy Magdeburgia Ostrogska, y trzech iego parafianów razem z nim na szubienicę wskazała. Już na placu, gdy iednego ze trzech powieszono chłopca, przyszła wiadomość od tegoż Starosty, aby się wstrzymać z ekucyą, ponieważ Stany moe sądzenia na śmierć wszelkim Magistratorem odieły, a tylko Sąd Grodzki lub Ziemski Powiatowy naznaczyły. Przeto zwrócony iuż tylko z dwoma chłopami Pop Horodyski z pod szubienicy, gdy u Sądu Grodzkiego Łuckiego na dobrowolnych konfessatach do niczego się nie przyznał, a zawzięta na zgubę iego strona, to iest, Starosta Owrucki, inkwizycyami dowodzić mu téyże z chłopami zniovy oświadczył się, y na to nayszczegulniéy tych dwóch chłopów z pod szubienicy Ostrogskiéy wziętych, tudzież innych do liczby, prawem zamierzonéy, za świadków stawil, a patron Popowi uwiezionemu dodany, czy zaufawszy w niewinność iego, czy też, pododno z kondyktu, na zgubę iego na tychże świadków pozwolił, y owszem onych wziol na stronę więźnia, z ich przeto zeznania o tenże bunt przekonany, dekret śmierci przez ucięcie głowy otrzymał.

Ogłoszony ten dekret dnia 20 miesiąca Maia, do Biskupa zaś nazaiutrz posłany z rekwizycyą degradowania. Jakie w téy materiy nastąpiły korrespondencye y między jurysdykcyą duchowną a świecką spory, osobnie to przyłączam. Obacz w summaryuszu pod lit. K.

Biskup albowiem, stojąc przy duchownym prawie, nie mógł inaczezy przystępować do degradowania, ażby sam pierwéy poznał y osadził sprawę, iesli iest kryminalną y utraty życia godną. Sąd zaś świecki, polegając na prawie statutu Litewskiego y rezolucyi Stanów seymujących, znał siebie bydź przyzwoitym w téy przestępstwa okoliczności sądem, a przeto żądał, iżby Biskup, nie wchodząc w poznanie sprawy, ile iuż z inkwizycyi dekretem wyszczegulnionéy, a ni czytając nawet tychże inkwizycyi, zaraz, wedle swoich obrzędów, do degradacyi na

śmierć wskazanego kapłana przystąpił, inaczej oświadczył się bez degradacyi exekwować roszkazać. A nasza hałastra Biskupa ociąganie się swoim zwyczajem explikowała.

Na stronę sądu świeckiego poszli niektórzy duchowni teologowie nasi, wydawszy na piśmie rezolucyą, że sąd świecki, iako ma moc rozciągnąć karę śmierci na duchownego w tym przypadku, tak może bez degradacyi do wykonania swego dekretu przystąpić.

Nikomiu się bardziéy nie dziwuję, iak X-u Janowi, ministrowi tu-teyszemu Trynitarowskiemu, przecieź to zakonnik y kapłan z okładem Sześćdziesiąt lat mający, a przez podłe podchlebstwo, albo raczéy przez nienawiść iakąś, przeciw Rusi powziętą, w tym powszechnym zapale, to słowy, to piśnem, całé nie dorzecznym, bardziéy ieszcze podłęgał y rozdymał ten ogień, który iemu, iako duchownemu, mądrymi radami gasić, albo przynajmniéy, gdy tych braknie, milczyć należało. Przyłączam W. M. Panu to jego piśmo, drukiem obiawione, y rezolucyę teologow naszych. Obacz w summaryuszu pod lit. L.

Zatrwożony Biskup tak wielkiéy niezwyčajności wypadkiem, iż go dekretem sądu świeckiego, na śmierć winowaycę wskazującym, zngłono do degradacyi, wysłał sztaffetę do Warszawy, do Xięcia Prymasa y do Nuncyusza Apostolskiego, prosząc, aby, za ich wstawieniem się, kapłan był wzięty przed seymniące Stany y sprawa jego powtóre dokładniéy rozpoznana była. Czekać więc statecznie na powrót sztaffety należało y mężnie wszelkim natarczywościom opierać się.

Lecz Sąd Grodzki Łucki y obywatele naywięcéy o to usiłuiąc, aby ich czynności, jurysdykcyą duchowną upoważone zostały, natrętnemi prośbami, a naostatek groźbami, nie przestawali nakłaniać Biskupa, aby iako nayprędzéy ziechał do Łucka y téy okropnéy dopełnił ceremonii, a raczéy swoiéy y swego duchowieństwa ostatniéy hałby. Na ten koniec wysłali do Rożyszczy wyrzeczonego X-a Jana Ministra, gorliwego na uciemienie Rusi apostoła, z mocną perswazyą y oświadczeniem, że w czasie odnówienia lub przeciagu przybycia Biskupiego, podadzą przeciwko niemu obszerny manifest ad acta y osądzonego Popa bez degradacyi śmiercią ukarzą. Przez tego Ministra piśał Biskup do J. M. Pana Hulewicza, Chorążego Łuckiego, z tym dla publiczności oświadczeniem, że ziedzie do Łucka, iezeli, względem pretendowaney degradacyi, użycie praw y przepisów duchownych wzbronione mu nie będzie. Co więc, tenże Minister wskurał z listem Biskupim, jego odpis

zaswiadczy. ¹⁴ Biskup chciał tym sposobem przeciągnąć czas do powrotu sztaffety, a obywatele skrócić go. Po to umyślnie dnia 23 Maja J. M. Pan Olizar, Podczaszy Litewski, y J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, do Biskupa w dóm ziechali, y póty go wsilnémi prozbami y groźbami skłaniali, że w tymże dniu do Łucka wyiechać musiał y w klasztorze X. X. Trynitarzów stanął na noc w sobotę. Żaden z nim z jego Officyalistów Konsystorskich nie poiechał.

Jak skoro Kommissya powziela wiadomość o przybyciu Biskupa, natychmiast dała ordynans, aby iakie tylko do niego expedyce będą, wszystkie zatrzymane były; obawiała się albowiem, aby sztaffeta z Warszawy dla więźnia czego pomysłnego Biskupowi nie przyniosła, któremu do stancyi posłała Uniwersał seymowy (ten to jest sam, któryś mi W.

---

¹⁴ Odpis X. Ministra do Biskupa bardzo w swoich wyrazach ciekawy: Post Titulum. List Suae Ill-mae W-u Chorążemu oddałem, który czytał w publiczności zgromadzonych Wielmożnych Kommissarzów, Urzędników y obywatelów powiatu. Punkt komunikowania sobie udzielnych inkwizycyi był od wszystkich zaprzeczony dla tego, że nayprzód, te powierzone czy obiawiane nikomu bydź nie powinny, iak tylko wyższemu sądowi eiusdem generis et ordinis, na przykład: Ziemstwu, lub Trybunałowi, ex appellatione admissa; powtóre, że inkwizycye są wyszczególnione w dekrete, z których wypada sentencya, więc mając dekret, ma oraz inkwizycye każdy. Co W-ny Chorąży odpisawszy list do Jaśnie Wielmożności wyraził toż samo, ale tego listu postać nie chciano, ponieważ J. W. Olizar Podczaszy Litt. z W. Załęskim, Stolnikiem Łuckim, uproszeni od W. W. Kommissarzów sędziów y obywatelów powietników, szacunkiem suae Ill-mae poiechali z ostatnią prośbą po ostatnią rezolucyą, odłożywszy exekucyą do poniedziałku, nie daléy, y wstrzymawszy manifest, podpisany od podania do akt, a to z przyczyny przybycia mego na czas gorących rezonów y ostatecznych determinacyi do exekwowania. Zostaie życzenie wszystkich dobrze życzących w tym przypadku, salvo iudicio meliori ziechać niezwłocznie, y tę tragiczną funkcyą, w łepach iak mogą bydź naykrótszych, sporządzić, a inkwizycye w dekrete wyszczególnione, gdy inaczey bydź nie może, co się Manifestem jego in diligentia remedyować będzie, si id videbitur, niechay służą pro cognitione corporis delicti seu criminis. Dokładniey Sua Ill-ma za przybyciem swoim zainformowany będziesz od swoich y duchowieństwa całego przyjaciół, swoim ante omnia zdaniem wielkim utwierdzony uczynisz to, co będziesz sądził bydź ze dwoyga złego mnieyszym złym. A ia czekam y kwatyrą y powitaniem przyłożeniu mnie u nóg, y naywyższym upoważenia Jaśnie Wielmożnego Pana dobrodzieia naymniższy sługa X. Jan Ministr Łucki Trynitarz. D. 23 Maja, 1789 w Łucku.»
 Это письмо, приклееное въ подлинной рукописи также въ подлинникѣ, писано самымъ же Іоанномъ Министромъ Тринитарскимъ. Я. О. Г.

M. Pan z swéy laski przysłał), z tego rzeczony Biskup musiał się przekonąć, że w sprawie kapłana Horodyskiego zapadł dekret w sądzie, *ratione criminis* iemu przyzwoitym, y już o nic więcéy nie usiłował, iak tylko żeby choć powierzchownie resztę praw (iak mówił) kanonicznych utrzymać.

Nie znałem go dobrze z osoby, żebym mu się ośmielił nieuleczone w dekrete prozkiem wady, których on zdawał się niewiedzieć, poufale odkrył. Alboż to małe wady, że dway świadkowie, współnicy mniemanej konspiracyi, już na śmierć dekretem magdeburgii osądzeni (bo trzeci z nich powieszony), w nadgrode świadectwa, przeciw kapłanowi danego. życiem są darowani? Rzecz ożywista, że z ich szczególnie depozycyi pod biciem tylko reszty świadków mniéy przekonujących ustanowionéy ginął kapłan, y że oni swe życie ochraniając, bo ich tak od sądu zapewniono, co się potym z ust ich samych wydało, potępił kapłana. Sąd nie mógł im sprawiedliwie życia darować na mocy nawet przerzeczonego uniwersału, bo już byli w więzach y na śmierć osądzeni, a przeto i jeśli winni, albo razem z kapłanem ginąć, albo, gdy niewinni, razem z nim za takich uznani bydz powinni byli. Biskup, mowię, zdawał się niepoznać wysilonéy zapalczywości na kapłana, a przeto żądał, aby mu inkwizycye do przeczytania pozwolone były, a tym czasem przez sąd swóy duchowny winowaycę zapozwać kazał.

Na komunikacyi rzeczonych inkwizycyi od trzeciej godziny w dniu tymże aż do szostéy zrobił się spór najmocniejszy. Szkalowano Biskupa (przecież zaocznie), że niechce wierzyć dekretowi, który miał w rękę tym samym ma inkwizycye, bo z nich dekret jest wyciągniony. Atoli Pralaci nasi tyle starania dołożyli, że też inkwizycye od sądu, jednak mimo wiadomość obywatelów (bo inaczéy dokazać tego było niepodobna), temuż biskupowi y współ-sędziom, od niego przybranym, oddane zostały.

Jeszcze y tu rozumiał, że rzeczy dobrze idą. Biskup zapewne po przeczytanych inkwizycyach postrzeże ich defekta, zaradzi się współ-sędziów, których miał z naszej katedry, nie przystąpi do degradacyi, a zdwoyga z tego obierze mniejsze, gdy zostawi kapłana w rękę zapalczywości, aby iako gwałt stanowił dekret, tak go też y wykonał. W ten dzień poniedziałkowy damy nasze składały się na zakupienie pochodni dla przypadku, że gdyby go nie degradował Biskup, tedy winowayca w nocy z poniedziałku na wtorek przy pochodniach miał być koniecznie ścięty, bo we wtorek przychodziła poczta z Warszawy.

Dnia 25 Maia z więzienia w kaydanach przed sądem Biskupim stawiony, bez żadney obrony, kapłan, o godzinie osmém zrana, wysłuchał sentencyi, wyłączaiącý go z pomiędzy kleru y z wszelkikh prerogatyw duchownych wyzuwaiacý. Bolałem na to w skrytości serca mego, myśląc, że dziś ostatnią pieczęć przyłożył Biskup do zniszczenia w niewawisnóy potwarzy pogrążonego kleru swego, y że ten los dla Rusi nieszczęśliwóy nie mógł się obéyć bez przyczynienia się duchowieństwa naszego; naproźno y niewczas żadałem, żeby się byli do tey sprawy nie mieszałi y Biskupowi od zasiadania zrzeczenie się wymówili. Obacz pod lit. L.

Stanął Biskup na Mszą Świętą w katedrze naszéy o godzinie dziewiętém, gdzie w naywiększem zbiorze obywatelów y żołnierstwa degradował winowaycę. Damy nasze, dopiero tak gorliwe y odważne, przecież w czasie okropnéy téy ceremonii omdléwały, y iak przedtym wszyscy naygoróciéy żądali, tak w samém czynności, nie mogąc wytrzymać przerażaiącego widoku, łzami zalane, odwracali oczy. Wydziwić się atoli nie mogli wielkiéy przytomności pomienionego kapłana, który to wszystko z taką umysłu statecznością odbył, iakby nie na śmierć, lecz na gody, miał byđz prowadzony, spowiadał się, kommunią nayświętszą przyjął. Po skończonym nabożeństwie prosił, iżby mu kieliszek wódki y iescć dano, bo pragnął posiłku. Uczyniono to natychmiast. Oświadczył się, iż zna się do nieuszanowania swéy matki y częstego w parafii piałstwa, lecz co do buntu ludzi, cale się nie zna, y myśli tak szalónéy nie miał.

Wytrzymano potym więcéy dwu godzin dla uszanowania nayświętszego Sakramentu, po których upłynionych prowadzono na plac pod strażą wszystkich miliciantów, tudzież garnizonu Dubieńskiego y Tatarów pod komendą Generała Bielaka, tu obecnego, będących. Stanął degradowany w szrodku rynku y prosił o spowiedź J. M. X-a Gabryela Sieleckiego, Kanonika naszego, którą zabawił blisko puł godziny. Potym czytano dekret śmierci, a gdy się obszerne zrobiło koło, winowayca samochcąc postąpił bliżéy kilka kroków do czytaiącego, aby wszystkie punkta rzeczónego dekretu słyszał. Gdy przyszło do tych słów, w dekrecie wyrażonych: „Od powzięcia rządów parafii Horodyskiéy w karczanie z chłopami pijał, matkę lajał, Mszą Świętą nie wytrzyżwiony odprawiał,» na to winowayca westchnął; gdy zaś daléy przyszło do tego punktu w dekrecie, że się z chłopami w cerkwi zain-

knął y ich na bunt namawiał, na to trzął głową y wzdychał. Y gdy się mistrz do niego zabierał, on się oświadczył, iż ieszcze miał coś powiedzieć, okrzykniono mistrza, aby się wstrzymał, a J M, X. Kanonik Sielecki, spowiednik, zaczął do niego w te słowa:

«Już cię kapłanem nie nazywam, bo ieśteś wyłączony z liczby Duchowienstwa y za martwy członek na oddział od społeczeństwa ludzkiego poczytany. Nie tajno ci iednak, że zawsze żyć będziesz w wieczności, y że charakter kapłański, na duszę wlany, nigdy iest niezmazany. Stoisz iuż na tym placu, z którego wkrótce na sąd sprawiedliwego Boga pospieszysz. Przypominam ci teraz naypierwszy twój obowiązek, który masz w codziennym pacierzu: «Odpuść nam winy nasze, iako y my odpuszczamy naszym winowaycom.» Na tym fundamencie zapytnię ciebie, czy szczerze odpuszczasz temu; który cię sądowi domniósł y oskarżył?» — «Odpuszczam.» — «Czy niemasz do sądu iakiéy urazy, który cię na śmierć dekretował?» — «Nie mam żadnéy.» — «Czy nie masz za złe Biskupowi twemu, który cię degradował?» — «Nie mam za złe.» — «Czy nie byłeś od kogo namowiony? Teraz, bez względu na osoby, szczerą prawdę wyznaj!» — «Nigdy mnie nikt nie namawiał.» — ¹⁵ «Opowiedz że to teraz, coś miał ieszcze powiedzieć.» — «Opowiadam, żem slyszal, co mowil w moiéy obecności Filip Diaczuk Horodyski, iż teraz czas, będziemy rznąć: a Kowalczuk, także Horodyski, smiejąc się powtarzał toż samo, ale tego niewiém, czy żartem, czy po prawdzie mowili oni.» Po tych słowach prosił o rozgrzeszenie. Siał go mistrz o saméy drugiéy godzinie z południa; żona y matka jego, tuż przytomne, poszły tymczasem w areszt, żeby się przez nie iaka wiadomość do domu nie dostała, a miliciantow posłano do Horodyszczu na pochwytanie wyżéy pomienionych, przez nieboszczyka powołanych. Tych atoli J. M. Pan Starosta Owrucki wydać nie kazał, y sądowi się wyexplikował, iż nie chciał ludzi za próżne słowa żartem wymowione o śmierć przyprawiać; przez co dał poznać, że dosyc miał na ucięciu głowy poświęconéy, także za próżne słowa. Ani też sąd więcéy o wydanie powołanych nie nalegał. Drugiego dnia po ekzekucyi przysłała sztaffeta do sądowych, a to z rezolucyi Seymu,

¹⁵ Ostatnie zapytanie spowiednikowi nie służyło; atoli go nie można ganić, bo w téy okolicznosci świadectwo umierającego nadto potrzebne było. Wszyscy albowiem rozumieli, że coś na Biskupa y kler jego wyiawi. Przeto z wielką niecierpliwością czekali obiecanego wyiawienia.

która dysponowała zatrzymać się z exekucją y kapłana osądzonego na śmierć do Warszawy przystawić. Lecz już niewczas. Nayniewinniejsza głowa do jego karku już się nie przyda.

Bardzo doskonale uważam nadal przewidzenie W. M. Pana, kiedyś mi, przesyłając uniwersał Marszałków seymowych, wyraził, że on inoże być hakiem dla prostoty. Wielu bowiem zgubiły niezrozumiane w témże uniwersale następujące słowa: «Gdyby zaś kto w takim spisku będąc, lub o takowym układzie uwiadomionym zostawszy, odkryciem swoim wykonania występku przed poimaniem go przeszkodził, nie tylko kary na niego sciągnięte nie będą, ale też za ocalenie życia współludzi y uniknienie zamieszania, przyzwoitéy zadgrody wymiar odbierze.» Oświadczamy, prostota nie wiedziała, co się znaczy: «przed poimaniem siebie.» A y ci, co dosyć swiaffa mieli, na świeżych prejudykatakach zasadzeni, bardzo się onylili.

Czytając bowiem w dekreście nieboszczyka Horodyskiego, że Sąd Grodzki dwóm świadkom już poimany y w Magdeburgii osądzonym, za wyznanie występku na siebie y na rzeczonygo kapłana, życie darował, wnosili, że tenże Sąd równie y dla drugich fałsz na siebie wyznawających, łaskawym będzie. Tak uczynił J. M. Pan Jaworowski, dodany od Sądu patron do obrony parocha Starosielskiego. Można mu bezpiecznie wierzyć, że nie żadną podstępna, lecz niewiuną myślą zgubił pacjenta swego, bo potym sam bolał na to, y do tychczas boleie.

Namówił on tego kapłana, żeby dobrowolnie sam na siebie wyznawał, iż u niego był markietan, iż go na rzeź namawiał, pieniądze dawał, y on te pieniądze przyjął, iż ludzi zbierał, traktował y onym konspiracją proponował, że naostatek oni tego nie porozumieli, y on też więcęcy o tym nie wspominał. Wzbraniał się kapłan tego wyznania, powiadając, iż się niegodzi na nikogo, a tym samym y na siebie zmyślać. Lecz, gdy mu patron wyznał, iż nie ina innego sposobu uwolnienia go z tych kaydan, gdy zapewnił, biorąc go na swoje sumnienie, że po takowym wyznaniu zapewnie wolnym będzie, y takowy układ wyznania sam swoia ręką spisał, aby kapłan z gotowéy karty przeczytawszy u sądu, toż samo podpisał. Wymógł na nim, iż to końcem odzyskania swéy wolności uczynić przyrzékł. A przeto, stanowszy u Sądu, nie tylko toż samo przeczytał, wyznał y podpisał, ale więcęcy ieszcze na siebie: iż spisy y noże w ziemi przy swéy plebanii zakopał, y na Instygatora Konsystorskiego, który go do Łucka przystawił, że y on wie o tym,

pododawał. Plotł także coś y na swoją Duchowną zwierzchność, y razem cofając się, iak w zmysłach pomieszany, odwotywał. Obacz w Summaryszu pod lit. M. *

Nic łatwiejszego było, iak postać na mieysce y powieść o spisach y nożach zakopanych sprawdzić. Ponieważ zaś, po nayscisleyszym szukaniu, to się nie sprawdziło, y iego bałamuctwo iawnie się wydało, toć y całe iego wyznanie za fałszywe poczytać należało. Uwierzono iednak tym baśniom, rewidowano uniwersały Biskupie w Dyecezyą do kleru wydane, roztrząsano słowa naymnieysze, y chociaż żadnego podobieństwa nie było, przeciwnie tłumaczono. Wszyscy Biskupi mieli zalecenie od skonfederowanych Stanów, żeby spisali regestra dusz w swoich Dyecezyach według tabelli, z Warszawy przyłączoney. A zatym Biskup Łucki Ruski, dość czyniąc temu zaleceniu, wydawszy uniwersał do kleru swego, iak wyżey wspomniałem, y zaleciwszy im modlitwy o uspokoieniu zamieszania, kończył tą dyspozycyą swóy list pasterski, aby pod ich dozorem będących, hczbe dusz, z wyrazem różności płci y wieku, a wszystkich potrzebnych okoliczności, w sposobie tabelli, na wzór przyłączoney, do Rożyszcz przysyłali. Zaraz podchwyceno te słowa, potrzebnych okoliczności. ¹⁶ Explikowano, iż to iest tajemnica inspirowanego Duchowienstwu buntu.

Stanął na czele Xiąże Kalixt Poniński, wnosił illacyą do Sądu Grodzkiego Łuckiego, domagał się rezolucyi, aby Biskupowi z tych słów publicznie u sądu explikować się nakazano.

---

* I pod lit. L.

¹⁶ Nie dziw, że te słowa «potrzebnych okoliczności» sprawiły podęyrzenie, kiedy go nie użyły podobieństwa nawet nie mające, za które był kapitan w niewolą wzięty. Wysła xiążka przed półtora roku, po Rusku y po Polsku, zamykając w sobie różne dla tudzi y dla bydła lekarstwa. Z różnych autorów te wypisy zebrawszy, J. M. Pan Starosta Leńkiewicz kazał wydrukować, y do Rożyszcz odesłał, prosząc, aby daremnie te exemplarze w Dyecezyą rozdane były. Między innymi ciekawościami naucza tam autor, jak orzechy konserwować, aby świeże były, kaze ich w garku przesypywać suchym piaskiem. Zastano tę xiążkę u kapłana, explikowano, iż te orzechy, ten piasek, y ten garnek nie są bez tajemnicy. Przez orzechy znaczą się kule, a proch przez piasek, armata zaś przez garnek. Więc popi zmowił się na zgubę obywatelów. Biedny kapitan za to uwięziony długo się explikować musiał.

A gdy z strony Biskupa złożono list in originali od Marszałka Konfederacyi, gdy się odwoływano do innych sąsiedzkich Biskupów utriusque Ritus, że y wszyscy toż samo w swoich czynili Dyecezyach, a pomieniony Xiąże z wielu obywatelami nalegał, iżby Biskupa mogło to zapozwać, przeto Sąd, ulegając okolicznościom, zapozwać Biskupa y sprawę w rejestrze directi mandati umieścić nakazał. A tak Biskup y manifestem od obywatelstwa oczerniony, y do sądu świeckiego zapozwany, próżnie rozumiał, że degradacją nieboszczyka parocha Horodyskiego zawzięte przeciwko sobie ugłaszczce umyśliły. Więc się manifestował o takową Biskupiey jurysdykcji krzywdę, y do swoihey wioski, Łuckowi przyległhey, na traktament wszystkich zaprosił, gdzie, na instancją niektórych obywatelów, gorliwszym duchem prześladowania tchnących, cały swój Konsystorz dla tēy iednēy przyczyny skassował, że tego chciály półgłowki, trunkiem zachmielone, a po skassowaniu Officialstwo swoje J. M. X-a Florianowi Korsakowi, Bazylianowi, Koadjutorowi opactwa Żydyczyńskiego, konferował. Manifest sub lit. N.

Już to drugi postępek tego Biskupa cale mi się nie podobał. W pierwszym trzeba było po pastersku stanąć przy prawie mężnie, ¹⁷ w drugim należało sprawiedliwość y roztropność zachować. Miał zacnych y

---

¹⁷ Dowiedziawszy się J. M. X. Nuncyusz Apostolski o wykonanę degradacyi, listem swoim naganil Biskupowi, ukwapienie się do nięy wyrażał y ubolewał, iż to się stało wbrew prawu duchownemu, iż w tych okolicznościach, gdzie gwałt wszystko stanowi, należało z dwoyga złego mnieysze obierać; mnieysze zas było dopuścić, aby bez degradacyi świecki dekret był skutkowany, niż Biskupim autorzować go wyrokiem. Ten bowiem prawa duchownego uszczerbek łatwo można było nadgrodzić, do czego tenże J. M. X. Nuncyusz oświadczył się, żeby był podał notę ministerialną Stanom, aby nową konstytucją prawa duchowne na potym zabezpieczone były. Lecz gdy iuż degradacya nastąpiła dodawał, iż niemógł nic czynić u Stanów, bo iuż zatwierdzone publicum w tym przesądzie, kiedy się dowodzi nawet z wyroku Biskupiego, że jego duchowieństwo należało do spisku. Tak zakończył swój list pomieniony J. M. X. Nuncyusz.

Wszakże Bóg sędzić będzie każdego wedle dzieł jego, y tam dopiéro na sądzie jego boskim nie zakryta okaże się prawda, czy wart był śmierci ów kapłan? Czy inkwizycye, z dwóch tylko świadków, niby oczywistych, pierwey dekretem Magdeburgii na śmierć osądzonych, a potym gdy kapłana do siebie za spółnika powołali, po powieszeniu trzeciego z nich do Sądu Grodzkiego odesłanych, y dla tēy samēy przyczyny życiem darowanych, były donośne, żeby takową śmierci jego ustanowiły sentencją? Czy ten kapłan, gdyby wreszcie co nierostropnego wyrzekł, za

swiatlych ludzi, tak Officyalów, iak y Assessorów, z których się iego składał Konsystorz, tych wszystkich za razem uchylwszy, na sławie tak daleko skrzywdził, że dziś publiczność mniema ich bydź hersztami rzeczonyé konspiracyi.

Tym czasem w Łucku X. Karpowski, Instygator Konsystorski, aresztant, był celem publiczney nienawiści. Po wyznaniu na niego przez owego parocha Starosielskiego, iakoby wiedział y należał do spisku, dawniejszą depozycyą Popa Chorupańskiego bardziey ieszcze potwierdzającym, lubo on sam stawiony do Sądu nic na siebie nie wyznał, y ze wszystkich zarzutów tak słowy, iako y pismem, silnie się explikował: swiadków też na poparcie tych zarzutów nie było żadnych, a których on chciał z Duchowieństwa na oczyszczenie siebie stawić, tego mu nie pozwolono, y wszystkich, iako buntowników, odrzucono, tak wielka przeciw niemu wzmogła się zapalczywość, że o dalszych mniemaney zbrodni iego dowodach nie myślano, iak tylko o rodzaju smierci dla niego nayokrutniejszym. Na większe ieszcze ohydzenie uczyniono go siestrzeńcem Biskupim, a przeto tegoż Biskupa y duchowieństwa wszystkich układów naylepiey wiadomym.

Nalegano u Sądu, iżby nie odwłocznie na téy kadencyi był ostatecznie osądzony y dla postrachu wszystkich spółników swoich, na gardle ukarany. Tu Sąd Grodzki Łucki bardzo roztropnych chwycił się szradków. Widząc go bowiem tym usilniéy o wskaranie na śmierć żadanego, im mniéy na nią zasłużył, rozsądzenie sprawy jego do przyszley kadencyi, spodziewaiąc się z czasem umnieyszenia publicznego zapalu, umyślnie odłożył.

---

same słowa do wykonania przez dwóch spółników nigdy nie podobne śmiercią powinien był bydź karany! Czy w takim zapale niesprawiedliwych żądań nie należało pasterzowi obstawać przy prawach swoich y swoiéy owczarni z tą umyślną statecznością, iakiéy po nim iego urząd wysoki y obowiązki pasterskie animam ponere pro ovibus suis wymagały.

Lecz na nieszczęście nędznego kleru téy Dyecezyi zbiegły się wszystkie okoliczności aż nadto w przepaść go pograżaiące. Stefan Lewiński, Biskup Koadjutor z następstwem y Administrator z zupełną niby jurysdykcyą, pierwszy z kleru świeckiego na katedrę wyniesiony, żadney familii nie maiący, cienia swego lękaiący się, chociaż u Króla y familii Królewskiéy dobrze położony, ale tym samym od obywatelów zmienawidzony, całą swoią usilność na przypodobanie się każdemu łożący, y tą swoią zupełną jurysdykcyą do ich woli z upodleniem swéy powagi służący, nie mógł tyle mieć w sobie odwagi, żeby się ich żądaniom niestusznym oparł.

W samym nawet więzieniu nie dano mu podobnej, jak innym, używać spokoyności; ktokolwiek z znaczniejszych obywatelów przybył do Łucka, był ciekawy widzieć go jak potworę iaką, rozlewu krwi obywatelskiéy pragnącą, y tą uprzędzony myślą, tysiączne na niego miotał potwarzy, tak dalece, że częstokroć żołnierze na straży, przy nim będący, kryć go między sobą y z rąk zawziętych wydzierać musieli. J. M. Pan Puławski, Rotmistrz kawaleryi narodowéy, nawiedzając go, nie mógł wygórowanej utrzymać w sobie złości, lecz, używszy słów nayoebelżywszych, porwał go za piersi, y może, że tamże na mieyscu albowy ubił, albo był skaleczył, gdyby przytomny officer z kilku żołnierzami więźnia był nie ratował. J. M. Pan Cyryak Nowowieyski widząc w takim zapale J. M. Pana Rotmistrza Puławskiego, a zwłaszcza nie trzeźwego, nie tylko że go nie wstrzymywał, ale ieszcze podlegał bardziéy, y dla więźnia tysiąc stryczków iuz gotowych mieć oświadczył się.¹⁸

¹⁸ Bywa, że człowiek znaczny y pocziwy czasem po pijanu źle uczyni; ta wada ledwie nie każdemu jest przyzwoita; z iéy powodu J. M. Pan Rotmistrz Puławski w Korcu Dziekanowi tamejszemu y Wikaremu jego daleko większą, niż Instygorowi w Łucku, uczynił krzywdę, czego potym ciężko żałował. Gdy bowiem wyperswadowano mu, że się popi zbuntowali na obywatelów, on przy sporych kieliszkach wydał rozkaz, aby mu natychmiast Dziekana z Wikarym sprowadzono. Na słowo Komendanta pochwycono ich z plebanii y stawiono przed nim pod ówczas na grabli w Korcu ochoczącym. Sam do piersi Dziekana przykładał pistolet, wapytując go, kiedy rzecz między niemi uknowaną w swoiéy zacnie parafii? Odpowiedział Dziekan, że nie jest rzeźnikiem, że to jest potwarz na Ruskie duchowieństwo, zóśliwie narzucona, że naostatek nigdy to prawdzić się nie może, żeby toż duchowieństwo miało tak szkaradny knować występki. Rozgniewany tą smiałą odpowiedzią obydwoch kapłanów pochwyć y w sław na głębią wrzucić kazał. Już żołnierze rzucać mieli, gdy z naglą zreflektowawszy się, odmienił rozkaz, y zamiast potopienia, żołnierską im repremendę dać kazał. Tam zaraz obszernym pałaszem Dziekanowi pięćdziesiąt płażów tak ciężkich, że się krew zbitemu przez usta z piersi rzucała, Wikaremu zaś trzydzieści wyliczono, y do plebanii obydwoch odwiezino. Nazajutrz wywczasowany tenże J. M. Pan Rotmistrz, przypomniawszy wczorayszą Historię, bolał sam, że ją uczynił, gniewał się na zbyteczne w nieuważnych rozkazach swych posłuszeństwo, przeproszał Dziekana y Wikarego, oraz sowił im nadgrody lakiéy tylko zechcą, przyobiecał.

Ani J. M. Panu Cyryakowi Nowowieyskiemu stryczkowéy hoyności za źle mieć należy. Młody ten Jegomość, z szlachetnych na pieprzu, cynamonie y galakach muszkatulowych panów poprzedników swoich prostą lenią idący potomek.

Odwiędzał go y J. M. Pan Sępkowski, Woiewoda Kijowski. Przecież ten senator daleko był dyskretniejszy, niżli drudzy, owszem cieszył stroskanego więźnia, iż jeżeli nie winien, nie ma się obawiać żadney dla siebie kary.

Po śmierci J. M. Kaietena Olizara, Ex-stolnika koronnego, dnia 26 miesiąca terażniejszego Maia nastąponéy, który także, ile na schyłku życia przez pobożność przyczyniał się do uoisku Rusi, przyspieszono niektórych kapłanów uwolnienie: z tych niektórzy odprzysięgli się, że o niczem nie wiedzieli; niektórzy zaś prosto do Biskupa za inniéy roztropne słowa po ukaranie duchowne odesłani. Nie był atoli równie los ponysłny Tymoteusza Chrzanowskiego, parocha ze wsi Miłostowa; ten pop o przenbcowanie Piliportów oskarżony, dnia 29 Marca wzięty był do więźnia Dubieńskiego. Po różnych indagacyach, gdy się jego niewinność ze wszystkich zarzutów mu nie dowiedzionych okazała, włęc za ordynansem Kommissyi Woyskowej, Xięciu Michałowi Lubomirskiemu danytm, posłany był z konwojem do Rożyszcza dnia 20 Maia. Biskup, chcąc poznać sprawę tego kapłana na gróncie, wysłał Kommissarzów de utroque Ritu do Miłostowa, aby wyprowadzone z swiadków przysięgłych inkwizycye do sądu swego odesłali. Lecz gdy Kommissarze do plebanii Miłostowskiey ziechali y dzieło sobie wruczone rozpoczęli, przybył do nich z hałasem J. M. Pan Cyryak Nowowieyski, Kommissyą zerwał, na Kommissarzów odgrażał się, instrumenta Biskupie zabrał, y o tym wszystkim do Kommissyi Woiewodzkiey do Łucka doniósł.

---

dorwawszy się niedawno urzędłu sędziego deputatá na Trybunał Koronny, który nierównie jest znakomitszy, niż Xiążąt sklepowych w Gdańsku, znał, że ieszcze nie dosyć odbytą deputacką funkcją w stanie rycerskim ustanowił swą reputacyą, szukał przelo dalszego ustanowienia y zatwierdzenia onéy bardzo na to skutecznym przez ucisk Rusi sposobem.

Alboż nie tą drogą trafił szczęśliwie do swoich zamiarów J. M. Pan Tadeusz Szemiott? Stawszy się najeżarniejszym Biskupa y wszystkich Rusinów oszczercą, do iak obażernéy w obywatelstwie przyszedł powagi! Mało go przedtym y chyba przez ustawiczne klutnie z zaćną swą żoną czydione znał powiat Lucki, lecz iak skoro ten Szemiotek zaczął się wściekle miotać na Rus w terażniejszych okolicznościach, ledwo bym nie przysięgł, że też same ręce, które dawniey go w Lyszczu, w Żydyżynie y w innych wielu mieyscach, porządem z pijaństwa osypanych, trzępały pó pyskach, dziś by go do wysokich wzniosły honorów, gdyby miał głowę y charakter serca po temu.

Wyszedł natychmiast Kommissyi teyże list do Biskupa, nakazujący, aby, ponieważ na mocy rezolucyi Stanów nikt nie może sądzić spraw takowych, tylko gród, lub ziemstwo, pop rzeczony Miłostowski był nieodwłocznie do tegoż sądu przystawiony. A zatym musiał Biskup dnia 4-go Junii przystawić go z Rożyszcz do Łucka, tym się tylko zabezpieczając, że to niby już nie do sądu prosto, lecz do klasztoru X. X. Dominikanów go odesłał, gdzie powtórnie niedziel kilka w areszcie zostawał.

Nie przyiszło do sprawy Xięcia Kalista Ponińskiego z Biskupem, pilniejszy go do Warszawy odwołał interest. Brat jego Xiąże Podskarbi koronny, który pod laską swoją Seymową roku 1775 oyczyzną na rozbiór zaprzedał, y za to ieszcze na tymże Seymie Xiążęcéy mitry dostał, z rozkazu teraz skonfederowanych Stanów wzięty iest w scisły arezst. Chodzi więc o głowę tego Ministra, y o mitrę jego familii, a przeto ważniejszy ten interest dla Xięcia Kalista, niż Biskupowi Ruskiemu z iegoż uniwersałów dokazanie buntu w jego Dyecezyi. Los Jaśnie oświeconego arezstanta tego lepiej W. M. Panu iest wiadomy w stolicy, niżeli nam w prowincyi.

Nie wytrzymał natarczywego zewsząd przesładowania w swéy niewoli X. Karpowski, Instygator Konsystorza Ruskiego, pisał list do J. M. Xięza Józefa Buczyńskiego, Pisarza tegoż Konsystorza, prosząc, aby mu o tęgą postarał się truciznę, dając przyczynę, iż gdy doświadcza, iż niewinność w natężonym zapale bronić go nie może, przeto w przypadku podobnego wyroku śmierci na niego, iak na Popa Horodyskiego, wolał by od trucizny, niż od miecza katowskiego, ginąć. Ten list dostał się pierwéy do Kommissyi, niż do kogo był adressowany; kopia onego przepisana, a oryginał umyślnie posłany do rzeczzonego Pisarza Buczyńskiego,¹⁹ na doswiadczenie, czy też mu żądany poda trucizny.

¹⁹ Prawdzi się przystowie: «Gdzie dyabeł nie może, tam babę poszle.» Bliżko więzienia Instygatora tego w murach staréy katedry obrala sobie stancyą J. M. Pani Roguska, owa sławna nad swoim mężem monarchini. Drzwi od jéy stancyi czyniły komunikacyą do więzienia. Ta Jéymosć namowiona, aby pod pezoem miłości Chrześciańskiej wizytując więźnia y do siebie go zapraszając, wyciągała na słowa, z których by pewnéy dociekla konspiracyi. Chytra ta niewiasta wielką się zrobiła przyjaciółką tegoż Instygatora. Ubolewała nad nim, że tak wlekie przesładowania cierpi. Tysiączne miotała przekleństwa na przesładujących go, prosila, żeby jey wynurzył tajemnice serca swojego, dodając, iż ma łatwe sposoby dania mu

Nie zastał posłaniec X-a Buczyńskiego, oddał oryginał Sekretarzowi Biskupiemu, pod ów czas w Łucku obecnemu; ten, przeczytawszy okropne w nim wyrazy, których się nigdy nie spodziewał, nie dawszy żadnego odpisu, spalił oryginał.

Zapozwano natychmiast przerwanych Xieży, tak Sekretarza, iako y Pisarza Biskupich, do złożenia tego listu na przyszłą sądów kadencyę, ile że ta dnia 3-o Czerwoa już się kończyła, a przeciwko Instygatorowi wniesiono illacyą, iż ponieważ trucizną się chciał zgubić, to samo iest dowodem, że się poczuwa do zbrodni. Proszono zatem, aby w kaydany był okuty. Sąd lubo iawnéy na to rezolucyi nie wydał, tajemnie iednak pewnie na to pozwolił, bo zaraz ciężkie na ręce y nogi więźnia włożono kaydany.

Ten list instygatorski nie uprzedzoną myślą rozbierając (bo iest onego kopia w Kommissyi), nie można tak konkludować u Sądu, chyba iego wyrazy odmienić. Wszakże y téy okoliczności nie opuszczono przewrócić opatrnie. Skoro bowiem dało się słyszeć, że oryginał spalony, doniesiono Stanóm seymuiącym, że Instygator, siostrzeniec Biskupi, o bunt przekonany iest pismom swoim. Nato bowiem umyślnie trucizny żądał, żeby przed czasem sam się zabiwszy, spółników buntu y wszelkich układów, iakiemi skutecznie y kiedy naysposobniéy ma bydź wykonany, nie wydał.

Uważ że W. M. Pan, ozy mogą Stany seymuiące iasnie poznawać rzeczy, iakie się tu dzieją, odbierając zawsze fałszywe doniesienia? Ta była przyczyna, że remonstracye Biskupie na Seymie przez J. M. X-a

---

ratunku w tym stanie iego neiszczęśliwym. Lecz z niewinnéy duszy nic podobnego wedle swoich zamysłów nie wyczerpiała. Wnosząc tedy, że jéy nie dowierza, inne na niego chytróści swoiéy zastawiła sidła. W tylokrotnym oświadczeniu osobliwszego aad nim politowania mowita, iż to niepodobna, żebyś W. M. Pan nie miał potrzeby pisywania do swoich przyjaciół, a nayspewniéy przez moich służących, iako wiernych, listy jego dochodzić będą. Tym sposobem zupełnie wyperswadowała zaufanie. Oszukany Instygator często pisywał, donosząc, co się z nim dzieje, y ten list iego ostatni, powierzony był téyże, iak mniemał, jego przyjaciółce. Ona zaś odbierając powierzone expedyce, każdą w szczególności, do Kommissyi pierwey zanosić, a po przeczytaniu, niby pod wielkim sekretem, do kogo adressowane były, oddawać, y responsa podobnież pierwey Kommissyi, potem więźniowi z równą ostrożnością kotmunikować kazala (Ob. pod lit. N.).

Nuncyusza czynione, ²⁰ albo nie miały żadney, albo nie taką, iaka mu sprawiedliwie należała, odbierały rezolucyą.

Przecież Sądowi Łuckiemu naganiono osądzenie na śmierć parocha Horodyskiego. Gdy bowiem zastanowiono się super motivis dekretu, gdy rozważono, że kapłan w pijaństwo wzwyczaiony, trzech parafianów swoich, iakoby do rzezi namawiając, nigdy wykonać onéy nie był podobny, gdy przy tem niedostatek swiadectw, bo tylko dwóch naocznych swiadków, lecz y ci z nim w spółnictwie zbrodni, za toż swoje wyznanie życiem darowani, kapłaną o niéy przekonywać nie mogli, rzeczono, że ten kapłan nie wart był śmierci.

Przy końcu kadencyi sądów czytano dekreta kapłanom, y wielu z pospolstwa, tudzież markietanom, w areszcie zostaiącym, któremi iednych za szrodkuiącą przysięgą uwalniano, drugich po ukaranie do Biskupa odesłano; parocha Jabłonieckiego na lat dwanaście do aresztu tu, w Łucku, bydź maiącego, wskazano, ²¹ Instygatora y parochów

²⁰ Biskup o niewinności Instygatora swego, ludzié o namówieniu na fałszywe wyznanie parocha Starosilskiego, wiadomy, chciał onych wymknąć z pod nie uchronnéy zguby, iakiéy im zapalczywość publiczną spodziewać się kazała. Tym celem wysłał szaffetę do Nuncyusza, prosząc, aby za jego wstawieniem się Stany seymujące rzeczonych dwu kapłanów do Wapstawy stawić nakazały. Na przełożenie J. M. X-a Nuncyusza wszelką łajwość ukazał J. W. Małachowski, Marszałek Seymow. Koron., y list do sądu grodz. Łuckiego pisał, lecz, zamiast przystawienia onych, zakazał tylko, iżby sąd pilną na wszelkie okoliczności w swoich wyrokach miał uwagę. Wydał się Nuncyusz w odpisie do Biskupa, że opacznych wyrazów listu Marszałkowskiego nie wiedział.

²¹ Sam sobie winien X. Bubałowicz, paroch Jabłoniecki, że w nienawiść J. M. Pana Boguckiego, swego kollatora, popadł. Roku 1782 bogoboyny ten kollator grónta cerkwi tameyszey, przez swych przodków nadane, odebrał, y kapłana o złe sprawowanie się do sądów Biskupich zaporwał. Pozwany dowodził niewinności swoiéy, y odkrył źródło niechęci kollatorskiéy. Prosił o odwrotne przeciwko niemu powództwo, y otrzymał. Pokazało się z swiadków przysięgłych, że kapłan w parafii Jabłonieckiey przykładnie swoje wypełnia obowiązki, y że kollator niesłusznie dawne nadanie od cerkwi odtargnoł, które za dekretem Biskupim powrócić musiał. To wszakże łakomstwu jego stała się krzywda, którą pobożnie aż do roku terażniejszego wycierpiawszy, umiał kapłanowi wet za wet oddać. Oskarżył go o bunt poddaństwa, y aby w dowodach nie upadł, na ten koniec bardzo rozumnych iął się szrodków. Kazał wziąć do dworu Jędrzeja Kabasiuka, Pa-

Kołkowskiego, Starosilskiego y owego Rafałowieckiego, dekretem Kommissyi expiruiący na śmierć osądzonego, do przyszłej kadencyi w niewoli zatrzymano. Z wyznania rzeczzonego popa Starosilskiego obszerny wywód w dekrete bardzo iest straszny. Markietana, na imię Borysowa, którego on wzmiankował, wszędzie szukać kazano. Markietanów innych więzionych y niczym nie przekonanych, do fortecy

---

namarza cerkiewnego, przeczytał mu punkta przeciwko kapłanowi spisane, z których, jako zmyślowych, gdy żadnego pomieniony Kabasiuk nie przyznał, za to trzysta łozami ukarany, y nadal o hojności pańskiéy upewniony został, iż póty, aż do utraty życia chłostany będzie, poki tychże na kapłana punktów swoim świadectwem nie przyzna. Tą męczarnią zmuszony, Kabasiuk woli pańskiéy we wszystkim powodować się oświadczył. Wiedział J. M. Pan Bogucki przywiązanie swoich poddanych Jabłonieckich do kapłana, spodziewał się, iż nic na niego nie przyswiadczą; przeto y tu wielkiéy ostrożności użył. Wziół z poblížszyć wioski ludzi dwunastu, w których przytomności, zawoławszy Andrzeia Kabasiuka, który już wszystko wedle rzeczonych punktów na kapłana wyznawał y wyznać sądownie oświadczył się, pilnie owym dwunastu ludziom słuchać kazal. Potym ich wszystkich do sądu grodz. Luckiego sprowadził, gdzie swoje świadectwa przeciwko kapłanowi złożyli. Wypadł na niego ten dekret dwunastoletniej niewoli wielce sprawiedliwy! Nie tylko na osobie jego znęcał się, odbijał szpiklerze, zboże, konie, woły y gotowe pieniądze zabierał, grónta cerkiewne na swój pożytek zasiewał, lecz y żonę kapłana zapamiętałe różgami chłostał. Przybrał do siebie J. M. Pana Walentego Załęskiego y Pana Zielińskiego. Ci dway głóśni w powiecie Luckim mężowie, świeżym roku przeszłego kilku chłopów Omelańskich zabójstwem wsławieni rycerze, nie odmówili swoiéy godnej pomocy. Radzi téy przygodzie wzięli z ukontentowaniem tak Jabłonieckiego, iako y Sobiatyńskiego parochów z domów ich własnych; podzielili się choć ubogim, ale dla tego miłym, że z największą łatwością zdobytem, łupem. Kollatorowi wszystko się na gróncie dostało, a Ichmościom znacnym pomocnikom, konie y pieniądze; y sprawiedliwie; bo też już nie mieli by ani sami czym jeździć, ani buntowników mniemyanych o czym do sądu zaprowadzić. Osadzili ich do jutra we dworze Jabłonieckim, a nie przestając na słowach przyzwoitego kapłanom bożym uszanowania pełnych, na licznych z pięści szcudrobliwéy udziałach, nogi ich dybami ozdobiwszy, dla tym większy wspaniałych czynów swoich chluby, umyślnie trakt na Rożyszcza obrócili, y tam w austeryi staneli na popas, żeby raczył oglądać Biskup, iak ucziwie jego kapłanów z dobraną malitycy assystencyą do Lucka prowadzą.

Pewnie, kto ciekawy będzie, za co wzięty w areszt paroch Sobiatyński, ma przeto wiedzieć, że iest rodzonym bratem parocha Jabłonieckiego. Alboż to nie kryminal? Alboż nie wart więzienia za to?

Dubieński odesłano. Wielu z pospólstwa różnie ukarano. Wielu też do przyszłych sądów w więzieniu zostawiono. Tyłekroć wspomniany pop Starosilski, widząc, że wielu kaptanów po odprzysiężeniu się od zarzutów wolnością darowano, niewczesny żal swój temi wyrażał słowy: «Nie dobrze zrobiłem, że, posłuchawszy mego patrona, fałszywie plotłem «na siebie, y iabym się sprawiedliwie mógł od wszystkiego odprzysiężać, a tym sposobem moją odzyskać wolność.»

Odwoływał nieborak to swoje wyznanie w gorzkiem żalu y płakał, ale go już nie słuchano, y owszem okropniejsze kaydany, włożywszy w publicznym zamkowym więzieniu, między natłoczonym także pospólstwem, w nayobrzydliwszych fetorach osadzono. Srogi tenpostępek z uwięzionemi bardzo mnie zadziwia, z téy osobliwie przyczyny, że kara y pewna jest y wielka, a dowody zbrodni, zarzuconéy nie mają żadnéy pewności, bo, oprócz bałamuctwa zastraszonych albo umyślnie namowionych więźniów, ani na Kommissyi, ani na sądach grodzkich Łuckich, nie więcéy dociec nie mogliśmy.

Skończyła się kadencya sądow, kończę y ja list mój w oświadczeniu winnego mu uszanowania etc,

Może, że ludzie za dzikość w oświeconym wieku terazniejszym nie są winni. Może, że to rok 1789 tak jest fatalny, że swiatłym ludziom głowy pozawracał. Toż samo y pamiętnik pod tytułem: «Obraz historyczno-polityczny,» wyraża w słowach następujących:

«W roku 1789 swiat zatrzęsł się, wpadł w konwulsye, y zaczęła się «nowa epoka rodzaju ludzkiego w Europie. Rok 1789 jest nayosobliwszy «w kilku wiekach. Od czasu krucyat nie było żadnéy takiéy epoki, iak «teraz, w którój pewne polityczne unniemanie szybko rozszerzyło się y «wiele zbytków w ludzkich postępkach sprawiło. Duch wolności ku «końcu wieku ósmnastego, iak duch religii ku końcu wieku iedynastego, «stał się woiennym. Na ówczas woiowano o ziemię świętą, teraz woiują «o świętą wolność, etc. etc.

«Chęć wolności w Paryżu stała się zawrotem, który ztamtąd rozszedł «się na wschód, na południe, na zachód, przedał się do Indyi zachod- «nich, gdzie Murzynom wcale odiał rozum. Wolność, mówił Rousseau, «jest to powabna żywność, ale potrzebuie dobrego żoładka, żeby ją strawić, a tego nie mają wszyscy ludzie, etc. etc.

«Zaden rok w całych ludzkich dzieiach nie był tak pełnym nauki dla panujących y narodów. iak rok 1789. Okazał on iednym y drugim, że potęga, władza, tylko przez kunszt, który nakłania okoliczności, iest potężna; że ludiaki, który здаie się bydź potłumionym, w moment poruszenia gwałtownego może wywracać trony, y na ówczas naystraszliwsza woienna potęga staie się niczem, lecz okazał on znowu, że lud tenże sam, kiedy się ma za wolnego wcale, całe państwo wprawia w nieporządek, okazał, że wielcy panowie podlegają inaym okolicznościom, etc. etc.

«Francya naystraszniejszych scen doznała. W wielu mieyscach przewrócony porządek rzeczy y ludzi. Rybaczki posadziły się obok Monarchy, panującego nad dwudziesto pięcio milionami ludzi, przepisowały mu prawa, y uprowadziły go z stolicy swoihey. Widziano Królowę, córkę y siostrę Cesarzów, ledwo nie zamordowaną od własnych poddanych, y bez odzienia z łożka swego. uciekaiącą. a)

«Widziano Króla, noszącego kokardę na piersiach, która była znakiem buntu przeciw niemu. Widziano potomka Ludwika Wielkiego, stojącego przed Magistratem miasta pod czas, gdy tenże Magistrat siedział. Widziano mordy, okrucieństwa, okropności woyny domowey, pod czas gdy

---

a) Było to po północy, między piątym y szósytm Pazdziernika, roku 1789. Młody P. de Varicourt uratował Królową Francuzką. Stał on na warcie przy iey drzwiach. Zabaczywszy nadedniem, że wielu dystyngwowanych zabóyców do przedpokoju Krolowey w stroiu niewieścim wpadło, pobiegł do pokoiowey Monarchini y zawołał: «Urowadź W. M. Pani Królową, o to wielu zabóyców!» Potém pospieszył nazad do obrony. Tu odebrał dziesięć sztyletów, a iednak nie dopuścił, żeby drzwi były wyłamane. Nakoniec padł na drzwi umierając, y tym samym ieszcze przeszkodził zaboycom do wdarcia się prędkiego do pokoju. Te catéry minuty dały czas Królowey do porwania się z łożka y ucieknienia w koszuli do Króla. Zabóycy, nie zastawszy iuż celu zbrodni swoihey w pokoju, wrócili się z zafadłością do ciała zamordowanego Varicourta y w sztuki go rozsiekali. Co się zaś wspomina o rybaczkach, że się posadziły obok Monarchy, przepisowały mu prawa, y uprowadziły go z stolicy swoihey, wiedzieć potrzeba, że gdy się wczół bunt pospólstwa w Paryżu, na ówczas kobiety w tłumie tegoż pospólstwa wpadały do Wersalu, zwyczajnéy Królów Francuzkich rezydencyi, y rozkazywały Królowi, aby się natychmiast stawil w Paryżu przed Magistratem. Jakoż Król dobry posłuchał rozkazujących swoich poddanych, stanął przed tymże Magistratem, a dla miłości narodu swego przykładną uczynił offiarę z naywyższy powagi swoihey.

•mowiono, że nie było żadnej domowej wojny. Widziano, że głowy po-
 •mordowanych wiernych stróżów Królewskich, którzy życia swęj Kró-
 •lowęj przeciw zabójcom bronili, na pikach po Paryżu obnoszono, że
 •inneinu zamordowanemu siano w gębę tkano, y głowę iego teściowi
 •całować krwią zbroczoną kazano. Było to wszystko dzikim barbarzyń-
 •stwem, nie zas Europeyską wolnością.

•Widziano zdrady w fortecach, u dworów, w gwardyach y między
 •żołnierzami, swiętobliwością przysięgi obowiazanemi. Widziano 100,000
 •woyska zbite od 30.000 dla tego, że wódz jego był Wielkim Wezyrem,
 •to iest, wielkim panięciem. urzędnikiem, ale nie officyrem, y popel-
 •nił błędy głupstwa, y nieumiejętności, które całą jego moc y potęgę
 •nadaremna uczynily b). W tym ieszcze roku widziano wodza w iedney
 •wielkięj twierdzy z 18.000 ludzi zbroynych y 300 armatami y wiel-
 •ką obfitą ammunicyą, proszącego z pokorą swego nieprzyziaciela, któ-
 •ry ieszcze nie rozpoczoł oblężenia, y nie miał do tego potrzebnęj ar-
 •tylleryi przy sobie, aby wziół fortecę y wszystko co w nięj było. c)

•Widziano iednego Xięcia, naybliższego krewnego Królewskiego, ob-
 •winionego iawnie, iakoby chciół zdradzić monarchę swego, robił spi-
 •ski, y myślał się na iego miejsce postawić. d)

•Widziano rzeczy, którym potomność ledwie będzie wierzyć, rzeczy,
 •które czas dopiero dobrze odkryie y obiawi. e)

•Skończył się rok ten fatalny, nastąpił 1790. Zaraz w miesiacu Lu-
 •tym Austrya doznała nayfatalniejszego losu, który tylko paść moze na
 •panujących. Arcy-Xiężna Elżbieta, z domu Wirtemberskiego, żona Arcy-
 •Xięcia Franciszka a siostra Wielkięj Xiężny Rossyiskięj, umarła z okazji

b) Wezyr wielki wkroczył w Baran Austryacki z tą potęgą y przez J. zela II Cesarza, mającego tam tylko 30,000, był zbity y wypędzony.

c) Seraskier poddał Bender, fortecę najmocniejszą, Xięciu Potémkinowi bez żadnego wystrzelenia, y sam się do Moskalów przentosił.

d) Xiąże d' Orleans, brat Króla Francuzkiego, znajdował się w kompanii zbójców, między 5 y 6 Pazdziernika, którzy chcieli Królową zamordować.

e) Coż za dziw, że Ruskie kraje niewinnych pomazańców bożych obrządku Ruskiego Ka-
 •tolickiego widziały dekretami sądu świeckiego na śmierć osądzonych y exekwo-
 •wanych.

•pologu, y z sobą zagrzebała wielkie nadzieie, które sobie mogła
•obiecować Austrya z tak scisłego związku krwie przyszłego Monarchy
•Austryackiego z następcą tronu Rossyiskiego. Śmierć ta przypadła 17
•Lutego, y napelniła wielkim żalem całą stolicę Cesarską. Lecz to by-
•ło tylko poprzedzeniem ieszcze grubszyéj żaloby, która we dwa dni po-
•tym okryła całą monarchią Austryacką.

•Jozef II Cesarz, którego panowanie tak było ogromne wielu krajom
•y narodom, y którego straszney potęgi w roku przeszłym Państwo
•Ottomańskie doznało, przestał żyć 20 miesiąca tegoż. Ten to był nay-
•pewniejszy skutek, który odebrał z scisłego y nierozzerwanego związku
•swego z Moskwą. Kampania 1788, którą ten Monarcha odprawił
•osobiście, a która w kraju tak niezdrowym dla wszystkich obcych,
•przywiodła go do niezmiernych trudów, kłopotów y niewczasów; zruyno-
•wała zdrowie jego, iuż y tak pracami nadwątłone, iż chorym powró-
•cił do Wiednia. Wnet rzuciła mu się krew ustami, y pociągnęła za so-
•bą suchoty. Wszystkie usiłowania Doktorów były nadaremne. Monarcha
•widząc, że swieca zycia jego dogorywa, uczynił nayprzód Chrześciań-
•skie do zgonu swego przygotowanie. Dnia 13 tego miesiąca wypowia-
•dawszy się, przyiół naysw. Komunią z rąk Proboszcza nadwornego.
•etc. etc. Potym sprawował interessa Państwa, naywięcéy okazał troskli-
•wości o zachowanie Gallicyi, téy to ważney prowincyi, której naby-
•cie gwałtowne tak się stało użytecznym dla Austryi, iak iéy strata
•codzién się staie szkodliwszą y nieznośniejszą dla Polski. Jak tylko w
•Polszcze zaczęto się uzbraiać y w przyiaźń scisłą wchodzić z Królem
•Pruskim, natychmiast Dwór Wiedeński ułożył się z Dworem Petersbur-
•skim względem zabezpieczenia Gallicyi od Polskiéy strony. Jeszcze w
•roku przeszłym założono wielkie magazyny w Brodach; toż samo za-
•częto robić w Kijowie. Woyska 30,000 sprowadzono do Gallicyi, tyleż
•umysłono z strony Rossyiskiéy zgromadzić go w okolicy Kijowskiéy.
•Można się łatwo domyśleć celu tego przygotowania. Jak by tylko w
•Polszcze zabierano się do iakich przeciw Gallicyi obrotów, natychmiast
•z Brodów y z Kijowa wyciągnęły by woyska Dworów Cesarskich kordon
•prosty przez Zaslav y Zytomierz dla oderznięcia całej Ukrainy od na-
•szego krzaju etc. etc. W tym dnia 18. Lutego dano znać Monarsze o
•czeyściu z tego swiata Arcy-Xiężny Maryi Elżbiety. Monarcha załamał
•rećce y zawołał: «Musiałżem ieszcze y to nieszczęście przeżyć. Niech się
•dziecie wola twoia, Panie!» Kazał potym zawołać Feldmarszałka Hadika,

«jako Prezydenta Departamentu Woyskowego, y oddał mu na pisnie po-
«żegnanie się z całym woyskiem, toż podziękowanie mu za tyle dowo-
«dów męstwa y przychylności ku sobie etc. etc. Stary Feldmarszałek,
«tak się wzruszył tym postępkim Monarchy, że ledwie co powrócił do
«siebie, zachorował niebezpiecznie. Monarcha spokojnie y odważnie umie-
«rający, nagroził ieszcze Doktorowi nadwornemu, Panu Quarm, za to,
«że mu szczerze powiedział bliskie niebezpieczeństwo, wynosząc go do
«szlchetnego stanu y dając mu 10,000 złotych Cesarskich. Żądał na-
«koniec wiedzieć się z Arcy-Xięciem Toskańskim, Leopoldem, bratem y
«następcą swoim, ktorego ekwipaże iuż do Wiednia przyszły, ale nie
«doczekał, dnia 20 o szóstý z rana skonał.»

Nie zastał posłaniec X-a Buczyńskiego, oddał oryginał Sekretarzowi Biskupiemu, pod ów czas w Łucku obecnemu; ten, przeczytawszy okropne w nim wyrazy, których się nigdy nie spodziewał, nie dawszy żadnego odpisu, spalił oryginał.

Zapozwano natychmiast przerwanych Xięży, tak Sekretarza, iako y Pisarza Biskupich, do złożenia tego listu na przyszłą sądów kadencyę, ile że ta dnia 3-o Czerwoa już się kończyła, a przeciwko Instygatorowi wniesiono illacyą, iż ponieważ trucizną się chciał zgubić, to samo jest dowodem, że się poczuwa do zbrodni. Proszono zatem, aby w kaydany był okuty. Sąd lubo iawnéy na to rezolucyi nie wydał, tajemnie iednak pewnie na to pozwolił, bo zaraz oiężkie na ręce y nogi więźnia włożono kaydany.

Ten list instygatorski nie uprzedzoną myślą rozbierając (bo jest onego kopia w Kommissyi), nie można tak konkludować u Sądu, chyba iego wyrazy odmienić. Wszakże y téy okoliczności nie opuszczono przewrócić opatrnie. Skoro bowiem dało się słyszeć, że oryginał spalony, doniesiono Stanóm seymuiącym, że Instygator, siestrzeniec Biskupi, o bunt przekonany jest pismom swoim. Nato bowiem umyślnie trucizny żądał, żeby przed czasem sam się zabiwszy, spółników buntu y wszelkich układów, iakimi skutecznie y kiedy naysposobniéy ma bydź wykonany, nie wydał.

Uważ że W. M. Pan, ozy mogą Stany seymujące iasnie poznawać rzeczy, iakie się tu dzieją, odbierając zawsze fałszywe doniesienia? Ta była przyczyna, że remonstracye Biskupie na Seymie przez J. M. X-a

---

ratunku w tym stanie iego neiszczęśliwym. Lecz z niewinnéy duszy nie podobnego wedle swoich zamysłów nie wyczerpnała. Wnosząc tedy, że jéy nie dowierza, inne na niego chytróści swoiéy zastawiła sidła. W tylokrotnym oświadczeniu osobliwszego nad nim politowania mowila, iż to niepodobna, żebyś W. M. Pan nie miał potrzeby pisywania do swoich przyjaciół, a nayspewniéy przez moich służących, iako wiernych, listy jego dochodzić będą. Tym sposobem zupełnie wyperswadowała zaufanie. Oszukany Instygator często pisywał, donosząc, co się z nim dzieje, y ten list iego ostatni, powierzony był téyże, iak mniemał, jego przyjaciółce. Ona zaś odbierając powierzone expedyce, każdą w szczegulności, do Kommissyi pierwey zanosić, a po przeczytaniu, niby pod wielkim sekretem, do kogo adressowane były, oddawać, y responsa podobnież pierwey Kommissyi, potym więźniowi z równą oszczędnością komunikować kazala (Ob. pod lit. N.).

prawa, wolności, swobody też same, które nam służą, im przyrzeczone, y zapytamy nas samych: czy im to wszystko wiernie dotrymaliliśmy? Duchowieństwo ich, porównane z naszym, czy takich używa prerogatyw? Obrządek ich Katolicki tylo konstytucyami, iuż świeckiemu, iuż duchownemu zawarowany, czy iest w swoiey zupełności? Czyśmy mu skrytą naszą polityką iakowego nie zrobili uszczerbku? Sąż ieszcze w tym obrządku Panowie y Xiążęta iacy, którzy niegdyś byli ozdoba Senatu y obrońcami oyczyzny, a których dobra rozciągały się y zajmowały całe Kijowskie, Bractawskie, Wołyńskie, Ruskie y w Litwie także liczne wojewodztwa y inne ziemie? Przeciagneliśmy ich wszystkich z cerkwiów do kościołów; pracowaliśmy nad ich potomkami, żeby się wstydzili nasładować dziadów y naddziadów swoich; zostawiliśmy świątynie ich z wielkich tych ludzi ogołoczone, y tylko ciemnym gminem, wiecznemi niewolnikami naszymi, napełnione, ale y tych im zazdrościemy. ²⁹

Zniszczyliśmy nadania ich, w ewangeliach dla wieczney trwałości zapisane; ³⁰ zmniejszyliśmy stan obszernych ich beneficjów, dzieląc na tyle części, ile iest wiosek naszych, budując w każdej błahe cerkiewki, nazwiska Pańskich przybytków nie godne, a pod pozorem zwiększenia chwały Bożey rzetelnie mówiąc: szukaliśmy pomnożenia zysków naszych z karczemney arendy, do której y Popa równy z poddaństwem wydział grontów mającego, żeby Żyd y nad nim panował, przytaczaliśmy; uciskaliśmy ich tak srodze podwodami, furazami y Stacyami woysk naszych, że tylokrotnie z płaczem udawali się na Seyny nasze, ³¹ żebrząc odnowienia swych swobód, dawnemi prawami zatwierdzonych, y dotąd ieszcze dla tego nieskutecznych, że ich ięczenia mimo uszy tylko przechodziły a serc naszych nie dotykały. Miałam inne nie-

²⁹ O tym świadczą liczne processa niemal we wszystkich Konsystorzach na Rusi, że zapozywani o odmianę Katolickiego Ruskiego obrządku, y za niepostuszeństwo wyklęci, y z ambon za takich ogłoszeni, mimo to wszystko do kościołów y uczestnictwa SS-ich Sakramentów przyjmowani byli.

W Litwie zaś całemi wsiami do obrządku Rzymskiego Unitów przeciągano, y żeby swoiey jurysdykcyi nie słuchali, persadowano. Tym sposobem wieś Madzioty cała do obrządku Rzymskiego przeszła, y Xięga niegodziwego prawnika, w Konsystorzu Wileńskim drukiem obławiona, to wszystko pochwała.

³⁰ Za Zygmunta III konstytucya roku 1607.

³¹ Za Władysława IV y Jana Kazimierza.

zliczone ich krzywdy, z uroczystych warunków naszych całe upróżnionych wynikiła, zniżyłiśmy naostatek charatér ich wysoki do tego ujednolienia, żeby oyciec tylko był wolnyin, a syn niewolnikiem naszym. ²⁵

Przecież to są ludzie, nauką, obyczajami, a niektórzy z nich y urodzeniem zacni, z tych wielu y ia znać mam honor, w obowiązkach stanu swojego prawdziwie swiatłych y czułych! Przecież to są obywatele, jednością kraju, rządu y religii z nami połączeni! Bo ia nierozumiem co dzisiay znaczy to słowo obywatel, które powszechnie brzmi w ustach naszych. Według zdrowey polityki każdy człowiek, żyjący pod rządem, znaczy obywatela, ponieważ korzysta z tegoż obywatelstwa, którego iest uczestnikiem, y z strony swoiey przykładając się do zwiększenia pożytków społeczności, wykonywa powinność obywatelską. Chyba że przeciwnie u nas znaczyć będzie obywatela, kto swoiey wolności, ani prawem religii, ani cywilnym ograniczać nie chce, kto ia na tym zasadza, aby, co mu dzika podyktuie namiętność, bezkarnie broił, kto własną miłością zaięty, szuka wszędzie swoiey korzyści z krzywdą społeczeństwa, a słabych swoią przemocą gnębiąc, bierze za podłe narzędzia, żeby iego służyły wyniosłości. Czym że się taki obywatel przyłoży do dobra publicznego, żeby oyczyźnie, z której ciągnie pożytki, wydłużał się wzajemnie?

Nie w tym znaczeniu duchowieństwo, czy nasze, czy Ruskie, bo to iedno iest, ma imie obywatelów. Oni są stróżami religii, na której wiernego ludu doczesne y wieczne gruntuie się uszczęśliwienie; oni poddaństwo nasze, grubą prostotą zaciemione, nauką y przykładem oświecaią, oni ich Boga kochać y zwierzchności jego na ziemi namieśniczey słuchać uczą; oni ich nam wiernými, a nas dla nich dobroczynnemi, czynią; oni mężów y żony w obowiązkach, nawzajem sobie przysięgłych, utrzymują. Oni w smutku y utrapieniu pogrążonych cieszą; oni chorych swiętobliwym do zgonu przygotowaniem, konających szczęśliwego w wieczności życia nadzieją zasilają. Oni wszelkie w tajemnicach cerca zagniezdzone wypleniałą zbrodnię, a natomiast rozliczne zaszczipiają cnoty. Oni wszystkie stany y urzędy w dokonywaniu właściwych względem Boga y bliźniego powinności prostują. Ich więc tylko w téj mierze z powołania praca, szczupłym od nas kilku kawalków gróntu

²⁵ Konstytucya convocatt. 1764 roku o popowiczach.

wydziałem nadgrodzona, a nasz wielki z doświadczenia pożytek, jakim cnota y poczciwość z dobrze ułożonych serc ludzkich uszczęśliwia społeczność. A jednak wielka ich dla nas pieczołowitość nie znalazła tyle, przynajmniej u nas, względu, ile go mają Chinczykowie dla swoich Bonzów, Indyanie dla swoich Branimów, Tatarowie dla swoich Lamów, kiedy y tak małego dla nich z strony naszey udziału od publicznych podatków wyłączyć nie chcieliśmy.

Nie może być skromniejszy y posłuszniejszy obywatel nad tego, który innych skromności y posłuszeństwa zwierzchnościom uczy. Nie chce on czuć przykro przeladowanego na sobie ciężaru, przyjmując z ukontentowaniem wolę rządu, w którym wolą Pana Boga być sędzi, prosi tylko, aby z diesiąciu groszy, gdy dwa na publiczność odda, ośmiu do wyżywienia siebie y swéy czeladzi był pewny; podchlebia sobie tą słodką nadzieją, że gdy się tyle do społeczności y pracą y kieszenią przykłada, może, że y społeczność pozwoli mu być pod zastoną praw, stanowi jego warowanych. Cieszy splananą, po tylo srogich w domu y za domem przypadkach, żonę, ośmiela dzieci, żeby się Pana nie tak lekali, iak kurczęta szponów jastrzębia, a dorosłe syny odjętym od swoich ust chlebem, w szkołach lat kilka na nauce żywione, dla iedynéy w sędziwym wieku podpory swoiey, do stanu duchownego wprowadzić żąda.

Już wszystkie w tym przedsięwzięciu gotowości poczynił, iuż y córkę dla szczęśliwego iey losu z uczciwym y dobrze edukowanym zaręczył młodzianem, gdy zagnała naysroższy praw natury gwałcieli. dziedzic, z rąk iego wydzierając mu onych, pierwszego na hayduka, drugiego ²⁶ na lokaia do swoich obraca usług, a córki przyszle rozrywając postanowienie, Mikołaiowi, nadwornemu szewcowi, poddanemu swemu, że modne dla metressy trzewiki robi, wielce przypodobanemu. za żonę wyznacza.

Daremnie kapłan, udręczony o miłosierdzie, ze łzami prosi, iedną zaw sze w goryczy swéy duszy odbiera odpowiedź: «Czytaj, o to masz, popie, Konstytucyą, która twe dzieci w moie poddaństwo oddaie!» — «Ale ż bo ia ich nie na hayduki, nie na lokaie edukował.» — «Milcz, prawa

---

²⁶ Nie wspominam wielu tatic dziedziców, żebym nie odnowił obrzydliwéy ich pamięci. Już byli na sądzie Bożym, y z dzieł swoich oddali rachunek.

słuchać, a nie dysputować, należy. — Ale ż córka, o której ani Konstytucya wspomina....» — «Milcz, powtarzam, iedna to krew, y iednego płód żywota... Zniszczę cię, y wypędzę z parafii, ieśli się woli moiéy sprzeciwiac będziesz»... A tak syny y córka, wymykając rodziców swoich z pod zemsty Pańskiéy, okrucieństwu jego oddali na offiarę wolność y skłonności serc swoich.

Rzeczé kto, że ta Konstytucya ma swoje względem osób restrykcyé? Krótko odpowiadam: ieżeli prawa iasne nie mogą dać pomocy stanowi temu, a cóż mu pomoże restrykcyá? Te szczegóły nieco obszerniéy wyraziłem dla tego, że sam, żyjąc w sąsiedztwie z pewnym dziedziczem, byłem naocznym świadkiem téy smutnéy z dziećmi kapłana tragedyi.

Lecz, iak zważam, małe są przeszłe ich klęski w porównaniu z terazniejszemi. Nikną one w mych oczach, kiedy z wiarą zupełną czytam list W. M. Pana, że iuż nie idzie o majątki, o wolność dzieci, nie idzie o prawa, swobody, zwyczaje etc. etc., ale o sławę pocziwemu w każdym stanie człowiekowi miłą, ale o życie osób, tyle religii potrzebnych, tyle kraiovi użytecznych, tyle nam osobistego dobra przynoszących. Ostatni to jest zaiadłości stopień, którego ani dzikie z natury bestyie dopiąć mogą. Te wszakże rozdzierając y pożerając nieszczęśliwych, czarnéy na nich potwarzy rzucac nie mogą. ²⁷

Tenże to wiek nasz oświecony będzie miał słusznosc takim się nazywać, kiedy mocny przeciwko spółnikowi słabemu nie ublaganą pałając nienawiścią, nie na tym teraz zasada wielkosc rozumu swego, żeby w zawikłanych okolicznosciach rzetelnéy doszedł prawdy, lecz na tym, żeby z oczewistego fałszu uczynił prawdę y niewinnego na siniéré potępił.

---

²⁷ Najsrozsze bestyie są czasem zdolne do uczucia ludzkosci. One niegdys oddanego na pożarcie proroka szanowały. Albo gdy świadectwo pisma Bózego pominiemy, daymy wiarę pogańskim dzielopisom, że za uczynione sobie dobrodzieystwo wzajemnym wydłużaly się. Lecz ludzie, wygasiwszy w swych sercach do ostatnéy iskiérki miłosc bliźniego, nigdy tych szczęśliwych politowania momentów nie czuly, y owszem boleść zadana, która dzikosc usmierzac zwykla, bardzies ich rozjątrza y srozszeimi czyni. Są to lwy coraz okrutniejsze, którzy, rozdzierając swój polów, nie pragną tylko pożreć go do najmniejszey cząstki, zapalczywosc ich nie ginie razem z niemi. Swoim ią przykładem przesyłają do następców, którzy razem z mlékciem okrucieństwo swych oyców wysysają, y dziedziczą ich zbrodnie bardzies, niż ich imiona y małątki.

Rozbierzyny naostatek ten odgłos publiczny, że Moskwa kraj nasz przez markietanów zamieszać chciała, że im ręką Monarchini na to podpisane rozkazy dawała, żeby oni kapitanów Russkich do zbuntowania chłopów naszych namawiali, y uważmy, czy jest w tym choć najmniejsze do prawdy podobieństwo.

A nayprzód: Rozum zdrowy dyktuje, że do takiéy czynności nayprzewrotniejszych głów potrzeba, które by szrodki do iéy wykonania skuteczne upartrzyć mogły. Czyli: ż podobna, żeby Moskwa naygrubszych, nacyjniejszych prostaków, iakimi są markietanie, do tego używała?

Powtóre: Każdemu człowiekowi miłe jest życie własne tak dalece, że gdy nawet cudze wydziéra, swoje zawsze ochronić pragnie. Nie trzeba na to oświecać prostoty. Prawo natury każdego oświeciło. Gdzież ta ochrona w obcym kraju dla markietanów? Gdzie mocne plecy dla ich spółników, do buntu namówionych? Nie ma Moskalów w całym kraju, wojska ich wszystkie w dalekich świata częściach, morzem y lądem przeciwko Szwedowi y Turczynowi swój oręż obróciły, y pewnie z temi potencjami nie wnydą w przymierze, nie oddadzą zdobytych fortec, podbitych krajów bogatych y obszernych, żeby do Polski na zastonę y poparcie chłopskiego przeciwko panóm buntu pospieszyli. Wojska też Polskie wszędzie po nad granicą rozłożone, może by ich pospiech przynajmniey do tego momentu, zatrzymały, ażby tu buntownicze z karków pozmiatano głowy.

Potrzenie: Pozwólmy na to, że gruby markietan, że pop prostak od niego namówiony, że chłop ciemny, przeciwko panu zbuntowany, nie umieli tyle wnosić konsekwencyi; wie przecie każdy, że w uknowanym spisku naywiększą trzeba tajemnicę zachować; a więc gdy by ich zamiarem było rzeź wykonać, czyliż podobna, żeby się przed czasem wydawali, o czym myślą, y na wolności będąc, zachodzili publicznie w takie rozmowy, przechwałki, y straszne wiszącego nieszczęścia zapowiedzi, które by nie już uskutkowanie spisku, ale raczej kaydany y śmierć dla nichże samych haniebną przyspieszyły.

Poczwarne: Braknie ż to Moskwie ministrów stanu, generalów woysk, wielkorządców krajów, magistratów y innych urzędów mieyskich, gdzie markietanie osiedli, albo którędy przechodzili, żeby tey zgrai, kilku tysiącami (iak mówią) w kraj nasz przybyłéy, nie kto inny podłe hramoty podpisywał, tylko Katarzyna Druga, ta wielka Monarchini, y to ieszcze na występek prawem natury, prawem Bożym, prawem

narodów y prawami każdéj społeczności ohydny? Albo gdy te hramoty bądź od kogokolwiek z krajów Rossyiskich podpisane markietanie mieli, ci wszyscy z wszystkimi towarami pochwytni, y w naszych osadzeni więzieniach po nayscisleyszych rewizjach y wpytaniach, czyliż by one utaić mogli? Albo, po tyllokrotnych darowania ich wolnością przyrzeczeniach, czyliż by się do uknowanéj zbrodni nie przyznali? Wszak niema nic droższego nad życie, tyle ich w srogim więzieniu pomarło, żaden nie wyznał, a powołany o ten kryminał przez parocha Suskiego, dekretowany na śmierć, słyszał nie raz, iż gdy się sam dobrowolnie przyzna, będzie mu życie darowane, przecież y na ostatnym szczeblu wołał, że «niewinnie ginie!»

Nadto są przeswiadczaiące o ich niewinności dowody, żebym ie głębszą rozbierał uwagą. Nad to są widoczne kapłanów Ruskich y chłopów naszych utyskiwania przyczyny, żebym ich innego miał szukać źródła. Każdy człowiek z natury wzdycha do wolności: widzi, że ią mają podobni mu ludzie, a nawet y ci, którzy z mieysca na mieysce ustawicznie przechodząc, y iak jaszczurki iadowite krew iego wysysając, Religią przeciwni, imienia Chrześciańskiego nie cierpiący, rządneý społeczności szkodliwi, ²⁸ do ogulnego iéy składu nie należą: poznać smutnym doswiadczeniem, że on tylko w stanie swoim wskazany jest na wieczną niewolę, że to wszystko jest pańskie, cokolwiek on ma, prócz duszy iednéj; coż za dziw, iż mu czasem żal, boleść y rozpacz nie do gustu naszego słowo iakie wyciśnie?

Może mnie tu kto krytykować, że w iednym rządzie kapłanów Ruskich z chłopami kładę. Y iabym chciał wiedzieć, co po Konstytucyi convocationis, co po iey wykładzie przez nas samowolnym, co naostatek po terażniejszych gwałtach, zaborach, dymbach, kaydanach, więzieniach, dekretach na śmierć ferowanych, różni ich od stanu chłopów? Chyba że wielkimi X. Jana Ministra wywodami, iakiemi on y uszanowanie dla nich, y różnicę ich swobód od kapłanów Moskiewskich ustanawia, o tym wszystkim przekonywać się będą musiał (Ob. lit. L.)

A iabym rad tegoż Ministra spytać, czy to jest dzieło rozumnego człowieka, pobożnego zakonnika, świątobliwego kapłana, podłym wysiłoną dumę głaskać podchlebstwem, pomagać wygórowanéj zawziętości,

²⁸ Żydzi są to monopolisci biednego chłopka, którym srogi pan poddaje go z całym majątkiem.

y kryślić na papierze cudze wolności, a wskutku ustawiczną widzieć przeciwność? Chciał że by on przyjąć na siebie tę cześć dybową y kandydanowe uszanowanie? Trzeba by Jegomości z klasztoru wspaniałego, z obfitych wygód zaprosić na wieś do ubogiéy parafii, na suchy kawałek chleba, krwawym potem zapracowany, trzeba by go przeistoczywszy na popa, nauczyć praw miłości bliźniego y ludzkości, żeby po Chrześcijańsku, bez względu na osoby, czy krajowe, czy zagraniczne, każdego proszącego przyiósł w dóm swój, a gdy za to nienawistny sąsiad z plebanii gwałtem do więzienia porywać go będzie, y nogi iego sporemi kłodami przyozdabiać zechce, doradzić mu w tenczas na fundanencie *Neminem captivabimus, nisi jure victum*, żeby się iął żywo prawa obywatelskiego: *Invasor a se ipso occiditur*. A potym wszystkim zapatrywać się na los iego dalszy, żeby doświadczył (iak sam wyraża) upoważenia podług wysokiéy wartości charakteru swego, y raczył lepiej się przekonać, czy, prócz władzy duchownéy w Polsce, nikt nie ma mocy karania go?

Lecz daymy pokóy ubogiemu mnichowi, który, zrzekłszy się marności swiata, w cieniach zakonnych, iak szczur w Hollenderskim syrze pokutuje.

Donosisz mi W. Pan, żeś cie na zabóyczéy swéy Kommissyi nic nie dociekli, prócz bałamuctwo albo zastraszonech, albo umyślnie namowionych ludzi, toż samo y na sądach grodzkich, krwią niewinną sposzczonych. Pozwól że mi to ieszcze dodać, że y dociec nie zdołacie, choćbyście wszystkich popów y chłopów wytępili. Ten zawsze ma przywilej niewinność, że w nayszarniejszą odziana potwarz, na moment ylko nosić ią będzie, y owszem śmierć sromotna naywiększą iey czyni chwałę. Można się wysilać na wmówienie téy zbrodni w Rusinów, można kształcić swój zapęd okrutny dobranými naystronniéy dowodami, lecz oczy przezornéy publiczności y swoiéy y sąsiedzkiéy oszukać nie można.

Już Rossyia Imperatorski mandat, iaki był Synodowi tameyszemu dany y dyspozycyą tegoż Synodu tu przysłała, kopię przyłączam W. Panu, żebyś wiedział, iak się explikuje, iż mimo iéy intencyą stało się iakiś w kraiu Polskim zamieszanie, a z tego wnosil sobie, co może nastąpić. (Vide in summario sub lit. O).

Niema się iuż czego czepiać markietanów, trzeba wyznac niedostatek dowodów, zbrodni im zadanéy, y że prawa ich kupieckie pogwałciliśmy.

Pełnomocny pilne ma tu oko na deputacją w sprawie Archijereja Sadkowskiego, a gdy y ten w niczém nie pokonany będzie, gwałt osobie jego uczyniony, areszt iego przedłużony, hańba dostojenstwa jego, y w nim całemu narodowi temu wyrządzona, nie uda się nam tak łatwo, iak z popami naszymi.

Do nich ia zwracam uwagi moie. Jakże bo to są stworzenia dobre, jak owe pszczołki pracowite, które nam miodu pełne ule zanoszą, a my ich za to na głowę wybijamy.

Własnie też po temu y matkę maia. Nadto ia znam dobrze, żebym w żywych kolorach nie odmalował rzetelnego iey portretu.²⁹ Nie zastawi się ona za ich całość, bo iest bezsilna, ma wprawdzie rozum y cnotę, ale nie wiem przez iakowąś małomysłną nieufność w sobie saméy, nie smie się pokazywać taką, iaką iest Dobra do podległości, nie do rządu. Każde przedsięwzięcie zdaie się jéy nie podobne. A gdy nakoniec zaczyna co czynić, moment pomysłny iuż mija, umie tylko wątpić, ale nie rozważać gruntownie, zaledwie uczyni krok iaki do decydowania, aż natychmiast rzecz inna zdaie się iéy bydź lepszą,³⁰ którém

²⁹ Portret iest odrysowany Biskupa Lewińskiego.²

³⁰ „Sług oltarza Pańskiego, szczególniejszym jego namiesnictwem upowazonych, ten iest nayznakomitszy zaszczyt, aby, gdy prawda poświęconym iest składem, do niéy się ściśle przywiązywali y bez boiaźni ia ogłaszali. Ich serce powinno bydź swiętynią prawdy y naymocniejszą twierdzą, którém by ani boiaźn, ani nadzieia, ani czasowe względy, ani żadna potęga ludzka skolatać nie mogly. Drogi ten skarb im iest powierzony, oni go maia bronić przeciwko wszelkiej natarczywości błędu. Obojętność, uleganie a nawet milczenie tam, gdzie mówić należy, szpeciło by ich usta poświęcone prawdzie. Trzeba, żeby z wspaniałym zaufaniem na ich czołach iaśniała ta święta prawda, y z gruntu ich serca wynurzala się. Przez nią przodkowie ich swiat podbili, przez nią y teraz niszcza się wszelkie niedotężné niechęci usiłowania. Słowem: cała ich moc gruntuie się na prawdzie; lecz kiedy iéy odstepuią y używać nie smią, staią się poddém, y wzgardy naygodniejszemi, y swiat tyle stopniami zmniejsza swój dla nich szacunek, ile mu się bardziey staraią przypodobać.”

Gotliwa przy tym miłość wiernego ludu iest duszą ich stanu, y rozmaite ich urzędy są rozlicznemi téy miłości cząstkami. Wszystkie ich dzieła maia się za obce y nie pożyteczne, iedli nie dają do tego kresu. Dalecy od ubiegania się o wszelką doczesność, swe przymioty, prace, starania, maiaćki y całe życie pieczołowitéy o zbawienie ludu poświęcaia usługę. Nie zawodzą tych oczekiwania, którzy wierzą, że w osobach ich naydą prawdziwych oyców, pocieszycielów y wiernych prze-

znowu dla drugiey odstępuje. Szczegóły iéy są zawsze w nie swoim miejscu: gdzie trzeba użyć powagi, tam niewczesna akkomodaoya, gdzie akkomodacyi, tam aż do podłości nadskakiwanie, gdzie sprawiedliwości, tam próżne usiłowane stronom dogodzenie, gdzie boyności, tam ręki skurczenie, gdzie stałego umysłu do odparcia wszelkiey natrętności, tam dziecinne czegoś obawianie się, a w tym wszystkim swemu tylko interessowi dogadzanie. Owo zgoła matka to jest, co do imienia, przy której biada dzieciom, co do istoty.

Na ten wizerunek z bliska zapatrzywszy się, w spokoisz W. M. Pau swoje zadziwienie, że, mimo tralalne w dekrecie grodzkim wady, które nie mogły być nie poznane, degradacya nastąpiła. Dosyć przyczyny, że mocni tak natarczywie o nią się domagali. Ja wątpię, czy się na niey zakończy, iesli dotąd zapalone głowy nie są uspokioine.

Jabym pragnał mylić się w tym, co sobie wnoszę. lecz kiedy się zapatruję na ubiegłe wieki, kiedy w kraiu naszym, posród naywierniejszego Chrześciaństwa, nie czytam nigdzie od przodków naszych podobnego osób duchownych przesładowania, które prawdziwie samym tylko Poganom było właściwe, zdaie mi się, że niewinnie posądzam Chrześciaństwo, chyba tym sciagnie na siebie winę, że na różne podstęp, zdrady y oszukania otwartych nie trzyma oczu.

Są przecież y u nas filozofowie, którzy się wstydzą tak daleko być słabými, żeby jakim przepisom prawa podlegali. Mądrość ich przewyższa nieskończenie w tym Pogan, że tamci mieli religią, a religia swoje prawa, której przeciwników pospolita gorliwość niszczyć doradzała. Ci zaś nie tylko że żadney nie przyimują, ale by radzi niebo, ziemię,

---

wodników. Nie szukają z bogacić się z łupu swéy trzody; iakże by sobie plagawych frymarków y niesprawiedliwych darwali zysków, kiedy się cali wylewają na ratunek y wsparcie braci swoich, kiedy sie nie zapatrują na własne dobra, tylko iak na dobra ubogich, y kiedy u nich za tyle prac łożonych, iedyną jest zapłatą owa w społeczności świętey szczęśliwa wieczność, której gorąco pragną? Honor, dostojenstwo, bogactwa y nic zgoła na swiecie mocney ich statosci poruszyć nie zdoła. Wspaniali obrońce sprawiedliwości, mają sobie za szczęście, kiedy ucisnioną niewinność z rąk okrutnych zaiadły zapalczywości wydzierają, a pełniąc ścisłą powołania swego powinność, nie upróbnią słodkiey nieszczęśliwych nadziei, którzy do nich o ratunek swe ręce wyciągają, y chociaś by im palająca nienawiść całą swą dżiką przemocą zastawiała się, nie odeprze ich od gorliwey uciśnionych obrony, krorą im dać powiani.» Massyllion, Biskup Klermontański.

ołtarz y tron obalić. ⁵¹ Duchowni są pierwszą y najmocniejszą im do tego przeszkodą, trzeba więc powołać ją uprzętać. Zapozwali ich wszystkich przed trybunał rozumu swego, y postanowili roztropnie w słabszą najprzód uderzyć stronę, żeby potym, iak się wzmożą, mocniejszych pokonali. Nie iest ich liczba mała, y codzien się zwiększa przez rozrzucone po kraiu więgi, które młodź nasza czyta z radością y tę truciznę polyka z ukontentowaniem, smieie się z pobożności, wyszydza duchownych, y z najsświętszych tajemnic Religii przedrwiwa. Maią iuż swoich utzniów ledwo nie w każdym stanie y urzędzie; nie trzeba im tylko pozorną uchwycić okoliczność, żeby ją, odziaswszy płaszczem dobra publicznego, o które wielce gorliwémi okazać staraia się, do swych tajemnych trafili zamiarów. Naypierwsi są uniać się dla osobliwszego nas uszanowania, żeby, ziednawszy kredyt, powagę y zaufanie, z szczególności naszéy korzystali, y nas wiérnych przeciwko wiérnym uzbriaiając, za podle narzędzia do wykonania swoich zamysłów używali. Tym to podobno tonem brzmi dzisia y głośnie słowo «Obywatel» y zagłusza wszelkie inne społeczeństwa członki. Témi to krokami idzie się do upadku oyczyzny; serca czule boleia na to, ale zaradzić nie inoga.

Z nowin tuteyszych donoszę W. M. Panu tę osobliwszą, że X. Lukawicz, paroch Suski, umiał tu się sprawić wedle informacyi sobie

---

⁵¹ Dwa gatunki są pomienionych filozofów, albo raczéy bez wiary ludzi. Jedni na swoje nieszczęście maią wielki rozum, obszerne zdania, y obyczaje przuaymniéy powierzchownie mniéy rozwiaęte. Ci na osobnościach dnie i nocy przepędzając, usituią podkopać fundamenta religii. W tym przedsięwzięciu wydaią pisma bezbózne, razem y bystrości ich umysłu y wielkiego obłąkania pełne. W narodzie Polskim braknie ieszcze nauczycielów takich, żeby ziomkowie dla ziomków wystawiali katedrę téy zarazy. Ale natomiast prawowierna niegdys Polska niezliczonych ma subalternów, to iest, osób drugiego gatunku bez religii, którzy z zagranicy naciągnowszy iadu, wszystkie społeczeństwa truią. Wiodą spór odważnie o nuygłębszych tajemnicach wiary, a pierwszych iéy początków czyli katechizmu nie umieia. Spytad ich o dowody tego, o czym upornie rezonuią, cała odpowiedź, iż na słowa swoich nauczycielów wlerzyć kaza.

Serce czlowieka iest kolebką bezwiarstwa; zatrwożone zbrodniami, nie cierpi iarzma, wylamuje się z niego, choac razem y swe potamac obowiażki. Wiara będąc mu niewygodną, staje się podeyrzana. Chcesz z niego uczynić na nowo wiérnym — nazwiy cnotami upodobane występki jego, a takiéy wiary nigdy nie odsiapi. (Это пражьбаніе написано собственноручно самимъ же Бродовичемъ). Я. О. Г.

daney, wszelako tego nie wyznał, iakoby na piśmie markietana wyczytał podpis w tych słowach: «Ekat.», ale tylko całą zbrodnię składał na tegoż markietana.

Musieliście W. M. Panowie osobną mu w téy mierze dać instrukcyą. Grube to prostaczysko iak niedzwiedzia oprowadzali wasi Wołynianie wszędzie po kompaniach, a szczegulniéy Stanom seymiącym rekominnendowali, aby mu znakomitą nadgrode wyznaczyley. Proponowali różne zaszczyty y dostoieństwa dla niego: Biskupstwa nawet były na placu, (Ey co za radość dla stanu małżeńskiego, który iuż miał odzyskać dawne swoje do inful prawa!), tylko że temu popowi małeley rzeczy nie staie..... rozumu! Skończyło się na tym, że wasz wielki obrońca, z woli Króla Jegomci y Stanów Skonfederowanych, wziół złoty medal, który na dowod swoiey wiejności a rzetelniey mowiac, na dowód zabóystwa niewinnego markietana, ma nosić na piersiach. Skarb, Koronny wyliczył mu złotych Polskich dwa tysiące, a Marszałkowie seymowi swiadectwo zasługi y téy że saméy pocziwego serca iego nadgrody podpisali. ⁵² Pop Suski wyż pomieniony temi względami od Stanów zaszczycony, wziół naostatek list od Nunciusza do swego Biskupa, z udziałem unocy, aby od kar kościelnych, iakie są za zabóystwo w stanie duchownym przepisane, był uwolniony. ⁵³

---

⁵² Biada temu pocziwemu sercu, które się odważy tak bydź pocziwe! Biada zwiedzionemu, lecz nie równie większa zwodzicielowi, który prostoty cudzeyej użył na zgubę iednego niewinnego, a na pognębienie wszystkich! Lecz to są Chrześcianańskich serc uczucia, których nie zwykł miewać filozof. Nie postąpił on sobie w téy całej robocie, tylko arcyfilozoficznie.

⁵³ «Stanisław Nałęcz Małachowski etc.

Kazimierz Xiążę Sapieha et Marszałkowie.

Wszem wobec y każdemu zosobua, komu o tym wiedzieć będzie należało, wiadomo czyniemy. Nie tajne całemu narodowi grożące z buntów chłopstwa zamieszania, których okropne początki konieczną stratą występnych a trwogą powszechną oznaczone zostały. W liczbie święcących złości swoiey z niewinnych a mniéy rozważnych ludzi ofiary znaydował się ieden Markietan Rossyiski, który cnotę J. M. X-a Lukaiewicza, parocha Suskiego, zwątlić, ludzkosc w zaiadłość przemienié usiłował y do buntu nakłaniał. Odebrał przyzwoitą powołany markietan karę, a J. M. X. Lukaiewicz, paroch Suski, obrządku Greckiego, z kościołem Rzymskim złączonego, wprzód podwakroć w mieyscu wyznania swego badany, stawiony został przed Deputacyą do examinowania oskarzonych o bunty, z Seymu wyznaczoną. Czytane inkwizycye, czynione konfrontacye dowiodły, że zbrodnia nie miała

Aże nie było by słusnością puścić bez nadgrody kapłana swiatłego, niewinnie prześladowanego, iakim iest J. M. X. Hromaczewski. Dziekan Krzemieniecki, przeto y on z rąk Królewskich takż odebrał medal y świadectwo Marszałków o iego niewinności na pisnie, tudzież z skarbu Koronnego złotych Polskich tysiąc dwieście; obay te medale rzeczonym dwom kapłanom dane, po iednéy stronie wyrażały portret Królewski, a po drugiéy herby, Koronny y Litewski, z napisem: «Pro fide, lege et patria,» miały krag w obszerności Rublów Moskiewskich.³⁴ Już dotąd pewnie maia się na Wołyniu znajdować ciż kapłani, bo więcéy dwu niedziel, iak z téy stolicy wyiechali. Na tym doniesieniu miałem konczyć list mój do W. M. Pana, aż odbieram wiadomość, że zbiegłego

---

do serca cnotliwego J. X-a Parocha Suskiego wstępu, y owszem, że wyjawieniem namawiającego siebie do buntu, odkrył zamysłony występek, y tym sposobem do utłumienia wczesnego grożącego nieszczęścia kraiu tego mieszkańców przyłożył się. Takowe odebrawszy nayiaśnieyszy pan y przeświatne Stany do Deputacyi, na to wyznaczonéy, uwiadomienia, zlecily nam, Marszałkom, cnotę J. M X-a Łukajewicza, nadgrodzić y nieskazitelność tego postępków zaświadczyć. Dopełniając więc takowe zlecenie złotych Polskich dwa tysiące wydać ze skarbu Koronnego oddzielną dyspozysyą zleciliśmy. Medal dany na piersiach, iako świadectwo pracunku, nosić dozwalamy. Nakoniec ten list nasz zaswiadczałny etc. podpisuiemy» etc. etc.

³⁴ «Stanisław Nałęcz Małachowski, Kazimierz Xiąże Sapieha, Marszałkowie.

Wszem wobec etc. Smutne buntów oznaki, grożące kraiovi zamieszaniam, zwrocily troskliwą obywatelów staranność do badania źródła spodziewanego nieszczęścia. Gdy w liczbie obwinionych o poduszczenie chłoptwa do powstania przeciw naywyższyć władzy kraiovéy y panom swoim znajdował się J. M. X. Paweł Hromaczewski, obrządku Greckiego, z kościołem Rzymskim złączonego, Dziekan Krzemieniecki, dekanatu dyeczyi Luckiey, podwakroć badany, przywiezionym nakoniec został do Warszawy, a z rozkazu J. K. Mości y przeświatnych Rzeczy Pospolitey skonfederowanych Stanów, Deputacya z osób składających Stany, pod nas, Marszałków prezydencyą wyznaczona, w inkwizycyach y konfrontacyach znalazła cnoty nieskazitelne tegoż J. M. X-a Hromaczewskiego, Dziekana Krzemienieckiego, y uroczyste niewinności jego dowody. Jego Królewska Mość y przeswiatne skonfederowane Rzeczy Pospolitey Stany, uwiadomione od Deputacyi o niewinności wyż wspomnionego J. M. X-a Dziekana, zlecily nam, Marszałkom, aby uroczystym zaświadczeniem całą powszechność upewnić, iż o żaden występek J. M. X. Hromaczewski, Dziekan Krzemieniecki, przekonany nie iest, y owszem zaskarzenie na mylnych tylko pozorach gruntownie dalekim od podobieństwa nawet do zbrodni było. Którento list nasz etc. etc. własnymi rękami podpisuiemy etc. etc. Dan w Warszawie» etc. etc.

doład niewie; szukając więc moiego bezpieczeństwa, groźno im zapowiedziałem, żeby natychmiast moiemu zapytaniu dosyć uczynili, inaczej odeszłę ich do pana, z ostrzeżeniem, aby się lepiej w domu swoim rozpatrzył. Niech pan będzie spokojnym, mówili mi obay, y pewnym o wierności naszey, a naostatek wolno w dom pana tamtego posłać, dla zasiągnięcia lepszey wiadomości o nas, niż ią na piśmie mamy, bynajmniej nas to nie obchodzi; ale nas pomieszała niespodziewana kwestyia pańska, a raczej trwoga występnego sumienia, którą przymuszeni iesteśmy wyznać sami na siebie, iż, będąc nadto wiernymi panu, staliśmy się niewiernymi Bogu.

Słuchałem ciekawie tego zakroienia, a postrzegłszy tży w ich oczach, te to święte skutki religii, cieszyłem ich po Katolicku, iż nie ma tak ciężkiego występku, którego by Bóg nie odpuścił, skoro się poprawią. Nie opisuję W. M. Panu długich ceremonii, nim przyszło do wyznania. Czynili oni to z taką pokorą, żalem y zupełnym do woli moiéy oddaniem się, iakby się za to nieuchronnéj spodziewali śmierci. Opowiedzieli mi, iak wiele ziechało się gości do pana; iak długo w pokojach zawarci z sobą się naradzali, iak po téy radzie zawołał ich pan na osobność, iak ich do popów na spowiedź wysyłał, a właśnie pod ow czas nastąpiwała u Rusi uroczystość Zesłania Ducha Świętego, iak ich w chłopskie siermięgi przestraiał, iak informował, żeby na téy spowiedzi wyznali, iż są namowieni do buntu przeciwko panom, iż dali słowo stawić się na czas y mieysce naznaczone, iż na to wzięli pieniądze, żeby do swego spółnictwa drugich namawiali, iż ich wielu namowili, iż się spodziewają, że się im uda wyrznąć nienawisnych Lachów y Żydów y oswołodzić z téy niewoli poddaństwo, iż naostatek, nie będąc pewni, czy który z nich nie zginie w tym zamieszaniu, proszą o rozgrzeszenie y błogosławieństwo na tę wyprawę; iak przykazywał, żeby pamiętali, co na to rzekną popi, y iaką radę dawać będą, żeby, mu wszystko co do słowa wiernie opowiedzieli.

Tak oni złudzeni obietnicami pańskimi, nie mając uwagi na świętokradzką zbrodnię, wykonali wszystko, iak byli namowieni. Lecz to dzieło w ręku Boskim tryumfować było powinno z fałszywéy mądrości ludzkiéy. Duch Święty użył rozlicznych darów swoich na oświecenie prostaczków, których do swego wybrał namiesnictwa. Wystawiali oni zmyślonym penitentom miłość Boga y bliźniego; że się iedną bez drugiéy obejść nie może, y człowiek tych cnot nie mający, zbawienia nie

dostąpi. Grozili potępieniem wiecznym na sądzie Pana Boga, y tu jeszcze na ziemi okrutną śmiercią, skoro by się na wykonanie tego występku odważyli. Przykazali pod nieważnością rozgrzeszenia wydać hersztów do buntu namawiających, y na przeświadczenie ich o tym, dane pieniądze w rękę swoich panów złożyć radził, tych zaś, których już sami namowili, aby koniecznie od złéy drogi starali się odwrócić, ściśle obowiązali.

Z tym powrócili do swego pana (a podobno nie oni dway tylko, lecz y inni po różnych mieyscach umyślnie na to subordynowani od swoich pryncypałów), któremu szczerze opowiedziawszy, co na spowiedzi słyszeli, zamiast spodziewanych dobrodzieystw, niełaskę pańską na siebie sciagneli, iż w dziele sobie wruczonym sprawić się nie umieli. To więc było przyczyną, że po skonczoneym roku starali się o odprawę.

Przypadek ten otwiera mi oczy, że nie ma świętości, której by nogami nie podeptał, nie ma występku, na który by się nie odważył, skoro kto zrzuci iarzmo religii z siebie dla tego, że mu się wydaie nie równie wygodniéy nie mieć innego prawa, tylko naniętności swoje. Przyznam się jednak, że tego pana odpowiedzi swym gługom danéy nie rozumiem, bo iakże oni w dziele, sobie wruczonym, sprawić się nie umieli? Chyba że przedsięwzięcia pańskiego powinni się byll domyslić, y do czarnéy świętokradztwa zbrodni za powrotem swoim kłamliwą dodać potwarz? To zostawiwszy uwadze W. M. Pana, powracam do wyrażenia dalszego ciągu dzieiów tutejszych.

Dzień siódmy, osmy y dziewiąty Czerwca kalendarza naszego był uroczystością dla Rusi Zesłania Ducha Świętego. Tu znowu iak by piekło swój cały iad wywarło na poburzenie już nieco ukoionéy ciągiem czasu w umysłach trwogi. Gdy bowiem spokojnie przeminely termin, iakoby do rzezi wyznaczone, to jest, Wielkanoc nasza y Ruska y następnie Przewodna niedziela, tudzież Wniebowstąpienie Pańskie, zdało się zagorzałym głowom, że ta rzez nappewniéy w Zielone Święta Ruskie będzie wykonaną. Następywały w tym czasie sądy ziemskie, Święto Troieckie, zebraliśmy się wszyscy Woiewodzcy Kommissarze, zwiększone są warty, rozestane po traktach, miasteczkach y wsiach okolnych szpiegi, powtórzone albo też same, już dawniey docieczonym fałszem upadłe rapporta za prawdziwe, albo nowe, w podobieństwie pierwszych wykonywane, tak dalece, że na każdy ich odgłos drżała Ruś nie-

szcześliwa, nie mająca tylko samego Boga świadkiem y zastępcą swoięy niewinności. Wyznam prawdę, że było takich między nami kilku, którzy te baśnie umyślnie piérwéy układali, a potym przez dobrane osoby rozsiewali. Interest Kommissyi tak kazał. Dobrze było żyć w Łucku z dowożonych zewsząd furazów bez żadnéy opłaty, dobrze Kommissarzom domowy expens w tak drogiéy porze z publicznego tymczasem złożenia zastępować, y koni obywatelskich, miliciantom na publiczną usługę danych w podróż do naszych poiazdów, tudzież ich samych na assystencyą używać, a to wszystko pod pozorem czulości wielkiey w opatrywaniu powszechnego bespieczeństwa.

Już bowiem zaczęła była upadać powaga nasza, iuż obywatele szemrali między sobą na wydatki, że nam próżnuiącym wygodę czynia, y chłopów swoich daremnie wycienczaią. Przeto wydaliśmy uniwersał do nich, aby w tym naybardziej czasie, kiedy ieszcze bunt nie utłumiony, ale iskra popiołem przesypana, za dodaniem sposobnéy materyi w niebezpieczny płomień wybuchnąć może, dotąd nie przystawionych miliciantów y resztę furazów nie oddanych, nie bawiąc do Łucka przysyłali (Vide in Summario sub lit. Q).

Tym celem na omamienie publiczności, choć trochę nie po Katolicku, dnia 10 Czerwca uczyniliśmy rekwiżycyą do Biskupa Ruskiego, aby się z uniwersału, do swoięy Dyecezyi wydanego, o którem był pozwany, osobiście przed nami explikował, a przybytemu ten tylko wzgląd okazaliśmy, że iego explikacya nie była w mieyscu, gdzie się Kommissya odprawiała, lecz w stancyi prezyduiącego. Rezolucyi nie daliśmy żadnéy; bo niedorzecznie było dawać ją na piśmie, y dla przezornéy potomności iakoby koloss iaki zawrotu głów naszych wystawiać.

Wszelakoż y ta intryga do utrzymania znikaiącéy powagi naszéy nie długo nam posłużyła. Tu znowu uniwersał Biskupi wyszedł w Dyecezyą do ludu, prosto nauczaiący ich, że «wiara iest iedna, chocia ż dwa są obrządki Katolickie,» to iest, Ruski y Łaciński. Działo się to, iak rozumiem, nie tak dla oświecenia tegoż ludu, który pewnie o tym nie wątpił, iak bardziej dla zmieyszenia in publico nienawiści y podeyrzenia o naypierwszych z tegoż duchowieństwa osobach. Niepodobno bowiem zapatrywać się na to bez iakiegoś uczucia, że młodzież nasza częścią w palestrze, częścią u Dworu, a mianowicie w woysku będąca, zacne osoby pomiędzy tymże duchowieństwem przez lat kilkadziesiąt z publiczną zaletą na urzędach aż do siwego włosu zostaiące, iakby

inż istnych rzeźników, buntowników y autorów mnjemanego spisku palcami wszędzie wytykała, miotając na nich słowa nayobelżywsze tak dalece, że ani się iustyfikować, ani się zapiierać, ani na dowody zabiierać się nie można było, kiedy nayniewinnieysze podchwytywano, y na stronę naygorszą przewracano słowa, ⁵⁸ y albo natychmiast nawlokłszy potwarzliwą napaść na nowo oskarżano, albo dybami, kaydanami, katem y szubienicą grożono. Dnia 16 Czerwca doniosła nam poczta z Warszawy, że projekt J. M. Pana Świętosławskiego, Posła naszego, względem wybrania dwu surrogatów do sądzenia, z iednym sędzią grodzkiim oskarzonych o podmawianie do buntów, a to na Woiewodztwo Wołyńskie, Kijowskie y Bractławskie, iednomysłnością Stanów do Konstytucyi iest przyjęty. Domyslam się pobudki J. M. Pan Posła, że chciał dogodzić obywatelom, ale czy równie dogodził więźniom? Osoby, sąd zupełny składające, choćby wiadomości prawa nie mieli, iak się u nas często wydarzać zwykło, atoli sama praktyka może ich wydoskonalić, a przeto łatwiey okoliczności w takich sprawach zawikłane rozpoznać mogą; nie wiem zaś, czy surrogaci, z naygorliwszych zwyczajnie obierani, bez téy wiadomości, bez praktyki, żadnym nieuiejętą względem, oddadzą sprawiedliwość, zwłaszcza, że w takim przypadku interest osobisty drobne rzeczy wielkiemi wyobraża, któreby zdrowa y zimna uwaga

---

⁵⁸ Co się tyczy kapitanów, na parafiach będących, nad temi nie tylko dworscy ludzie, lecz nawet Żydzi przewodzili. Z ich złośliwego doniesienia naywięcey kapitanów w areszt zabierano; było to iedno ofuknąć się na Żyda, co bydy w społeczeństwie spisku na rzeź. Jakie zaś napaści pospółstwo cierpieć musiało, można wnosić z tego przypadku, który się zdarzył w miasteczku Łokaczach, w dobrach J. M. Wilgi, Woiewody Czernichowskiego. Ludzie z Ukrainy zaiechawszy do Warszawy, y wyprzedawszy tam słoninę, powracali do swoich domów właśnie pod ów czas, kiedy, Żydzi Zielone Święta obchodzili. Staneli oni w Łokaczach na popas, prosili Żyda, aby im gorzalki sprzedał; Żyd gdy hardo odpowiadał i do szynku ich odsyłał, prosili nakoniec, aby im pozwolił tałerza, na którym by sledge pokraić, y poćwić się mogli. Ale gdy powtórnie od Żyda złaiani byli, ieden z nich powiedział, pokazując na stół: «Ot tu rież!» W tym momencie Żyd na całe gardło gwałtu wołać zaczął, zbiegło się kupą Żydowstwo, przed którymi Żyd gospodarz oświadczył się, iż go ci ludzie rznąć chcieli. Daremnie explikował się biedny Ukrainiec, że to się znaczyło sledge rznąć na stole. Wzięto wszystkich do dworu, a Gubernator, sędzia sprawiedliwy, każdemu z nich wyliczył po 50 batogów, y z miasta wypędzić kazał; za to przynajmniej pochwały wart, że do Luckiey Kommissyi nie odesłał.

ledwie za iaki cień poczytała; samo uprzedzenie wiele w umysłach dokazywać zwykło, a nienawiść w samym roztrząsaniu szuka przyczyny nienawiści. Są to pobudki bardzo naturalne y razem bardzo pospolite ludziom, własną miłością zaiętym, a ztąd zdaie mi się, że losy życia ludzkiego oddane są w ręce nie równie niebezpieczniejsze, niż mniątki.

Dnia 17-e Ejusdem. Z Krzemieńca odebraliśmy wiadomość, że się tam znajduje w areszcie milicyi X. Bazyli Chruszczewski, paroch małych Dederkał z żoną swoją. Oskarżony iest o to, że iakoby markietanom obiecał dziesięciu ludzi zwerbować y z nimi rzeź Laobów y Żydów rozpocząć, że na to przed niemi przysiągł y wziął pieniądze. Stawiony u sądu, raz się przyznał, drugi raz zapierał się y ustawicznie bredził. Mówił y to, że pytał markietanów, kto by tę rzeź rozkazywał? Ci mu wymienili pewny urząd bez nazwiska, y bez wyrażenia, który y którego narodu, potym toż samo zaprzeczył; żona zaś jego od początku iak wyznała mało co odniennię od męża, tak y trwa statecznie w tymże wyznaniu. To małżeństwo examinował sąd, przed którym wyznali, że wiek swój w zgodzie y miłości małżeńskiej przepędzili. W areszcie zaś w osobności trzymani byli y z sobą się nie widzieli, oboie są bez wszelkiej edukacyi, w prostocie y w powierzchowney nawet nikczemności. Wysłano ieszcze miliciantów po innych dwóch kapłanów, to iest, Czabańskiego y Hlibeckiego parochów, także o bunt powołanych. Wyraziłem W. Panu to doniesienie co do słowa z Krzemienca, a byś się nad nim z uwagą zastanowił, czy iest iaka pewność w takim bałamuctwie, y czy tego nie sprawie poboczna iaka perswazyja z owego uniwersału marszałkowskiego w kapłanie? Mnie tylko zastanawia iednostayne wyznanie żony jego. ³⁷ Dnia dziewiętnastego miesiąca

---

³⁷ Żona widząc, że tén mąż, perswazyami palęstry Krzemienieckiey uwledziony, coraz swoje wyznanie odmieniałcy, bynajmnię losu swego nie poprawił, trzymała się statecznie iednostaynego wyznania, mniemałcy, iż tym sposobem lepię sobie zaradzi.

J. M. Pan Stroynowski, w tyfule Porucznik woysk niewiadomych, przybywszy do Kustyna i dowiedziawszy się, że u parocha tameyszego nocował markietan, kazał związać kapłana y do Zdołbicy, dobr swego imiennika, J. M. Pana Podkomorzego Buskiego, zaprowadzić; kilka dni zostawał kapłan w tēy niewoli, y ledwo za usilną prózbą pewney damy, swoje konnexe o tymże Jegomością Porucznikiem mającēy, wypuszczony został.

J. M. Pan Warzycki, pod rotmistrzostwem J. M. Pana Worcela, Podstolego Litewskiego, towarzysz, obmyślił swiętobliwą dla siebie intratę, zwizytował w Po-

tegoż gorliwi o utrzymanie naszey powagi, staraliśmy się znowu rozgłosić trwogę, z tym dla publiczności zapewnieniem, że po wielu terminach wiszącego nieszczęścia, szczególniejszą czułością naszą upróżnionych, następie iakoby już nie omylny, w dniu Ruskiej uroczystości Świętych Apostolów Piotra y Pawła, przydaliśmy do tego niby z depozycji świadków tajemnie docieczoną przestrogę, y udało się na ten raz iaszczę

---

lesiu wielu parochów, karał dla siebie y swoich szeregowych, tudzież dla koni, wszelką wygodę czynić, a myślnie y zastraszając kapłanów, iako by docieki ich zwowy z Piliponami, których ma pod swoją niby strażą, oświadczał się wiązać y dostawiać ich do Kommissyi, nie przyjmował żadney ekzuzy, tylko pieniądze, y tym sposobem niewiarynych zdzierał. Przybył naostatek do Zaboroła, mając apetyt na Xiędza Malewicza, parochą tameyszego, o którym wiedział, że się ma nie źle. Jak na nieszczęście, nie zastał go w domu; zostawionym tedy w plebanii listem raczył go awizować, żeby się znał do swojej powinności. Wyrażają takowe listu: «Wysłany, zjechałem do W. M. Pana, żebym go przestrzęgił, abyś już więcej z «markietanami nie przestawał, dosyć masz odpowiadać za to, coś dotąd z nami «nił. Są oni w areszcie u mnie y wiele rzeczy na W. M. Pana wymawiają. «Uważaj, co cię czeka! Ja ztąd idę do Koryt, y tam dni kilka na W. M. Pana «czekam, abyś do mnie przyjechał y zabatwił to wszystko; jeżeli zaś nie przyje- «dziesz, bądź pewny, że cię do Lucka do Kommissyi wezmę, a tam wiesz, co się «dzieje z podobnymi tobje. Adieu. J. Warzycki.»

Górniołwiek był syn u kapłana, choć by najlepiey edukowany, choć by jedynak, który z prawa natury swoim rodzicom na starość wyżywienie dać był winien, kor nendy na rekrut wysłane, w nocy napadając na plebanie, do woyska zabierały, wiązały, mordowały y z rąk rodziców gwałtownie wydzieraly. Zbici y skrwawieni kapłani szukali u komendantów miłosierdzia, ale go nie znaleźli. Kleryk Jan Korzeniewicz, Akademik Krakowski, syn parocha Snytskiego, prezentowany na miejsce zmarłego oycy do tegoż Snytu, gdy przejeżdżał przez miasto Ostrog, tam od komendy stojący wzięty był w areszt za to, że dobrowolnie służby woyskowej przyjąć nie chciał. Bronił się on przywilejami swojej Akademii, ale gdy mu nie nie pomogły, a kilka tygodniowy areszt ino mu się był srodze uprzykrzył, pokazał w ostatku prezentę Xięcia Kasztelana Krakowskiego, sobie daną. To go przeciey uwolniło, ale sposobem dla niego bardzo nie pomyslnym. Komendant, iako z człowiekiem, do stanu duchownego zabierającym się, postąpił też wcale po duchownemu. Karał zdjąć z niego suknię kleryczną y, wyciągnowszy na stolek, zalecił czytać Litanią do Wszystkich Świętych. Czytano ją pobożnie, y za każdym punktem srogie nahałem zadawano razy. Po skończonym nabożeństwie wypuszczony, kilka niedziel w klasztorze X. X. Bazylianów tameyszych wytchnął sobie na łóżku, bo się był bardzo tym nabożeństwem zfatygował.

zwieść obywatelów. Odebraliśmy świeże choć w małej części prowianty, bo już całe nie było o czym żyć w Łucku. Zwiększył się zapal y zemsta. Właśnie w porę dopomógł do tego J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, y inni współobywatele, od niego namowieni, donosząc nam za rzecz niewątpliwą, że popi modlą się za Carycę, dodając, że na to żadnych innych świadków nie potrzeba, ponieważ

Tego jeszcze nie dostawało, żeby kapłani dawali konie swoje na stacye dla żołnierzy razem z chłopami; przecież y ten porządek uczynił Kommissarz w dobrach Xięcia Jabłogowskiego, Kasztelana Krakowskiego, przykazując im pod utratą parafii, aby dla prędszych raportów do Kommissyi Woiewodzkiej albo sami te stóyki odbywali, albo na swoim mieyscu innych do tego nymowali.

We wsi Hołowlu podstarości tameyszy, Zatalewicz, żądał pożyczyc pięciu rubli u Wikarego, nazwiskiem Jakimowicza, przy cerkwi Hołowelskiej będącego, który, że mu się wymówił ubóstwem swoim, tak go sobie naraził, że zaraz do Dubna poiechawszy, oskarżył Wikarego jako buntownika, mającego u siebie spisy y noże. Przysłała komenda na rewizyą, szukali po skrzyniach spis y nożów, ale zamiast tego narzędzia, którego tam nigdy nie było, nalęzli to, co im było potrzebniejszego, to jest, nalęzi pieniędzy złotych Polsk. trzysta. Cały ten zbiór owego Wikarego, na wydywienie żony y dzieciak odłożony, zamiast pięciu rubli ów Podstarości Zatalewicz miłościwie do siebie przygarnął, czyniąc łaskę Wikaremu, iż go niby od wzięcia w arezt do Dubna u komendy wyprosił, za co mu Wikary y chleby Wielkonocne pobłogostawił, y sam na uczcie we dworze u grzecznego Podstarościęgo tego do późna zabawił. Ale nazajutrz w ten czas następowała Ruska Niedziela Kwietnia, przeto diak, chcący wyprowadzić z dworu Wikarego, przypomniał mu, że jutro następuje wielkie nabożeństwo, y po Rusku do niego powiedział te dwa słowa: «Trus budżet»: wyrażał on przez to, że do spowiedzi będzie wielki nacisk, że trzeba rano wstać, żeby nabożeństwu y ciżbie penitentów wydołać, zwłaszcza, że paroch tameyszy, paralizem zarażony, w nicym nie pomoże. Otoż za te dwa słowa, diak wzięty natychmiast w dyby, y przez cały tydzień nahałmi ćwiczony, zaledwie przy życiu utrzymał się.

Doniesienie z Krzemieńca pod datą 9 Julii.

«Sądy Kryminalne w tym czasie wskazały X-a parocha Kałamarzynieckiego «na sześcioniedzielne więzienie do fortecy Dubieńskię; Xięży ośmiu w areście czekał dalszych losów, z pospolstwa zaś znajduie się więcý sta niewolnika, a «jeszcze swiętych y teraz przystawiają.» O czasy! Kiedyż się ta nieszczęśliwość usmierzy!

Zbieg iakis y oszust, Kiryło Pundyk, chłop z kordonu Cesarskiego, oskarżony o kradzież, unikając winny za swoje zbrodnie kary, wziął szrodek oskarżenia kapitanów y poddanych o spiknienie się na wyrznienie Polaków y Żydów. On całe Po-dole strwożył, z iego napaści kilkaset chłopów do więzienia poszło, a kilkudziesiąt

oniż sami pod przysięgą wyznać gotowi, iż ich tak modlących się slyszeli na swoje własne uszy. Odgłos ten gdy się dostał pomiędzy młodzież naszą, katów y szubienic tylko nie stawało, żeby tych Popów razem wycinać y wywieszać.

Z przeproszeniem zacnego urzędnika J. M. Pana Podstarostę, nie mogłem wierzyć jego delacyj, czułem ją koniecznie interessowaną. Nie podobna, żeby Ruś do téy naostatek ślepoty przyszła, iżby, pominawszy Króla y Stanów, iawnie modliła się za Carycę, nie będąc w jéy Państwie, albo żeby ją razem z kraiową połączyła zwierzchnością. Na ten koniec tajemnie informowałem się od X. X. Bazylianów tutejszych, zapytując ich, czy to iest gdzie wyrażono w mszałach Ruskich, że modlą się, a zwłaszcza przede mszą, za Carycę, y czy to słowo «Caryca» znaczy Imperatorową Rossyiską? Bardzo mnie gniewało, że moją kwestyą zrobiłem smiech między mnichami, y ton odmieniwszy w poważny, rzekłem, że to iest zapytanie moje nie dla saméy tylko ciekawości, że

---

kapłanów w różne mieysca pod areszt wzięto. A chociaż widocznie odkrywało się, że iest potwarcą y złośliwym napaśnikiem, bo mu, zamiast tych, co on powoływał, umyślnie dla doswiadczenia, podstawiano innych y zapytywano, czy są ciż sami? On, słysząc tych z nazwiska, lecz nie znając ich osób, powiadał, iż ci są, y tym, a nie innym, od markietanów dawał pieniądze, y w tych wmawiał, iż mu przyrzekli pomagać do rzezi, skoro, iednak powoływał którego, tak z kapłanów, iako y poddanych, brano ich zaraz do aresztu. On powołał X-a Daniela Podczaszyńskiego, parocha Kołmarzynieckiego, iako by do téy zmowy należał, y pieniądze przyiół, za co go miliciani do Konstantynowa zaprowadziwszy, mimo wzgląd na charakter kapłański, obnażonego od karku aż do stop, różgami ćwiczyli, y tak nad nim przez dwie niedziele do woli napastwiwszy się, gdy nie na siebie nie wyznał, z aresztu wypuścili. Tegoż kapłana y powtórnie powołał Kiryło, wzięty do Krzemieńca, gdzie znowu zostając w areszcie d. 9-e Iulii, iak się wyżéy rzekło, z Kiryłowskiéy indagacyi wskazany był dekretem na sześcioniedzielne więzienie do fortecy Durbieńskiey. Stany Seymuiące licznemi rapportami o tymże Kiryłe, iż tak wielu o bunt powołanie, uwiadomieni, kazali go do Warszawy przystawić, y iuż iest przystawiony.

Drugi oszust, Kiryłowi podobny, nazwiskiem Wasyl Debrijczuk, zawił się na Podolu; ten powołał J. M. X-a Jakuba Marchelewicza, dziekana Konstantynowskiego, parocha Zapadynieckiego, nauką y pobożnością kapłana znakomitego, iako by y on do tego spisku należał. Sprowadzona w dom jego z Kamienca komenda naysciślejszą czyniła rewizyą, y kilka niedziel z majątku iego zbytkując

mam wielką przyczynę wiedzieć o tym. Dopiero mnie nauczyli, że Caryca znaczy królową, że w mszale Ruskim, kiedy się gotuje kapłan do ołtarza, wspomina Carycę, ale nie modli się za nią, y owszem prosi, aby ta Caryca przyczyniła się za nim do Boga, bo to nie jest Imperatorowa Rosyjska, ale najświętsza Marya Panna. To samo po Lacinie tak się wyraża: «Adstittit Regina a dextris tuis etc.» Otoż nowa, myślałem sobie, na dobiecie Popów zinwentowana machina. Już miano rekwirować Biskupa, żeby się y z tego explikował, bo ani innie, ani Bazylianóm nie wierzono; aż nasi Xięża katedralni, którzy umieją czytać po Rusku, swoje w téy okoliczności dali zapewnienie. Gdy y ta sprężyna nie wiele honoru wynalazcy swemu, a nam korzyści przyniosła, postarano się rozgłosić inną, nie mniejszey uwagi warta, nowinę, y doniesiono Kommissyi, że X. Hussakowski, paroch y dziekan Klewański, dopiero z aresztu dekretem grodzkim uwolniony, powróciwszy do swojej parafii, kazał na gwałt w dzwon wielki uderzyć. y gdy się parafianie

---

w iedzeniu y napoiu, gdy już wszystko wyiadła y zniszczyła, wzięta go w areszt do Kamieńca Podolskiego, zkąd na instancją wielu osob dystyngwowanych, jego niewinność zaświadczaących, wypuszczony został.

Po wielu miejscach miliciani sami, lub szeregowi y luzacy, z poduszczenia swoich pryncypatów, umyślnie dla napastowania kapłanów, podrzucali swoje piki, zostawiali w słomach y poszyciach budynkowych pistolety, fuzye y noże, potem, iako by przypadkiem znalazłszy one, wiązali kapłanów y do okupienia się przymuszali. Tak do wsi Chrolin J. M. Pan Dorożewski, ieden z kawaleryi narodowey. przybywszy na rewizyą, ieśli tam chłopci iakiéy broni nie mają, X-a Sebotowicza, parocha tameyszego, nawleczoną napaścią wziół w dyby, y za uproszeniem dworu, a bardziey za okupieniem się, po dwu dniach uwolnił. Ten że sam był w Nieczpalach, cerkiew y plebanią rewidował. podłogę w cerkwi odrywał, po skrzyniach, kufrach, bedniach, nożow, spis y Piliponów szukał, y co mu się z płocien, chustek, koszul, prześcieradeł tam wynalezionych podobato, tym swoje fatygę nadgrodziwszy, odiechał.

We wsi Onachowcach późną nocą do plebanii wpadłszy, kilkunastu żołnierzy, rozkazali kapłanowi, aby otworzył cerkiew y swiece na ołtarzu pozapałał: tam jedni iako by ukrytych markietanów szukali, drudzy tymczasem panienkę jakąś wprowadzili. Starszy nad temi żołnierzami kazał sobie z nią ślub dawać. Daremnie kapłan wymawiał się, iż, ponieważ ani mężczyzny, ani niewiasty nie jest parochem, ślub takowy nie może być ważny. Wyperswadował kapłanowi pistolet do piersi przyłożony, że ślub między temiż osobami, albo raczéy nierządnictwem, błogostawić musiał. Na ow czas przyznał się mniemany małżonek, że jest kapralem,

iego na tę niezwyčajność zbiegli, przez długi czas z niemi zamknowszy się w cerkwi. tajemną jakąś czynił znowę. Szczęściem dla niego był pod ówczas obecny na Kommissyi J. M. Pan Felician Dąbrowski, iego przyjaciel, który, przekładając niepodobieństwo tego postępkę, sam się offiarował doiechać do Kłewania y dokładną o wszystkim uczynić wiadomość.

Dnia 21-go Czerwca powrócił z Kłewania, opowiadając, że nie zastał w domu X-a dziekana, który od niedziel dwóch wyiechał za Krzemieniec do swoich krewnych; y na to okazał przed nami dworu Kłewiańskiego swiactwo.

Co się zaś tyczy dzwonięcia na gwałt. doniosł nam, że to prawda, lecz nie z rozkazu X. dziekana, ile w domu nie przytomnego takowe dzwonięcie nastąpiło, y nie równie przeciwnym doniesione sposobem. Stało się to pod czas przechodu kawaleryi narodowéy przez Kłewiań. Nayrzeli oni panienkę, dosyć nadobną. córkę Burmistrza tameyszego

---

imie mu Tomasz Bocheński, iey zaś Irena Jurewiczowna z Labunia, kapłańska córka; swiactwo tegoż Bocheńskiego parochowi Onachowieckiemu dane opiewa, że sobie dać ślub rozkazał, y że kapłan nie ma być wienien za to, bo inaczej upomniał by się za niego, gdyby go kto obwiniać odważyl się.

Komenda w Jampolu stojąca wzięła do więzienia X-a Lanieckiego, parocha tameyszego, y X-a Bieczkowskiego, staruszka z Lepiesówki; przyczyna niewoli ich była, że jakiś Moskał, od lat kilkunastu zamieszkawszy w parafii tamayszej, bywał na robocie u tychże Xięży. Rabiał on podobnie y u ludzi różnych, którzy go dziennie nymowali, to jednak nie sprawiło podeyrzenia na innych, tylko na samych kapłanów, że po kilkodniowym więzieniu wykupić się musieli z téy napaści. A Moskał tymczasem uciekł bez żadnej opłaty.

J. M. Pan Kański, Sędzie Krzemieniecki, parocha Waskowczyckiego, na siłach osłabionego, który, dla poratunku zdrowia do Sławuty, do J. M. Pan Kitta, sławnego doktora, wybierał się, kazał wziąć w areszt y związanego do sądu Krzemienieckiego zaprowadził, gdzie sądownie przeciwko niemu punkta uformował takowe:

1-mo, że on z domu zapewne wyieżdżał myślą łączenia się z buntownikami. 2-do, że coś z szlachcicem, przeieżdżającym pociehu, gadał, zkąd się wnosi, że y ten szlachciec musi być namowionym od niego spółnikiem. 3-tio, że zna się z markietanami, gdy oni, iadąc przez wies Waskowczyki, pytali się do popa, ale go na ten czas nie było w domu. Takie to punkta warte były uwięzić y do sądu kryminalnego prowadzić kapłana, ale ze swiadków y innych żadnych nie

Przybyli w dom jego z przedsięwzięciem, iakiego wielkie w młodej obyczajów zepsucie karnością wojskową nie zawściągnione iest znakami; stroskany oyciec, chcąc córkę z blizkiego wymknąć osromoenia, dopadłszy dzwonnicy, uderzył na gwałt. Zawiodł się nieborak; bo y córki nie obronił, y sam od wojskowych okrutnie zbity został.

Daléj pomkneliśmy naszą baczność aż do listów Biskupich, y jego officyalistów, mianowicie do Warszawy y w dyecezyą adressowanych; czytaliśmy one, y znowu gładko zapieczętowawszy, odsyłałiśmy zwycajną pocztą do kogo były zapisane.

Odbieraliśmy responsa, y tymże sposobem szlakowaliśmy docieć iakowych między niemi układów. Lecz to wszystko naprożno! Staraliśmy się ieszcze wrażeń publico dotąd nieustalą imprezę buntu. Tym celem ntrygańci nasi wystali milicyą do Kołków, przywieźli w dybach X-a Andrzeja Borkowskiego wikarego, który po zabranu pierwéy z tamtąd parochów, sam ieden tylko do posługi parafianom został się. Oskarżono go, że pijany, czyli też nie będąc na czczo, zabierał się do mszy świętęy. Ta materya lubo żadnego nie miała związku z okolicznością pomienionego buntu, przecieź umysłem nienawiści stanu zaprzątionym zdało się, że do sądu swieckiego należyć powinna. Czas pokaże, czy Biskup ma iakie ieszcze prawo, żeby do sądu jego po ukaranie duchowni pociągani bydź mogli. Miliciańci nasi złapali także podróznego Kapłana z kordonu Cesarskiego, który tu do swoich krewnych przybył, y obydwóch Instygatorowi woiewodzkiemu oddali do aresztu. Ale, ponieważ przeciwko onym świadectwa żadnego nie było, radzi nie adzi musieliśmy onych wypuścić po ośmiu dniach z aresztu.

Dnia 23-o, Miesiąca tegoż. Przysłano do nas na Kommissyą straszny wizerunek odrysowanego na papierze noża, iakoby w tym podobieństwie noże wynaleziono przy buntownikach w pewnym mieyscu. Lecz, ponieważ ani tego mieysca, ani tych buntowników w szczególności wyrazić nie można było, donyślałem się, że y ten wynalazek skutkiem

---

było dowodów, a powierzchowność jego oczywista wydawała go hardzo słabym y d iakowéy imprezy cale nie podobnym, nowy zaś ucisk tego małą nadzieję nie tylko powrotu zdrowia, ale y przedłużenia mu życia czynił, przeto sąd Krzemieniecki swoim wyrokiem uwolnił go od téy napaści. On też w krótcie potym za ten wzgléd sądowi podziękował, iż mu w ubogiej chatce umrzeć dozwolił.

podobny intrygi na poparcie już prawie koniający powagi naszej kommissarskiej użyty. Rozrzucano także paszkwil na Jegomości Pana Franciszka Branickiego, Hetmana wielkiego koronnego, na kształt psalmu pokutnego pisany, ⁵⁸ w którym ta jest szczególność, że przeciw Królowi J. Mosci przepuszcza autor pisma, y w okolicznościach zamieszania tego cał niewinnym go czyni, lecz wszystko na Hetmana y na Xięcia Potemkina, Feldmarszałka woysk Rossyiskich (którego siostrzonicę w małżeństwo poiół tenże Hetman Branicki) zwała.

Dnia 24. Ejusdem. Po kilku dawniey przez J. M. Xiędza Biskupa Ruskiego w Łucku, dla nas, Kommissarzy y Sądowych, tak ziemskich, iako y grodzkich, tudzież wielu obywatelów, obiadach wydanych, dawał on ostatni obiad, na którym y sądowi ziemscy, y my wszyscy, y liczne

---

⁵⁸ Modlitwa Hetmana do Króla:

«Królu, nie pamiętaj zbrodni moich, ani wchodź w liczbę ich z niewdzięcznikiem, bo w kościach moich szpik przysycha, kiedy wspomnę na łaski, któremi mnie obdarzyłeś.

Byłem ubogi, a iam ci wymawiał, że z trzemakroć stotysięcy intraty wyszedłszy na świat, one dla ciebie straciłem.

Nie pomniałem na dobrodzieystwa twoie, któremi mnie y moię siostrę obsypałeś, y ważyłem się powiedzieć, że mnie niema na rejestrze twoich kosztownych wydatków.

Zwalałem na ciebie winę podziału kraiu, lubo, postany do Francyi, trunków, nie obowiązków posła pilnowałem, y lubo miałem zlecenie, aby kray nie był podzielony, czynić w imieniu twojem akcess do Konfederacyi Barskiej, ia lekce wając, czas opóźniłem.

A gdy serce twoie nie dozwala walczyć przeciw rodakom, iam się do tego nie nakłonił. Półki y części woyska zebrał, aby uciemięzać nieszczęśliwych.

A ponieważ twoia szczodrobliwść chwiać się dla mnie poczęła, zdrady pod tobą knowałem, idąc przeciw twoim dobrodzieystwom, w trybunatach przeciwników twoich mieścić starałem się.

Lecz ty, Panie, sam temu winien iesteś; boś mi dał do tego sposobność przez darowanie milionowych intrat, a ia niewdzięcznym stałem się tobie y oyczyźnie; bo z iéy zguby chcąc korzystać, wziołem w pomoc Moskiewkę.

Jéy, wujowi, przyrzekłem zgubę wolności kraiu, nad którym ty panujesz, rozsiałem bunt y nastęczyłem Piliponów, aby przez nich były wzniecione; wuia ostrzegłem, iż będą mocno mówić, aby naród uwieść powierzchnością, w skutku zaś samym przedsięwziołem z błędu korzystać.

grono obywatelów znajdowało się, lecz y tą akkomodacją nie zniszczył zadawnionego przesądu; z okazji bowiem, że tenże Biskup dobra stołowe: wieś Teremne y przysiółek Lepiany Ichmościom Panom Leonowi Hulewiczowi, Podstaroście, y Józefowi Kaweckiemu, Pisarzowi Grodzkim Łuckim w trzyletną arendę miał wypuścić, przerzeczzone osoby sądowe publicznie lżono, iakoby iuż tym samym przekupione od Biskupa. Naywięcey w téy materyi argumentował gorliwy nasz trunkowy obywatel. J. M. Pan Stolnik Trzebuchowski, który sam starał się o possessyą tych wiosek, a nie dostał. Wnosił on za prawdę nie omylną, iż sąd, obowiązany Biskupowi, nie uczyni sprawiedliwości obywatelom z Kapłanów buntowników, y będzie przyczyną nie utłumionéy skutkowania rzezi, iż Instygator Konsystorski, w areszcie będący, uwolnionym zostanie, y dokonywać zamysłów swoich, od tegoż Biskupa sobie inspirowanych, nie omieszka.

Ty, Panie, dobry iesteś, y przebaczysz winę moję, choć wiesz wszystko, przeciw mnie publiczności nie wystawisz, ia jednak boję się, aby mnie krew niewinnie rozlewać się mająca nie wydała.

Wyznaię, iż układ pod Oczakowem nie do czego innego zmierza, tylko do przeszkody sił krajowych.

Dobieram pomocników, lecz tak maie, iako onym, wierzyć y ufać nie chcę. Zastawiam różne na różnych sidła, ale w nie mało kogo wplątać mogę.

Ja chciał bym w Ukrainie komendy nad wojskiem, abym do reszty kray zgubił, a ty wszelkich używasz sposobów, iżbym tego zawierzenia nie znalazł.

Przyjaciele moi iurgielтови są mi w pomocy, lecz tych mała liczba, a inni tylko naigrawaią się; żółć moją z winem mieszałem, y co dzień ią piię, abym moich doznawał goryczy.

Chłuba moja, że wszystko mogę, co dzień bardziey upada, a w cóż się obrocę? Nie będę smiał oczu moich podnieść przed Tawrykanem, że tego dokazać nie mogę, com obiecał. Upadną nadzieie cząstki dzietności mojęy, a ia na wszystkim zniszczeię.

A gdy tak będzie, w cóż się obrocę? Przynajmniej ty, Panie, zmitui się nade mną. Nie podaway do publiczności zbrodni moich, boć mi głowa na ramionach nie zostanie. Wszakżeś, Łaskawy, gdy swoim zbóycom przepuścites, odpuść że y mnie, który matkę moję chce zgubić.

Nie odwracay oczu twoich ode mnie, odpuść Tawryskiemu wuiowi, który mnie przeciwko tobie y narodowi wystawił, boś czasy nasze są krótkie, y dni szczęśliwości z życiem Katarzyny znikną; sława zaś twoja, gdy wnętrzne odkryją się myśli, trwać będzie na wieki.

Po takowych wnioskach, umyślnie rozgłoszonych, rzeczony J. M. Pan Podstarosta zrzekł się przyrzeczonéj mu possessyi, a J. M. Pan Franciszek Rohoziński, Pisarz ziemski Łucki, zamiast wdzięczności Biskupowi za ludzkie przyjęcie, na tymże obiedzie opiwszy się, publicznie zapytywał go po razy kilka: «czy mogą być bezpieczni życia obywatele od iego duchowieństwa? czy zakazał onych wyrzynać? y czy może dać porękę, że po wyjeździe jego do Warszawy, toż duchowieństwo spokojne będzie?»

A gdy Biskup na takowe zapytania albo ~~m~~zał, albo coś podobnego, iak w pisimie: «Responde stulto secundum stultitiam ejus» odpowiedział, nazajutrz pomieniony Pisarz, iuż wytrzewiony, rozgłosił, iakoby sam od Biskupa słyszał, iż nie chce darować życia obywatelom, y owszem żąda swóy zamysł do skutku przyprowadzić. Dla tego w tymże Dniu 25-tym wystąpi miliciani do Bytnia, wzięli w areszt X-a Malewicza, dziekana Rożyckiego. Oskarżył go Samuel Olszański, podły z urodzenia człowiek, ⁹ umyślnie na to dobrany, żeby, gdy upadnie w dowodach, nie miał z czego dziekanowi odpowiadać. Między płochemi zarzutami, to mu za największy występki poczytano, że u swego Biskupa często w Rożyszczach bywał, a zatym albo iest spółnikiem, albo musi wiedzieć o jego na rzeź z duchowieństwem układach. Nigdy większy podłości nie uczynił J. M. Pan Borzęcki, Starosta Skalnicky, iako

Boś iuż zezwolił na wypędzenie przyjaciół y pomocników naszych, a wzmocnieniu sił krajowych, iako nayprędzey domagasz się. Ulituy się nad nędznym, a o prędką zgubę nieszczęśliwego nie przyprawiay.

Na ten czas, gdy stanę ofiarą sprawiedliwości, położą mnie przed tronem, iako na oltarzu cielca.

Chwała tobie, Królu, a nam wieczna nienawiść i wzgarda, iak była na początku, tak y trwać będzie na wieki. Amen.»

⁹ Niemożna J. M. Pana Samuela Olszańskiego podłym z urodzenia człowiekiem nazywać. Honor jego ocalił J. M. Pan Wężyk, położywszy dwie metryki, pierwszą sepulturę tego to Olszańskiego, którego mianuję się być synem, a drugą metrykę krztu samego J. M. Pana Samuela. Kalkulacya, prawda, że nie wyśmienita; bo się pokazało oczywiście, że Samuel Olszański rodził się, we dwa lata po śmierci pretendowanego oycy swego z matki, w wdowieństwie będącý. Naywięcej, kiedy go nazwiemy: zacnym płodem dorywczego łoża. A iесли iest iakie prawo, wyłączaające od delacyi zacność tego gatunku, to zapewnie tego dobrodzieystwa prawnego popom pozwalać nie należy.

gdy, mając prywatną niechęć do pomienionego X-a dziekana, łączył się z przereczonym Samuelem przeciwko temuż dziekanowi. Oskarżał go o rzadkie w domu bawienie się y ustawiczne podróży; ⁴⁰ z czego jeżeli się dziekan wyexplikował y dekretem grodzkim Łuckim za niewinnego był uznany, trzy niedziele z górą w areszcie byź musiał.

Co większa, na dniu 27, Ejusdem, posłaliśmy sześciu miliciantów do rezydencyi Biskupiéy, do Rożyszcz, dla wzięcia X-a Pawła Nienadkiewicza, dekretem Biskupim tam na duchowne rekolekcyę wskazanego. Ostatnia to ~~to~~ właśnie była pogarda jurysdykcyi Biskupiey. J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, opiwszy się, wedle swego zwyczaju z J. M. Panem Trzebuchowskim, usiłowali przed nami wywodzić aż do oczewistości, że pomieniony kapłan świadom iest układów Biskupich; który, choć od parafii oddalony, ma iednak wszelką wygodę od Biskupa y, pod kształtem rekolekcyi, trzyma go Biskup przy sobie, żonie y dzieciom jego daie ordynaryą, nawet suknią mu sprawia, tym sposobem głaszcze go, aby tajemnicy nie wydał; otoż sprowadzony do aresztu, żeby się z niego Kommissya o wszystkim zainformowała. Tyle to Biskup traktamentami swoimi a szczegulniey tym ostatnim wskurał, że y sam potwarz, obelgę, uraganie y pośmiewisko otrzymał, y duchowieństwo jego nie wypowiedziany ucisk ponosić musi.

⁴⁰ J. M. Pan Borzęcki, wedle zdania swojego, dość słuszną miał przyczynę oskarżenia tego dziekana, bo za to ten dziekan rzadko bywał u niego, a często u J. M. Pana Pinińskiego, Woyskiego Włodzimierskiego? Prawda, że ten Pan Woyski iest wielkiego charakteru, wielkiej poczciwości y wysokiego zdania człowiek, a przeto od J. M. Pana Borzęckiego niecierpiany, ale dziekan powinien był od tego stronić, kogo pan Borzęcki nienawidzi; bo to imie iest w liczbie kollatorów Byteńskich. Niech to będzie tym czasem słuszną pretensya, y dziekan dziactwu jego uledz musiał. Będąc tedy u J. M. Pana Borzęckiego na obiedzie, y zaufany w swojej niewinności, tak do niego mowił: «Iżbyś W. Pan dobrodzi umartwić tylko, ale, iak niewinnemu, nic dowieść nie mógł.» Lecz straszną od Starosty usłyszał odpowiedź: «Nie zaufay, Xięże, (rzecze) w swoją niewinność, miałem juz kilku szlachty pogotowiu, którzyby na moje skinienie przysięgli, żeś W. Pan, pod pozorem skupienia wołów, iedził aż za granicę y byłeś u Xięcia Potemkina; owoi gdybym nie miał sumnienia, zgubiłbym W. Pana.» To prawdziwie każdego zatrwożyć by powinno, kiedy dziś na każdy punkt nayzłośliwszy, przeciwko niewinności uformowany, łatwo o świadka oczywistego za pieniądze, y kiedy dosyć trzech tylko pro plena convictione et consequenter ad mortem condemnationem.

Dwie niedziele pomieniony X-dz Nienadkiewicz bawił w areszcie; co tylko mogło być sposobów, wszystkie użyte były na wyciągnięcie choć obojętny powieści iakiędy od niego względem Biskupa, lub officyali-
listów jego, lecz Xiądz rzeczony w prostocie serca swego odpowiadał na wszystko, że nic niewie, y nie może tak niesprawiedliwie sądzić o swoiemy zwierzchności.

Już też się sprzykrzyło obywatelom bydy ludzonemi coraz nowym doniesieniem, a zawsze fałszywym. Uroczystość SS. Apostołów Piotra i Pawła w Ruskim kalendarzu zbliżona nic okropnego nie obiecywała; bo iak nie było, tak i nie ma podobieństwa do buntów; ale natychmiast jest nowy ucisk, który obywatele przykro czuć zaczęli; procz bowiem pro-
wiantów, nie potrzebnie dawanych, gdy Komendantów nad miliciantami ustanowiono, y z Łucka na parafie okolne podzielonych wszędzie rozłokowano, ciż miłi Komendanci naieźdzali z miliciantami sąsiadów swoich. Przeto ichmość obywatele na dniu trzecim miesiąca Lipca, ziehawszy się do Łucka, uczynili Manifest, iż im milicianci nie są potrzebni, y że każdy obywatel swoich do siebie z całym moderunkiem wziąć ma wolność.

Pierwszy to był krok obywatelski, niby iakąs nadzieję dalszego uspokoienia czyniący.

Dzien szósty Lipca był zaczątkiem sądów Kryminalnych Grodzkich Łuckich, na którym więźniowie kapłani i chłopci ostateczne mieli odebrać rozsądzenie.

Trzeba było coś nowego zmyślić na podżogę sędziów, żeby z pierwszemy gorliwości, a raczemy z doświadczonego zapału nie opłoneli, y krwią zimną nie rozbierali wszystkich okoliczności, któreby srogość przyszłych wyroków łagodzić mogły. Na ten koniec rozsiano wieści, że w Jampolu, w dobrach Xięcia Radziwiłła, Woiewody Wileńskiego, mieszkańcy tameysi robić kazali noże, spisy i inne narzędzia, do morderstwa sposobne, że przez komendę, w Swiencu konsystującą, wzięci w areszt, sami się przyznali, iż nayprzod targnąć się mieli na tameyszą zwierzchność dworską, a potym łączyć się z innemi, y ogulną w tym kraiu Polaków y Żydów rzeź zacząć.

Odebraliśmy także wiadomość z Krzemienca, iż tam X-dz Antoni Kwaszczakowski, paroch Kuńczecki, z dobr Xiążąt Jabłonowskich, z pod Lachowiec sprowadzony w dybach do aresztu, z kilku

ludźmi i Cyganem kowalem, wyznawiającym na niego, że na wykonanie rzezi, noże, siekiery y spisy robić kazał, tak dla siebie, jako y chłopów parafian swoich. ⁴¹

Te nowiny chociaż nie były prawdziwe, atoli znacznie powiększyły zapał, niżeli się lepiej z czasem zainformowano. Szczególniej zaś przez to świeża wzmogła się nienawiść przeciwko duchowieństwu Ruskemu, że sąd Krzemieniecki sądowi tuteyszemu doniósł, iż trzech kapłanów, o bunt zupełnie przekonanych, na śmierć osądził, y tych, po degradacyą, ma przysłać do Łucka; iż wielu z pospolstwa razem z popami na wykonanie rzezi spiknionych, jednych na szubienice, drugich na więzienie do Kamienca Podolskiego, innych na chłostę pod pręgierzem wskazał; iż jeżeli by w Łucku przez naocznych świadków nie był jeszcze dostatecznie odkryty zamiar Rusinów na wygubienie wszystkich Polaków, tedy to już w Krzemieńcu naywidoczniej okazało się zapewnić. ⁴²

Ow to zbieg y oszust Kiryło Pundyk, który był wzięty do Warszawy, wszystkie więzienia niewinnym ludem napełnił; gdy bez niego,

⁴¹ Właśnie też było podobieństwo do rzezi. Kowal Cygan zaszedł był do wsi Kończy, kto jaką miał potrzebę, udawał się do niego, aby mu zrobił, lub naprawił; bo trzeba było jeździć daleko po cudzych wsiach za kowalem. Paroch tamczyy kazał poprawić plugi, radła y siekiery, y dwa noże gospodarskie do piekarni zrobić. Toż samo y parafianie jego uczynili. Stoiący tam żołnierze przyszli także do tegoż Cygana dla zrobienia końskich podków, y jeden z nich kazał nóż zrobić dla siebie. Małoletnia córka tegoż Cygana powiedziała, iż piękniejszy noże iey oyciec zrobił dla kapłana. Żołnierz, rad téy przygodzie, ciekawie zaczął wypytywać dziewczyny; słysząc kowal, że dziecie przez niewinność niedorzecznie plecie, co w tych okolicznościach może wyjść na złe, spoyszał groźno na nią, która zaraz umilkła; uważał to żołnierz, y doniósł komendzie; za to wzięto kapłana, Cygana y kilku ludzi do Krzemieńca, kilka niedziel więziono, potym, uznawszy za niewinnych, wypuszczono.

⁴² Nic pewniejszego, że trzech kapłanów pod miecz, a z pospólstwa wielu na szubienicę y do fortecy Kamienieckiey na więzienie wskazał sąd Krzemieniecki. Są to owoce Konstytucyi przez J. M. Pana Posła Świętosławskiego świeżo wyrobionéy. Jan Zagórski, Sędzia, y Świętojański, na miejscu pisarza zasiadający, obay nienawiścią przeciwko Rusinom zapaleni, czy swoje wyroki wedle prawa ustanawiali, y czy naywidoczniej w ich sądzie okazał się spisek Rusinów, na wygubienie Polaków? Czas pokaże. Nihil occultum, quod non reveletur. (Это приличание съдѣларь самъ Бродовичъ собственной рукой. Я. О. Г.)

iako oskarzyciela, sąd Krzemieniecki nie ostatecznie decydować nie mógł; przeto obywatele prozbami swými, do Stanów Seymuiących zanoszonymi, tyle wskórali, że tegoż Kiryła z Warszawy do Krzemieńca przysłano, żeby prędzéy z jego świadectwa wyrok śmierci niewinni więźniowie odbierali. Ja nie poymnie, iakim summieniem sąd Krzemieniecki mógł wspierać się na delacyi tego oszusta, y razem iego przypuszczać za świadka w materyi życia ludzkiego; a przecież ten że sąd do Łucka listem swoim donosi, że zupełnie ma sobie odkryty zamiar buntu. Potwierdził toż samo J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, iakoby w swoim sądzie ma dowody zupełne, że markietanie Rossyjscy tą myślą weyszli w kray tuteyszy, aby, z popami y chłopami złączeni, wedle roskazu, sobie danego, rzeź wykonali; ja zaś rozumiem, że nie można fundować się na zdaniu J. M. Pana Podstarosty; bo, między nami mówiąc, wątpić ieszcze potrzeba, czy Jegomość ma poznanie, co to iest zupełny dowód y rzetelna konwikcyja w interesie tak wielkiéy wagi.⁴⁵

⁴⁵ J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, raczy sam swoje odmianić potwierdzenie, bo inaczéy dekret jego zaswiadcza, który w sprawie markietana postanowił. A jeżeli o nim zapomniał, więc mu przypomnieć należy ze wszystkimi okolicznościami. Kupiec markietan wzięty do aresztu w Włodzimierzu. Rewidowano towary iego, naleziono takie, iakimi pospolicie handlował: byty tam y woła gospodarskie, y cóż z tego? Bez nich nayuboższy człowiek obeyć się nie może. Ale że kilka tysięcy miał pieniędzy przy sobie za towary, które iuz był spieniężył, to nayszczególniej J. M. Panu Podstarościé specyjalne sprawiło podeyrzenie. Kazał on te pieniądze pod pieczęcią grodzką złożyć na urządzie, y w nadzieię, że markietan może bydź kiedy o bunt przekonany (byłby zaś zapewne, gdyby sam tylko Jegomość sprawę iego sądził), nie mógł natychmiast ciężkety do pieniędzy przewyciężyć pokusy, dobył ich z pod pieczęci, y na publicznie dobro lusztukując, tak w Włodzimierzu, iako y w Łucku rozszafował. Stało się, że po naysciślejszych przez niedziel kilkanaście indagacyach y inkwizycyach, wszędzie, gdzie tylko rzeczony był markietan, czynionych, nic się na niego nie pokazało. Już też y kilka sądowych minęło kadencyi, trzeba było iakis dekret napisać na markietana, a co naysniepomyślniejszego, że mu trzeba iego pieniądze wrocic. Tu sęk! minąć go należy, bo siekiera iuz ostrza niema. Od czegoż rozum y prawność? Więc sędzia sprawiedliwy taki dekret napisał: «Lubo markietan z indagacyi y inkwizycyi dotąd w sprawie o bunt przeciwko sobie intęntowaney w niczym przekonany nie iest; Sąd iednak dla przyczyn, sobie wiadomych, do dalszego czazu trzymać go w areszcie «postanowił.» Po takowéy sentencyi wielokrotnie namawiano markietana, żeby z aresztu uciekł. Ale prostak nie chciał słuchać prawników rady, gadał ustawicznie o pieniądzech, żeby mu wroczone były, za to też dotąd zostaje w areszcie. Któż mu winien, że tak zuchwały! Jest że tu konwikcyja?

Dnia 16, Miesiąca terażniejszego Lipca, mieliśmy seynik gospodarski; co się w tumulcie działo, gdyby to wszystko opisywać przyszło, ani by miejsce y czas nie wystarczył, krótko wyrażam. Daliśmy, nayprzód, nieszczerę nayiaśnieyszemu Panu pochwały y dziękczynienia, warząc w sercach zdawnioną ku niemu nienawiść, bez umnieyszenia przesądów, że on jest z Imperatorową, przez tajemne układy, burzycielem spokojności naszey. Powtórę, zaliczając Ruskiego Biskupa do wpływu tegoż z klerem swoim, iako wykonywaczów mniemanego buntu, zostawiliśmy w aktach Laudum oczernienia dla nich, a dla nas w potomości obrzydliwą pamięć. (Vide w Summaryuszu sub lit. O.)

Potrzenie lubo nie mieliśmy żadnych dowodów, a nawet y cienia do wzięcia iakiego podeyrzenia przeciwko pierwszemu osobom kleru tegoż, chcieliśmy atoli ich summy dorobkowe konfiskować y na fundusz wojska obrócić; żądaliśmy kapituły Ruskie znieść, y ich nadania zniszczyć. Co mnie naybardziej zadziwiło, iż widziałem pewne z tegoż obrządku duchowieństwo, nie tylko nie czujące ucisku niewinnych braci swoich, ale nadto podsuwające uprzedzeńszym obywatelom proiekta, które własnie dążyły do wywrócenia porządków, od pierwiastkowego kościoła ustanowionych.

Tak tedy nieszczęśliwych popów, bez dowodów y przekonania, karać zdało się wielom rzeczą naysprawiedliwszą; gdy tym czasem swietley si obywatele z drugiey strony zaledwie z wielką pracą ten zapęd odwrócili. Nie wszystko atoli można było wyperswadować wszystkim; doczytasz W. M. Pan reszty im Laudo, które posyłam, y sam osądzisz, że zapalczywość zawsze się obchodzi bez czystego rozsądku.

To mnie takie nie pomału bolało, żem się na pochwałach, Instygorowi naszemu, urodzonemu Jakobowi Kostrzeńskiemu danych, podpisać musiał. Wiem bowiem, że prócz wielu innych nierządów, ten człowiek za to samo, iż kilkoro ludzi, na świadectwo tylko sprowadzonych, w więzieniu osadził, y srodze pastwiąc się nad niemi, ponieważ nie takiego, czego chciał, na uwięzionych kapłanów nie wyznali, na śmierć ich pomęczył, godzien jest szubienicy; a jednak ten okrutny postępek, za czułą gorliwość jest mu poczytany. ⁴⁴

---

⁴⁴ Die 20 Iulii. Rapport z Krzemienca. Iż trzy kapłani, sądem Grodzkim Kryminalnym na śmierć osądzeni, iadą do Łucka po degradacyą.

Nazajutrz, po skończonym seymiku, stanowiący przed sądem Grodzkim Łuckim, paroch Starosielski, Teodor Borkowski, całe swoje na przeszły kadencyi zeznanie odwołał, opowiadając, iż do fałszywego pod ów czas wyznania namowiony był od J. M. Pana Jaworowskiego, patrona swego, który upewniał go, że tym jedynym sposobem wolność swoją odzyskać może. A gdy mu, za takowe odwołanie, śmiercią od sądu zagrożono, odpowiedział: „Wolę umierać niewinny, śmierci się nie lękam; lecz się tego lękać powinienem, żeby mnie Bóg za fałszywe mnie y innych oskarzenie nie karał, y nie potępił.”

Póki stawało obywatelskich furazów, póty y nasza zarliwość Kommissarską bynajmniey z tonu swojego nie spuszczała. Dojadaliśmy reszty łaskawego, albo raczey ze krwi włóscian, tych to wiecznych niewolników naszych, wycisnionego chleba; żaden wszak że obywatel nie dawał z swoich spichrzów, chłopów tylko ciemniżył, żeby nam na niczym nie zbywało, y w ten czas, kiedyśmy ich niewinnie zabijali.

Można w tej mierze, choć już po czasie, przyznać hojność obywatelom, bo nam tyle furazów dostarczyli, żeśmy, zbytkując sami przez miesiąc y nie przewidując dalszych konsekwencyi, wiele siana y owsa rozprzedać rozkazali.

Doświadczyliśmy, że najlepsze nadzieje częstokroć są omyłne. Należało przeto brać się na sposoby, y pokazać obywatelom o ich bezpieczeństwo też samą czułość z naszey kieszeni. Ale, iak na nieszczęście,

---

Edem rapport z Łucka, iż tam w więzieniu dwóch ludzi, to jest, Diak z Suchowiec y roboczy Wasyl Odarczuk, do długiego czasu uwięzieni, dotąd w Sądzie o nie nie przekonani, nie mogące srogich wytrzymywać kańczugów, pomarli, po śmierci z dybów rozbito y pochowano; a zaś W. X. Jarocki, paroch Suchowiecki, od J. M. Pana Nowowiejskiego, Ex-starosty Braclawskiego, kollatora swego, niesprawiedliwie o bunt oskarżony, wysiedziawszy w areszcie w Dubnie y w Łucku niedziel dziewiętnaście, dekretem Grodzkim Łuckim praevio juramento uwolniony został. Światły ten kapłan długo się opierał nie należycie nakazaney przysiędze, którą umyślnie syn J. M. Pana Ex-starosty u Sądu nabiegał, aby tamquam pro semireo miiany kapłan, swojego uwięzienia nie poszukiwał, tandem za radą swoich patronow odprzysiędz się musiał, et insuper dać na piśmie przyrzeczenie, że swotemu kollatorowi będzie we wszystkich posłuszny. Inaczeby podobno wolny nie był!

Dwóch świadków pszećwiko X-u Niceforowi Kostjukiewiczowi, dziekanowi Czartoryjskiemu, parochowi Kołkowskiemu, sprowadzonych y w więzieniu osadzonych,

z wielkiej naszey liczby ledwie kilku na ten heroizm odważyło się, każdy pojechał w swoię stronę, gdy tym czasem nową materyą do nas, pozostałych Kommissarzów, przyniósł J. M. Pan Załęski, Podstarosta Włodzimierski, z innemi swoiemi spółnikami.

Domagali się oni, żebyśmy dali ordynans komendzie, w Łucku konsystuiący, na wzięcie do aresztu z Rożyszcz J. M. X-a Teodora Ochrymowicza, Kanclerza katedry Łuckiey a przeszłego officyała Ostrogskiego. Dawał taką przyczynę, ze ponieważ J. M. Brodowicz, archiprezbiter katedry Łuckiey, po razy kilka wzywany na Kommissyą, nie o buntach nie wyznał, y owszem nie ma nadzieji, żeby się kiedy do tego przyznał, sposób będzie naylepszy, przereczonego J. M. X-a Ochrymowicza na kilka niedziel ściśle uwięzić, który, ile wiekiem starszy, zapewne zechce prędko uniknąć tego dla siebie nieszczęścia, y cokolwiek wié w okolicznościach tlejącego w dyecezyi buntu, wyznać przymuszony będzie, a tym sposobem y J. M. Xiadz Brodowicz aresztu nie uniknie. J. M. Pan Michałowski, Stolnik Buski, stanął ex patrocinio za pomienionemi dwoma kapłanami, przekładał na Kommissyi, że ponieważ przez tyle delinkwentów y swiadków nic się nie pokazało na obydwóch przeszłych officyałów, nigdy by zaś w tak licznym duchowieństwie utaić się nie mogła, gdyby od nich iaka dyspozycya w téj mierze nastąpiła, przeto konkludował, nie słuchać dzikięy pretensyi domagających się takiego aresztu, dodając, że J. M. Pan Podstarosta Włodzimierski ma swoje osobiste przeciwko przereczonym dwom kapłanom przeciwności, od publicznego interessu dalekie, w których niech drogą prawa szuka dla siebie sprawiedliwości, a nie przez zemstę.

Nie podobna wyrazić, iak się na tę konkluzyą z dodatkiem oburzył oskarzyciel. Lecz naostatek sami Kommissarze, długo łagodząc zapędy J. M. Pana Podstarosty, zostawiliśmy wniesienie jego bez rezolucyi.

---

wielokrotnie bitych, a nie zdrożnego na swego parocha nie wyznawających, nie mogąc srogości więzienia y okrutnego bicia wytrzymać, pomarli.

Gazeta publiczna z Warszawy.

«Inkwizycye Archimandryty Słuckiego y Władky Peryasławskiego już są zakończone y Stanom Seymuiącym od deputacyi indagacyiney są oddane. Wkrótce tegoż process rozpocznie się w sędach seymowych. Przy archimandrycie y popach jego naleziono papierów do 400 arkuszy, pisanych o owę straszliwęy knowanęy rzecz.

Dnia 25 Iulii. Smutna dla Biskupa, po degradacyę nie tylko trzech z Krzemieńca przystawionych kapłanów, ale y czwartego tu, w Łucku, na śmierć osądzonego, nastąpiła rekwizycya. Ten to czwarty iest X. Teodor Borkowski, paroch z przedmiescia Kołków Starosielski. Ta rekwizycya ponieważ w drodze J. M. X-a Biskupa zastała, bo się był wybrał na niedzielę następującą do Boremla na święto świętey Kunegundy, żeby uroczyste w tym miejscu imieniny J. M. Pani Czackiey, Strażnikowy Koronney, wdowy, obchodził, przeto pomieniony Biskup odpisał, iż na żądany termin do Łucka, to iest, w też niedziele pospieszyc nie może, ale zaraz na poniedziałek bytność swoią offiaruie. (Videantur tria decreta in castro Cremenecensi in Summario sub lit. P.)

Jakoż dotrzymał słowa swego, zjechał w poniedziałek, y dobrawszy za assessorów Ich Mosci X. X. Katedralnych naszych, na których czele

Między któremi znalaziono list Imperatorowy Joymości, zachęcający Archimandrytę do podniesienia buntów chłopskich przeciwko szlachcie Polskiej, obiecując im nadać wielkie wolności, dostojności y nadgrody, a to koncem tym, aby Prowincye Ruskie, do Polski y Litwy należące, przez tę robotę strasliwą odpadły, y oney jako protectorce iedney ze religii Ruskiej holdowali. O takowey robocie niektórzy z naszych wielkich obywatelów dobrze wiedzieli. Popów pięćdziesiąt wykonało przysięgę na wierność Imperatorowy co do wykonania rzezi. Po rozpoczęciu processu Archimandryty Stany nasze mają poczynić przed wszystkimi potencyami manifesta przeciwko Imperatorowy o tak okrutnym zamachu na zgubę narodu Polskiego.» etc.

Zład uważać należy iak prędko u nas publiczność wie o wszystkim; y czy można ukoronowaney głowie na ostep tak wielką krzywdę czynić? Dla tego podobnemi pismami umyślnie wzniecano zapal, żeby się każdy tym bezpieczniey porywał na ucisk niewinności, im ią bydź widział słabszą, y żadney nizkad obrony, żadnego zastępu y nadziei onych nie mającą.

W Łucku na Kommissyi siedmdziesiąt punków przeciwko J. M. X-u Brodowiczowi, Archi-Prezbyterowi katedralnemu, spisano. Całą sessyą ten interes zabral; iedni Kommissarze pretendowali, aby pomieniony J. M. X. Brodowicz stawił się do explikacyi, drudzy, widząc pomienione punkta z nienawiści tylko przeciwko niemu uformowane, explikacyą bydź niepotrzebną sądzili, y gdy w tych sporach sessya zakończyła się, można wnosić, iż drugiey podobney nie będzie; bo się Kommissarze zapalczywi rozieszać mają, a drudzy na ich miejsce nastąpić.

Dnia 23 Iulii w sprawie instygatora Karpowskiego świadkowie, powróciwszy do swoich domów, wypowiedzieć się nie mogli tey nienawiści, iaką w Łucku od różnych Ichmościow z obywatelów y palestry przeciwko Biskupowi i oficjalistom jego słyszeli.

y sam J. M. Xiądz Podhorodeński, officyał nasz, zasiadł (z obrządku zaś Ruskiego żaden officyalista ex clero, tak na pierwszém degradacyi, iako y na terazniejszém, nie znaydował się, tylko terazniejszy officyał nowopostanowiony J. M. X. Floryan Korsak, Bazylian, opat Żydyczynski) rozpoczął swoje dzieło, rekwirując najprzód o wydanie inkwizycyi w sprawie parocha Starosielskiego, tu, w Łucku, wyprowadzonych, iako też y z Krzemieńca.

Nie publikowano ieszcze dekretu na tegoż Xiędza Starosielskiego. Wstawił się o to do sądu J. M. X. Podhorodeński, nasz officyał,

Między innemi zapytaniami, które tym świadkom zadawali, najczęściej o to pytali się, czy instygator Karpowski jest siostrzeńcem J. M. X-a Biskupa? A chociaż żaden świadek tego fałszu nie wyznał, przecież za świadectwem J. M. Pana Podstarosty Załęskiego, który na honor, na poczeiwość o tym wszystkich zapewniał, wyperswadowali sobie, że jest siostrzeńcem Biskupa! Ta perswazyia wyidnie pewnie temu więziowi na większe utrapienie.

Przeciwko temuż instygatorowi dwadziescia i kilka punktów podano, to jest: zaczawszy od miejsca, w którym się rodził, ciąglem przez całe życie aż do terazniejszego więzienia jego, wszystko In articulo spisano. Odpowiedzi jego w tylu punktach zawartéy nie przyięto, a zaś pro forma tylko, pretendowaney obrony na kilka punktów pozwolono. Z świadków dwudziestu czterech instygatorskich, przez patronów stawionych, kilku wybrano, dziewięciu z palestry offiarowali się przeciwko niemu świadczyć, y mimo czynione excepcye patronów, do przysięgi przypuszczani zostali.

Niech się tu każdy zastanowi. Palestranci Łucy nie wiadomi byli życia y oby czaiów tegoż instygatora, dopiero go w niewoli poznali. Offiarowali się zaś świadczyć w sprawie kryminalnéy, żeby po oddaleniu świadków, z strony jego stawionych, dopelnili liczbę świadectw, prawem przepisanych. Nic o nim w szczególności nie wiedzieli, ale z powiesci ogulney, fałszywie rozgłoszonéy, wiedzieli tyle, że go można potępić. Wiedzieli, że żądał trucizny; rozgłoszono umyślnie, iż się chciał otruć dla tego, aby, będąc sam buntownikiem, swoich spółników nie wydał. Niechciano wiedzieć o tym, że on trucizny żądał z innych powodów, które w swoim liście wyraził. Ten list jego, w aktach Kommissyi zapisany, rzadko był komu z palestry wiadomy. A przeto takie inkwizycye pewną zgubę rokuia X-dzu instygatorowi.

Nayniewinniejszy wszakże zginąć powinien, bo dosyć jest rozgłosić na niego fałsz iaki w okolicznościach terazniejszych, a dobrawszy trzech świadków, albo złośliwych, albo przekupionych, resztę zaś ex publica fama sinistre divulgata świadectwy dokonać, zjad następnie, że niewinnemu trzeba wydrzeć życie.

przekładając, iż to się w brew sprzeciwia prawom duchownym, aby sąd Biskupi był tylko exekutorem świeckich dekretów. Biskup powinien pierwey poznać występki delinkwenta, y osądziwszy, że wart kary na gardle, dopiero degradować, y po rozciągnięciu teyże kary do sądu świeckiego odesłać.

Usłuchał sąd perswazyi sprawiedliwéy, y obiecawszy aż do końca rozsądzenia Biskupiego zaczekać z ogłoszeniem dekretu swego, wydał in originali inkwizycye. Co się zaś tyczy trzech kapłanów, w sądzie Krzemienieckim na śmierć wskazanych, same tylko dekreta już publikowane z oznaczeniem terminu exekucyi przywieziono.

Tknęło to sąd Grodzki Łucki, który już swoje inkwizycye y dawniey wydawał, y teraz wydał Biskupowi, przeto obligował Biskupa, iżby bez przysłania inkwizycyi, nie przystępował do degradacyi więźniów Krzemienieckich.

Owszem sam J. M. Pan Leon Hulewicz, Podstarosta Łucki, napisał mocny list do sądu Krzemienieckiego, wyrażając prawo y świeżą praktykę, już tutaj w sprawie degradowanego kapłana Horodyskiego nastąpioną, że takowe inkwizycye sądowi Biskupiemu komunikowane być powinny.

Odpisał na to sąd Krzemieniecki, wymawiając się, iż ponieważ wielkie są wolumina rozmaitych zeznań, które tak w sprawach wielu chłopów, iako y tychże popów ciągiem zapisane, osobnego nie mają oddziału, a przeto wybierać też zeznania dla komunikacyi Biskupowi, co do samych popów rzeczę, jest długiego czasu potrzebująca, y cale nie podobną, żeby się te zeznania przed terminem exekucyi już wyznaczonym wypisać mogły, z tych tedy przyczyn nie może sąd Krzemieniecki posłać rzeczonych zeznań, wstawia się zaś usilnie do Biskupa, iżby, zawierzając wyrokom sądowym, raczył dopełnić obrzędów, sobie należących.

Po odebranych takowym liście Biskup złożył radę z Prałatami naszemi, co w tym razie miał czynić? Wypadło z rady, że Biskup dwu Xięży, Jozefa Buczyńskiego, pisarza swego konsystorza, y Józego Makowieckiego, Bazyliana, sekretarza swego, qua juratas personas, wysłał do Krzemieńca, dla przeczytania tamże w aktach inkwizycyi y przepisania quo ad cathogorias tyczących się tych nieszczęśliwych, na śmierć osądzonych.*

* List Biskupi do pewnego z swoleh officyalistów
z Łucka, die 31 Julii.

Z rady wypadło, aby delegować do Grodu Krzemienieckiego dla przeczytania tam w aktach inkwizycyi, i przepisania quo ad cathogorias nieszczęśliwych osądzonych

Nie wiadomy iestem prawa duchownego, lecz iak mi się słyseć daie od tych, którzy go umieją, nie poymię, iak ciż doradcy mogą siebie. Biskupa y pomnionych postów wymówić ab acceleratione fatorum w .éy okóliczności.

Do Biskupa należało umyć ręce. skoro inkwizycye Gród Krzemieniecki wydać nie chce, a nie posyłać po nie; bo gdy te inkwizycye jego posły przywiozą, iest to we krwi unyć ręce.

Biskup kilka dni oczekuiąc wiadomosci z Krzemienca, zapozwał tym czasem przed sąd swój parocha Starosielskiego. Stanął pozwany na terminie, złożone są przeciwko niemu inkwizycye, które ponieważ go nie czyniły godnym smierci, przekonywały tylko, iż iak od dawna, tak y teraz częścią żartem, częścią nie zupełnie trzeźwy miał zwyczaj gadać o Moskalach, chwalić ich zwycięztwa, y że sile ich Polacy oprzeć się nie zdołają, y inne tym podobne rozmowy między pospólstwem wszczynać, przeto na dobitkę położono sądowe jego wyznanie, obcym charakterem obszernie wyciągnione, a iego tylko ręką podpisane.

ných tyczących się, iakoż delegowałem y wysłałem Ich M. XX. Buczyńskiego y Makowieckiego, qua personas juratas, obaczę z czym powrócą, tym czasem termin exekucyi dzis upadł. Na pierwszą wiadomą rekwizycyą nie chciano komunikować inkwizycyi.

Za Starosielskim ruszyłem obywatelów interessowania, aby nie na smierć, lecz na więzienie wieczne był skazany. Vacillat W. Podstarosta, ale spodziewam się, iż tandem się nakłoni. Xiążę Woiewoda Wołyński ziechawszy wczoraz do Lucka dla zaprzysiężenia intraty dóbr swoich, wiele pomógł etc.

Rapport z archidyecezyi do Biskupa przez list, że tam w akta podane iest wyznanie przeciwko Biskupowi temuż.

Illustrissime, Excellentissime et Reverendissime Domfne Protector Singularissime!

Złość ludzka tak daleko rozszerza się, że aż w tuteyszym Woiewodztwie potwarz miotać usiłuje. Oto dnia 17 Lipca roku bieg swój mającego, podane tu iest do akt Grodzkich Kijowskich zeznanie nieiakich Raiców, Antoniego Gątkowskiego y Andrzeia Dmoszyńskiego, towarzyszków, przed aktami Magdeburgii Dubieńskiej dnia 6-go Maja, roku terażniejszego uczynione, iakoby z zeznania nieiakiego X-a Jana Gładowskiego, parocha Chorupańskiego, który, przed temiż towarzyszami, iakoby u siebie kwatrującemi, mówił, iż poduszczanie do buntów iakoby miało bydź z nakazów zwierzchnosci duchowney Łuckiej. Iest tam wytknięty instygator y osoba samego J. WW. M. Pana Dobrodzieia. Jestem ja in procinctu viae na

Lecz on te swoje wyznanie, iak w sądzie świeckim, lubo nie był słuchany, tak y w sądzie Biskupim odwołał, powiadaiąc haec formalia: «Iż J. M. Pan Jaworowski, patron mój, namówił mnie y zapewnił, że tym tylko sposobem uwolniony będę: on sam to całe pismo napisał, y mnie czytał, on to zmyslił, że od Borysowa pieniądze przyoił; znam, prawda, od lat kilku Borysowa, kupca markietana, ale z nim nigdy w podobne ziny nie wchodziłem, żadnych od niego pieniędzy nie brałem, y nic od niego o buntach nie słyszałem. kupowałem tylko od niego, co mi było do gospodarstwa potrzeba; nie zbierałem parafian moich do plebanii na to, żeby im onych buntował, ale iako ubogi gospodarz, traktowałem ich, że mi do zbioru zasiewów pomagali, y zamawiałem na czas przyszły; bez ich bowiem pomocy ubogi kapłan obeysć się nie może, a z ludzimi po ludzku żyć trzeba. Z tego to, com powiedział tutaj, y com pierwéy memu patronowi mówił, takie on zrobił opisanie, y mnie napominał, abym, gdy przed sąd zawołany będę, wszystko to wyznał, co napisano. Ja też potym w krótce zawołany, stanowszy u sądu, y słysząc, że J. M. P. Zagórski, sędzia Grodzki Łucki, na duszę swoją, na żonę y dzieci, zaczął się zaklinać, iż wolnym będę, abym tylko sam na siebie prawdę wyznał, iak napisano, y na to podpisał się, żadnego punktu z tego pisina, które czytano przede mną, nie zaprzeczyłem; bo już mi się sprzykrzyła długa niewola, którą blisko pół roku w iednéy z pospólstwem iamię ciężko ponoszę, y kadydany nogi mi poobjadały. Bóg widzi, który przenika myśli moje, że nic niewinien, y iezelim to wyznanie podpisał, uczyniłem iedynie dla odzyskania wolności moiey, o której byłem przez patronów y przez sędziego zapewniony.»

Podole, nie wystarcza mnie czas na wyięcie ekstraktem téy ohydnej ingrossaty; ale J. WW. M. Pan Dobrodzi, iefli o tym zeznaniu ieszcze nie wiesz, możesz ie kazać sobie wyiąć z akt Magdebskich Dubieńskich, y zdaie mi się trzeba by tu znieść dobrym y obszernym manifestem. Musi to albowiem bydz czyis duch oczernienia y w tutejszym Woiewodztwie. Ja sercem y duszą przywiązany do honoru J. M. Pana Dobrodzieja, o tym iak mogę nayprędzéy donoszę, y iestem z naywyższym szacunkiem Illustrissimi Excellentissimi Reverendissimi Domini Protectoris amplissimi humillimus servus et exorator. G. Trochliński, officialis archidiecepsanu. P. S. W oblatę podał niejakiś Jan Giryłowicz, tutejszy jurysta, z rozkazu pewnego obywatela.

J. M. Pan Filip Neriusz Olizar, Podczaszy Litewski, powróciwszy z dóbr swoich Kijowskich, opowiadał publicznie w Łucku, iż tam widział y czytał kopije listów J. M. X-a Brodowicza, przed tym officyala Łuckiego, do różnych kapłanów,

Takowe odwołanie zastanowiło sąd duchowny; długo na ustępie myśla-
no o sposobach; zgodzili się wszyscy sędziowie, że do degradacyi przy-
stępować nie można. Zeby zaś skwapliwie czynić nie zdawali się, akt
swój do dnia trzeciego odłożyli. Tym czasem delegowani powrócili
próżno z Krzemienca; bo im inkwizycyi, których in rerum natura nie
było, nie mógł sąd Grodzki Krzemieniecki prawdziwie kryminalny wy-
dać, kiedy z saméy tylko aresztantów inkarcerowanych indagacyi. a
nayszczegulniey z napaśliwego powołania owego dawniéy wspomnionego
Kiryła, dekreta na śmierć ustanawiał. Indagacye zaś czynione były w
różnych mieyscach nayprzód przez officerów, którzy, chwytając w areszt
o bunt pomówionych, y sprowadzając swiadków, okrutną chłostą przy-
muszali do wyznania tegoż buntu, tam swiadkowie y sami aresztańci z
ciężkiego bolu wyznawali to, o czym ani myśleli, y takowe od komend
nadesłane indagacye sąd Grodzki Krzemieniecki za autentyczne przyjął,
oraz swoje z tam temi konfrontując, ludzi na śmierć skazywał.

Swiadczą toż samo dekreta, na tych nieszczęśliwych trzech kapłanów
ferowane. Nie ma tam wzmianki o żadnéy inkwizycyi. Owszem sami
inkarceraci, którzy na nich swiadczyli, iakoby z nimi współnictwie
spisku byli, tuż przed poniesieniem śmierci, kiedy na nich kat stryczek
zakładał, swoje przeciwko kapłanom wyznania odwoływali, ale ich słu-
chać nie chciano, wielu z pospółstwa exekwowano, iako swiadczą de-
kreta w Summaryuszu, które tylko per connexionem zaięły pospółstwo.
z kapłanami niby w społeczeństwie buntów będące. Coż dopiero o tych
dekretach rozumieć, które są osobne na same pospółstwo ferowane?
Tam ich wielką liczbę zgubiono!

---

z poduszczeniem na bunt pisane, y iakoby z oryginalnych listów iego przepisane,
które po rękę obywatelów Woiewodztwa Kijowskiego chodziły. Tyle to złość czyiaś
na uszkodzenie sławy tego kapłana czyniła, że się ośmielił, aż takim sposobem
naprzeciwko niemu zażęgać publicum. Przeciez ten że J. M. Pan Podczaszy Litewski
dał swoje swiadectwo, iż zna styl i sposób pisania J. M. X-a Brodowieza, że
to nie iego koncept, ale potwarz na niego zmyślona.

Latwo się domyślić, czyia to była złość, tak przeciwko Biskupowi podaniem do-
piero wspomnionego do akt wyznania, iako y przeciwko officyałowi jego, zmyśle-
niem listów takowych, z prywatnego interessu powzięta.

J. M. X. Hromaczewski, dziekan Krzemieniecki, z Warszawy uwolniony y
medalem złotym na znak swéy niewinności zaszczycony, tyle za swoim do Krze-
mienca powrotem nienawiści u obywatelków znalazł, że nie mogąc wytrzymać prze-
śladowania, swoją parafią Krzemieniecką zarezygnować postanowił. Ten że iako swia-

A tak poinienione dekreta Biskup w swoim sądzie zważywszy, przy- tym też osmielonym będąc perswazyą sądu tutejszego, o którego także szło powagę, nie przystąpił do degradowania trzech kapłanów Krzemienieckich, a tym czasem od Stanów Seymujących nadspieszył rozkaz, aby się z onych exekucyą wstrzymano do lepszego poznania y przekonania.

Zostawiwszy sprawę Krzemieniecką, wracam się do Łuckiéy. Albo że sekret był wydany, albo że sami patronowie w sądzie duchownym stawiający to sobie z odłożenia wnosili, że ten sąd polegać będzie na odwołaniu delinkwenta, y Biskup nie przystąpi do degradacyi; gruchnęła ta wiadomość po całym Łucku, a sąd Grodzki Łucki, obawiając się niepomysłnego dla siebie wypadku w sądzie Biskupim, mimo przyrzeczenie

dek oczywisty opowiadał, że gdy z wyroków sądu tutejszego tracony ludzi, y Xięza Bazylianie byli do ich spowiedzi użyci, ieden winowayca po spowiedzi po- ciagniony na szubienicę, prosił na ostatnym szczeblu, aby mistrzowi zaszekać ka- zali, bo ma coś nowego powiedzieć. Kazano wnet zatrzymać się z exekucyą, a on rzekł: «Już ostatnia dla mnie przychodzi godzina, idę na sąd Pana Boga, dziwiuję się, za co wy wierzycie temu oszustowi, Ktryłowi, który tyle niewinnych ludzi «o śmierć przyprawia! Cokolwiek mówiłem y wyznawałem, tak na siebie, iako y «na parocha Czabańskiego, pierwéy przed Komendantem w Święccu, a po «tym tutaj przed sądem; wszystkim to czynił, tam przymuszony chłostą, a tutaj z «bojaźni, żeby mnie tak nie kazano mordować, iak w Święccu, do niego się «nie znam, od nikogo pieniędzy nie brałem, kapłan Czabański także nie nie «winien, tak mi Boże day zbawienie duszy!» Kazano go jednak powiesić natych- miast. A gdy drugiego winowaycę podobnie na śmierć wyprowadzono, a on obaczywszy Bazyliana prosił o spowiedź, przytomni tam obywatele, obruszyli się, zakazując, aby nie słuchał spowiedzi Bazylian, iuz na śmierć osądzonych, ponie- waż ich na spowiedzi namawia do odwołania swoich y cudzych występków. Po- stali po Reformata, aby ten słuchał ich spowiedzi. Co za okropny stan biédnego ludu, kiedy im nie wolno obrać spowiednika podług upodobania swego, nawet w momencie śmierci swoiéy!

Inny, podobnie na szubienicę prowadzony, gdy w trakcie swoiéy fatalnéy pod- róży, dla odległości miejsca, więcéy dwu godzin bawić musiał, tak był na sąd Krzemieniecki zażalony za niewinne siebie na śmierć osądzenie, iż gdy mu spo- wiednik perswadował, aby wszystkim swe urazy dla miłości Pana Boga odpuścić, odpowiedział, iż wszystkim z całego serca odpuszcza y daruje, ale sądowi tak wielkiej krzywdy darować nie może; pracował spowiednik długo nad nim, tyle przecieź iuz pod szubienicą wyprosił, że mu powiedział: «Wreszcie chociaż da- «ruję moią krzywdę sądowi, lecz mam nadzieie, że Bóg, moiey niewinności wia- domy, darować im nie będzie!» Takie to następowały dekreta z pobudki J. M. Pana

Dnia 16, Miesiąca terażniejszego Lipca, mieliśmy seymnik gospodarski; co się w tumulcie działo. gdyby to wszystko opisywać przyszło, ani by miejsce y czas nie wystarczył, krótko wyrażam. Daliśmy, nayprzód, nieszczerze nayiaśnieyszemu Panu pochwały y dziękczynienia, warząc w sercach zdawnioną ku niemu nienawiść, bez umniejszenia przesądów, że on iest z Imperatorową, przez tajemne układy, burzycielem spokojności naszey. Powtórę, zaliczając Ruskiego Biskupa do wpływu tegoż z klerem swoim, iako wykonywaczów mniemanego buntu, zostawiliśmy w aktach Laudum oczernienia dla nich, a dla nas w potomości obrzydliwą pamięć. (Vide w Summaryuszu sub lit. O.)

Potrzenie lubo nie mieliśmy żadnych dowodów, a nawet y cienia do wzięcia iakiego podeyrzenia przeciwko pierwszym osobom kleru tegoż, chcieliśmy atoli ich summy dorobkowe konfiskować y na fundusz woyska obrócić; żądaliśmy kapituły Ruskie znieść, y ich nadania zniszczyć. Co mnie naybardziej zadziwiło, iż widziałem pewne z tegoż obrządku duchowieństwo, nie tylko nie czujące ucisku niewinnych braci swoich, ale nadto podsuwające uprzedzeńszym obywatelom proiekta, które własnie dążyły do wywrócenia porządków, od pierwiastkowego kościoła ustanowionych.

Tak tedy nieszczęśliwych popów, bez dowodów y przekonania, karać zdało się wielom rzeczą naysprawiedliwszą; gdy tym czasem swietley si obywatele z drugiey strony zaledwie z wielką pracą ten zapęd odwrócili. Nie wszystko atoli można było wyperswadować wszystkiem; decytasz W. M. Pan reszty im Laudo, które posyłam, y sam osądzisz, że zapalczywość zawsze się obchodzi bez czystego rozsądku.

To mnie takie nie pomału bolało, żem się na pochwałach, Instygatorowi naszeniu, urodzonemu Jakobowi Kostrzeńskiemu danych, podpisać musiał. Wiem bowiem, że prócz wielu innych nierządów, ten człowiek za to samo, iż kilkoro ludzi, na świadectwo tylko sprowadzonych, w więzieniu osadził, y srodze pastwiąc się nad niemi, ponieważ nie takiego, czego chciał, na uwięzionych kapłanów nie wyznali, na śmierć ich pomęczył, godzien iest szubienicy; a iednak ten okrutny postępek, za czułą gorliwość iest mu poczytany. ⁴⁴

---

⁴⁴ Die 20 Iulii. Rapport z Krzemienca. Iż trzy kapłani, sądem Grodzkim Kryminalnym na śmierć osądzeni, iadą do Łucka po degradacyą.

Wszak że się dobrały dwie głowy, jednym duchem akkomadacyi tchnące. Biskup Lewinski y officyał Podhorodeński. Ci na drugim zasiadaniu wymyślili szrodek potępienia na śmierć niewinnego ⁴⁵ powiadając: że im należy przynajmniej provisionaliter utrzymywać prawa duchowne y żeby bez degradacyi nie exekwowano, przez co by nie nadgrodzona (jak mówili) jurysdykcyi duchowney stała się krzywda; dla tego też dekret degradacyi napisali. Videatur in summario sub lit. Q.

Wiele w tym dniu ucierpiał Biskup od niektórych obywatelów, a szczególnie od J. M. Pana Jozefa Steckiego, Kawalera Orderu S-go Stanisława, za to, że niechtiał degradować popów Krzemienieckich, y odwołczył degradacyą popa Starosielskiego. Pomieniony Jegomość publicznie mu wymawiał w te słowa: «W całą porę wybrałeś się W. M. Pan na tuteysze Biskupstwo, za co tych popów nie-pocziwych ochraniaasz, czemu ich nie degradujesz, chyba dla ostatnią zgubę naszą zachowujesz ich?» Ekuzował się Biskup zawstydzony odpowiadając, że gotów jest degradować, skoro prawnie będzie mógł do tego przystąpić. Przeciż sędziowie Grodzcy Łuccy przymówili się za tymże, prawdziwie nieszczęśliwym Biskupem, który przez niepotrzebne uleganie stracił o sobie dobrą exystymacyą, y wyperswadowali J. M. Panu Steckiemu, że więćcy go nie szykanował.

Kiedy się rozległa wieść o tak wielu w Krzemieńcu potraconych, tą nowiną lud na Podolu, gdzie się ow oszczerca Kirył wałęsał, tak był zatrwożony, że gdzie tylko komenda albo dla furaju, albo na konsystencyą, do wsi przychodziła, poddani, zostawiwszy chaty, żony y dzieci, uciekali w otwarte pola y łąsy, podobnie iak w czasach Tatarszczyzny, kiedy lud w łąsy czyli plon zabierano. Już naostattek y sami dziedzice lękali się, aby od swolch poddanych na zawsze opuszczeni nie byli. To sprawiło, że zapewniając pospółstwo, iż im więćcy Kiryło Pundyk szkodzić nie będzie, postarali się, aby był wzięty w niewolę do Kamieńca Podolskiego.

Zła iskra y dom spali y sama zgaśnie!

⁴⁵ Tam tylko rzezono do Starosty Rzymskiego: «Si hunc dimittis, non es amicus Caesaris.» A tu y Podstarosta Łucki, y Biskup Łucki, y officyał Rzymsko-Łucki, każdy obawia się w szczególności, iżby mu coś podobnego nie wymowiono. Ludzie nie zwykli nic czynić bez dostateczney przyczyny; poszukaymy iey, a może naydziemy skłaniającą do téy czynności. Kto zna stan J. M. Pana Leona Hulawicza, Podstarosty Łuckiego, przyczynienie się do krescytywy jego, y szcrodobliwe w tym urzędzie od J. M. Pana Steckiego, Starosty Owruckiego, opatrywanie, kto sobie przypomni, że z instygacyi tegoż Starosty Owruckiego, w tymże sądzie Łuckim poszedł iuz pod miecz kapłan Horodyski, że tegoż Starosty potrzeba było nowym wyrokiem usprawiedliwić y zasilić, żeby potomność nie mówiła, że z szczeréy nienawisći postarał się wydrzeć życie swojemu kapłanowi, kto się naostattek y nad tym uwagą zastanowi, że im więćcy chociaż niewinnych ofiar zabitych będzie w materyi buntów, tym iasnéy przed publicznością też bunt

Już się teraz nie dziwię, że y Pan Jezus w sądzie duchownym przegrał!

Dnia iedynastego Augusti pomieniony X. Theodor Borkowski, paroch Starosielski, lat mιαίcy pięćdziesiąt y dziewięć, po degradacyi z zupełnym do woli Pana Boga przychyleniem się, o godzinie dziewiętém z rana w rynku miasta Łucka ścięty został.

Plac tego kapłana był nadzieją dla wielu duchowieństwa Ruskiego nieprzyaciół, że on skoro się obaczy bez nadziei życia, wyiawi na wszystkich występki konspiracyi; lecz się zawiedli, bo nic na żadną osobę nie wiedząc, ani nawet na zięcia swego, którego w dawniejszych swoich nieco obwiniął depozycyach, nie wyznał.

Z pomiędzy spowiedników z obrządku naszego sobie danych ani J. M. X-a Mioduszewskiego, ani kogo innego, ani samego J. M. Xiędza officyała Podhorodeńskiego nie przyiół, tylko iednego J. M. X-a Kanonika Glinkę, który służył mu aż do ostatniego momentu.

Ow także X. Symeon Karpowski, instygator od dnia drugiego Maia aż dotąd w areszcie będący, tandem ostateczne odebrał rozsądzenie. Nie pomogły mu żadne sądownie przywiodzone obrony; sąd, przychyliwszy się do złośliwego wyznania parocha Chorupańskiego, a z tąd wzniosłszy, że on, czuiąc się do występkę trucizny żądał, na trzyletne więzienie do fortecy Kamienieckiey go wskazał, a po upłynionych trzech latach, do iakiego klasztoru X. X. Bazyljanów przez Biskupa wyznaczyc się mιαίcego, na całe życie odesłał. ⁴⁶

---

okażą się, a publiczność dla czulego Sędziego więcéy też mieć będzie obowiazków wdzięczności, z tych względów przyznać musi J. Panu Podstaroście Łuckiemu, że czynił iak polityk.

Wielka szkoda, że y takiéy czynności ani Biskupowi, ani officyałowi przyznać nie można.

⁴⁶ Pomieniony instygator Symeon Karpowski, dopełniając dekretu Grodzkiego Łuckiego; przeciwko sobie ferowanego, dnia 16 miesiąca Augusti, wzięty iest z więzienia Łuckiego do fortecy Dübienkiéy, a z tamtąd pod eskortą wojskową zaprowadzony do Kamieńca Podolskiego.

Los iego, lubo tak srogi y nieszczęśliwy, można atoli po uwięzieniu go z Łucka, nazwać pomyślnym, uniknoł bowiem niewypowiedzianego prześladowania, y ustanowił pewność dalszego życia swego, bo w początkach o rodzaju smierci tylko, iakoby mogła bydź dla niego nayokrutniejsza, myślano. Żadnéy mocy od dekretu czynić nie dozwolono!

Podobnież X. Nicefor Kostłukiewicz, paroch Kołkoweki, zięć nieboszczyka parocha Starosieleńskiego, od dnia otwartego Kwietnia dotąd w areszcie będący, gdy przez wielu, po rasy kilka sprowadzanych do sądu, świadków w żadnym zarzucie przekonany, nie był, a strona powodowa godadziąc publicznie zapalowi, dowodzić tych zarzutów oświadczyła się, takowe tym czasem odniósł judicatum, że sąd na grónt do Kołków wskazał kondescensyą, a oskarżonego w klasztorze X. X. Trynitarzów do przyszlěj kadency osadzić rozkazał.

Nim zaś te dekreta publikowane były, J. M. Pan Kostrzeński, instygator przysięgły Woiewodzki, tylo pochwałami przez nas in Laudo uwielbiony, za swoje zbrodnie, dekretem grodzkim od funkcji instygatorskiej odsądzony został, ⁴⁷ na którego mieyscu trzey instygatorowie z palestry wybrani, to iest, Jch M. panowie Kazimierz Sabiscki, Chamiec y Lubliński, przysięgą wykonali.

---

⁴⁷ Wielmożny jegomość, Pan Jakub Kostrzeński, Podkomorzy Jej Królewskiej Mosci (bo się tak w komparycyi zapisywał), uchwałą Woiewodztwa do wdzięczności mu za pracowity urząd delatora przeciwko buntownikom, uroczyście w aktach zapisaną nadęty, wiele okrucieństwa czynił nad więźniami, pod jego mocą będącemi, kilku umęczył na śmierć bez wiedzy sądu. Odzierał zaś wszystkich do naga, y zapomóżony tym łupem, na wszelką wylewał się rozpustę. Wielkie zbrodnie powagi jego zagłuszyć nie zdołały. Miał owszem zjad zaletę, że, wyzuwszy się z uczucia religii y natury, równie duchowieństwo, iak y pōspolstwo, dręczył bez miłosierdzia.

Męłowi temu do utrzymania powszechney reputacyi dwie rzeczy zaszkodziły: łakomstwo y hardość. Póki z Vice-Regentem Lenkiewiczem, Tarszyńskim, Kmitą, Jaworskim, Muszyńskim, Lublińskim y innemi, pierwszej klasy mecenasami, dzielił się zdartym z Piliponów łupem, póty sława starożytnego imienia Kostrzeńskich głośno brzmiała; a skoro do podziału ich nie przypuścił, oni iak na nieszczęście wyszperali pod tą ekstrakcyą wielmożnego jego Mosci Pana Podkomorzego Jego Królewskiej Mosci y odsądzeniem od instygatorstwa hardość jego unióżyć postarali się. To tylko grzechem iest u nas nieodpuszczonym: wolno szlachcicowi odzierać, bić, kaleczyć, zabijać etc., chłopowi zasie.

Nadto nie kontentując się osądzeniem jego, umyślili pozbyć się go na zawsze z Łucka, namówili z pomiędzy siebie najmłodszego, który, zdybawszy wielmożnego Podkomorzego tegoż na publiczney ulicy, wspaniale pewney damie assystującego, za wielkim jaymości dobródziki przeproszeniem, pyski mu wytrzepał, czuprynę wyczeszał, kłiem boki wylatał, y w Łucku dłużey nad godzin kilka niebawie się kazał.

Co za śmiałość! Szkoda zasnego urzędnika! (Привѣчаніа 46 и 47 писаны собственноручно Феодосіемъ Бродовичемъ. Я. Θ. Г.)

y sam J. M. Xiądz Podhorodeński, officyał nasz, zasiadł (z obrządku zaś Ruskiego żaden officyalista ex clero, tak na pierwszém degradacyi, iako y na terazniejszém, nie znaydował się, tylko terazniejszy officyał nowopostanowiony J. M. X. Floryan Korsak, Bazyljan, opat Żydyczynski) rozpoczął swoje dzieło, rekwirując nayprzód o wydanie inkwizycyi w sprawie parocha Starosielskiego, tu, w Łucku, wyprowadzonych, iako też y z Krzemieńca.

Nie publikowano ieszcze dekretu na tegoż Xiędza Starosielskiego. Wstawiał się o to do sądu J. M. X. Podhorodeński, nasz officyał,

---

Między innemi zapytaniem, które tym świadkom zadawali, nayczęściej o to pytali się, czy instygator Karpowski jest siostrzeńcem J. M. X-a Biskupa? A chociaż żaden świadek tego fałszu nie wyznał, przecież za świadectwem J. M. Pana Podstarosty Załęskiego, który na honor, na poczeiwość o tym wszystkich zapewniał, wyperawadowali sobie, że jest siostrzeńcem Biskupa! Ta perswazyia wydric pewnie temu więźniowi na większe utrapienie.

Przeciwko temuż instygatorowi dwadzieścia i kilka punktów podano, to jest: zaczawszy od miejsca, w którym się rodził, ciąglem przez całe życie aż do terazniejszego więzienia jego, wszystko in articulo spisano. Odpowiedzi jego w tyż punktach zawartéy nie przyjęto, a zaś pro forma tylko, pretendowaney obrony na kilka punktów pozwolono. Z świadków dwudziestu czterech instygatorskich, przez patronów stawionych, kilku wybrano, dziewięciu z palestry offiarowali się przeciwko niemu świadczyć, y mimo czynione excepcye patronów, do przysięgi przypuszczeni zostali.

Niech się tu każdy zastanowi. Palestranci Łucy nie wiadomi byli życia y oby czaiów tegoż instygatora, dopiéro go w niewoli poznali. Offiarowali się zaś świadczyć w sprawie kryminalnéy, żeby po oddaleniu świadków, z strony jego stawionych, dopełnili liczbę świadectw, prawem przepisanych. Nic o nim w szczególności nie wiedzieli, ale z powiesci ogulney, fałszywie rozgłoszonéy, wiedzieli tylk, że go można potępić. Wiedzieli, że żądał trucizny; rozgłoszono umyślnie, iż się chciał otruć dla tego, aby, będąc sam buntownikiem, swoich spółników nie wydał. Niechciano wiedzieć o tym, że on trucizny żądał z innych powodów, które w swoim liście wyraził. Ten list jego, w aktach Kommissyi zapisany, rzadko był komu z palestry wiadomy. A przeto takie inkwizycye pewną zgubę rokują X-dzu instygatorowi.

Nayniewinniejszy wszakże zginąć powinien, bo dosyć jest rozgłosić na niego fałsz iaki w okolicznościach terazniejszych, a dobrawszy trzech świadków, albo złośliwych, albo przekupionych, resztę zaś ex publica fama sinistre divulgata świadectwy dokonać, żąd następuje, że niewinnemu trzeba wydrzeć życie.

przekładając, iż to się w brew sprzeciwia prawom duchownym, aby sąd Biskupi był tylko exekutorem świeckich dekretów. Biskup powinien pierwey poznać występki delinkwenta, y osądziwszy, że wart kary na gardle, dopiero degradować, y po rozciągnięciu teyże kary do sądu świeckiego odesłać.

Usłuchał sąd perswazyi sprawiedliwéy, y obiecawszy aż do końca rozsądzenia Biskupiego zaczekać z ogłoszeniem dekretu swego, wydał in originali inkwizycye. Co się zaś tyczy trzech kapłanów, w sądzie Krzemienieckim na śmierć wskazanych, same tylko dekreta już publikowane z oznaczeniem terminu exekucyi przywieziono.

Tknęło to sąd Grodzki Łucki, który już swoje inkwizycye y dawniey wydawał, y teraz wydał Biskupowi, przeto obligował Biskupa, iżby bez przysłania inkwizycyi, nie przystępował do degradacyi więźniów krzemienieckich.

Owszem sam J. M. Pan Leon Hulewicz, Podstarosta Łucki, napisał mocny list do sądu Krzemienieckiego, wyrażając prawo y świeżą praktykę, iż tutaj w sprawie degradowanego kapłana Horodyskiego nastąpiona, że takowe inkwizycye sądowi Biskupiemu komunikowane być powinny.

Odpisał na to sąd Krzemieniecki, wymawiając się, iż ponieważ wielkie są wolunina rozmaitych zeznań, które tak w sprawach wielu chłopów, iako y tychże popów ciągiem zapisane, osobnego nie mają oddziału, a przeto wybierać też zeznania dla komunikacyi Biskupowi, co do samych popów rzeczę, jest długiego czasu potrzebującą, y cale nie podobną, żeby się te zeznania przed terminem exekucyi już wyznaczonym wypisać mogły, z tych tedy przyczyn nie może sąd Krzemieniecki postać rzeczonych zeznań, wstawia się zaś usilnie do Biskupa, iżby, zawierzając wyrokom sądowym, raczył dopełnić obrzędów, sobie należących.

Po odebranych takowym liście Biskup złożył radę z Prałatami naszymi, co w tym razie miał czynić? Wypadło z rady, że Biskup dwu Xięży, Józefa Buczyńskiego, pisarza swego konsystorza, y Józefa Makowieckiego, Bazyliana, sekretarza swego, qua juratas personas, wysłał do Krzemieńca, dla przeczytania także w aktach inkwizycyi y przepisania quo ad cathogorias tyczących się tych nieszczęśliwych, na śmierć osądzonych. *

* List Biskupi do pewnego z swoich officyalistów
z Łucka, die 31 Julii.

Z rady wypadło, aby delegować do Grodu Krzemienieckiego dla przeczytania tam w aktach inkwizycyi, i przepisania quo ad cathogorias nieszczęśliwych osądzonych

ciaż na pozór różnią się niby między sobą, atoli do iednego zawsze zmierzają celu, y przemyślnie godzą się w tym wszystkim, cokolwiek smutne za sobą dla całego kraiu niesie wypadki.

Miey to W. M. Pan ode mnie teraz w ogulności, daruy, że pióro moie zastanawiam od wyrażenia szczegółów; bo ponieważ te z wielorakich źródeł, niemal na każdej sessyi seymowéy powiększają się y grubieją, toćbym nie wielką uczynił mu przysługę szczupłym doniesieniem tego, co dotąd iednych ślepa gorliwość prawodawców naszych, drugich skryta nastronność nabroiła. Broić oni dopóty będą, aż wszystkie pozrywawszy tamy, imie Polaka w iego krwi własnéy zatopia. Masz W. M. Pan prócz tego z poczty wiadomości o tuteyszych dzieiach, a przez uwagę możesz domyslać się ich ducha y ze mną zgodzisz się na iedno.

Zwracam myśl do smutnych ofiar Wołyńskiey zapalczywości. Podziękowałem tu Biskupowi, że trzech kapłanów, Krzemienieckim sądem na śmierć osadzonych tylko z indagacyi, okrutną więźniów chłostą wymuszoney, nie chciał degradować. Mam wdzięczność J. M. Panu Hulewiczowi, Podstaroście, in hoc solum non impio, że doradził Biskupowi nic nie czynić bez przystania sobie z grodu Krzemienieckiego inkwizycyi, a których in rerum natura nie było.

Powróceni kapłani do najciemniejszego więzienia może, że ieszcze kiedy świat obaczą; a Starosielski paroch, gdy mieczem trwiałący dotąd zaiadłości poległ, wola iuż z pod ołtarza o zemstą. Z odwoływania jego przed sądem daie się widzieć, iż do zguby jego nayszczególniej przyczynił się sędzia Zagórski. Ja zaś mam pewne doniesienie, że nawet on doradził patronom, iżby więźniowi pod tym iedynie warunkiem, gdy swój występek dobrowolnie wyzna, wolność od kary y wypuszczenie z więzienia ofiarowali. Nie mogli więc y patronowie nie zaufać sędziemu, a tym bardziej prostaczek kapłan nie mógł poznać bezbożney zdrady.

Gdybym nie wiedział Zagórskich rodu, doszedł bym z ich postępów, że ci dway sędziowie, Łucki y Krzemieniecki, są bracia rodzeni między sobą: jedna duma, wyniosłość, chytryść, niesprawiedliwość a nayszczególniej okrucieństwo nad podległemi seisle ich z sobą połączyły. Zdają się zapominać o tém, co przed lat kilka z nich iednemu publicznie wymówiono, iż by sobie lepiej poradził, gdyby naśladował pawia, który wrodzoną z pięknych piór nadętość tłumi tym sposobem, kiedy swe brudne obaczy nogi.

Nie zadziwiają się W. M. Pan, że J. M. Pan Świętosławski poseł nieszczędną krwi ludzkiej na Województwa Ruskie wyrobił konstytucją. Kommissarskie to y sędziowskie z trzech powiatów doniesienia zrobiły, którym się y dotąd marzy, że zamysł wykonania rzezi jest rzeczywisty. Z posłów też terazniejszego Seyma największa część tym uprzedzeniem zajęta, a którzy mają światło, z pewnością potrafili użyć tego popłochu do swoich zamiarów, y udało się im.

Przypomnij sobie W. M. Pan, jaka wrzawa bywała na seymach, kiedykolwiek powiększyć woysko y podatki nałożyó chciano. Dział te dwie materje, pod zmyśloną pobudką, jednostaynym głosem w prawo zamieniono, y obywatel, przedtym złotego dać nie chcący, dzis chętnie zezwala dawać dziesięć złotych od sta z intraty swoiey.

Jeśli kiedy, to w tym wieku, polityka nie zgadza się z nauką prawnodawcy Chrześciańskiego. Ofiaruje ona cząstkę, iak powiada, motłochu ludzi na zgubę, aby większą y zacnieyszą część ochroniła y na zawsze zabezpieczyła. Lecz to wszystko za późno! Obawiam się doczekać tego, żebym moiey niewoli moim nie kupował groszem!

Straszny wizerunek odrysowany na papierze noża z Wołynia tu przysłany oglądała deputacya, y osądziła bydz go wynalazkiem głów równie przewrotnych, iako y zlosliwych.

Gdyby przynajmniej sady W. M. Panów powiatowe w terazniejszych okolicznościach tę zachowały roztropność, iaką zachowuje tu teysza deputacya; która z największą pilnością rozbierając wszystkie papiery Archiereia Sadkowskiego, z Słucka wziętego, nie ieszcze podobnego do buntu nie wynalazła, to by ten zapal, powoli umnieyszaiąc się, zgasnąć na ostatek powinien.

Żyć dotąd z Wereniczak tu przysłany kapłan, a naybardziej żyć dla tego, że sprawa iego toczy się w deputacyi, y sędziowie nie upatrują w nim tylko prostotę, którą w słowach, po pianu wyrzeczonych, zdradliwie podchwycono. Nie żył by do tey pory, gdyby go w Łucku, lub Krzemienicu, solito more sądzono.

Nie tracę iednak nadziei, że się ta burza uspokoi, kiedy już obywatele poglądać zaczęli y na rozebranie swoich miliciantów zezwolili.

Czekam od W. M. Pana raz ieszcze wiadomości y iestem etc. etc.

Takowe odwołanie zastanowiło sąd duchowny; długo na ustępie myśla-
no o sposobach; zgodzili się wszyscy sędziowie, że do degradacyi przy-
stępować nie można. Zeby zaś skwapliwie czynić nie zdawali się, akt
swój do dnia trzeciego odłożyli. Tym czasem delegowani powrócili
próżno z Krzemienca; bo im inkwizycyi, których in rerum natura nie
było, nie mógł sąd Grodzki Krzemieniecki prawdziwie kryminalny wy-
dać, kiedy z saméj tylko aresztantów inkarcerowanych indagacyi, a
nayszczegulniej z napaśliwego powołania owego dawniéj wspomnionego
Kiryła, dekreta na śmierć ustanawiał. Indagacye zaś czynione były w
różnych miejscach najprzód przez officerów, którzy, chwytając w areszt
o bunt pomówionych, y sprowadzając świadków, okrutną chłostą przy-
muszali do wyznania tegoż buntu, tam świadkowie y sami aresztańci z
ciężkiego bólu wyznawali to, o czym ani myśleli, y takowe od komend
nadesłane indagacye sąd Grodzki Krzemieniecki za autentyczne przyjął,
oraz swoje z tam temi konfrontując, ludzi na śmierć skazywał.

Swiadczą toż samo dekreta, na tych nieszczęśliwych trzech kapłanów
ferowane. Nie ma tam wzmianki o żadnéj inkwizycyi. Owszem sami
inkarceraci, którzy na nich swiadczyli, iakoby z nimi współnictwie
spisku byli, tuż przed poniesieniem śmierci, kiedy na nich kat stryczek
zakładał, swoje przeciwko kapłanom wyznania odwoływali, ale ich słu-
chać nie chciano, wielu z pospółstwa exekwowano, iako swiadczą de-
kreta w Summaryuszu, które tylko per connexionem zaięły pospółstwo,
z kapłanami niby w społeczeństwie buntów będące. Coż dopiero o tych
dekretach rozumieć, które są osobne na same pospółstwo ferowane?
Tam ich wielką liczbę zgubiono!

---

z poduszczeniem na bunt pisane, y iakoby z oryginalnych listów iego przepisane,
które po rękę obywatelów Wojewodztwa Kijowskiego chodziły. Tyle to złość czyjaś
na uszkodzenie sławy tego kapłana czyniła, że się ośmielił, aż takim sposobem
naprzeciwko niemu zażęgać publicum. Przecież ten że J. M. Pan Podczaszy Litewski
dał swoje swiadectwo, iż zna styl i sposób pisania J. M. X-a Brodowieza, że
to nie iego concept, ale potwarz na niego zmyślona.

Latwo się domyślić, czyja to była złość, tak przeciwko Biskupowi podaniem do-
piero wspomnionego do akt wyznania, iako y przeciwko officyałowi jego, zmyśle-
niem listów takowych, z prywatnego interessu powzięta.

J. M. X. Hromaczewski, dziekan Krzemieniecki, z Warszawy 'uwolniony y
medalem złotym na znak swéj niewinności zaszczycony, tyle za swoim do Krze-
mienca powrotem nienawiści u obywatelów znalazł, że nie mogąc wytrzymać prze-
śladowania, swoją parafią Krzemieniecką zarezygnować postanowił. Ten że iako swia-

A tak pomienione dekreta Biskup w swoim sądzie zważywszy, przytym też ośmielonym będąc perswazyą sądu tutejszego, o którego także szło powagę, nie przystąpił do degradowania trzech kapłanów Krzemienieckich, a tym czasem od Stanów Seymujących nadspieszył rozkaz, aby się z onych exekucyą wstrzymano do lepszego poznania y przekonania.

Zostawiwszy sprawę Krzemieniecką, wracam się do Łucki. Albo że sekret był wydany, albo że sami patronowie w sądzie duchownym stawiający to sobie z odłożenia wnosili, że ten sąd polegać będzie na odwołaniu delinkwenta, y Biskup nie przystąpi do degradacyi; gruchnęła ta wiadomość po całym Łucku, a sąd Grodzki Łucki, obawiając się niepomysłnego dla siebie wypadku w sądzie Biskupim, mimo przyrzeczenie

dek oczywisty opowiadał, że gdy z wyroków sądu tamejszego tracony ludzi, y Xięza Bazyliańskie byli do ich spowiedzi użyci, ieden winowayca po spowiedzi pociągnięty na szubienicę, prosił na ostatnym szczeblu, aby mistrzowi zacząć kazali, bo ma coś nowego powiedzieć. Kazano wnet zatrzymać się z exekucyą, a on rzekł: «Już ostatnia dla mnie przychodzi godzina, idę na sąd Pana Boga, dziwiuję się, za co wy wierzycie temu oszustowi, Ktryłowi, który tyle niewinnych ludzi do śmierci przyprawia! Cokolwiek mówiłem y wyznawałem, tak na siebie, jako y «na parocha Czabańskiego, pierwéy przed Komendantem w Święccu, a po «tym tutaj przed sądem; wszystkom to czynił, tam przymuszony chłostą, a tutaj z «bojaźni, żeby mnie tak nie kazano mordować, jak w Święccu, do niczego się «nie znam, od nikogo pieniędzy nie brałem, kapłan Czabański także mnie «winiem, tak mi Boże day zbawienie duszy!» Kazano go iednak powiesić natychmiast. A gdy drugiego winowaycę podobnie na śmierć wyprowadzono, a on obaczywszy Bazyliańskie prosił o spowiedź, przytomni tam obywatele, obruszyli się, zakazując, aby nie słuchał spowiedzi Bazyliańskie, już na śmierć osądzonych, ponieważ ich na spowiedzi namawia do odwołania swoich y cudzych występków. Posłali po Reformata, aby ten słuchał ich spowiedzi. Co za okropny stan biédnego ludu, kiedy im nie wolno obrać spowiednika podług upodobania swego, nawet w momencie śmierci swoiéy!

Inny, podobnie na szubienicę prowadzony, gdy w trakcie swoiéy fatalnéy podróży, dla odległości miejsca, więcéy dwu godzin bawić musiał, tak był na sąd Krzemieniecki zażalony za niewinne siebie na śmierć osądzenie, iż gdy mu spowiednik perswadował, aby wszystkim swe urazy dla miłości Pana Boga odpuścić, odpowiedział, iż wszystkim z całego serca odpuszcza y daruje, ale sądowi tak wielkiej krzywdy darować nie może; pracował spowiednik długo nad nim, tyle przecieź już pod szubienicą wyprosił, że mu powiedział: «Wreszcie chociaż daruję moją krzywdę sądowi, lecz mam nadzieie, że Bóg, moiey niewinności wiadomy, darować im nie będzie!» Takie to następowały dekreta z pobudki J. M. Pana

swoie, ukwapił się tym czasem z ogłoszeniem dekretu śmierci na tegoż nieszczęśliwego kapłana Starosielskiego, dodawszy umyślnie w swoim dekrecie tę klauzulę: «Odsyła po degradacyą do Biskupa, iesli potrzebna będzie.»

Po przeczytanyh dekrecie paroch Starosielski natychmiast obrócił się do swego patrona, y te do niego mówił słowa:

«Poznaię teraz, żeś mnie W. M. Pan zgubił. Nie chciałem pierwéy «przestawać na perswazyi jego, ale gdys mi powiedział, że ten iedyny «iest sposób do odzyskania méy wolności, uwierzyłem y doświadczam «iuz nieszczęśliwie, iż ten iedyny iest sposób zguby moiéy. Nic nie «winienem, niewinnie mnie na śmierć osądzono, y póki dusza w mém «ciele, to powtarzać będę.»

Tak biedny utyskiwał ustawicznie, y nie mogąc podolać wielkiego smutku, czy też może z boiaźni bliźkiéy śmierci, zdawał się od rozumu odchodzić.

Nazaiutrz, po ogłoszeniu takowego dekretu, przypadał termin z odłożeniem, aby się stawił delinkwent przed sądem Biskupa.

Tu ciekawość, co się też w tym sądzie stanie. Rozumieliśmy wszyscy, że sąd, nie zważając na dekret świecki, ustanowi swóy wyrok na odwołaniu pozwanego, y do degradacyi nie przystąpi; bo mu tak czynić należało, choć by naostatek y bez degradacyi exekwować kazano; był by to tylko większy gwałt praw duchownych, ale nie występek sędziów duchownych.

Jana Zagórskiego, sędziego Krzamińskiego, a rodzanego brata sędziego naszego, tudzież J. M. Pana Świętojańskiego, który miejsce pisarza zastępował. Ta ciężka niewola była kapłanom y chłopom w areszcie Krzamińskim, częścią że ci niewolnicy w kłodę wielką na noc po iednéy nodze zamykani byli, a przeto całą noc na ieden bok leżeć musieli, częścią dla niedostatku żywności, że wielu z głodu umarło, a naostatek dla nieznośnego przez nacisk niewolników fetoru, brud dogryzający tyle się między niemi zamnożył, iż iak mrówki nie tylko po ziemi y ludziach, ale y po murach łaził, czym niewolnicy przez tyle czasu srogo udręczeni będąc. gdy iuz ostatnie odebrali wyroki od sądu, lubo na lat kilka do taczek do fortecy Kamienieckiey wskazani, przecież tę karę dosyć ciężką z radością przyjęli, y wychodząc z więzienia, podnosili oczy y ręce w niebo, a obróciwszy się do świątń Pańskich, dziękowali Bogu, iakby za zupełne uwolnienie.

Wszak że się dobrały dwie głowy, jednym duchem akkomadacyi tchnące. Biskup Lewinski y officyał Podhorodeński. Ci na drugim zasiadaniu wymyślili szrodek potępienia na śmierć niewinnego ⁴⁵ powiadaiąc: że im należy przynajmniej provisionaliter utrzymywać prawa duchowne y żeby bez degradacyi nie exekwowano, przez co by nie nadgrodzona (iak mówili) jurysdykcyi duchowney stała się krzywda; dla tego też dekret degradacyi napisali. Videatur in summario sub lit. Q.

Wiele w tym dniu ucierpiał Biskup od niektórych obywatelów, a szczególnie od J. M. Pana Jozefa Steckiego, Kawalera Orderu S-go Stanisława, za to, że niechciał degradować popów Krzemienieckich, y odwołczyt degradacyą popa Starosielskiego. Pomieniony Jegomość publicznie mu wymawiał w te słowa: «Wzją porę wybratę się W. M. Pan na tuteysze Biskupstwo, za co tych popów nie-poczdliwych ochraniaś, czemu ich nie degradujesz, chyba na ostatnią zgubę naszą zachowujesz ich?» Exkuzował się Biskup zawstydzony odpowiadając, że gotów jest degradować, skoro prawnie będzie mógł do tego przystąpić. Przeciż sędziowie Grodzczy Łucy przymówili się za tymże, prawdziwie nieszczęśliwym Biskupem, który przez niepotrzebne uleganie stracił o sobie dobrą exystymacyą, y wyperswadowali J. M. Panu Steckiemu, że więćy go nie szykanował.

Kiedy się rozległa wieść o tak wielu w Krzemieńcu potraconych, tą powiną lud na Podolu, gdzie się ow oszczerca Kirył wałęsał, tak był zatrwożony, że gdzie tylko komenda albo dla furazū, albo na konsystencyą, do wsi przychodziła, poddani, zostawwszy chaty, żony y dzieci, uciekali w otwarte pola y iary, podobnie iak w czasach Tatarszczyzny, kiedy lud w iasyr czyli plon zabierano. Już naostattek y sami dziedzice lękali się, aby od swoich poddanych na zawsze opuszczeni nie byli. To sprawiło, że zapewniając pospółstwo, iż im więćy Kiryło Pundyk szkodzić nie będzie, postarali się, aby był wzięty w niewolę do Kamieńca Podolskiego.

Zła iskra y dom spali y sama zgaśnie!

⁴⁵ Tam tylko rzeczono do Starosty Rzymskiego: «Si hunc dimittis, non es amicus Caesaris.» A tu y Podstarosta Łucki, y Biskup Łucki, y officyał Rzymsko-Łucki, każdy obawia się w szczególności, iżby mu coś podobnego nie wymowiono. Ludzie nie zwykli nic czynić bez dostateczney przyczyny; poszukaymy iéy, a może naydziemy skłaniającą do téy czynności. Kto zna stan J. M. Pana Leona Hulewicza, Podstarosty Łuckiego, przyczynienie się do krescytywy jego, y szcrodrobliwne w tym urzędzie od J. M. Pana Steckiego, Starosty Owruckiego, opatrywanie, kto sobie przypomni, że z instygacyi tegoż Starosty Owruckiego, w tymże sądzie Łuckim poszedł już pod miecz kapitan Horodyski, że tegoż Starosty dzieło potrzeba było nowym wyrokiem usprawiedliwić y zasilić, żeby potomność nie mówiła, że z szczeréy nienawiści postarał się wydrzeć życie swojemu kapłanowi, kto się naostattek y nad tym uwagą zastanowi, że im więćy chociaż niewinnych ofiar zabitych będzie w materii buntów, tym iasniéy przed publicznością też bunt

Już się teraz nie dziwię, że y Pan Jezus w sądzie duchownym przegrał!

Dnia iedynastego Augusti pomieniony X. Theodor Borkowski, paroch Starosielski, lat mający pięćdziesiąt y dziewięć, po degradacyi z zupełnym do woli Pana Boga przychyleniem się, o godzinie dziewiąt-y z rana w rynku miasta Łucka ścięty został.

Plac tego kapłana był nadzieją dla wielu duchowieństwa Ruskiego nieprzyaciół, że on skoro się obaczy bez nadziei życia, wyiawi na wszystkich występki konspiracyi; lecz się zawiedli, bo nic na żadną osobę nie wiedząc, ani nawet na zięcia swego, którego w dawniejszych swoich nieco obwinał depozycjach, nie wyznał.

Z pomiędzy spowiedników z obrządku naszego sobie danych ani J. M. X-a Mioduszewskiego, ani kogo innego, ani samego J. M. Xiędza officyała Podhorodeńskiego nie przyoił, tylko iednego J. M. X-a Kanonika Glinkę, który służył mu aż do ostatniego momentu.

Ow także X. Symeon Karpowski, instygator od dnia drugiego Maia aż dotąd w areszcie będący, tandem ostateczne odebrał rozsądzenie. Nie pomogły mu żadne sądownie przywiodzone obrony; sąd, przychyliwszy się do złośliwego wyznania parocha Chorupańskiego, a z tąd wzniosłszy, że on, czuiąc się do występkę. trucizny żądał, na trzyletne więzienie do fortecy Kamienieckiej go wskazał, a po upłynionych trzech latach, do iakiego klasztoru X. X. Bazyljanów przez Biskupa wyznaczyć się mającego, na całe życie odesłał. ⁴⁶

---

okażą się, a publiczność dla czulego Sędziogo więcý też mieć będzie obowiązków wdzięczności, z tych względów przyznać musi J. Panu Podstaroście Łuckiemu, że czynił iak polityk.

Wielka szkoda, że y takię czynności ani Biskupowi, ani officyałowi przyznać nie można.

⁴⁶ Pomieniony instygator Symeon Karpowski, dopełniając dekretu Grodzkiego Łuckiego; przeciwko sobie ferowanego, dnia 16 miesiąca Augusti, wzięty iest z więzienia Łuckiego do fortecy Dübienśkięj, a z tamtąd pod eskortą wojskową zaprowadzony do Kamieńca Podolskiego.

Los iego, lubo tak srogi y nieszczęśliwy, można atoli po uwięzieniu go z Łucka, nazwać pomyślnym, uniknoł bowiem niewypowiedzianego prześladowania, y ustanowił pewność dalszego życia swego, bo w początkach o rodzaju smierci tylko, iakoby mogła być dla niego nayokrutniejsza, myślano. Żadnéj mocy od dekretu czynić nie dozwolono!

Podobnie: X. Nicefor Kościłkiewicz, paroch. Kołkowski, zięć nieboszczyka parocha Starosieleckiego, od dnia czwartego Kwietnia dotąd w areście będący, gdy, przez wielu, po razy kilka sprowadzanych do sądu, świadków w żadnym zarzucie przekonany nie był, a strona powodowa godzącą publicznemu zapałowi, dowodzić tych zarzutów oświadczyła się, takowe tym czasem odniósł judicatum, że sąd na grónt do Kołków wskazał kondescensją, a oskarżonego w klasztorze X. X. Trynitarzów do przyszłej kadencyi osadzić rozkazał.

Nim zaś te dekreta publikowane były, J. M. Pan Kostrzeński, instygator przysięgły Woiewodzki, tylo pochwałami przez nas in Lau-do uwielbiony, za swoje zbrodnie, dekretem grodzkim od funkcyi instygatorskiej odsądzony został, ⁴⁷ na którego mieyscu trzey instygatorowie z palestry wybrani, to iest, Jch M. panowie Kazimierz Sabski, Chamiec y Lubliński, przysięgą wykonali.

---

⁴⁷ Wielmożny Jegomości, Pan Jakub Kostrzeński, Podkomorzy Jei Królewskiej Mosci (bo się tak w komparcyi zapisywał), uchwałą Woiewodztwa do wdzięczności ma za pracowity urząd delatora przeciwko buntownikom, uroczyście w aktach zapisaną nadęty, wiele okrucieństwa czynił nad więźniami, pod jego mocą będącemi, kilku umęczył na śmierć bez wiedzy sądu. Odzierał zaś wszystkich do naga, y zapomógł tym łupem, na wszelką wylewał się rozpustę. Wielkie zbrodnie powagi jego zagłuszyć nie zdołały. Miał owszem ząd zaletę, że, wyzuwszy się z uczucia religii y natury, równie duchowieństwo, iak y pōspółstwo, dręczył bez miłosierdzia.

Męłowi temu do utrzymania powszechney reputacyi dwie rzeczy zaszkodziły: łakomstwo y hardość. Póki z Vice-Regentem Lenkiewiczem, Tarszyńskim, Kmitą, Jaworskim, Muszyńskim, Lublińskim y innemi, pierwszey klasy mecenasami, dzielił się zdartym z Piliponów łupem, póty sława starożytnego imienia Kostrzeńskich głośno brzmiała; a skoro do podziału ich nie przypościł, oni iak na nieszczęście wyszperali pod tą ekstrakcją wielmożnego jego Mosci Pana Podkomorzego Jego Królewskiej Mosci y odsądzeniem od instygatorstwa hardość jego użyć postarali się. To tylko grzechem iest u nas nieodpuszczonym: wolno szlachcicowi odzierać, bić, kaleczyć, zabijać etc., chłopowi zaśle.

Nadto nie kontentując się osądzeniem jego, umyśliłi pozbyć się go na zawsze z Łucka, namówili z pomiędzy siebie najmłodszego, który, zdybawszy wielmożnego Podkomorzego tegóż na publiczney ulicy, wspaniale pewney damie assistującego, za wielkim jeymodei dobrodziki przeproszeniem, pyski mu wytrząpał, czuprynę wyczesal, kilem boki wytatał, y w Łucku dłużej nad godzin kilka niebawie się kazał.

Co za śmiałość! Szkodą zacnego urzędnika! (Привѣчаніа 46 и 47 писаны собственноручно Феодосіемъ Бродовичемъ. Я. О. Г.)

Dnia trzynastego ejusdem, o godzinie dziewiątej z rana, J. M. X. Biskup Ruski, unikając dalszej jakowej, względem więźniów Krzemienieckich, ztąd bez degradacyi odesłanych, sobie przeciwnej rezolucyi, do Warszawy wylechał.

Ci zaś więźniowie za swoim powrotem, do najciemniejszego tam więzienia wtrąceni, bawią dziś publicum ciekawością przyszłych losów swoich.

Ja zostawam, z upoważeniem etc.

LIST TRZECI. *

DIE 24, Septembris, Z WARSZAWY.

Nie mogłem suchym zapatrywać się okiem na ten obraz tyranii, który pod datą ostatniego Augusta na nowo przez W. M. Pana odrysowany odebrałem. Opowiadał mi, chociaż nie tak dokładnie, o wszystkim J. M. Xiądz Biskup Lewiński, właśnie na wytchnienie, po wielu utrapieniach, tu do stolicy przybyły, y od Króla Jegomości na pokojach spotkany temi słowy:

•Miałeś W. M. Pan dosyć udręczenia na Wołyniu, poznałeś własnym doświadczeniem, iak wiele ucierpieć trzeba w publicznym urzędowaniu.▪

Sprawdziło się przepowiedzenie moje, że to nie był koniec na tej krwi poświęcony, którąście pierwióy na rynku Łuckim przelali. Przelaliscie y drugą aby silnieyszym głosem o pomstę wołała, y rychley ią na nieszczęśliwą ściagnęła oycyznę. Boday bym mylił się w moim przewidywaniu! Nie można iednak zbliżajocy się niedozierać zguby z dzisieyszych obrad naszych, które się tu, iak niegdys przy wieży Babilońskiej, z pomieszaniam języków odprawuia, a których końcean jest rozsypanie narodu.

Ci, co naybardziej wrzeszcza na Moskwę, nie przepuszczajac honorowi y samey Monarchini, są naywiernieyszemi ley przyziaciółmi, y cho-

---

* Это третье, равно какъ и четвертое, письмо со всѣми примѣчавіями писано собственной рукою Бродовича. Я. Ф. Г.

cięż na pozór różnią się niby między sobą, atoli do iednego zawsze zmierzają celu, y przemyślnie godzą się w tym wszystkiin, cokolwiek smutne za sobą dla całego kraiu niesie wypadki.

Miey to W. M. Pan ode mnie teraz w ogulności, daruy, że pióro moje zastanawiam od wyrażenia szczegulów; bo ponieważ te z wielorakich źródeł, niemal na każdej sessyi seymowéy powiększają się y grubieją, toćbym nie wielką uczynił mu przysługę szczupłym doniesieniem tego, co dotąd iednych ślepa gorliwość prawodawców naszych, drugich skryta nastronność nabroiła. Broić oni dopoty będą, aż wszystkie pozrywawszy tamy, inie Polaka w iego krwi własnéy zatopia. Masz W. M. Pan prócz tego z poczty wiadomości o tuteyszych dzieiach, a przez uwagę mozesz domyslać się ich ducha y ze mną zgodzisz się na iedno.

Zwracam myśl do smutnych ofiar Wołyńskiey zapalczywości. Podziękowałem tu Biskupowi, że trzech kapłanów, Krzemienieckim sądem na śmierć osądzonych tylko z indagacyi, okrutną więziów chłostą wymuszoney, nie chciał degradować. Mam wdzięczność J. M. Panu Hulewiczowi, Podstaroście, in hoc solum non impio, że doradził Biskupowi nic nie czynić bez przysłania sobie z gródu Krzemienieckiego inkwizycyi, a których in rerum naturą nie było.

Powróceni kapłani do nacyiemniejszego więzienia może, że ieszcze kiedy świat obaczą; a Starosielski paroch, gdy mieczem trwającey dotąd zaiadłości poległ, woła iuż z pod ołtarza o zemstą. Z odwoływania jego przed sądem daie się widzieć, iż do zguby jego nayszczególniey przyczynił się sędzia Zagórski. Ja zaś mam pewne doniesienie, że nawet on doradził patronom, iżby więźniowi pod tym iedynie warunkiem, gdy swóy występki dobrowolnie wyzna, wolność od kary y wypuszczenie z więzienia ofiarowali. Nie mogli więc y patronowie nie zaufać sędziemu, a tym bardziej prostaczek kapłan nie mógł poznać bezbożney zdrady.

Gdybym nie wiedział Zagórskich rodu, doszedł bym z ich postępów, że ci dway sędziowie, Łucki y Krzemieniecki, są bracia rodzeni między sobą: jedna duma, wyniołość, chytrość, niesprawiedliwość a nayszczególniey okrucieństwo nad podległemi scisle ich z sobą łączyły. Zdaia się zapominać o tém, co przed lat kilka z nich iednemu publicznie wymówiono, iż by sobie lepiej poradził, gdyby naśladował pawia, który wrodzoną z pięknych piór nadętość tłumi tym sposobem, kiedy swe brudne obaczy nogi.

Nie zadziwiay się W. M. Pan, że J. M. Pan Świętosławski poseł nieoszczędną krwi ludzkiej na Woiewództwa Ruskie wyrobił konstytucyą. Kommissarskie to y sędziowskie z trzech powiatów doniesienia zrobiły, którym się y dotąd marzy, że zamysł wykonania rzeczy jest rzeczywisty. Z posłów też terazniejszego Seymu największa część tym uprzedzeniem zajęta, a którzy mają swiathu, zrzecznie potrafili użyć tego popłochu do swoich zamiarów, y udało się im.

Przypomaj sobie W. M. Pan, iaka wrzawą bywała na seymach, kiedykolwiek powiększyć woysko y podatki nałożyó chciano. Dzisiaj te dwie materye, pod zmyśloną pobudką, iednostaynym głosem w prawo zamieniono, y obywatel, przedtym złótego dać nie chcący, dzisiaj chętnie zezwala dawać dziesięć złotych od sta z intraty swoiey.

Jeśli kiedy, to w tym wieku, polityka nie zgadza się z nauką prawodawcy Chrześciańskiego. Ofiaruje ona cząstkę, iak powiada, motłochu ludzi na zgubę, aby większą y zacnieyszą część ochroniła y na zawsze zabezpieczyła. Lecz to wszystko za późno! Obawiam się doczekać tego, żebym moiey niewoli moim nie kupował groszem!

Straszny wizerunek odrysowany na papierze noża z Wołynia tu przysłany oglądała deputacya, y osadziła bydz go wynalazkiem głów równie przewrotnych, iako y zlosliwych.

Gdyby przynajmniej sądy W. M. Panów powiatowe w terazniejszych okolicznościach tę zachowały roztropność, iaką zachowuje tu-teysza deputacya; która z naiwiekszą pilnością rozbierając wszystkie papiery Archiereia Sadkowskiego, z Słucka wziętego, nie ieszcze podobnego do buntu nie wynalazła, to by ten zapal, powoli umnieyszając się, zgasnąć na ostatek powinien.

Żyć dotąd z Wereniczak tu przysłany kapłan, a naybardziej żyć dla tego, że sprawa iego toczy się w deputacyi, y sędziowie nie upatruia w nim tylko prostotę, którą w słowach, po pianu wyrzeczonych, zdradliwie podchwycono. Nie żył by do tey pory, gdyby go w Łucku, lub Krzemieńcu, solito more sądzono.

Nie tracę iednak nadziei, że się ta burza uspokoi, kiedy już obywatele poglądać zaczęli y na rozebranie swoich miliciantów zezwolili.

Czekam od W. M. Pana raz ieszcze wiadomości y iestem etc. etc.

POST SCRIPTUM.

Ów oskarżyciel kapłanów Ruskich y chłopów, Kirył Pundyk, iak mianujesz go W. M. Pan, tu przed kilku tygodniami z Krzemieńca przystawiony, wielką sprawił ciekawość. Deputacya często go wzywała y zapisywała wyznania jego, ale iak mi się dało słyszeć, że, w iedney y tey że samey materyi zapytany, nie zgadzał się sam z sobą, zaprzeczając to dzisiaj, co onegdaj potwierdzał, wnosić ztąd można, iż y szatan ma swoich Apostołów!

Kazał go y Król Jegomość przed sobą stawić, a stawionego raczył oświecać, aby szczerą prawdę opowiadał a na Boga y zbawienie duszy swoiey pamiętał. Odsyłając go ztąd deputacya, posłała razem y jego niezgodne depozycye.

LIST CZYLI ODPIS OSTATNY

DO WARZAWY. D. 26. Novembris.

To samo, że tak długo czekałeś W. M. Pan odpisu mego, domysł czyniło mu zapewne, że po nawalnościach zabraliśmy się na spoczynek. Zaraz po odeszłych sądach in Augusto sędziowie nasi y my, commissarze, wyiechali do wiosek na nowy chleb zbierać snopki.

Zdaie się, że na nowym awiecie żyjemy, żadna przeciwna powieść nie miecza spokojności naszej, kapłani po wsiach też same obowiązki, poddani też same powinności ciągle odbywają; ich milczenie, lekliwość y większe niżeli przed tym usiłowanie woli naszej dogodzenia strofią nas tajemnie, żeśmy się nie po ludzku z niemi obchodzili. Jeszeze niektórym obywatelom iedńra pochlebiała nadzieia, że ich uwidzenia mogą bydz sprawdzone; nakoniec y ta iuż upadła.

Doniosłem W. M. Panu, że X Kostiuiewicz, paroch Kołkowski, dziekan Czartoryski, zatrzymany w areszcie, po wielu świadkach, do sądu sprowadzanych, miał na ostatek wskazany zjazd do Kołków. Termin rzeczonego zjazdu był wyznaczony pro d. 24 Septembris. Osoby sądowe, nie zaś ich miejsca zastępująca, ziechały. Tam, w nieprzytomności tegoż parocha, wysłali się delatores, ⁴⁸ aby mu choć iednego

⁴⁸ Delatores jego byli: J. M. Pan Zawoyski, nowy szlachcic, z łaski Xięcia Ponińskiego nobilitowany, y J. M. Pan Komornik Nieciecki. Pierwszy, niewiadomo przez jakie bohatyrskie dzieła, zostawszy Generalem woysk Rzeczypospolitey, a nypewniey od dam u stołu tak nazwany (do u nas pospolicie damy rodzią swe przywileja na te honory), pojął w małzenstwo Ksztelantkę Wytycką. Brata jój a swego szwagra z dóbr oyczyszych wypędził, córkę, z nią spłodzoną iedynaczkę, za Xięcia Czétwertyńskiego wydał, z którym się poródniony też dobra Wytyckich na stotysięczne wojsko Rzeczypospolitey zapisał. A lubo tey ofiary jego

zarzutu w materji buntów dowiedli; lecz niewinnego z życia ogłocić nie mogąć, ogłocili z maiątku, bo na jego rejestr kazali wszystko z miasta szafować, czego y sędzowie y oni sami potrzebowali. Na terazniejszey sądów kadencyi publikowany dekret, tak dawnego więźnia tego od wszelkich zarzutów oczyściwszy, wolną mu drogą czynienia przeciwko delatorom zostawił.

Widok to był prawdziwie tkliwy dla serc czułych! Trzeba się wstydzic tej łatwowierności (myślałem sobie), która wielu przed czasem zapędzała do żądania zguby tego kapłana.

Wszyscy słuchający dekretu ⁴⁰ przypomniałem sobie, iak się z nim ostro obchodzili, niezwyčajnego smutku, a bardziey zgryzoty sumienia swego, zatać nie mogli.

prawu natury tak daleko przeciwney, nie przyięły Stany, teraz seymujące, przeciey gorliwość jego; wszędzie na Wołyniu wielbiona, tyle mu szacunku y powagi ziednała, że co tylko najsłodszyego zmyslił na Rusinów, wszystkemu wiernozna bez dowodów.

Drugi donosićiel, J. Pan Nieciecki, dzierżawca wsi Omelna, sąsiad pomienionego Generała, w Zurawiczach mieszkającego, bardzo często w Kołkach, na nabożeństwie, a tym samym y w domu X-a Kostiukiewicza, parocha bywający, za iego ludzkość w przyięciu y szczere zawsze dla siebie serce, tym mu się przysłużył oskarżeniem, y tą długą niewolą zawdzięczył.

⁴⁰ Nie wiele z to tych czułych serc było przy ogłoszeniu tego dekretu. Dokładniey był autor listu wyraził, gdy by to słowo był dodał: wszyscy poczcwi, słuchający dekretu. Poczcwioc Chreścijańska zawista na miłosci Boga y bliźniego. Nie byto iey y cienia w nieprawych sercach nawet pod ów czas, kiedy uciśniona niewinność poświęconey usoby najsłodszyey okazała się.

Iedni żalowali, że sprawa Kołkowska, na której oni największą zasadę mieli, nie podług ich żądania zakończyła się.

Drudzy, mianując świadków spółnikami zbrodni ich parocha, iż go nie inaczej, tylko krzywoprzysięstwem od zasłużoney śmierci uwolnili, umyślnie przed publicznością rozgłaszali.

Inni na ostatek pokątnie y na sędziow szemrali, iakoby należało im, dla przyczyn utrzymywania rzetelności buntu Rusinów, tę głowę ostatnią pod miecz poddać swoje wyroki stanowić. Zginął (mówili) pop Hogoński, oheciał o spisek nie był zupełnie przekonany; bo głowę jego J. M. Pan Starosta Owrucki, sobie nieawisną, powiecie dukatami zapłacił; zginął y pop Starosiełski zwiadziony, chociaż

Więzień tylko był wesoł, że na wolność wychodził. Sami sędziowie pierwszy raz podobno uczuli politowanie, które y w słowach ludzkości pełnych oświadczyli.

Na tym skończyło się wszystko, a lepiej, żeby się było nie zaczynało nigdy.

Oddaę mnie stateczney przyiaźni, etc.

---

swoie wyznanie odwoływał; bo na poparcie interesu tegoż Starosty ta powtórna głowa potrzebna była. Czemuż, gdzie idzie o interes publiczny, sędziowie nasi popa Kołkowskiego od śmierci ochronili, a ochronili zięcia, straciwszy teścia; w iednym miejscu mieszkali obay, zięć w Kólkach, teść w Starosielu, to iest, na przedmieściu. Bliskość krwi y interessów między niemi są niemałym dowodem, że albo obay kryminaliści, albo niewinni obay. Plotł też y na zięcia teść z początku na Kommissyi, iak potem y na siebie przed sądem. Za coż ieden zgubiony, drugi zachowany? Za co, gdy świadkowie nic na pierwszego nie wyznali, tylko słowa nierozgarnione, żartem powiedziane, a on swoje wyznanie odwoływał, sąd informowany statecznym drugiego wypieraniem się, nie pozwolił sobie czasu do dochodzenia prawdy, którey wszeckim sposobem dochodzić był powinien, a którey by łatwo był doszedł, gdyby przymiedzione w pomienionym wyznaniu okoliczności na gruncie sprawdzić był dopuścił? Za co namawiającego na toż wyznanie patrona y odwołującego więznia oraz pobydek tak do wyznawania, iako y odwoływania słuchać nie chciał? Za co nie odciągnął śmiercią ukarania teścia aż do pory przekonania o tenże występek, lub z niego oczyszczenia zięcia?

Te y tym podobne mowy, argumenta y subtylizacye dawały poznać niesprawiedliwość sądu; ale konkluzya z nich wyciągniona nie znaczyła miłości Boga y bliźniego; bo na tym ią zasadzali całą, że (przynajmniej dla usprawiedliwienia się przed potomnością) należało tych buntów ukończenie zapieczętować głową parocha Kołkowskiego. Dla tego też mało znaczniejszych obywatelów złożyło swoje przesady o Rusinach, naywięcey tych, którzy ich y teraz przesładują....

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Г Л А В А XI.

О Московскихъ Великихъ Князяхъ, какъ они царствовали одинъ за другимъ, въ продолженіи 100 лѣтъ, и что было при томъ достойнаго замѣчанія.

Чтобы дать болѣе обстоятельное представленіе о Русской Полиціи и о внутреннемъ управленіи Россіи, я хочу сдѣсь вкратцѣ, въ небольшомъ отступленіи отъ путешествія, сообщить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ Великихъ Князяхъ и о томъ, что было при нихъ достойнаго вниманія по отношенію къ нашему предмету, начавъ съ ужаснаго злодѣя до настоящаго Великаго Князя, Алексѣя Михайловича.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ въ 1540 году по Р. Х. ¹ и велъ съ своими сосѣдями тяжкія и жестокія войны; онъ переселилъ множество Нѣмецкихъ Ливонцевъ и другихъ плѣнныхъ въ Москву, гдѣ потомки этѣхъ плѣнныхъ живутъ и по нынѣ, какъ рабы, и вообще былъ Государь жестокой, страшно, безчеловѣчно, не хочу сказать не по Христіански, свирѣцествовалъ столько же надъ Христіянами, даже подданными своими, какъ и надъ Турками, Татарами и Язычниками. Нѣсколько примѣровъ жестокости этого Царя, рассказанныхъ мною выше, при описаніи Великаго Новгорода, весьма мало въ дѣйствительности оправдываютъ то, что Іовій (Павелъ) говоритъ о немъ въ началѣ первой книги своей Исторіи (pag. 123), гдѣ онъ непомѣрно восхваляетъ этого Царя, говоря, что онъ: «*Christianaе religionis cultor sane egregius*», т. е., былъ отличнымъ ревнителемъ Христіанской религіи. Онъ могъ, впрочемъ, показаться таковымъ по тому, что имѣлъ дерзость самъ отправлять обязанности высшихъ духовныхъ особъ, рѣшалъ споры въ Церковныхъ дѣлахъ, самъ набожно служилъ обѣдни, пѣлъ и совершалъ другіе церковные обряды, какъ на-

¹ Род. 1530, Августа 25 дня. О. Б.

стоящіе Поны и чернецы, и часто за столомъ воспѣвалъ Символъ Вѣры (Symbolum Athanasii).

Иванъ Васильевичъ имѣлъ семь законныхъ женъ, послѣдовательно одну за другой, и съ первой изъ нихъ прижилъ двухъ сыновей: Ивана, котораго онъ самъ убилъ своимъ посохомъ, и Федора, который наследовалъ послѣ него престолъ. Съ послѣдней супругой онъ прижилъ еще одного сына, по имени Димитрія, котораго Борисъ Годуновъ (Boris Gudelow) приказалъ умертвить, какъ объ этомъ скоро будетъ сказано ниже. Иванъ Васильевичъ умеръ въ 1584 году по Р. Х., Марта 28-го, ² на 56-мъ году своей жизни, ³ страшно мучительною смертію, испутивъ духъ съ отчаяннымъ рыданіемъ и воплемъ. Тѣло его, какъ за нѣсколько дней до смерти (оно заживо уже начало разлагаться), такъ и послѣ смерти, издавало нестерпимое зловоніе.

Федоръ Ивановичъ.

Сынъ его, Федоръ Ивановичъ, былъ коронованъ Великимъ Княземъ въ томъ же году 31-го Іюля, ⁴ на 22 году своей жизни. ⁵

Такъ какъ этотъ Великій Князь былъ еще молодъ, и разумъ его не отличался быстротою и дѣятельностію, которыхъ требовало тогдашнее весьма смутное состояніе страны (любимѣйшимъ занятіемъ и наслажденіемъ этого Князя было звонить въ колокола передъ службою и послѣ нея, какъ упоминаетъ объ этомъ Соломонъ Генцингъ, въ своей Ливонской Лѣтописи. Leipz. 1594, pag. 150), то признано за лучшее назначить Правителемъ Государевъ Конюшаго, Бориса Годунова, роднаго брата молодой Великой Княгини.

---

² Марта 18 дня. О. Б.

³ На 54 году рожденія. О. Б.

⁴ Мая 31 дня. О. Б.

⁵ Род. 1557, Мая 11. О. Б.

Этотъ Борисъ Годуновъ, своимъ великимъ умомъ и разумно-осторожнымъ управленіемъ, пріобрѣлъ себѣ такое высокое уваженіе и любовь въ своей странѣ, что всякій напередъ полагалъ, что, въ случаѣ смерти Великаго Князя, Ѳедора Ивановича, и Царевича Димитрія, ни кто не былъ такъ способенъ къ правленію Государствомъ, какъ онъ. Борисъ узналъ о такомъ къ себѣ расположеніи, и для того, чтобы поскорѣе исполнилось предположеніе Русскихъ и его собственное желаніе, онъ приказалъ, въ великой тайнѣ, подкупленнымъ имъ Дворскимъ слугамъ Царевича Димитрія, убить его, и онъ былъ убитъ въ Угличѣ, на 9 году отъ рожденія. ⁶ Совершивъ злодѣяніе, убійцы съ радостію прибыли въ Москву, въ надеждѣ получить отъ Бориса большую награду, за оказанную ими такую, угодную ему, службу. Борисъ же, для того, чтобы скрыть и на всегда оставить въ тайнѣ такое вѣроломство, приказалъ немедленно умертвить убійцъ, а въ городѣ Москвѣ сдѣлать пожаръ, тайно поджегши его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на тотъ конецъ, чтобы Москвитяне, сокрушаясь не столько о смерти Царевича Димитрія, сколько о погибели своихъ домовъ и дворовъ, за своимъ собственнымъ несчастіемъ забыли несчастіе другого. Самъ же Борисъ притворился весьма огорченнымъ и разгнѣваннымъ отъ такого злодѣяства, приказалъ немедленно отправить въ ссылку многихъ жителей города Углича (Uglitz), а Дворецъ Царевича въ этомъ городѣ срыть, какъ жилище, занятнанное убійствомъ.

Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, впалъ въ кратковременную болѣзнь и умеръ въ 1597 году по Р. Х. ⁷

Борисъ Годуновъ.

Такъ какъ Ѳедоръ Ивановичъ не оставилъ послѣ себя ни какого наслѣдника, и брата его, Царевича Димитрія, также не было уже въ живыхъ, то между знатнѣйшими Боярами начались

---

⁶ Род. 1583, Октября 19 дня; убитъ 15-го Мая, 1591. О. Б.

⁷ Скопч. 7-го Генваря, 1598 г. О. Б.

совѣщанія, кого бы имъ избрать теперь Великимъ Княземъ. Хотя въ Государствѣ было много большихъ, важныхъ Бояръ, изъ которыхъ можно было бы выбрать одного; но такъ какъ ни кто изъ нихъ не былъ такъ мудръ и предусмотрителенъ, какъ Борисъ Годуновъ, который при томъ и привыкъ уже къ управленію, то и порѣшили, что онъ, а не кто другой, долженъ быть Великимъ Княземъ. Борисъ же, когда ему донесли о такой высокой чести, притворился, будто онъ вовсе и не помышлялъ о ней, такъ какъ она исполнена трудовъ, безпокойства, зависти и вражды, сказавъ Боярамъ, что онъ охотиѣе будетъ носить простой иноческій клобукъ, чѣмъ Царскій вѣнецъ и жезлъ, и за тѣмъ удалился въ монастырь. Въ то же время, черезъ нѣкоторыхъ Бояръ и преданныхъ друзей своихъ, онъ тайно внушалъ, чтобы Бояре ни кого не выбирали, кромѣ его, и чтобы они неуступно держались и просили его, какъ бы онъ ни отказывался, и что, наконецъ, онъ согласится и уступитъ ихъ просьбамъ. Такъ все и сдѣлалось, по его желанію и волѣ. Когда Русскіе узнали, что Борисъ ушелъ къ сестрѣ въ монастырь, то огромной толпой устремились къ нему, съ плачемъ пали на землю и умоляли его, чтобы онъ обождалъ, не стригъ волосы, ибо они желаютъ избрать его Великимъ Княземъ. Наконецъ, тронутый слезами народа и просьбами сестры, онъ согласился принять вѣнецъ, который онъ и безъ того давно уже имѣлъ и котораго добровольно ни кому другому онъ бы не уступилъ. Такимъ-то средствомъ Борисъ Годуновъ избранъ былъ Великимъ Княземъ въ 1597 году по Р. Х. ¹

Въ правленіе Бориса, возмутился одинъ Русскій чернецъ, по имени Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeja), родившійся въ Ярославлѣ отъ незначительнаго Дворянина, и заточенный въ монастырь за свое своеволие и разные дерзкіе поступки. Онъ выдалъ себя за Дмитрія, сына Ивана Васильевича Грознаго, и дѣло это довелъ до того, что дѣйствительно былъ признанъ за него и вѣнчанъ Великимъ Княземъ. Онъ началъ это такимъ образомъ: будучи взрослымъ юношей, съ сметливымъ умомъ, по внушенію и наставленіямъ одного стараго, хитраго и богатаго чернеца, онъ

¹ 21 Февраля, 1598 г. О. Б.

бѣжалъ тайно изъ монастыря въ Литву, поступилъ тамъ въ служе-
женіе къ Князю Адаму Вишневецкому (Wisnewetzki), и въ скоромъ
времени своею старательною службою приобрѣлъ себѣ его распо-
ложеніе.

Случилось однажды, что Господинъ его, разсердившись на
него за какой-то прѣступокъ, обнесъ его обычною своею бранью:
«Блядинъ сынъ» (Bledin sin), и вытолкалъ въ шею; Гришка горько за-
плакалъ и сказалъ: «Если бъ ты зналъ, Князь, кто я, то не обру-
галъ бы меня блядинымъ сыномъ и не обращался бы такъ со
мною». Когда же Князь пожелалъ узнать, кто онъ такой? Гри-
шка отвѣчалъ, что онъ родной сынъ Великаго Князя Ивана Ва-
сильевича, на жизнь котораго покушался Борисъ Годуновъ, но,
по ошибкѣ, вмѣсто него, былъ убитъ сынъ одного Священника,
весьма похожій на него лѣтами и лицомъ. Онъ же, помощію доб-
рыхъ людей, избавился отъ грозившей ему гибели и скрытъ
былъ въ одномъ монастырѣ. Гришка показалъ при этомъ золо-
той крестъ, усыпанный драгоценными каменьями, говоря, что
онъ данъ былъ ему при крещеніи, и что не открывалъ себя до
сихъ поръ изъ страха къ Борису Годунову. Тутъ онъ упалъ на
колѣни передъ Княземъ и въ жалобныхъ выраженіяхъ умолялъ
его взять подъ свою защиту. Такъ какъ этотъ бѣглый чернецъ
счумѣлъ подробно разсказать всѣ этѣ обстоятельства, о которыхъ
онъ заранѣе былъ хорошо извѣстенъ, и разсказъ свой сопро-
вождалъ такими изящными тѣлодвиженіями, то и заставилъ сво-
его Господина повѣрить всей этой баснѣ, и тотъ немедленно же
подарилъ Гришкѣ богатое платье, коня и вообще началъ оказы-
вать ему такую честь, какую только можно было оказывать сы-
ну Великаго Князя.

Тамъ и сямъ по Россіи стало извѣстно, что живъ настоя-
щій наслѣдникъ Великокняжескаго престола, котораго Богъ чу-
деснымъ образомъ спасъ отъ рукъ врага его. Дѣло казалось до-
стойнымъ вѣры, и тѣмъ еще болѣе, что Великій Князь Борисъ,
сильно смущенный такими толками, обѣщалъ большія деньги и
нигиія тѣмъ, которые доставятъ въ его руки мнимаго Дмитрія.
Этотъ же Дмитрій, для большей безопасности, отправленъ былъ
въ Польшу, гдѣ весьма благосклонно принятъ былъ Воеводою

Сандомирскимъ, съ обѣщаніемъ, что ему будетъ оказана всевозможная помощь поскорѣе достигнуть престола своего отца, если только Димитрій согласится, достигнувъ престола, утвердить въ Москвѣ Католическую Вѣру. Димитрій не только согласился на это, но и самъ принялъ тайно Римско-Католическую Вѣру, при чемъ, съ своей стороны, обѣщалъ взять въ супругу себѣ дочь Воеводы Сандомирскаго, и сдѣлать ее такимъ образомъ Великой Княгиней. Такое предложеніе понравилось Воеводѣ, и онъ вскорѣ представилъ Димитрія ко двору Польскаго Короля, гдѣ приняли и обращались съ Димитріемъ великолѣпно, полагая, что онъ дѣйствительно сынъ Великаго Князя. Воевода, частію обольщенный надеждою, что будетъ имѣть такого знатнаго мужа для своей дочери, частію изъ ревности къ распространенію своей Вѣры, употребилъ всѣ свои старанія и имущество, и снарядилъ, вмѣстѣ съ другими Польскими Панами, довольно значительное войско, съ которыми Гришка пошелъ въ Россію и началъ открытую, весьма кровавую, войну противъ Великаго Князя. Въ войнѣ этой онъ имѣлъ такой успѣхъ, что вскорѣ захватилъ, одинъ за другимъ, нѣсколько городовъ, пріобрѣлъ множество приверженцевъ между Русскими, и даже нѣсколькихъ Военачальниковъ, которыхъ Борисъ выслалъ противъ него. Все это до такой степени поразило Великаго Князя, что онъ внезапно умеръ скоропостижною смертію, 13-го Апрѣля, 1605 г. по Р. X.

Федоръ Борисовичъ.

Московскіе Бояре тотчасъ же выбрали Великимъ Княземъ, еще весьма юнаго, Федора Борисовича, сына умершаго Великаго Князя, Бориса; но видя, что Димитрій, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы, почли это не добрымъ для себя предзнаменованіемъ, начали собираться, совѣтываться между собою, и пришли наконецъ къ мысли, что это долженъ быть истинный Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, а по тому они уже не имѣли ни какой причины сопротивляться далѣе своему Государю. Какъ только мнѣніе это заявлено было въ собраніи Бояръ, то всѣ они, какъ легкомысленная чернь, весьма легко на него согласились и громко закричали: «Боже, даруй счастье Димитрію, какъ законному послѣднику престола, и истреби всѣхъ»

враговъ его!» За тѣмъ бросились во дворець, наложили руки на только что избраннаго ими молодаго Великаго Князя, взяли его подъ стражу, а всѣхъ остальныхъ изъ рода Бориса Годунова ограбили и прогнали. Тогда они послали къ Дмитрію просить его, чтобы онъ пришелъ къ нимъ и занялъ престолъ своего отца, а ихъ бы простилъ за ихъ столь долгое сопротивленіе, которое они оказывали ему частію по невѣдѣнію, частію же по наущенію Годуновыхъ; что теперь они приготовили уже ему путь: Ѳедоръ Борисовичъ, съ матерью и сестрою своею, у нихъ подъ стражей, и они предадутъ этѣхъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ всѣмъ родомъ Бориса, во власть его, Дмитрія. Для Лжедмитрія это было давно ожидаемое, желанное извѣстіе. Но прежде чѣмъ онъ пошелъ въ Москву и занялъ престолъ, онъ послалъ впередъ туда одного Дьяка или Писца, Ивана Богданова (Ivan Bogdanow), который долженъ былъ умертвить молодаго Великаго Князя и его мать и распуścić въ народѣ, что они сами будто бы отравили себя ядомъ. Такимъ образомъ этотъ юный Царь, Ѳедоръ Борисовичъ, на другой же мѣсяцъ своего правленія, именно 10-го Іюня, 1605 г. по Р. Х., былъ удушенъ веревкою въ своемъ покоѣ.

Лжедмитрій.

16-го Іюня * Лжедмитрій подошелъ къ Москвѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, и всѣ жители города Москвы, какъ высшаго сословія, такъ и простой народъ, вышли къ нему на встрѣчу, поднесли ему богатые дары и привѣтствовали его съ счастливымъ вѣздомъ, 29-го Іюля онъ короновался съ великою пышностію. За тѣмъ, чтобы обманъ былъ еще менѣ замѣченъ, и чтобы еще съ большею вѣроятностію считали его за истиннаго Царевича Дмитрія, онъ повелѣлъ привезти въ Москву мать настоящаго Дмитрія, которая, по распоряженію Бориса Годунова, находилась тогда въ заточеніи, въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ Москвы монастырей; самъ, въ день ея вѣзда, вышелъ къ ней на встрѣчу передъ Москвою, въ сопровожденіи великолѣпнаго поѣз-

* 18-го Іюня, 1605 г. О. Б.

да, радостно принялъ ее, приказавъ держать для нея во дворцѣ Царскій столъ, ежедневно за тѣмъ посвящалъ ее, и вообще оказывалъ ей такія высокія почести, какія только можетъ оказывать сынъ родной своей матери. Эта же добрая женщина хотя хорошо знала, что ея сынъ былъ дѣйствительно умерщвленъ, и что Лжедмитрій не ея сынъ, но соизволяла на обманъ и не противорѣчила Лжедмитрію, частію изъ страха, частію же по тому, что послѣ вышесеннаго ею долгого заточенія и печальнаго существованія, она могла теперь пользоваться в такомъ почетомъ и такую довольною жизнью.

Но вступивъ на престолъ, Дмитрій, въ своихъ звѣрскихъ дѣлахъ и способѣ управленія, вовсе не соблюдалъ обычаевъ и привычекъ Русскихъ людей и прежнихъ Великихъ Князей. Онъ избралъ себѣ въ жены дѣвицу Польскаго происхожденія и Католичку, именно дочь Воеводы Сандомірскаго; изъ Царской казны взялъ бездну денегъ и всякаго добра, и послалъ все это въ Польшу, для снаряженія богатаго приданнаго своей невѣстѣ; богатое бракосочетаніе потомъ поведено было имъ больше на Польскій образецъ, чѣмъ на Московскій, и молодая Великая Княгиня, уже на другой день свадьбы, сняла съ себя Русское платье и одѣлась въ Польское. Самъ Великій Князь приказывалъ своему повару готовить телтину и другія кушанья, которыхъ Русскіе не ѣдятъ и питаютъ даже отвращеніе къ нимъ. Когда женился, онъ во все время ни разу не былъ въ банѣ, которая, однако жъ, изготовлялась для него, и такъ немытый и ходилъ въ церковь, съ стаей собакъ, чѣмъ осквернялъ Святыню Русскихъ; въ самой церкви онъ клалъ не довольно низкіе поклоны передъ ихъ образами, и вообще принялъ и ввелъ множество другихъ чужеземныхъ порядковъ. Подобныя поступки крѣпко печалили Русскихъ, и они пришли уже къ другимъ мыслямъ и замѣтили, что были обмануты. Между знатнѣйшими Русскими Князьями былъ одинъ, Василій Ивановичъ Шуйскій (Zuski), который первый повелъ тайную бесѣду объ этомъ съ другими знатными Боярами и Духовенствомъ, и представлялъ имъ, какой великой опасности подвергалась ихъ Вѣра, страна и народъ Русскій отъ такого Великаго Князя; ибо по всему видно, что этотъ Великій Князь, съ самаго прибытія своего, оказываетъ себя не Великокняжескимъ сыномъ, не вѣрнымъ отцемъ

Отечества, но предателемъ его. Въ слѣдствіе этихъ совѣщаній, Бояре согласились втайнѣ свергнуть Дмитрія съ престола.

Но Великій Князь узналъ объ этомъ тайномъ заговорѣ, приказалъ засѣчь на смерть многихъ Русскихъ, Шуйскаго же, какъ главнаго заговорщика, предать пыткѣ, бить кнутомъ, и за тѣмъ казнить смертію. Но когда Шуйскій выведенъ былъ на любовное мѣсто и топоръ палача занесенъ уже былъ надъ его шею, ему объявлено было помилованіе Великаго Князя, который простилъ ему на этотъ разъ преступленіе въ оскорбленіи Величества, *scilicet laesae Majestatis*, желая тѣмъ показать Русскимъ, что хотя по обстоятельствамъ онъ и строгій, но въ то же время и милостивый, Государь, и, такимъ образомъ, внушая своимъ подданнымъ страхъ къ подобнымъ заговорамъ, онъ въ то же время хотѣлъ приобрести и любовь ихъ къ себѣ.

Послѣ этого Русскіе смолкли и пріемирились на время, и, такимъ образомъ Великій, Князь находился въ совершенной безопасности до самой свадьбы, которая происходила въ 1606 году, Мая 8-го. Такъ какъ къ свадьбѣ, вмѣстѣ съ невѣстою, въ Москву понаѣхало множество Поляковъ и другихъ иностранцевъ, все вооруженные и въ латахъ, то Русскіе снова открыли глаза свои. Князь Василій Шуйскій въ другой разъ собиралъ на своемъ дворѣ въ тайнѣ знатнѣйшихъ Бояръ, снова высказывалъ имъ великую опасность Отечества подъ такимъ Великимъ Княземъ, и что если онъ и дагѣе будетъ царствовать, то ни чего болѣе нельзя ожидать, какъ ихъ конечной гибели. Онъ говорилъ имъ дагѣе, что онъ уже отваживалъ однажды жизнь за Греческую Вѣру и благо своего Отечества; тѣмъ не менѣе онъ готовъ и теперь пойти еще дагѣе и подумать, какъ бы отвратить несчастіе, если только они согласны вѣрно помогать ему. Бояре не долго думали; они обѣщались и клялись жертвовать ему своимъ имуществомъ и кровью: пусть только онъ предприметъ то, чего желаетъ.

Заговоръ этотъ держали въ тайнѣ, и рѣшено было выжидать случая, который и представился удобнымъ въ послѣдніе дни свадьбы. Такъ, 17-го Мая, именно въ 9-й день свадьбы, ночью, когда Великій Князь, отягченный виномъ, предавался сну съ своими при-

ближними, Русскіе поднялись, повсюду ударили набать въ колокола и весь городъ поспѣшно вооружился. Первое нападеніе сдѣлано было на Дворецъ, гдѣ Русскіе перебили Польскую стражу, стоявшую у воротъ, отворили ворота, проникли въ Великокняжескій покой, и тамъ расхищали и истребляли все, что имъ ни попадалось. Великій Князь, думавшій найти спасеніе въ бѣгствѣ, выскочилъ въ окно на площадь; гдѣ была еще осталшая его стража, но былъ схваченъ, битъ и съ ругательствами снова введенъ въ покои. На шумъ явилась мнимая мать Лжедмитрія, и когда Шуйскій, при крестномъ цѣлованіи, спросилъ ее, дѣйствительно ли это истинный сынъ ея, она не медля отвѣчала: «Нѣтъ.» Она сказала, что произвела на свѣтъ только одного сына, который еще въ раннемъ дѣтствѣ былъ извѣстнически умерщвленъ. Послѣ такого показанія Лжедмитрій тутъ же на мѣстѣ былъ застрѣленъ изъ пистолета. За нимъ безжалостно умерщвлены были слуги, свадебные гости и другіе иностранцы, между которыми находилось много бриллианщиковъ (ювелировъ), прибывшихъ въ Москву съ драгоценными вещами: всѣхъ числомъ побито было 1700 человекъ. Великая Книжня, съ отцемъ своимъ, Воеводой, и братомъ, равно какъ и Польскіе Королевскіе Послы, присланные на свадебное торжество, взяты подъ стражу, гдѣ и обращались съ ними весьма дурно, такъ что одну благородную женщину даже насильно повалили и обезчестили. Трупъ же Дмитрія раздѣли до нага, выволокли за Кремль на площадь и положили на столъ, гдѣ онъ и лежалъ три дня для того, чтобы каждый могъ видѣть обманщика и проклинать его, или наругаться надъ нимъ. Потомъ онъ хотя и былъ зарытъ въ землю, но вскорѣ снова вырытъ и сожженъ.

Вязь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Такъ какъ описанное дѣло исполнилось согласно съ желаніями Русскихъ, то они избрали себѣ Великимъ Княземъ главнаго предводителя возстанія, Князя Василія Ивановича Шуйскаго, и возвели его на престолъ 1-го Іюня, 1606 года. Но едва только онъ вступилъ въ управленіе Государствомъ, какъ вторично явился новый обманщикъ, Князь Григорій Шаховской (Kness Gregori: Schasorski), который захотѣлъ воспользоваться выдумкою прежняго Дмитрія. Во время бывшаго возмущенія онъ покинулъ во Дворцѣ Велико-

княжескую печать, направился, вмѣстѣ съ двумя Поляками, въ Польшу, и по дорогѣ, на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, распускалъ слухъ, что онъ Дмитрій, ловко спасшійся отъ Русскихъ во время сватки съ ними; что Русскіе, такъ какъ сватка была ночью, по ошибкѣ, приняли кого-то другого за него, и убили этого другого вмѣсто него, а онъ, спасшись, идетъ теперь въ Польшу набирать тамъ новое войско, чтобъ отомстить Москвитянамъ за понесенныя имъ поруганія и убытки; при этомъ вездѣ онъ раздавалъ хозяевамъ постоялыхъ дворовъ щедрый награды. Тѣ Русскіе, которые не были во время мятежа въ Москвѣ, повѣрили ему и тотчасъ же сообщили свою новость Московскимъ жителямъ. Слухи этѣ опять породили въ Москвѣ немалую смуту. Въ это время Русскіе должны были вести большія войны противъ этого нового, и еще противъ другого, слѣдовательно, противъ уже третьяго, появившагося обманщика, Самозванца, который также называлъ себя Дмитріемъ и роднымъ сыномъ Ивана Васильевича, и который въ сущности былъ дрянной Писарь въ Москвѣ, но, какъ хитрый краснобай, скоро приобрѣлъ себѣ много приверженцевъ изъ бѣлаго народа, и къ нему присоединились нѣкоторые значительные города (чему не мало помогали Польскіе Вельможи, изъ желанія отомстить Москвитянамъ за понесенное отъ нихъ оскорбленіе). Но такъ какъ въ сраженіяхъ противъ этѣхъ новыхъ двухъ Самозванцевъ Русскіе терпѣли частыя пораженія, то всю вину въ томъ они приписывали своему Великому Князю, Шуйскому, полагая что должно быть онъ уже такой несчастливый въ своемъ управленіи Государь, что побѣда всегда бѣжитъ отъ него и переходитъ на сторону враговъ. Въ такихъ мысляхъ они пришли къ заключенію, что кровопролитіе на Руси не прекратится до тѣхъ поръ, пока Шуйскій будетъ править ею. Въ слѣдствіе всего этого Русскіе, по внушенію трехъ Московскихъ Бояръ, а именно: Захарья Ляпунова (Lippenow), Михайла Молчанова (Molzane) и Ивана Косовскаго (Kesefskii),¹⁰ на третій годъ царствованія Василія, лишили его престола (жезла и вѣнца), заключили въ монастырь и противъ воли его постригли въ монахи. За тѣмъ они порѣшили:

¹⁰ У Бефа, въ его «Летописи Московской. (см. «Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ» Спб.-1859, стр. 123), Цвѣтъ Ревелій. О. Б.

не выбирать болѣе изъ своей среды Великаго Князя, но призвать иностраннаго высокаго Государя, который бы происходилъ отъ Королевской, или Высококняжеской, четы. Въ этомъ отношеніи они никого не знали другого, болѣе способнаго занять Царскій престолъ, какъ по высокому происхожденію, такъ по близости владѣній и по сходству языка ихъ, нравовъ, одежды и по другимъ причинамъ, какъ сына Польскаго Короля, Владислава (Wladislaum), по чему и сдѣлали такое предложеніе этому Королю, который и принялъ его на нѣкоторыхъ условіяхъ. Случилось это въ 1610 году по Р. Х.

Тогда Русскіе взяли изъ монастыря своего Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго, и подъ стражей отправили его въ Смоленскъ (Smolensko), вмѣстѣ съ братомъ его, Димитріемъ Шуйскимъ, главнымъ Русскимъ Полководцемъ, и съ третьимъ еще братомъ и нѣсколькими другими Русскими Боярами изъ роду Шуйскихъ, къ Польскому Королю, подъ властью котораго Василій и умеръ въ темницѣ и погребенъ у дороги между Варшавой и Торунемъ (Thorn). ¹¹

Владиславъ, сынъ Сигизмунда, Короля Польскаго.

Король Польскій далъ своему Полководцу, Станиславу Жолковскому (Solkouski), стоявшему въ то время еще съ враждебными намереніями подъ Москвою, приказаніе, чтобы онъ, заключивъ перемиріе, привелъ Русскихъ къ присягѣ сыну его, и до тѣхъ поръ оставался бы въ Москвѣ, пока самъ Владиславъ лично не прійдетъ туда. Русскіе не противились этому, присягнули Полководцу на имя Владислава, взявъ и съ него также клятвенное обѣщаніе, ввели его, вмѣстѣ съ 1000 человекъ Поляковъ, въ Великокняжескій Дворецъ, и приняли его со всякаго рода дорогими подарками и угощеніями. Войско же Польское мирно оставалось передъ городомъ, и тутъ завязалась большая дружба между Московскимъ и Польскимъ станами: Русскіе и Поляки ежедневно

¹¹ См. объ этомъ мое подробное изслѣдованіе въ 1-мъ Добавленіи къ «Дневнику Кербя», напечатанному въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1867, кн. 3., стр. 375—379, и отдѣльно. О. Б.

собирались вѣстѣ и вели другъ съ другомъ самыя пріязненныя отношенія. При такихъ-то отношеніяхъ Поляки мало по малу скопились въ городѣ, располагались тамъ въ домахъ гражданъ и въ постоянныхъ дворахъ, и наконецъ ихъ набралось до 6000 человекъ въ самомъ Кремлѣ и около, такъ что они сдѣлались уже довольно тягостны для Русскихъ, наводивъ ихъ дома, церкви и улицы, и Русскіе охотивъ желали бы теперь никогда не имѣть дѣла съ Поляками. Къ тому же время прибытія ихъ новаго Великаго Князя, по чему-то замѣшкавшаго, затянулось слишкомъ долго и самое дѣло Русскихъ. Въ слѣдствіе всего этого, 26-го Января, 1611 года, Москвичи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, собрались на площади передъ Дворцомъ, и заявляли тамъ свои горькія жалобы на Польскихъ воиновъ, за ихъ насмѣи и безчинства, ежедневно совершающіяся на глазахъ Русскихъ надъ ихъ дочерьми, женами, и въ особенности надъ ихъ образами, въ которыя вѣтъ воины стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Они жаловались далѣе, что на содержаніе въ городѣ 6000 войска у нихъ ежедневно выходятъ огромныя деньги, что Поляки вообще отвлекаютъ ихъ отъ ихъ занятій, и что, въ слѣдствіе всего этого, они пришли наконецъ въ крайнее истощеніе. Что, далѣе, вновь избранный Великій Князь ихъ все еще не является; что они не знаютъ, что и думать объ этомъ, но что, во всякомъ случаѣ, такого порядка вещей они терпѣть долѣе не будутъ, и что они сами рѣшились, наконецъ, позаботиться о своемъ благосостояніи и принять для этого нныя мѣры.

Хотя Польскій Полководецъ добрыми увѣщаніями старался успокоить и уговорить Русскихъ, и приказалъ даже немедленно строго наказать нѣсколькихъ провинившихся Поляковъ, но Русскіе этѣмъ ни сколько не удовольствовались. Опасаясь по этому общаго возстанія, Поляки разставили сильную стражу, заняли всѣ улицы и ворота и запретили, чтобы никто изъ Русскихъ не ходилъ съ смертоноснымъ оружіемъ. Мѣра эта еще болѣе раздражила Русскихъ: они разошлись нѣсколькими толпами въ различныя части города, имѣя въ виду, что Поляки должны будутъ раздѣлить свои силы, если вздумаютъ разогнать этѣ толпы. Но Поляки, съ своей стороны, зажгли городъ въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ, для того, чтобы Русскіе, если они не хотятъ ви-

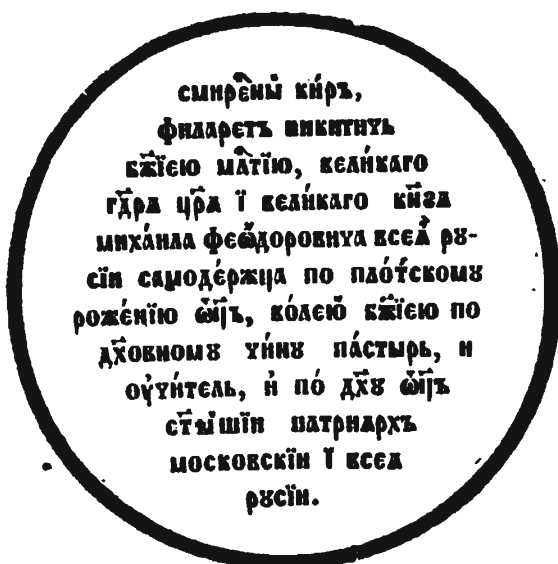
дѣтъ погибшими въ пламени своихъ жонъ, дѣтей и всего, что для нихъ дорого, бѣжали для спасенія ихъ, по домамъ своимъ. Тогда поднялся такой пожаръ, и настало такое кровопролитіе, что въ два дня весь широко раскинутый городъ Москва, за исключеніемъ Кремля и каменныхъ церквей, обратилась въ пепелъ, и болѣе 200,000 Москвичей погибли, остальные же были разогнаны. За тѣмъ Поляки совершенно разграбили Дворецъ, Великокняжескую казну, церкви и монастыри, и похитили неизчислимыя богатства золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоценными каменьями и множествомъ другихъ дорогихъ вещей, и отправили все это въ Польшу. По свидѣтельству Петрея, войско, изъ кичливости, заряжало свои ружья крупнымъ жемчугомъ и стрѣляло на воздухъ. ¹⁰ О такомъ страшномъ грабежѣ, при которомъ похищенъ, между прочимъ, и огромный величины единорогъ, усаженный алмазами и другими драгоценными каменьями, Русскіе съ прискорбіемъ вспоминаютъ и донынѣ. Спустя 14 дней послѣ такого возмущенія, пришелъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами Русскихъ, собравшихъ по Государству, Захарій Ляпуновъ (который, съ двумя другими Боярами, устроилъ такъ, что Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и Великимъ Княземъ былъ выбранъ сынъ Польскаго Короля), осадилъ въ Кремлѣ Поляковъ, которые также значительно ослабли послѣ сватки, нанесъ имъ сильное поражение и довелъ до того, что Поляки согласились сдать Кремль и выйти изъ Государства.

Михаилъ Федоровичъ.

Когда Русскіе снова сдѣлались господами въ своей странѣ, то они выбрали и возвели на престолъ Великимъ Княземъ Михаила Федоровича, что случилось въ 1613 году. Отецъ Михаила былъ Федоръ Никитичъ (Fedor Nikititz), одинъ изъ родственниковъ Царя Ивана Васильевича. Оставивъ супружескую жизнь, Федоръ Ники-

¹⁰ См. «Исторію о Великомъ Князествѣ Московскомъ и проч., соч. Петра Петрея,» въ Лейпцигѣ 1620 г., перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина, напечат. въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865—1867, кн. 4, стр. 26—27, и особ. Вообще почти всѣ вѣсѣднія, отъ Ивана IV до Михаила Федоровича, Олеарій замѣтывалъ предпочтительно у Петрея. О. Б.

тичь поступилъ въ монашество и избранъ былъ (позднѣе) въ Патріярхи, когда переимѣнилъ свое имя и сталъ называться Филаретомъ Никитичемъ. Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, будучи отъ природы благочестивымъ и богобоязливымъ, оказывалъ своему отцу, во все время его жизни, всякую честь и сыновнее послушаніе. Такъ, когда иностранные Послы являлись къ Его Царскому Величеству, то онъ сажалъ отца своего, со всѣмъ его клиромъ, на торжественныхъ представленіяхъ, по правую свою руку. Патріярхъ этотъ скончался не задолго до нашего прибытія въ Москву, именно въ 1633 году. Печать его была слѣдующаго виду:

Вступивъ на престолъ, Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ нашелъ Государство свое въ великомъ разстройствѣ; но ему скоро удалось заключить миръ съ сосѣдственными Государствами. Онъ управлялъ кротко и оказывалъ такую снисходительность, однаково къ иностранцамъ и къ своимъ собственнымъ подданнымъ, что всѣ говорили, что Государство ихъ, противъ обыкновенїя, въ продолженїи болѣе 100 лѣтъ, не имѣло еще такого кроткаго Государя. Онъ умеръ скоропостижно въ 1645 году, Іюля 12, послѣ 33-лѣтняго правленїя Государствомъ, на 49-мъ году своей жизни. Черезъ семь дней послѣ него скончалась и супруга его, Великая Княгиня. Ему наследовалъ сынъ его, Князь Алексѣй Михайловичъ, который царствуетъ и нынѣ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ описанію царствованія этого Великаго Князя и современнаго состоянія Русскихъ, я хочу упомянуть сдѣсь еще объ одномъ новомъ обманщикѣ, который, въ исходѣ прежняго и въ началѣ теперешняго царствованія, воспользовался хитростію прежнихъ Лжедмитріевъ и безстыдно выдавалъ себя за истиннаго наследника Великокняжескаго Престола.

ГЛАВА XII.

О ложномъ Шуйскомъ, иначе Тимошка Анкудиновъ называюмъ, объ его происхожденіи, замыслахъ и погибеліи.

Это былъ Русскій, который называлъ себя Іоанномъ Синенсисъ (Johannes Sinensis), по Сарматски же онъ долженъ былъ называться, какъ онъ самъ говорилъ, Иванъ Сіускій или Шуйскій (Zuski). Бѣжавши изъ Москвы по причинѣ нѣкоторыхъ, совершенныхъ тамъ, преступленій, человекъ этотъ пробрался въ чужія земли, гдѣ и выдавалъ себя за сына бывшаго Великаго Князя, Василья Ивановича Шуйскаго. Теперешній Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, употребилъ большія деньги, чтобъ отыскать его: наконецъ онъ былъ захваченъ и въ прошедшемъ году казненъ въ Москвѣ.

Такъ какъ человекъ этотъ въ разныхъ странахъ былъ извѣстенъ частію лично, частію по слухамъ, и многіе, даже высокаго ума люди, не знавшіе истинныхъ обстоятельствъ дѣла, имѣли о немъ совершенно не сходныя и странныя мнѣнія, то я хочу вкратцѣ рассказать сдѣсь настоящую сущность этого дѣла, какъ оно завѣрное передано было мнѣ не только Русскими, но и Нѣмцами, живущими въ Москвѣ и достаточно знавшими обманщика, и какъ и что замѣтилъ я самъ въ немъ, бывши въ Москвѣ же. Настоящее имя его было Тимошка Анкудиновъ (Timoska Ankudina); ¹ родился

¹ Въ современныхъ актахъ пишется различно: Анкудиновъ, Онкудиновъ, Акудиновъ, Аквидиновъ. См. Собр. Г. гр. и д. III, 442; Акты Южн. и Зап. Россіи III, №№ 306—311 и 318—319., и Дополн. къ Акт. Истор. VI, №№ 138, IV—IX. О. Б.

онъ въ городѣ Вологдѣ, лежащемъ въ области того же имени, отъ простыхъ незнатныхъ родителей; отецъ его Демка или Дементій Анкудиновъ былъ тамъ мелкимъ продавцемъ полотна. Замѣтивъ въ сынѣ хорошія способности и особенную разумность, онъ помѣстилъ его въ школу, гдѣ сынъ учился съ такимъ прилежаніемъ, что въ короткое время выучился хорошо читать, красиво и бойко писать, и, слѣдовательно, достигъ высшей степени Русской учестости, до которой они и теперь еще далеко не достигли. Обладая приятнымъ голосомъ и умѣя довольно изрядно пѣть церковныя пѣсни, Тимошка поправился тамошнему Архіепископу, Вологодскому и Великопермскому, по имени Нектарію, который и взялъ его къ себѣ въ дворъ, для служенія при церкви; здѣсь Тимошка велъ себя такъ примѣрно, что Архіепископъ выдалъ за него дочь своего сына, котораго онъ прижилъ; бывши еще міряниномъ. Тогда Тимошка возгордился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писемъ своихъ называлъ себя внукомъ Намѣстника Вологодскаго и Великопермскаго. Когда же, по смерти Архіепископа, онъ повелъ беспорядочную жизнь и растратилъ все имущество жены, то отправился съ женою и ребенкомъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ однимъ своимъ хорошимъ пріателемъ, служившимъ прежде съ нимъ при Архіепископскомъ дворѣ, Иваномъ Патрикѣевымъ (Patrikeou), который состоялъ теперь Дьякомъ въ Приказѣ Новой Четверти, и имѣвши надобность въ писцѣ, опредѣлилъ его на службу въ этомъ Приказѣ писцомъ. Здѣсь Тимошка опять такъ хорошо повелъ себя, что скоро ему поручены были пріемъ и выдача суммъ, поступавшихъ въ этотъ Приказъ въ большомъ количествѣ отъ Великокняжескихъ кабаковъ и кружечныхъ дворовъ. Въ этой должности онъ держалъ себя честно нѣкоторое время, пока не сошелся съ однимъ распутнымъ товарищемъ, который втянулъ его въ пьянство и игру, въ слѣдствіе чего Тимошка рѣшился положить руку на Великокняжескія деньги. Когда же онъ увидалъ, что при предстоящемъ учетѣ или повѣркѣ его (повѣрка эта при Московскомъ Дворѣ дѣлается во всякое время и весьма строгая, такъ что всякій, служащій по счетной части, постоянно держится въ страхѣ), у него окажется не болѣе 100 рублей, онъ началъ придумывать разнаго рода хитрости и продѣлки, чтобы какъ ни будь пополнить растроченныя имъ деньги. Между прочимъ онъ пошелъ къ одному писцу того же Приказа, Василю Григорьеву-

чу Шпилькину (Spilki), бывшему ему кумомъ (кумовство въ Москвѣ весьма уважается) и часто уже оказывавшему Тимошкѣ свое доброе расположеніе, и сказалъ: «Пріѣхалъ, де, въ Москву изъ Вологды одинъ знатный купецъ, хорошій его пріятель, котораго онъ, Тимошка, пригласилъ на завтра къ себѣ въ гости; и какъ ему хотѣлось, чтобы жена его, Тимошки, была побогаче одѣта, чтобы, какъ водится у нихъ, выйти поподчивать дорогаго гостя чаркою водки, то онъ и просить его, кума своего и обязательнаго друга, ссудить ему, Тимошкѣ, жемчужное ожерелье и другія драгоценныя украшенія жены его, которыя онъ тотчасъ и возвратитъ въ совершенной цѣлости, по минованіи въ нихъ надобности. Шпилькинъ, не подозрѣвая ни чего недобраго, охотно снабдилъ его женскими драгоценностями, даже безо всякаго обезпеченія, хотя цѣнность ихъ простиралась за 1000 талеровъ. Но Тимошка не только забылъ возвратитъ взятые имъ вещи, но еще, когда Шпилькинъ напомнилъ ему о нихъ, началъ отрицать, что бралъ у него что ни будь, и что Шпилькинъ долженъ доказать, что онъ бралъ вещи. Шпилькинъ потребовалъ Тимошку въ судъ, и когда онъ и тутъ продолжалъ заперираться, то просилъ посадить его въ темницу. Но какъ противъ обвиняемаго не было ни какихъ доказательствъ, то его скоро выпустили на поруки, и между тѣмъ онъ все таки не пополнилъ растраченныхъ имъ изъ Приказа денегъ. Такъ какъ Тимошку весьма сильно попрекала его собственная жена (съ которою онъ жилъ очень неладно), за его плутни и за его блудъ съ мальчиками, въ которомъ онъ часто былъ застигаемъ, то онъ опасался, чтобы жена его не покаялась наконецъ и не вывела на свѣтъ Божій всю правду и всѣ его мерзости. Чтобы покрыть все, онъ придумалъ великую мошенническую продѣлку: онъ взялъ и отнесъ сынишку своего къ одному хорошему пріятелю, Ивану Пескову (Peskou), въ Разбойный Приказъ; за тѣмъ самъ воротился ночью въ свой домъ, находившійся на Тверской, близъ подворья Шведскаго Резидента, заперъ жену въ комнатѣ, подложилъ огонь и зажегъ собственный свой домъ съ женою въ немъ, а самъ скрылся и бѣжалъ въ Польшу, такъ что долгое время не знали, живъ ли онъ, или сгорѣлъ вмѣстѣ съ женою. Случилось это осенью 1643 года.

Спустя два года, когда Московскіе Послы прибыли въ Польшу, то они узнали, что тамъ проживаетъ какой-то Русскій, похожій на Тимошку; Тимошка же, опасаясь, что о немъ пойдутъ розыски, бѣжалъ изъ Польши, въ 1646 году, къ Казацкому вождю, Хмельницкому (Chmilniski), жаловался ему, что его преслѣдуютъ за то, что онъ изъ Великокняжескаго роду. Лъстивыми рѣчами своими скоро сдѣлался любезенъ и пріятель Хмельницкому, и содержался сдѣсь хорошо. Черезъ два года послѣ этого присланъ былъ къ Хмельницкому Царскій Посланникъ, по имени Яковъ Козловъ (Kosslou), со всѣмъ по другому дѣлу, и когда этотъ Посланникъ увидѣлъ тамъ Тимошку и узналъ его, то добрыми словами увѣщевалъ его положить конецъ своему бродяжничеству и возвратиться въ Москву, гдѣ, по ходатайству хорошихъ друзей, ему легко можно будетъ выхлопотать прощенье въ похищеніи Великокняжескихъ денегъ. Тогда не знали еще, что Тимошка выдавалъ себя за сына Великаго Князя Шуйскаго. Но Тимошка не повѣрилъ этѣмъ мирнымъ увѣщаніямъ, побуждаемый своею недоброю совѣстію ити далѣе, скрылся и бѣжалъ, въ 1648 году, въ Турцію, гдѣ велѣлъ совершить надъ собою обрѣзаніе и принялъ Магометанскую Вѣру. Но такъ какъ и сдѣсь, за какую-то мошенническую продѣлку, ему хотѣли отрубить голову, то онъ тайно бѣжалъ оттуда въ Италію, въ г. Римъ, гдѣ и принялъ Римско-Католическую Вѣру. Оттуда перебрался онъ въ Австрію, въ Вѣну, а въ 1650 году, въ Трансильванію или Седмиградію, къ Князю Рагоци (Ragotzki), который принялъ его и, повѣривъ хитрымъ его завѣреніямъ, изъявилъ ему большое участіе и далъ, по неотступной его просьбѣ, препоручительныя письма къ другимъ владѣтельнымъ особамъ. Съ однимъ изъ такихъ писемъ Тимошка отправился отсюда въ Швецію, гдѣ Королева Христина оказала ему всевозможныя милости и отпустила отъ себя съ почетными подарками. Между тѣмъ Русскіе купцы, бывшіе тогда въ Стокгольмѣ, сообщили въ Москву, что въ Стокгольмѣ прибылъ такой-то Русскій. Въ слѣдствіе чего Его Царское Величество тотчасъ же послалъ къ Ея Величеству, Королевѣ Шведской, Писца Козлова, съ грамотой слѣдующаго содержания: «До свѣдѣнія Его Царскаго Величества дошло, что въ Стокгольмѣ проживаетъ одинъ Русскій, который, къ величайшему вреду Его Царскаго Величества, выдаетъ себя за роднаго сына Царя Василя Ивановича Шуйска-

го (не имѣвшаго рѣшительно наслѣдника мужескаго пола), и который называется Іоанномъ Синенсомъ; по этому желательню, чтобы, ради сосѣдственной дружбы, этотъ ложный Шуйскій выдаѣ былъ нашему Уполномоченному. Но ложный Шуйскій, еще до полученія этой грамоты въ Стокгольмѣ, уже бѣжалъ оттуда и направился въ Ливонію. Оставшійся же въ Стокгольмѣ слуга Тимошки, Костька (или Константинъ), былъ тогда схваченъ, закованъ въ крѣпкія цѣпи и отвезенъ въ Москву. Тимошка же, хотя по сыскной грамотѣ Ея Величества, Королевы Шведской, и былъ за тѣмъ пойманъ въ Ревелѣ и посаженъ тамъ въ темницу, но сумѣлъ освободиться и бѣжалъ оттуда. Между тѣмъ въ Москвѣ, изъ подозрѣніи участія въ заговорѣ, захвачены были мать Тимошки, многіе другіе люди и тѣ, которые были хорошими друзьями бѣглеца: всѣхъ ихъ пытали, а нѣкоторыхъ замучили до смерти. Убѣжавъ изъ Ливоніи, Тимошка пробрался въ Брабантъ, и, какъ самъ онъ пишетъ, былъ у Герцога Леопольда. Отсюда онъ отправился въ Лейпцигъ, а за тѣмъ, съ однимъ Полякомъ, по имени Стефаномъ Липовскимъ (Lipouski), въ Виттенбергъ, гдѣ принялъ Аугсбургское Исповѣданіе и причастился, какъ это видно изъ собственнаго его признанія, писаннаго по Латыни его рукою, съ приложеніемъ его печати, и находящагося и по нынѣ въ Виттенбергскомъ Университетѣ. Наконецъ, онъ появился въ Голштиніи, достигъ до города Нейштадта, гдѣ и былъ схваченъ и взятъ подъ стражу однимъ Русскимъ купцомъ изъ Новгорода, Петромъ Миклафомъ (Miklaff), который нарочно былъ посланъ съ Царскою сыскною грамотою къ Нѣмецкимъ Князьямъ и Владѣтельнымъ Особамъ; отсюда, по особой покорной просьбѣ того же Русскаго купца и другого именитаго купца изъ Любека, Тимошка перевезенъ былъ въ Княжескую столицу Готторфъ, гдѣ и содержался до полученія особыхъ грамотъ и писемъ отъ Его Царскаго Величества къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому.

По поводу этого Тимошки Его Царское Величество разослалъ нѣсколькихъ Пословъ и гонцовъ туда и сюда, къ Европейскимъ Королямъ, Князьямъ и Владѣтельнымъ Особамъ, и выходилъ сыскныя грамоты, чтобы бѣглець нигдѣ не могъ найти себѣ безопаснаго убѣжища, но чтобы тотчасъ можно было его схватить, гдѣ только онъ попадется. По сему, узнавъ отъ от-

правленнаго по этому же дѣлу въ Швецію Посланника, что Тимошка захваченъ въ Голштиніи, въ г. Нейштадтѣ, Его Царское Величество немедленно послалъ къ Его Свѣтлости, Герцогу, двухъ гонцовъ, одного за другимъ, съ грамотами, слѣдующаго содержания по Нѣмецкимъ переводамъ:

•Его Величества, Царя Московскаго, грамота къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому.

Богомъ Всемогущимъ, во всемъ вседѣйствующимъ, благимъ утѣшителемъ и покровителемъ всѣхъ народовъ, славимымъ въ Его Св. Троицѣ и достохвальнымъ въ единосущности, милостію, промысломъ, могуществомъ, дѣйствіемъ и благимъ соизволеніемъ Господа нашего, отъ Бога избранный держать въ рукахъ нашихъ скипетръ истинной Вѣры Христовой, блюсти и содержать великое Русское Государство и охранять и нынѣ пріобрѣтенныя и вновь завосанныя владѣнія (земли), съ Божіею помощію можно и покойно во вѣки. Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи и проч., и проч. (здѣсь слѣдуетъ обыкновенный полный титулъ), Великомоцному Фридриху, Наслѣднику Норвежскому, Герцогу Шлезвигскому, Голштинскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, Графу Ольденбургскому и Дельменгорстскому, нашъ-дружескій привѣтъ.

Въ прошломъ 1644 году (по Московскому исчисленію въ 7152), нѣкто, по имени Тимошка Анкудиновъ, съ Костыкою Конюховымъ (Koska Konichow,) обокралъ казну нашего Царскаго Величества; воры сіи бѣжали отъ смертной казни изъ земли, подъ нашимъ владѣніемъ находящейся, въ Константинополь, и тамъ приняли Магометанство. А такъ какъ и тамъ они были осуждены за разныя злыя дѣла свои, то и оттуда бѣжали отъ смертной казни, пробрались въ Польшу и Литву, гдѣ учинили смуту между владѣльцами и потомъ ушли къ воинственному народу, Запорожскимъ Казакамъ, къ Гетману Хмельницкому, который, по приказу Великаго Государя, Іоанна Казимира, брата нашего, Короля Польскаго, долженъ былъ обохъ выше упомянутыхъ нашихъ воровъ и измѣнниковъ, схватить и передать нарочно для того къ нему посланнымъ, именно: Королевскому Придворному Дворянину Ермо-

личу (Germolitzowi) и Нашему Придворному же Дворянину Петру Протасову (Protestowi), о чемъ тотъ Хмельницкій и писалъ къ Нашему Величеству. Но этѣ воры и измѣнники Наши и оттуда бѣжали въ Римъ, гдѣ и приняли Латинскую Вѣру, и за тѣмъ и въ другія владѣнія, и чинили между ними смуту, перемѣнивъ имена свои такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ, именно Тимошка, назвался Шуйскимъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сипенсомъ, а Костька выдавалъ себя за слугу его, каковыя оба вора явились потомъ въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ и признаны были нашими купцами изъ Новгорода и другихъ городовъ, и хотя они этѣми купцами были потомъ захвачены и взяты подъ стражу, Тимошка Губернаторомъ Ревельскимъ, а Костька Губернаторомъ Нарвскимъ, но оба этѣ Губернаторы, безъ приказа Великой Королевы Шведской, выдать Намъ тѣхъ двухъ измѣнниковъ не захотѣли. Тогда Мы написали къ Великой Шведской Королевѣ, черезъ Нашего Придворнаго Дворянина М.М., чтобы она соизволила приказать тѣхъ двухъ поименованныхъ измѣнниковъ нашихъ Намъ выдать, на что Великая Королева Шведская изъявила согласіе, и письмомъ своимъ къ Губернатору Ревельскому изволила приказать, чтобы оба измѣнники Наши выданы были Нашему Придворному Дворянину, какъ только Дворянинъ этотъ прибудетъ изъ Стокгольма въ Ревель. Когда же Нашъ Придворный Дворянинъ прибылъ изъ Стокгольма въ Ревель, то ему выданъ былъ только одинъ измѣнникъ Костька; другой же, по имени Тимошка, изъ подъ стражи бѣжалъ, и сколько ни оставался въ Ревелѣ Нашъ Придворный Дворянинъ, Тимошку ни гдѣ отыскать не могли: его поймали потомъ спустя нѣсколько времени въ Голштиніи, въ Нейштадтѣ, гдѣ и посадили въ темницу. По этому Мы послали къ Вашей Свѣлости, съ грамотой Нашего Царскаго Величества, Посланника Василія Шпилькина (Spilkin), съ нѣкоторыми изъ нашихъ подданныхъ, чтобы Вы соизволили приказать того Нашего измѣнника, ему, Шпилькину, выдать и къ Намъ переслать.» (До сихъ поръ первая грамота, отъ 31 Октября, 1652 г. по Р. Х., а вторая отъ 5 Января, 1653 г., обѣ же совершенно одинаковы отъ слова до слова; въ послѣдней же прибавлено еще слѣдующее): «Въ минувшемъ же году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, прибылъ къ Намъ Петръ Миклафъ изъ Новгорода, и привезъ Нашему Царскому Величеству отъ Вашихъ Совѣтниковъ свѣдѣтельство, что онъ, Миклафъ, съ Юганомъ Фонъ

Горенъ изъ Любека, того Нашего Величества измѣнника поймалъ въ Вашемъ городѣ, Нейштадтѣ, предъявилъ Вашей Свѣтлости свою на измѣнника жалобу и сообщилъ Вамъ свѣдѣнія о воровскихъ дѣлахъ его; въ слѣдствіе чего соизволили Вы приказать вора того изъ Вашего Княжескаго города, Нейштадта, перевезти въ Готторфъ и содержать его тамъ въ крѣпкой темницѣ. По этому Мы посылаемъ къ Вамъ того Петра Миклафа съ этой Нашего Царскаго Величества, грамотой, чтобы Вы, въ силу Нашей первой и теперешней Нашей грамоты, изволили приказать, выдать помянутаго выше заключеннаго Нашего измѣнника Нашему Посланнику Шпилькину и Петру Миклафу и другимъ Нашимъ подданнымъ, при чемъ желательно, чтобы Вы соизволили такъ повелѣть, чтобы измѣнникъ уже не бѣжалъ и не причинилъ бы какого новаго беспокойства и смуты. За это Наше Царское Величество окажетъ взаимно всякое удовольствіе, гдѣ бы оно ни представилось.

Воръ и измѣнникъ Нашего Царскаго Величества, по имени Тимошка, происхожденія весьма ничтожнаго: сынъ мелкаго торговца простымъ полотномъ, Демки Анкудинова именуемаго, изъ предмѣстія Вологды; мать же его зовутъ Соломонидкой (Salmanitka). У Тимошки есть сынъ Сережка (Sereska), который и теперь еще въ живыхъ. Сказанный Тимошка былъ въ Москвѣ, въ Новой Четверти (Nova Zetuert), обокралъ нашу казну, убилъ свою жену и сжегъ ее въ своемъ домѣ, при чемъ сжегъ дома и многихъ другихъ людей, и тѣмъ причинилъ убытки многимъ подданнымъ Нашимъ. За все это онъ присужденъ былъ къ смертной казни, но скрылся, бѣгалъ до сихъ поръ и во многихъ земляхъ причинилъ разныя беспокойства. Дано въ Нашей Царской столицѣ Москвѣ, 5-го Генваря, 7161 г. отъ сотворенія міра (1653 по Р. X.). Третья и послѣдняя грамота, посланная по тому же дѣлу къ Его Княжеской Свѣтлости, была доставлена 17 Октября того же года, послѣ чего содержавшійся въ заключеніи воръ и выданъ былъ Русскимъ.

Одинъ изъ упоминаемыхъ отвозившихъ приведенныя грамоты и посланныхъ за содержавшимся уже въ темницѣ воровъ, былъ, какъ это явствуетъ изъ грамоты и какъ сказано выше, Григорій Шпилькинъ, бывший товарищъ Тимошки въ Приказѣ Но-

вой Четверти и писецъ, котораго Тимошка обманулъ, выпросивъ у него и присвоивъ себѣ драгоценныя женныя вещи. Когда Шпилькину дозволено было поглядѣть заключеннаго вора и поговорить съ нимъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ важныхъ придворныхъ чиновъ, то Тимошка, выступая важною походкой, не хотѣлъ сначала признать Шпилькина, прикинулся, что никогда его не видалъ и не хотѣлъ говорить съ нимъ по Русски, а пожелалъ повести рѣчь на Сарматскомъ языкѣ (котораго, безъ сомнѣнія, Шпилькинъ не зналъ). И когда Шпилькинъ спросилъ его: «Не Тимошка ли онъ Анкудиновъ, который обокралъ Великокняжескую казну и совершилъ и другія разныя преступленія?» то онъ отвѣчалъ: «Очень можетъ быть, что какой ни будь плутъ Тимошка Анкудиновъ и обокралъ Великокняжескую казну (подъ словомъ обокрасть слѣдуетъ разумѣть здѣсь не то, чтобы была взломана Палата, гдѣ хранится казна, а простое похищеніе денегъ, лежавшихъ въ казнохранилищѣ, или принадлежавшихъ ему), но это до него ни сколько не касается; его имя есть Іоаннъ Синенсъ (Johannes Sinensis), по Сарматски Шуйскій (Suiski);» при этомъ онъ не говорилъ уже въ сей разъ, чтобы онъ былъ сынъ бывшаго Великаго Князя, Василя Ивановича Шуйскаго. Когда же Шпилькинъ продолжалъ разговаривать съ нимъ и напомнилъ ему его прежнюю жизнь, то Тимошка началъ ругать и позорить Шпилькина, говоря, что все не признаетъ его за Посланника, и что Шпилькинъ должно быть былъ мелочной продавецъ булавокъ (или шишлекъ), какъ это видно даже и изъ его прозвища.

Когда же въ другое время, Тимошка, по собственному его желанію, спрошенъ былъ Господиномъ Придворнымъ Канцлеромъ и Совѣтниками о нѣкоторыхъ статьяхъ, а именно: какого онъ происхожденія и роду? Родственникъ ли онъ настоящему Великому Князю? За что Великій Князь преслѣдуетъ его, и какой вредъ онъ могъ причинить ему, то на всѣ этѣ вопросы Тимошка, частію устно, частію же потомъ въ особомъ письменномъ показаніи, отвѣчалъ слѣдующее, какъ это видно изъ приводимыхъ здѣсь его собственныхъ словъ: «Уже вѣдомо, что я Іоаннъ Синенсъ, по Сарматски Иванъ Шуйскій (Johannes Sinensis, Sarmatica lingua Jan Suisky), во Св. Крещеніи названъ Тимошеемъ, сынъ Василя Домитіана (Domitiani) Шуйскаго, который прозвание свое

получилъ отъ города Шуй (Suia), лежащаго въ Московіи, и который происходитъ изъ роду Московскаго народа (ex familia nationis Moschoviticæ), рожденъ и воспитанъ въ одной изъ областей Царства Польскаго, Новгородъ Сѣверскомъ (in parte quadam regni Poloniae Provincia, Novogardka Severskhio), наследственный Владѣтель Сѣверской Украины (Hukragina Serverska); въ этихъ мѣстахъ собственныхъ владѣній великія болота, близъ границъ Московскихъ. Нынѣшній Великій Князь мнѣ не родственникъ, по тому что отецъ его только изъ Дворянъ; мой же отецъ изъ Княжескаго роду, и такъ какъ Великій Князь сдѣлался объ этомъ извѣстенъ, то онъ и преслѣдуетъ меня. Татарскій Ханъ (Cham Tatarski), который теперь воюетъ съ Польшою, подговаривалъ меня напасть войною на Московскую землю; но такъ какъ древніе предки мои называли ее своимъ отечествомъ (patriam), то, изъ любви къ ней, я ни чего не хотѣлъ и предпринимать противъ нея, а именно, не хотѣлъ за насиліе платить насиліемъ. Я бы легко могъ послать на землю Великаго Князя 100,000 мечей, но Богъ избавилъ меня, не допустилъ до этого и проч.» Въ этомъ самомъ признавался онъ также и въ одномъ письмѣ своемъ къ Патріарху. Тогда еще, когда первый Московскій Посланникъ, который прибылъ изъ Швеціи, явился къ Тимошкѣ, возбудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ и совѣтывалъ ему, чтобы онъ обратился только съ просьбою (supplicem) къ Патріарху, который имѣетъ большую силу у Великаго Князя и который по этому, ходатайствомъ своимъ, можетъ легко выходить ему прощеніе, самъ же онъ, Посланникъ, обѣщалъ ему содѣйствовать при этомъ всѣми силами. Шуйскій повѣрилъ до нѣкоторой степени словамъ этого Русскаго, и передалъ ему запечатанное письмо къ Патріарху, въ которомъ, между прочимъ, также писалъ: «что онъ родомъ Русскій, названъ при крещеніи Тимошеемъ (оттуда уменьшительное Тимошка), и былъ введенъ въ соблазнъ до того, что хотѣлъ было наслатъ на Русскую землю 300,000 мечей; но однажды ночью ему явился Ангелъ, который и отклонилъ его отъ этого намѣренія, чтобы онъ ни чего подобнаго противъ своего отечества и Вѣры не предпринималъ. Въ слѣдствіе этого онъ образумился и возжелалъ въ мирѣ возвратиться снова домой, и хотя недавно легко могъ бѣжать изъ Нейштадта, но не воспользовался этимъ, по тому что хотѣлъ явиться и съ Уполномоченнымъ возвратиться

въ Москву.» Но когда этотъ Посланникъ вскрылъ письмо и, въ моемъ присутствіи, прочиталъ его Тимошкѣ, то этотъ послѣдній, не признавая, что оно писано его рукою, началъ утверждать, что онъ ни чего объ этомъ не знаетъ, показывалъ другой почеркъ, и сталъ бранить и позорить Посланника до того, что этотъ не вытерпѣвъ, плюнулъ и бросилъ письмо въ лицо Тимошкѣ. Тимошка же тотчасъ схватилъ письмо и разорвалъ его въ мелкіе кусочки.

Своими необстоятельными и перемѣнчивыми рѣчами и письмами онъ достаточно далъ понять, что онъ обманывалъ. Иногда онъ говоритъ, что онъ Русскій и сынъ Великаго Князя Василія Ивановича; въ письменномъ же показаніи онъ называлъ отца своего Василіемъ Домитіаномъ (Дементьемъ); а извѣстно теперь, что изъ трехъ братьевъ Шуйскихъ (кромѣ этѣхъ тогда въ Россіи и не было), ни одинъ такъ не назывался; то онъ отрицалъ даже, что онъ Русскій и въ сказанномъ письменномъ показаніи прибавлялъ: «Я осмѣливаюсь попытаться и наглядно доказать, хотя я теперь, въ слѣдствіе невыразимыхъ мученій, впалъ въ изнеможеніе, что я ни по языку, ни по нравамъ моимъ, ни по всему моему положенію, не могу быть признанъ за Москвитянина (Musscowiter).» Такъ, на примѣръ, онъ не носилъ окладистой бороды, какую носятъ Русскіе. Въ своемъ долгомъ странствованіи по различнымъ землямъ онъ довольно порядочно выучился нѣкоторымъ языкамъ, какъ, на примѣръ: Латинскому, Итальянскому, Турецкому и Нѣмецкому, такъ что на каждомъ изъ этѣхъ языковъ могъ свободно объясняться; онъ умѣлъ также по Русски писать различными почерками, которые онъ часто и мѣнилъ для своей пользы. Грамоты, которыя присланы были отъ Его Царскаго Величества къ Его Княжеской Свѣтлости, онъ также пытался сдѣлать подозрительными, весьма усиливался въ своемъ письменномъ показаніи убѣдить насъ, что грамоты тѣ были поддѣльны и ложны, ибо не подписаны ни Его Царскимъ Величествомъ, ни даже ни какимъ большимъ Бояриномъ. «А и Богу и людямъ вѣдомо, говорилъ онъ, что всякое запечатанное письмо, безъ собственноручной подписи, не можетъ имѣть ни какой силы.» Но Тимошка воображалъ, что мы не знаемъ обычаевъ Русскихъ Приказовъ. Ни какое Царское посланіе или грамота къ другому Государю, и даже ни какое условіе, самимъ Царемъ не подписы-

вается, и подпись эта замѣняется обыкновенно приложеніемъ большой печати. Бояре же и Царскіе Совѣтники, черезъ которыхъ ведется какое ни будь дѣло, дѣйствительно подписываютъ особое письменное обязательство на договорахъ и скрѣпляютъ своими печатями, что и имѣеть такую же силу, какъ бы подпись самого Его Царскаго Величества. Когда же Тимошка увидалъ, что его хитрость и обманъ замѣченъ, и что онъ не могъ отдѣлаться только рѣчами, но долженъ быть выданъ Русскимъ, то съ отчаянія пытался было лишить себя жизни. Такъ, на дорогѣ въ Травемюнде, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на корабль, когда подъѣхали къ Нейштадту, онъ бросился стремглавъ изъ повозки, прямо головой и хотѣлъ было подвернуться подъ колесо, въ намереніи найти тутъ свой конецъ; но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ была песчаная почва, и повозка тотчасъ же была остановлена, то онъ невредимый опять былъ посаженъ въ нее, и съ тѣхъ поръ за нимъ стали строже присматривать. Также и послѣ, на пути въ Москву, онъ не разъ задумывалъ разные средства лишить себя жизни; но средства эгѣ, такъ какъ онѣ были замѣчаемы, всякій разъ были устраняемы бдительнымъ присмотромъ. Впрочемъ, онъ постоянно былъ веселъ до пріѣзда въ Новгородъ, въ которомъ онъ сталъ быть печальнымъ, а отъ Новгорода до Москвы онъ не хотѣлъ даже ни ѣсть, ни пить.

Какъ только прибыли съ Тимошкой въ Москву, тотчасъ же повели его на пытку. Но при пыткѣ, и даже при послѣднемъ концѣ своемъ, онъ оказался до такой степени упорнымъ, что можно было предполагать, что дѣлалъ онъ это или для того, что хотѣлъ, чтобы его сочли сумасшедшимъ, или же, какъ онъ уже замѣтилъ, признается ли онъ въ правдѣ, или нѣтъ, онъ равно будетъ лишенъ жизни, то съ отчаянія онъ хотѣлъ лучше продолжать затѣянные имъ и распространенныя заблужденіе и злобу, и такимъ образомъ твердостью своихъ показаній желалъ укрѣпить въ иностранныхъ Государяхъ это мнѣніе о немъ, которое онъ хитростью своею внушилъ имъ о себѣ. Совѣсть его при этомъ была также мало соблюдаема, какъ и прежде, когда онъ принималъ столько различныхъ Вѣроисповѣданій, и, можетъ быть, онъ думалъ: лучше въ аду быть главнымъ, нежели ити за урядъ.

Когда Тимошка во время пытки спрошенъ былъ и долженъ былъ отвѣчать на нѣкоторыя статьи, въ присутствіи наряженныхъ для того Государственныхъ Совѣтниковъ, то онъ сказалъ, что онъ ни кого не считаетъ достаточно достойнымъ, чтобы говорить съ нимъ, кромѣ великаго Господина и Боярина, Никиты Ивановича Романова. (Бояринъ этотъ давно уже былъ извѣстенъ ему своею храбростію и снисходительностію). По этому два Боярина должны были отправиться къ Никитѣ и просить его пожаловать къ Тимошкѣ. Тимошка между тѣмъ попросилъ пить, и когда ему принесли квасъ, или жидкое пиво въ деревянной чашѣ, то онъ ни самаго пива, ни изъ деревянной чашки, пить не сталъ и потребовалъ, чтобы ему дали пить меду и въ особой серебряной посудѣ. Когда же ему принесли пить, согласно съ его желаніемъ, то хотя онъ и приложилъ ко рту чашку, но выпилъ мало. Между тѣмъ пришелъ къ нему Никита съ двумя другими Боярами, и Тимошка хотя и поклонился смиренно Никитѣ, но все таки упорно стоялъ на томъ, что онъ сынъ Царя Василія Ивановича Шуйскаго. Ему на это возразили и доказали, что онъ сынъ Дементія Анкундинова (Dementi Ankudinou), бывшаго въ Вологдѣ продавцемъ простаго полотна, и что онъ вовсе не изъ Великокняжескаго роду Шуйскихъ; ибо покойный Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій не имѣлъ совсѣмъ дѣтей, а только двухъ братьевъ, Князей: Дмитрія Ивановича и Ивана Ивановича Шуйскихъ, которые также не оставили по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Всѣ эти три брата, вмѣстѣ съ тогдашнимъ Патріархомъ, Филаретомъ Никитичемъ, были сосланы въ заточеніе въ Польшу, какъ это сказано выше. Старшіе два брата Шуйскихъ и умерли въ Польшѣ, третій же, именно Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, былъ освобожденъ, возвратился въ Москву, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ тоже померъ здѣсь, уже въ царствованіе нынѣшняго Великаго Князя. Былъ, впрочемъ, еще одинъ изъ этого рода Шуйскихъ, именно: братъ отца ихъ, Князь Василій Федоровичъ, который имѣлъ только одного сына, Князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина (Scarin); но и этотъ, въ то время, когда Шведскій Полководецъ взялъ Великій Новгородъ, умеръ, и также послѣ себя наслѣдниковъ не оставилъ. Такимъ образомъ Тимошка ни какъ не могъ быть изъ роду Шуйскихъ.

Во время пытки представили Тимошкѣ родную мать его, которая и теперь живетъ еще въ монахиняхъ; она горькими слезами оплакивала его несчастіе, и когда увѣщала его, чтобы онъ бросилъ глупость свою, признался въ правдѣ, и просилъ Царя о помилованіи, то хотя онъ и казался при этомъ опечаленнымъ, но признаться все таки не хотѣлъ. Представленъ былъ ему также писецъ, Иванъ Песковъ, которому онъ передъ бѣгствомъ своимъ поручилъ сына, и, вмѣстѣ съ писцомъ, приведенъ былъ къ нему и сынъ его. Песковъ рѣзко сказалъ Тимошкѣ, что уже довольно долго пробавлялся онъ ложью и обманомъ; что и ему, Пескову, по милости Тимошки, послѣдовала Высочайшая немилость Его Царскаго Величества и причинена великая сердечная скорбь; что теперь Тимошка долженъ вспомнить о Богѣ и объявить всю правду: «Развѣ же это не твой сынъ?» говорилъ онъ, «котораго ты мнѣ оставилъ?» Известно, впрочемъ, что сына этого Тимошка прижилъ не отъ законной жены своей, но отъ одной ея служанки. Тимошка посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, съ Песковымъ поздоровался даже, но за тѣмъ не хотѣлъ говорить болѣе ни слова. Хотя за тѣмъ предъявлены были и многія другія лица, прежніе его добрые знакомые и пріатели, которые вмѣстѣ съ нимъ были писцами, и которые теперь увѣщевали его показать правду, но на все это, такъ какъ онъ былъ уже достаточно изобличенъ, онъ отвѣчалъ однимъ молчаніемъ. Его освидѣтельствовавши также и нашли, что онъ былъ обрѣзанъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ кончилась пытка, но на другой день его снова привели на пытку, предложили ему еще нѣсколько вопросовъ, но на одинъ вопросъ онъ уже отвѣчать не хотѣлъ. Тогда повели на большой рынокъ передъ Кремлемъ, прочитали ему его преступленія и провознесли приговоръ, по которому онъ долженъ быть разрубленъ на части. За тѣмъ его тотчасъ же раздѣли, положили на землю сперва отрубили топоромъ правую руку до локтя и лѣвую ногу по колѣно; потомъ лѣвую руку и правую ногу, и разомъ отсѣкли голову, и всю эту казнь Тимошка вынесъ, какъ бы безчувственный. Отрубленные части воткнуты за тѣмъ на пять приготовленныхъ заранѣе кольевъ, на которыхъ онъ и оставался до слѣдующаго дня; туловище же оставлено тутъ же вадаться на землѣ между кольями, и ночью его съѣли собаки. На слѣдующее утро прислужники палача пособрали оставшіяся отъ туло-

вища кости и другія отрубленныя части, выбѣствъ съ колыями, взвалили все это на сани и, вывезши за городъ, бросили тамъ въ живодеренную яму.

Бывшему слугѣ Тимошки, Костькѣ, который долженъ былъ присутствовать при казни своего господина, такъ какъ онъ во всемъ признался добровольно, хотя и дарована была жизнь, но, такъ какъ онъ былъ клятвopеступникомъ по отношенію къ Его Царскому Величеству, то и надъ нимъ былъ также произнесенъ приговоръ: отрубить ему три большіе пальца на правой рукѣ. А такъ какъ Вѣра Русскихъ требуетъ непремѣнно, чтобы они крестились правой рукой, то, по ходатайству Патріярха, оказана была милость, чтобы отсѣченіе пальцевъ послѣдовало на лѣвой рукѣ. За тѣмъ онъ сосланъ въ одинъ изъ Сибирскихъ городовъ, и на все время жизни своей получалъ извѣстное содержаніе. Въ тотъ же самый день и часъ, когда совершилась казнь надъ Тимошкой, одинъ незначительный Польскій Посолъ или Посланникъ (Poslanik), прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ Москву, былъ приглашенъ представиться Царю, и нарочно проведенъ черезъ мѣсто казни, для того, чтобы онъ видѣлъ и донесъ, что казненъ былъ тотъ самый ложный Шуйскій, который нѣкоторое время проживалъ въ Польшѣ.

Вотъ истинное описаніе свойствъ Лже-Шуйскаго и того, какой конецъ постигъ его.

Г Л А В А XIII.

О вѣчаніи теперешняго Великаго Князя Алексѣя Михайловича и о самомъ вѣчаніи вообще.

Когда, какъ выше сказано, въ 1645 г. по Р. Х., Іюля 12, Великій Князь всея Россіи, Михаилъ Федоровичъ, скончался, то тотчасъ же, на другой за тѣмъ день, именно 13-го Іюля, привѣтствовали Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи сына его,

шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича (род. 17-го Марта, 1630 г.), и въ тотъ же день, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ Бояръ, знатныхъ Господъ и всего народа, его вѣнчали на Царство и присягнули ему.

Такъ какъ вѣнчаніе это ревностнымъ стараніемъ Боярина Бориса Ивановича Морозова (Morosou), бывшаго Дворецкаго (Hofmeister) и воспитателя молодаго Государя, по особымъ видамъ его, должно было совершиться возможно скорѣе, то на него и не могли явиться всѣ тѣ въ странѣ, которые обыкновенно обязаны присутствовать при вѣнчаніи. Вѣнчаніе Великихъ Князей Московскихъ, если оно должно совершиться установленнымъ обычнымъ образомъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: Въ Москву созываются всѣ Митрополиты, Архіепископы и Епископы, Игумены, Князья, Воеводы и служилые люди, равно какъ и знатнѣйшіе купцы со всей Россіи и изъ всѣхъ областей, которыя находятся подъ властію Великаго Князя.

Когда должно совершаться вѣнчаніе, то Патріархъ съ Митрополитами и другими духовными чинами идетъ въ большую дворцовую церковь. За ними слѣдуетъ новый Великій Князь съ Государевыми Совѣтниками, Боярами и служилыми людьми.

Въ церкви устраивается возвышенное видное мѣсто въ три ступеньки, покрытое дорогими коврами, на немъ ставятся 3 кресла, обитые парчею, одно для новаго Великаго Князя, другое для Патріарха, а на 3-мъ кладется шапка, унизанная драгоценными камнями и крупнымъ жемчугомъ, на верху съ кистью, на которой привѣшивается коронка усыпанная брилліантами. Подлѣ шапки кладется также богатый парчевой кафтанъ, отороченный кругомъ жемчугомъ и драгоценными камнями и подбитый совершенно чернымъ соболемъ. Кафтанъ этотъ, какъ говорятъ Русскіе, приобрѣтенъ Великимъ Княземъ Димитріемъ¹ Мономахомъ изъ Кафы, въ войнѣ съ Татарами, и назначенъ для употребленія во время вѣнчанія Великихъ Князей.

---

¹ Очевидная ошибка Олеарія. О. Б.

Когда Царь съ Боярами войдетъ въ церковь, Священники начинаютъ пѣть; за тѣмъ Патріархъ читаетъ молитву, призываетъ Бога, Св. Николая и другихъ Святыхъ, чтобы они присутствовали при этомъ вѣчаніи. Потомъ выходитъ впередъ знатнѣйшій изъ Государевыхъ Совѣтниковъ съ избраннымъ Великимъ Княземъ, обращается къ Патріарху съ рѣчью и сообщаетъ ему, что они (Русскіе) избрали его, какъ ближайшаго наследника престола Русскаго Государства, и желаютъ, чтобы онъ, Патріархъ, благословилъ и вѣнчалъ его. Тогда Патріархъ принимаетъ вповь избраннаго на возвышеніе, сажаетъ его на кресло и, держа золотой, усыпанный драгоценными камнями, небольшой крестъ надъ челою новаго Князя, благословляетъ его, послѣ чего одицъ изъ Митрополитовъ читаетъ слѣдующую молитву, какъ она значится у Петра, въ его Русской лѣтописи: «Господи Боже нашъ, Царь всѣхъ Царей, избравшій черезъ Пророка своего, Самуила, раба твоего, Давида, и помазавшаго его на царство надъ Твоимъ народомъ Израильскимъ, услышь нынѣ молитву нашу, которую мы, недостойные, Тебѣ приносимъ, и возри съ священной высоты своей на сего вѣрнаго раба Твоего, сѣдящаго сдѣсь на престолѣ и возвеличеннаго Тобою въ Цари надъ народомъ Твоимъ, котораго искупилъ Ты кровію Твоего Святаго Сына. Помажь его елеемъ мира, защити силою Твоею, возложи на главу его вѣнецъ, украшенный драгоценными камнями, даруй ему долгую жизнь и вложи ему въ руку Царскій жезлъ, возведи его на престолъ правосудія и содѣлай подвластными ему всѣ варварскіе, языки, да будетъ сердце и мысли его всегда и постоянно въ страхъ Твоемъ, чтобы онъ во все время жизни своей былъ послушенъ заповѣдямъ Твоимъ, отжени отъ него всякую ересь и заблужденіе, наставь его, чтобы онъ защищалъ и содержалъ въ цѣлости, что повелѣваетъ и устанавливаетъ Святая Греческая Церковь. Да судить онъ справедливо народъ Твой и являетъ милость бѣднымъ, чтобы они могли достигнуть вѣчной жизни.» Молитву эту Патріархъ заключаетъ громкимъ провозглашеніемъ! «Яко Твое есть царство, сила и слава, и да будетъ съ тобою Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый!»

Послѣ этой молитвы два Епископа должны взять съ кресель и держать кафтанъ и шапку, а Патріархъ велитъ Боярамъ, ко-

торые тутъ же восходятъ на возвышеніе, надѣтъ на Великаго Князя кафтанъ, самъ же вторично изрекаетъ благословіе. За тѣмъ самъ подаетъ шапку съ вѣнцомъ Боярамъ, приказываетъ имъ и ее возложить на Великаго Князя и говоритъ: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа,» и благославляетъ при этомъ Князя въ 3-й разъ. Потомъ Патріархъ приглашаетъ всѣхъ духовныхъ особъ, находящихся въ церкви, чтобы каждый изъ нихъ приступилъ и далъ рукою благословіе Великому Князю. Когда все это покончится, Патріархъ и Великій Князь садятся на кресло, но вскорѣ опять встаютъ, и тогда Саященники начинаютъ пѣть молебень (литію): «Господи помилуй» (Gospodi pomilui), и всякій разъ въ 3-мъ словѣ именуютъ Великаго Князя. За тѣмъ Патріархъ и Царь садятся опять, а одинъ изъ Митрополитовъ идетъ къ алтарю и громкимъ голосомъ провозглашаетъ: «Господи! Сохрани намъ Царя и Великаго Князя всея Россіи, Богомъ возлюбленнаго и намъ даннаго, въ добромъ здравіи и на многія лѣта!» И пожеланіе это повторяютъ всѣ остальные Священники и Великіе Бояре, въ церкви и внѣ ея стоящіе, при чемъ раздается великій радостный кликъ. Послѣ этого всѣ Великіе Бояре бьютъ низко челою Его Царскому Величеству и цѣлуютъ его руки. Наконецъ, Патріархъ одинъ выступаетъ передъ Великаго Князя и дѣлаетъ ему напоминаніе слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ онъ теперь, по Божьему соизволенію, избранъ и вѣнчанъ всѣми Государственными Чинами, Свѣтскаго и Духовнаго [сословіи Великимъ Княземъ всея Русіи, и ему вѣряется важное дѣло управленія подвластными землями, то да любитъ онъ при этомъ Бога, да поступаетъ по Его законамъ, сообразно съ ними да руководится справедливостію, и да содѣйствуетъ онъ защитѣ и распространенію истинной Греческой Вѣры!»

За тѣмъ Великій Князь еще разъ принимаетъ благословіе и идетъ въ стоящую напротивъ церковь, Михаила Архангела. Между тѣмъ народу бросаются деньги, а въ церкви еще разъ поется молебень (Litaneu). Отсюда Великій Князь слѣдуетъ въ церковь Святаго Николая, и за тѣмъ, въ сопровожденіи Государевыхъ Совѣтниковъ, въ большую залу, гдѣ угощаются, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, особы роскошнѣйшимъ образомъ, при чемъ бываетъ такая

добрая попойка, что многіе изъ гостей не помнятъ, какъ и до-
мой пришли.

Титулъ, который Русскіе приписываютъ теперь своему Вели-
кому Князю, есть слѣдующій:

«Великому Государю, Царю и Великому Князю, Алексѣю Ми-
хайловичу, всея Великія, и Малыя Россіи Самодержцу, Московско-
му, Кіевскому, Владимирскому, Новгородскому, Царю Казанскому,
Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и
Великому Князю Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому,
Болгарскому и иныхъ, Государю и Великому Князю Новгорода
Низовскія Земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Яро-
славскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондійскому и
всея Сѣверныя страны Повелителю и Государю Иверскія земли,
Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Чер-
касскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Восточныхъ и За-
падныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичу и Дѣдичу (т. е.,
отъ многихъ предковъ) и Наслѣднику, Государю и Обладателю.»

Г Л А В А XIV.

О доходахъ и расходахъ Великаго Князя. О столѣ его, Придворномъ Врачѣ и Переводчикѣ.

Всѣ этѣ, сейчасъ упомянутыя, въ титулъ вошедшія, а равно
и другія, земли, области и города, ежегодно приносятъ въ казну
Его Царскаго Величества огромный доходъ, который простирает-
ся до нѣсколькихъ милліоновъ, а составляетъ все это изъ пода-
тей, налоговъ, пошлинъ, сборовъ съ кружечныхъ дворовъ, съ
торговли и съ помѣстій. Хотя подданные Его Царскаго Величества
обыкновенно платятъ подать небольшую, но множество земель и
цародовъ дѣлаетъ изъ нея весьма значительный доходъ. Если же
должна быть ведена война, то граждане, купцы и торговые лю-
ди должны давать особое тяжкое денежное вспомошествованіе.

Такъ, при прежнемъ Великомъ Князѣ, во время войны за Смоленскъ, граждане должны были давать пятину (Peltina), т. е., 5-ю часть своего имущества (5-ую деньги). Ныгѣшній же Царь бралъ только десятую часть. Бояре и великіе Господа, такъ какъ они владѣютъ многими помѣстьями, должны содержать на случай войны известное число конныхъ и пѣшихъ воиновъ; Дворяне вообще всѣ, съ слугами своими, должны сами выступить въ поле. Монастыри также, такъ какъ они владѣютъ многими селеніями и крестьянами, должны выставить и содержать известное число воиновъ. Пошлины, которыя Великій Князь получаетъ съ пограничныхъ и важнѣйшихъ торговыхъ городовъ, также доставляютъ ему огромный доходъ. Намъ сообщили одинъ богатый Нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, что однажды важный торговый городъ Архангельскъ доставилъ въ одинъ годъ неизвѣрно громадную сумму денегъ, именно 300,000 рублей, что составляетъ 6 тоннъ золота. Трактиры, корчмы, кабаки или кружечные дворы, какъ ихъ теперь называютъ, приносятъ Великому Князю вообще огромныя деньги, такъ какъ нынѣ во всемъ Государствѣ оиъ одинъ имѣетъ право держать ихъ, и какъ Русскіе продаются употребленію вина выше всякой мѣры. Передъ этѣмъ Бояре и большіе Господа въ разныхъ мѣстахъ имѣли свои собственные кабаки, которые они, какъ и самъ Великій Князь, отдавали на откупъ известнымъ лицамъ, но такъ какъ Бояре возвысили откупную плату до такой степени, что многіе откупщики должны были разориться, по этому и установлено теперь, что никто изъ Бояръ и знатныхъ Вельможъ своихъ кабаковъ держать не можетъ, но всѣ этѣ кабаки Великій Князь отобралъ себѣ и во всякомъ городѣ завелъ домъ, изъ котораго можно покупать вино, медъ и пиво, а деньги за этѣ напитки постушаютъ только въ казну Его Царскаго Величества. Въ Новгородѣ постоянно было три кабака, изъ которыхъ каждый давалъ въ годъ доходу по 2000 рублей, что со всѣхъ 3-хъ составить 12,000 рейхсталеровъ; при теперешнемъ новомъ порядкѣ доходъ этотъ еще увеличился. Теперь кабаковъ, хотя они не всѣ приносятъ такіе большіе доходы, во всей странѣ считается до тысячи.

Большой доходъ доставляютъ Великому Князю также соборные и другіе мѣха, получаемые изъ Сѣверныхъ странъ, кото-

рыми онъ, равно какъ и другими товарами, ведетъ значительную, внутреннюю и виѣшнюю, торговлю; для этого онъ наряжаетъ извѣстныхъ лица, которымъ вѣряетъ товары и даже чистыя деньги большимъ количествомъ, и посылаетъ ихъ въ сосѣднія страны, преимущественно въ Персію и Турцію; такую торговлю казна Великаго Князя обогащается самымъ наилучшимъ образомъ.

Такого Великокняжескаго дѣльца или торговаго человѣка, по имени Савелія (Savelli), посланнаго съ 4000 талерами, встрѣтили мы въ Персіи. Такъ какъ торговецъ этотъ, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло данныя ему деньги, въ продолженіи двухлѣтнаго своего отсутствія, растратилъ ихъ всѣ, то Великій Князь приказалъ своему Посланнику, Алексію Савичу Романчикову (Romantzikou), котораго онъ отправилъ съ нами въ Персію, заковать въ цѣпи того невѣрнаго купца, и привезти его въ Москву. Посланникъ хотѣ и нашелъ купца въ Шемахѣ, въ Мидіи, но такъ какъ именно въ это время у Посланника умеръ переводчикъ, то онъ и взялъ себѣ въ переводчики Савелія, не давая ему, впрочемъ, ни чего замѣтить на счетъ даннаго ему приказанія, обходился съ нимъ всегда дружелюбно, взялъ его съ собою въ Персію, къ Шаху, въ намѣреніи добрымъ обращеніемъ своимъ заманить его къ предѣламъ Россіи. Но Савелій замѣтилъ шутку, и въ то время, когда Посланникъ хотѣлъ пуститься въ обратный путь, бѣжалъ въ Испанію, въ Аллакаши (Allasari) или слободу, подвергъ тамъ себя обрѣзанію, отдался подъ защиту Магометанъ и остался въ Персіи.

Царь имѣетъ также въ разныхъ мѣстахъ превосходныя помѣстья, которыя онъ отдаетъ на откупъ, и получаетъ отъ того огромныя деньги; а также рудники близъ Тулы, о которыхъ упомянуто было выше, доставляютъ ему богатую выручку.

Но если Великій Князь получаетъ такіе значительные доходы, то и расходы его немалы: онъ долженъ ежегодно уплачивать стрельцамъ или солдатамъ, которыхъ множество на границахъ (по небезопасности отъ сосѣднихъ народовъ) и въ городахъ; такъ, въ одной Москвѣ 16,000 войска, въ Казанской области 6000, и всѣмъ имъ онъ платитъ жалованье изъ доходовъ съ полей сво-

ихъ и помѣстій; во всѣхъ же областяхъ вообще онъ ежедневно содержитъ далеко за 100,000 человѣкъ войска.

Независимые Татары, которые постоянно держатъ на сторожѣ Великаго Князя своими частыми вторженіями, ежегодно присылаютъ въ Москву свои посольства и требуютъ денегъ, такъ что Великій Князь какъ бы покупаетъ у нихъ миръ. Войны, которыя ведетъ Великій Князь, стоятъ ему вообще огромныхъ денегъ; ибо въ поле выступаетъ онъ всегда съ сильнымъ войскомъ, въ которомъ Офицеры большею частію изъ Нѣмцевъ, получающихъ большое жалованье. Такъ какъ жалованье это всегда вѣрно выплачивается, и нѣкоторымъ, по желанію ихъ, даже за мѣсяць впередъ, то по этому на службу къ Великому Князю изъ всѣхъ мѣстъ стекается много всякаго народа. Большіе расходы идутъ также на Посланниковъ отъ иностранныхъ Государей, которые часто посѣщаютъ Великаго Князя, такъ что иногда въ Москвѣ подолгу проживаютъ въ одно время два, три, такихъ Посольства, и даже болѣе, и всѣ они, во все время пребыванія своего въ предѣлахъ Россіи, продовольствуются и содержатся на счетъ Великаго Князя. Великій Князь держитъ и многочисленный Придворный штатъ, и отъ его богатаго Царскаго стола ежедневно обѣдаетъ до 1000 человѣкъ въ Дворцѣ и вѣкъ его.

Сдѣсь кстати упомянуть о томъ, какимъ образомъ совершается Царскій обѣдъ, а именно: когда настанетъ время обѣда, то къ столу не трубятъ, какъ дѣлается это обыкновенно при другихъ Дворахъ, но одинъ изъ прислужниковъ бѣжитъ на кухню и въ погребъ и громко кричитъ: «Государю кушанье!» т. е., Великій Князь хочетъ кушать. Тогда тотчасъ же все готово. Ихъ Царскія Величества садятся за столъ одни; если же къ столу приглашается Патріярхъ, или другіе большіе Господа, то для нихъ готовится особо, по сторонамъ Царскаго стола. Кушанья, которыхъ бываетъ до 50-ти и болѣе, не всѣ ставятся на столъ Великаго Князя, но ихъ держать на рукахъ слуги, поднимая ихъ вверхъ, и, по возвѣщеніи о нихъ Стольникомъ, какого кушанья Его Царское Величество пожелаетъ, то и подается и ставится на столъ, остальные же блюда, какъ кушанья пожалованныя, рассылаются нѣкоторымъ Господамъ и слугамъ, какъ

Нѣмцамъ, такъ и Русскимъ, въ особенности Г-мъ Докторамъ, Лейбъ-Медикамъ и Врачамъ. Теперь у Великаго Князя только одинъ Докторъ, Лейбъ-Медикъ Г-нъ Гартманъ Граманъ (Hartman Graman), который былъ съ нами въ Персіи. Онъ имѣетъ большія познанія въ Герметическомъ лѣченіи и въ пользованіи своемъ, сравнительно съ другими, всегда былъ отнѣсно счастливъ; по этому онъ не только въ большой милости у Его Царскаго Величества, но его весьма любятъ, уважаютъ и много дарятъ и Бояре, Князья и другіе знатные Вельможи. Обыкновеннаго мѣсячнаго жалованья онъ получаетъ 62 рубля или 124 талера, да годоваго 300 руб., и того всего 2088 талеровъ, кромѣ хлѣба, солоду, меду и вообще всего, что нужно для домашняго обиходу. Если же онъ пускаетъ кровь, или употребляетъ какое ни будь иное средство, то получаетъ особое вознагражденіе, до 100 талеровъ чистыми деньгами, да сверхъ того кусокъ атласа, камки, 40 соболей и подобное тому.

Впрочемъ, отъ Боярѣ, Князей и другихъ знатныхъ Вельможъ Врачи рѣдко получаютъ чистыми деньгами, а больше соболями, свинными окороками, виномъ и другими припасами. Ежедневно они обязаны являться во Дворецъ съ поклономъ къ большимъ Господамъ, особенно же къ тому, который завѣдуетъ Царской аптекой, богато содержимой.

Его Царское Величество съ большими также издержками, держитъ множество переводчиковъ на всякаго рода языки, равно какъ и много другихъ слугъ изъ Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ. Особенно много высшихъ военныхъ Офицеровъ, которые частью оставили свою Вѣру и перекрестились и которые и въ мирное время получаютъ большія деньги, за пожатіе дѣла.

Между прочими переводчиками Его Царскаго Величества есть одинъ, по имени Іоганъ Бекеръ фонъ Дельденъ (Johan Böcker von Delden), родомъ изъ Копенгагена, человекъ превосходный, свѣдущій въ наукахъ, много путешествовавшій и знающій много языковъ; до сихъ поръ въ Москвѣ подобнаго не было. Его Царское Величество назначилъ его главнымъ переводчикомъ (General-Interpreter), и посылаетъ его съ своими Посланниками по самымъ важнымъ дѣламъ, какъ, на примѣръ, недавно еще онъ послалъ его къ Его Величеству, Римскому Императору, въ Вѣну, съ двумя Цар-

скими Послами: Иваномъ Ивановичемъ Баклановскимъ (Baklanowskoj), Царскимъ Придворнымъ Дворяниномъ, и Дьякомъ Иваномъ Поликарповымъ Михайловымъ (Polycarrou sin Michailou). Въ эту поѣздку, Его Императорское Величество, во уваженіе отличныхъ достоинствъ Бекера, по особой своей милости, пожаловалъ его Дворянскою грамотою, какъ извѣстилъ меня о томъ изъ Вѣны одинъ хорошій мой пріятель, приславшій мнѣ и списокъ съ сказанной грамоты.

Вообще же между Великокняжескими слугами и придворными людьми, особенно же между Русскими, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ происходитъ то же, что и при большей части Княжескихъ дворовъ, гдѣ добродѣтель и порокъ ведутъ постоянную войну между собою, и гдѣ послѣдній частенько побѣждаетъ первую. Нѣкоторые, имѣющіе ближайшій и болѣе частый доступъ къ Правительству, чѣмъ другіе, дѣлаются щепетильнѣе, своенравнѣе, грубѣе и корыстиѣе другихъ, и по тому, чтобы снискать ихъ расположеніе, необходимо оказывать имъ и высокое почтеніе, привѣтствовать ихъ низкими, съ опущенными до земли, руками, поклонами, и дарить ихъ, часто не столько для того, чтобы они сдѣлали кому какое ни будь добро, сколько для того, чтобы они не причинили вреда. По этому-то, еще не много лѣтъ назадъ, въ Москвѣ было самое бѣдственное положеніе. каждый, давшій подарокъ (называемый у Русскихъ посудомъ) (Poschul), достигалъ всего и могъ все повернуть на свою сторону, даже самый законъ (если только хотѣлъ) можно было повернуть такъ, что право отнималось у одного и переходило въ руки другого и присвоилось этому послѣднему, въ самыхъ вопіющихъ дѣлахъ. Всѣ этѣ несправедливости, вскорѣ послѣ брака Великаго Князя, нѣкоторыми новыми родственниками его, а равно и другими устарѣвшими Боярами, доведены были до крайности и вызвали страшное возмущеніе, въ которомъ многіе были избиты въ кровь, нѣкоторые потеряли даже свои головы, какъ это разсказано будетъ въ слѣдующихъ за симъ главахъ.

Г Л А В А XV.

О свадьбѣ и бракосочетаніи Великаго Князя Алексѣя Михайловича.

Когда Великій Князь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, то былъ еще очень молодъ, и при немъ все еще оставался его бывшій Дворецкій (Гофмейстеръ) и воспитатель, Морозовъ (Morosou), по волѣ и усмотрѣнію котораго Великій Князь и велъ управленіе. Этотъ Морозовъ прежде всего привлекъ на свою сторону тѣхъ, которые наиболѣе готовы были служить его волѣ; родственниковъ же Его Царскаго Величества, и въ особенности родственниковъ матери его, бывшей Великой Княгини, удалилъ отъ Двора на Воеводства и другія видныя должности, съ тѣмъ, чтобы, подобно Ликогену у Барклая (Lycogenes beum Barclajus lib. 1, с. 2), «suae factionis hominibus curiam impleret», онъ могъ наполнить Дворъ людьми, ему приверженными, и важнѣйшія должности распределить между друзьями, которые (по его усмотрѣнію) должны были оставаться за одно съ нимъ. Никто изъ знатнѣйшихъ Вельможъ не долженъ былъ превзойти Морозова въ болѣе ревностномъ служеніи молодому Царю и постоянномъ при немъ пребываніи. Чтобы удалитъ отъ Великаго Князя тѣхъ изъ Бояръ, которые могли являться къ нему съ какими ни будь скучными и для его возраста даже съ тягостными служебными занятіями, Морозовъ часто возилъ его на охоту и доставлялъ ему всякаго рода и другія удовольствія. Для того же, чтобъ прочнѣе удержать за собою расположеніе Царя, Морозовъ помышлялъ о томъ, какъ бы вступить въ ближайшее родство съ Его Царскимъ Величествомъ. Расчетъ его былъ таковъ: онъ зналъ, что Его Царское Величество долженъ былъ скоро жениться, и для того, чтобы Царь оставался въ родствѣ съ среднимъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ Морозовъ, онъ рѣшилъ предложить ему въ супруги дочь одного Дворянина, на сестрѣ которой думалъ жениться самъ. Между Придворными Дворянами былъ тогда одинъ, по имени Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowitz Miloslauski), который имѣлъ двухъ дочерей красавицъ и ни одного наследника мужскаго пола. Этотъ Илья часто прислуживалъ Морозову, бывшему тогда въ силѣ при Дворѣ, какъ говорится: *fac totum*, ревностно помогая ему, такъ что Морозовъ

охотно терпѣлъ его не ради только его красивой дочери, но и ради его угодливости. Однажды, улучивъ удобное время, Морозовъ началъ выхвалять красоту сказанныхъ двухъ сестеръ и возбуждалъ въ молодомъ Государѣ сильное желаніе увидѣть ихъ. Обѣ сестры были приглашены къ дѣвицамъ-сестрамъ Его Царскаго Величества, какъ бы только для посѣщенія сихъ послѣднихъ. Когда Его Царское Величество увидѣлъ тутъ дочерей Милославскаго, то почувствовалъ тотчасъ же любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому объявлена по этому милость Его Царскаго Величества, и то, что онъ долженъ сдѣлаться тестемъ Царя. Милославскій, конечно, не задумался дать тотчасъ же свое согласіе и благодарить за великую милость. За тѣмъ, такъ какъ Милославскій былъ небогатъ, ему послано большое количество денегъ и разныхъ дорогія вещи въ домъ, чтобъ онъ снарядилъ себя и своихъ приличнымъ образомъ. Вскорѣ же послѣ того затѣяна и свадьба и въ 1647 году, ¹ въ Недѣлю о блудномъ сынѣ (Septuages.), на 22 году невѣсты, совершено бракосочетаніе, но безъ всякой торжественности и въ тиши, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого либо чародѣйства, отъ чего бываетъ худо и чего въ то время очень опасались Русскіе, по своему суевѣрію.

Черезъ 8 дней послѣ этого Царскаго бракосочетанія, Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сыгралъ и свою свадьбу, взявши за себя сестру молодой Великой Книгини, и сдѣлался, такимъ образомъ, ближнимъ зятемъ Его Царскаго Величества.

Г Л А В А Ж V I .

О томъ, какъ послѣ брака Царя повели себя ближніе Великой Книгини. Устройство полиціи; злоупотребленія въ судѣ и справедливости, и что было при томъ достойнаго замѣчанія.

Илья Даниловичъ Милославскій, сдѣлавшись тестемъ Царя, вошелъ въ большую силу. Ему данъ былъ домъ въ Кремлѣ, подлѣ

¹ Во Французскомъ переводѣ Вилфорта, изданія 1751 года, прибавлено: 17 Февраля. Перев.

дворца Его Царскаго Величества; домъ этотъ онъ снесъ до основанія; и на мѣсто его выстроилъ новыя великолѣпныя палаты. Старые слуги при Дворѣ одинъ за другимъ удалены и вмѣсто ихъ посажены родственники Боярина Милославскаго, которые, будучи весьма бѣдны, были и очень жадны къ обогащенію себя. Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ, по имени Леонтіи Степановичъ Плещеевъ (Levonti Steppanowitz Plesseou), который посаженъ былъ главнымъ судьей въ Земскомъ Дворѣ или Приказѣ (Ратушѣ). Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ Приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими. Онъ завелъ при себѣ негодныхъ молодцевъ, чтобы они взводили какое ни будь ложное показаніе на честныхъ людей, имѣвшихъ состояніе, доносили на нихъ и обвиняли въ воровствѣ, убійствѣ, или иномъ какомъ преступленіи. Но эти доносимы бѣдныхъ людей брали въ темницу, содержали ихъ самымъ сквернымъ образомъ и не выпускали ихъ такъ по нѣскольку мѣсяцевъ, пока тѣ впадали почти въ отчаяніе. Между тѣмъ безбожные слуги Плещеева являлись къ друзьямъ заключеннаго, тайно дѣлали имъ предложенія, какъ освободить ихъ друга. Черезъ такихъ-то мошенниковъ онъ торговался съ этими друзьями несчастнаго и назначалъ, что они должны дать за освобожденіе его. Иначе онъ ни кого не удостоивалъ допускать къ себѣ, ни изъ обвиненныхъ, ни изъ пріятелей его.

Въ числѣ такихъ безбожныхъ чиновниковъ былъ еще одинъ, по имени Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ (Peter Tychonowitz Trochaniotou), шуринъ Плещеева, такъ какъ Плещеевъ женатъ былъ на родной сестрѣ Тихоновича. Тихоновичъ этотъ былъ уже возведенъ въ Окольниковъ (что составляетъ ближайшую степень къ аваню Боярина или Государственнаго Совѣтника) и посаженъ Управляющимъ Пушкинскаго Приказа; подъ его управленіемъ находились стрѣльцы, оружейники, полицейскіе чины и всѣ тѣ, которые служили при Оружейной Палатѣ, и со всѣми этими людьми онъ поступалъ самымъ жестокосердымъ образомъ и удерживалъ у нихъ заслуженную ими заработную плату. Въ Москвѣ такой обычай, что, по Великокняжескому Указу, всѣ Царскіе слуги и ремесленники должны ежемѣсячно исправно и вполнѣ получать извѣстную плату, а

нѣкоторымъ даже жалованье приносилось на домъ. Траханіотовъ же заставлялъ ждать подчипенныхъ ему людей по нѣскольку мѣсяцевъ, и если они, послѣ многихъ усиленныхъ просьбъ, получали наконецъ половину своего жалованья, нѣкоторые же и того менѣе, то ихъ заставляли расписываться въ полученіи того жалованья сполна. Кроме того были большія препятствія и въ торговлѣ: заведено множество одноторжіи (монополій), и кто приносилъ наибольшую взятку В. І. М.,¹ тотъ и возвращался весело домой съ милостивою (охранной) грамотой.

Былъ еще одинъ Чиновникъ, который предложилъ дѣлать желѣзные аршины съ клеймомъ, изображающимъ орла, и каждый, кто только долженъ употребить аршинъ, обязанъ былъ покупать новый клейменный аршинъ, стоящій какихъ ни будь 10 копѣекъ (шillingъ), или пять грошей, платя за него рейхсталеръ, старые же аршины при этомъ были запрещены, подъ опасеніемъ высокой пени. Распоряженіе это, простиравшееся и на всѣ области, принесло доходу до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ.

Другой подобный же Чиновникъ, изъ желанія оказать услугу казнѣ Его Царскаго Величества, и тѣмъ снискать себѣ его благосклонность, далъ предложеніе, чтобы по всей Россіи, соль, которой пудъ (40 фунтовъ) стоялъ двѣ гривны, или 10 грошей, обложитъ добавочной пошлиной въ одну гривну или въ пять грошей. Онъ даже высчиталъ, сколько тысячъ доходу ежегодно можетъ приносить такой налогъ въ казну Его Царскаго Величества. Но по прошествіи года сдѣланъ былъ расчетъ, и тогда оказалось, какъ много тысячъ потеряно было на соленой рыбѣ (употребляемой въ Россіи болѣе говядины), которая, по причинѣ вздорожанія соли, была недостаточно просолена и погнила, и какъ значительно меньше прежняго продано было самой соли, такъ какъ она осталась въ складочныхъ амбарахъ, испортилась и тамъ разстаяла.

---

¹ Буквы: В. І. М. вѣроятно означаютъ: Боярину Ильѣ Милославскому, какъ можно догадываться изъ того, что рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ его злоупотребленіяхъ. Перев.

На такія великія тягости и невыносимыя мученія вознегодовалъ простой народъ; утромъ и вечеромъ онъ собирался у церкви и толковалъ, какъ бы избавиться отъ такого бѣдствія. Всѣ видѣли, что тѣ, которые ближе всего были къ Его Царскому Величеству, не хотѣли выслушивать ихъ жалобъ, а тѣмъ менѣе желали облегчить ихъ тягости, и по тому единогласно порѣшили: сторожить всякій разъ, когда Его Царское Величество будетъ выѣзжать, или во время какого ни будь торжественнаго хода будетъ проходить изъ Дворца въ городскую церковь, и отъ имени всего общества подать самому Его Царскому Величеству нѣсколько просьбъ, пожаловаться ему на несправедливости и ежедневно совершаемыя злоупотребленія Леонтія Степановича Плещеева, и просить, чтобы онъ отрѣшенъ былъ отъ должности, а на его мѣсто посаженъ былъ другой честный человекъ. Но хотя недовольнымъ и удалось нѣсколько разъ выждать Царя и подавать просьбы, но просьбы эти всегда принимали отъ нихъ Бояре, которые по обыкновенію сопровождали Его Царское Величество, и такъ какъ самъ Царь не читалъ ихъ, а приказывалъ Боярамъ сообщать ему объ ихъ содержаніи, то естественно, что бѣдствія угнетенныхъ подданныхъ передавались ему невѣрно, и по жалобамъ не воспослѣдовало ни какого рѣшенія. Между тѣмъ негодованіе народа все болѣе и болѣе разжигалось, съ гронкими жалобами собирался онъ снова передъ церквами, и на этѣхъ сборищахъ было порѣшено, при первомъ же случаѣ, который могъ представиться, выждать Его Царское Величество, принести ему словесно свои жалобы и заявить о своемъ бѣдствіи. Случай этотъ скоро представился, именно: 1648 года, Іюля 6 дня, былъ праздникъ, въ который Его Царское Величество со всѣми Боярами и знатными Господами отправлялся въ лежащій въ городѣ Срѣтенскій (Stretenskoj) монастырь. Въ этотъ день собралось несчетное множество народа на большомъ рынкѣ (площади) и по всѣхъ улицамъ, черезъ которыя долженъ былъ проходить крестный ходъ. Когда, по окончаніи службы Господней, Его Царское Величество возвращался верхомъ домой, народъ съ силою протѣснился къ нему, нѣкоторые изъ толпы схватили за узду коня Его Царскаго Величества, молили его выслушать ихъ, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости, и неотступно просили отрѣшить его и на мѣсто его назначить честнаго, совѣстливаго человека, добавляя, что, въ противномъ случаѣ, народъ долженъ оконча-

тельно погибнуть. Его Царское Величество ужаснулся отъ такого неожиданнаго нападенія и такихъ отчаянныхъ жалобъ всего народа, обратился къ нему съ дружелюбною рѣчью, чтобы онъ успокоился, что онъ развѣдаетъ все дѣло и удовлетворитъ ихъ просьбы. Народъ успокоился, услышавъ такое милостивое обѣщаніе, благодарилъ Его Царское Величество и желалъ добраго здравія и долгой жизни, съ чѣмъ Его Царское Величество и отправился къ себѣ. Нѣкоторые же изъ Бояръ, преданныхъ Плецееву и бывшихъ тутъ же въ поѣздѣ, начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ изъ его среды кутиями по головамъ, а иныхъ даже спшибли съ ногъ на землю.

Народъ озлобился, схватился за камни и началъ бросать ихъ въ обидчиковъ. Этѣ послѣдніе, не привыкшіе къ такому тяжкому граду, который посыпался на ихъ спины, мигомъ обратились въ бѣгство и помчались во Дворецъ къ Его Царскому Величеству. А такъ какъ и у Дворца они приняты были такимъ же образомъ народомъ, толпившимся на дворѣ, то, соскочивши съ лошадей, они едва успѣли взбѣжать на большую лѣстницу, ведущую въ покои Его Царскаго Величества; озлобившаяся чернь съ силою двинулась туда же за ними, но стрѣльцы, ежедневно державшіе стражу у лѣстницы, успѣли сдержать народъ, пока преслѣдуемые Бояре могли укрыться въ покояхъ Великаго Князя. Тогда народъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ярости, началъ неистовствовать, шумѣть, звать и кричать, чтобы ему выдали Плецеева. На крикъ этотъ Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ вышелъ на верхнее крыльце къ народу и именемъ Его Царскаго Величества увѣщевалъ его, чтобы онъ отказался отъ такого требованія своего, но народъ закричалъ и ему: «Мы и тебя хотимъ взять!» И Морозовъ, чтобы избѣжать собственной опасности, поспѣшно долженъ былъ удалиться. Въ слѣдъ за тѣмъ толпа бросилась къ дому Морозова, къ этѣмъ богатымъ палатамъ, бывшимъ тутъ же въ Кремлѣ, разбила въ немъ ворота и двери, все расшибла и разломала, растащила и разграбила въ домѣ его, что нашла, чего же не могла захватить, то разрушала и ломала. Одного изъ важнѣйшихъ слугъ Морозова, хотѣвшаго было оказать сопротивление разъяренной черни, схватили и выбросили изъ верхнихъ покоевъ въ окно, такъ что несчастный тотчасъ же и умеръ, расшибшись отъ паденія.

Въ домѣ Морозова нашли жену его, но ей не сдѣлали ни какого оскорбленія, а сказали только: «Если бъ ты не была сестрой Великой Княгини, мы изрубилъ бы тебя на мелкія части!» Толпы пришли въ такую ярость, что не пощадилъ даже образы, всегда глубоко ими почитаемыхъ, но срывали съ нихъ украшенія изъ жемчуга и драгоценныхъ каменьевъ и выбрасывали ихъ на площадь. Въ числѣ другихъ дорогихъ вещей, они разбили также и карету, обтянутую золотою парчею, подбитую дорогимъ соболемъ и окованную вездѣ, вмѣсто желѣза, чистымъ серебромъ, — даже толстыя шицы въ ней были серебряныя. Карету эту Его Царское Величество подарилъ Морозову на свадьбу, какъ брачную карету.

Нѣкоторые изъ народа бросились въ погребъ, накиннулись на бочки съ медомъ и водкою, першились донельзя, а чего не могли выпить, разбили бочки и разлили, такъ что по колѣни бродили въ винѣ, и когда огонь, разложенный на дворѣ, достигнулъ погреба, то многіе изъ находившихся въ немъ тамъ и сгорѣли.

Послѣ такого разграбленія народъ раздѣлился на особыя толпы: одніѣ толпы потянулись къ Плещееву, другіе къ Тихоновичу, третьи къ Государственному Канцлеру, нѣкоторые къ другимъ заподозрѣннымъ же Вельможамъ, и даже къ писарямъ и другимъ лицамъ, бывшимъ въ дружбѣ, или въ какомъ ни будь сообществѣ съ несправедливыми имъ людьми, и вездѣ у всѣхъ этѣхъ людей, разъяренныя толпы опустошили, разграбили дворы и уничтожили въ нихъ все, что только подалось подъ руку. При этомъ народъ нашелъ множество дорогаго имущества и великія богатства, особенно въ домѣ Морозова: жемчугъ и бриллы пригоршнями, и полная шапка его продавалась за 30 талеровъ; мѣхъ черной лисицы и пара прекрасныхъ соболей за полталера; золотыя ткани (парчи) разрѣзывали ножами, и тутъ же дѣлили между собою.

Дня за три до этого происшествія, Думный Дьякъ Назарій Ивановичъ Чистой (Tzistou), который забралъ въ одніѣ свои руки торговлю солью и, какъ выше сказано, паложилъ на нее немовѣрно высокую пошлину, возвращался изъ Кремля

домой верхомъ на лошади; на дорогѣ ему повстрѣчалась бѣшеная корова, и когда лошадь его, испугавшись коровы, сбросила его съ себя, то онъ расшибся до такой степени, что отнесенъ былъ домой почти полумертвый. Отъ этого паденія Чистой лежалъ еще въ постели; но когда услышалъ, что домъ Морозова разграбленъ, то легко могъ разсудить, что разъяренный народъ посѣтитъ и его, какъ одного изъ главныхъ притѣснителей; а по тому черезъ силу слѣзъ съ постели, полежакомъ по землѣ забрался подъ вѣники (которые связываются изъ березовыхъ вѣтокъ, на подобіе метлы, и сохраняются въ продолженіи цѣлаго года, для употребленія въ банѣ, какъ объ этомъ упомянуто было выше), и приказалъ своему слугѣ положить еще сверху на него нѣсколько половинокъ свиныхъ окороковъ. Но слуга оказался невѣрнымъ своему господину, предалъ его, а самъ, захвативши нѣсколько сотъ червоцевъ, бѣжалъ въ Нижній Новгородъ. Яростная чернь забралась въ домъ Назарія, вытащила его изъ подъ вѣниковъ и повлекла его за поги на лѣстницу, съ которой и сбросила его во дворъ; здѣсь его забили палками до смерти, разожжили ему голову до того, что его не возможно было умять, и, бросивъ за тѣмъ его въ навозную яму, принялись выламывать сундуки и ящики. Нечестность и недобрый нравъ этого Назарія мы и сами должны были испытать на себѣ, въ бытность нашу въ Москвѣ. Будучи весьма силенъ при Дворѣ между знатѣйшими изъ Бояръ, онъ причинялъ намъ много помѣхи въ отправленіи нашего порученія за то только, что получалъ отъ насъ подарки не такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось.

Въ то время, когда такое разграбленіе совершилось въ Кремлѣ, самый Кремль велѣно было запереть, и рано утромъ слѣдующаго дня, т. е., 7-го Іюля, всѣмъ Нѣмецкимъ Офицерамъ дано было тайное приказаніе собраться и, хорошенько вооружившись, немедленно прибыть въ Кремль, такъ какъ взбунтовавшійся народъ не переставалъ волноваться и теперь приближался уже къ Кремлю. Въ слѣдствіе такого приказанія явился сильный отрядъ Нѣмцевъ, и нельзя было безъ удивленія видѣть, какъ мятежники давали имъ свободный проходъ и обращались къ нимъ съ такой дружеской рѣчью: «Вы, честные Нѣмцы, не дѣлайте намъ ни какого вреда: мы друзья ваши, и въ свою очередь никогда во вѣки

не причинимъ вамъ болѣе ни какой обиды.» Ибо прежде Русскіе часто такі оказывали свое нерасположеніе Нѣмцамъ и очень беспокоили ихъ. Кремлевскія ворота отворили, и туда впущены были Нѣмцы, которые тотчасъ, для обереженія Кремля (и дворца), раздѣлились на извѣстныя мѣста и приняли караулъ. За тѣмъ Его Царское Величество выслалъ къ мятежникамъ двоюроднаго брата² своего, знатнаго и достохвальнаго Вельможу, Никиту Ивановича Романова, котораго народъ очень любилъ за его всегдашнюю доброту, попытаться, не сможетъ ли онъ укротить озлобленное настроеніе и возстановитъ спокойствіе. Съ непокрытой головой выѣхалъ Никита Романовъ къ народу, принявшему его съ должною почтительностію и называвшему его своимъ отцемъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ сказалъ: «Его Царское Величество испытываетъ глубокую скорбь при видѣ такого бѣдствія. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уже обѣщалъ народу старательно расслѣдовать все дѣло и дать ему милостивое удовлетвореніе; это же обѣщаніе Его Царское Величество приказалъ черезъ него, Никиту, теперь еще разъ повторить народу и добавить, что онъ непремѣнно сдержитъ его, а по тому недовольные могутъ теперь успокоиться и смириться.» На это народъ отвѣчалъ: «Мы совершенно довольны Его Царскимъ Величествомъ и охотно готовы успокоиться, но не прежде, пока Его Царское Величество прикажетъ выдать намъ виновниковъ такого бѣдствія, именно, Бояръ: Бориса Ивановича Морозова, Леонтія Степановича Плещеева и Петра Тихоновича (Траханиотова), чтобы Бояры эти при глазахъ ихъ получили заслуженную ими кару.» Никита поблагодарилъ народъ за отвѣтъ, похвалилъ его за непоколебимую преданность Его Царскому Величеству, о каковой преданности, равно какъ и о просьбѣ народа относительно выдачи 3-хъ Бояръ, обѣщалъ довести до свѣдѣнія Его Царскаго Величества, но при этомъ онъ клялся народу, что Морозова и Петра Тихоновича въ Кремль нѣтъ, но что они бѣжали. Мятежники просили тогда, чтобы ихъ выдали немедленно хотя Плещеева. Никита простился за сими съ народомъ и поскакалъ опять въ Кремль.

Вскорѣ за тѣмъ изъ Кремля пришло извѣстіе, что Его Царское Величество рѣшилъ выдать немедленно же Плещеева и при-

² Дядя! О. Б.

казалъ казнить его передъ народомъ; когда же отыщутъ остальныхъ двухъ Бояръ, то и съ ними будетъ поступлено, какъ слѣдуетъ, по закону. Велѣно было сейчасъ же привести палача. Народъ не замедлилъ, поспѣшно привелъ къ Кремлевскимъ воротамъ палача съ прислужниками, которые и были пропущены въ въ Кремль. Между тѣмъ мятежники уговорились между собою, чтобы тѣ изъ нихъ, которые были верхами, раздѣлившись, разбѣжались по всѣмъ улицамъ вдоль и поперекъ, искали бѣглецовъ, и, если отыщутъ, притащили бы.

Палачъ, пробывъ едва съ четверть часа въ Кремлѣ, вышелъ оттуда и велъ съ собою Пящеева. Разсвирѣпѣвшій народъ, какъ только завидѣлъ послѣдняго, не могъ выждать, чтобы его довели прежде до мѣста казни, прочли приговоръ, и за тѣмъ напали, но тутъ же, бросившись на него, вырвалъ изъ рукъ палача, забилъ Пящеева палками до смерти, разможживъ ему голову такъ, что она обратилась въ какую-то размазню и мозгъ его разлетѣлся брызгами въ лица стоявшихъ кругомъ людей. Съ убитаго сорвали одежду и обнаженное тѣло потащили на площадь, волоча его по всѣмъ нечистотамъ и неистово крича: «Такъ слѣдуетъ угощать всѣхъ подобныхъ плутовъ и воровъ! Боже, даруй долгодѣйнее здравіе Его Царскому Величеству!» Мертвое тѣло оставили потомъ въ грязи и нечистотахъ и топтали его ногами. Наконецъ, пришелъ одинъ монахъ, отрубилъ превращенную въ мякоть голову отъ туловища и сказалъ: «Это за то, что онъ меня безвинно приказалъ однажды наказать палками.» Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, какъ показываетъ Никита, хотѣлъ найти свое спасеніе въ бѣгствѣ, но замѣченный извозчиками и ящичниками (Jamtziken), которые заградили ему дорогу, бѣжалъ назадъ успѣлъ уйти отъ нихъ, къ великому счастью своему, и тайнымъ ходомъ снова пробрался въ Кремль, такъ что ни кто изъ преслѣдовавшихъ не замѣтилъ этого. Между тѣмъ, чтобы показать народу, что Его Царское Величество крѣпко озабочивается преслѣдованіемъ бѣглецовъ, послалъ онъ Князя Семена Пожарскаго (Simon Posarski), вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ мятежниковъ, отыскать Петра Тихоновича, котораго посланные и поймали близъ Троицкаго монастыря, въ 12-ти миляхъ отъ Москвы, и 8-го Іюля привезли его обратно, въ Москву, но не въ Кремль, а на Земскій Дворъ. Какъ

только Его Царское Величество узналъ о помикѣ Тихоновичѣ, то приказалъ, чтобы палачъ, въ продолженіи часа водилъ его по торгу, съ деревянною колодкою на шеѣ, и за тѣмъ отрубилъ ему топоромъ голову. Этою мѣрою вторично охлаждено было до нѣкоторой степени разгоряченное настроеніе народа; онъ благодарилъ Его Царское Величество за справедливый судъ, желалъ ему долгой жизни и просилъ, чтобы и съ Морозовымъ было поступлено такимъ же образомъ. Зная, же, что Морозова видѣли извошники, отъ которыхъ онъ ускользнулъ и куда бѣжалъ не извѣстно, мятежники не могли уже такъ твердо настаивать на скоромъ исполненіи ихъ требованія, а просили только, чтобы, какъ только онъ будетъ отысканъ, то и по отношенію къ нему они получили удовлетвореніе, которое было имъ обѣщано. Отъиъ на первый разъ нѣсколько позатило народное волненіе и успокоилось. Случилось это не за долго передъ обѣдомъ. Вскорѣ послѣ обѣденнаго часа, на Дмитровкѣ (Mitrofski), Тверской (Twerski) и въ другихъ разныхъ мѣстахъ показались большіе пожары. Неистовствовавшая чернь бросилась на нихъ, больше, впрочемъ, для воровства, нежели для противодѣйствія огню. Это былъ страшный пожаръ, который истребилъ все, что было внутри бѣлой стѣны, до рѣки Неглинной, перешелъ черезъ Неглинной мостъ и проникъ за красную стѣну къ большому и самому главному Кружечному двору или кабаку (Kaback) Великаго Князя, въ которомъ продавалось вино, отъ чего весь городъ и даже самый Кремль находились въ величайшей опасности. Не было ни одного человѣка, который бы желалъ, или даже могъ спасти чтонибудь отъ пламени, но тому, что отъ вина, добытаго ими изъ погреба во время пожара, всѣ перепились и помутнились въ умѣ. Бочки съ водкою были слишкомъ велики для того, чтобы ихъ на скоро можно было вытащить изъ погреба; на этому въ нихъ выбывали дно, черпали изъ нихъ водку шляпами, шапками, сапогами и рукавицами, и напивались такимъ образомъ до того, что всѣ улицы завалены были сплошь чернымъ слоемъ пьяныхъ, и многіе изъ нихъ въ этомъ безсознательномъ своемъ состояніи задохнулись отъ жару и дыму и стертъ на мѣстѣ.

Часовъ въ 11 вечера пришли на пожаръ нѣсколько Нѣмцевъ и съ великимъ ужасомъ смотрѣли, съ какою силою пламя

охватило Великокняжескій винный домъ; стоя сдѣсь, они замѣтили, что къ мѣсту пожара приближался какой-то монахъ, одѣтый весь въ черное, который кряхтѣлъ и стоналъ, какъ человекъ, который тащитъ за собою какую-то тяжелую ношу, и когда монахъ этотъ подошелъ уже близко къ пожару, то громко кричалъ, чтобъ ему пособили, говоря: «Сильный пожаръ этотъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока тѣло безбожнаго Плещеева (монахъ тащилъ это тѣло) не будетъ брошено въ огонь, и не сгоритъ дѣвъ.» Когда же ни кто изъ бывшихъ подлѣ не хотѣлъ помочь монаху, то онъ началъ крѣпко браниться и проклинать всѣхъ. На эту брань сбѣжалось нѣсколько взрослыхъ парней, которые пособили монаху, потащили трупъ и бросили его въ огонь. И что же? Только что трупъ началъ горѣть со всѣхъ сторонъ, какъ огонь уменьшился, и самъ собою, въ глазахъ и къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, началъ тухнуть, и наконецъ потухъ совершенно.

Нѣсколько дней спустя Его Царское Величество приказалъ въ волю угостить виномъ и медомъ стрѣльцовъ, которые держали его дворскую стражу. Подобно ему, и тестъ Великаго Князя, Илья Даниловичъ Милославскій, началъ дружески и кротко обращаться съ важнѣйшими изъ гражданъ, ежедневно приглашалъ по нѣскольку человекъ изъ цеховъ, по очереди, къ своему двору, любовно принималъ ихъ и всячески старался приобрѣсть доброе къ себѣ расположеніе главнѣйшихъ изъ нихъ. Патріархъ также приказалъ Попова и Священникамъ (?), чтобы и они, съ своей стороны, прилагали стараніе усмирять все еще гнѣвное настроеніе народа. Его Царское Величество замѣтилъ негодныхъ Чиновниковъ и мѣста ихъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ.

Когда теперь стало видно, что описанная, въ высшей степени, страшная гроза и буря достаточно поутигла, и можно было думать, что все приведено уже въ мирное и лучшее положеніе, Его Царское Величество приказалъ, въ одѣль изъ дней торжественнаго шествія своего, созвать народъ на извѣстное мѣсто внѣ Кремля, куда и вышелъ къ народу, въ сопровожденіи Боярина Никиты Ивановича Романова. Его Царское Величество об-

ратился съдѣсь къ народу съ рѣчью, въ которой прежде всего сказалъ, что «ему въ высшей степени прискорбно, какъ жестоко поступали и обращались съ народомъ, невѣдомо для Его Царскаго Величества, безбожные Плещеевъ и Тихоновичъ, которые за то получили уже вполне заслуженное ими возмездіе, и на мѣста ихъ назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ править народомъ съ кротостію и справедливостію, будутъ блюсти пользу и благо народное, о чемъ и самъ онъ, Его Царское Величество, будетъ отнынѣ имѣть бдительное смотрѣніе. Увеличенная пошлина на соль, продолжалъ Царь, вмѣстѣ съ этѣмъ будетъ отмѣнена; выданныя до сего милостивыя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности, онъ, Его Царское Величество, желаетъ теперь расширить и умножить и во всемъ поступать впередъ, какъ отецъ подданныхъ своей страны, съ Царскимъ милосердіемъ». Въ отвѣтъ на это народъ низко кланялся Его Царскому Величеству, благодарилъ его и желалъ долголѣтней жизни. За тѣмъ Царь продолжалъ: «Что же касается до Боярина Бориса Ивановича Морозова, котораго онъ также обѣщавъ выдать имъ, то хотя онъ и не можетъ, конечно, во всемъ оправдать его, но точно также не находитъ его и виновнымъ во всемъ. При этомъ Его Царское Величество желалъ быть увѣреннымъ, что, такъ какъ онъ никогда еще ни о чемъ особенномъ не просилъ своихъ подданныхъ, они уважатъ эту первую его къ нимъ просьбу, и на этотъ разъ простятъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ имъ не добраго; онъ же Царь, ручается, что отнынѣ Морозовъ, напротивъ, будетъ оказывать имъ всю свою любовь, вѣрность и доброе расположеніе. Если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не занималъ болѣе мѣста Государственнаго Совѣтника, то онъ, Царь, отставитъ его отъ этой должности, но только чтобы онъ, Царь, не выдавалъ народу головою его, своего втораго отца, воспитавшаго и возрадившаго его. Его сердце не можетъ вынести этого, и по тому онъ хочетъ думать, что народъ не потребуетъ отъ него такой жертвы, какъ прежде.» Когда при этомъ слезы, какъ свидѣтельство великой любви къ Морозову, выступили на глазахъ Его Царскаго Величества и прервали рѣчь его, весь народъ преклонилъ головы и громко закричалъ: «Боже, сохрани Его Царское

Величество въ добромъ здравіи, на многія дѣла! Какъ угодно Богу и Его Царскому Величеству, такъ и да будетъ!» При такомъ заявленіи народа Его Царское Величество также сердечно возрадовался, какъ прежде сердечно скорбѣлъ, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ поблагодарилъ народъ за такое рѣшеніе и увѣщевалъ его успокоиться и быть послушнымъ, увѣряя его при томъ, что самъ онъ всегда и безъ отмыны будетъ исполнять все то, что теперь обѣщалъ народу. За тѣмъ Его Царское Величество, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ людей, бывшихъ при его шествіи, мирно возвратился въ Кремль.

Спустя нѣсколько времени послѣ того Его Царское Величество ѣздилъ въ Троицкій монастырь, а съ нимъ и Морозовъ, который милостиво и низкими поклонами на обѣ стороны, ѣхавши верхомъ, здоровался съ народомъ. Съ той поры всякій, подавшій письменную просьбу Его Царскому Величеству чрезъ Морозова, которому по прежнему велѣли принимать прошенія, никогда не получалъ отказа. И въ настоящее время, какъ мнѣ извѣстно за вѣрное, Морозовъ продолжаетъ быть истиннымъ покровителемъ и благодѣтелемъ народа, какъ Нѣщевъ, такъ и Русскихъ

Такой-то великой опасности подвергалось тогда благосостояніе молодого Государя и его подданныхъ, когда слишкомъ ослаблены были бразды для неправедныхъ, и своекорыстныхъ управителей. И таковы-то становятся Русскіе, при ихъ рабствѣ, если притѣсненія ихъ дѣлаются уже невыносимыми, какъ это выше описано.

Я хочу упомянуть здѣсь, какъ обѣщалъ выше, еще объ одномъ возмущеніи, вспыхнушемъ именно во Псковѣ. Въ немъ также увидимъ и своекорыстныхъ чиновниковъ и приведенный ими въ озлобленіе народъ.

ГЛАВА XVII.

О возмущеніи, бывшемъ во Псковѣ.

Въ 1649-мъ году Его Царское Величество отправилъ къ Ея Величеству, Королевѣ Шведской, Христинѣ, почетное Посольство, главою котораго былъ Окольникій (Okolnitz) Борисъ Ивановичъ Пушкинъ (Puskin), Между прочими важными порученіями: Посольство это должно было покончить великое несогласіе, возникшее по поводу перебѣжавшихъ за границы съ обѣихъ сторонъ подданныхъ, разобрать взаимныя тяжбы и очистить недоимки въ платежахъ, по которымъ, впродолженіи 32 лѣтъ, не было ни какого вѣрнаго разсчета. Дѣло это рѣшено было тѣмъ, чтобы тѣ изъ перебѣжчиковъ, которые ушли за сосѣднюю границу въ первыя 30 лѣтъ, такъ какъ большая часть ихъ перемерли, а остальные разбрелись, оставались съ обѣихъ сторонъ на своихъ мѣстахъ безъ дальнѣйшаго преслѣдованія; перебѣжавшіе же въ послѣдніе два года должны быть выданы съ той и другой стороны по принадлежности. А такъ какъ на Русской сторонѣ оказалось гораздо болѣе Шведовъ, чѣмъ Русскихъ на Шведской сторонѣ, то и было соглашено, чтобы Его Царское Величество уплатилъ за то 190,000 рублей, т. е., 380,000 рейхсталеровъ, частію чистыми деньгами, а частію хлѣбомъ, и уплата эта должна была послѣдовать ближайшею весною 1650-го года, для чего къ этому времени прибылъ въ Москву Коммисаръ Шведской Королевы, Господинъ Іоаниъ де Родесъ (Johan de Rodes), который и получилъ чистыхъ денегъ, копѣйками и червонцами, 150,000 рублей. На остальное же количество именно: на 40,000 рублей, слѣдовало поставить хлѣба. На этотъ конецъ данъ былъ одному Русскому купцу въ Псковѣ, по имени Федору Емельянову (Fedor Amilianou), приказъ Его Царскаго Величества закупить на сказанное количество денегъ хлѣба. Купецъ же этотъ, какъ грубый и своекорыстный человекъ, не ограничился предѣлами даннаго ему порученія, какъ бы слѣдовало, но пошелъ далѣе, не позволяя никому изъ города покупать и четверика (Zetwerik) или одного шефеля ¹ хлѣба иначе, какъ у него, и то по

---

¹ Мѣра хлѣба.

дружбѣ и за довольно дорогую цѣну, говоря, что весь хлѣбъ долженъ быть отосланъ въ Швецію, для уплаты долга Его Царскаго Величества Шведской Королевѣ. Это сдѣлало ненавистнымъ имя Шведовъ между Псковскими горожанами; они начали свои частыя сборища въ кабакахъ, обвиняли бывшего Посланника Пушкина въ измѣнѣ, что онъ разцедрился не въ мѣру на такія громадныя деньги и обѣщалъ ихъ Шведской Королевѣ. Нашлись и такіе, которые хотѣли заподозрить въ измѣнѣ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и Морозова; ибо у нихъ не вышло еще изъ головы то, что два года тому назадъ случилось съ этѣмъ Болриномъ въ Москвѣ. При этомъ они вообразили, что все это совершается безъ вѣдома и воли Его Царскаго Величества. Псковичи обо всемъ этомъ не замедлили сообщить въ Великій Новгородъ, и успѣли подстрекнуть въ возстаніи важнѣйшихъ изъ Новгородцевъ до того, что тамошній Воевода имѣлъ достаточно хлопотъ, чтобы удержать этѣхъ людей отъ недобраго ихъ намѣренія. Псковичи во всякомъ случаѣ порѣшили, что они остановить и задержать деньги на дорогѣ, когда повезутъ ихъ изъ Государства. Закупать же хлѣбъ для уплаты Шведамъ они также ни комъ образомъ позволять не хотѣли, по тому что такая сдѣлка причинитъ непремѣнно тягостную для нихъ дороговизну хлѣба. Порѣшивъ такъ, они послали въ Москву, въ качествѣ уполномоченныхъ, 3-хъ человекъ: одного купца, одного Казака и одного стрѣльца, разузнать: вѣдомо ли Его Царскому Величеству обо всемъ происходящемъ по этому дѣлу? Между тѣмъ, въ принятomъ ими намѣреніи, Псковичи пошли въ домъ Емельянова, силою ворвались въ него, схватили жену его, такъ какъ самъ Емельяновъ скрылся, и пытали ее, чтобъ она объявила имъ, гдѣ лежатъ деньги мужа. При этомъ они похитили все и разграбили домъ, и, безъ сомнѣнія, не выпустили бы изъ своихъ рукъ Емельянова, если бы поймали его. Воеводу, который хотѣлъ было дѣйствовать на нихъ своимъ вліяніемъ и предоставленной ему властью, они прогнали изъ города, потребовали въ городъ къ себѣ всѣхъ, живущихъ около Пскова, Дворянъ (Боярскихъ Дѣтей) и принудили ихъ клятвою стоять за одно съ ними. Когда сказанные три почетные Псковскіе уполномоченные, отправленные въ Москву, прибыли въ Новгородъ, черезъ который они должны были проѣзжать, то они приказали Новгородскаго Воеводу за-

ковать въ кандалы и въ такомъ видѣ послали его къ Великому Князю. Извѣстіе объ этомъ привезли въ Москву ускользнувшій отъ Псковитянъ Федоръ Емельяновъ, и прогнанный Псковскій Воевода. За этѣмъ вскорѣ пришло въ Москву другое извѣстіе, что Псковичи отняли у одного знатнаго Шведскаго купца изъ Нарвы, по имени Левина Нумменса (Levin Nummens) нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, самага купца избили, встряхивали на дыбѣ, за тѣмъ выставили его на, опрокинутые одинъ на другой, пивоваренные чаны, на позорище, издѣвались надъ нимъ и предали его всякаго рода поруганію. Въ слѣдствіе всѣхъ этѣхъ извѣстій Его Царское Величество немедленно послалъ въ Псковъ одного знатнаго Вельможу и одного Боярина, изслѣдовать дѣло и усмирить народъ; но Псковичи сначала не хотѣли было принимать этѣхъ Царскихъ посланныхъ, заперли городскія ворота и выслали для объясненій за городъ одного изъ среды себя, который былъ какъ бы одинъ изъ главныхъ. Наконецъ, они впустили въ городъ Воеводу и Боярина, но тотчасъ же Воеводу засадили въ темницу, а на Боярина, такъ какъ онъ началъ строго выговаривать имъ отъ имени Его Царскаго Величества, напали, страшно избили его, и когда онъ, спасаясь бѣгствомъ, хотѣлъ было укрыться отъ нихъ въ ближайшемъ монастырѣ, то они разломали двери, выволокли его и снова избили до того, что долгое время потомъ опасались за жизнь его.

Между тѣмъ, чтобы исполнить въ точности обязательство по условленному, вмѣсто хлѣба уплачено было чистыми деньгами 40,000 рублей, и Шведскій Коммисаръ съ этѣми деньгами препровожденъ былъ съ надежнымъ прикрытіемъ стрѣльцовъ за Русскую границу на Шведскую землю.

Бунтовщиковъ же Псковитянъ Его Царское Величество рѣшилъ строго наказать; онъ назначилъ Князя (Ивана) Никитича Хованскаго (Mikitowitz Gawenski) Начальникомъ войска, давши ему значительную конницу изъ Земскихъ Дворянъ и отправивъ его съ этой конницей на Псковъ. Къ нему должны были присоединиться два Полковника: Мунга Кормихель (Munga Kormichel) и Гамельтонъ (Hamelthon), стоявшіе при Онегѣ, у Шведскихъ границъ, съ 4000 пѣхоты. Этѣ послѣднія войска должны были сняться съ своихъ мѣстъ со

всевозможной тайной и ити на Псковъ. Когда Псковитяне увидали, что дѣло пошло не на шутку, то унади духомъ, и хотя сначала приготовились было къ оборонѣ, но вскорѣ за тѣмъ сдались на волю Его Царскаго Величества, повинились въ проступкѣ своемъ и просили о помилованіи. Зачинщики возмущенія частію казнены смертію, частію отправлены въ Сибирь. Такъ усмирено было и это опасное возмущеніе.

Г Л А В А XVIII.

О Вѣпрахъ или Государственныхъ Совѣтникахъ, объ Окольныхъ и другихъ Чиновникахъ, сидящихъ въ Судѣ.

Въ настоящее время управленіе и судоустройство Русскихъ нѣсколько улучшено, и судъ и правосудіе соблюдаются уже теперь иначе, чѣмъ прежде. Но хотя Милославскій и Морозовъ полагаютъ много труда, и хотя Патріархъ, съ своей стороны, также вводитъ одно за другимъ разныя нововведенія къ лучшему, но все таки есть еще другіе Вельможи, которые въ Государственныхъ и частныхъ дѣлахъ продолжаютъ свое прежнее извѣстное управленіе, смотря по состоянію и должности, ими занимаемой.

Теперь при Дворѣ состоитъ обыкновенно 30 Бояръ или Государственныхъ Совѣтниковъ, иногда двумя болѣе, или менѣе. При Шуйскомъ было ихъ 70. За годъ назалъ, при началѣ войны подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ считалось 29 Бояръ, которыхъ имена были слѣдующія:

1. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.
2. Бояринъ (Борисъ) Никита Ивановичъ Романовъ.
3. Бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ.
4. Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.
5. Князь Никита Ивановичъ Одоовскій (Odoouski).
6. Князь Яковъ Куденетовичъ (Kudenietowitz) Черкасскій.
7. Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.
8. Бояринъ Глѣбъ Нвановичъ Морозовъ.

9. Бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ (Tzeremetou).
10. Князь Борисъ Александровичъ Репнинъ (Reppenin).
11. Бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ.
12. Бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (Streesnou).
13. Князь Василій Семеновичъ Прозоровскій.
14. Князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.
15. Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
16. Князь Юрій Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій.
17. Бояринъ Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
18. Бояринъ Григорій Васильевичъ Пушкинъ.
19. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волхонскій.
20. Бояринъ Лаврентій Дементьевичъ Салтыковъ.
21. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.
22. Бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій.
23. Бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлянъ.
24. Князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.
25. Князь Иванъ Петровичъ Пронскій.
26. Князь Иванъ Никитичъ Хованскій.
27. Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ (Chworostiny).
28. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ.
29. Бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ (Susin)

За сими слѣдуютъ Окольные, изъ которыхъ выбираются Бояре:

1. Окольный Князь Андрей Ѳедоровичъ Дятвиновъ-Мосальскій.
2. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Хилковъ.
3. Никифоръ Сергѣевичъ Сабакинъ (Zabackin).
4. Князь Дмитрій Петровичъ Львовъ (Lawou).
5. Князь Василій Петровичъ Львовъ.
6. Князь Семенъ Петровичъ Львовъ.
7. Князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій.
8. Князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій.
9. Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ.
10. Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій.
11. Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.
12. Петръ Петровичъ Головинъ.

13. Окольниковъ Иванъ Андреевичъ Милославскій.
14. Князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
15. Князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукой.
16. Князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукой.
17. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.
18. Иванъ Ѳедоровичъ Большой Стрѣшневъ.
19. Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ (Artischou).
20. Прокофій Ѳедоровичъ Соковинъ (Sokoupin).
21. Князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.
22. Алексѣй Дмитриевичъ Кольцовъ (Collitziou).
23. Василій Александровичъ Чоглоковъ (Zioglockou).
24. Иванъ Васильевичъ Алферьевъ.

За сими слѣдуетъ шесть Думныхъ Дворянъ, которыхъ Рускіе называютъ Дѣтьми Боярскими, т. е., сыны Бояръ; это ихъ Придворные Дворяне (Hoff-Junckern), а именно:

1. Иванъ Аванасьевичъ Гавреновъ.
2. Ѳедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.
3. Богданъ Ѳедоровичъ Нарбековъ.
4. Жданъ (Sdan) Васильевичъ Кондыревъ.
5. Василій Ѳедоровичъ Яновъ.
6. Аванасій Осиповичъ Прончищевъ (Prontzissou).

Думныхъ Дьяковъ ихъ три:

1. Алмазъ Ивановичъ.
2. Семенъ Ивановичъ Заборовскій.
3. Ларіонъ Дмитриевичъ Прончищевъ.

Это имена лицъ, которыя и въ настоящее время суть важнѣйшія при Царскомъ Дворѣ. Они-то управляютъ и производятъ всѣ Придворныя, Государственныя и частныя дѣла, въ высшихъ и низшихъ, тайныхъ и обыкновенныхъ, Присутственныхъ Мѣстахъ и. Приказалъ.

Порядокъ, соблюдаемый ими при Дворѣ, смотря по ихъ должностямъ и достоинствамъ, таковъ, что прежде самымъ выс-

шимъ мѣстомъ, послѣ Его Царскаго Величества, считается должность Государственнаго Конюшаго (Sudarstvenoi Coinische) (Reichsstallmeister). Послѣ Великаго Князя Шуйскаго мѣсто это и до сихъ поръ остается незанятымъ.

Ближайшая за тѣмъ слѣдуетъ должность Дворецкаго (Dvoretzkoj) (Hoffmeister), которая теперь есть самая высшая. Дворецкій управляетъ всѣмъ, что касается до содержанія Двора и Придворныхъ Чиновъ, въ особенности же завѣдуетъ тѣмъ, что относится до Царскаго стола. Третье мѣсто занимаетъ Оружничій (Orusnitschei) или управляющій Оружейною Палатой, который завѣдуетъ всѣми Императорскими орудіями, а также лошадьми, убранствомъ и всѣми вещами для украшеній и нарядовъ. За этѣмъ уже слѣдуютъ: Бояре, Окольниковы (Ocolnitzen), Думные Дьяки (Dumeni Diaki) или Государственные Канцлеры; Постельничій (Postelnitzei), Комнатный (Сomnutпой), Ключникъ (Klütziom) или Царскій Ключарь, Кравчій (Сraftzei) и Чашникъ; Стольники (Stoilniki) (Дворяне, прислуживающіе при столѣ Великаго Князя), Стряпчіе (Straerzi), Рейтары или конные Дворскіе Дворяне, которые во всякую пору сопровождаютъ Его Царское Величество во время его выѣздовъ. Дворяне (Dvogaini), обыкновенные конники дворскіе (Hoff-Junckern); Жильцы (Silzi), отроки изъ Дворянъ (Edelknaben); Дьяки, Секретари въ Приказахъ, которыхъ Русскіе обыкновенно зовутъ Подканцлерами (Unter-Cancelers), и Поддьячіе (Poddiotzei), Писаря въ Приказахъ (Pricasen) или Канцеляріяхъ.

Большая часть Государственныхъ Совѣтниковъ и другихъ Придворныхъ чиновъ состоитъ изъ Князей и богатыхъ Вельможъ, которые хотя и имѣютъ собственныя свои богатыя имѣнія и крестьянъ, но лично завѣдывать ими не смѣютъ, а поручаютъ это управленіе своимъ дворецкимъ, должностнымъ разнымъ людямъ или старшинамъ. Сами же они должны жить постоянно въ Москвѣ, ежедневно являться ко Двору, и если тамъ нѣтъ у нихъ ни какого особаго дѣла, то являютъ только для того, чтобы бить челомъ Его Царскому Величеству. Заставляютъ ихъ жить въ Москвѣ для того, чтобы, находясь въ своихъ помѣстьяхъ съ своими подданными, они не задумали какой ни будь заговоръ противъ Его Царскаго Величества.

Вельможи эѣ живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ (разныхъ прислужниковъ), на улицахъ показываются всегда съ пышностію, одѣтые въ весьма дорогія одежды и въ сопровожденіи множества слугъ и крѣпостныхъ людей, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и саней. Выѣзжая верхомъ, они прикрѣпляютъ къ сѣдельной шишкѣ небольшую, нѣсколько болѣе чѣмъ въ четверть локтя, литавру (барабанъ), въ которую и барабанятъ кнутовищемъ своего кнута, когда нужно разогнать съ дороги народъ, который толпится по улицамъ, особенно на площади и передъ Кремлемъ.

Князья же, которые живутъ въ селахъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ такого достатка, чтобы жить въ Москвѣ прилично своему званію, довольствуются тамъ весьма плохимъ содержаніемъ, такъ что часто, не зная ихъ лично, не отличишь ихъ отъ крестьянъ. Такъ случилось однажды съ нами, когда мы, во время перваго нашего путешествія въ Россіи, пріѣхали въ с. Пудево (Pudewa), и нашъ переводчикъ, справляясь объ одномъ Князѣ, живущемъ въ этомъ селѣ, обратился съ вопросомъ объ этомъ именно къ самому тому Князю, который выглядывалъ въ это время изъ одной курной избы черезъ оконное отверстіе, ни какъ не полагая, чтобы Князь и крестьянинъ одинаково могли глядѣть черезъ такое отверстіе. Когда же Князь далъ замѣтить, что ему обидна такая ошибка, то переводчикъ нашъ тутъ же попросилъ у него извиненія въ томъ, что принялъ Князя за крестьянина.

Русскіе Князья происходятъ всѣ отъ Великаго Князя Владимира (Volodimer), о чемъ подробнѣе можно прочесть у Кромера, въ его Исторіи о Польскихъ дѣлахъ (Cromerus in 2 tomo Poloniacum regum l. 3, p. 439).

Помянутые выше Бояре и Государственные Совѣтники, если имѣютъ надобность обсудить какія ни будь Государственныя, или инныя важныя, дѣла, собираются на свои сходки и собранія послѣ полуночи; такъ, они отправляются въ Кремль въ часъ, или въ два, ночи, и возвращаются оттуда въ 9, или 10, часовъ утра.

Ни какое рѣшеніе, постановленіе, приказъ, договоръ, или опредѣленія, и проч., издаваемыя отъ имени Его Царскаго Вели-

чества, самъ Великій Князь не подписываетъ (какъ выше объ этомъ сказано), а подписываются всѣ этѣ грамоты Боярами и Государственными Канцлерами (Думными Дьяками), и за тѣми скрѣпляются Царскою печатью. Если же Великій Князь заключаетъ съ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ Государей миръ, или договоръ, и долженъ дать собственное завѣреніе въ крѣпости его, то дѣлается это произнесениемъ клятвы и крестнымъ цѣлованіемъ.

Г Л А В А ХІХ.

О Приказахъ въ Москвѣ и о дѣлахъ, въ нихъ совершаемыхъ.

Государственные Совѣтники или Бояре занимаются не только при Дворѣ Государственными дѣлами, но и въ Канцеляріяхъ частными или гражданскими дѣлами и судомъ, и такихъ Канцелярій, которыя Русскіе называютъ Приказами, въ Москвѣ считается 33. Я приведу ихъ здѣсь по порядку, съ обозначеніемъ и тѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ ими въ настоящее время.

1. Посольскій Приказъ (Posolskoj Pricas), въ которомъ разсматриваются Государственные дѣла, дѣла всѣхъ Посольствъ и сношеній, а также и дѣла Нѣмецкихъ торговыхъ людей. Думный Дьякъ или Канцлеръ этого Приказа въ настоящее время Алмазъ Ивановичъ.

2. Разрядный (Rosegradni) Приказъ, въ которомъ ведутся списки всѣхъ Бояръ, Вельможъ и Дворянъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и родовъ; въ немъ также ведутся счета всѣхъ выгодъ, или потерь Государства въ военное время. Правитель этого Приказа теперь Думный Дворянинъ и Дьякъ Иванъ Аванасьевичъ Гавреновъ.

3. Помѣстный (Pomiestnoi) Приказъ, въ которомъ ведутся списки всѣмъ наследственнымъ помѣстьямъ и имѣніямъ, рѣшаются тяжбы, возникающія по этѣмъ имѣніямъ, и занимается Царская

пошлина при продажѣ оныхъ. Управляющій этого Приказа Федоръ Кузьмичъ Елизаровъ.

4. Казанскій (Kasanskoi) и 5. Сибирскій (Sibirskoi) Приказы, въ которомъ ведутся и управляются дѣла обоихъ этихъ Царствъ, Казанскаго и Сибирскаго, и принадлежащихъ къ нимъ земель. Въ нихъ вѣдается также приходъ и отпускъ собольямъ и другимъ мѣхамъ. Управляющій этимъ Приказами теперь Князь Алексій Никитичъ Трубецкой.

6. Дворцовый (Dvortsovoi) Приказъ, вѣдающій всѣ дѣла, до Двора и его содержанія относяціяся. Управляющій сдѣсь Бяринъ Васильевичъ Бутурлинъ.

7. Иноземскій (Inozemskoi) Приказъ, завѣдывающій всѣми Военноначальниками и Полковниками изъ иностранцевъ: и дающій этимъ лицамъ разные приказы въ мирное время. Приказомъ этимъ управляетъ Илья Даниловичъ Милославскій, тестъ Царя.

8. Рейтарскій (Reitarskoi) Приказъ, въ которомъ сосредиваются дѣла о всѣхъ туземныхъ рейтарахъ (конникахъ). Отсюда всѣ рейтары получаютъ предписанія и жалованье, въ мирное время, а именно: простые рейтары (въ которые берутся всѣ бѣдные Дворяне, имѣющіе, впрочемъ, свои помѣстья) получаютъ каждый по 30 рублей или по 60 рейхсталеровъ въ годъ. Приказомъ этимъ управляетъ также Илья.

4. Большой (Boschoi) Приходъ (Prichod), куда всѣ сборщики пошлинъ (мытники) со всей Россіи ежегодно представляютъ свои счета и отчеты. Приказъ этотъ имѣетъ надзоръ за хлѣбомъ, чтобы онъ продавался вѣрнымъ вѣсомъ и по цѣнѣ, сообразной со стоимостью пшеницы и ржи. Сдѣсь также сосредоточенъ надзоръ за винными погребами, въ которыхъ продаются всякаго рода иностранныя вина, чтобы вина эти также продава-

¹ Василій Васильевичъ. Перев.

лись по вѣрной мѣрѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ. Изъ этого же Приказа всѣ иностранцы, служащіе при Дворѣ, или въ военной службѣ Его Царскаго Величества, получаютъ свое мѣсячное и годовое жалованье; послѣднее выплачивается имъ всегда точно и вполне передъ правдникомъ Рождества Христова. Приказомъ этимъ управляетъ Бояринъ Князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.

10. Судной Володимирскій (Sudnoi Wolodimirskoi) Приказъ, которому подсудны всѣ Бояре и знатные Вельможи Московскіе; всякій, имѣющій какую жалобу на этѣ лица по частнымъ дѣламъ, долженъ обратиться въ этотъ Приказъ, въ которомъ разбирается жалоба и объявляется рѣшеніе по ней. Управляетъ этимъ Приказомъ Бояринъ Князь Ѳеодоръ Семеновичъ Куракинъ.

11. Судной Московскій (Sudnoi Moskauskoj) Приказъ, въ которомъ имѣютъ свой судъ и расправу Стольники, Стряпчіе, Дворяне и Жильцы, столовые Дворяне, выѣздные (выѣзжающіе встуду при Великомъ Князѣ), простые Дворскіе Дворяне (Гофъ-Юнкеры) и Дворяне отроки. Судьей въ этомъ Приказѣ тотъ же Бояринъ Куракинъ.

12. Разбойный (Rosboinoj) Приказъ, въ которомъ вѣдаются всѣ уличныя грабежи, убійства, воровство и насилія, какъ въ городѣ, такъ и въ Уѣздахъ случившіяся; сдѣсь дѣла этѣ разбираются, дѣлаются пытки и, по свойству преступленій, объявляется приговоръ. Главнѣйшимъ Начальникомъ этого Приказа Бояринъ Князь Борисъ Александровичъ Решищъ.

13. Пушкарскій (Puskarskoj) Приказъ, завѣдывающій всѣми мастеровыми, которые лѣютъ пушки, колокола и изготовляютъ всѣ другія воинскія вооруженія. Сдѣсь не только имѣютъ свой судъ и расправу, но и получаютъ свое жалованье, всѣ литейщики, кузнецы, шпажники, констапели (полицейскіе чины), мушкетные, ружейные и пистолетные мастера и работники. Сдѣсь, вмѣсто прежняго нечестиваго Петра Тихоновича, управляетъ теперь Бояринъ Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

14. Ямской (Jamskoj) Приказъ, гдѣ вѣдаются всѣ Царскіе гонцы (почтари), подводчики или извозчики, называемые лицами

ками, которые всё получаютъ сдѣсь извѣстную за гоньбу плату; сдѣсь же, вѣдущіе по дѣламъ Его Царскаго Величества, получаютъ, на основаніи росписанія, и сообразно съ своими подорожными (пропускными грамотами), подорожныя деньги. Главный Начальникъ сдѣсь Околицій Иванъ Андреевичъ Милославскій.

15. Челобитный (Tziolobitnoi) Приказъ, въ который подаются жалобы на всѣхъ Дьяковъ, Секретарей, Писарей, Старость и привратниковъ приказныхъ и въ которомъ производится судъ надъ этими лицами. Управляющимъ сдѣсь Околицій Петръ Петровичъ Головинъ.

16. Земской Дворъ (Zemskou Duor) или Земскій Приказъ, въ который всё граждане и простой народъ города Москвы могутъ подавать другъ на друга жалобы во всякаго рода несправедливыхъ дѣлахъ. Кромѣ того: всё дома и участки, покупаемые и продаваемые въ Москвѣ, по распоряженію этого Приказа, измѣряются, облагаются пошляной и вносятся въ извѣстный списокъ. Сдѣсь же распредѣляется ежегодная пошляна съ обывательскихъ домовъ, мостовыя, заставныя деньги, сборъ на содержаніе городского вала, и всё это сборы вносятся и ушлячиваются въ этомъ же Приказѣ. Главный Начальникъ сдѣсь Околицій Богданъ Матѣевичъ Хитровъ.

17. Холопій (Cholorpoi) Приказъ, гдѣ, для желающихъ отдать себя кому либо въ крѣпость, составляются извѣстныя записи, называемыя у Русскихъ кабалами (Kaballen). Управляющій этого Приказа Степанъ Ивановичъ Исленьевъ.

18. Большой Казны (Bolschi Kasni) Приказъ, въ которомъ хранятся золотыя и серебряныя шарчи, бархаты, шелковыя, шерстяныя и всякаго рода матеріи, необходимыя для Придворныхъ Чинновъ и на подарки вновь поступающимъ на службу къ Его Царскому Величеству, а также и на награды служащимъ уже у него Чинамъ.

Подъ этимъ Приказомъ, который лежитъ въ Кремлѣ и по Нѣмецки называется еще великою Царскою сокровищницею

(Schatzhoff), находится множество глубокихъ и большихъ погребовъ и каменныхъ со сводами подваловъ, въ которыхъ складываются и хранятся вся Государственная казна, всѣ доходы съ городовъ, всѣ пошлыны и всѣ деньги, ежегодно остающіяся въ Приказахъ. Все это состоитъ подъ управленіемъ и надзоромъ Царскаго тестя, Ильи Даниловича Милославскаго.

19. Казенный (Casannoi) Приказъ, въ которомъ судятся всѣ гости и важнѣйшіе купцы и торговые люди Русскіе. Главный Управляющій здѣсь тотъ же Илья.

20. Монастырскій (Monasterski) Приказъ, въ которомъ вѣдаются монахи, Попы и прочіе Духовныя лица по ихъ Духовнымъ дѣламъ, и разбираются тяжбы ихъ и по мірекимъ дѣламъ. Здѣсь управляетъ Окольнічій Князь Иванъ Васильевичъ Хлѣковъ.

21. Каменный (Сатеноі) Приказъ—Канцелярія каменщиковъ, плотниковъ и прочихъ рабочихъ по постройкамъ; гдѣ они имѣютъ свой судъ, отыскиваютъ свою плату за работы и получаютъ оную. При этомъ Приказѣ огромный дворъ, на которомъ сложены громадныя запасы матеріаловъ, потребныхъ для всякаго рода Царскихъ построекъ: лѣсу, камня, извести, желѣза и проч. и проч. Начальникъ и Надзиратель за всѣмъ этѣмъ здѣсь Дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжскій (Sagraiskoi).

22. Новгородская Четверть (Novogorodkoi Zetwert), въ которую поступаютъ всѣ доходы изъ Великаго Новгорода и Нижняго Новгорода и гдѣ ведутся счеты этѣмъ доходамъ. Здѣсь разсматриваются также и разрѣшаются нѣкоторыя неудовольствія, возникающія въ сказанныхъ двухъ городахъ, а иногда и тяжбы между ихъ гражданами. Хотя на Воеводскій Судъ ни какихъ жалобъ и перенесеній оныхъ изъ областей ко Двору не допускается (какъ сказано объ этомъ выше), но правило это обходятъ иногда слѣдующимъ образомъ: если имѣющій дѣло въ Воеводской Канцеляріи, въ области, видитъ, что оно ведется тамъ такъ, что не получитъ желаемаго для него исхода, то онъ не доводитъ его до того, чтобы по немъ составился уже въ этой Канцеляріи приго-

воръ, и отправляется съ своимъ дѣломъ въ Москву, въ подлежащій Приказъ. Управляющимъ Приказомъ Новгородская Четверть назначенъ теперь Думный Дьякъ или Государственный Канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

23. Галицко-Володимирскій (Gallitzko-Volodimirski) Приказъ, въ которомъ ведется счетъ всѣмъ приходамъ изъ областей Галицкой и Володимирской, и обсуждаются дѣла по продовольствію и другимъ нуждамъ ихъ жителей. Управляющимъ сдѣсь Окольныйчій Петръ Петровичъ Головинъ.

24. Новая Четверть (Nova Zetwert), въ которой всѣ кабаки, питейные дома или корчмы изъ всѣхъ областей вносятъ свои деньги и представляютъ свои отчеты, и изъ котораго всѣ кружечные дворы или питейные дома снабжаютъ виномъ и другими напитками, по израсходованію оныхъ. Если кто изъ Русскихъ будетъ пойманъ въ тайной продажѣ вина, или табаку, тотъ обвиняется и подвергается наказанію въ этомъ же Приказѣ. Ибо, какъ сказано уже выше, Русскимъ вообще запрещено, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, продавать табакъ и крѣпкіе напитки, и если кто, въ противность этому запрещенію, дозволитъ себѣ эту продажу и будетъ уличенъ въ ней, тотъ, смотря по положенію виновнаго, подвергается, или значительной денежной пени, или же тѣлесному наказанію кнутомъ и ссылкой въ Сибирь. Нѣмцамъ же предоставляется полная свобода курить табакъ и продавать его между собою. Въ этомъ Приказѣ управляетъ Окольныйчій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

25. Костромской (Castromskoi) Приказъ, въ которомъ вѣдаются и хранятся всѣ приходы и судебныя дѣла Костромы (Castrom), Ярославля (Jareslau) и другихъ прилежащихъ къ нимъ мѣстъ. Управляетъ этимъ Приказомъ Бояринъ и Главный Начальникъ Артиллеріи (Ober-Zeugmeister) Григорій Гавриловичъ Пушкинъ.

26. Устюжскій (Ustogskoi) Приказъ, вѣдающій приходами и Судными дѣлами Устюга (Ustoga) и Холмогоръ (Colmogorod). Управляетъ имъ Окольныйчій Князь Дмитрій Васильевичъ Львовъ.

27. Золотой Алмазный (Solotoya Almasnoy) Приказъ, въ который доставляются изготовляемые Нѣмецкими золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами всѣ драгоценныя вещи, отдѣланныя драгоценными камнями, всѣ клейноды, золотыя и серебряныя подѣлки, и въ которомъ сказанные мастера получаютъ заработную плату и имѣютъ свой Судъ. Начальникомъ сдѣсь тотъ же Григорій Пушкинъ, что и въ Костромскомъ Приказѣ.

28. Ружейный (Оружейный) (Rusjappoi) Приказъ, гдѣ хранятся всѣ Царскія вооруженія и военныя оружія, а также и всякаго рода украшенія, употребляемыя при выходахъ и торжественныхъ обрядахъ Царскихъ. Сдѣсь же находится Цейнгаузъ или Оружейная Палата. Въ Приказѣ этомъ судятся также всѣ тѣ, которые надзираютъ за хранящимися въ немъ предметами. Главное Управленіе имъ поручено тому же Пушкину.

29. Аптекарскій (Arotekarskoj) Приказъ, въ которомъ находится и Царская Аптека; сюда ежедневно должны являться придворные Медики, цирюльники, аптекари, помощники ихъ (дистилляторы) и всѣ тѣ, которые обращаются въ подобнаго рода дѣлахъ и спрашивать, нѣтъ ли имъ какого дѣла по ихъ занятію? При этомъ они обязаны всякій разъ бить челомъ Управляющему этимъ Приказомъ, Ильѣ Даниловичу Милославскому.

30. Таможенный (Tamosini) Приказъ, есть собственно Таможня (Zollhaus); въ немъ присутствуетъ одинъ изъ гостей съ нѣсколькими товарищами, для взиманія пошлинъ со всѣхъ товаровъ. По прошествіи года гость этотъ представляетъ отчеты въ другой Приказъ, называемый Большой Приходъ (Bolschoi Prichod), и за тѣмъ, на мѣсто этого гостя, назначается другой гость.

31. Сбора десятой деньги Приказъ (Sboru Dezatti Dengi Pricas), въ которомъ принимаются (добровольныя) приношенія десятой деньги (пфеннингъ) на военныя издержки. Въ настоящее время завѣдуютъ этимъ Приказомъ: Бояринъ Князь Михаилъ Петровичъ Пронскій и Окольный Иванъ Васильевичъ Алфеевъ.

32. Сыскной (Sisknoi) Приказъ, вѣдомству и рѣшенію котораго подлежатъ всѣ необычайныя, новыя еще, дѣла, которыя по этому не могутъ быть разсматриваемы ни въ какомъ другомъ Приказѣ. Управляетъ этѣмъ Приказомъ Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой.

До сихъ поръ мы говорили здѣсь о Приказахъ или Канцеляріяхъ Его Царскаго Величества, о вѣдомствѣ ихъ и о томъ, кто управляетъ ими. Кромѣ сихъ, Патріархъ имѣетъ еще свои особыя три Приказа, а именно:

1. Разрядъ (Rosegrad), въ которомъ ведутся списки всѣхъ церковныхъ имѣній, записи на этѣ имѣнія, и помѣщаются въ Архивъ.

2. Судный (Sudni), въ которомъ Патріархъ производитъ свой судъ и расправу.

3. Казенный (Kasannoi), въ который вносятся и сохраняется казна и ежегодный приходъ Патріарха.

Въ этѣхъ Приказахъ Патріархъ поставляетъ для управленія своихъ извѣстныхъ людей изъ духовнаго званія, которые должны обо всемъ доносить ему, доставлять отчеты и исполнять его приказанія и приговоры.

Во всѣхъ Приказахъ, какъ Царскихъ, такъ и Патріаршихъ, находится бездна писцовъ, которые, кромѣ того, что хорошо пишутъ, довольно искусны и въ вычисленіяхъ, своимъ особымъ способомъ, при чемъ они употребляютъ не жетоны (счетныя марки), но зерна (косточки) славъ, которыя каждый носитъ всегда при себѣ въ небольшомъ кошелѣ.

Хотя брать взятки всѣмъ строго запрещается, подъ опасеніемъ наказанія за то кнутомъ, но ихъ тайно берутъ, особенно писцы, которые вообще охотно принимаютъ посулы или подарки, и за подарки этѣ часто можно узнать о самыхъ тайныхъ дѣлахъ, которыя находятся у нихъ въ производствѣ. Иногда они сами забѣ-

гаютъ къ тѣмъ, кому это нужно, съ предложеніемъ, за извѣстную плату, открыть имъ ходъ дѣла. При этомъ, впрочемъ, иногда и сильно обманываютъ, когда писцы, на примѣръ, изъ страха наказанія, которое можетъ постигнуть ихъ, если обнаружится, что они сообщили то, чего не должны были сообщать, или же по незнанію самаго дѣла, сообщаютъ свѣдѣнія вымышленныя, вмѣсто истинныхъ. Подобное случилось въ мое время, когда я, бывши въ Москвѣ въ 1643 году, получилъ Царскую грамоту къ Его Княжеской Свѣтлости, моему милостивѣйшему Государю, и одинъ, живущій тамъ, важный Агентъ пожелалъ узнать содержаніе этой грамоты, то ему, за великую тайну, выданъ былъ съ нея списокъ, который этотъ Г. Агентъ, будучи хорошимъ пріятелемъ моимъ, позволялъ переписать ее мнѣ. Въ послѣдствіи же, когда подлинникъ грамоты былъ переведенъ въ надлежащемъ мѣстѣ, оказалось, что въ немъ было совсѣмъ не то, что въ выданномъ тайно противнѣ.

Разные акты, производство дѣла, протоколы и другія Канцелярскія дѣла, Русскіе пишутъ не въ книгахъ, а на длинныхъ бумажныхъ сверткахъ или свиткахъ (столбцахъ). Для этого цѣлый листъ бумаги разрѣзываютъ поперекъ, разрѣзанные куски узкими сторонами склеиваютъ другъ съ другомъ и потомъ свертываютъ. Есть такіе свертки въ 20; 30, въ 60 и болѣе аршинъ длиною, какъ это можно видѣть въ Приказахъ Русскихъ, гдѣ они лежатъ, сложенные одинъ на другомъ.

ГЛАВА XX.

О Русскихъ судахъ, законахъ и родахъ наказанія.

Что касается до судебныхъ дѣлъ, то производятся они въ тѣхъ же, сейчасъ только поименованныхъ, Приказахъ (Канцеляріяхъ). Каждый, назначенный Управляющимъ Приказа, Бояринъ, или Судья, имѣетъ при себѣ Дьяка или Секретаря, и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, или засѣдателями, выслушиваетъ тяжущихся, которые являются передъ нимъ, и присуждаетъ имъ рѣ-

шеніе. До послѣдняго времени Русскіе имѣли только нѣкоторыя, не многіе письменныя, законы и обычаи, данныя различными Великими Князьями, и лишь противъ мѣщаниковъ, отечеству, противъ вѣстунниковъ въ оскорбленіи Его Царскаго Величества, противъ воровъ, убійцъ и должниковъ. Во всемъ же остальномъ, въ произнесеніи приговора Судьи руководствовались большею частію собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а иногда и желаніемъ сдѣлать кому добро, или зло. Нѣсколько же лѣтъ назадъ, именно въ 1647 году, по Указу Его Царскаго Величества, собраны были разумнѣйшіе изъ всѣхъ сословій люди, которые составили и написали нѣкоторые законы и постановленія, и законы эти были за тѣмъ утверждены Его Царскимъ Величествомъ и его Боярами и напечатаны по Русски во всеобщее свѣдѣніе; эта книга въ листъ, въ два добрыхъ пальца толщиной, называется Соборное Уложеніе (Soborna Ulozhenia), т. е., единогласно принятое и собранное законоположеніе, по которому Судьи и постановляютъ теперь свои приговоры, или, по крайней мѣрѣ, должны постановлять. Такъ какъ всѣ приговоры эти дѣлаются отъ имени Его Царскаго Величества, то они безпрекословно должны быть исполняемы, и ни кто не смѣетъ подавать на нихъ дальнѣйшей жалобы.

Въ прежнее время съ тяжущимися соблюдался такой порядокъ судопроизводства: если кто обвиняетъ другого, и не можетъ ни тѣмъ доказать своего обвиненія, то Судья присуждаетъ тяжущимся рѣшить дѣло присягою. За тѣмъ онъ спрашиваетъ обвиняемаго (отвѣтника), такъ какъ отъ него зависитъ выборъ: «Хочешь ли ты взять присягу на свою душу, или отдать ее на душу обвинителю (истцу)?» Кто послѣ этого захочетъ принять присягу, тотъ, въ продолженіи трехъ недѣль, однажды въ недѣлю, приводится къ Судьѣ, который его наставляетъ и увѣщаетъ относительно того, какое великое и опасное дѣло есть присяга, и вообще предостерегаетъ его не присягать. Если, не смотря на то, увѣщаемый все таки присягаетъ, то хотя бы онъ присягнулъ и въ правомъ дѣлѣ, всѣ, присутствовавшіе при присягѣ, плюютъ ему въ лицо, выгоняютъ его изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, и вообще послѣ этого всѣ презираютъ его, указываютъ на него пальцами, и онъ не можетъ болѣе ходить въ

церковь, а тѣмъ болѣе не можетъ быть допущенъ до принятія Св. Таинъ, до которыхъ, въ подобномъ случаѣ, допускается онъ только тогда, когда его постигнетъ тяжкая болѣзнь, и въ немъ будутъ усмотрѣны очевидные признаки приближающейся смерти.

Въ недавнее время, впрочемъ, для присяги установленъ слѣдующій порядокъ: того, кто долженъ присягать, спрашиваютъ прежде передъ образами ихъ Святыхъ: «Хочетъ ли онъ взять себѣ на душу и на спасеніе свое присягу?» Когда онъ отвѣчаетъ утвердительно, то берутъ крестъ, величиною въ пядень, держать этотъ крестъ передъ присягающимъ, и этотъ послѣдній крестится и цѣлуетъ крестъ; за тѣмъ снимаютъ со стѣны образъ, и также даютъ ему приложиться къ нему. Присягнувшій такимъ образомъ и въ правомъ дѣлѣ не смѣетъ принимать Святаго Причастія иначе, какъ только по истеченіи трехъ лѣтъ, что, впрочемъ, мало смущаетъ рѣшающихся на присягу. Если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкутъ кнутомъ по голому тѣлу и ссылаютъ на заточеніе въ Сибирь, лишая Причастія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ находиться при послѣднемъ издыханіи.

Хотя Русскіе не легко рѣшаются на присягу, особенно во 2-й или въ 3-й разъ, что способенъ сдѣлать только отчаянный и совсѣмъ развратный человѣкъ, тѣмъ не менѣе у нихъ въ большомъ ходу, когда они сойдутся, покупаютъ, или продаютъ, что, чтобы увѣрить кого въ чемъ, легко божатся, при чемъ они говорятъ: «Вотъ тѣ кресты!» (по Chrestum), и крестить себя пальцами, по своему обыкновенію; но такой легкой божбѣ не всегда слѣдуетъ вѣрить.

У Русскихъ употребляютъ разнаго рода страшныя мученія для того, чтобы допытаться правды. Между прочими родами пытокъ, вотъ, на примѣръ, одна: преступнику связываютъ за спиною руки, поднимаютъ его на веревкѣ къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда прѣ этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опалиая жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же

преступнику на головѣ пробриваютъ волосы, и на выбритое мѣсто капаютъ холодною водою; эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ, образующимся у нихъ на тѣлѣ отъ расчѣненія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ.

По жалобамъ на драку, у Русскихъ тотъ, кто первый началъ, считается виновнымъ; обыкновенно же правъ у нихъ бываетъ тотъ, кто прежде подалъ жалобу.

Убійца, не въ слѣдствіе необходимой обороны (которая у Русскихъ дозволяется), но умышленно убившій кого либо, ввергается въ темницу, въ которой онъ шесть недѣль долженъ выдержать покаяніе, на хлѣбъ и водѣ; за тѣмъ его допускаютъ къ принятію Святыхъ Таинъ и обезглавливаютъ.

Если кто обвиняется въ воровствѣ, и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткамъ: не укралъ ли онъ еще чего ни будь? Если онъ въ воровствѣ чего либо другого на пыткахъ не сознается, и то воровство, въ которомъ онъ обвиняется и уличенъ, было первое, то его сбьютъ плетью на семь пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзаетъ у него одно ухо, за тѣмъ сажаютъ его на два года въ темницу, и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него, прежнимъ же порядкомъ, отрѣзываютъ другое ухо, и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ и содержится до тѣхъ поръ, пока не наберутся нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь; смертной же казни собственно за воровство, при которомъ убійства совершено не было, ни кто въ Россіи не подвергается. Если воръ на пыткахъ признается, кому именно продалъ онъ похищенное имъ имущество, то судъ призываетъ тѣхъ покупателей и присуждаетъ ихъ къ тому, чтобы они истцу, у котораго похищено было имущество, сдѣлали достаточное вознагражденіе, и такую сумму Русскіе называютъ вытъ (Wyth); такой распрядоки многихъ воздерживаетъ отъ покупки подозрительныхъ вещей, иги имуществовъ.

Но правосудіе Русское особенно дѣятельное вниманіе обращаетъ на долги и должниковъ. Кто не хочетъ, или не можетъ, платить, тотъ препровождается къ Приставу (Pristafet), т. е., онъ долженъ сидѣть въ домѣ прислужника Судьи, подобно тому, какъ у насъ сидятъ подъ стражей, или на послушаніи. Если въ обѣщанный должнику срокъ уплаты долга отъ него не послѣдуетъ, то его сажаютъ въ долговую темницу (яму), безъ всякаго воззрѣнія на лица, Русскій ли то, или иностранецъ, мужчина, или женщина, купецъ, или ремесленникъ, Священникъ, монахъ, или монахиня, ежедневно выводяхъ его на общественную площадь передъ Приказомъ, и тамъ, въ продолженіи часа, бьютъ его по голенимъ тѣбкими прутьями, толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопить отъ сильной боли. Иногда исполнитель такого наказанія, если получить посулъ или подарокъ отъ должника, дѣлаетъ легкіе удары, или и совсѣмъ даетъ промахъ. Съ другой стороны нѣкоторые должники сами иногда засовываютъ себѣ въ сапоги толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которымъ въ такомъ случаѣ и приходится удары прутьевъ.

По выдержаніи такого наказанія и позора, должникъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство за себя въ томъ, что на завтра онъ снова представитъ на площадь и дастъ себя на дальнѣйшее битие. Этотъ родъ наказанія Русскіе называютъ: поставить на правезъ (Prawe). (Смотри изображеніе, на которомъ этотъ родъ наказанія представленъ подъ буквою А, стр. подлинника 274). Если должникъ рѣшительно не имѣетъ ни какихъ средствъ уплатить долгъ, то долженъ поступить въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Остальныя подлыя наказанія, употребляемыя надъ преступниками, суть слѣдующія: разрѣзываніе, или вырываніе ноздрей, битие батогами (Battoki) и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ. Ноздри вырываютъ тѣмъ, которые наслаждаются нюханьемъ табаку, и наказанныхъ такимъ образомъ мы не рѣдко встрѣчали въ Россіи. Бить батогами можетъ каждый Господинъ своего слугу, или всякаго другого, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя какую ни будь власть. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступникъ снимаетъ съ себя кафтанъ и все остальное платье до рубахи и

животомъ ложится на землю; за тѣмъ двое людей садятся на него, одинъ на голову, а другой на ноги, и бьютъ его гибкими прутьями по спинѣ, будто скорняки, выколачивающіе мѣлъ, какъ это представлено на изображеніи подѣ буквою В. (въ подлинникѣ стр. 274). Такого рода наказаніе часто употреблялось во время нашего путешествія между Русскими, которые сопровождали насъ.

Сѣченіекнутаомъ на наши глазабыло однимъ изъ варварскихъ родовъ наказанія; оно представлено на изображеніи подѣ буквою F. (тамъ же, стр. 274). Такое наказаніе я видѣлъ 24-го Сентября, 1634 года въ Москвѣ; когда оно совершалось надъ 8-ю мужчинами и надъ одной женщиной, оказавшимися виновными въ нарушеніи Великокняжескаго запрещенія, именно въ продажѣ табаку и водки. Преступники, передъ Приказомъ, называемымъ Новая Четверть, должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшіеся наказанію не могли двигаться ни въ верхъ, ни въ низъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутаомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы; такъ что послѣ каждаго удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и отъ того, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣпляются три ремня, длиною въ палецъ, изъ жесткой, невыдѣланной лосиной кожи, которые рѣжутъ словно ножи. За тяжкія преступленія нѣкоторые преступники этого рода наказаніемъ засѣкаются до смерти. Передъ исполненіемъ описываемаго мною наказанія (видѣннаго мною); служитель Судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и за тѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «Полно!» т. е., довольно! На этотъ разъ чуждины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже ни на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содраны были кожи. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего

этого, каждому, виновному въ продажѣ табаку, привѣшывалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки, тоже на шею, водочная фляга или стеклянка, и въ такомъ видѣ, связаннымъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, сказанныхъ преступниковъ провели сперва изъ города, и за тѣмъ обратно въ Кремль, и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ.

Разсказываютъ, что нѣкоторые, наказанные такимъ образомъ, молодцы, натягиваютъ на израненную спину свою еще теплую шкуру только что убитой овцы, и этѣмъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ своихъ. Въ прежнія времена, съ понесшими наказаніе, обходились также почтительно, какъ и со всѣми другими, водили съ ними всякія дѣла, даже торгуютъ, словомъ пили и ѣли съ ними, какъ хотѣли. Въ настоящее же время на такихъ людей начинаютъ смотрѣть съ нѣкотораго рода презрѣніемъ.

Такъ какъ Русскіе во внѣшнихъ приемахъ своихъ, съ теченіемъ времени, во многомъ стали лучше прежняго, и очень подражаютъ Нѣмцамъ, то они чувствительнѣе стали теперь и ко всему тому, что касается чести, или безчестія; такъ палачи ихъ въ прежнее время вовсе не считались infam или такими безчестными, какими считаются они тамъ въ настоящее время. Ни одинъ честный и почтенный человѣкъ не захочетъ теперь у нихъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, который считается уже какъ бы человѣкомъ негоднымъ, развѣ будетъ дознано, что такому наказанію подвергся онъ по ненависти Судьи; въ такомъ случаѣ его скорѣе жалѣютъ, чѣмъ презираютъ, и честные люди, въ доказательство его невинности, не стыдятся тогда вести съ нимъ дальнѣйшее знакомство.

Почтенные люди теперь также избѣгаютъ сообщество съ живодерами и палачами; этѣ послѣдніе хотя и могутъ вести даже торговлю, но занимаются ею неохотно, по тому что собственная должность ихъ доставляетъ имъ довольно большія деньги. Кроме того, что они получаютъ отъ Правительства за исполненіе (экзакуціи) разныхъ наказаній, деньги, но, по мнѣнью воз-

возможности, и съ преступниковъ за то, чтобы они не такъ жестоко ихъ наказывали. Они продаютъ также, хотя потихоньку, и водку заключеннымъ, которыхъ ежедневно сидитъ множество, и это также доставляетъ имъ значительный доходъ. Въ слѣдствіе такой прибыльности должности палача, въ прежнее время ее покупали разными подарками, но теперь ни кто уже не смѣетъ перепродать ее. Если же случается недостатокъ въ исполнителяхъ наказаній, что и бываетъ не рѣдко по множеству экзекуцій, то цехъ мясниковъ обязанъ поставить ихъ изъ среды своей.

Г Л А В А ХХІ.

О Вѣрѣ Русскихъ вообще и о происхожденіи ея.

Упомянувъ о Вѣрѣ Русскихъ, я по справедливости нахожу не лишнимъ привести сначала вопросъ, которымъ въ открытыхъ прѣвіяхъ занимались Докторъ Бодфидій (D. Bodfidius), Придворный проповѣдникъ покойнаго Короля Шведскаго Густава, и потомъ М. Генрихъ Стааль (Staal), Нарвскій Суперинтендентъ въ Ливоніи. А именно: дѣйствительно ли Русскіе тоже Христіане? Если спросить объ этомъ самихъ Русскихъ, то они скажутъ, что они-то и есть истинно крещенные и самыя лучшіе Христіане, какіе только живутъ на свѣтѣ, а насъ только въ крайней мѣрѣ называютъ они Христіанами окропленными. По этому, если кто изъ иноземныхъ Христіанъ захочетъ перейти въ ихъ Вѣру, то онъ долженъ снова креститься по ихнему. Но что Русскіе также Христіане, мы справедливо можемъ заключать это, вмѣстѣ съ помянутыми сейчасъ мужами, изъ того, что у нихъ есть существенное Христіанства (Essentialia Christianismi), или необходимѣйшіе главные предметы Христіанской Вѣры. Такъ, у нихъ есть истинное Слово Божіе, и Святыя Таинства. Они имѣютъ писанное и печатное Священное Писаніе (Библию), Ветхій Завѣтъ по 70-ти Греческимъ толковникамъ, а Новый въ простомъ переводѣ на Славянскій и Русскій языки. Но странно, что они никогда не допускаютъ въ свою церковь исполнѣ всю Библию, говоря, что въ Ветхомъ Завѣтѣ есть

много грязныхъ, не цѣломудренныхъ вещей, которыя могли бы осквернить такое священное мѣсто; по этому въ церквахъ нѣ читаются только нѣкоторыя писанія Пророковъ и Новый Заветъ. Въ домахъ же дозволяется имѣть и читать всю Библию. Кромѣ Библии, у нихъ есть также древніе Отцы Церкви и Учители, какъ, на примѣръ: Кириллъ, Архіепископъ Іерусалимскій, написавшій Катихизисъ (Catechismus), при Императорѣ Θεодосіи, о чемъ говоритъ Бароній (въ *Annal. Eccles. tom. 4, pag. 459*, и *Bibliotheca Patrum. Colon. tom. 12, pag. 1003*).

За тѣмъ: Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Богословъ (Bogoslova), который, можетъ быть, тоже, что Григорій Назіянзинъ.

Іоаннъ Златоустъ (Solottouska) есть Іоаннъ Хризостомъ (краснорѣчивый), котораго они называютъ: золотыя уста.

Ефремъ Сиринъ есть Ефреимъ Сирусъ (Syrgus), который, какъ говорятъ Русскіе (а также и Герардъ Фоссъ *Lugd.* въ посвященіи своемъ къ книгѣ Ефрема Сирина, которую онъ перевелъ на Латинскій языкъ), получилъ отъ одного Ангела книгу, писанную золотыми буквами, которую ни кто, кромѣ его, Ефрема, открыть не могъ. Въ слѣдствіе чего Ефремъ скоро началъ проповѣдывать и писать въ особомъ возвышенномъ духѣ.

Кромѣ сихъ они имѣютъ одного собственнаго Русскаго Святаго учителя, по имени Николая Чудотворца (*Nicolla Sudatworitz*), писавшаго о духовныхъ предметахъ и писанія котораго Русскіе прилежно читаютъ (?). Св. Николаѣ дѣлалъ великія чудеса, по чему передъ пояснымъ изображеніемъ (иконой) его, находившимся въ одной часовнѣ на большой улицѣ у Тверскихъ воротъ, ежедневно горѣло множество восковыхъ свѣчей; икона эта, во время большаго пожара, бывшаго въ недавнее возмущеніе, взята была на небо, (какъ объясняютъ это Русскіе), собственно же просто сгорѣла.

Русскіе признаютъ правила Символа Вѣры Аѳанасія, и вѣруютъ, что Богъ, сотворившій все, есть единъ по существу и троиченъ въ лицахъ, что Іисусъ Христосъ пострадалъ за весь родъ человѣчскій, и что Духъ Святыи, отъ Отца, черезъ Сына, исходящій,

освящаетъ насъ и дѣлаетъ насъ способными творить добро. По этому, хотя нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Вѣра Русскихъ, или *Fides quae creditur* (во что вѣруютъ) есть Христіанская, но *Fides, qua creditur* (какъ вѣруютъ), какъ говорятъ въ школахъ, сомнительна и на дѣлѣ заявляется ими весьма душно. Такъ, вмѣстѣ съ Господомъ Христомъ, они считаютъ и Евангелистовъ, Апостоловъ, Пророковъ и множество другихъ Святыхъ, не только предстателями, каковыми считаютъ ихъ наиболѣе просвѣщенные, но и содѣлателями ихъ спасенія, каковыми считаетъ ихъ большинство Русскихъ, и даже живописнымъ иконамъ, изображающимъ сихъ Святыхъ ихъ, они ежедневно оказываютъ такую честь, которая приличествуетъ только одному Богу, о чемъ подробнѣе скажу ниже. Равнымъ образомъ, весьма мало видно изъ жизни и приведенныхъ выше событій, чтобы Русскіе старались свою Христіанскую Вѣру освящать и дѣлать дѣйствительною посредствомъ добрыхъ дѣлъ и любви къ ближнему. Добрымъ же дѣламъ, обращеннымъ на основаніе и созиданіе церквей и монастырей, они приписываютъ большее, чѣмъ слѣдуетъ, значеніе.

Русскіе считаютъ себя членами Греческой Церкви, хотя они и не соблюдаютъ во всей точности правилъ этой Церкви, но дѣлаютъ много ошибокъ и вводятъ разнаго рода дополненія къ нимъ по своему усмотрѣнію. Они пишутъ въ своихъ лѣтописяхъ, что Христіанскую Вѣру получили они въ Россіи еще во времена Апостоловъ. Именно, Апостолъ Андрей, будто бы, отправился изъ Греціи вверху по рѣкѣ Борисену (Днѣпру), и черезъ Ладожское озеро прибылъ въ Новгородъ, гдѣ проповѣдывалъ Евангеліе Христово, поучалъ отправленію истиннаго Богослуженія и наставлялъ въ постройкѣ церквей и монастырей. За тѣмъ, въ теченіи довольно значительнаго времени, въ слѣдствіе множества войнъ, которыя вносили въ Россію Татары и другіе язычники, истинная Христіанская Вѣра была въ ней угнетена и истреблена, и введено, напротивъ, язычество и идолослуженіе, продолжавшееся до временъ Великаго Князя Владимира, который прежде и самъ былъ язычникомъ. Такъ какъ этотъ Великій Князь, счастливыми войнами своими, сдѣлался обладателемъ всей Руси, и покорилъ почти цѣлую Сарматію, то тѣмъ самымъ вошелъ въ такое великое уваженіе у иностранныхъ Христіанскихъ Государей, что отъ

послѣдніе, желая пріобрѣсти его расположеніе, начали отправлять къ нему почетныя посольства. Князю Владимиру такое дружественное расположеніе сказанныхъ Государей понравилось, онъ отвѣчалъ на него сообразно съ ихъ желаніями, по чему они и начали стараться отвратить его отъ языческаго идолослуженія и привести къ Христіанской Вѣрѣ. Слѣдствіемъ этѣхъ стараній ихъ было то, что Владимиръ отправилъ нѣсколькихъ пословъ и гонцовъ въ разныя мѣста, гдѣ господствовала Христіанская Вѣра, для того, чтобы они собрали истинныя свѣдѣнія о Вѣрѣ той у разныхъ народовъ. И такъ какъ Греческая Вѣра, бывшая и прежде въ Россіи и остававшаяся еще тамъ въ нѣкоторыхъ, хотя весьма не многихъ, мѣстностяхъ, понравилась Владимиру наиболѣе всѣхъ и угихъ, то онъ и принялъ именно ее.

Іоаннъ Куропалатъ (Johannes Curopalates), Греческій бытописатель, рассказываетъ, что при обращеніи Русскихъ совершилось слѣдующее чудо, именно: Архіепископъ, котораго Императоръ Василій послалъ въ Россію, проповѣдуя Русскимъ Евангеліе Христово, и прославляя имъ великія чудеса истиннаго, безсмертнаго Бога, рассказалъ имъ, между прочимъ, Исторію о трехъ истинно вѣрующихъ отрокахъ, оставшихся невредимыми въ огнѣ, на каковой рассказъ Русскіе отвѣчали, что если бъ они увидали подобное чудо, то тоже увѣровали бы въ истиннаго Бога. Епископъ, хотя и помнилъ о томъ, что не слѣдуетъ испытывать Бога, но въ то же время, зная и слово Христа, который сказалъ, что все, что вы будете просить во имя Мое, по мѣрѣ вашей Вѣры, вы получите, отвѣтствовалъ Русскимъ: если они истинно и твердо рѣшились обратиться къ Христу, когда увидятъ какое либо чудо, то пусть просятъ, какое чудо совершить имъ. Тогда Русскіе начали просить, чтобы Епископъ бросилъ въ огонь книгу Евангелія, которая, говоритъ о Христѣ, заявивъ Епископу, что если эта книга, какъ и три отроки, останется въ огнѣ невредимой, тогда они повѣрятъ, что Христось, о которомъ Епископъ проповѣдывалъ имъ, есть истинный Богъ, и тогда они обратятся къ нему. Послѣ этого Архіепископъ воздѣлъ руки и очи къ небу, началъ молить Бога о просимомъ чудѣ и произнесъ: «О Христе, Боже нашъ! Открой всесвятое имя Твое для очей этого народа!» и съ сими словами бросилъ книгу Евангелія въ разложен-

ный огонь. Черезъ нѣсколько часовъ, когда огонь совершенно погасъ, книга вынута была изъ пепла ни въ чемъ неповрежденной. Когда язычники увидали это, то исполнились ужаса отъ такого великаго чуда, безъ дальнѣйшаго размышленія приняли Христіанскую Вѣру и стали креститься. Событіе это упоминають также: Кедривъ (Cedrenus, pag. 589) и Зонара (Zonara tom. 3, pag. 139 et sequ.), а также и въ Concil. magnis, tom. 23, pag. 699.

Великій Князь Владиміръ при крещеніи принялъ имя Василия, изгнавъ совершенно идолослуженіе изъ своей земли, и всѣмъ своимъ подданнымъ приказалъ, чтобы они также принимали Христіанскую Вѣру. Но всѣ помилнутые сейчасъ писатели, которые старательно заимствуютъ одинъ у другого свои свѣдѣнія, какъ это ясно видно, когда читаемъ ихъ, вмѣстѣ съ Геснеромъ (Gesnero), Казавбономъ (Casaubono) и Фосомъ (Vossio), по моему мнѣнію, ошибаются въ имени Императора Василия, а по тому и во времени самаго событія. Они полагають, что событіе это случилось во время Василия Македонянина, и имъ, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ въ этомъ и Бароній (Baronius) въ своихъ Annal. Eccles., по тому что и онъ событіе это относитъ къ 863 году. По Русскимъ же лѣтописямъ, а также и по другимъ бытописателямъ, гораздо достовѣрнѣе, что оно случилось въ 988 г. по Р. Х., когда братья, Василий и Константины, были Императорами на Востоку, а Оттонъ III Императоромъ въ Западной Имперіи. Около этого времени Владиміръ, Князь Русскій, какъ пишетъ Кроммеръ, послѣ многихъ побѣдъ, взялъ и у этѣхъ двухъ братьевъ лежащій у Понта городъ, который Сабеликъ (Sabellicus) называетъ Херсонесомъ (Корсунь), и когда послѣ того Владиміръ вошелъ въ дружбу съ Василиемъ и Константиномъ, взялъ себѣ въ супруги сестру ихъ, Анну, и принялъ Христіанскую Вѣру, то снова уступилъ имъ и этотъ городъ. Подробнѣе объ этомъ можно читать у Кромера (Cromerus De ger. Polon. lib. 3, pag. 435). И хотя Гващини, въ описаніи Европейской Сармаціи, событіе это относитъ къ 924 году, но въ Epilogo operis значително, что случилось оно въ 985 году по Р. Х. Такимъ образомъ къ Русскому опредѣленію года этого событія подходитъ и наше число, съ которымъ согласенъ также и Альтстедъ (Altstedius), въ своемъ Лѣтоисчисленіи (Chronologia).

Императоръ Василій прислалъ изъ Константинополя къ Князю Владиміру, какъ зятю своему, множество Епископовъ и Священниковъ, которые должны были устанавитъ въ Россіи надлежащее Богослуженіе и церковные обряды; съ этого времени между Греками и Русскими обосновалось великое дружество: Русскіе стали считать Грековъ за людей, какъ бы болѣе святыхъ и набожныхъ, чѣмъ они, Русскіе, и ежегодно посылали имъ большія денежныя приношенія. Посевинъ пишетъ, что Русскіе въ прежнее время ежегодно посылали подаяніе Греческимъ церквамъ по 500 червонцевъ. Теперь такого подаянія уже не дѣлаютъ, но въ замѣнъ того ежегодно по два и по три раза пріѣзжаютъ въ Москву Греческіе монахи отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ, привозятъ съ собою обдѣланныя въ золото кости Святыхъ и всякаго рода ковчежцы съ мощами и живописные образа, за что получаютъ съ Русскихъ огромныя деньги, далеко превосходящія прежнюю милостыню ихъ, и за тѣмъ снова возвращаются въ свои земли.

Лѣтъ шесть тому назадъ, именно въ 1649 году, пріѣзжалъ въ Москву Іерусалимскій Патріархъ Паисій (Poissie), съ нѣсколькими Греками, и привезъ съ собою земли изъ гроба Господня (который, впрочемъ, высѣченъ былъ изъ камня) и святой воды изъ рѣки Іордана. Патріархъ этотъ принятъ былъ великолѣпно, содержался у Царя и Патріарха Московскаго самымъ роскошнымъ образомъ и получилъ приношенія болѣе, чѣмъ на 50,000 червонцевъ (какъ писали мнѣ объ этомъ люди достовѣрные). Но все это богатство, золото и деньги, соболя и шелковыя матеріи, которыя Патріархъ увозилъ съ собою въ отечество, отнято было у него на обратномъ пути изъ Россіи Турками, которые оставили ему однѣ священныя вещи, да книги, бывшія при немъ.

Во всѣхъ областяхъ Русскіе имѣютъ одну и ту же Вѣру и вездѣ одни и тѣже обряды, такъ что съ Русскими предѣлами оканчивается и ихъ Религія, за исключеніемъ не многихъ мѣстъ, заселенныхъ въ настоящее время у Нарвы, на Шведской границѣ. Большинство ихъ, особенно же простой народъ, не могутъ вести рѣчи, ни дать какого либо отвѣта, о самыхъ простыхъ началахъ ихъ Вѣры. По этому у Русскихъ и теперь то же, что нахо-

дали у нихъ Герберштейнъ и Посевинъ въ свое время, именно, что въ отношеніи Вѣры они полагаются на Вѣру своего Царя и Патріярха (подобно Авиньянцъ, которые заключали такъ: что кажется хорошимъ Царю ихъ, то и было ихъ религіей, и было для нихъ вполне достаточно); ибо Русскіе не наставляются и не поучаются ни какими проповѣдями. Патріярхъ не дозволяетъ также чтобы много толковали и спорили съ иностранцами о дѣлахъ Вѣры, чѣмъ и поддерживается вездѣ въ Россіи одинаковое на этѣ дѣла воззрѣніе.

Не за долго передъ нами, въ Нижнемъ Новгородѣ, одинъ Русскій монахъ повелъ было частую бесѣду о своей Вѣрѣ съ бывшимъ тамъ Евангелическимъ Священникомъ (который и рассказывалъ мнѣ это), и при этомъ сообщилъ ему много занимательнаго. Когда же Патріярхъ узналъ о такихъ бесѣдахъ, то приказалъ схватить монаха, привезти его въ Москву, гдѣ и началъ его допрашивать: на какомъ основаніи монахъ дозволилъ себѣ такія частыя совѣщанія и споры о Вѣрѣ съ Евангелическимъ Священникомъ? Но монахъ извернулся, далъ хитрый отвѣтъ и сказалъ Патріярху, что будто бы Нѣмецкій Пасторъ изъявилъ желаніе перейти въ Русскую Вѣру, и просилъ его, монаха, наставлять его въ этой Вѣрѣ; что Пасторъ будто бы находится уже на добромъ пути, и что онъ, монахъ, надѣется вскорѣ совершенно обратить Нѣмца въ свою Вѣру. Только послѣ такого объясненія монаху снова предоставлена была свобода.

Г Л А В А XXII.

О Русскомъ письмѣ, языкѣ ихъ и училищахъ.

Свои буквы и письмо Русскіе получили отъ Грековъ, вмѣстѣ съ Вѣрой, но частію исказили ихъ, частію же дополнили нѣкоторыми Славянскими буквами, и такимъ образомъ у нихъ составились слѣдующія буквы, которыя привожу здѣсь съ обозначеніемъ произношенія оныхъ. ¹

¹ См. подлнн. стр. 280. Начертаніе приведенныхъ буквъ Олеаріемъ вполне схоже

Приведенныя буквы и письмена Русскіе употребляютъ, какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ, книгахъ на своемъ языкѣ, который хотя и отличается отъ Славянскаго и Польскаго, но до такой степени схожъ и родственъ съ ними, что, зная одинъ какой ни будь изъ этѣхъ языковъ, легко можно понимать другой. Съ Греческимъ же языкомъ Русскій не имѣетъ ни чего общаго, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ весьма не многихъ словъ, которыя они употребляютъ въ церквахъ при Богослуженіи и въ названіи должностей, которыя они заимствовали у Грековъ. Такъ какъ Русскіе въ своихъ училищахъ обучаются только читать и писать исключительно на своемъ Русскомъ, а очень рѣдко развѣ на Славянскомъ языкѣ, какъ я не разъ упоминалъ уже объ этомъ, то никто изъ нихъ, ни духовныя лица, ни свѣтскія, ни высшаго, ни низшаго состоянія люди, ни слова не знаютъ ни по Гречески, ни по Латыни.

Впрочемъ, въ настоящее время, къ не малому удивленію, надо замѣтить, что, по распоряженіямъ Патріарха и Великаго Князя, Русское юношество начинаютъ обучать Греческому и Латинскому языкамъ. Для этого, близъ Патріаршаго двора, учреждена уже Латинская и Греческая школа, которой завѣдуетъ и управляетъ одинъ Грекъ, по имени Арсеній (Arsenius). Если бъ это начало имѣло такой счастливый успѣхъ, что Русскіе могли бы читать писанія Святыхъ Отцевъ и другихъ учителей Церкви на собственномъ языкѣ этѣхъ писателей, то можно было бы надѣяться, что, съ Божіей помощію, въ пониманіи Вѣры своей они пришли бы къ болѣе чистымъ воззрѣніямъ. Чтобы учиться, у Русскихъ въ добрыхъ головахъ недостатка нѣтъ. Между ними встрѣчаются тонкіе, способные люди, одаренные яснымъ умомъ и доброю памятью. Такъ, теперешній Государственный Канцлеръ (Думный

съ начертаніемъ буквъ въ нашихъ рукописяхъ того времени (XVII столѣтія), по названію ихъ онъ передаетъ вотъ какъ: Aas, Buki, Vedi, Glagol, Dobro, Jest, Schiwetsch, Sielo, Zemla, Ische, Ii, Kakoi, Ludi, Musleri, Naas, On, Pokoi, Ertzi, Slowo, Twerdo, Iik, Phert, Chir, Ot, Zi, Tzerf, Scha, Tscha, Jer, Jeri, Jet, Je, Hoju (ю), Jus, Aoe (а), Ksi, Psi, Phita, Ischitza. Замѣчательно, что буква ь пропущена имъ. Буквы численныя до 100, потомъ 1000 и 2000 (ѣѣ, ѣѣ), и наконецъ: Гѣсподи помилуй, Русскими буквами. О. Б.

Дьякъ), сидящій въ Посольскомъ Приказѣ, Алмазь Ивановичъ, еще въ юности своей былъ однажды въ Персіи и Турціи, и въ короткое время своего тамъ пребыванія до того изучилъ языки этѣхъ народовъ, что свободно можетъ объясняться съ Персіанами и Турками безъ переводчика. За свѣтлый свой умъ и точное исполненіе возлагаемыхъ на него порученій, Алмазь неоднократно употребляемъ былъ въ важныхъ Посольствахъ, и за тѣмъ возведенъ въ должность Думнаго Дьяка или Государственнаго Секретаря, или же, какъ Русскіе называютъ, въ званіе Государственнаго Канцлера.

Упоминаемый уже не разъ мною, тайный переводчикъ, свѣдущій во многихъ языкахъ, Іоаннъ Бекеръ фонъ Дельденъ, доставилъ Русскимъ возможность читать въ переводахъ нѣсколько книгъ, съ Латинскаго и Французскаго языковъ, точно также, какъ и прежде него сдѣлалъ это бывшій Посланникъ Римскаго Императора, Адамъ Дорнъ (Dorn), о которомъ также мы уже упоминали выше. Этотъ послѣдній издалъ по Русски краткую Космографію или описаніе свѣта, а Іоаннъ Дельденъ, кромѣ другихъ книгъ, перевелъ на Русскій языкъ Исторію Великаго Могола. Книжки этѣ начинаютъ уже иногда обращаться между любознательными, знатными Русскими, людьми.

Г Л А В А XXIII.

Объ обрядной сторонѣ Христіанства Русскихъ, о теперешнемъ Богослуженіи и въ особенности о крещеніи.

Обрядная сторона Христіанства и современное Богослуженіе Русскихъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что они, кромѣ совершенія Святаго Крещенія, читаютъ въ церквахъ своихъ Слово Божіе, служатъ обѣдни, молятся Богу и умершимъ Святымъ, почтительно стоятъ и преклоняются передъ иконами Святыхъ, совершаютъ крестные ходы, ходятъ на Богомолье въ мѣста погребенія ихъ Святыхъ, въ извѣстныя времена постятся, исповѣдаютъ

ся, приобщаются Святыхъ Таинъ и совершаютъ послѣднее елеосвященіе.

Что касается до крещенія, то Русскіе считаютъ его въ высшей степени необходимымъ дѣломъ для вступленія въ Христіанскую Церковь и для вѣчнаго блаженства; ибо они вѣрують и признають, что они зачаты и рождены во грѣхѣхъ, и что Христосъ противъ этого первороднаго (унаслѣдованнаго) грѣха установилъ крещеніе новаго рожденія и очищенія (понимаемое ими какъ тѣлесно, такъ и духовно). По этому, какъ только родилось дѣтя, Русскіе спѣшатъ крестить его. Если новорожденное дѣтя слабо, то его крестятъ на дому, хотя не въ той комнатѣ, гдѣ оно родилось; ибо комната эта считается совершенно нечистою. Когда же дѣтя здорово, то приглашенные крестные отецъ и мать, которыхъ должно быть только двое, несутъ его въ церковь, гдѣ Священникъ встрѣчаетъ ихъ еще за дверями церкви, крестить имъ чело перстами и благословляетъ ихъ словами: «Да сохранитъ Господь Богъ вхожденіе и исхожденіе твое отнынѣ и до вѣка!»

Восприемники подають Священнику восковыхъ 9 свѣчей, которыя онъ зажигаетъ крестообразно, приставляетъ къ кадцѣ (купѣли) съ водой, стоящей по средѣ церкви. За тѣмъ онъ кадитъ ладаномъ купѣль и восприемниковъ и благословляетъ (святитъ) воду съ разными обрядами. Потомъ восприемники, съ горящими свѣчами въ рукахъ, вмѣстѣ съ Священникомъ, читающими молитву по книгѣ, обходятъ трижды вокругъ купѣли, а Пономарь (Дьячекъ) предшествуетъ имъ, неся въ рукахъ написанный образъ Іоанна. Послѣ этого Священникъ спрашиваетъ восприемниковъ: какое имя должно быть дано поворожденному? Это дѣлается и у насъ при крещеніи. Въ отвѣтъ на это, имя дѣтяти, означенное на запискѣ, подается Священнику, который кладетъ записку на писаную икону, держитъ эту икону надъ грудью дѣтяти и произноситъ молитву. За тѣмъ Священникъ спрашиваетъ: «Вѣруеть ли дѣтя въ Бога Отца, Сына и Духа Святаго?» По утвердительномъ отвѣтѣ на это восприемниковъ, оба они, вмѣстѣ съ Священникомъ, оборачиваются и становятся къ купѣли спиною. Тогда Священникъ снова спрашиваетъ: «Отрицается ли дѣтя сатаны, всѣхъ его аггеловъ и дѣлъ; и желаетъ ли онъ во всю свою жизнь

пребывать въ чистой Христовой Вѣрѣ?» При отвѣтахъ на этѣ вопросы, воспріемники, виѣстѣ съ Священникомъ, каждый разъ должны плюнуть на землю. Послѣ этого всѣ снова обращаются лицомъ къ купѣли и совершается закланіе сатаны (Exorcismus): Священникъ, возложивъ руки на дѣтя, произноситъ: «Изыди ты, нечистый духъ, изъ этого дѣяти и дай мѣсто Духу Святому!» При чемъ Священникъ троекратно дуетъ крестообразно на дѣтя, и отъ этого дуновенія (какъ говорятъ Русскіе) дьяволъ исходитъ изъ дѣяти. Русскіе думаютъ, что до крещенія въ новорожденномъ ребенкѣ живетъ нечистый духъ.

Въ настоящее время, какъ увѣдомляли меня, закланіе и изгнаніе сатаны изъ крещаемого совершается уже передъ дверями церкви, для того, чтобы церковь не могла оскверниться нечистымъ духомъ. За тѣмъ Священникъ беретъ ножницы, срѣзываетъ ими нѣсколько волосъ съ головы дѣяти крестообразно, и волосы этѣ кладетъ въ книгу. Потомъ опять спрашиваетъ: «Хочетъ ли дѣтя креститься?» И при этомъ беретъ отъ воспріемниковъ нагое дѣтя въ обѣ руки, трижды погружаетъ его вполне въ воду, произнося: «Крещается (такой-то) во имя Бога Отца, Сына и Духа Святаго!»

Послѣ этого Священникъ кладетъ въ ротъ дѣяти нѣсколько соли, помазываетъ ему крестообразно чело, перси, руки и спину особо освященнымъ муромъ, надѣваетъ на него чистую бѣлую сорочку и говоритъ: «Теперь ты также чисто и бѣло измылся отъ грѣха первороднаго!» Вѣшаетъ на шею ребенка небольшой крестикъ серебряной, золотой, или мѣдный, смотря по состоянію и достаткамъ родителей, и крестикъ этотъ новорожденный долженъ носить потомъ на шеѣ во всю свою жизнь, какъ доказательство того, что онъ Христіанинъ, такъ что, если, на примѣръ, найдутъ кого на улицѣ мертвымъ, и на шеѣ у него не окажется креста этого, то такого не хоронятъ. Сдѣсь же Священникъ назначаетъ новорожденному Святаго, именемъ котораго названо дѣтя, и даетъ ему образъ этого Святаго. Образъ этотъ новокрещеный долженъ сохранять потомъ у себя во всю свою жизнь и чествовать его предпочтительно передъ другими иконами. Послѣ совершенія всѣхъ сихъ обрядовъ крещенія, Священ-

никъ ласкаетъ и цѣлуетъ дѣтя, равно какъ и воспріемниковъ, и увѣщаетъ отъѣхъ послѣднихъ быть для дѣтяти истинными родителями, и отнюдь не вступать другъ съ другомъ въ бракъ, что у Русскихъ строго воспрещается, какъ это замѣчено было мною уже и прежде сего.

Если въ одно время принесутъ крестить двухъ, или болѣе, хотя бы сотню, дѣтей, то для каждого въ купѣль наливается снова свѣжая вода; вода же, однажды для крещенія употребленная, такъ какъ въ ней омыта нечистота первороднаго грѣха, выливается въ особое мѣсто и ни кто не долженъ болѣе оскверниться ею. Ибо Русскіе думаютъ, что водою въ Крещеніи совершается не только духовное, но и тѣлесное, омовеніе отъ грѣховъ и нечистоты душевной. Точно также они ходятъ въ обычныя бани во время свадьбы послѣ совокупленія, послѣ почныхъ истеченій или послѣ того, какъ помочатся, омывочутъ себѣ, по примѣру Фарисеевъ, извѣстные члены; по этому многіе изъ нихъ полагаютъ, что этого наружнаго омовенія достаточно для очищенія себя отъ скверны грѣховной, которая прилѣпляется къ человѣку, какъ бы нѣчто вещественное.

Хотя воду для крещенія Русскіе никогда не подогрѣваютъ посредствомъ огня, но зимою они нѣсколько согрѣваютъ ее, ставя ее на нѣкоторое время въ теплое мѣстѣ.

Если крестятся взрослые люди (какъ, на примѣръ, переходящіе изъ другихъ въ Русскую Вѣру, или какъ нѣкогда крестились Халдеи), то тѣхъ ведутъ къ рѣкѣ, въ которой, въ зимнее время, прорубаютъ прорубь, и въ ней, со всѣми описанными выше обрядами, трижды погружаютъ въ воду крещаемого, окуная его въ ней всего съ головою. Я упомянулъ сейчасъ о Халдеяхъ: въ бытность нашу въ Москвѣ это были извѣстные безпутные люди, которое ежегодно получали отъ Патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе Халдеи подождли у одного крестьянина возъ

сѣна, и когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ Халдеевъ, долженъ заплатить имъ копѣйку (6 пфенинговъ). Халден этѣ одѣвались, какъ масляничные шуты, или шукари, на головахъ носили деревянные раскрашенныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потѣхи. Назывались этѣ люди Халдеями и представляли собою тѣхъ прислужниковъ, которые мѣшали огонь въ печи, приготовленной для сожженія 3-хъ отроковъ: Садраха, Месаха и Авденаго (Ананіи, Азаріи и Мисаила), при Царѣ Навуходоносорѣ. Можетъ быть, въ этой потѣхѣ старики хотѣли сохранить воспоминаніе о томъ чудѣ, которое совершено было при обращеніи ихъ въ Христіанство. Свой потѣшный огонь Халден дѣлали изъ порошка который добывали изъ одного наземнаго растенія или зелья, и порошокъ этотъ называется плауномъ (Plau). Такъ какъ огонь этотъ довольно забавенъ для глазъ и представляетъ удивительное зрѣлище, особенно пущенный ночью, или въ темномъ мѣстѣ, и имъ можно дѣлать бездну увеселительныхъ штукъ, то я скажу о немъ подробнѣе ниже, при описаніи Персидскаго потѣшнаго огня (фейерверка), видѣннаго нами въ Ардебилѣ.

Сказанные Халден, во все время ихъ потѣхъ и бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. По этому въ день Богоявленія (Крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными Церкви Христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они опять дѣлаются также чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ по этому креститься разъ 10, и даже болѣе. Но такъ какъ этѣ забавники причиняли уже черезъ чуръ большія неудовольствія, и даже вредъ, своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, и такъ какъ отъ потѣшнаго огня ихъ была также не малая опасность, то бывшій Магістръ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ.

Г Л А В А XXIV.

О крещеніи отступниковъ Христіанъ и другихъ взрослыхъ.

Иностранцы и вѣроотступники Христіане, равно какъ Татары и язычники, если хотятъ обратиться въ Русскую Вѣру и креститься, должны прежде пробыть шесть недѣль въ монастырѣ, и тамъ монахи наставляютъ ихъ въ это время въ Вѣрѣ, каковое наставленіе заключается главнымъ образомъ въ обученіи ихъ молиться, почитать Святыхъ, совершать поклоны и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ передъ ихъ образами. За тѣмъ собственно для крещенія ихъ ведутъ на рѣку, гдѣ они должны трижды отречься и отплываться отъ ихъ прежней Вѣры, какъ отъ ученія еретическаго и окаяннаго, и дать клятву въ томъ, что они никогда уже не обратятся опять къ этому ученію. Послѣ крещенія на крещаемыхъ надѣваютъ новыя Русскія одежды, даримыя имъ Великимъ Княземъ, или другими знатными Господами, ихъ воспріемниками и, смотря по состоянію и обстоятельствамъ, доставляется имъ извѣстное содержаніе.

Въ настоящее время въ Москвѣ находится множество такихъ перекрещенцевъ изъ другихъ Вѣръ; ибо не только большое число иноземныхъ воиновъ, оставшихся въ Россіи 22 года тому, по окончаніи бывшей тогда войны подъ Смоленскомъ, но и въ послѣдніе 5 лѣтъ, также многіе воины, большею частію, впрочемъ, изъ Французовъ, перекрестились въ Русскую, собственно для того, чтобы остаться тамъ на житье и имѣть возможность получать содержаніе отъ Великаго Князя, не смотря на то, что они не знаютъ Русскаго языка и не имѣютъ ни какого понятія о Вѣрѣ Русскихъ. Удивительнѣе всего то, что даже нѣкоторые знатные и разумные люди рѣшаются изъ презрѣнныхъ выгодъ принимать Русскую Вѣру. Такъ поступили, какъ извѣстно, на примѣръ: Французскій Баронъ Пьеръ де Ремонъ (Pierre de Remont) и Графъ Шлаковъ (Schlackoff), и въ недавнее еще время Антоній де Гронъ (Antoni de Gron), Полковникъ Александръ Лесли (Lesley) изъ Шотландіи, и другіе.

Помянутый сейчасъ мною Графъ Шлаковъ, въ 1640 году, явился въ Голштиніи и Даніи, трогательно заявилъ тамъ Его Свѣтлости, Князю Голштейнскому, и Его Величеству, Королю Датскому, Христіану IV, какъ онъ, будучи Графскаго происхожденія изъ роду Шликъ (Slick), за свое Евангелическое Исповѣданіе потерпѣлъ гоненіе отъ Католиковъ, и свои несчастія онъ изобразилъ до такой степени правдоподобно, что сказанные Государи, движимые состраданіемъ, оказали ему всевозможную милость, а Его Королевское Величество, кромѣ того, по убѣдительнѣйшей просьбѣ его, Шлика, препоручилъ его въ Москвѣ вниманію Его Царскаго Величества. Когда же онъ по такому Королевскому ходатайству былъ благосклонно принятъ въ Москвѣ, то сдѣсь онъ повелъ дѣло откровеннѣе, заявилъ, что онъ прибылъ въ Москву собственно для того, чтобы принять Русскую Вѣру и остаться навсегда у Его Царскаго Величества. Русскимъ такое заявленіе понравилось, особенно же по тому, что кромѣ того, что онъ такого знатнаго происхожденія (чему Русскіе придаютъ большое значеніе), онъ зналъ Латинскій и Польскій языки; они охотно приняли его, окрестили, возвели его въ Княжеское достоинство и назвали Княземъ Львомъ Александровичемъ Шликъ. Мѣсячное жалованье выдавалось чистыми деньгами по 200 рейхсталеровъ, и вообще онъ такъ держалъ себя, что нѣкоторые полагали, будто онъ имѣлъ виды на Великую Княжну, Ирину Михайловну; но такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что Княжна эта предполагалась въ замужество за одного иноземнаго Графа, ради чего и были отправлены уже два Посольства изъ Москвы въ Данію, то хотя Шлику это и очень было не понравилось, но наконецъ онъ помирился на томъ, что ему дали въ жены дочь одного знатнаго и богатаго Боярина. Когда же въ послѣдствіи Датскій Король узналъ, что этотъ Шликъ вовсе не такого знатнаго происхожденія и былъ не что иное, какъ ленивкъ Польскаго Графа Каспера фонъ Денгофъ, и что по этому онъ злоупотребилъ довѣренностью Его Величества, то этотъ послѣдній сообщилъ и Великому Князю истинныя свѣдѣнія о Шликѣ и извинялся при томъ, за свое ходатайство, такъ обманно у него выпрошенное. Хотя Его Царскому Величеству крѣпко было непріятно, что все это такъ случилось, но онъ не захотѣлъ уже лишать милости, разъ имъ данной, по чему оставилъ Шлику его Княжеское достоинство и мѣсячное жало-

ванье, которое этот и по сю пору получаетъ, и только выговорена была довольно рѣзко Шлику вся его продѣлка и доказано было ему, что онъ ложно выдавалъ себя за Графа фонъ Шликъ. Съ того времени Шликъ началъ писаться: «Князь Левъ Александровичъ Шлаковскій (Slackouzeski)», какъ подписывается и теперь, и числится въ Дворянахъ или Гофъ-Юнкеромъ Царскимъ.

Но Лесли долженъ былъ по необходимости креститься. Дѣло это было такъ: получивши, по окончаніи помянутой подѣ Смоленскомъ войны, отъ бывшаго Великаго Князя большія деньги, и уѣхавши съ ними изъ Москвы, Полковникъ Лесли, спустя нѣсколько времени, снова возымѣлъ намѣреніе служить и у теперешняго Великаго Князя. Въ слѣдствіе этого, не много лѣтъ тому назадъ, онъ опять пріѣхалъ въ Москву, съ большимъ Шведскимъ Посольствомъ (главою котораго былъ Государственный Совѣтникъ и Баронъ Эрихъ Гюльденстерна) и предложилъ Русскимъ свои услуги (свою службу). И такъ какъ Русскіе не замыслили въ то время ни какой войны, и безъ надобности неохотно соглашались на вознагражденіе деньгами, то онъ предложилъ, что, вмѣсто чистыхъ денегъ, удовольствуется помѣстьемъ и крестьянами, на что Русскіе согласились, и Лесли дано было прекрасное имѣнье на рѣкѣ Волгѣ, съ принадлежащими къ нему крестьянами. Уладивъ такъ дѣла свои, Полковникъ перевелъ свою жену и дѣтей въ Россію и началъ владѣть даннымъ ему имѣніемъ. Сдѣлавшись владѣтельницей, Госпожа Полковница, какъ смышленная и точная домоправительница, захотѣла было наложить на подвластныхъ ей Русскихъ крестьянокъ работы больше, чѣмъ та, къ которой онѣ уже привыкли, противъ чего этѣ послѣднія возстали, начали возражать и объявили, что онѣ далѣе не могутъ служить Полковницѣ Лесли. Причинами такого неудовольствія онѣ выставляли, что Полковница, въ противность Русской Вѣрѣ, заставляла ихъ ѣсть въ постные дни мясо, отвлекала ихъ тяжелыми работами отъ церкви, не давала имъ въ своихъ дворахъ оставаться даже на столько времени, чтобы онѣ могли успѣть по урамъ положить надлежащее число поклоновъ (Roclopen) передъ Богомъ и иконами ихъ. Кромѣ того она обижала народъ побоями, а что всего ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону ихъ, бросила ее въ топившуюся печку и сожгла. Это было вели-

кимъ дѣломъ и тяжкимъ обвиненіемъ въ глазахъ Русскихъ. Полковника съ женою и дѣтьми, и со всѣми дворовыми людьми его, по такому обвиненію, вытребовали въ Москву, начали допрашивать обвинителей и обвиненныхъ, другъ противъ друга. Въ показаніяхъ своихъ Полковница хотя и не очень отрицала то, что она строго содержала крестьянскихъ бабъ за работой, но о всѣхъ другихъ обвиненныхъ не хотѣла ни чего знать, говоря, что бабы тѣ, изъ ненависти будто бы и по злобѣ за наложенныя на нихъ работы, взводятъ на нее такую клевету. Нѣкоторые иноземные слуги Лесли, давшіе къ оправданію своей Госпожи благопріятныя показанія, засажены были въ темницу и имъ угрожали пыткой. Крестьянскія же бабы сами запрашивались на пытку. Остальные бывшіе еще на свободѣ, съ горя передрались другъ съ другомъ и, проливши много крови съ той и другой стороны, не хотѣли жаловаться ни на кого. Наконецъ въ дѣло это вступился Патріархъ: онъ убѣдительно представилъ Его Царскому Величеству необходимость отобрать у иноземцевъ всѣ имѣнія и на будущее время ни кому изъ нихъ таковыхъ не давать, на тотъ конецъ, чтобы невѣрные и некрещеные Нѣмцы не могли впередъ обращаться такъ съ Православными Христіянами въ ихъ собственномъ Отечествѣ, и чтобы ихъ Православное Богослуженіе ограждено было отъ поруганія. Бояре, которые давно уже потиргали свои жадныя руки на устроенныя хорошо имѣнія Нѣмцевъ, съ своей стороны прилежно подкладывали дровъ въ заженный Патріархомъ огонь: они ежедневно докладывали Его Царскому Величеству отъ себя, чтобы покорнѣйшее ходатайство Патріарха было имъ принято въ уваженіе. Въ слѣдствіе всего этого было порѣшено: отобрать у Лесли имѣніе и съ крестьянами, на томъ основанія, что онъ не Русской Вѣры; ибо на будущее время только Русскіе будутъ имѣть право владѣть подобными имѣніями. Не знавъ, какъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ и чѣмъ содержать жену свою и дѣтей, лишившись такого имѣнія, Лесли рѣшился и объявилъ, что если бъ только онъ могъ удержать на будущее время имѣніе съ крестьянами за собой, то онъ готовъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, перейти въ Русскую Вѣру и окреститься. Заявленіе это благосклонно принято было Патріархомъ и при Дворѣ, и Лесли дано было обѣщаніе, согласно съ его желаніями.

Въ слѣдствіи сего онъ помѣщенъ былъ, вмѣстѣ со всѣми своими, въ одномъ монастырѣ, высидѣлъ тамъ шесть недѣль, а въ это время получилъ тамъ наставленіи въ основныхъ началахъ Русской Вѣры, главнымъ же образомъ ознакомился только съ обрядами Русской Церкви, а за тѣмъ его погрузили въ водѣ и такимъ образомъ окрестили (съ семьею). Новокрещеннымъ даны были новыя имена и подарены богатая Русскія одежды тестемъ Великаго Князя, Бояриномъ Ильею Даниловичемъ, и Боярыней его, которые были крестными отцомъ и матерью при крещеніи. Послѣ этого Полковникъ долженъ былъ снова обвиняться съ своей женою, и свадьбу эту тотъ же Бояринъ Илья устроилъ ему на своемъ дворѣ. Его Царское Величество подарилъ новымъ Русскимъ, за приращеніе своей Вѣры, 3000 рублей, что составляетъ 6000 рейхсталеровъ.

Крестьяне же и крестьянки имѣнія, бывшаго у Лесли, какъ только провѣдали, что Лесли съ семьею въ монастырѣ, и что они опять должны будутъ пойти подъ старое ихъ нго, подали просьбу, чтобы ихъ пощадили отъ власти Лесли, и что они охотно и покорно будутъ служить всякому другому владѣльцу, какого только угодно будетъ Его Царскому Величеству назначить имъ. Къ этому времени случилось еще, что одному новоперекрещеннику, Французу Антонию де Гронъ, также обѣщано было дать имѣніе, и онъ-то сталъ просить, чтобы ему дали имѣніе Лесли, такъ какъ онъ слышалъ, что крестьяне того имѣнія просили о дачѣ имъ другого владѣльца; самыхъ крестьянъ этѣхъ онъ также подговорилъ, чтобы они просили Его Царское Величество дать имъ его, Грона, Господиномъ. Въ слѣдствіи всего этого Де Гронъ получилъ сказанное имѣніе, которымъ и владѣетъ онъ по настоящее время. Лесли же уговорили развязаться съ крестьянами, которые подъ конецъ могли свернуть шею ему и всему семейству его. По этому, въ мирное время, онъ получаетъ отъ Его Царскаго Величества жалованье по 90 рейхсталеровъ въ мѣсяць, на равнѣ съ другими Полковниками. Сыну его тоже дается Полковничье содержаніе, хотя и не столь высокое, какъ отцовское.

Въ противоположность этѣмъ примѣрамъ непостоянства въ Вѣрѣ мужчинъ, я расскажу слѣсь замѣчательный примѣръ неколебимой твердости одной слабой женщины.

Около 32-хъ лѣтъ тому назадъ прибылъ въ Россію поименованный выше Французскій Баронъ Пьеръ де Ремонъ (Piette de Remont), поселился въ Москвѣ и женился тамъ на одной 15-ти-лѣтней дѣвицѣ (родной дочери одного Англійскаго Дворянина, давно уже проживавшаго въ Москвѣ), которая тогда считалась первою красавицею изъ всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ иностранокъ. Баронъ этотъ, чтобы пріобрѣсть милость Великаго Князя и доброе расположеніе его знатныхъ Бояръ, принялъ Христіанскую Вѣру, окрестился и названъ былъ Иваномъ. Русскіе, равно какъ и самъ Баронъ, охотно желали, и всячески домогались, чтобы и жена его, остававшаяся Кальвинисткой, также добровольно перекрестилась въ Русскую Вѣру. Когда же она воспротивилась этому ихъ желанію, то Патріархъ, сначала добрыми желаніями и богатыми обѣщаніями, пытался склонить ее, и за тѣмъ, когда она не пошла на нихъ, сталъ уже представлять ей и жесткія угрозы; въ слѣдствіе сего она подала челобитную, съ покорнѣйшею просьбою, что пусть лучше лишатъ ее жизни, чѣмъ Вѣры ея. Но она могла желать себѣ жить и умереть, а поступили съ ней такъ, какъ хотѣли. Дѣтей ея, прижитыхъ ею съ Барономъ, отняли у нея силою и окрестили въ Русскую Вѣру. Отецъ ея, который то же подалъ было челобитную, прося за дочь свою, былъ вытолкнутъ Патріархомъ ногою, а дочь окрещена насильно; ибо Патріархъ приказалъ, что если она еще сама не разумѣетъ чего, то съ нею слѣдуетъ поступить, какъ съ ребенкомъ, и совершить надъ ней крещеніе, хотя она и не желаетъ этого. Во время крещенія молодая Баронеса тоже оказала сильное сопротивленіе. Когда привели ее къ рѣкѣ, насильно сняли съ нея одежду и, по наставленію монахинь, которыя крестили ее, она должна была плюнуть, по обычаю, на свою Вѣру, то она, вмѣсто того, плюнула въ лицо одной монахини, которая приказывала ей сдѣлать это, а въ то время, когда погружали ее въ воду, она втащила туда съ собою и одну изъ монахинь, говоря при томъ: «Хотя вы и можете окрестить мое тѣло, но душа отъ того ни чего не восприметъ.» Послѣ такого насильственнаго крещенія, или купанья, она послана была въ городъ Вятку (Siwatka) съ мужемъ своимъ, который назначенъ былъ Воеводою въ этомъ городѣ. Когда же, спустя нѣсколько времени, по обычаю Русскихъ мѣнять мѣста Воеводъ, Баронъ снова потребованъ былъ въ Москву,

гдѣ вскорѣ за тѣмъ умеръ, то вдова сняла было съ себя Русскую одежду и хотѣла опять пользоваться свободою въ своей Вѣрѣ и ходить въ свою церковь, но такое намѣреніе дорого обошлось ей: у нея отняли двухъ сыновей ея и передали ихъ на воспитаніе одному Русскому Вельможѣ; самое же ее, вмѣстѣ съ маленькою дочерью, отправили и заточили въ монастырь, въ двѣсколькихъ мильяхъ отъ Москвы, называемый Бѣловерскимъ (Belossera), въ которомъ она, имѣя отъ роду только 21 годъ, должна была безутѣшно прожить цѣлыя пять лѣтъ, будто въ ссылкѣ, между старыми инокинями. Ибо она не только была лишена присутствія и общества своихъ сыновей, отца и другихъ ея друзей, но во все это время ни разу не смѣла открыто сообщить ни кому изъ своихъ о своей жизни и положеніи, равно и отъ нихъ сама не могла имѣть ни какихъ извѣстій. Не смотря на то, она все таки не хотѣла поклоняться и молиться передъ Русскими образами, и скорѣе она стала было склонять окружавшихъ ее монахинь къ своему образу мыслей, нежели монахини тѣ склонили ее на свой.

Въ этомъ продолжительномъ заточеніи ея, счастіе поблагопріятствовало ей однажды въ томъ, что она тайно, посредствомъ особой уловки, могла наконецъ получить извѣстіе о своихъ. Такъ, однажды присланъ былъ изъ Москвы въ монастырь кровельщикъ Нѣмецъ, для покрытія того монастыря, и Баронеса весьма желала переговорить съ своимъ о своихъ, но ей мѣшали въ томъ монахини, которыя всюду и всегда сопровождали ее. Но кровельщикъ, для того, чтобы переговорить съ Баронесой, незамѣтно для Русскихъ, часто покрикивалъ по Нѣмецки на своего мальчика работника, иногда грозно поглядывалъ на него при этомъ, въ дѣйствительности же разговаривалъ въ это время съ Баронесой и передавалъ ей то, что было ему поручено, а также увѣдомлялъ ее потомъ, гдѣ именно должна она найти письмо, въ его отсутствіи. Между тѣмъ монахини, слыша такія покрикиванія кровельщика, ни чего другого въ томъ не предпологали, какъ только то, что мастеръ бранилъ, должно быть, своего малаго, или приказывалъ ему что ни будь по работѣ.

Такимъ-то способомъ добрая женщина получила вѣсть о своихъ, и сама дала мастеру отвѣтъ, дѣлая видъ, будто она проситъ его за мальчика.

Напоионецъ, когда умеръ Патріархъ Филаретъ Никитичъ, по ходатайству и послѣ великихъ стараній близкихъ Баронесы, она освобождена была изъ монастыря, и ей дозволено было жить въ Москвѣ, только прислугу имѣть при себѣ не иначе, какъ изъ Русскихъ, при чемъ разрѣшено было и выходить ей, куда пожелаетъ (за исключеніемъ Нѣмецкой церкви), и ее могъ посѣщать всякій, когда хотѣлъ. Я также два раза посѣтилъ ее, вмѣстѣ съ ея зятями, Гг. Петромъ Марцелисомъ (Marcellis) и Фенцелемъ (Fentzelu), (которые были женаты на сестрахъ Баронесы), и я съ удивленіемъ слушалъ, съ какимъ терпѣніемъ переносила она свое бѣдствіе и могла еще находить утѣшеніе въ этомъ бѣдствіи. Такимъ образомъ эта Г-жа Анна до конца своей жизни пребыла твердою въ своей Вѣрѣ, и, какъ я слышалъ недавно, умерла уже два года тому назадъ. Замѣчательно, что дѣдъ ея, умершій въ Англіи 5-ю годами прежде нея, на 126 году своей жизни, когда на томъ году своемъ овдовѣлъ, то вступилъ въ новый бракъ.

Вообще же, впрочемъ, не слышно, чтобы Русскіе насильно кого обращали въ свою Вѣру и, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные, или рабы; но если кто хочетъ имѣть супруга, или супругу, изъ ихъ Вѣры, то таковымъ свободы совѣсти, по отношенію къ ихъ Вѣрѣ, не предоставляется. Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ Вѣру, они охотно принимаютъ, и даже доставляютъ ему содержаніе на все время его жизни. Подобные перекрещенцы изъ другихъ Исповѣданій обыкновенно бываютъ гораздо злѣе по отношенію къ прежнимъ своимъ единовѣрцамъ, и даже по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ гораздо нетерпимѣе, чѣмъ сами Русскіе, чему можно было бы привести нѣсколько примѣровъ.

Если кто изъ Русскихъ за границей перейдетъ въ какую либо иную Вѣру, и потомъ возвратится въ Отечество, и захочетъ снова обратиться въ Русскую Вѣру, тотъ долженъ снова креститься. Такое новое окрещеніе Христіанъ, переходящихъ къ Русскимъ изъ другихъ Исповѣданій; Русскіе, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ Грековъ, которые, по отдѣленіи ихъ отъ Латинской Церкви, Латинское крещеніе считаютъ недостаточнымъ, и по тому желающимъ изъ Западной Церкви перейти къ нимъ и содѣлаться

членами Греческой Церкви, крестятъ вторично. Такіе перекрещенцы изъ Латинянъ, и вообще всѣ тѣ, которые слѣдуютъ въ этомъ дѣлѣ Грекамъ, въ 1215 году, опредѣленіемъ Папы Иннокентія III (in Concilio Lateranensi decreto 4) отлучаются отъ Церкви, о чемъ можно читать in Conciliis Magnis tom. 18, pag. 165.

Г Л А В А XXV.

О Русскихъ праздникахъ, торжественныхъ дняхъ, и какъ Русскіе слушаютъ слово Божес, о церквахъ Русскихъ.

Русскіе имѣютъ свои извѣстные, торжественные и праздничные, дни, въ которые они отправляютъ свои моленья въ церквахъ, и къ этѣмъ праздникамъ они прибавляютъ еще изъ каждой недѣли: Воскресенье, Середу и Пятницу; послѣдніе два дня у нихъ посты. Праздники этѣ въ настоящее время соблюдаются ими болѣе, чѣмъ прежде. Прежде они думали, что если они только рано утромъ были въ церкви, то остальное время дня снова могутъ приняться за свои обыкновенныя работы. При томъ же, празднованіе вообще свойственно только Господамъ, а не слугамъ и рабамъ, каковыми были Русскіе (какъ справедливо замѣчаетъ это Геберштейнъ, на 30-й страницѣ). По этому, еще въ бытность нашу въ Москвѣ, можно было видѣть, что по Воскресеньямъ, также какъ и въ будни, Русскіе сидятъ бывало въ своихъ мелочныхъ лавкахъ и мастерскихъ, и торгуютъ и работаютъ въ нихъ. Въ настоящее же время Патріархъ установилъ, чтобы не только по праздникамъ и Воскресеньямъ, но и по Середамъ и Пятницамъ, ни лавочки, ни мастерскія не открывались, а также въ этѣ дни должны быть закрыты кабаки и кружечные дворы, и чтобы въ нихъ ни чего не продавалось, особенно въ то время, когда въ церкви идетъ еще служба.

Большихъ праздниковъ, которые Русскіе ежегодно отправляютъ съ великимъ торжествомъ, считается 13 слѣдующихъ. Такъ какъ свой Новый Годъ начинаютъ они осенью, съ 1-го Сентября, какъ сказано уже было выше, то 1-й большой праздникъ ихъ

выпадаетъ на 8-е Сентября, который и называется у нихъ Праздникомъ Рождества Пречистой Богородицы (Prasnik Rosostua priziste bogorodice).

2-й, 14-го Сентября: Воадвиженіе Честнаго Креста (Uzemirna Wosduisenja cresta).

3-й, 21-го Ноября: Введеніе во храмъ Пречистой Богородицы (Vedenja Priciste Bogorodice).

4-й, 25-го Декабря: Рождество Христово (Rosostua Cristova).

5-й, 6-го Генваря: Богоявленіе или Крещеніе, или день 3-хъ Святыхъ Царей (Војејавленja, Greschenia).

6-й, 2-го Февраля: Срѣтеніе Господне (Stretenja Gospoda boga).

7-й, 25-го Марта: Благовѣщеніе Пречистой Богородицы (Blagavesenia priceste bogorodice).

8-й, Вербное Воскресеніе (Werbna Wosgreschenja), въ которое совершается большой крестный ходъ и празднуется въѣздъ Іисуса Христа во Іерусалимъ.

9-й, Великій День, или Воскресеніе Христово (Welikoj, Wosgreschenja Cristova).

10-й, Вознесеніе Христово (Wosnescenja Cristova).

11-й, Сошествіе Св. Духа, или Пятидесятница (Schestvie svetaga ducha).

12-й, 6 го Августа: Преображеніе Господне (Preobrosienja gospoda Christova).

13-й, 15-го Августа: Успеніе Пречистой Богородицы (Uspenja priziste Bogorodice).

Кромѣ того, почти нѣтъ дня, въ который бы не выпадалъ праздникъ того, или другого, Святого, а иногда въ одинъ день совпадаетъ по 2 и по 3 такихъ праздника, и праздники этѣ міряне могутъ праздновать, или нѣтъ, какъ кто хочетъ; Духовныя же лица обязаны святить этѣ дни чтеніемъ, пѣніемъ и служеніемъ обѣдни. У Русскихъ (у духовенства) есть постоянный Мѣ-

сяцесловъ (*Calendarium perpetuum*) по старому счисленію, которыя оны хорошо изучили и по которому тотчасъ могутъ отыскать всѣ подвижные и неподвижные праздники.

По большимъ праздникамъ и по Воскресеньямъ Русскіе ходятъ въ церковь три раза: въ 1-й разъ передъ восходомъ солнца, и служба эта въ церкви называется у нихъ Заутренней (*Safftegin*); во 2-й разъ къ полдню, называется Обѣдной (*Obeedni*); и въ 3-й разъ вечеромъ, Вечерней (*Wedscherni*). Во время этихъ службъ Попъ или Священникъ читаетъ нѣкоторыя главы изъ Библіи, въ особенности нѣсколько Псалмовъ Давида, Евангеліе, иногда проповѣдь (*Homilia*) изъ Іоанна Златоуста, также Символь Вѣры и нѣкоторыя другія молитвы, по временамъ поетъ во весь голосъ, напѣвомъ, похожимъ на употребляемый у насъ во время пѣнія *Antiphonen* и *Responsorien* (т. е., когда одинъ начинаетъ пѣніе, а другіе продолжаютъ). Въ промежутки между чтеніемъ и пѣніемъ Священникъ часто произноситъ: «Господи, помилуй!» и тогда весь предстоящій народъ повторяетъ эти слова, трижды осѣняя и благословляя себя крестнымъ знаменіемъ.

Послѣ чтенія и пѣнія Попъ уходитъ въ алтарь съ своимъ Діакономъ (*Sapellan*), котораго каждый Священникъ долженъ имѣть при себѣ во всѣхъ духовныхъ священнодѣйствіяхъ, и служить обѣдню, по литургіи древняго учителя церкви, Василия Великаго (*Basilii M.*). Онъ наливаетъ въ чашу красное вино съ водою, крошитъ туда кислый хлѣбъ (*geseuget*), благословляетъ все это и при томъ съ четверть часа читаетъ. За тѣмъ ложечкой беретъ изъ чаши и принимаетъ только одинъ (съ Діакономъ), если нѣтъ ни кого изъ желающихъ причаститься; если же въ это время въ церкви есть больное дѣтя, которое желаютъ причастить, то причастіе даютъ и этому дѣтяти.

Если Священникъ въ день совершенія обѣдни имѣлъ съ женою своею совокупленіе, то онъ не долженъ служить обѣдни, а обязанъ поручить отправленіе ея другому Священнику.

Въ продолженіи обѣдни стоящій въ церкви народъ молится съ поклонами передъ образами и часто повторяетъ: «Господи, по-

милуші! Свѣщенники, какъ сказано уже, не читаютъ ни какихъ проповѣдей, и не дѣлаютъ ни какихъ толкованій Библейскихъ текстовъ, но ограничиваются только чтеніемъ самихъ текстовъ, или проповѣдями помянутаго сейчасъ учителя Церкви, полагая, что Духъ Святый, при началѣ Церкви, дѣйствовалъ же посредствомъ слова Божія, безъ дальнѣйшихъ толкованій, по этому онъ можетъ дѣйствовать также и теперь. Къ тому же, въ слѣдствіе излишнихъ толкованій, образовываются будто бы различныя мнѣнія, которыя влекутъ только къ заблужденіямъ и ереси. Года два тому назадъ одинъ Муромскій Протопопъ (Mogunski Protopor), по имени Логинъ (Login), вздумалъ было проповѣдывать, и началъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими подчиненными ему Попами въ Муромѣ (Mogun) и въ другихъ городахъ, открыто читать проповѣди, поучать народъ слову Божию, увѣщевать его и даже наказывать, по чему такихъ Свѣщенниковъ-проповѣдниковъ и называли Казанча (Kasanscha); проповѣдники этѣ имѣли постоянно большое число слушателей. Когда же это сдѣлалось извѣстно Патріарху, то онъ тотчасъ же прекратилъ проповѣди, самихъ проповѣдниковъ отрѣшилъ отъ должностей, съ особою обрядностію проклялъ ихъ и подъ опалою сослалъ въ Сибирь.

Но пока у Русскихъ не будетъ проповѣдей и толкованій о дѣлахъ Вѣры, и въ особенности, пока у нихъ не будетъ надлежащихъ проповѣдниковъ, «*qua fere unica via inferendae Evangelii luci uti solita est divina sapientia,*» какъ говоритъ Посевинъ, то и я, согласно съ нимъ, думаю, что Русскимъ трудно обратиться на истинный путь и улучшить нравственно ихъ образъ жизни; ибо никто заблуждающимся не указываетъ прямой дороги и не дѣйствуетъ на совѣты множества людей, ходящихъ въ грубошъ грѣхъ, никто не увѣщеваетъ ихъ и не наказываетъ, за исключеніемъ одного палача, который, когда преступное дѣло уже совершено, полагаетъ временное наказаніе на сницѣ преступника.

У Русскихъ есть одна книга, содержащая въ себѣ пространное описаніе и толкованіе нѣкоторыхъ Евангельскихъ исторій, которыя искажены прибавленіями, баснями и весьма опасною ложью, и которыя они приводятъ, желая покрыть ими свои грѣхи. Упомяну здѣсь объ одной такой исторіи. Датскій Дворянинъ

1
ъ
ъ
и-
ма
ж-
на
она
зръ,
земъ
сдѣ-

...и даже внесена въ списокъ Святыхъ кра-
...и. Этотъ разсказъ въ высшей степени возмути-
и отвратителенъ по отношенію къ святой волѣ Господа,
и самая исторія о раскаявшейся грѣшницѣ загрязнена и иска-
жена грубою ложью.

Видѣвъ съ этѣмъ я вспомнилъ то, что пишетъ о себѣ Ферди-
нандъ Капонъ (Capon), происходившій изъ Флорентійскихъ Дво-
рянъ, именно: какъ онъ, бывши монахомъ, употребилъ также во зло
исторію Маріи Магдалины, для покрытія своего постыднаго дѣ-
ла, если только можно вѣрить словамъ его. Въ 7-й главѣ сочи-
ненія своего о своей монашеской жизни, которое написалъ
онъ на Тосканскомъ языкѣ (а въ Лейпцигѣ переведено на Верхне-
Нѣмецкій), говоритъ онъ: когда я въ одинъ постъ проповѣдывалъ
въ Мессанѣ (Messana) и влюбился тамъ въ одну замужнюю даму,
называвшуюся Г-жа Магдалина, которой тогда же и признался
въ моей къ ней страсти, то она сказала мнѣ: «Я не люблю мо-
наховъ, такъ какъ они черезъ чуръ уже гадки.» Когда же я день
и ночь только и думалъ, какъ бы расположить ее къ себѣ такъ,
чтобы она отвѣчала мнѣ на мои желанія, то придумалъ наконецъ

рѣдкую шродѣлку: я прилежно обратилъ вниманіе на одежду, которую она обыкновенно надѣвала по праздникамъ и которая была краснаго цвѣта. На слѣдующее Воскресенье, когда именно она должна была прійти въ церковь послушать проповѣди о Христѣ, я распорядился такъ, что выбралъ для проповѣди исторію о Маріи Магдалинѣ, такъ какъ исторія эта, какъ нельзя болѣе согласовалась съ предпринятымъ мною намѣреніемъ. Такимъ образомъ, когда въ проповѣди моей я описывалъ одежду и красоту Маріи Магдалины, то я точь въ точь обрисовалъ одежду и красоту этой другой Маріи Магдалины, и чтобы она имѣла уже уразумѣла, что дѣлая это описаніе, я именно говорю о ней, я постоянно и пристально глядѣлъ прямо на нее и говорилъ такъ: «Прекрасная Магдалина ходила въ храмъ, одѣтая въ пурпуръ, и когда смотрѣть на нее издали, то всякій видѣлъ, что эта прелестная утренняя заря была не что иное, какъ предвѣстница повсюду прекраснаго солнца. Когда же она подходила ближе, то не было ни одинаво челоуѣка, который бы, взирая на звѣзды глазъ ея, точно не омутилъ въ душѣ своей вліянія страстной любви; который бы, видя розы, ея манитъ, не почувствовалъ въ груди своей произрастающія сладкія шиповы, не было глаза, который бы не былъ ослѣпляемъ свѣгомъ бѣлой груди ея. На лѣвомъ ухѣ своемъ она носила серебряную ланію, которая, играя въ золотистыхъ волосахъ ея, придавала красотѣ ея особнную прелесть. На шеѣ ея, подобной близною слоновой кости, висѣлъ драгоценный пиропъ (Pyropus), который, казалось, совершенно покраснѣлъ отъ гнѣва; ибо видѣлъ, что слава его помрачена живымъ кораломъ устъ ея.»

Когда я сказалъ все это, то увидѣлъ, что моя Госпожа Магдалина начала любезно улыбаться, и въ то же время щеки ея покрылись пурпуромъ; въ этихъ пурпурныхъ признакахъ я могъ какъ нельзя лучше читать, что она уразумѣла смыслъ моей рѣчи.

Какія рѣчи далѣе велъ Капонъ съ своею Госпожею, въ ея уже домѣ, до насъ не касаются, и по тому о немъ сдѣсь распространяться болѣе не будемъ. Этотъ Капонъ былъ прелезельный Господинъ, и всего только шесть лѣтъ тому назадъ умеръ у насъ, въ Шлезвигѣ. Разсказъ о немъ я привелъ къ тому, чтобы показать, какъ люди изобрѣтательны (особенно же Русскіе, такъ же

честиво обращающіеся съ словомъ Божиимъ), въ искаженіи Библейскихъ исторій, и какъ они злоупотребляютъ этими исторіями, для прикрытія грѣховъ своихъ; подобныя примѣры приведемъ мы: вѣде ниже, при обзорѣни Персидской Религіи.

Г Л А В А XXVI.

О крестномъ знаменіи Русскихъ, объ осѣненіи себя симъ знаменіемъ, объ образахъ Святыхъ, предъ которыми Русскіе кладутъ поклоны.

При томъ, какъ Русскіе слушаютъ чтеніе нѣкоторыхъ главъ изъ Библіи, они стоятъ передъ образами съ непокрытыми глазами (ибо ни кто, ни даже самъ Великій Князь, не впускается въ церковь съ покрытой головой, кромѣ Священниковъ, которые бывають тамъ въ скуфьяхъ на головѣ или шапочкахъ, которыми они посвящаются), кладутъ поклоны и осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, точно такимъ образомъ, какъ описываетъ Герберштейнъ. Они употребляютъ для этого сложенными три главныхъ перста правой руки, которыми прикасаются прежде къ челу, потомъ къ персямъ, и за тѣмъ къ правому и лѣвому плечу, всякій разъ промвося при томъ: «Господи, помилуй!»

Петръ Миклафъ, бывшій недавно Русскимъ Посломъ въ Голштиніи, сдѣлалъ мнѣ объясненіе этого крестнаго знаменія, и того, что мыслящіе люди приводятъ себѣ на память при осѣненіи себя этимъ знаменіемъ. Именно: три перста означаютъ Вознесенію Христа, который приготавлиаетъ намъ мѣсто на небѣ. Прикасание перстами къ персямъ указываетъ сердце, которымъ приеѣмлетъ слово Божіе; прикасаніе къ правому и лѣвому плечу означаетъ свойства Страшнаго Суда, когда блаженные стануть по правую, а злые по лѣвую, сторону, и первые возведутся въ вѣчную жизнь, послѣдніе же будутъ низвергнуты въ адъ.

Такъ крестятся и благословляютъ себя крестомъ Русскіе при начинаніи ими всякаго дѣла, какъ мірскаго въ домахъ, такъ и духовнаго, и безъ креста этого они не стануть ни пить, ни ѣсть, и не приступать ни къ какой работѣ.

Что касается до почитанія образовъ, то не находятъ, чтобы оно было въ употребленіи въ церквахъ въ первые три вѣка, до времени Императора Константина Великаго, и хотя въ нихъ могли быть живописныя и рѣзные священныя изображенія и притчи изъ Библейскихъ событій, какъ это видно изъ Тертуліана, но изображенія эти не почитались вмѣсто Святыхъ, и не обоготворялись такъ, какъ онѣ обоготворяются Русскими. Русскіе говорятъ, что слѣдуютъ въ этомъ ученію Дамаскина, но я полагаю, что онъ и это заимствовалъ также изъ Греческой Церкви; ибо также не терпятъ рѣзныхъ образовъ, говоря, что Богъ воспретилъ дѣлать рѣзные, а не писанныя, иконы и поклоняться имъ. По этому достойно удивленія, что Русскіе такъ высоко чтятъ рѣзной образъ Николая Чудотворца въ Москвѣ, можетъ быть, потому, что онъ принадлежитъ не къ древнимъ, а къ новымъ, Святыхъ ихъ. Вообще же у Русскихъ въ употребленіи живописные образа, которые пишутся безъ особаго искусства и украшеній, темно-маслянными красками на доскѣ, длиною большею частью въ четверть, или полъ, аршина, а шириною нѣсколько уже.

Русскіе не уважаютъ и не почитаютъ образовъ, писанныхъ не Русскимъ, или не Грекомъ, и къмъ либо изъ другихъ народовъ; хотя бы иконы эти были сдѣланы изящно и искусно; какъ будто отъ Вѣры живописца могло что либо пристать къ писанной имъ иконѣ!

Въ Москвѣ есть особенный торгъ и лавки, въ которыхъ Русскіе продаютъ такіе образа, или мѣняютъ ихъ на деньги и серебро, такъ какъ неблаговидно говорить, чтобы боговъ ихъ можно было покупать.

Русскіе также не оставляютъ своихъ образовъ ни кому; не принадлежащему къ ихъ Вѣрѣ, изъ опасенія, что люди эти не будутъ чествовать и обращаться съ оными подобающимъ образомъ.

Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Нѣмецкій купецъ Карлъ Мѣлинъ (Carol Möllin) купилъ каменный домъ у одного Русскаго, и этотъ послѣдній приказалъ счистить всѣ образа, которые были написаны на штукатуренныхъ стѣнахъ этого дома, и старательно

собрать и взять оттуда самую цѣль, образовавшуюся отъ слѣстки лавести. Русскіе очень негодуютъ на насъ, когда мы свои священные изображенія, и въ особенности распятіе Христа, дѣлаемъ на печатъ, и всѣми средствами стараются препятствовать намъ въ этомъ.

Крестыяне по селеніямъ отнюдь не дозволяли намъ касаться руками до ихъ образовъ, или ложиться на лавкахъ поганыхъ образахъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались, крестыяне пригмашали къ себѣ Пана съ кадиломъ снова освятить образа, которые мы осквернили чѣмъ либо, но ихъ мнѣнію.

Въ деревняхъ своихъ Русскіе имѣютъ великое множество образовъ, развѣшанныхъ кругомъ по стѣнамъ, изъ коихъ важнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ помѣщаютъ въ иву, какъ, на примѣръ, образа Іисуса Христа, Св. Дѣвы Маріи и Николая Чудотворца, ихъ главного заступника (патрона). Каждый Русскій имѣетъ въ церкви своего собственнаго Святаго, или образъ, передъ которымъ обыкновенно и молится. Если кто совершитъ тяжкій грѣхъ, за который долженъ быть отлученъ отъ Церкви, то икона такого грѣшника выносятся изъ церкви и употребляется у него только на дому, ибо отлученный не смѣетъ ходить въ церковь. Люди достоячные украшаютъ свои образа богатѣйшими образами, жемчужомъ и драгоценными каменьями. Образа считаются у Русскихъ необходимыми для молитвы, а по тому они находятся не только въ церквяхъ и при всѣхъ торжественныхъ церковныхъ жодахъ, но и у каждого на дому, въ покояхъ и комнатахъ, для того, чтобы во время моленья всякій могъ имѣть икону передъ глазами своими. Когда хотятъ молиться, Русскіе зажигаютъ одну или двѣ, восковыя свѣчи, приклеиваютъ ее передъ иконою, въ слѣдствіе чего, когда случается, что они забываютъ жогасить эти свѣчи, происходятъ частые пожары. До сихъ паръ еще Нѣмцы, собственно ради Русскихъ, должны были терпѣть такіе образа въ домахъ своихъ, иначе ни одинъ Русскій не вступалъ съ ними ни въ какое сношеніе, и имъ трудно было даже нанять для себя прислугу, изъ Русскихъ. Въ настоящее же время Патріархъ воспретилъ имѣть иконы Русскія въ покояхъ, занимаемыхъ Нѣмцами, которыхъ онъ считаетъ недостойными трго.

«Когда Русскіи приходятъ въ домъ или помѣи; ¹¹ другой Рус-
оказю, во предѣ всего водаетъ чести Богу и крестится, гѣморя:
«Послуди, шемлауй!» За тѣмъ уже обращаетъ съ рѣчью и къ
людямъ. Вошедши въ комнату, будто иѣмой, ¹² нѣтъ не обращаетъ
ни къ кому, хотя бы въ комнатѣ сидѣло 10 и болѣе человекъ,
но прямо ницѣтъ глазами образа; помысливъ обыкновенно за
отоломъ, пѣсетъ и; нѣтъ углу; осмилонъ тотчасъ же не усмотритъ
образа; то спрашиваетъ: «Есть ли Богъ?» (Есть ли Богъ?) За тѣмъ,
усмотрѣвши образъ; онъ трижды крестится и кланяется передъ
нимъ, и потомъ уже обращается къ людямъ, здороваётся съ ними
и начинатьъ толковать о своемъ дѣлѣ.

Русскіи приписываютъ своимъ образамъ великую силу, какъ
будто они могутъ оказывать въ чемъ либо особое дѣйствіе и по-
мощь. Часто уже упомянутый, Датскій Дворянинъ Якобъ; гово-
рить, что въ его время Русскіе привязывали на палку образъ и опу-
скали его въ пиво, когда оно варилось, для того, чтобы пиво вышло
лучше? Они питаютъ даже нѣкоторый страхъ, или ужасъ, передъ
образами, какъ бы въ нихъ находилось нѣчто вещественно-боже-
ское. Если они вздумаютъ удовлетворить свои плѣтскія побужденія
въ присутствіи образовъ; то прежде завѣшиваютъ ихъ полотёнцами.
Иногда образа этѣ наводятъ ужасъ на людей. Такъ, въ 1043 го-
ду по Р. Хр., въ Іюнь мѣсяцѣ, одинъ изъ главнѣйшихъ въ Москвѣ
образовъ, въ лицѣ своей нѣсколько помрачилъ, казалось, противъ
обыкновеннаго; Цовыгъ тотчасъ довелъ объ этомъ до свѣдѣній Па-
триарха и Великаго Князя; сочли это дѣломъ великой важности,
предназначивши какъ бы нѣчто «вещное» призывали народъ къ
покаянію шпосту, чтобы отвратить; тѣмъ угрожающую кару. Вели-
кій Князь, какъ Государь благочестивый и богобоязливый; «весь-
ма было принялъ это къ сердцу, призвалъ къ себѣ Русскихъ живо-
писцевъ и пришедшимъ цѣловати спросилъ ихъ: «Могло ли такое
привозити естественнымъ образомъ, или нѣтъ?» Тщательно осмо-
трѣвъ образъ, живописцы объявили; что «это было вовсе не чу-
до; на провашло отъ того, что краска съ лица образа; «отъ вре-
мени, нѣсколько сошла, и свежа нее просвѣчивалъ грунтъ; кото-
рый наложенъ былъ красной краской.» Этѣмъ объясненіемъ и раз-
сѣлтъ; была «возможнѣй страхъ»

Иногда Попы пугаютъ народъ нарочно придумываемыми и изображаемыми ими знаками на иконахъ, чтобы налагать посты и дни молецій, и собирать извѣстныя жертвы и милостыни, которыя въ подобныхъ случаяхъ простодушный народъ щедро приноситъ такимъ Священникамъ, изъ чувства благоговѣнія. Такъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Архангельскѣ. Два тамошніе Попа собрали такую хитростью большія жертвенныя деньги, но, при дѣлѣжкѣ ихъ, не поладили, и одинъ изъ нихъ выдалъ въ обманѣ другого; въ слѣдствіе сего виновные были подвергнуты наказанію кнутомъ.

Что простой, неразвитый народъ приписываетъ своимъ образомъ великую славу, видно также изъ слѣдующаго: Когда, въ 1611 году, при взятіи Великаго Новгорода Шведскимъ Полководцемъ, Яковомъ Де ла Гарди, произошелъ въ этомъ городѣ пожаръ, то одинъ Русскій, взявши образъ Николая Чудотворца, началъ держать его противъ огня, молилъ Чудотворца, чтобы онъ помогъ и потушилъ пожаръ. Когда же помощи ни какой не послѣдовало и огонь все болѣе и болѣе распространялся, пожиралъ все вокругъ, этотъ Русскій вышелъ изъ терпѣнія, бросилъ образъ въ огонь и сказалъ: «Если ты насъ не хочешь спасти отъ огня, то спасай самъ себя, и погаси огонь!»

Къ этому можно прибавить, вмѣстѣ съ Лактантіемъ (Lactantio): «Quae vanitas aliqua ab his sperare tutelam, quae tueri se-mpatrisa non possunt.» Во время того же, поминутаго сейчасъ, цѣндра войны, не нашедши почти ни чего въ домахъ, что бы пригодилось имъ, понабрали образовъ, и Русскіе догоняли этихъ воиновъ съ образами, и выкупали ихъ снова себѣ за дорогую цѣну.

Простой народъ, особенно живущій по деревнямъ и селамъ, приучаетъ дѣтей своихъ къ страху Божьему тѣмъ, что ставитъ ихъ передъ образами, заставляетъ въ глубокомъ благоговѣніи и почитаніи кланяться передъ ними, креститься и произносить: «Господи, помилуй!» При этомъ, однако же, не объясняется, что значатъ образа, такъ что дѣти съ ранняго возраста своего воображаютъ, что образа суть какъ бы боги, какъ обыкновенно называются они и самыми взрослыми. Въ Ладогѣ хозяйка моя не

давала ѣсть своему ребенку, едва еще говорившему и ходившему, до тѣхъ поръ, пока онъ 9 разъ не почтитъ своего бога сказаннымъ образомъ: поклономъ и крестомъ.

Нѣкоторые же знатные люди, живущіе въ городахъ близь церквей, имѣютъ не много лучшее, а разумнѣйшіе изъ нихъ и далеко другое, воззрѣніе на образа.

Въ Русской Нарвѣ жилъ, да и теперь живетъ, одинъ знатный, богатый купецъ, по имени Филиппъ Н., весьма общительный и любезный господинъ, который приходилъ иногда обѣдать къ нашимъ Посламъ и сообщалъ намъ о томъ и другомъ разныя дѣльныя свѣдѣнія. Однажды, именно 1634 года, Генваря 30, по его приглашенію, я посѣтилъ его, вмѣстѣ съ Врачемъ нашимъ, Гардманомъ Граманомъ. Вступивши съ нимъ въ разговоръ о Вѣрѣ Русскихъ и въ особенности объ образахъ, онъ высказалъ намъ такое воззрѣніе свое на Вѣру свою, по которому мы нашли въ немъ истиннаго Христіанина. Между прочимъ онъ сказалъ, что иконы онъ не очень уважаетъ; при этомъ взялъ носовой платокъ и провелъ имъ по иконѣ съ словами: «Этѣмъ платкомъ я могу стереть краски, и самую доску сжечь; какъ же послѣ этого могу я искать въ ней своего спасенія?» Онъ показывалъ намъ Библію на Славянскомъ языкѣ, и былъ въ ней хорошо начитанъ, прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ нея, перевелъ намъ ихъ и сказалъ: Сдѣято долженъ я искать волю Божию и вести себя сообразно съ нею.» О постахъ, которые большинство Русскихъ соблюдаетъ, и которыхъ онъ вовсе не читалъ, онъ говорилъ: «Что въ томъ, если я не ѣмъ мяса, а, вмѣсто него, питаюсь самою дорогою рыбою и упиваюсь виномъ и медомъ? Истинный постъ таковой, какимъ оставилъ его Богъ, черезъ пророка своего Іоіля, въ 1-й и 2-й главахъ его, и я соблюдаю его, когда не ѣмъ ни чего, кромѣ хлѣба и воды и усердно молюсь Богу!»¹ При этомъ онъ жаловался на своихъ крестьянъ, что весьма многіе изъ нихъ не имѣютъ настоящаго понятія о дѣлахъ Вѣры и исполненіи ихъ Христіанскихъ обязанностей. Когда мы сказали ему на это, по чему онъ, имѣя самъ такое ясное понятіе о Богѣ, не старается наставлять въ немъ

¹ Видно, этотъ купецъ понабрался уже ума, разума, у сосѣдей своихъ. О. Б.

своихъ ближнихъ. Онъ отвѣчалъ, что не имѣеть къ тому никакого призванія, при томъ же рци не подвѣрять ему, ибо и такъ уже считаютъ его за еретика. Относительно же иконовъ, онъ говорилъ, что хотя и держить ихъ, но дѣлаеть то единственно для памятованія о Богѣ и о Святыхъ; при этомъ онъ вынесъ изъ другой комнаты портретъ Руотава, Короля Шведскаго, напечатанный на вызолоченной бумагѣ и сивахъ. Видя при семъ, что же терпѣть эту картину въ нашихъ комнатахъ, такъ какъ она изображаетъ такого храбраго героя, совершившаго такія великія дѣла, въ честь его: по чему же нѣтъ образовъ Святыхъ, которые въ духовныхъ дѣлахъ были также великіе и чудесные мужи, въ память объ этихъ Святыхъ? Вообще, мыслящіе Русскіе, хотя и чтятъ и молятся на иконы Святыхъ своихъ по ихъ Вѣрѣ, но не ради вещества, и не по тому, чтобы эти иконы были дѣйствительно образъ Бога, но изъ любви и уваженія къ Святымъ, находящимся на небесахъ. И такое почитаніе оказывается Русскими тѣмъ Святыхъ, которыхъ изображаютъ иконы. Это именно то, что установили Греки въ 787 году по Р. Х., на Константинопольскомъ Соборѣ, противъ Иконоборцевъ (Iconomachos), на Соборѣ 350 Епископовъ, и что было введено въ Церковь ихъ въ то время, когда Патрiархами были: въ Константинополь Тарасій, въ Александріи Политіанъ (Politianus), въ Антиохіи Теодоритъ и въ Іерусалимѣ Ізія. Но опредѣленіе это было отвергнуто на Франкфуртскомъ Соборѣ, созванномъ въ 794 году Императоромъ Карломъ Великимъ, какъ видно это изъ словъ Canon. 2: «Anata est in mediū quæstio de nova Græcorum Synodo, quam de adorandis Imaginibus Constantinopoli fecerunt, in qua scriptum habebatur, ut quæ Imaginibus Sanctorum ita, ut Deificæ Trinitati servitium et adorationem non impenderent, anathema judicaretur. Qui supra sanctissimī patres nostri omnimodis adorationem et servitium renuentes contempserunt; atque consentientes condemnarunt.» Tom. 20 Concil. mag., pag. 145.

Недавно одинъ Казанскій (Cansanski) Протопопъ, по имени Иванъ Нероновъ (Ivan Neronov), началъ было въ Москвѣ открыто

* Сподвижникъ извѣстныхъ расколоначальниковъ Аввакума, Лазаря, Никиты и другихъ, послѣ принесенія раскаяніе Патрiарху Никону. Онъ былъ Протоіереемъ въ Московскомъ Казанскомъ Соборѣ. О. Б.

говорить противъ почитанія образовъ, разсуждая такъ: «Несправедливо воздавать почитаніе, подобающее Богу, образамъ, которые дѣлаются руками человѣческими изъ дерева и красокъ, хотя бы они и служили изображеніями Бога и Святыхъ; ибо, на этомъ основаніи, по чему бы еще болѣе не чтить и не поклоняться людямъ, которые созданы по образу Божию и которые дѣлаютъ самыя этѣ иконы?» Это то же, что говоритъ Сенека: «*Simulacra Deorum venerantur, illis supplicant genu posito, illa adorant, illis per totum assident diem, aut adstant, fabros autem, qui illa fecere, contemnunt.*» (De moralib.). Они почитаютъ изображенія боговъ, кланяются передъ ними и молятся на нихъ, цѣлый день сидятъ, или стоятъ передъ ними, мастеровъ же, которые сдѣлали этѣ изображенія, презираютъ.» Тоже у Лактантія: «*Quanto justius est et verius viventia Dei simulacra excolere, ut promere arae viventem.*» И далѣе: «*Perversum est et incogruens; ut simulacrum hominis a simulacro Dei colatur (l. 6).*» Не сообразное ни съ чѣмъ и недѣльное дѣло, чтобы подобіе Бога чтило и обожало подобіе человѣка. Но добрый Священникъ, какъ только узналъ объ этомъ Патріархъ, тотчасъ же лишенъ былъ своего Священническаго сана и, съ угрозою жестокаго наказанія, заточенъ въ монастырь, называемый Каменнымъ монастыремъ (Cameno Monastir) и лежащій на Волгѣ,³ съ тою цѣлю, чтобы ученіе это не распространилось и иконы сохранили бы обычное почитаніе ихъ.

Когда образа Русскихъ придутъ въ ветхость, когда ихъ источитъ моль, и они готовы разрушиться, то ихъ не бросаютъ и не сожигаютъ, но пускаютъ на рѣку, чтобы онѣ плыли, куда хотятъ, или погребаютъ ихъ на кладбищахъ и въ садахъ, глубоко зарывая ихъ въ землѣ, и наблюдая потомъ, чтобы мѣсто, гдѣ они спрятаны, не подвергалось какому либо оскверненію.

---

³ Вологодской Губерніи и Уѣзда, на островѣ озера Кубенскаго. Такъ какъ островъ весь состоитъ изъ каменстаго щебниватаго пража, то отъ того получилъ онъ названіе себѣ Каменнаго, которое перешло и на самый монастырь, на немъ основанный; по главному же храму Преображенія Господня именуется и Спасо-Каменнымъ или просто Спасъ на каменномъ. Онъ принадлежитъ къ древ-

ГЛАВА XXVII. ;

О чтимыхъ Русскихъ Святыхъ, которые находятся въ ихъ странѣ и къ которымъ они установили хожденіе на поклоненіе.

Антоній Поссевиъ справедливо пишетъ (De reb. Moscor. pag. 7), что у Русскихъ есть нѣсколько мощей, почитаемыхъ ими за Святыхъ, о которыхъ они рассказываютъ, что они и въ настоящее время творятъ великія чудеса и могутъ исцѣлять больных; нѣкоторыя изъ такихъ мощей покоятся въ Москвѣ. Два года тому назадъ, именно въ 165 году, Русскіе обрѣли новаго Святаго, весьма ими чтимаго. Имя этого Святаго Чудотворецъ (Sudatwogetz) Филиппъ Митрополитъ; онъ происходилъ изъ древняго Дворянскаго рода Кольчевыхъ (Collitzioven), жилъ въ Москвѣ при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ, и такъ какъ онъ часто высказывалъ тирану правду, за его возмутительное, жестокое управленіе и не Христіанскую, даже не человѣческую, жизнь, то онъ сдѣлался неслосенъ Царю, впалъ въ немилость у него и сосланъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. За тѣмъ, когда и оттуда онъ иногда писаніями не переставалъ увѣщевать тирана и остроюю своего пера расправлялъ снова старыя раны, то разгнѣванный тиранъ послалъ въ монастырь одного изъ слугъ своихъ, съ приказаніемъ удавить Филиппа веревкою. Кольчевъ, готовый на смерть, добровольно покорился волѣ Царя, но просилъ только убійцу, чтобъ онъ не душилъ его веревкою, а лишилъ бы его жизни ножемъ, что тотъ и исполнилъ, вонзивъ ему ножъ подъ сердце въ животъ. ¹ Братья иноки сказаннаго монастыря объявили его мученикомъ, увезли тѣло его на островъ, лежащій за Архангельскимъ, на Бѣломъ морѣ, и тамъ погребли его

нѣишимъ обителямъ Вологодскимъ, въ, такъ называемой, Заволоцкой Чудв; построенъ въ половинѣ XIII вѣка Бѣлозерскимъ Княземъ, Глѣбомъ Васильковичемъ. Съ 1801 года въ него переведена Бѣлавинская Богоявленская пустынь (бывшая въ Кадниковскомъ Уѣздѣ той же Губерніи, на островѣ Бѣлавинскаго озера); по чему и велико сему монастырю называться впродъ Бѣлавинскою пустыню на Каменскомъ острову. О. Б.

¹ Какъ извѣстно, Малюта Скуратовъ задушилъ его подушкой. О. Б.

въ одной часовнѣ. Островъ этотъ называется Соловка (Soloffka), и онъ показанъ на картѣ Бѣлаго моря, при описаніи Архангельска.

Настоящій Патріархъ заявилъ, что когда онъ былъ еще Ростовскимъ и Ярославскимъ Митрополитомъ, то слышалъ тамъ отъ извѣстныхъ людей, будто многіе недужные, ходившіе на поклоненіе мощамъ сказаннаго Святаго Филиппа, остающимся неплѣнными, получали исцѣленіе; въ слѣдствіе чего онъ исходатайствовалъ у Его Царскаго Величества, чтобы мощи тѣ взяты были изъ Архангельска и перевезены въ Москву.

Для перевезенія этѣхъ мощей наряженъ былъ Бояринъ Михаилъ Левонтьевичъ (Lewontjewitz), съ однимъ Дьякомъ,³ и Бояринъ этотъ, вмѣстѣ съ другою прислугою, взялъ съ собою и двухъ своихъ сыновей. Всѣ этѣ лица отправились на островъ Соловки на двухъ лодкахъ (Lodiggen) (или большихъ открытыхъ ботахъ). Посланный Бояринъ благополучно возвратился. Дьякъ же, съ двумя Боярскими сыновьями и прислугой, ѣхавшіе на другой лодкѣ, пропали безслѣдно и не были отысканы.

Когда тѣло Святаго Кольчева находилось уже за милою только отъ Москвы, то Его Царское Величество со всѣми своими придворными и Патріархъ съ своимъ духовенствомъ вышли къ нему на встрѣчу, при чемъ Ростовскій и Ярославскій Митрополитъ, Варлаамъ, человекъ довольно тучный и имѣвшій уже за 70 лѣтъ, находясь недалеко уже отъ Святаго, упалъ, и такъ на мѣстѣ остался мертвымъ. Святой же съ великимъ торжествомъ ввезенъ въ Кремль и поставленъ въ Соборѣ (Sabor) или въ главнѣйшей въ Москвѣ церкви. Тамъ онъ явилъ многія чудеса надъ больными, приходившими къ нему на поклоненіе, и подѣ старательнымъ наблюденіемъ Патріарха многихъ, которые и прежде, можетъ быть, не были слѣпы, хромы, глухи и нѣмы, сдѣлалъ

---

³ Вѣрище это были: Новгородскій Митрополитъ Никонъ, Бояринъ Князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и Дьякъ Гаврило Леонтьевъ. Бояринъ же Михайло (Михайловичъ) былъ Салтыковъ, отправленный того же дня (Марта 20-го) въ Старицу (Тверской Губ.), а не въ Соловки, съ Ростовскимъ Митрополитомъ, Варлаамомъ, и другими, по мощи Юва, Патріарха Московскаго, О. Б.

зрячими, на ногахъ, получившими слухъ и говорящими. ³ И всякій разъ, когда совершалось какое либо подобное чудо, звонили объ этомъ въ большой колоколъ, что въ началѣ случалось по 4 и по 5 разъ на недѣлѣ. Теперь же о чудесахъ этѣхъ не такъ часто слышно; ибо, какъ объясняютъ это Русскіе, во время прибытія Святаго, люди на Москвѣ были болѣе благочестивые, а теперь опять впали въ нечестіе и уже не съ такою, какъ прежде, върою, ходятъ къ Святому. Говорятъ, мощи его и по нынѣ покоятся нетлѣнными, подъ покровомъ, котораго приподнимать. впрочемъ, никто не долженъ.

Кромѣ этого у Русскихъ еще есть Святой въ Троицкомъ монастырѣ, лежащемъ въ 12 миляхъ на западъ отъ Москвы, называемый Сергіемъ (Zerge), о которомъ Поссевинъ, именуя его Сергіемъ (Sergium), упоминаетъ на 7-й страницѣ, Герберштейнъ на 32-й, и Петрей, въ своей Русской Лѣтописи, на 11-й страницѣ. Вотъ что извѣстно объ этомъ Святомъ: онъ былъ рослый, дородный мужчина и въ началѣ храбрый воинъ, потомъ отказался отъ міра, сдѣлался отшельникомъ и подъ конецъ поступилъ въ Троицкій монастырь, ⁴ чтобы провести въ немъ отшельникомъ остальную часть своей жизни. Сдѣсь, за свое весьма набожное и богобоязненное житіе, избранъ былъ Игуменомъ, помогалъ многимъ людямъ своею молитвой и творилъ разныя чудеса. Онъ принялъ къ себѣ юношу, или ученика, по имени Никона, который во всемъ слѣдовалъ тѣмъ же добродѣтелямъ своего учителя. Сергіій умеръ въ 1393 году. ⁵ Послѣ смерти и Никона, оба они причислены къ лику Святыхъ и погребены другъ подлѣ друга въ томъ же Троицкомъ монастырѣ. Русскіе говорятъ, что и нынѣ еще они могутъ всякому показать главы (Hirnschalen) сихъ Святыхъ съ нетлѣннымъ въ нихъ мозгомъ. Поляки неоднократно нападали на Троицкій монастырь и хотѣли взять его приступомъ, но монастырская братія всякій разъ выносила на встрѣчу непріятелю главу Святаго Сергія, и непріятели, въ слѣдствіе этого, не только не въ силахъ

³ Это говорятъ Протестантъ. О. Б.

⁴ Троицкій монастырь основанъ самимъ Преподобнымъ Сергіемъ. О. Б.

⁵ Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, поставленъ 1563 годъ. Копчяна Сергія одними относятся къ 1391, другими къ 1392, а третьими къ 1393 году. О. Б.

были овладѣть монастыремъ, но и тотчасъ же начинали ссориться между собою и обращали оружіе другъ противъ друга. Петрей также упоминаетъ объ одной неудачной осадѣ этого монастыря, сдѣланной Польскимъ Полководцемъ, Иваномъ Сапѣгой (Jan Sapia), увѣряя, что собственно Шведское войско прогнало отъ монастыря сказаннаго Полководца. Самый монастырь, отъ имени Святаго Сергія, называется Троицко-Сергіевскимъ монастыремъ (Zergeoffski Troюза), или просто монастырь Св. Троицы.

Что касается до бывшаго въ этомъ монастырѣ мѣднаго горшка, о которомъ пишетъ Герберштейнъ въ помнutomъ выше мѣстѣ и о которомъ теперешніе Русскіе ни чего не знаютъ, то горшокъ этотъ былъ такого свойства, что если въ немъ варилося какое ни будь кушанье, особенно же капуста, то сколько бы ни ѣли изъ него этого кушанья братья иноки, горшокъ никогда не дѣлался пустъ и кушанья въ немъ всегда было ни мало, ни много, а столько, сколько было нужно. Достоверно же, впрочемъ, то, что въ этомъ монастырѣ болѣе 300 братьевъ, и что доходы его такъ богаты, какъ ни въ какомъ другомъ монастырѣ въ цѣлой странѣ; ибо Великіе Князья и богатые Бояре всегда дѣлали, и теперь еще дѣлаютъ, въ этотъ монастырь большіе вклады. Также по пути заѣзжающіе туда Бояре и купцы, по мѣрѣ состоянія своего, дѣлаютъ ему богатые приношенія и подаванія, что бы иноки молились за ихъ души, и чтобы они сохранены были отъ всякихъ несчастій.

Великій Князь съ важнѣйшими изъ Боярѣ своихъ ѣздитъ въ этотъ монастырь на богомолье дважды въ годъ, именно: въ Троицынъ и Михайловъ день. Не доѣзжая полумили до монастыря, Царь обыкновенно встаетъ изъ экипажа и со всѣмъ Дворомъ своимъ идетъ пѣшкомъ до обители, въ которой остается для молитвы нѣсколько дней, и во все это время Игуменъ продовольствуетъ Великаго Князя со всѣми его придворными и доставляетъ кормъ его лошадямъ. И такъ какъ мѣстоположеніе тамъ превосходно, кругомъ же большіе лѣса и дичь, то въ свободные отъ моленья часы Великій Князь потѣшается тутъ и охотою.

Выше былъ уже описанъ мною крестный ходъ, на которомъ присутствуютъ обыкновенно Великій Князь и Патріархъ,

каждый съ своими чинами, и въ которомъ оба они совершаютъ свое моденіе (Это бываетъ въ праздникъ Казанской Божіей Матери). Много лѣтъ тому назадъ, въ городѣ Казани, въ которой господствовали уже Русскіе, найденъ былъ въ землѣ образъ Св. Маріи, и образъ этотъ поставленъ былъ тамъ въ одной изъ церквей. Списокъ съ этого образа привезенъ въ Москву, гдѣ, въ память этого событія, и построена церковь, въ концѣ большой площади, у ножевыхъ лавокъ, которая и называется церковь Пречистой Казанской Божіей Матери (Precista Casanska). Въ церковь эту по нынѣ стекается на богомолье множество пріѣзжихъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ.

Точно также ежегодно бываетъ большое богомолье и въ Великомъ Новгородѣ (какъ тоже упомянуто выше), куда изъ разныхъ мѣстъ Россіи стекаются тысячи народа, отправляющагося за тѣмъ изъ города за 7 верстъ, въ Хутынскій монастырь (Chutina). Въ это время въ городѣ, особенно у Никольскихъ воротъ, въ сторонѣ, ближайшей къ монастырю, цѣловальники разбиваютъ свои палатки съ продажей виша, и тамъ-то совершается сильное пьянство и всякаго рода срамныя потѣхи. Праздникъ этотъ и самое богомолье Русскіе называютъ праздникомъ Варлаама Хутынскаго, установленнымъ въ честь Св. Варлаама, который родился въ Новгородѣ и погребенъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Мощи его также творять чудеса и исцѣляютъ недужныхъ. Подобныхъ, чтимыхъ Русскими Святыхъ, можно найти много и еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Г Л А В А XXVIII.

О Русскихъ церквахъ.

При описаніи зданій въ Москвѣ было уже упомянуто, что въ Кремлѣ и въ городѣ находится множество церквей, часовенъ и монастырей, такъ что внѣ городскихъ стѣнъ и внутри оныхъ, насчитывается болѣе 2000 церквей. Причина такого множества ихъ заключается отчасти въ томъ, что теперь каждый Вель-

мога, хотя и съ небольшимъ состояніемъ, устраиваетъ себѣ собственную свою часовню, которыя, равно какъ и церкви, большею частію каменныя. Каменныя церкви внутри всѣ съ круглыми сводами, но по чему онѣ строятся такимъ образомъ, Русскіе объяснить мнѣ не могли. Полагаю, впрочемъ, что постройку такую они удержали еще отъ древнихъ народовъ, которые также храмы свои строили круглыми, какъ это видно у Розина (Rosinus), въ его «De Antiquitatibus Romanis» (Lugduni, 1609, l. 1, c. 2, pag. 39); такъ какъ храмы суть жилища Бога, то они и должны, де, походить на круглый сводъ неба. Греческій историкъ, Діонъ Кассій, говоря о превосходномъ языческомъ храмѣ въ Римѣ, Пантеонѣ, который тоже круглый и существуетъ еще и нынѣ, также пишетъ, что храмъ этотъ, какъ показываетъ самое имя его (Пантеонъ), долженъ вмѣщать въ себѣ изображенія всѣхъ боговъ, и круглотою своею походить на небо. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что Пантеонъ построенъ круглымъ для того, чтобы богамъ, изображенія которыхъ стоятъ въ немъ вокругъ по стѣнѣ, не приходилось близко стоять другъ къ другу, ради ихъ достоинства и величія, которыя каждый изъ нихъ другъ передъ другомъ желаетъ сохранить за собою, но Боасаръ (Boissard, Jean Jacob, въ «Antiqu. Roman.», pag. 48) пишетъ: «Такъ какъ М. Агриппа построилъ храмъ этотъ въ честь Опы (Opis) или Цибелы (Cybele), матери боговъ, которая имѣетъ подъ своимъ покровительствомъ круглую землю, то и храмъ самый долженъ быть круглый.»

Другіе же говорятъ, что древніе строили храмы свои круглыми по тому, чтобы тѣмъ обозначить безконечное величіе Бога, которому они въ нихъ покланяются. Это почти то же, что говоритъ Меркурій Трисмегистъ (Mercurius Trismegistus): «Deum sphaeram esse intellectualem, cujus centrum sit ubique, circumferentia nusquam, quia nusquam majestas Dei et immensitas terminatur.» Древніе имѣли также и особый способъ молиться, при которомъ они кругомъ поворачивались во время молитвы, какъ говорятъ объ этомъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus, въ «Lectiones antiquae. 1550, l. 10, c. 8, pag. 685), заимствуя это извѣстіе у Плинія: «In orando dextram ad os referimus totumque corpus circumagimus.» И пишутъ, что такой способъ молиться установилъ Нума Помпилій, второй Царь Римскій.

У Русскихъ въ церквахъ нѣтъ ни стульевъ, ни лавокъ; ибо никто, во время молитвы и Богослуженія, не долженъ у нихъ сидѣть, но всѣ стоятъ на ногахъ, или на колѣняхъ, или даже распростершись ницъ на землѣ, какъ это часто дѣлывалъ бывшій Великій Князь, Михаилъ Федоровичъ.

Они не терпятъ также въ церквахъ своихъ ни органовъ и ни какихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, говоря: «Инструменты, не имѣя ни какого духа и жизни, не могутъ восхвалять Бога.» И хотя имъ возражаютъ на это, что и духъ и жизнь челоѣкъ извлекаетъ изъ инструмента посредствомъ пріятныхъ звуковъ, при чемъ приводятъ въ примѣръ Давида, въ его псалмѣхъ, но Русскіе отвѣчаютъ въ такомъ случаѣ, что въ Вѣтхомъ Заѣтѣ это было въ употребленіи, а въ Новомъ нѣтъ. Въ церквей, впрочемъ, въ домахъ, особенно во время своихъ пиршествъ, Русскіе любятъ музыку. Но такъ какъ ею стали злоупотреблять, расиѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ всякаго рода срамныя пѣсни, то нынѣшній Патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существованіе такихъ кабацкихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву рѣку, и тамъ сожжены. Впрочемъ, Нѣмцамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу Нѣмцевъ, великому Боярину Никитѣ, которому Патріархъ многогаго приказывать не осмѣливается, и который имѣетъ у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты.

На всякой церкви и колокольнѣ Русской необходимо долженъ быть крестъ одинъ простой, или тройной (послѣдній бываетъ большею частію). Наши церкви по этому, не имѣющія креста, Русскіе и не считаютъ за церкви. Такъ какъ крестъ означаетъ главу церкви, говорятъ они, которая есть Христосъ, и какъ Христосъ распятъ былъ на крестѣ, то по этому крестъ и содѣлался символомъ Христа, и строеніе, не имѣющее этого символа, не есть вовсе церковь. По этому же, далѣе, церковь есть святое, чи-

стое мѣсто, въ которое не должно входить ни что не чистое, въ слѣдствіи чего Русскіе неохотно впускаютъ въ свои церкви чужестранцевъ другихъ Христіанскихъ Исповѣданій. Такъ въ началѣ, когда мы пріѣхали въ Россію и нѣкоторые изъ насъ, по незнанію, вошли было въ церковь, просто только осмотрѣть ее, то насъ за руки вывели, и послѣ того метлою замели за нами полъ. У нихъ ужъ такой обычай: если въ церковь войдетъ кто нечистый, или забѣжитъ собака, и они увидятъ это, то тотчасъ же обмываютъ оскверненное мѣсто, окропляютъ его Святою водою, и освящаютъ его снова огнемъ и окуриваютъ ладаномъ. Свои кладбища они также содержатъ въ чистотѣ и святости: никто не смѣетъ мочиться на нихъ, подѣ опасеніемъ большаго денежнаго взысканія.

На колокольныхъ у нихъ много колоколовъ, иногда по пяти и шести, и самый большой вѣситъ обыкновенно не болѣе двухъ центнеровъ; въ колокола этѣ звонятъ, когда созываютъ въ церковь, и когда, во время уже обѣдни, Священникъ возноситъ чашу съ дарами. Въ Москвѣ, по множеству церквей и часовенъ, нѣсколько тысячъ колоколовъ, которые, во время Богослуженія, производятъ такой разнообразный звонъ и гулъ, что не привыкшій къ нему, не можетъ слышать его безъ особаго удивленія. Одинъ человекъ можетъ за разъ звонить въ три, или четыре, колокола; веревки, за которыя звонятъ, привязываются у нихъ не за колокола, а за языки, и одинъ изъ этѣхъ веревокъ звонарь беретъ въ руки, другія же наматываетъ на локоть и, такимъ образомъ, подергиваетъ ихъ то одну, то другую; при этомъ звонари этѣ, разумѣется, должны имѣть особый навыкъ, чтобы звонить, какъ слѣдуетъ.

Колокольный звонъ Русскіе также считаютъ дѣломъ необходимымъ при ихъ Богослуженіи, полагая, что это послѣднее не полно безъ звона. По этому Русскій Приставъ очень удивился однажды, услыжавъ, что Шведскіе Господа Послы, въ Михайловъ день, говорили, что они также хотѣли справить свой праздникъ. «Возможно ли,» замѣтилъ Приставъ, «чтобы они могли справлять въ Москвѣ праздникъ, не взявши съ собою колоколовъ при отъѣздѣ въ такое далекое путешествіе!»

На церковныхъ дверяхъ и городскихъ воротахъ Русскіе вѣшаютъ, или изображаютъ, Св. образа, для того, чтобы приходящіе могли поклоняться имъ, креститься и произносить: «Господи, помилуй!» Они крестятся и молятся не только на образа, но и на кресты, водруженные на церквахъ, въ слѣдствіе чего вездѣ, на всѣхъ улицахъ, безпрестанно видишь, какъ Русскіе совершаютъ это набожное свое крестное знаменіе.

Г Л А В А XXIX.

О Русскомъ духовномъ управленіи, о духовенствѣ, церковныхъ служителяхъ и о монахахъ.

Духовное Управленіе, Консисторіи и церковныя чины состоятъ подъ управленіемъ и наблюденіемъ одного Патріарха, Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, Архидіаконовъ, Протопоповъ и Поповъ. Патріархъ есть верховный глава, подобно Римскому Папѣ у Католиковъ. Въ прежнія времена избраніе Патріарха зависѣло отъ Патріарха Константинопольскаго; въ послѣдствіи же Константинопольскій Патріархъ давалъ только свое утвержденіе. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, третій изъ такихъ, былъ и послѣдній, котораго утвердилъ такимъ образомъ Патріархъ Константинопольскій. Въ настоящее же время, какъ избраніе, такъ и утвержденіе, Патріарха совершается въ городѣ Москвѣ самими Русскими, и избирается изъ Митрополитовъ, (и другихъ духовныхъ лицъ) самими Митрополитами, Архіепископами и Епископами; для чего этѣ чины собираются въ самой большой церкви въ Кремлѣ, называемой Соборомъ, выбираютъ изъ среды себя двухъ, а иногда 4-хъ, или 5, лицъ, которыхъ считаютъ найразумнѣйшими, самыми начитанными и безпорочными въ жизни людьми, и представляютъ о нихъ Его Царскому Величеству; изъ этѣхъ-то, представленныхъ Царю, Его Царскимъ Величествомъ, по совѣщаніи съ другими духовными чинами, и избирается Патріархъ. Иногда, если представленные къ избранію лица были таковы, что, въ слѣдствіе равенства въ достоинствахъ ихъ, нельзя было предпочесть одного изъ нихъ другому, дѣло рѣ-

шалось по жребію, какъ случилось это, на примѣръ, при избраніи бывшаго передъ симъ Патріарха, который, будучи только Игуменомъ въ одномъ монастырѣ, какъ весьма ученый мужъ, за достоинство свое, былъ также представленъ къ избранію. ¹ При этомъ, когда жребій палъ на него, и другіе чины противились было его избранію, бросили вторичный жребій, который и въ другой разъ палъ на него же. Когда же и послѣ этого Великій Князь замѣтилъ, что остальные духовные чины все еще косо посматриваютъ на избраннаго, брошенъ былъ новый жребій, въ третій разъ, и когда и въ этотъ разъ счастье снова выпало на долю уже дважды избраннаго, то Его Царское Величество сказалъ: «Я вижу, что ему такъ назначено, и что онъ самимъ Богомъ избранъ Патріархомъ; по этому онъ и долженъ быть Патріархомъ, а не кто либо другой.»

По избраніи Патріарха выдается призывная (ставленная) грамота или письмо, за подписью и печатью избиравшихъ чиновъ, въ томъ, что онъ признанъ достойнымъ и избранъ въ Патріархи, по добровольному желанію всѣхъ ихъ, законнымъ образомъ. За тѣмъ Его Царское Величество дѣлаетъ утвержденіе.

Послѣ Великаго Князя Патріархъ пользуется наибольшимъ почетомъ и имѣетъ наибольшую власть въ цѣлой странѣ. Онъ есть судья надъ духовенствомъ въ дѣлахъ, которыя не исключительнo подвѣдомы законамъ гражданскимъ (свѣтскимъ); онъ имѣетъ надзоръ надъ дѣлами Вѣры, добрыми нравами и Христіанскимъ житіемъ, и все, что онъ найдетъ нужнымъ, или благимъ, въ этого рода дѣлахъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, устанавливать, вводить, или отрѣшать, что все и передаетъ Великому Князю на исполненіе. Въ распоряженіяхъ своихъ онъ не имѣетъ надобности совѣщаться ни съ Великимъ Княземъ и ни съ кѣмъ другимъ; противиться же ему тѣмъ болѣе никто не смѣетъ, кромѣ развѣ Боярина Никиты, который не послушалъ Патріарха въ дѣлѣ объ иноземномъ платьѣ, какъ уже сообщено мною выше сего. Бывшій Патріархъ, и въ особенности теперешній, сдѣлали

¹ Симоновскій Архимандритъ Іосифъ, избранный 1642 года, Марта 21 дня. О. Б.

во многихъ дѣлахъ, вошедшихъ уже давно въ обычай по всей странѣ, большія перемѣны, многое отмѣнили и ввели много новаго, о чемъ я упоминалъ уже прежде, въ разныхъ мѣстахъ.

Теперешній Патріархъ называется Никонъ; какъ выше сказано, онъ былъ Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, чело-вѣкъ лѣтъ 40, бодрый и веселый, живетъ въ Кремлѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ, которыя приказалъ онъ построить самъ для себя, дозволяетъ себѣ своего рода пирушки и вообще поживаетъ себѣ хорошо и охотно отпущаетъ любезныя шутки. Такъ, недавно еще, онъ сказалъ одной прекрасной дѣвицѣ, которая, вмѣстѣ съ своими друзьями, крестилась въ Русскую Вѣру и должна была получить отъ него благословеніе: «Прелестная дѣвица! Я не знаю, поцѣловать ли мнѣ прежде тебя, или благословить?» Ибо, по обычаю Русскихъ, новокрещенныхъ, послѣ надлежащаго ихъ благословенія, привѣтствуютъ Христіанскимъ поцѣлуемъ.

Митрополитовъ, какъ Русскіе называютъ ихъ, всего четыре; это:

1. Новгородской (Novogorodskoi) и Великолуцкой (Welikolukskoj)—въ Великомъ Новгородѣ.
2. Ростовской (Rostoffskoi) и Ярославской (Jaroslaukskoi)—живетъ въ Ростовѣ (Rostoff).
3. Казанской (Casanskoi) и Свіязской (Swiatzkoi)—въ Казани (Cassan).
4. Сарской (Sarskoi) и Подонской (Podonskoi)—въ Сарскѣ (Sarski) и Подонѣ (Podon). ²

---

² Какъ извѣстно, Епархія эта учреждена во второй половинѣ XIII-го столѣтія, въ Великомъ Сараѣ, столицѣ Ордынскихъ Хановъ на Волгѣ, близъ Царыцына, для Христіанъ, пріѣзжавшихъ туда изъ Руси. А какъ Епископы Сарскіе завѣдывали также церквами по Дону, то, по тому, назывались они Сарайскими или Сарскими и Подонскими, иначе Сарскими и Переяславля Русскаго (по тому что второй Епископъ Сарайскій пребывалъ уже въ Переяславлѣ Русскомъ).

Этотъ послѣдній живетъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ.

За Митрополитами слѣдуютъ Архіепископы, которыхъ семь:

1. Архіепископъ Вологодской (Wologdskoi) и Велико-Пермской (Weliko-Permskoi), имѣетъ мѣстопробываніе свое въ городѣ Вологдѣ (Wologda).

2. Рязанской (Resanskoi) и Муромской (Muromskoi), живетъ въ Рязани (Resan).

3. Суздальской (SUSDalskoi) и Тарусской (Torruskoi)—въ Суздали (Sussdal).

4. Тверской (Twerskoi) и Кашинской (Cassinskoi)—въ Твери (Twere).

5. Сибирской (Sibirskoi) и Тобольской (Tobolskoi)—въ Тобольскѣ (Toboleska).

6. Астраханской (Astrachanskoi) и Тарской (Terskoi)—въ Астрахани (Aschachan).

7. Псковской (Pscouskoi) и Изборской (Sborskoi), живущій въ Псковѣ (Pleskau).

За этими—одинъ Епископъ:

Коломенской (Colmenskoi) и Касимовской (Cassieskoi) Епископъ, который живетъ въ Коломнѣ (Colomna), и, кромѣ этого, во всей странѣ болѣе нѣтъ ни какого другого Епископа. Въ Москвѣ, при Патріархѣ, состоитъ также одинъ Архідіяконъ, котораго онъ

Еще называются они въ нѣкоторыхъ памятникахъ Сарскими и Подре(ѣ)льскими, отъ слова ре(ѣ)ль, означающаго, между прочимъ, возвышенную полосу, гребень или гряду по поймѣ, которая разливомъ рѣкъ не понимается; отсюда Поре(ѣ)лье, Подре(ѣ)лье, такой край, каковымъ дѣйствительно есть все пространство между Волгой и Дняпромъ, составлявшее въ свое время эту Епархію. Въ XIV столѣтіи переселились они въ Москву, на Крутицы, сохраняя, однако, прежнее названіе, и только въ послѣдствіи переименованы были въ Крутицкіе и Можайскіе; кафедра эта упразднена въ 1783 г. О. Б.

держитъ какъ бы Канцлеромъ в свою правую руку. Въ Соборѣ, въ Кремлѣ, находится еще одинъ Протодіаконъ (Protodiascon). Въ городахъ же состоятъ Протопопы (Проворорі), Попы (Pori) и Діаконы (Diasconi), за которыми ниже слѣдуютъ Пономари (Раппамагі), отпиряющіе и запирающіе церкви и звонящіе въ колокола. Въ монастыряхъ находятся разные Архимандриты, Келарі (Кілагі), Игумены (Igumeni), которые состоятъ начальниками въ нихъ, какъ Аббаты и Пріоры.

Патріархъ, Митрополиты, Архіепископы и Епископы не могутъ жениться и должны, во все время состоянія ихъ въ сихъ должностяхъ, воздержаться отъ брачной жизни.

Всѣ эти духовные чины, за исключеніемъ Протопоповъ и Діаконовъ, не должны также носить колець на пальцахъ, ни употреблять портовъ, ни полотняной рубахи (которую они могутъ носить только шерстяную), ни спать на постеляхъ. Въ монастыряхъ же рѣшительно воспрещается употребленіе всякаго мяса, вина, водки, меду и крѣпкаго пива. Самъ Патріархъ также не можетъ носить рубахи изъ полотна, а носить оную изъ шелковой матеріи темнаго цвѣта.

Обычная ежедневная одежда Патріарха, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, равно какъ и монаховъ, состоитъ изъ чернаго длиннаго кафтана, посверхъ котораго они надѣваютъ еще черный плащъ (мантію). На головѣ носятъ они клобукъ, объемомъ въ три локтя, съ твердой, круглой площадкой по серединѣ, на подобіе большой тарелки, а позади съ висащими отъ головы въ низъ концами. Идучи пѣшкомъ по улицамъ, всѣ эти лица носятъ въ рукахъ палку, называемую у нихъ посохомъ (Розок), который наверху заканчивается крючкомъ, длиною въ добрый палець, загнутымъ подъ прямымъ угломъ.

По множеству церквей въ Москвѣ числится до 4000 Поповъ или Священниковъ; ибо въ нѣкоторыхъ церквахъ, которыя считаются хоть сколько ни будь большими, состоитъ по 6, по 8 и даже по 10 Поповъ. Кто желаетъ быть посвященнымъ въ санъ Попа, отправляется къ Патріарху, Митрополиту, или Епископу, кто поближе, подвергается тамъ испытанію, и если по испытанію ока-

жется способнымъ, то есть, если онъ хорошо читаетъ, пишетъ и поетъ, то рукополагается въ Попы и утверждается въ этомъ санѣ письменнымъ одобреніемъ (attestation). При посвященіи на него надѣвается Священническій кафтанъ, весьма мало отличающійся отъ свѣтскаго, постригаются на макушкѣ волосы, и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею (Skuffja) (плотно лежащая на подстриженомъ мѣстѣ головы, прямо на кожѣ, какъ наши ермолки), около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадаютъ по плечамъ, какъ у женщинъ. Шапочку эту Попы никогда днемъ не снимаютъ, развѣ только для того, чтобы снова подстричь выросшіе на головѣ волосы; это какъ бы священная принадлежность, и она имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ Попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ, или сринуть ее съ головы Священника на землю, тотъ подвергается большому взысканію и долженъ заплатить Попу бевчестье. Но отъ этого Попы не меньше получаютъ побоевъ; ибо вообще они болѣе нетрезвый и праздный народъ, чѣмъ другіе люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ Попа, за тѣмъ поколотятъ его хорошенько, и снова бережно надѣваютъ на него оную. Однимъ словомъ, съ теченіемъ времени шапочкѣ той не придается уже такого большого значенія.

Протопопъ, Попъ или Священникъ, по примѣру Грековъ, долженъ имѣть одну только жену, и если она умретъ, то онъ не можетъ жениться въ другой разъ, оставаясь въ Священническомъ санѣ. Ибо изреченіе Св. Павла, къ Тимоѳ. 3, 2: «Подобаетъ убо Епископу быти мужу единыя жены», Русскіе понимаютъ не такъ, что оно сказано противъ многоженства (Polygamia), а что будто бы въ немъ заключается та мысль, что Попъ или Священникъ (по чему же не Епископъ? ибо въ подлинникѣ стоятъ прямо: Ἐπίσκοπος), необходимо долженъ имѣть одну только жену, и быть мужемъ не болѣе, какъ одной лишь жены.

Изъ этого же Русскіе, вмѣстѣ съ Греками, выводятъ, между прочимъ, также одну изъ главныхъ причинъ, по чему они не соглашаются съ Католическою или Римскою Церковію, а именно, что она воспрещаетъ Священникамъ брачное состояніе, и Русскіе полагаютъ, что Римская Церковь дѣлаетъ это въ противность опре-

дѣленія Св. Собора, какъ это видно изъ посланія одного Русскаго Митрополита, по имени Іоанна, къ Римскому Архіепископу (какъ онъ называетъ его).³ Посланіе это находится у Герберштейна, въ «*Commentar. regum Moscov.*», стр. 22 и 23 (*Antverpiae, 1557*), въ которомъ, между прочимъ, заключаются слѣдующія слова:

³ По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Митрополитъ этотъ—Іоаннъ II (по однимъ съ 1077, по другимъ съ 1080, по третьимъ съ 1082 до 1089 г.), а Папа—Климентъ III, Антипапа, прежде Равенскій Архіепископъ Вибертъ (*Wibertus*) (1080—1100 г.) Это въ особенності подтверждается Греческимъ текстомъ сего посланія, именно самимъ заглавіемъ его: *Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου Μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς Κλήμεντα Πάπαν Ῥώμης*. Оно находится въ разныхъ рукописяхъ, Венеціи, Парижа, Вѣны, Иверскаго Афонскаго монастыря (прежде), Патріаршей (Синодальной) Московской Библіотеки и другихъ мѣст. Ясно по тому, что Митрополитъ, какъ Грекъ, писалъ свое посланіе по Гречески, а съ него уже переводъ сдѣланъ былъ на Русскій. Тотъ и другой напечатаны въ «Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ,» 1854 г., кн. I, отд. 3, стр. 1—20. Первоначально Русскій переводъ изданъ К. Ѡ. Калайдовичемъ, въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка.» М. 1821 г., стр. 205—218. Въ другомъ посланіи его (Ио. Митрополита Рѣнскаго, шипскаго ирландскаго свт. святыхъ книгъ взирательца, Инокоеу Уерриоризцію, помѣщенное въ «Русскихъ достопамятностяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» М. 1815, часть I, стр. 86—103, и въ «Исторіи Русской Церкви, соч. Макарія, Архіепископа Харьковскаго (нынѣ Литовскаго). С.-Петербургъ, 1868, т. II, стр. 369—377) Іоаннъ названъ Пророкомъ Христа, а Несторъ говоритъ о немъ, между прочимъ, что онъ былъ «мужъ хитръ книгамъ в ученью, рѣчивъ, и сякаго не бѣсть преже на Руси, ни по немъ не будетъ сякъ.» П. С. Р. Л. I, Лавр., подъ 1089 годомъ, стр. 89. Но первый, старавшійся доказать, что Пророкъ Христа былъ Митрополитъ Іоаннъ II, а не Іоаннъ IV, какъ до того полагали, Папой же Климентъ III, а не Александръ III, это—К. А. Невольнъ. См. его изслѣдованіе о семъ въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ.» Спб. II, стр. 93—101. Греческій текстъ этого мѣста, приведеннаго Олеаріемъ по Герберштейну, который перевелъ его съ Русскаго, читается такъ: *Τρίτον βυβλίωμα τὸ περὶ τῶν ἱερῶν ἐστίν, ὅτι βδελύτταδε τὸ ἀπὸ χειρὸς τοῦτων κοπονίας μεταλαμβάνειν. Ἄκουε τοίνυν τί καὶ περὶ τοῦτου τοῦ κεφάλαιου λέγει ἡ ἀγία καὶ εὐσεβῆς σύνοδος τῶν ἐν Γόυρα συνακληθῶτων ἀγίων καὶ θεοφόρων πατερῶν. περιέχεται τοίνυν ἐν τῷ τετάρτῳ κανόνι καὶ θεσπισματι τῶν τοιοῦτων ταῦτα. Εἰ τις διακρίνοι τὸ παρὰ πρεσβυτέρου γεραμηνάτος, ὡς μὴ χρῆναι λειτουργήσαντος αὐτοῦ προσφορὰς μεταλαμβάνειν, ἀνάθεμα ἔστω.* По Русски: Третья книга наша о брацѣ ереѣстимъ

«Maximus est error et peccatum de conjugio sacerdotum, quod ab illis, qui uxores habent, sumere corpus Christi renuitis. Cum Sancta Synodus, quae fuit in Gangra, scribat, in 4 canone: «Qui spernit sacerdotem, secundum legem uxorem habentem, et dicit, quod non liceat ex manibus ejus accipere Sacramentum, sit anathema!» Это правило находится въ «Concil. Magn., tom. 2, pag. 506, interprete Isid. Mercatore (въ переводѣ Псевдора Меркатора), съ слѣдующими словами: «Si quis discernit presbyterum conjugatum (in Graeco textu: παρά πρεσβυτέρῳ γεγαμηχός), tanquam occasione nuptiarum, quod offerre non debeat, et ab ejus oblatione ideo abstinet, anathema sit.» Glossator Conciliorum ad hunc canonem: «Non qui uxorem habet, sed habuit.» Possevinus vero, in «Apparatu Sacro», de voce Gangressis, pag. 617, ex Gregorio: «Regulae Sanctorum Patrum pro tempore, loco, persona et negotio, instante necessitate, traditae sunt.» Canon scriptus est contra Eustathianos, qui nuptias abominandas ducebant.»

Русскіе Священники, прежде чѣмъ поступать въ Священническій санъ, должны жениться, и непременно на дѣвицѣ, а не вдовѣ, а тѣмъ болѣе не на развратной женщинѣ, или имѣющей развратныхъ родственниковъ. Если поступающій въ Священники на брачномъ ложѣ не найдетъ дѣвства, и это въ послѣдствіи обнаружится, то онъ лишается своей должности. Священникъ не можетъ ити къ алтарю и служить обѣдню, если на канунѣ, ночью, пилъ плотское совокупленіе съ женою своею. Если у Священника умретъ жена, то онъ можетъ служить только заутреню и вечерню, но не обѣдню, въ которой совершаются таинства. Онъ не можетъ уже въ такомъ случаѣ служить у алтаря; а также ни крестить, ни вѣнчать, но только можетъ читать и пѣть во время службы. Такіе Священники обыкновенно употребляются при по-

---

есть, яко и гноушае҃хеса отъ роу҃къ таковыхъ причащатиса. Послушай же нынѣ, что о сей глаголють глаголетъ свѣтлыи богоу҃стныи съборъ иже въ Гангрѣ. Нише҃тъ же нынѣ въ ѿ. правнѣ таковыс: иже оу҃множаша президента, по законоу҃ же҃нѣ причаща, и глаголетъ, яко же подоблетъ, слоужащю емоу, отъ того причащѣнїи не причащати, да проклатъ боудеть! Ясно, переводъ зотъ не вполне соотвѣтствуетъ своему подлиннику. О. Б.

сольствахъ, для прислуживанія посламъ при Богослуженіи. Они не могутъ также вступать во второй бракъ; по этому молодой Священникъ, которому нельзя вѣрить, чтобы онъ прожилъ въ чистотѣ вѣнъ брачной жизни, можетъ сложить съ себя свою скуфью и рясу, стать міряниномъ, заняться торговлею, или ремесломъ, и тогда можетъ снова жениться, что не рѣдко и случается. Если же Священникъ старъ и не можетъ, или не желаетъ, служить въ церкви только заутреню и вечерню, то онъ можетъ поступить въ монастырь и сдѣлаться монахомъ.

Русскіе по городамъ и вѣнъ городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, имѣютъ множество монастырей мужскихъ и женскихъ, и большая часть ихъ основаны по правиламъ Василія Великаго.

Въ монастыри поступаютъ частію по бѣдности, частію по старости и увѣчью, частію же по нежеланію жить съ своими супругами, а нѣкоторые по инымъ особеннымъ причинамъ, противъ воли, нѣкоторые даже, наконецъ, по особой набожности, добровольно, что дѣлаютъ иногда и люди довольно богатые. Если въ монастырь вступаетъ богатый человѣкъ, то онъ беретъ съ собою только часть своего имущества, въ наличныхъ деньгахъ; прочее же все остается въ пользу его наслѣдниковъ, какъ это установлено нѣсколько лѣтъ тому назадъ на ихъ новомъ Соборѣ (Nova Soborna). Въ прежнее же время такіе люди брали въ монастыри все свое имѣніе, отъ чего значительная часть земли отошла къ монастырямъ, такъ что наконецъ Царь могъ остаться безъ земли и крестьянъ. Нѣкоторые монастыри по этому пользуются богатыми доходами, хотя другіе, напротивъ, очень бѣдны. Монастырская братья содержится строго и должна неупустительно исполнять свои обязанности. Такъ, они прилѣжно должны отправлять часы молитвы и богослуженій въ извѣстное время дня и ночи, и постоянно почти имѣть при себѣ четки (Rosaria). Вообще монашествующіе ведутъ довольно суровую жизнь въ монастыряхъ, никогда не ѣдятъ мяса, и рыбу никогда свѣжую, но только соленую, за тѣмъ питаются медомъ, молокомъ, сыромъ и овощами, преимущественно свѣжими и солеными огурцами, пьютъ при этомъ квасъ (Quass), или сырецъ (Kovent), или же кропать въ квасъ огурцы, и ѣдятъ такое кушанье ложками. Вѣнъ же монастыря они позволя-

ють себѣ пображничать и иногда такъ-то наѣдятся и напьются у другихъ, что приходится ихъ везти уже изъ гостей въ монастырь. Большинство монаховъ совершенно простые и неразвитые люди; десятый развѣ изъ нихъ, также какъ и все почти Русскіе изъ простонародья, едва знаютъ молитву: «Отче нашъ» (какъ объ этомъ справедливо пишетъ Clem. Adam въ «Anglor. navigatione ad Moscovitas» («Orationem Dominicam decimus quisque haud novit»). Только немногіе знаютъ 10 Заповѣдей Господнихъ, полагая, что знаніе подобныхъ вещей свойственно только знатымъ господамъ и высшимъ духовнымъ чинамъ, а вовсе не имъ, какъ это можно читать у Гваньина, с. 2, «De relig. Russorum.» Геннингъ (Henning), въ своей Лифляндской лѣтописи (Liefllaendische Chronica. Leipz. 1594), на страницѣ 55, упоминаетъ, что однажды Грозный Великій Князь, бывши въ Новгородѣ на свадьбѣ у Датскаго Герцога, Магнуса, отколотилъ палкою по головамъ нѣсколькихъ монаховъ за то, что они были до такой степени несвѣдуци, что даже Символа Вѣры, который Великій Князь самъ пѣлъ, вмѣсто брачной пѣсни, не могли читать по книгѣ такъ бойко, какъ онъ пѣлъ его на память. Простые монахи часто встрѣчаются по улицамъ пѣшіе и на конѣ, или же на телѣгахъ, какъ крестьяне, или извозчики, и они покупаютъ и торгуются точно міряне, отъ которыхъ ихъ и отличить нельзя иначе, какъ только по ихъ черной одеждѣ.

Есть также и такіе Русскіе, которые, по особому набожному настроенію, удаляются въ лѣса, и тамъ, у дорогъ, строятъ часовни, въ которыхъ проводятъ свою суровую пустыническую жизнь и содержатъ себя только подаяніями, которыя даютъ имъ крестьяне и вообще проезжающій мимо народъ. Такихъ пустынниковъ мы видѣли нѣсколько на пути между Новгородомъ и Тверью.

Г Л А В А XXX.

О постахъ Русскихъ.

Русская Церковь предписываетъ довольно строгій родъ постовъ, которые люди набожные и богобоязливые исполняютъ въ точности, другіе же хотя и соблюдаютъ посты, но не такъ строго. Вообще же всѣ Русскіе, сколько я могъ узнать, предоставленные самимъ себѣ, и даже въ дорогѣ, въ постные дни отнюдь не станутъ ѣсть мяса; за то знатные люди по Средамъ и Пятницамъ ѣдятъ самую лучшую рыбу. Когда же бываетъ какой нибудь изъ главныхъ постовъ, то и они также, по наружному виду, въ ѣдѣ довольно умѣренны и воздерживаются отъ всего, что происходитъ отъ живности (мяснаго), а въ настоящее время не употребляютъ даже сахару, не считавшагося прежде поганымъ; ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ иноземный купецъ, по имени Бокъ (Bock), объявилъ Патріярху, что сахаръ очищается будто бы личнымъ бѣлкомъ.

У Русскихъ въ году болѣе постныхъ дней, чѣмъ иныхъ, въ которые они могутъ ѣсть мясо. Кромѣ двухдневнаго въ недѣлю, сейчасъ упомянутаго, поста (по Средамъ и Пятницамъ), у нихъ первый самый большой постъ семинедѣльный in Quadragesima, начинается на: «Esto mihi,» и продолжается до Пасхи. Первую недѣлю этого поста называютъ Русскіе Масляницей (Maslaniza), когда они не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, а только масло, молоко и яйца, но при этомъ всѣ дни до такой степени услаждаютъ себя и напиваются водкой, медомъ и пивомъ, что теряютъ всякое сознаніе, въ слѣдствіе чего бываетъ всякаго рода разгулье и шалости, а въ прежнее время, какъ выше уже сказано мною, совершалось множество дракъ и убійствъ. Такимъ образомъ такое препровожденіе времени представляетъ плохое приготовленіе себя къ посту. Сдѣсь хорошо можетъ послужить напоминаніе, которое дѣлаетъ Василій «De laude jejunii.» «Non per temulentiam aditus ad jejunium, nec ad sobrietatem per lasciviam.» Homil. 1, pag. 186. Слѣдующую же за тѣмъ недѣлю они начинаютъ жить умѣренно, ѣдятъ только медъ и овощи, пьютъ квасъ и воду, ходятъ въ баню, потѣютъ тамъ и обмываются отъ грѣховъ, содѣянныхъ ими въ предшествовавшую недѣлю и испрашиваютъ у Священника благословеніе. Остальное

время этого поста большинство Русскихъ, которые желаютъ вести себя болѣе набожнымъ образомъ, не ѣдятъ даже ни какой рыбы, за исключеніемъ Воскресныхъ дней. Другой постъ начинается черезъ восемь дней послѣ Пятидесятницы и продолжается до Петра и Павла. Постъ этотъ называется Петровскимъ. Третій постъ съ 1 Августа и продолжается 14 дней. Четвертый съ 12-го ¹ Ноября до Рождества Христова. Недѣлю же послѣ Рождества Христова по Новыи Годъ Русскіе ѣдятъ всякаго рода мясо, и ни кто уже изъ нихъ не пропуститъ этого времени поѣсть мяснаго, кто только можетъ купить себѣ его. То же самое дѣлаютъ они и по всѣмъ праздникамъ и во всѣ Воскресные дни, если только они не приходятся во время постовъ, и они думаютъ даже, что было бы грѣшно не ѣсть въ этѣ дни мяса, и въ этомъ отношеніи они вовсе не желаютъ жить (какъ говоритъ Гваньинъ) противу Апостольскаго правила, описаннаго Папою Клементомъ (Clement. Papae cap. Apost.) а именно, что въ Воскресенье, или въ день Субботній, ни кто не долженъ поститься: «*Si quis Clericus inventus fuerit die Dominico jejunare, vel Sabbatho, praeterquam uno solo, deponatur; sin autem Laicus, segregetur.*» Правило это находится въ «*Concil. Magn.*», Венеціанскаго изданія томъ 1, стр. 23, Канонъ 65, а въ новомъ Парижскомъ изданіи оно опущено.

Во все время постовъ, особенно во время Великаго Поста, когда Русскіе не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, а также въ продолженіе 8 дней передъ принятіемъ Св. Таинъ, ни Священникъ и никто другой не смѣетъ имѣть плотскаго сообщенія съ женою своею, подъ опасеніемъ значительнаго денежнаго взыскація. Полагаю, впрочемъ, что по доносамъ самихъ виновниковъ въ подобныхъ дѣлахъ, или женъ ихъ, не много собирается такихъ взыскаемыхъ денегъ.

Въ Великій Постъ, когда наступаетъ время, въ которое Русскіе собираются говѣть и исповѣдываться, нѣкоторые изъ нихъ покупаютъ птицъ, и выпускаютъ ихъ на волю, полагая, что этѣмъ они совершаютъ доброе дѣло, и что Богъ точно также освободитъ ихъ и отъ ихъ прегрѣшеній.

---

¹ Ошибочно, вмѣсто 15. О. Б.

Г Л А В А XXXI.

О Покаяніи и Св. Причащеніи.

Исповѣдь Русскіе считаютъ дѣломъ необходимымъ для обращенія и примиренія своего съ Богомъ, и взрослые и пришедшіе уже въ разумъ люди неупустительно должны отправлять его передъ Таинствомъ Причащенія. Хотя каждому предоставляется на волю исповѣдываться и причащаться, когда захочетъ, но вообще для говѣнья стараются употреблять время около св. Пасхи, говѣютъ на Страстной Недѣлѣ, нѣкоторые и прежде, исповѣдываются же большею частію въ Пятницу, и за тѣмъ въ Субботу подъ Пасху причащаются. Восемь дней передъ исповѣдью они умерщвляютъ плоть свою строгимъ постомъ, не ѣдятъ и не пьютъ ни чего, кромѣ хлѣба и квасу и другихъ кислыхъ напитковъ, такъ что за это время говѣющіе спадаютъ съ тѣла и дѣлаются отъ того больные. Покаяніе должно совершаться по среди церкви, подъ круглымъ сводомъ, передъ Священникомъ. Кающійся во время исповѣди долженъ держать глаза свои постоянно устремленными на приготовленный для того образъ, высказать Священнику рѣшительно всѣ грѣхи свои, какіе только знаетъ за собою, и дать обѣщаніе вести лучшую жизнь. За тѣмъ Священникъ произноситъ ему отпущеніе грѣховъ и налагаетъ наказаніе на него, смотря по великости грѣховъ, именно: предписываетъ постъ на извѣстное время, либо велитъ ему сдѣлать нѣскольکو сотъ, и даже тысячъ, поклоновъ передъ образомъ своего Святаго, съ произношеніемъ: «Господи, помилуй!» либо запрещаетъ извѣстное время воздерживаться отъ совокупленія съ женою (что Русскіе, по страстной природѣ своей, считаютъ весьма тяжелымъ наказаніемъ), либо же, наконецъ, тоже на извѣстное время, воспрещаетъ ему входъ въ церковь и велитъ стоять въ ней только на паперти, передъ дверьми. Если же грѣхи кающагося такъ велики, что всѣ исчисленные роды духовныхъ наказаній оказываются малы, то онъ долженъ омыться святою водою, добываемою обыкновенно изъ рѣки, въ которой совершалось водосвятіе въ день Богоявленія и сохраняемой Священникомъ въ церкви въ теченіе цѣлаго года, для подобнаго употребленія; воду эту Священ-

ники отпускають за деньги. По исполненіи сказанныхъ выше наказаній (епитимій), или по омовеніи себя св. водою, Русскіе считаютъ, основываясь на словахъ Пророка Исаіи, что они сдѣлали все по заповѣдямъ Господнимъ, и что, по тому, вполне очистились отъ грѣховъ своихъ.

Святое Причастіе Русскіе отнюдь не принимаютъ, когда ѣдятъ какую либо мясную пищу, но непременно въ постный день; также, когда они сподобятся Св. Причастія, то въ этотъ самый день отнюдь уже не ѣдятъ ни какого мяса.

Самые Св. дары они употребляютъ въ двойкомъ, или, такъ сказать, въ тройномъ видѣ; ибо они составляютъ его изъ хлѣба, вина и воды. Хлѣбъ, который они употребляютъ для приготовления Св. Даровъ, долженъ быть квасной и испеченъ вдовою Священника. Такой родъ хлѣба для Причастія также составляетъ одну изъ причинъ, которую Русскіе выставляютъ, по чему они не могутъ быть согласны съ Католическою Церковью; ибо эта послѣдняя для Св. Причастія употребляетъ не квасной хлѣбъ. Русскіе говорятъ, что это по Іудейски; ибо Іудеямъ повелѣно было, при изготовленіи Пасхальнаго агнца, ѣсть сладкій хлѣбъ; при томъ празднованіи Пасхальнаго агнца Іудеи совершали въ память избавленія отъ Египтянъ; мы же, Христіане, не имѣемъ ни какого соотношенія ни съ порабощеніемъ Египетскимъ, ни съ избавленіемъ отъ онаго. Къ тому же, Иисусъ Христосъ за тайною вечерію съ своими учениками ѣлъ вовсе не Іудейскаго Пасхальнаго агнца; слѣдовательно, при этомъ не должно было быть ни какого не кваснаго хлѣба. Далѣе: Іудеи, когда ѣдятъ Пасхальнаго агнца, должны при этомъ стоять и совершать еще нѣкоторые другіе обряды, которыхъ при Тайной вечери Иисуса Христа совершаемо не было; Иисусъ Христосъ съ своими учениками ѣлъ за Тайною вечерію не стоя, но сидя за столомъ; иначе Евангелистъ Іоаннъ не могъ бы возлежать на груди его. Также и въ Св. Писаніи не говорится: «Христосъ взялъ *ἄζυμα*, не квасной,» но сказано: «*τὸν ἄρτον*»—хлѣбъ, который разломилъ, подалъ своимъ ученикамъ и сказалъ, что они должны ѣсть этотъ хлѣбъ въ воспоминаніе объ Его страданіяхъ, а не въ память избавленія отъ Египтянъ. По всему

этому Русскіе, согласно съ Греческой Церковью, полагають, что Латипская Церковь поступаетъ несправедливо, употребляя въ этомъ случаѣ нектасной хлѣбъ. За это Михаилъ, Патріархъ Константинопольскій, предалъ анаемѣ Латипскую Церковь, и осудилъ ее, какъ это видно у Антонина, Епископа Флорентійскаго, въ Лѣтописи его (Antonini, Episcopi Florentini, Chronicon. Lugduni Batavor. 1586) часть 3, стр. 571, и изъ посланія Папы Льва IX въ 1054 г. по Р. X. къ промянутому сейчасъ Патріарху; посланіе это можно читать въ «Concil. Magn.» въ 20-мъ томѣ, на стр. 497, и въ «Annalib. Ecclesiast. (Antverpiae, 1597) Varonii,» томъ 2, стр. 212. Хлѣбъ, который Русскіе употребляютъ въ Св. Причастіи, благословляется частію въ Чистый Четверкъ, частію въ тотъ самый день, въ который они хотятъ причащаться. Благословляемый въ Чистый Четверкъ назначается только для больныхъ и изготавляется онъ такимъ образомъ. Берутъ испеченный для этого хлѣбъ, величиною почти съ большой рейхсталеръ, съ изображеніемъ распятія по срединѣ. Надъ хлѣбомъ сивъ поется: «Agnus Dei,» и произносится благословеніе, и за тѣмъ та частица хлѣба, на которой выпечено распятіе, вырѣзывается желѣзнымъ ножичкомъ, ииѣющимъ видъ копья, и вырѣзанныя части кладутся въ деревяннаго голубя, котораго вѣшаютъ надъ алтаремъ, чтобы хлѣбъ не тронули мыши, или что другое нечистое. Если кто въ теченіе года заболѣетъ и вдругъ неожиданно пожелаетъ причаститься Св. Таинъ, то изъ этого голубя берутъ такимъ образомъ освященнаго хлѣба небольшой кусочекъ, наливають на него три капли краснаго вина и кладутъ въ чашу; иногда подливають къ хлѣбу и вину темнаго воды, иногда же воды не подливають, смотря по тому, какъ можетъ принимать дары больной; такимъ образомъ даютъ причастіе больному ложечкой. Иногда же, если больной не можетъ уже проглотить хлѣба, даютъ ему только одного вина. Когда же приобщаютъ Святыхъ Таинъ здоровыхъ, во время общественнаго причащенія, то берутъ небольшой круглый хлѣбецъ, величиною въ половину рейхсталера, который печется въ такомъ же видѣ, какъ и выше описанный, и изъ него также вырѣзываются сказаннымъ образомъ частицы. За тѣмъ частицы этѣ разламываются на столько маленькихъ кусочковъ, сколько находится причастниковъ, крошатъ этѣ кусочки въ красное вино, прибавляя въ него нѣсколько воды (ибо Русскіе говорятъ, что кровь и вода, истекшія изъ раны

Исуса Христа, безъ сомнѣнія, были нѣсколько тепловатыя), благословляютъ все это и вѣрують, что при этомъ совершается *transubstantiation*, пресуществленіе, т. е., что хлѣбъ и вино дѣйствительно пресуществляются въ тѣло и кровь Исуса Христа. Причастіе даютъ причастникамъ ложечкою, при чемъ говорятъ: «Сіе есть истинное тѣло и кровь Исуса Христа, еже за тя и за многіе ломимое и изливаемое во оставленіе грѣховъ твоихъ, каковыя тѣло и кровь, принимаемая тобою, должны быть принимаемы въ воспоминаніе Христа. Благослови тебя, Боже!» Такой родъ приобщенія Св. Таинъ, въ видѣ крошеного хлѣба, былъ уже въ VI-мъ столѣтіи въ употребленіи у нѣкоторыхъ Христіанъ, и такіе Христіане назывались «*Intinctores*,» но въ 337 году по Р. Х. отвергнутъ и осужденъ Папою Юліемъ I, какъ о томъ говорится въ «*Concil. Magn.*,» tom. 2, pag. 620, descr. 7.

Послѣ принятія Св. Таинъ, нѣкоторые Русскіе, болѣе благочестивые, ложатся и спятъ цѣлый день, для того, чтобы не имѣть повода снова грѣшить. Въ слѣдующее за тѣмъ Воскресенье Священники раздають въ церкви опять по кусочку изъ тѣхъ освященныхъ хлѣбовъ, изъ середины которыхъ вырѣзаны были частицы съ изображеніемъ распятія, для Св. даровъ, и Русскіе ѣдятъ этѣ кусочки хлѣба. Это называютъ они кутьею (*Kutja*), и она означаетъ какъ бы даръ и знакъ общей Христіанской любви между ними. ¹

Русскіе даютъ немного Святаго Причастія и малымъ больнымъ дѣтямъ; но дѣтямъ старше семи лѣтъ даютъ Причастіе вполне; ибо они говорятъ, что съ семилѣтняго возраста человекъ начинаетъ грѣшить. Обычай этотъ они сохранили, безъ сомнѣнія, отъ древней Церкви, которая признавала дѣтей, по совершеніи надъ ними крещенія, способными къ принятію Святаго Причастія, и подобное употреблялось также и въ III-мъ вѣкѣ, во времена Кипріяна, какъ это видно изъ книги его: «*De lapsis*,» и даже было въ ходу и во времена Августина, въ V-мъ столѣтіи, о чемъ можно читать у него же: (*Augustini lib. I. de peccatorum meritis et re-*

¹ Олеарій спуталъ одно съ другимъ. О. Б.

missione, cap. 19 и 20, находящаяся въ 7 томѣ, стр. 666). Въ послѣдствіи дѣтямъ давались только остатки (reliquien) Свят. Причастія, что видно изъ Никифора Каллиста (Nicerphogii Callisti Xanthopuli Historia Ecclesiastica. Basiliae, 1553), который говоритъ, что такой обычай былъ въ Константинополѣ, а именно: если что оставалось отъ освященнаго хлѣба и вина, то остатки этѣ давались ѣсть на тощакъ нешаловливымъ дѣтямъ, и онъ, Никифоръ, самъ бывало удостоивался ѣсть такіе остатки, какъ повѣствуетъ онъ объ этомъ въ 17 книгѣ своей «Hist. Eccles.» главѣ 25, стр. 889. Нерузумнымъ же дѣтямъ такими остатками касались только до губъ.

Ни одинъ Священникъ не можетъ давать Причастія въ тотъ самый день, въ который онъ хоронилъ покойника, или цѣловалъ его; ибо въ такихъ случаяхъ онъ считается нечистымъ. Точно также онъ не можетъ давать Причастія родильницѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она родила дѣтя; но для этого она должна быть перенесена въ другую комнату и хорошенько омыться. Въ прежнее время Священники разсылали Св. дары по всей странѣ къ тѣмъ Христіянамъ, которые не имѣли по близости Поповъ, а также освященный просфоры хлѣбъ давали на дорогу воинамъ и путешествующимъ людямъ, для того, чтобы, въ случаѣ, когда они дома уже исповѣдывались, могли принять этотъ хлѣбъ послѣ, когда захотятъ. Вообще же они сохраняютъ этотъ хлѣбъ до той поры, пока не случится съ ними какая ни будь болѣзнь, для того, чтобы, когда увидятъ, что они уже не встанутъ съ своего болѣзненнаго одра, могли какъ бы дорожными деньгами запастись этѣмъ хлѣбомъ на путь къ вѣчной жизни.

Повѣствуютъ также, что у древнихъ было въ обычай, причащаясь, не ѣсть все причастіе, но часть его оставлять и утѣшать себя во время преслѣдованій и другихъ несчастій, съѣдая эту часть передъ обѣдомъ. Это видно изъ Тертулліана, который, говоря о супругахъ, изъ которыхъ одинъ язычникъ, а другой Христіанинъ, пишетъ (lib. 2, ad uxorem, pag. 482): «Non sciet maritus (gentilis), quid secreto ante omnem cibum gustes? Et si sciverit, panem non illum credit esse, qui dicitur.» Да не знаетъ мужъ, что ты тайно вкушаешь передъ всякою пищею; если жъ узнаетъ, то онъ не долженъ думать, чтобы это было тотъ хлѣбъ, какъ онъ называется.» Также и у Кипріяна, въ «De lapsis:» «Cum quaedam argam

suam, in qua Domini sanctum fuit, manibus indignis tentasset aperire; igne inde surgente, deterrita est, ne auderet attingere.» «Когда женщина недостойными руками своими захотѣла было отворить ящикъ, въ которомъ хранился освященный хлѣбъ, то изъ ящика вспыхнулъ огонь, котораго она испугалась такъ, что уже не касалась его болѣе. Обычай этотъ оправдываетъ Василій, въ Посланіи къ Патриціи Кесаріи (ad Caesariam Patriciam) и говорятъ: «Пустынникамъ было очень неудобно и трудно посѣщать часто церкви и собранія Христіанъ; по этому они приобыкли брать съ собою въ пустыни Евхаристію или освященный хлѣбъ и вино.» Объ этомъ свидѣтельствуется также Беларминъ (Bellarminus), въ «De Euchar.,» lib. 4, cap. 4, pag. 785.

Въ древности были и такіе Христіане, которые употребляли морсъ (Most) вмѣсто вина въ Причастіи; они обмакивали также въ освященную жидкость кусокъ полотна, высушивали его и прятали; когда же хотѣли приобщиться, то отрѣзывали кусочекъ этого полотна, и мыли его въ водѣ, которую и употребляли, какъ говорится объ этомъ въ «Concil. Magn.» tom. 2, pag. 610, и противъ такого употребленія существуетъ постановленіе 7 (decretum).

Извѣстнымъ лицамъ, а именно: клятвопреступникамъ, убійцамъ, или другимъ важнымъ преступникамъ, совершившимъ покаяніе въ грѣхахъ, Причастіе у Русскихъ дается не прежде, какъ они будутъ лежать уже на смертномъ одрѣ. Больныхъ, которымъ не помагаютъ уже ни какое лѣкарство, причащаютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ соборованіемъ елеемъ, и въ такомъ случаѣ больной не можетъ уже пользоваться ни какими лѣкарствами и долженъ положиться на одну помощь Божію. Такимъ не даютъ даже и ѣсть ни чего, за исключеніемъ случая, когда силы больного очевидно возвращаются, такъ что можно надѣяться, что онъ выздоровѣетъ. Русскіе погружаютъ также иногда кости или мощи Святыхъ своихъ, въ водѣ, или хлѣбномъ винѣ, и даютъ это пить больнымъ, какъ замѣтилъ это вѣрно Поссевинъ, въ «De reb. Moscovit.» (Coloniae, 1587, pag. 5).

Нѣкоторые богатые люди, когда слягутъ на смертный одръ и почувствуютъ, что близится ихъ послѣдній часъ, причащаются,

и потомъ, по монастырскому уставу, постригаются, мвропомазуются и облакаются въ монашескую одежду. Облекшійся въ такую Серафимскую (какъ Русскіе называютъ) одежду, не долженъ послѣ этого, въ теченіи осьми дней, принимать ни лѣкарства, ни какой либо пищи; ибо Русскіе говорятъ тогда, что таковой состоитъ въ это время въ чинѣ Святыхъ Ангеловъ. Если случится, что такой больной, противъ всякаго чаянія, выздоровѣетъ, то онъ долженъ уже держаться своего обѣта, отрѣшиться отъ своей супруги, или супруга, и поступить въ монастырь.

Г Л А В А XXIII.

О погребеніи покойниковъ.

Что касается до погребенія покойниковъ Русскихъ, то оно совершается также, какъ и другіе торжественныя дѣйствія, со многими обрядностями. Если умретъ кто, то сходятся ближайшіе пріятели покойнаго, и женщины, другъ передъ другомъ, начинаютъ громко вопить и кричать; онѣ становятся вокругъ мертваго тѣла и спрашиваютъ: «За чѣмъ ты умеръ? Али у тебя не доставало продовольствія какого, пищи, напитковъ, одежды, или чего другого? Али жена у тебя была не добра, не молода и не красива и не довольно вѣрна? И прочее, подобное этому. Такія жалобы повторяютъ онѣ и у могилы, когда слѣдуетъ уже опускать въ нее, а также и послѣ, по нѣскольку разъ въ году, надъ могилами, какъ о томъ сказано подробнѣе уже выше сего.

Въ то же время немедленно посылается въ даръ Священнику пиво, медъ и водка, чтобы онъ помолился за спасеніе души усопшаго. Тѣло же умершаго на чисто обмываютъ, одѣваютъ въ полотняную одежду, ноги обуваютъ въ башмаки изъ тонкой красной кожи, а руки складываютъ крестообразно одну на другую, и такимъ образомъ кладутъ въ гробъ (гробы въ нѣсколькихъ мѣстахъ города, выдолбленные всѣ изъ дѣльнаго дерева, разной величины, продаются открыто); на гробъ вѣшаютъ за тѣмъ сукно, или полотно, а иногда и кафтанъ умершаго, и

такъ относятъ покойника въ церковь, гдѣ, если онъ знатный, и оставляется въ зимнее время до восьми дней. Въ церкви Священникъ ежедневно окропляетъ тѣло Святою водою, кадитъ ладономъ, при чемъ поетъ и по отлетѣвшей душѣ служитъ обѣдню.

Выносъ тѣла совершается такъ: несутъ его четверо, или шестеро, человекъ, и если это монахини, или монахи, то и нести должны монахини, или монахи. Передъ тѣломъ идутъ нѣсколько женщинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ, съ покрытымъ лицомъ и выражающія свою скорбь тѣлодвиженіями и жалобными воплями: то громко закричатъ онѣ, то стихнутъ немного, то опять начнутъ громко плакать и жаловаться на вѣчную разлуку съ покойнымъ другомъ, при чемъ высказываютъ желаніе, что хорошо было бы, если бъ онъ прожилъ долѣе, по тому что онъ былъ благочестивый и вообще прекрасный человекъ. Во все это время нѣсколько Священниковъ, идущихъ впереди и позади гроба съ образами и кадилами, поютъ, но изъ нѣнія этого только и можно слышать слѣдующія слова: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный! (помилуй насъ)!»

За тѣломъ слѣдуютъ ближайшіе друзья и хорошіе знакомые, хотя безъ всякаго порядка, кучею, каждый съ восковою свѣчею въ рукѣ. Прибывши къ могилѣ, гробъ спускаютъ на землю, открываютъ его и снова кадятъ покойника ладономъ; при чемъ надъ нимъ держатъ образъ, который покойный чтилъ при жизни, какъ своего Святаго; Священникъ молится предъ нимъ, часто повторяя слѣдующія слова: «Помяни, Господи, душу усопшаго раба во Царствіи Твоемъ!» И кромѣ того читаются и другія молитвы по Греческой Литургіи. Между тѣмъ, оставшаяся вдова стоитъ надъ тѣломъ и снова, скорбными воплями, повторяетъ приведенные выше вопросы свои къ мужу. За тѣмъ подходятъ за вдовою и друзья покойнаго къ гробу, цѣлуютъ гробъ, а иногда и самаго покойника, въ послѣдній разъ, и отходятъ назадъ. Наконецъ приближается и Священникъ, даетъ покойнику въ гробъ разрѣшительную молитву (einen Pass), которая обыкновенно получается за деньги, въ Москвѣ, у Патріарха, а въ другихъ мѣстахъ отъ Митрополитовъ и Архіепископовъ, а за неимѣніемъ и ихъ, отъ Священниковъ. Разрѣшительная эта содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«Мы (имя рекъ), Епископъ, или Священникъ, признаемъ сдѣсь, и свидѣтельствуемъ симъ, что означенный тутъ (имя рекъ), жилъ у насъ истиннымъ Христіаниномъ, Греческаго Исповѣданія, и хотя онъ иногда и погрѣшалъ, но въ грѣхахъ своихъ принесъ покаяніе и принялъ отпущеніе и Святое Причастіе во оставленіе его грѣховъ. Онъ истинно чтилъ Бога и Святыхъ Его угодниковъ, постился и молился, какъ слѣдуетъ. Со мною (имя рекъ), какъ съ своимъ духовнымъ отцомъ, онъ также пребывалъ въ согласіи и послушаніи во всемъ, такъ что я совершенно отпустилъ ему его прегрѣшенія. По этому мы выдали ему эту рѣшительную, чтобы онъ предъявилъ ее Святому Петру и другимъ Святымъ, на тотъ конецъ, дабы онъ могъ безвозвратно быть впущенъ въ двери вѣчнаго блаженства.»

Разрѣшительная эта подписывается Патріархомъ, Епископомъ, или Священникомъ, скрѣпляется печатью и вкладывается покойнику между двумя перстами. Простодушные люди думаютъ, что такая разрѣшительная и препорученіе (*recommendation*) весьма способствуютъ для прохода на томъ свѣтѣ. Главнымъ же образомъ она помогаетъ духовенству получать деньги. О такой разрѣшительной упоминаетъ Гваньинъ въ «*De religione Moscovitarum*», сар. 2, pag. 174). Когда такимъ образомъ снабдятъ разрѣшительною усопшаго, гробъ закрываютъ накрѣпко и зарываютъ въ могилу, при чемъ тѣло усопшаго кладется въ могилѣ обращенное лицомъ на востокъ. Зарывши покойнаго, провожавшіе его молятся образу и возвращаются домой, гдѣ для друзей изговлается заупокойный пиръ, на которомъ запиваютъ горе, при чемъ всѣ гости, какъ мужчины, такъ и женщины, порядкомъ напиваются.

Русскіе печалются о покойникахъ своихъ шесть недѣль, въ продолженіи которыхъ богатые люди трижды справляютъ большія поминovenія и приглашаютъ на нихъ, кромѣ пріятелей, и всѣхъ тѣхъ Священниковъ, которые участвовали при похоронахъ усопшаго. Поминovenія этѣ бываютъ обыкновенно на 3, 9 и 20 день послѣ смерти, но по чему Русскіе справляютъ ихъ поминки именно въ этѣ, а не въ другіе, дни, я до сихъ поръ отъ нихъ дознать этого не могъ. Безъ сомнѣнія, они заимствовали это отъ Грековъ, которые (какъ явствуетъ это изъ «*Notis Martini Crusii*» о

«*Historia Ecclesiastica Turco-Graeciae*» (Basiliae, 1585, pag., 203), имѣли такой же обычай и въ Константинополѣ, но только въ 20 и 40 дни. Причины назначенія такихъ дней, которыми сказанный писатель выставляетъ, двойкаго рода, находятся у него тамъ же, въ помянутомъ сейчасъ мѣстѣ. Этѣ три поименованія у Русскихъ значатъ то же, что «*justa*,» или «*parentalia*,» поминки и жертвы по усопшимъ, а также и то, что оставшіеся въ живыхъ должны жить въ любви и дружбѣ между собою, и на этотъ конецъ готовится даже особое кушанье изъ освященнаго хлѣба, называемаго у нихъ кутьею (Kutja); Греки же, которые также имѣли въ своей Церкви подобныя празднества и раздавали при этомъ подобныя же кусочки освященнаго хлѣба, называютъ этотъ хлѣбъ *ψωμίον ἀγάπης*, *bucella charitatis et benevolentiae*, кусочекъ любви, какъ повѣствуетъ въ томъ же мѣстѣ Крузе, заимствуя у Герлаха (Gerlach). Но Русскіе (Священники и всѣ другіе) на такихъ дружескихъ поминкахъ напиваются до такой степени, что домой ползутъ уже на четверенькахъ.

Надъ могилами хоть нѣсколько состоятельныхъ покойниковъ, Русскіе на кладбищахъ строятъ небольшія избушки, въ которыхъ можетъ помѣститься стоя одинъ только человекъ; постройки этѣ обвѣшиваются обыкновенно рогожами, и въ нихъ-то, въ продолженіе шести недѣль, ежедневно, утромъ и послѣ обѣда, Священникъ, его помощникъ (Capellan), или монахъ читаетъ нѣкоторые псалмы Давида и нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, во успокоеніе души умершаго, хотя Русскіе, также какъ и Греки, не признаютъ ни какого чистилища (*Purgatorium*), какъ справедливо свидѣтельствуемъ о томъ Герберштейнъ, Поссевинъ и Гваньинъ, вмѣстѣ съ другими; но они вѣруютъ, что есть два извѣстныхъ мѣста; куда души умершихъ удаляются тотчасъ по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла и гдѣ дожидаются онѣ второго пришествія и воскресенія своихъ тѣлъ, смотря по тому, какъ кто жилъ на землѣ и добрыя, или злыя, дѣла творилъ. А именно: души праведныхъ пребываютъ въ прекрасномъ и блаженномъ мѣстѣ, въ обществѣ добрыхъ Ангеловъ и въ блаженствѣ, души же безбожныхъ въ мрачной, безпредѣльной юдоли, гдѣ живутъ страшныя, злыя души.

Русскіе полагаютъ по этому, что душа умершаго, какъ только отдѣлится она отъ тѣла и будетъ паходиться на пути къ сказаннымъ двумъ мѣстамъ, можетъ, прилежными молитвами и предстательствомъ бывшаго духовника своего, Священника, монаха, или другого кого, быть возвращена на правый путь, къ блаженству и принята въ сообщество добрыхъ Ангеловъ; или же, если душа попала на лѣвую дорогу, то необходимо также умилостивлять Бога жертвами и молитвами о томъ, чтобы Онъ смягчилъ гнѣвъ свой за грѣхи недоброй души, внесъ бы ее въ книгу жизни и явилъ бы себя милостивѣе къ ней въ великій день Суда. Въ слѣдствіе такихъ же понятій, Русскіе также раздаютъ и милостыню: такъ, когда умретъ богатый, то въ продолженіе шести недѣль бѣднымъ ежедневно отпускается извѣстное количество хлѣба и денегъ. Между Русскими находятя также и такіе люди, которые не только много жертвуютъ на церкви и монастыри, но раздаютъ щедрою рукою милостыни и бѣднымъ, хотя въ другомъ чѣмъ, по отношенію къ нимъ, не отличаются большою совѣстію и берутъ большіе барыши съ своихъ ближнихъ при куплѣ, продажѣ, или при другихъ какихъ либо дѣлахъ. Такъ, купцы, выходя изъ домовъ своихъ въ церковь и оттуда въ свои лавки, покупаютъ прежде на хлѣбномъ рынкѣ нѣсколько хлѣбовъ, берутъ ихъ съ собою, разрѣзываютъ и дѣлятъ между нищими, которыхъ въ Москвѣ бездна. Отъ такихъ подаваній нищіе эѣ набираютъ, за продовольствіемъ себя, такой обильный остатокъ хлѣба, что они разрѣзываютъ его на четвероугольные кусочки, величиною въ вершокъ, сушатъ въ печахъ, и за тѣмъ полными мѣнками продаютъ на торгу путешествующимъ людямъ; такіе кусочки сушенаго хлѣба Русскіе называютъ сухарями (Suchari).

Г Л А В А ХХХІІІ.

О Вѣроисповѣданіяхъ иноземныхъ, терпимыхъ и не терпимыхъ Москвитянами.

Москвитяне терпятъ всякаго рода Вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, какъ, на примѣръ, съ Лютеранами, Кальвинистами, Армянами, Татарамн, Персіянами и Турками; но Папистовъ и Жидовъ не любятъ, и для Русскаго нѣтъ большей обиды, какъ выбрать его Жидомъ, хотя многіе Русскіе изъ купечества очень похожи на Жидовъ. Лютеране и Кальвинисты до сихъ поръ встрѣчаются не только вездѣ въ Россіи, но торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, которыя они обширно ведутъ съ Русскими, но съ удовольствіемъ принимаются и въ Москвѣ, при дворѣ, на домашнюю и полевую службу Его Царскаго Величества, и теперь этѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ живеть до 1000 человекъ. Лютеранамъ и Кальвинистамъ дозволяется свободно отправлять, каждымъ по ихъ обряду, богослуженіе въ особенныхъ церквахъ, и прежде оба этѣ Исповѣданія имѣли въ Москвѣ особыя свои церкви, выстроенныя въ чертѣ Царьгорода (Zaargorod). Но двадцать лѣтъ тому назадъ Лютеране, въ слѣдствіе ссоры и даже драки ихъ жепъ, повздорившихъ за первенство мѣстъ во время Богослуженія, лишились своей церкви. Случилось это такъ: передъ бывшей тогда осадю Смоленска, нѣкоторые Нѣмецкіе военные Офицеры поженились на дочеряхъ купцовъ, и за тѣмъ, этѣ купческія дочери, будучи уже женами Капитановъ и Поручиковъ, не захотѣли сидѣть въ церкви между прежними купческіми женами. Этѣ же послѣднія считали упизительнымъ для себя, что бывшія недавно дѣвицы ихъ будутъ сидѣть въ церкви выше ихъ; по этому-то завязался въ церкви великій споръ, перешедшій скоро и въ драку. Случилось въ это время Патріарху проѣзжать какъ разъ мимо церкви: онъ видитъ сумятицу, спрашиваетъ о причинѣ, и когда ему сообщили, что свалка была въ Нѣмецкой церкви, въ которой люди перессорились за высшія мѣста, то Патріархъ сказалъ: «Я думалъ, что въ церковь Нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, и что тамъ они отправляютъ Богослуженіе, а не занимаются разными придвор-

ными обрядностями.» Въ слѣдъ затѣмъ онъ приказалъ немедленно же уничтожить церковь, которая и была срыта до основанія въ тотъ же день. Впрочемъ, Лютеранамъ дозволено было выстроить другую церковь, только внѣ бѣлой стѣны, въ чертѣ Большаго города (Bolsoi gorod).

Кальвинисты, также внутри бѣлой стѣны, начали было строить каменную церковь, возлѣ бывшей тамъ деревянной часовни, и постройка эта доведена была уже почти до крыши; но такъ какъ Патріархъ и Великій Князь на постройку соизволенія своего не давали и смотрѣли только на нее, какъ бы сквозь пальцы, то Патріарху и пришло однажды на мысль приказать разрушить сказанную церковь, вмѣстѣ съ нею и бывшую тамъ деревянную часовню. Такимъ образомъ Кальвинисты въ продолженіе нѣкотораго времени ходили слушать проповѣдь въ Лютеранскую церковь, пока снова не получили дозволенія имѣть свою собственную.

Въ послѣдствіи времени, когда, по требованію Патріарха, Лютеране должны были перенести свою церковь изъ Большаго города (Bolsoi gorod), то, по соизволенію Его Царскаго Величества, они выбрали себѣ за валомъ, на чистомъ полѣ, мѣсто, на которомъ и выстроили церковь, еще больше прежней. Недавно, впрочемъ, при отиѣнѣ Русскаго платья (о которой говорено было выше), они вторично принуждены были перевести свою церковь на другое мѣсто, и произошло это слѣдующимъ образомъ:

Лѣтъ 15 и болѣе тому назадъ Московскіе Священники жаловались, что Нѣмцы, проживая въ городѣ между Русскими, закупили въ собственность, на ихъ приходскія суммы, самыя просторныя мѣста, или площадки, и позастроили ихъ, отъ чего они, Священники, лишились многихъ доходовъ своихъ; по этой жаждѣ, по особому расположенію бывшаго Великаго Князя къ Нѣмцамъ, Священники ни чего добиться не могли. Теперь же, когда самъ Патріархъ вознегодовалъ на то, что Нѣмцы шатаются между Русскими безъ различія въ одинаковой одеждѣ, и въ слѣдствіе этого также получаютъ отъ него благоговеніе, Священники воспользовались этѣмъ случаемъ, возобно-

вили свою старую жалобу и довели дѣло до того, что вышелъ строгій слѣдующій приказъ: «Кто изъ Нѣмцевъ перекрестится въ Русскую Вѣру, тотъ можетъ оставаться жить въ городѣ; кто же изъ нихъ сдѣлать этого не пожелаетъ, тотъ въ самый короткій срокъ долженъ перенестись изъ города, съ своимъ домомъ, къ Покровскимъ (Pogroski) воротамъ, въ Кукуй (Kukkuu), именно въ то мѣсто, гдѣ 40 и болѣе лѣтъ назадъ только и жили одни Нѣмцы, и гдѣ былъ погребенъ Герцогъ Іоаннъ, братъ Короля Датскаго, Христіана IV-го.

Мѣсто это находится при рѣкѣ Яузѣ (Jausa) и получило названіе Кукуй отъ слѣдующаго: когда бывало жившія тамъ жены Нѣмецкихъ солдатъ увидать что либо страшное въ проходящихъ случайно Русскихъ, то говорили обыкновенно между собою: «Kuck, Kucke sie, «Глянь, глянь сюда!» что Русскіе повернули въ срамное слово, означающее названіе мужескаго уда, и при встрѣчѣ съ Нѣмцами кричали бывало имъ въ ругательство: «Нѣмчина убирайся на !» (Nimzin tzisna...), такъ какъ Нѣмцы должны были удалиться на означенное мѣсто Кукуй. Оскорбляясь подобною бранью, Нѣмцы били челомъ Его Царскому Величеству въ слѣдующемъ: «Они, Нѣмцы, видятъ, что Русскій народъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, явно оказываетъ имъ презрѣніе; что при вѣрной ихъ службѣ и добромъ расположеніи, которыя доказали они Его Царскому Величеству и его подданнымъ, всякая, никуда негодная, челядь, поноситъ и обзываетъ ихъ на улицахъ такими срамными словами; по чему и просятъ, чтобы Его Царское Величество, по достохвальному примѣру предковъ своихъ, взялъ ихъ подъ свое милостивѣйшее покровительство, и защитилъ бы ихъ отъ такихъ поносителей и проч. и проч. По такой жалобѣ Его Царское Величество приказалъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что если кто съ этѣхъ поръ обзоветъ Нѣмца малѣйшей бранью, тотъ нещадно будетъ битъ кнутомъ (по обычному у Русскихъ способу). Нѣсколько ослушниковъ этого Царскаго Приказа были такъ сильно наказаны, что воротились домой съ окровавленными спинами, и по тому въ настоящее время Нѣмцы уже избавились отъ сквернословныхъ оскорбленій Русскими. Его Царское Величество далъ даже другое прозваніе мѣсту, въ которомъ живутъ Нѣмцы, и назвалъ его: «Новою Иноземскою Слободою» (Nova Ino-

semska Sloboda). Въ этой Слободѣ каждому Нѣмцу, смотря по достоинствамъ, должности, или занятію его,⁹ дано въ собственность извѣстное мѣсто, на которомъ онъ и обстроивался, и вся Слобода раздѣлена на правильныя улицы. Имѣвшіе въ городѣ деревянныя дома, разобрали ихъ, перевезли и снова выстроили въ Новой Иноземской Слободѣ, гдѣ теперь и живутъ Нѣмцы гораздо безопаснѣе отъ частыхъ пожаровъ, случавшихся у Русскихъ, чѣмъ въ городѣ. По этому большинство Нѣмцевъ говорятъ, что запрещеніемъ имъ носить Русскую одежду и отдѣленіемъ ихъ отъ Русскихъ жилищъ и отъ ежедневнаго съ ними обращенія, имъ сдѣлалось также худо, какъ раку, котораго въ наказаніе хотѣли утопить въ водѣ.

Когда Нѣмцы увидѣли, что имъ данъ былъ какъ бы собственный городъ, въ которомъ они мирно могли проживать себѣ, то ни минуты не задумались о томъ, чтобы и лежащія вдали отъ нихъ церкви перевести также въ Новую Иноземскую Слободу, гдѣ находились уже ихъ очаги и дымъ. Въ настоящее время Лютеране имѣютъ уже тамъ двѣ Нѣмецкія церкви, а Кальвинисты одну Голландскую и другую Англійскую. Въ началѣ они терпѣли таки довольно тяжкія испытанія отъ самоуправства жены Полковника Лесли, побросавшей Русскія иконы въ огонь (какъ сказано о томъ было выше сего), а именно: изъ Нѣмецкихъ церквей повывнесены были за это проповѣдническія кафедръ и алтари, а далѣе сняты крыши, но въ послѣдствіи времени крыши опять были возведены на церквахъ, но алтарей и кафедръ поставить въ нихъ все таки не дозволяли. Лютеране огородили себѣ довольно большое кладбище, на которомъ они и Кальвинисты хоронятъ своихъ покойниковъ. Такъ какъ оба этѣ Исповѣданія охотно терпятъ другъ друга, то и не слышно, чтобы между ними возникало какое ни будь неудовольствіе по дѣламъ Вѣры. Теперешній проповѣдникъ Лютеранъ, Балтазаръ Фаденрехтъ (Fadenrecht) — человекъ хорошо образованный и даровитый; прежній ихъ проповѣдникъ, въ наше время, Г. Мартинъ Мунстербергъ (Munsterberg), изъ Данцига, также богато одаренный и трудолюбивый мужъ; въ началѣ онъ имѣлъ довольно порядочныя средства и весьма многимъ оказывалъ благодѣанія, въ слѣдствіи чего, равно какъ и отъ большаго пожара, постигшаго его въ Москвѣ, лишился

всего своего имущества, принужденъ былъ войти у Русскихъ въ долги, за которые его преслѣдовали до такой степени, что отъ горя и заботъ онъ наконецъ заболѣлъ и умеръ, не достигши и 36 лѣтъ своей жизни. Предшественникъ его былъ Г. Георгъ Оксе (Ochse), человекъ уже старій, котораго, въ качествѣ бочара привезъ съ собою въ Москву Евангелической купецъ, Карлъ Молинъ (Molin). Такъ какъ община въ Москвѣ все увеличивалась и долгое время не имѣла своего Священника, хотя и желала бы въ извѣстные дни послушать проповѣдь, а пріѣхавшій тогда въ Москву Г. Георгъ былъ человекъ начитанный и хорошо умѣлъ пользоваться собраніемъ проповѣдей (Postilla), то его и выбрали Священникомъ, которымъ онъ дѣятельно состоялъ нѣсколько лѣтъ. Когда же, за старостію лѣтъ, ему надоѣло уже читать и заниматься, и когда уже и съ кафедры онъ началъ рязказывать баснословныя вещи, то община уволила его отъ должности и назначила ему съ женою пожизненное содержаніе. Онъ былъ живъ еще во время перваго нашего Посольства въ Москву.

У Реформатовъ также былъ проповѣдникъ ученый мужъ, по имени М. Генрихъ Инхенгёферъ (Inchenhöffer), изъ Герцберга, который прежде былъ Лютераниномъ, прибылъ въ Россію съ воинами и во время войны подъ Смоленскомъ былъ полковымъ проповѣдникомъ, а потомъ, пріѣхавъ въ Москву, сдѣлался Кальвинистомъ. Онъ написалъ сочиненіе, напечатанное имъ въ Бременѣ, подъ заглавіемъ: «Ключъ къ истинному миѣнію о запертыхъ дверяхъ» (Іоанна 20); сочиненіе это было опровергнуто Борнскимъ (Born), въ Мишнѣ (Meissen), Суперъинтендентомъ, Д. Давидомъ Авербахомъ (Averbach). Вдова этого М. Инхенгёфера, и теперь еще живущая въ Москвѣ, была дочь знаменитаго Богослова Виттенбергскаго, Д. Фёрстера (Försteri), который никогда не склонялъ ее къ отпаденію въ Кальвинство (о чемъ она и сама не думала), но, напротивъ, постоянно говорилъ ей, чтобъ она оставалась въ Лютеранской Вѣрѣ, въ которой она только и могла достигнуть вѣчнаго блаженства; ибо Кальвинистскую она менѣе понимала. Въ настоящее время у Реформатовъ проповѣдникомъ состоитъ также ученый мужъ, М. Андрей Гардинъ (Gardinus), родомъ изъ Шотландіи.

Такимъ образомъ Русскіе, какъ сказано уже, охотно терпятъ въ своей странѣ Лютеранъ и Кальвинистовъ, равно какъ и отправление ихъ Богослуженія. Католики же или Паписты до сихъ поръ еще мало пользуются ихъ расположеніемъ и, напротивъ, у Русскихъ они, вмѣстѣ и съ Вѣрою ихъ, считаются какъ бы погаными. Въ 1627 году Французскій Король, Людовикъ XIII, присылалъ къ бывшему Великому Князю Московскому Посланника, по имени Людвигъ де Гайесъ (Ludwig des Hayes), для исходайствованія Французскому народу свободной торговли въ Россіи, при чемъ была сдѣлана попытка просить и о томъ, не лзя ли имѣть тамъ и Католической церкви, но въ этой просьбѣ было на отрѣзъ отказано.

Когда затѣвалась война подъ Смоленскомъ, и въ числѣ иностранныхъ Капитановъ, призванныхъ въ Россію, оказалось и нѣсколько Католиковъ, то имъ выдано было вознагражденіе за проѣздъ и тотчасъ же съ надежными проводниками вывели ихъ обратно за границу. Въ условіяхъ, которыя Русскіе заключали съ нами по поводу торговли съ Персіей, они включили строгое запрещеніе, чтобы между Голштинцами, долженствовавшими отправляться въ Персію и торговать, отнюдь не было ни одного Латинскаго иновѣрца (какъ звали они Римско-Католиковъ). Такъ ненавистно Русскимъ даже самое имя Католиковъ. По этому удивительно, какъ могли они въ 1610 году избрать себѣ въ Великіе Князья Владислава, сына Короля Польскаго, хотя, впрочемъ, вскорѣ же за тѣмъ, прежде еще достиженія дѣйствительнаго управленія, онъ былъ снова отвергнутъ, и Поляки послѣ того, вмѣстѣ съ ихъ Вѣрою, за ругательства надъ образами Русскихъ, сдѣлались для этѣхъ послѣднихъ еще болѣе ненавистны, чѣмъ были прежде.

Вообще ненависть и неприязнь Русскихъ къ Папистамъ или Латинской Церкви исконная и какъ бы прирожденная; предки ихъ приняли ее отъ Грековъ и отъ Греческой Вѣры и передали ее въ наслѣдство своимъ потомкамъ и вкоренили какъ бы ее въ нихъ. Такъ какъ Русскіе признаютъ Греческую Церковь, то и думаютъ, что они также должны быть причастны и той враждѣ, которую Греческая Церковь вела съ Латинскою въ теченіе столь многихъ вѣковъ.

Откуда возникла такая вражда между Греческой и Латинской Церковью, бывшими въ началѣ совершенно согласными, можно видѣть изъ Исторіи Церкви, изъ которой явствуетъ, что впервые она произошла именно въ слѣдствіи спора Епископовъ за первенство, въ послѣдствіи же къ этому примкнули и нѣкоторыя особыя ложныя мнѣнія по вопросамъ Вѣры, которыя Греки приняли противъ ученія Римской Церкви. Для не знающихъ приведу здѣсь въ краткихъ словахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о несогласіяхъ Греческой и Римской Церкви.

Начало и распространеніе Христіанской Церкви во время Апостоловъ и послѣ нихъ совершилось въ Римской Имперіи; ибо она, какъ четвертая Монархія, заключала въ себѣ небольшую часть обитаемаго тогда міра, и въ ней же родился, училъ и пострадалъ Иисусъ Христосъ. Съ теченіемъ времени въ главнѣйшихъ областяхъ и городахъ Имперіи устанавлены были извѣстные Епископы, которые должны были имѣть старательное наблюденіе за ученіемъ и уставами Церкви. А такъ какъ во всей Римской Имперіи важнѣйшими и главнѣйшими тогда городами были: Римъ въ Италіи, Александрія въ Египтѣ и Антиохія въ Сиріи, то и Епископы этихъ городовъ считались главнѣйшими.

Но какъ Римъ, не только самъ по себѣ, но и по тому, что былъ столицею Императора, считался главнѣйшимъ изъ городовъ, и въ немъ Св. Петръ, важнѣйшій изъ Апостоловъ, имѣлъ свой столъ, то по всему этому Епископу Римскому присвоено было главнѣйшее мѣсто, и его называли Папою, такъ какъ названіе Папа или *pápas* (*pater*, отецъ), давалось тогда только лицамъ, имѣвшимъ особую власть и почетъ, и имъ почтенъ былъ въ свое время древній учитель Церкви Кипріянь, какъ это значится въ началѣ 3-го посланія Кипріяна (см. Barthii, «Adversaria» Francofurti, 1624).

Въ 330-мъ году по Р. Х., когда Императоръ Константинъ Великій перенесъ свою столицу изъ Рима въ Византію или въ Константинополь (какъ называютъ этотъ городъ по его имени), и сдѣлалъ его такимъ великолѣпнымъ городомъ, что онъ назывался также Новымъ Римомъ или Восточнымъ Римомъ (*Nova*

Roma и Roma Orientalis), то и Епископъ Константинопольскій также выдвинулся впередъ, сталъ выше двухъ остальныхъ Епископовъ, Александрійскаго и Антиохійскаго, и ему присвоено было второе мѣсто послѣ Папы Римскаго (см. Zonarae, «Annal.» tom. 3, pag. 121. Basiliae, 1557; Suidae, «Historia.» Basiliae, 1581). Это видно изъ 3-го постановленія I-го Константинопольскаго Собора, бывшаго въ 381 году по Рожд. Христовѣ (Decretum 3 Concilii Constantinopolitani): «Constantinopolitanae civitatis Episcopum habere oportet primatus honorem post Romanum Episcopum, propterea quod sit Nova Roma.» (Vide «Concil. gen.», tom. 3, pag. 357 et 363).

Разногласіе же между Греческой и Римской Церковью вышло изъ слѣдующаго: когда, въ 395 году по Р. Х., послѣ смерти Императора Θεодосія I-го, два сына его, Аркадій и Гонорій, раздѣлили между собою Римскую Имперію, обладая Аркадій на Востокъ и Гонорій на Западъ, то, для различія этѣхъ владѣній, стали говорить: «Восточная и Западная Имперія», и такъ какъ на Востокъ употребительнѣйшимъ языкомъ былъ Греческій, а на Западъ Латинскій, то и самыя Церкви стали называться Греческою и Латинскою, но обѣ онѣ пребывали пока еще довольно согласны между собою. Въ послѣдствіи, хотя Римская Имперія снова поступила подъ управленіе одного Императора, но столицей Императора все таки долгое время оставался еще Константинополь; а по тому, за отсутствіемъ Императора изъ Рима, и ради опредѣленія разныхъ чиновъ Церкви, всѣ народы, жившіе въ Западныхъ земляхъ, какъ то: въ Италиі, Франціи и Испаніи, а также въ Нумидіи, Карфагенѣ и проч., невольно обращали, и должны были обращать, свои взоры на Папу, который въ сизъ земляхъ и пользовался большимъ уваженіемъ. Греческій же Патріархъ въ Константинополѣ, ради того, что въ этомъ городѣ присутствовалъ Императоръ, также желалъ пользоваться, если не большимъ, то, по крайней мѣрѣ, не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ Папа въ Римѣ, и довелъ дѣло въ этомъ отношеніи до того, что въ 451 году, на Халкедонскомъ Соборѣ, за нимъ признаны были преимущества и власть, одинаковыя съ Иппскими, какъ это видно изъ actione 16: «Sancti patres 150 definimus de privilegiis sanctissimae Constantinopolitanae Ecclesiae, Novae Romae. Etenim sedi senioris Romae propter imperium illius civitatis patres (glossa marginalis

primatum) consequenter privilegia reddiderunt, et eadem intentione permoti 150 Dei amantissimi Episcopi aequa sanctissimae sedi Novae Romae privilegiis frui, et in ecclesiasticis, sicut illam majestatem habere negotiis, et secundam post illam existere.» Concil. gen.,» tom. 9, pag. 168. Подобное же повторено было и въ 680 г. по Р. Х., на III Константинопольскомъ Соборѣ. Can. 36, in tomo 16, pag. 632.

Но Греки сими не удовольствовались и думали, что оставленный Императоромъ Римъ тѣмъ самымъ какъ бы унизился, а Константинополь, напротивъ, присутствіемъ въ немъ Императора, возвысился въ достоинствахъ и долженъ быть выше Рима, по чему и сами они должны имѣть подобающее преимущество. По этому вопросу Константинопольскій Патріархъ, Іоаннъ, велъ ожесточенный споръ съ Папою Григоріемъ I-мъ, называлъ себя и подписывался Патріархъ *οἰχομενικὸς*, какъ это видно изъ «Epist. Gregorii ad Johannem, Episcopum Constantinop.» Item «Epist. ad Sabinianum Diacon. и къ Императору Маврикію,» которыя находятся въ tom. 13 «Сопс. gen.,» pag. 415, 430, 436. Этотъ споръ во время Маврикія продолжался до тѣхъ поръ, пока Фока не приказалъ умертвить послѣдняго, вмѣстѣ съ его супругой и сыномъ, и не захватилъ въ свои руки правленіе. Фока же прекратилъ этотъ споръ и, изъ ненависти къ Константинопольскому Патріарху, Киріаку, призналъ и утвердилъ за Римскимъ Павой, которымъ былъ тогда Бонифатій III, первенство и главное мѣсто предъ всѣми другими. Объ этомъ говорится у Павла Діакона (Paulus Diaconus l. 4, «De gestis Longobar.,» Hamburgi, 1611, pag. 272) такъ: «Hic (scil. Focas), rogante Papa Bonifacio, statuit sedem Romanae et Apostolicae Ecclesiae caput esse omnium Ecclesiarum, quia Ecclesia Constantinopolitana primam se omnium Ecclesiarum scribebat.» Случилось это въ 606 г. по Р. Х., и отсюда-то возникла первая открытая вражда между Главою и управленіемъ Греческой Церкви противъ Латинской.

Кромѣ того, отъ времени до времени, въ Греческой Церкви болѣе, чѣмъ въ Латинской, возникали съ тѣхъ поръ всякаго рода ложныя воззрѣнія, въ слѣдствіе которыхъ Греки часто отдѣлялись отъ Латынянъ, и хотя они и мирились иногда, но вскорѣ за тѣмъ

снова впадали въ столкновеніе. Такихъ столкновеній или разногласій Антоній, Архіепископъ Флорентійскій, насчитываетъ 12, какъ это видно изъ его Лѣтописи (Хроники), въ 3-й части, tit. 22, cap. 13.

Но большею частію вина этѣхъ разногласій приписывается Константинопольскимъ Патріархамъ, которые были виновниками неоднократныхъ замѣшательствъ и разнаго зла, какъ упоминаетъ это ихъ же Греческій лѣтописецъ, Θεодоритъ, въ 5 книгѣ, главѣ 9-й, на страницѣ 502 («*Historia Ecclesiastica.*» Basiliae, 1549). Вотъ что Греческіе отцы (Patres) писали однажды Папѣ Дамасу (Damasum): «Constantipolitanae Ecclesiae ut sic loquamur, recenti, quam non diu ante ex ore leonis, haereticorum blasphemiiis per miserationes Dei eripuimus, reverendissimum et Deiamantissimum Nectarium Episcopum praerosuimus.»

Какія печальныя событія произошли въ Греческой Церкви во время Златоуста, о томъ упоминаетъ Эразмъ Роттердамскій, въ «*Vita Chrysostomi*»: «Haereticorum (Arianorum, Origenistarum et aliorum) tyrannis et ambitio vitiarat omnes earum regionum per universam Thraciam Ecclesias.» Что долженъ былъ съ прискорбіемъ испытать превосходный свѣтъ Церкви, Святый Іоаннъ Златоустъ, Епископъ Константинопольскій, когда онъ дважды былъ отрѣшаемъ отъ должности и наконецъ отправленъ въ ссылку, гдѣ и умеръ, можно самыя подробныя свѣдѣнія найти въ «*Epist. Chrysost. ad Innocent.*», а также и въ «*Vita Chrysost.*» По этой причинѣ Латинская Церковь тогда также отдѣлилась отъ Греческой, и преслѣдователи Златоуста, равно какъ и самъ Императоръ Аркадій, отлучены были отъ Церкви въ 407 г. по Р. Х., какъ говорится о томъ въ: «*Innocentii Epist. ad Arcad. Imperat.*», tom 4 «*Concil. gen.*», pag. 84, и tom. 25 «*Concil. gen.*», pag. 427, «*Epist. Graeog. IX ad Michaellem.*»

Между прочими разногласіями, однимъ изъ важнѣйшихъ было то, которому далъ поводъ, въ 858 г. по Р. Х., Константинопольскій Патріархъ Фотій (Phocius), который выдумалъ и усиливался утвердить въ Греческой Церкви вѣрованіе, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, а не отъ Сына также. Этого

Фотій и ученіе его были осуждены, въ 870 году по Р. Х., на IV-мъ Константинопольскомъ Соборѣ, о чемъ говорится въ «*Concil. gen.*», tom. 23, pag. 677. Заблужденіе это хотя и прекратилось было съ Фотіемъ, но въ 1050 году по Р. Х., при Императорѣ Константиинѣ Мономахѣ, снова поднято Константинопольскимъ Патріархомъ, Михаиломъ, и Епископомъ Львомъ Охридскимъ, и было причиною новой борьбы съ Латинскою Церковью. Въ этой борьбѣ Императоръ явился вѣрнымъ помощникомъ Грековъ. Послѣ когда онъ сдѣлался уже невыносимъ по своимъ грабежамъ и хищническимъ притѣсненіямъ для Сицилійцевъ, своихъ подданныхъ, то сіи послѣднее отпали отъ него и выбрали себѣ собственнаго своего Короля. Тогда Императоръ обратился къ бывшему въ то время Папѣ, Григорію IX, съ предложеніемъ отлучить Сицилійцевъ отъ Церкви. Но Папа, которому и прежде уже Сицилійцы сильно жаловались на притѣсненія Императора, не захотѣлъ исполнить его просьбы, чѣмъ онъ возбудилъ Грековъ противъ Римской Церкви, помогъ заблужденіямъ Фотія, отъ которыхъ въ устахъ Грековъ еще оставались койкакія искры, разгорѣться опять въ пламень, и довелъ до того, что въ 1054 году по Р. Х., Патріархъ, на Соборѣ своихъ Епископовъ, осудилъ Латинскую Церковь, отвергъ Римскаго Папу и всѣхъ Латинскихъ Епископовъ, и отлучилъ ихъ отъ Церкви, за тѣмъ закрылъ и тѣ Латинскія церкви, которыя были въ Константинополѣ (обо всемъ этомъ говорится у Сигеберта (*Sigebertus Gemblacensis*, «*Chronographia.*» Francof., 1583, pag. 598). Онъ утверждалъ, что правители Римской Церкви дѣйствуютъ и учатъ въ противность Никейскому Символу: «*Spiritum Sanctum a filio quoque procedere, quod non continebatur in Symbolo Nicaeni Concilii, sed tantum dicebatur: «Ex patre procedentem.»* За тѣмъ, на другомъ Соборѣ было постановлено, чтобы изъ Никейскаго Символа ни слова, ни слога, не было выбрасываемо и не прибавлялось бы къ нему, и кто сдѣлаетъ это, тотъ долженъ быть отрѣшенъ; а такъ какъ Латинская Церковь сдѣлала это, то она, слѣдовательно, и отлучена законнымъ образомъ. Отлученные же не способны и не могутъ вести управленія Вселенскою Церковью; но какъ Константинопольскій Патріархъ есть ближайшій послѣ Папы, то ему и должно принадлежать такое управленіе. На этомъ основаніи

Императоръ Константинъ, въ присутствіи всѣхъ Епископовъ, объявилъ Патріарха Михаила Главою Вселенской Церкви; а чтобы утвердить за Патріархомъ такое великое значеніе и честь, онъ взялъ подъ удцы лошадь, на которой ѣхалъ Патріархъ, и провелъ ее такъ черезъ все Конское Рысталище (*Hippodromum palatii*), какъ Греки его называютъ.

Послѣ этого весь народъ встрѣчалъ Патріарха всегда съ такимъ великимъ уваженіемъ, и вообще имѣлъ о немъ такое высокое понятіе, что онъ могъ воображать себя тѣмъ же Папою. Когда же Императоръ увидалъ, что весь народъ предался такъ Патріарху, и оказываетъ ему гораздо большую честь, чѣмъ это было прежде, то началъ уже сожалѣть объ избраніи его Главою Церкви, изъ боязни, что Патріархъ можетъ усилиться до того, что будетъ, пожалуй, вредить ему въ его управленіи. Когда Папа Левъ IX провѣдалъ о такой боязни Императора, то немедленно отправилъ въ Константинополь своихъ пословъ, съ предложеніемъ отрѣшить Патріарха Михаила, что Императоръ теперь охотно дозволилъ сдѣлать. Такимъ образомъ отлученіе Патріарха было совершено въ присутствіи Императора, какъ значится это въ «*Concil. gen.*», томъ 25, pag. 489. Послѣ этого Императоръ лишилъ Патріарха всякой почести и достоинства еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде надѣлялъ его ими. См. «*Antonin. Archiepisc. Epist.*», parte 3, tit. 22, cap. 12, pag. 571.

Однако же Греки сохранили по прежнему свою ненависть противъ Латинской Церкви, писали противъ нея, обвиняя ее въ томъ, что она допустила, будто бы, въ свою Церковь 99 заблужденій (см. Антонина въ упомянутомъ сейчасъ мѣстѣ). Латинцы же, напротивъ, говорили, что Греки, будто бы, ввели у себя болѣе 90 ересей, изъ коихъ нѣкоторыя поименовываетъ Папа Левъ IX, въ своемъ посланіи къ Михаилу, Патріарху Константинопольскому. Томъ 25 «*Conc. gen.*», стр. 426.

Такимъ образомъ сіи двѣ Церкви пребывали въ раздорѣ и разъединеніи до тѣхъ поръ, пока, по внушеніямъ Папы Иннокентія III, Латинское воинство, двинувшись моремъ и сушею противъ Сарацинъ, для завоеванія Обѣтованной Земли, не обратило

своего оружія противъ Грековъ и не взяло силою Константинополь, находившійся тогда въ усобицѣ. Глава этого воинства, Фландрскій Графъ, Балдуинъ, провозглашенный Императоромъ, а послѣ печальной кончины его, братъ его, Генрихъ, снова привели Греческую Церковь въ подчиненіе Римскому Папѣ, какъ свидѣтельствуеъ это Павелъ Эмилиѣ (Paulus Aemilius) въ своемъ: «De rebus gestis Francorum» (Basiliae, 1569), книга 6-я, стр. 316: «Tunc Ecclesia Graeca in unum cum Latina coiit, Pontificisque Romani dicto parere coepit.» А также и Антоницъ, часть 3, стр. 104 и 572. Случилось же это въ 1204 г., какъ это видно изъ стихотворенія, написаннаго по случаю завоеванія города:

Bis sex centenus erat annus his quoque binus,
Quo Constantini dominantur in urbe Latini.

Подъ тѣмъ же годомъ значится событіе это и у Calvisii «Isaogoe Chronologica» (Francofurti, 1620).

Исторія же взятія самаго города и того, какъ при этомъ жестоко, безчестно и не по Христіянски поступали Латинскіе войны противъ Грековъ, ихъ женъ, дочерей, монахинь, и какъ разграблены и уничтожены были ими всякаго рода церковная утварь и богатства, не смотря на то, что Балдуинъ былъ весьма храбрый и великодушный полководецъ, подробно описаны въ «Libro de rebus post expugnata[m] urbem] gestis,» на стр. 375 и слѣдующихъ, Никитой Хоніятомъ (Nicetas Choniates), который самъ находился при этомъ событіи.

Нѣкоторое время Греки жили довольно мирно подъ Латинскимъ владычествомъ, пока, въ 1237 году по Р. Х., они снова совершенно, отложились отъ власти Римскаго Папы и явились до такой степени противниками Государя ихъ, Латинскаго Императора и Папы, что многіе изъ Латинской Церкви пришли къ убѣжденію, что необходимо послать на Грековъ Крестовыхъ Братьевъ (Крестоносцевъ), вооруженною рукою, какъ свидѣтельствуеъ объ этомъ Mattheus Paris въ «Historia Anglic. Heinrichi III» (Tiguri, 1606), pag. 422.

Въ то время у Грековъ былъ Патріархъ, по имени Германъ, который ревностно защищалъ старинныя ложныя ученія ихъ объ

исхожденіи Святаго Духа, о квасномъ хлѣбѣ въ Причастіи и нѣкоторыя другія. При этомъ Греки говорили, что они могутъ до-вольствоваться тѣмъ, чтобы Патріархъ былъ верховнымъ Главою Церкви, что они вовсе не нуждаются въ Папѣ, что они не могутъ считать его ни достойнѣе, ни выше, ни даже равнымъ своему Патріарху, такъ какъ полагаютъ, что Греческая Церковь и древнѣе и достойнѣе Римской. По сему Римскую Церковь признали они не матерью, а только сестрою; ибо Петръ, главнѣйшій изъ Апостоловъ, на что ссылается и Римская Церковь, прежде чѣмъ пришелъ въ Римъ, имѣлъ свой столъ и пребываніе между Греками, именно въ Антиохіи, лежащей въ Греческомъ Государствѣ, при чемъ Греки въ Антиохіи оказали Апостолу Христа, а, слѣдовательно, и самому Христу, всякую честь и предупредительность, какую только могли придумать, до того, что они за это весьма могли быть названы Боголюбцами (Theophilis); Римъ же Петру и его соапостолу причинилъ всякаго рода срамъ и поруганіе, а наконецъ и самую смерть; и такъ сдѣсь было поруганіе, а тамъ всякая честь, въ слѣдствіе чего, Греки, по всѣмъ правамъ, могутъ быть названы сынами, Римляне же только пасынками Церкви, какъ свидѣтельствуешь о томъ выше помянутый *Matth. Paris*, на стр. 441. Тамъ онъ говоритъ: «*Ecclesiae Romanae magistratus et rectores non populi devotionem, sed marsupia plena quærunт denariorum, non animas Deo lucrificare, sed reditus rapere, religiosos opprimere, simonia uti videntur, non curatur de justitia et honestate, de simplicium informatione, imo cum quocunque modo quis beneficio Ecclesiastico investitur, de summa pecuniæ, quam inde sortiri possunt, statim sciscitatur et cet. Visa igitur tanta malitia et oppressione, erigitur Graeca Ecclesia contra Romanam et cet.*»

Почти такимъ же образомъ писалъ Патріархъ Германъ къ Папѣ Григорію IX. Онъ призывалъ въ свидѣтели Бога, небо и землю, что они, Греки, сердечно бы желали быть въ согласіи съ Латинскою, Церковью, чтобы ни Латинцы Грековъ, ни Греки Латинцевъ, не оскорбляли, и чтобы, наконецъ, разомъ можно было прекратить обиды и поруганія, которыя они причиняли одинъ другому, хотя тѣ и другіе имѣютъ одну Главу — Іисуса Христа. И чтобы не скрыть отъ него, какъ это было на самомъ дѣлѣ,

онъ говорилъ: «Многіе сильныя и благородныя люди подчинились бы вамъ, если бъ только они не опасались «*tam injustas suppressiones, opum protervas exactiones et servitutes in debitas, quas a vobis subjectis extorquetis. Hinc et crudelia bella in alterutrum, civitatum desolatio, sigilla januis Ecclesiarum impressa, fratrum schismata et cet.*»

Такимъ образомъ въ то время было въ Греціи немного Грековъ, которые вмѣстѣ съ Латинянами хотѣли держаться Латинской Церкви.

Въ 1262 году, когда Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ, измѣною Греческихъ гражданъ снова взялъ городъ Константинополь, и выгналъ оттуда Балдуина II вмѣстѣ съ Латинцами (о чемъ см. Nicephorus Gregoras lib. 4, «*Histor. Rom.*» Basiliae, 1662), сдѣлана была новая попытка: нельзя ли объ Церкви привести къ постоянному единству? Съ этою цѣлію съ обѣихъ сторонъ отправлялись другъ къ другу посольства, какъ это видно изъ «*Concil. gen.*» томъ 28, стр. 19 и 535, и у Антонина въ части 3, на стр. 572. Императоръ Михаилъ Палеологъ и большая часть высшаго Духовенства Греческой Церкви домогались также, чтобы подписать постановленія Собора (Concil. Lugdun. II), который созванъ былъ по этому же случаю въ 1374 г. по Р. Х., какъ свидѣтельствуя посланія Палеолога и высшаго Духовенства, находящіяся въ помянутомъ сей часъ мѣстѣ. Но Константинопольскій Патріархъ, Іосифъ, равно какъ и Антіохійскій Патріархъ, не хотѣли отнюдь принимать въ томъ ни какого участія и шли за собою множество приверженцевъ, и когда посланные возвратились съ Собора домой и начали читать Латинскій Символъ, нашлось много тайныхъ и нѣскольکو даже явныхъ противниковъ этого чтенія. Въ слѣдствіе сего Императоръ приказалъ умертвить многихъ Игуменовъ, монаховъ и другихъ людей, а самаго Патріарха смѣстить. Въ «*Concil. gener.*» въ 28 томѣ, на стр. 586, значителъ, что самъ Императоръ опять отложился отъ Латинства, и въ слѣдствіе того былъ будто бы отлученъ отъ Церкви Папою Мартиномъ. Антонинъ же говоритъ (Chron., pag. 3, pag. 572), что онъ до конца жизни своей оставался вѣренъ Латинству; а когда умеръ, то Греки не удостоили его ни Христіанскаго, а тѣмъ болѣе, Царскаго, погребенія; даже

собственный сынъ его, Андроникъ, самъ помогъ, отбросивъ сыновнюю любовь, лишить своего отца такой чести, такъ что тѣло Императора, умершаго въ военномъ станѣ, отвезши немного отъ онаго, бросили въ чистомъ полѣ и только немного засыпали землею, чтобы не разорвали его хищные звѣри. И Андроникъ дозволилъ сдѣлать это для того, чтобы показать Грекамъ, оставшимся болѣею частію твердыми въ своихъ старыхъ заблужденіяхъ, какъ глубоко противны были ему дѣйствія бывшаго отца его, а именно (какъ говоритъ Грегора), что онъ отложился отъ истинной Церкви. Ибо Андроникъ боялся, что если бѣ онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, призналъ Латинскую Вѣру, то Греки отняли бы у него Царство, которымъ онъ давно уже управлялъ вмѣстѣ съ отцомъ, и отдали бы управление его брату (котораго онъ, по требованію ихъ же, Грековъ, заключилъ въ темницу). Въ слѣдствіе всего этого онъ созвалъ Грековъ въ храмъ Святой Софіи, и тамъ объявилъ имъ, что въ сердцѣ своемъ онъ всегда принадлежалъ ихъ Вѣрѣ, и теперь также хочетъ въ ней остаться; за тѣмъ тутъ же проклялъ умершаго отца своего. Такимъ образомъ онъ съ Греками снова и вполне отдѣлился отъ Латинской Церкви. Отдѣленіе это продолжалось до 1439 г. по Р. Х., когда Папа Евгений IV, услышавши, что Римскій Императоръ, Іоаннъ Палеологъ, и Патріархъ Константинопольскій, Іосифъ, возымѣли желаніе снова соединиться съ Латинскою Церковью, созвалъ по этому поводу Флорентійскій Соборъ (Concilium Florentinum), на которомъ лично присутствовали Императоръ и Патріархъ, и, послѣ долгихъ и разнообразныхъ прѣній, сообща и единогласно постановили слѣдующіе 5 главныхъ статей. Именно: 1) Святыи Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала (а не изъ двоякаго, какъ полагали Греки, что будто бы вѣровали такъ Латиняне). 2) Что Соборъ имѣлъ полную власть, для лучшаго уясненія, прибавить: «Filioque» (и отъ Сына), если въ Символѣ стоитъ: «a patre procedentem» (отъ отца исходящаго). 3) Какой хлѣбъ долженъ быть употребляемъ въ Св. Причастіи: квасной, или неквасной? 4) О Чистищѣ, и 5) О высокомъ значеніи Римскаго Папы. Это Соборное постановленіе подписалъ Императоръ и другіе Греческіе Епископы; Патріархъ же умеръ еще до конца Собора.

Постановленіе это подписалъ отъ имени Русскихъ и Русскій Кіевскій Митрополитъ, Исидоръ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ,

Греки съ Латинцами разстались въ добромъ согласіи другъ съ другомъ. Но едва Греки возвратились въ Грецію, въ свои прежнія жилища, какъ снова принялись за свои старыя мнѣнія. Этѣмъ воспользовался Вѣвскій Архіепископъ; по имени Маркъ, который тотъ также былъ на Флорентійскомъ Соборѣ, но не подписалъ его постановленій, и теперь снова подстрекалъ старыя заблужденія Фотія; и сдѣлалъ ненавистными для Грековъ постановленія сего Собора до такой степени, что они опять впали въ расколъ, послѣ чего никогда уже не приходилъ къ единенію; и вѣруютъ, также какъ и Русскіе, что Святый Духъ не исходитъ отъ Отца черезъ Сына.

Нѣкоторые историки прибавляютъ, какъ достойное замѣчаніе; то обстоятельство, что вскорѣ послѣ того, именно въ 1452 г. по Р. Х. (по другимъ въ 1453 г.), жители Константинополя, и Греки, которые, умаляя значеніе Св. Духа, вели долги и опасныя прѣнія о существіи его и исхожденіи, въ праздникъ Святаго Духа, именно на другой день Пятидесятницы, подверглись нападенію Турокъ, страшно были мучимы ими послѣдними и наконецъ окончательно подпали подъ владычество ихъ, какъ повѣствуютъ о томъ: Меркаторъ, въ «Chronologia», страница 326-я, и Антонинъ, въ приведенномъ неоднократно мѣстѣ, на страницѣ 575-й, заимствуя извѣстіе это изъ жалобы Русскаго Митрополита, Исидора, о завоеваніи города, при которомъ онъ самъ находился.

Изъ всего этого видно, какъ часто обѣ сии Церкви развѣдывались и черезъ то приходили въ такое ожесточеніе одна противъ другой, что изъ того не только возникали опасныя войны, но и къ самому Богослаженію другъ друга питали они отвращеніе и ужасъ, какъ жалуется на это IV Соборъ Латеранскій (Concilium Lateranense IV), говоря, что Греки не только отмѣнили Латинское ирещеніе, но и самыя алтари, на которыхъ совершалась Латинская обѣдня, обмывали на чисто, когда хотѣли совершать на нихъ Богослуженіе («Concil. gen.», томъ 18, стр. 165). Къ такому расколу и неприязни Греки побуждались не только духовными, но и мірскими причинами (какъ и выше упомянуто). Весьма можетъ быть также, что, жалуясь иногда на несправедливыя дѣйствія Латинянъ, Греки опасались за свою жизнь, и въ

тѣхъ жалобахъ они находили какъ бы поводъ отклонить отъ себя владычество Римское.

Ибо дѣйствительно правители и властители духовные въ Латинской Церкви не всегда бывали мабожнѣйшіе и кроткіе люди, какъ жалуются на это собственныя ихъ писатели, и какъ выше уже упомянуто изъ Париса. Гильбертъ Генебрардъ (Gilbertus Genebrardus) пишетъ, въ своей «Chronographia» (Lugduni, 1609), въ 4-й книгѣ, на страницѣ 553-й: «Nos, uno infelix Ecclesia, quod per annos fere 150 Pontifices circiter 50, a Johanne, scilicet 8, ad Leonem 9 usque, qui primus a Deo vocatus, velut alter Aaron, antiquam Pontificum integritatem e coelo in sedem Apostolicam revocavit, a virtute majorum prorsus defecerunt. Apostatici, Apostaticime potius, quam Apostolici.»

Кардиналъ Бароній (Baronius) пишетъ, въ 10-мъ томѣ «Annalium», что въ X-мъ вѣкѣ по Р. Христовѣ, на Римскомъ престолѣ сидѣли «homines monstruosi, vita turpissimè usquequaque foedissimè.» Ученый Белларминъ (Bellarminus), въ своей «Хронологіи», въ которой онъ пишетъ о Папѣ Іоаннѣ XX, также говоритъ: «His temporibus, quibus Pontifices Romani, a pietate veterum degeneraverant, principes seculi sanctitate florebant.» Что сказано въ особеннѣ (in specie) объ Іоаннѣ XII, который, за свое легкомысліе и, между прочимъ, за то, что цѣль вино за здоровье дьявола, былъ отрѣшенъ на Римскомъ Соборѣ, все это можно читать у Луптиранда («Historia rerum ab Europa Imperatorum gestarum.» Francofurti, 1584), въ книгѣ 6, главахъ 6 и 7, стр. 156; у Баронія, въ томѣ 10-мъ, стр. 772, и въ «Concil. gener.» томѣ 25-мъ, стр. 107. Папа Стефанъ VIII, отвергнувъ постановленія (decreta) предшественника своего, Формоза, приказалъ вырыть тѣло его и предать поруганію.

Какую пользу и честь принесли Церкви Сильвестръ II, народный Іоаннъ XVIII, похитившій окровища изъ Константинопольскихъ дарней и ввавшій ихъ съ собою въ Римъ, и Бонифатій VIII, «qui intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est ut canis», повѣствуетъ о томъ Платина (Platina) въ «Vita pontificum» (Coloniae, 1610). Видя такіе печальные и зѣбрекіе примѣры правителей въ Латинской Церкви, Греки естественно получили къ нимъ отвра-

щеніе и злобу, которыя по наследству перешли и къ нѣмъ потомкамъ.

Поелку же Русскіе считаютъ себя членами Греческой Церкви, а Греческая Церковь отделилась отъ Латинской (хотя Греки говорятъ, впрочемъ, что Латиняне сдѣлались отступниками отъ Грековъ) и всегда была враждебна ко всѣмъ членамъ послѣдней; то и въ этомъ отношеніи Русскіе слѣдуютъ Грекамъ. По этому и въ настоящее время Русскіе не терпятъ у себя ни какихъ Вѣровсповѣданій, родственныхъ Латинскому, или Папистовъ, а, напротивъ, охотно уживаются со всѣми, отделившимися отъ Папистовъ.

Русскіе хотя и говорятъ, что всѣ уставы, нѣмъ Вѣры, всѣ церковные законы и обряды, равно какъ и свои нравы, получили они отъ старыхъ Грековъ, но я полагаю, что изъ всего Греческаго они ни чему не выучились и не усвоили себѣ такъ хорошо, какъ вѣнство, которымъ славятся Греки. Цицеронъ говоритъ: «Graecorum lex fuit, aut bibat, aut abeat» (Tuscul. 5), т. е., у Грековъ былъ законъ, чтобъ либо пить челоуѣкъ, либо убирался прочь. Русскіе во многихъ дѣлахъ, какъ въ основныхъ положеніяхъ Вѣры, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и обрядахъ, оцѣнили отъ Грековъ, такъ что эти послѣдніе считаютъ ихъ за раскольниковъ (Schismatici), хотя и не смѣютъ высказывать имъ это, по причинѣ значительныхъ приношеній, которыя ежегодно получаютъ отъ нихъ.

Герберштейнъ, въ своихъ «Commentarii regum Moscoviticarum» (Ambergiae, 1557), на стр. 31-й, упоминаетъ, что однажды Константинопольскій Епископъ, или Патріархъ, по просьбѣ Москвитянъ, послалъ къ нимъ ученаго Греческаго монаха, по имени Максиміана, чтобы привести тамъ въ надлежащій порядокъ уставы, правила и вообще все то, что относится до Греко-Россійской Вѣры. Когда этотъ монахъ прибылъ къ нимъ, то нашелъ тамъ множество грубыхъ заблужденій, которыя онъ и указалъ Великому Князю, Вскорѣ за тѣмъ монахъ втотъ пропалъ, такъ что никто и не зналъ, куда онъ дѣвался. Полагаютъ по этому, что онъ былъ тайно умерщвленъ Русскими. ¹ То же самое случилось

¹ Монахъ втотъ былъ, такъ называемый, Максимъ Грекъ, родомъ изъ южной Аз-

и съ однимъ Греческимъ купцомъ, по имени Маркомъ (Marcus), котораго они также за подобныя рѣчи куда-то упрятали. Рускіе и теперь еще поступаютъ такимъ же образомъ, и тотъ, кто рѣшится высказать имъ подобныя вещи, долженъ ожидать, что съ нимъ случится не лучше того, что случилось съ Протопопомъ Нероновымъ (Ναρονου), о которомъ рассказалъ я выше, когда онъ говорилъ противъ иконъ; или съ Логинимъ Муромскимъ, который началъ было приносить проповѣди.²

Всего этого довольно о настоящемъ состояніи Россіи и свойствахъ ея жителей. При описаніи ихъ я невольно вошелъ въ нѣкоторыя подробности, какъ требуетъ того описаніе путешествія вообще. Но такъ какъ въ описаніи этомъ находятся частью новыя, частью не всякому извѣстныя, вещи, достойныя вниманія каждаго, то я и надѣюсь, что благосклонный читатель не поставитъ мнѣ въ вину сказанную полноту и подробности, которыя случай доставилъ мнѣ возможность собрать. Да извинитъ онъ меня и за то, что я прилагаю здѣсь прекрасныя мысли Доктора Павла Флеминга; бывшаго моего товарища по путешествію, мысли, которыя онъ набросалъ о Русскихъ; живущихъ преимущественно въ Новгородской области и по селеніямъ, такъ какъ среди этихъ людей онъ, въ первое путешествіе наше, прожилъ цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ; и вотъ что именно написалъ онъ о нихъ.³

бавин (города Арты), учившійся въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи. Онъ, какъ извѣстно, много вынесъ по дѣлу исправленія Церковныхъ книгъ въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ, собственно же за то, что не захотѣлъ одобрить развода Великаго Князя, Василія Ивановича, съ супругою его, Софьюшею. Сперва заточили его въ Волоколамскій монастырь, оттуда перевели въ Тверской Отрочъ и напослѣдокъ въ Троицкую Лавру, гдѣ, послѣ 30 лѣтняго страданія, скончался въ 1556 году. О. Б.

² Все, что мы говорятъ въ сей главѣ Олеарій, говоритъ, какъ Западный писатель, съ своей точки зрѣнія. О. В.

³ Стихотвореніе Флеминга, о которомъ говоритъ здѣсь Олеарій, мы переводимъ считаемъ лишнимъ, такъ какъ оно ни чего въ себѣ не заключаетъ особеннаго. Перев.

Г

СМЪСЪ

ДУХОВНАЯ

**ЖЕНЫ АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА ГОДУНОВА, ОЛЬГИ ВАСИЛЬЕВНЫ, УРО-
ЖДЕННОЙ ЗУЗИНОЙ,**

1625 года.

Во имя Отца, и сына, и Святаго Духа. Се язъ, раба Божия, старица Ольга * Василева дочь Григоревича Зузина, Олексѣева жена Ивановича Годунова. Пишу сию Духовную своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, а приказываю душу свою помнать и строить после своего живота Околничеву Олексѣеве женѣ Ивановича Зузина Федоре Григоревне, да дѣтемъ еѣ, а своимъ племянникомъ, Григорю да Василию да Миките Олексѣевичемъ Зузинымъ, да племяннику своему, Семену Федотовичю Бегичеву, да отцомъ своимъ духовнымъ, Въведения Пречистые Богородицы, что на Стретенской улице, Священнику Гаврилу Григорьеву, да чорному Священнику Чюдова монастыря Перфирию. Какъ Богъ по душу мою сошлетъ, и имъ, Федоре Григорьевне з дѣтии и Семену Федотовичю, погresti тѣло мое въ Чюдове монастырѣ, у великого Чюдотворца Алексѣя, со отцомъ моимъ, с Василицемъ Григорьевичемъ, во иноцехъ с Варламомъ, да з братьями моими, с Лариономъ да съ Яковомъ, во иноцехъ со Иосифомъ. А благословляю я, Ольга, Федору Грегорьевну и дѣтей еѣ, Григорья да Василия да Микиту Олексѣевичевъ, после своего живота, приданую своею вотчиною,

---

* Написано. по подчищеному сдѣсь и всюду ниже это имя. Кажется, первоначально было другое имя; но, судя по упоминанію его въ подписяхъ, оно должно быть такъ. Правописаніе подлинника вездѣ удержано, кромѣ знаковъ препинанія. О. Б.

отца своего благословеня в Углецкомъ Уѣздѣ, въ Богороцкомъ стану, селомъ Спасскимъ да деревнею Торокановою, да деревнею Новоселками со крестьяны, да пустошью отводною, да пустошью Змеевою, да пустошью Овиннищи с пашнею и с санными покосы, и с лѣсы, и со всѣми угодами, и с купчую (такы) отца своего на ту вотчину; крепостную свою запись, я, Ольга, имъ же, Федоре Григорьевне и еѣ детямъ выдала, по чему имъ въпредь тою моею вотчиною владѣти. А дати имъ, Федоре з детьми, опроче Семена Бегичева, за ту мою вотчину, после моего живота, въ Чюдовъ монастырь вкладу пятьдесятъ рублевъ денегъ, а имъ, за тотъ мой вкладъ, имя мое написать въ вѣчной Сенодикъ и поминать душа моя с родителями моими вмѣсте и прочихъ вкладчиковъ. Да на погребение моему роздати в Чюдове жъ монастыре Архимариту Иосифу с Свещеницы и з Дияконы, которые будутъ на погребение, пятнадцать рублевъ. Да в Чюдовъ же монастырь дати на пять столовъ на братию, на столъ по пяти рублевъ, и того двадцеть пять рублевъ; да отцу моему духовному, Въведенскому Свещенику Гаврилу, да Чюдова монастыря черному Свещенику, отцу же моему духовному, Перфирию, дати по моей душе на поминокъ по три рубли; да племянницамъ моимъ роздать. Офимье Офонасьевне Тимофѣевъ женѣ Загословского, да Наталье Офонасьевне Кузминой женѣ Челишева, да Княгине Марье Офонасьевнѣ Князь Степанове женѣ Шаховского, по пяти рублевъ; и всѣхъ денегъ роздати имъ, Федоре Григорьевне з детьми, за ту вотчину, по моей душе вкладу в монастырь и на погребение, и на столѣ и отцомъ моимъ духовнымъ, и что племянницамъ моимъ, сто десять рублевъ; и въпредь, после моего живота, до той моей вотчины роду моему и племяни Зузынымъ, опроче Федоры и детей еѣ, дѣла нѣтъ ни в чемъ, и не вступатца у нихъ въ тое отца моего купленую, а в мою приданую, вотчину никому. А будетъ хто учнетъ у нихъ въ тое мою вотчину вступатца и костью моею ворошить, и тово судить со мною Богъ. А будетъ хто похочетъ родъ мой Зузины у Федоры и у ее детей тое мою приданую вотчину выкупать, и имъ, ту за мою вотчину, Федоре и еѣ детямъ, дати выкупу семьсотъ рублевъ, да в Чюдовъ монастырь дати по моей душе двесте рублевъ. Да благословляю племянника своего, Семена Федотовича Бегичева Божье милосердье, образъ Воскресение Христово, на золоте; да жену его Семенову.

а свою племянницу родную благословляю, Марью Офанасьевну, тоежъ своей придаще Углецкие вотчины села Спаскова деревнею Бородинымъ со крестьяны, и с пашнею, и с санными покосы, и со всѣми угоды, да пустошью Саунинымъ с пашнею и санными покосы и со всѣми угоды; и будетъ дать Богъ впредь у племянницы моей, у Марьи, будутъ дѣти, и тою вотчиною, деревнею Бородинымъ, и пустошью Саунинымъ, со крестьяны, и с пашнею и санными покосы и со всѣми угоды, благословляю и детей ихъ. А будетъ она, Марья, будетъ бездетна, и ей тое вотчины не продать и не заложить, а владети ей тою вотчиною по свой животъ, а после своего живота та вотчина отдать ей в Чюдовъ монастырь, к Чюдотворцу Алексѣю, по моей и по своей душе, за видла (такъ) за три ста рублевъ. А хто похочетъ тое мою вотчиную деревню Бородину, да пустошь Саунино, после племянницы моей, Марьиного живота, Семеновы жены Бегичева, из Чюдова монастыря и Чюдотворца Алексѣя, выкупать, и имъ дати за тое вотчину въ Чюдовъ монастырь и Чюдотворцу Алексѣю, по моей душе, и по племяннице моей, Марье Семенове женѣ Бегичева, душе, вкладу триста рублевъ. Да благословляю племянника своего, Федора Ивановича Зузина, Божие милосердье, образъ Пречистые Богородицы Казанские, на празелени. Да после жъ моего живота приказщикомъ моимъ продать кѣля моя с сенцы, что в Олексѣевскомъ в девиче монастыре, и что за кѣлю денегъ возмутъ, и из техъ денегъ дати Олексѣевскимъ Священникомъ и Дьякону сорокоусту два рубли, да за тѣжъ деньги имъ моя написати въ Синодикъ. Да Олексѣевской же Просвирнице дати полъ полтины, да к Алексѣю Чюдотворцу в девичь монастырь на вино на церковное две гривны, да на чetyредесятницу выменить фунтъ ладану; да Пономарю и сторожу дати две гривны; да на вино се роздати того жъ Олексѣевского девича монастыря по два златна старице, и написати наняти говорить на гробу и на мѣсте. Да в отчине моей Спаскому Попу Савелию дати сорокоусту полтина денегъ да четверть ржи, четверть овса, четверть ячменя; да Спаскому жъ Церковному Дьячку полъ полтины денегъ. А человекъ моего, Сенку Власова, после моего живота, отпустиши на волю и отпуская ему дати, да, сверхъ его собиного живота, из моего живота дати ему лошадь да корова; и дѣловыхъ моихъ людей, всѣхъ трехъ человекъ, з женами и з детьми

отпустить же, и отпускные имъ подавать, а дати имъ, сверхъ ихъ собинного живота, моего хлеба по чети ржи, да по чети овса челоуѣку; а которые у меня жили в кѣлее две женщины да две девки, и техъ отпустить же, а дати имъ по полтине денегъ да по чети ржи, по чети овса. А что после меня останетца в вотчине моей, в селѣ Спаскомъ, лошадей моихъ, и коровъ, и мѣлкие всякие животины, и что за поминками мои и за роздачею останетца ржи и ярого всякого хлѣба молоченного, и что в землѣ сеено ржи к нынешнему, ко сто тридцать третьему, году, и тѣмъ моимъ животомъ и хлѣбомъ всякимъ Федоре Григорьевне и дѣтемъ еѣ с моимъ племянникомъ, Григорью Олексѣевичю (такъ!) з братьею, впредь душа моя и родителей моихъ поминати; да внучатамъ моимъ, Маркелу да Ивану Тимофеевымъ детемъ Загословского, дати изъ моихъ лошадей кобылу да жеребца; да Кузме Михайловичю Чилищеву дати изъ старинныхъ моихъ лошадей кобылу; да детемъ ево, а моимъ внукамъ, Дарье да Овдотье, дати по корове. А у сей Духовной сидѣли отецъ ее духовной, Чюдова монастыря черной Свещенникъ, Перфирей, да отецъ же еѣ духовной, какъ была в миру, Введенской Попъ Гаврило Григорьевъ сынъ, да прикащикъ Григорей Олексѣевичъ Зузинъ, да Петръ Василевичъ Шивовъ, да Семень Федотовичъ Бегичевъ, да Олексѣевского девича монастыря Свещенники Григорей Михайловъ да Харитонъ Софоновъ; а на то послуси: Тихонъ Михайловъ сынъ Алферовъ, да Иванъ Федоровъ, да Богданъ Захарьевъ сынъ Корноуховъ, Василь Григорьевъ сынъ Гурьевъ. А Духовную писалъ Ивашко Мойсѣевъ лѣта 73 сто тридцать третьяго году.

На оборотѣ подписано:

К сей изъустной Чюдова монастыря Попъ Перфиреце, в дочери своей духовной, старицы Ольгино мѣсто, руку приложилъ.

К сей изусной Воскресенскова монастыря черной Попъ Павнугей (такъ!), вмѣсто дочери своей духовной; Ольги старицы, по е(ѣ) велѣнью, руку приложилъ.

К сей изусной отецъ духовной Введенской Попъ Гаврила руку приложилъ.

К сей изусной приказщикъ Григорей Зузинъ руку приложилъ.

К сей изусной Семень Бегичевъ приказщикъ.

К сей изусной Петръ Павловъ руку приложилъ.

У сей Духовной, Алексѣевского дивичья (такъ!) монастыря Попъ Григорей сидель и приказчиковъ у старицы Ольги слышачи, руку приложилъ.

К сей изустной Алексѣевского монастыря Попъ Харитонъ приказъ слышалъ и руку приложилъ.

Послухъ Тихонко руку приложилъ. Послухъ Ивашко руку приложилъ

Послухъ Богданъ руку приложилъ. Послухъ Якимко руку приложилъ.

На особомъ обоортѣ:

Духовная старицы Ольги Алексѣевской жены Иванова сына Годунова. Послѣ себя отдала она приданую свою вотчину в Углицкомъ Уѣзде село Спаское з деревнями Фодоре (такъ!) Григорьеве дочери да дѣтемъ еѣ, Василию да Никите Алексѣевымъ дѣтемъ Зузинымъ.

По Описной к. № 3, по Реестру № 4.

Подлинникъ хранится въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ.

Сообщ. Архимандритъ Григорій.

ПЕРЕВОДЪ

СЪ ДВУХЪ КИТАЙСКИХЪ ЛИСТОВЪ,

ПРИСЛАННЫХЪ ПРИ ДОНОШЕНИЯХЪ ВЪ КОЛЛЕГІЮ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

ОТЪ СИБИРСКАГО ГУБЕРНАТОРА, ТАЙНАГО СОВѢТНИКА СОЙМОНОВА, ОТЪ 25
И 29 МАЯ, 1758 ГОДА, ОТНОСИТЕЛЬНО БЫВШАГО ЧЖУНГАРСКАГО ТАЙШИ И
ПОТОМЪ КИТАЙСКАГО ЦЫНЬ-ВАНА (КНЯЗЯ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ) АМУРСАНЫ.

Для поясненія о сихъ Листахъ считаю необходимымъ привести примѣчаніе о личности Амурсаны изъ историческихъ свѣдѣній. Чжунгарское (Калмыцкое) Ханство существовало въ сосѣдствѣ южной Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, болѣе полутора столѣтія. Обширная страна, занимаемая Чжунгарами (Калмыками), имѣла предѣлами къ сѣверу южную Сибирь, къ востоку владѣнія Джасакту, Хана Монгольско-Калкаскаго, къ западу пространныя степи Хайсаковъ (Киргизъ-Кайсаковъ), къ югу Малую Бухарію и Турфань. Чжунгарское Ханство раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ Княжествъ и областей, управляемыхъ Тайшами, Ноенами и Зайсанами. Главное мѣстопробываніе Чжунгарскаго Хана было на рѣкѣ Или, въ Илійской области. Кочевья его и Чжунгаровъ находились какъ въ Илійской области, такъ и въ Урамцѣ, Ярѣ, Дчулаусѣ, Манисѣ, Баинтаѣ и другихъ мѣстахъ. Земли были тамъ привольны для скотоводства. Чжунгары были народъ многочисленный. По сему, надѣясь на свою силу, они наводили ужасъ на Сибирь, Индостанъ, Кашемиръ, Западный Тибетъ и Коканъ. Въ правленіе Китайскихъ Богдохановъ Кханъ-си Юнь-чжень Чжунгары нападали на предѣлы

Китай и вели войну нѣсколько лѣтъ. ¹ Перехода къ послѣднему тринадцатилѣттю (13 л.) существованія этого Ханства, замѣчу слѣдующее. Въ Сентябрѣ 1745 года Ханъ Галданъ-Церынь скончался. вмѣсто его взошелъ на Ханство второй сынъ его, Цаванъ-Дорцаи-Ачжа-Камгалъ, и вскорѣ убилъ младшаго своего брата, Цаванъ-Чжашу. Старшій сынъ Галданъ-Церына, Лама-Даржа, опасаясь подобной участи, убилъ брата-Хана и принялъ правленіе. Сестра его, Уланъ-баяръ съ мужемъ взбунтовались противъ Лама-Даржи, и были имъ убиты. Въ то же время Тайши Таваци и Амурсана, особливо кочевавшіе въ области Ярѣ, имѣли по нѣскольку тысячъ подвѣдомственныхъ Чжунгаровъ. Оба они не повиновались Хану Лама-Даржи и бунтовали. Для приведенія ихъ въ повиновеніе, Ханъ отправилъ войско, чтобы взять ихъ, но непокорные правители убѣжали въ степи Хайсацкія и скрывались тамъ нѣсколько времени. Потомъ Амурсана, выбравъ 1500 лучшихъ воиновъ, окольными мѣстами, по ущельямъ горъ, ночью пробираясь, а днемъ скрываясь, пришелъ ночью въ Или и внезапно убилъ Хана Лама-Даржу, въ собственной его кибиткѣ. Въ слѣдствіе этого, Таваци, какъ ближайшій родственникъ Ханскому дому, избранъ народомъ въ Ханы. Амурсана противился и его повелѣніямъ и возмущалъ Чжунгаровъ. Таваци послалъ противъ него войско, но Амурсана со всѣмъ своимъ родомъ, 1754 года, успѣлъ бѣжать въ Китай и вступилъ тамъ въ подданство. Богдоханъ Цянь-Лунъ пожаловалъ его Цынъ-Ваномъ, Княземъ первой степени, и, по совѣту его, приказалъ Гуандуцкому Генералъ-Губернатору Баньди выступить съ войскомъ противъ Чжунгаріи, опредѣливъ ему помощникомъ и вожатымъ Амурсану. Войско, чрезъ Барголъ и Урамци, прямо пошло на область Или. Тайши, Ламы (жрецы) и народъ Чжунгарскій, обольщенные Амурсаной, для предупрежденія вредныхъ послѣдствій, предались Китайскому войску. Испуганный и легкомысленный Ханъ Таваци бѣжалъ въ Бухарскій городъ Ушъ, надеясь на отведеннаго имъ въ правители туда Халиша, но сей, угостивъ его охмѣляющими напитками до изнеможенія силъ, выдалъ Китайскому военачальнику. Коварный Амурсана велъ Китайское войско въ свое отечество въ томъ намѣреніи,

---

¹ Переводъ Китайской книги: «Сю юй вынь дянь лу,» т. е., Записки о земляхъ близъ Западной границы Китая.

чтобы, при помощи его, сдѣлаться въ Чжунгаріи Ханомъ, но политика Манжуро-Китайскаго Двора тайно имѣла въ виду усмирить и подчинить враждебное ему Ханство. Амурсана понялъ, что дѣла идутъ не по его желанію, и по тому составилъ заговоръ. Въ то время, когда Китайское войско удалилось въ обратный путь и Главнокомандующій съ высшими по немъ чинами остановился въ Пирцани, для совѣщанія и приведенія въ исполненіе повелѣній Богдохана и съ ними оставалось только 500 человекъ изъ войскъ, Амурсана внезапно напалъ на нихъ: Главнокомандующій со всеми бывшими съ нимъ чиновниками и войскомъ погибли. По сему въ 1757 году отправлено изъ Китая въ Чжунгарію многочисленное войско для взятія Амурсаны. Но онъ, съ своею семьей и родственниками, убѣжалъ въ Сибирь ¹ и въ Іюль того же года явился въ Тобольскъ. Въ слѣдъ за нимъ прибыла туда и жена его, Ботей, съ сыномъ ея (отъ перваго мужа), Пунцукомъ. ² Амурсана умеръ въ Тобольскѣ отъ оспы, а жена его съ сыномъ отправлена была къ Волжскимъ Калмыкамъ, откуда, по желанію ея, имѣла дозволеніе прибыть въ С.-Петербургъ, гдѣ и умерла, 7 Сентября, 1761 года. ³ Китайскій Трибуналъ просилъ, черезъ Сибирскаго Губернатора Соймонова, Русское Правительство прислать тѣло Амурсаны въ Кяхту, для показанія Китадцамъ и увѣренности, что этотъ злодѣй и бунтовщикъ дѣйствительно умеръ. Препровождаемые при семъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ два листа, въ подлинникъ были представлены Губернаторомъ Соймоновымъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тѣло Амурсаны отправлено было въ Кяхту, и тамъ, на границѣ, свидѣтельствовано Китадцами и посланнымъ для сего изъ Пекина отъ Богдохана Асхани-Амбанемъ.

Въ 1757 году Чжунгарія раздѣлена на четыре части и превращена въ область Китайской Имперіи. Но Чжунгары, желая воз-

¹ Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, переводъ съ Китайскаго манаха Іаквица Бичурина.

² Онъ жилъ въ загородномъ Архіерейскомъ домѣ, находившемся въ Архіерейской рошѣ. См. Путешествіе Французскаго Аббата де ла Шапа, бывшаго въ Тобольскѣ въ 1761 году.

³ Топографическое описаніе Оренбургской Губерніи 1762 года. VIII о Зюнгарахъ.

становить свою независимость, начали бунтовать, не признавая Китайскаго владычества. Развѣванный Богдоханъ, въ 1758 году отправилъ три арміи, подъ начальствомъ Джангуя и Фуде, съ повелѣніемъ искоренить Чжунгаровъ. Арміи истребили нѣсколько сотъ тысячъ людей, не разбирая ни пола, ни возраста. Небольшая только часть Чжунгаровъ, не замѣшанныхъ въ бунтъ, пощажена. Нѣкоторые успѣли бѣжать въ Сибирь и приняли Русское подданство. Тайша Сѣренъ, съ 10,000 кибитокъ, убѣжалъ къ нашимъ Волжскимъ Калмыкамъ.

Н. Абрамовъ.

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ,

присланный, при доносѣхъ Сибирскаго Губернатора, Тайнаго Совѣтника Соймонова, отъ 25 Мая, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, и полученный 27 Іюня, 1758 года.¹

Великаго Тайцыпскаго Государства изъ Трибунала вѣдѣній провинціи Управляющаго въ Россійской Сенатъ.

Предъ симъ временемъ писалъ къ намъ вашъ, пограничными дѣлами управляющій, Бригадиръ о извѣстномъ ворѣ Амурсанѣ, что оный, по Указу Сенатскому, вашими, на форпостахъ выключившимся, караульными людьми, изловленъ и, будучи у Губернатора въ тюрьмѣ, отъ оспы умеръ, и что онъ, Бригадиръ, для большаго подкрѣпленія продолжающейся между обѣими Имперіями доброй дружбы, мертвое Амурсаны тѣло отослалъ къ намъ на Кяхту.

Мы о семъ докладывали Его Величеству, Государю нашему, и Его Величество дозволилъ указать слѣдующее:

¹ Переводъ Китайской книги: «Сю юй быи дзянь лу».

¹ Листы этѣ списаны съ копій, найденныхъ въ дѣлахъ стараго Тобольскаго Губернскаго Архива. Вѣроятно, этѣ листы съ Китайскаго переведились на Русскій языкъ въ Китаѣ тамошнимъ переводчикомъ.

«Я прежде сего нѣсколько разъ повелѣвалъ сего плута требовать ради двухъ причинъ: одно, что его, яко знатнаго бунтовщика и пренебрегателя милости моей, ни по какому образу, по правамъ нашимъ, простить нельзя; другое, чтобъ Русскіе не вдались въ его лукавые и хитрые обманы и умыслы. Нынѣ, какъ вижу изъ письма Бригадирскаго, что онъ пойманъ, и такимъ образомъ умеръ, и что для увѣренія, отослано тѣло его къ намъ, на Кяхту, то могъ ихъ сей поступокъ похвалить, что сходенъ съ постановленнымъ трактатомъ, и что вѣще подкрѣпилъ мирное двухъ Имперій согласіе. Только принимаю теперь то въ разсужденіе, что, какъ по великозлостнымъ, сей плутъ, поступкамъ, и показанному бунту своему, сталъ быть свѣдомъ цѣлому нашему Государству, то естьли одинъ, или два человѣка испроти законовъ его, для изясненія всѣхъ злостныхъ дѣлъ, на публику предъ народъ представлены не будутъ, не могутъ всѣ люди быть довольны, и того паче, что всякъ скажетъ, будто о дѣлахъ и о смерти Амурсаны Трибуналъ, по согласію съ Сенатомъ, такъ вымыслить, будто всего того головою не было, яко крѣпко надѣясь, что еще нѣсколько человѣкъ изъ партизановъ Амурсаны осталось; и сего ради повелѣваю о присылкѣ такихъ людей въ Россійскій Сенатъ отписать.»

«Что прежде сего по дѣлу Амурсаны до Сената въ посылаемыхъ мѣстахъ нѣсколько грубо писано, то все въ дѣло не ставить и предать забвенію; ибо, съ ихъ, Россійской, стороны, нынѣ что прислали тѣло Амурсаны, поступлено сходственно съ доброю дружбою, и такъ сей поступокъ могъ вѣще подкрѣпить мирное согласіе.»

Въ слѣдствіе сего повелѣваю требуемыхъ отъ нихъ не надобныхъ Уранхайнцовъ² Голжъ-доходъ съ товарищи болѣе не требовать, и объявить имъ, что я отдаю оныхъ въ ихъ владѣніе.»

Въ исполненіе сего Его Величества святѣйшаго Указа, мы вамъ о дѣлѣ Амурсаны обстоятельно объявляемъ, что онъ, какъ

² Одно изъ Чжунгарскихъ (Калмыцкихъ) племенъ.

скоро пришелъ въ нашу протекцію, въ то время Его Величество, изъ сожалѣнія своего, что онъ человекъ иностранной, подлой Тайджи, которой не имѣетъ въ Зенгоріи мѣста, гдѣ голову приклонить, Всемилостивѣйше пожаловалъ его Цынъ-ваномъ, и потому употреблялъ въ должность Генералиссимуса; уповаая, что вѣчно такую великую милость чувствовать "будеть; но онъ не въ долгомъ времени преобразился въ злостнаго человека, скоро презривъ милость такую, оказалъ ясно бунтъ, подалъ причину послать на себя знатную армию, и потомъ принужденъ остаться, коегдѣ бѣжать; укрываться, съ начала къ Хазакамъ³ бѣжалъ, а послѣ, когда узналъ, что Хазацкой Убула, получа милостивое и благомудренное правленіе Государя нашего, принялъ здѣшнюю протекцію, то уже, побоясь Хазаковъ, чтобы намъ руки не выдали, къ вамъ въ Россію убѣжалъ; и когда мы свѣдали, что онъ въ Россіи, то, во исполненіе Государственныхъ правъ нашихъ, по которымъ непремѣнно надлежитъ такого великаго бунтовщика на публикѣ смертной казни предать, стали его, въ силу постановленнаго трактата, отъ васъ требовать, и какъ повидѣли, что долговременно ни какого отвѣта не присылали, то уже имѣли право многократными листами усиленно отъ васъ требовать; и, употребляя въ оныхъ нѣсколько грубыхъ рѣчей, мы и для того его скоро отъ васъ требовали, что изъ медленности вашей разсуждали то, что можете вдаться въ лукавыя и хитрыя умыслы его, и по онымъ принять намѣреніе оставить его у себя въ Россіи. И понеже нынѣ сами отъ воспослѣдующаго на Бригадирское письмо Указа видите Государя нашего къ сторонѣ вашей благосклонность, то уже намъ и вамъ, стало быть, должно всѣ объ Амурсанѣ прежніе листы ни во что обратить и предать забвенію. Сей великой плутъ, оказаннымъ своимъ бунтомъ и злостными поступками, которыхъ описать не возможно, такъ оскорбилъ цѣлое наше Государство, что не сыщется нынѣ у насъ ни одного такого человека, кто бы на него зубы не грызъ. И хотя можно такъ разсуждать, что онъ по дѣламъ своимъ ту жь худую смерть принялъ, какъ бы сказанъ, однако изъ разсужденія Государственныхъ правъ нашихъ, что по онымъ должно о

³ Киргизъ-Кайсакамъ.

такомъ человекѣ во всенародное извѣстіе во всемъ Государствѣ публикацію учинить, необходимо надлежитъ при оной, для утѣшенія раздраженныхъ сердець народныхъ, во увѣреніе, представить одного, или двухъ человекъ изъ партизанъ его; ибо безъ того о смерти Амурсаны ни кто не повѣритъ, а всякъ скажетъ, будто бы Трибуналь, съ согласія Сенатскаго, такъ объявить вымыслилъ. И по сему явно есть, сколь свято и премудро, о требованіи отъ васъ такихъ партизановъ, разсужденіе Государя нашего, и что оныя, зашедшіе къ вамъ за Амурсаной, люди, все негодные и вамъ не надобные; ибо, какъ мы сами знаемъ, что нѣтъ изъ нихъ ни одного Джайсана или Старшины, но все самые подлые, то мы по тому и просимъ васъ прислать къ намъ изъ нихъ одного, или двухъ человекъ, дабы мы могли оными удостовѣрить народъ нашъ, и тѣмъ явно оказать обонкъ нашимъ Правительствъ благоразумное правосудіе, на что, глядя, могутъ быть всѣ люди наши нѣсколько порадованы.

Что касается до Уранханцовъ Голжъ-доходъ съ товарищи, то, оныя въ разсужденіи принятой ими нашей протекціи и даимыхъ отъ Государя нашего изъ Высочайшей милости чиновъ, по справедливости до насъ принадлежать, и намъ, по силѣ трактата, взять отъ васъ слѣдуетъ, на что нынѣ наша сторожа, присылкою Амурсаны тѣла, вами весьма довольна, и Его Величество изволило указать отъ васъ не требовать, то мы безъ требованія остаемся и предаемъ дѣло сіе въ вашу волю.

Когда мы съ обѣихъ сторонъ впредь такія дѣла точно такъ рѣшить будемъ, какъ нынѣшнее, то никогда не погрѣшимъ противъ постановленнаго о перебѣщикахъ пункта и отъ времени до времени вѣщѣе подкрѣпляемо быть имѣть мирное наше согласіе.

Государствованія Абкав Вехехе 23 года, 1 луны 22 числа.

18 Февраля,
1758 года.

ВТОРЫЙ ЛИСТЪ,

присланный, при дощесвиц Сибирскаго Губернатора, Тайпаго Советника Соймонова, отъ 29 Мая, а въ Коллегіи полученный 27 Іюля, 1758 года.

Великаго Тайцынскаго Государства изъ Трибунала вѣршія провинціи Управляющаго въ Россійской Сенатъ.

Писалъ вашъ Бригадиръ къ нашему Калканскому Полномощному Генералъ-Цынъ-Вану-Санъ-Джсандорзю о мертвомъ тѣлѣ Амурсанъ, что сему Сенатскимъ Указомъ велѣно то тѣло нашимъ людямъ только показать, и, показавъ, зарыть въ землю, а того, чтобы нашимъ на руки отдать, не упомянуто; изъ того онъ, Бригадиръ, мнитъ, что мертвое тѣло людямъ отдавать не прилично.

Вы уже довольно знаете, что мы по той причинѣ столь многократно, въ силу постановленнаго трактата, сего перебѣщика отъ васъ требовали, что одной былъ презритель Государя нашего милости, и такой злощастной бунтовщикъ, котораго всѣ выны описать трудно, и котораго на свѣтѣ, яко самую ядовитую гадину, отъ оныхъ оставить не можно, напротивъ чего вы, для продолжающагося между обѣими Имперіями съ давнихъ лѣтъ добраго согласія, его и отослать къ намъ приказали.

Нынѣ намъ, по обстоятельствамъ дѣла, оказывается, что когда Амурсана, будучи везенъ сюда, въ дорогѣ умеръ, то Бригадиръ и сталъ причину имѣть писать къ нашему помянутому Генералу, чтобы прислать кого узнавать мертвое тѣло; и какъ для онаго отъ того Генерала прѣвзжалъ къ нему, Бригадиру, Калканской же Цынъ-Ванъ-Цыбакъ-Араднымъ, то онъ сему Цынъ-Вану объявля, что Сенатскимъ Указомъ будто велѣно только показать, а не отдавать на руки, не отдавъ. И такъ по сему, явно есть, что онъ не осмѣлился тѣла отдать по той одной причинѣ, что имѣетъ на себѣ рангъ малой и нѣкакое дѣло, то самовластно чинить о семъ въ Сенатскомъ Указѣ именно не упомянуто.

А понеже, по Государственнымъ правамъ нашимъ, должно великихъ злодѣевъ казни предавать на публикѣ, то, слѣдователь-

но, за толь великія Амурсаны преступленія, надлежитъ всему народу во увѣреніе, что уже умеръ, показатъ тѣло его; ибо безъ того ни кто однимъ словамъ, что на границѣ то тѣло съ вашей стороны нашимъ людямъ было показано, и что оныя глазами своими видя, признали за подлинно, что точно тѣло Амурсаны, а не другого какого человѣка, не повѣрять, по всякъ скажетъ, какъ Его Величество премудро изволилъ разсуждать, что Трибуналъ, по согласію съ Сенатомъ, такое объявленіе вымыслилъ.

Съ нашей стороны Бригадиру и то представляемо было, что когда уже Сецать, для мирнаго согласія, живаго Амурсану выдать приказалъ, то, слѣдовательно, мертвое и непотребное тѣло оставить не пожелаетъ. По чему нынѣ, стало быть, въ нашей волѣ: хотимъ, возмемъ, а не хотимъ, у васъ оставимъ; но Бригадиръ противъ сего, по малому своему чину и по недоразумѣнію, одно упрямство употребя, сказалъ только, что о выдачѣ тѣла въ Сенатскомъ Указѣ не упомянуто.

И такъ мы съмъ нашимъ листомъ обстоятельно о семъ дѣлѣ объявить просимъ васъ, для подтвержденія мирнаго обоеихъ Государствъ согласія, Бригадиру объ отдачѣ помянутаго мертваго тѣла нашимъ людямъ отписать; по полученіи сего листа и ни мало не медля, наблюдая то, чтобы, для одного мертваго тѣла, ради непотребной и скверной вещи, не показатъ вреда мирному нашему согласію.

Государствованія Абкаи-Вехехе, 23 года, луны 1 числа.

28 Марта,
1758 года.

О П И С Ь

ГОРОДА БОЛХОВА ТРОИЦКАГО ОДННА МОНАСТЫРЯ.

Означенный монастырь построенъ изъ древнихъ лѣтъ, до Литовскаго разоренія, Высочайшимъ повелѣніемъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, предковъ Ея Императорскаго Величества для богомоленія, который монастырь въ 122 году Литовскими людьми разоренъ и выжженъ былъ весь безъ остатку, и жалованные грамоты и Указы пожжены, а названіе до Литовскаго разоренія имѣлъ Общей Рожества Пресвятыя Богородицы, да церковь Илья Пророкъ на рѣкѣ Нугрѣ древянныя клѣтми, и во время того разоренія начальство было Игуменское, а съ котораго времени и по чему учреждено, за сожженіемъ грамотъ и указовъ справиться не съ чѣмъ. А во 128 и во 136 годахъ, милостивымъ прирѣніемъ и пожалованіемъ Высочайшихъ же предковъ Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшихъ Государей, Царей и Самодержцевъ Всероссійскихъ, паки возобновленъ, и для построенія и содержанія онаго монастыря, по дозорной и писцовой книгамъ, вѣсто руги, пожалована тому монастырю рыбная ловля изъ рѣки Нугря отъ города Болхова до Оки рѣки безоброчно; а во 176 году, милостивымъ же прирѣніемъ и пожалованіемъ, собственнымъ вкладомъ блаженныя и вѣчностойныя памяти Благочестивѣйшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Россіи, и Благовѣрныя Государыни, Царицы Маріи Ильиничны, построена въ ономъ монастырѣ соборная каменная церковь во имя Живоначальныя Троицы и всякимъ церковнаго благолѣпія украшеніемъ

¹ Списокъ съ рукописи прошлаго столѣтія.

и утварью, и Святое Евангеліе, животворящій Крестъ и священныя сосуды большіе, всѣ серебряныя позлащенные, тако же покровы, ризы, стихари, подризникъ и целены бархатныя и атласныя, и разныхъ шелковыхъ матерій съ золотомъ и серебромъ, удовольствована Ихъ Величества казною и собственнымъ вкладомъ, для поминовенія погребенныхъ въ ономъ монастырѣ Благочестивыя Государыни, Царицы, Маріи Ильиничной, родственниковъ по фамиліи Милославскихъ, ¹ безъ всякаго недостатка. А во 196 году, по Указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Благочестивѣйшихъ Царей и Великихъ Князей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, Самодержцевъ Всероссійскихъ, на содержаніе оныя каменная церкви, пожаловано изъ казны Ихъ Величества, изъ Болховскихъ платежныхъ доходовъ, денегъ триста рублей, а потомъ и въ 1758 году, по Указу Ея Императорскаго Величества, изъ Правительствующаго Сената, на исправленіе и починку имѣющихся въ ономъ Троицкомъ Оптинѣ монастырѣ ветхостей, выдано изъ Московской Статсъ-Конторы двѣ тысячи рублей; ² и такъ

¹ Выше упомянутая церковь Ильи Пророка, вѣроятно, построена надъ гробомъ отца Царицы, Болярна Ильи Милославскаго.

² Поѣздка Императрицы Елисаветы Петровны на богомолье, черезъ Москву, въ Кіевъ, въ сопровожденіи знаменитаго Архитектора, Графа Растрелли, имѣла своимъ слѣдствіемъ, между прочимъ, обрѣженіе и постройку, по плану этого гениальнаго зодчаго, нѣсколькихъ великолѣпныхъ храмовъ; таковы, на пр.: Соборный храмъ въ Брянскомъ Свѣтскомъ монастырѣ, замѣчательный еще и по своему иконостасу, подобный которому едва ли найдется въ Россіи по размаху и исполненію. Соборъ въ г. Козельцѣ (Черн. Губ.) и Андреевская церковь въ самомъ Кіевѣ. Пора бы нашей Академіи Художествъ издать альбомъ съ видами всѣхъ зданій, построенныхъ Графомъ Растрелли, отъбъ достойнымъ преемникомъ перваго Московскаго зодчаго, тоже Италиянца, Аристотеля или Антонія изъ Флоренціи. Пора тоже издать рисунки нашихъ старинныхъ, еще уцѣлѣвшихъ, деревянныхъ церквей, для развитія и облагороженія вкуса новыхъ строителей, проекты и планы которыхъ страдаютъ утомительнымъ однообразіемъ: кто видѣлъ одну изъ церквей, построенныхъ (со времени существованія Губернскаго Строительнаго Комисіи), тотъ видѣлъ всѣ построенныя съ нимъ одновременно. Благодаря такой общности вкуса Архитекторовъ, уже созданъ у насъ особый стиль архитектуры, такъ называемый казенный, отличительная черта коей состоитъ въ отсутствіи всякихъ внешнихъ украшеній, которыми такъ обилвала и разнообразилась церковная постройка до текущаго столѣтія.

монастырь созданъ и возобновленъ весь Высочайшимъ Особъ милостивѣйшимъ призравніемъ и пожалованіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. А по чему названіе свое имѣеть Троицкой Оптиный монастырь, о томъ не значитя. Начальство же Архимандрическое учреждено въ 1705 году, во время цесствія Благочестивѣйшаго Государя, Императора, Петра Великаго, и Благовѣрнаго Государя, Цесаревича, Алексѣя Петровича, черезъ городъ Болховъ до Кіева, по усмотрѣнію Ихъ Величества того города Болхова многонародное жительство и для церковной церемоніи, во время водоосвященія и въ крестныя хожденія въ мужской и дѣвичь монастыри, вмѣсто Игуменства въ томъ монастырѣ вѣльно быть Архимандріи; и по возвращеніи изъ Кіева, при Ихъ Величествѣ, въ Преображеніе, произведешъ, бывшимъ Преосвященнымъ Иларіономъ, Митрополитомъ Крутицкимъ, ⁴ первый Архимандритъ Сергій. А прошлаго

---

⁴ Къ этому же времени относится и рассказъ Брянскихъ старожиловъ о посѣщеніи Петромъ ихъ города. Прибывъ сюда проездомъ, Государь хотя и спѣшилъ видимо далѣе, но до своего выѣзда пожелалъ отслушать Божественную Литургію въ Соборномъ храмѣ; а чтобы выиграть нужное ему время, приказалъ совершать службу говоркомъ (то есть, чтобъ каврошь отвѣчалъ на возгласъ служащихъ не пѣніемъ, а рѣчью, чѣмъ очевидно значительно сокращалась служба, по отношенію къ тогдашнему знаменному протяжному папѣву). Дѣло, какъ говорить преданіе, было въ Трапеческую Субботу (передъ Масляницею). При входѣ въ Соборъ на паперти Царь замѣтилъ стояшіе въ нѣсколько рядовъ узлы съ чѣмъ-то. «Что это такое?» спросилъ онъ на ходу, не обращаясь ни къ кому въ особенности. — «Блны на поминки!» простоудинно отвѣчалъ изъ толпы. Государь прошелъ въ церковь, внимательно слушалъ Литургію, самъ прочелъ Апостолъ (извѣстно, что онъ читалъ отлично, и любилъ эѣмъ похваляться: въ дружеской своей компаніи называлъ себя «Протоіакопъ Петръ», какъ шутя и подписывался въ письмахъ къ Ромодановскому). Еще до конца Литургіи прибылъ курьеръ съ какими-то чрезвычайными бумагами. Государь, во время причащнаго стиха, отойдя въ сторону къ окну, быстро пробѣжалъ бумаги. Когда окончилась служба, принявъ отъ Протоіерея подаятельную ему прософору, онъ благодарилъ его за доброе состояніе храма и порядокъ, и направился къ выходу изъ церкви, у котораго задержала его съ просьбою старуха-стрѣльчиха: Царь вступилъ съ ней въ бесѣду, а межъ тѣмъ въ это время между сѣвшио разоглачавшимися Священнослужителями происходило совѣщаніе о томъ, чего бы попросить у Царя, по случаю его посѣщенія. Получивъ благодарность за доброе состояніе храма, и употребивъ для служенія лучшія облаченія и утварь, чего именно просить недоумѣвали; но одинъ изъ причетниковъ рѣшилъ это недоумѣ-

1779 года, Юня 27 числа, по присланному изъ Крутицкой Духовной Консисторіи въ оной монастырь Указу, повелѣно бытъ Строителю Настоятелю.

Оной же Троицкой Оптиный монастырь состоитъ при городѣ Болховѣ на горѣ близъ рѣки Нугря, обнесенъ вокругъ каменною оградою съ четырьмя каменными башнями и воротами желѣзными; въ ономъ монастырѣ двѣ каменныя церкви: 1) во имя Живоначальныя Троицы, 2) въ двухъ престолахъ: Рождества Пресвятыя Богородицы и Святаго Славнаго Пророка Иліи съ трапезою, всѣ крыты желѣзомъ. Въ настоящей церкви трое дверей желѣзныхъ, помостъ чугунной, при оной же церкви колокольня каменная, съ часами; на оной колокольнѣ колокола: Воскресной, полелейной и будничной, меньшихъ и зазвонныхъ всѣхъ 9; въ шести большомъ, среднемъ и меньшихъ вѣсу 487 пуд. 65 ф., а въ трехъ зазвонныхъ вѣсу не подписано. Настоятельскихъ каменныхъ три кельи о двухъ этажахъ съ сѣнными и съ деревянными чуланами; подъ тѣми кельями по одну сторону братская хлѣбня, а по другую братская келья съ сѣнными и съ чуланами; подъ тою кельею каменной погребъ и съ выходомъ, близъ оныхъ каменной ледникъ. Братскихъ пять келій каменныхъ, съ сѣнными и чуланами деревянными, братская каменная хлѣбня ветхая, три анбара дере-

---

ніе, посовѣтовавъ просить у Царя «на починку отгнавшей Соборной кровля.» Мысль была удачная и принята съ одобреніемъ. Догнавша Царя, еще занятого у выходныхъ дверей бесѣдою съ стрѣльчиною, Протоіерей сталъ просить Государя пожаловать что ни будь на храмъ. «Да, кажется, у Васъ все исправно.» сказалъ Царь.—«Внутри, не чего сказать, хорошо, возразилъ Протопопъ, да вотъ кровля отгнила, а починить не чѣмъ.»—«А это что? неожиданно спросилъ Государь, указывая на стояшіе на панерти въ углахъ бляны.»—«Бляны!» отвѣчалъ Протопопъ, не зная цѣли вопроса.—«Ну, такъ крой крышу блянами, сказалъ, улыбающийся Царь, и пошелъ черезъ площадь къ Воеводскому дому, у котораго уже ожидалъ его дорожный экипажъ.» Упомянутая выше вдова стрѣльчича подала Государю челобитную о томъ, что мужъ ея убитъ подъ Азовомъ, и оба сына взяты на службу; просила отпустить одного изъ нихъ ей, «убогой сиротѣ,» на прокормленіе, чтобъ было кому глаза закрыть. Государь, распросивъ ее подробно о службѣ мужа, обѣщалъ исполнить ея просьбу, и тутъ же далъ ей «на бѣдность» серебряный рубль. Преданіе о семъ сохранилось въ Соборномъ кларѣ г. Брянска.

вянныхъ хлѣбныхъ объ одномъ этажѣ; въ ономъ же монастырѣ три сада, огорожены два рѣшетками, третій частоколомъ. Противъ монастыря на сѣверной сторонѣ два двора: гостинной и скотной; въ гостинномъ двѣ горницы, между ими сѣни съ чуланомъ, и двѣ конюшни съ сараями; въ скотномъ дворѣ одна горница съ сѣнями и въ нихъ чуланъ; вокругъ сарая скотскіе, а съ прочихъ сторонъ роща разныхъ деревьевъ, и въ рощѣ къ востоку старой большой садъ съ разными плодovitыми древами, вокругъ обнесенъ валомъ землянымъ. Внизу монастыря подъ городъ два озерка копанья и съ разными рыбами, противъ рѣки Нугря, и Вѣдомства Коллегіи Экономіи близъ оныхъ озерковъ мельница, состоитъ на рѣкѣ Нугрѣ, которая отдана отъ Коллегіи Экономіи настоятелямъ съ братіею во оброкъ, съ платежемъ за выстройкою въ каждый годъ по 69 рублей въ Коллежскую Экономическую сумму бездонмочно. ⁵

Сообщ. Д. Членъ. Архимандритъ Леонидъ.

---

⁵ Изъ Настоятелей текущата столѣтія особую память оставилъ по себѣ въ жителяхъ Болхова о. Архимандритъ Макарій, бывший Начальникъ Алтайской Миссіи. Онъ опредѣленъ сюда, по вызовѣ изъ Сибири, и здѣсь же окончилъ свою трудолюбную жизнь, провожаемый въ могилу всѣмъ населеніемъ города, а особенно бѣдными и дѣтьми, для которыхъ онъ былъ отцемъ, попечителемъ и просвѣтителемъ.

СЕКТА ТАТАРИНОВОЙ.

Совершенно секретно.

Его Святельству, Г. Министру Внутренних Дѣлъ, Графу Перовскому.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 1848 года, Генералъ-Адьютантъ, Графъ Орловъ, получилъ безыменное письмо, въ которомъ извѣщали его, что «разсѣянное общество въ Маѣ 1837 года, у Московской заставы, и носившее имя тайнаго Общества Адамистовъ,¹ не совсѣмъ истреблено, и что это пагубное сборище вновь возрождается; что члены этого Общества нѣкоторые были высланы на жительство въ дальнѣйшія Губерніи, нѣкоторые хотя и изблечены были принадлежащими къ оному, но, по разнымъ случайностямъ, оставлены сдѣсь, а нѣкоторые удалены были только отъ занимаемыхъ ими мѣстъ по службѣ, и въ послѣдствіи одни изъ нихъ воспользовались Всемилостивѣйшимъ прощениемъ и дозволено имъ возвратиться въ столицу, а другіе, главные поборники этого Общества, заняли и прежнія мѣста по службѣ, и одинъ изъ нихъ у Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Казначей.

Вотъ имена, переданыя мнѣ (доносительницѣ), какъ жещинѣ, женщиною, бывшею нѣкогда членомъ этого общества:

---

¹ Это названіе не было извѣстно правительственно по дѣламъ 1817 и 1837 годовъ, изложеннымъ ниже сего. Оно носило тогда названіе «Союза братства.»

1. Князь Энгальчевъ.
2. Князь Крапоткинъ, Литовскаго полка.
3. Надворный Совѣтникъ Родіоновъ.
4. Буксгевденъ.
5. Урбановичъ.
6. Пилецкій.
7. Лермонтова, дѣвица.
8. Полякова, мѣщанка, нынѣ жена Родіонова.
9. Сестра ея, Марья Полякова, жена Писаря 4 Адмиралтейской части (Пустыпскаго), и нѣкоторые другіе. Этѣ члены уже соединились со всѣхъ мѣстъ и начали свои преступныя дѣйствія. Разсѣйте дающею Вамъ властью эту безсмысленную толпу, противную волѣ Государя и вредную нравственности. Я, какъ женщина, не желаю обнаруживать своего имени, но Вы, приказавъ обслѣдовать, удостовѣритесь въ истинѣ.»

Генералъ-Адъютантъ, Графъ Орловъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщилъ выписку изъ сего доноса Вашему Сіятельству, а Ваше Сіятельство, отъ 21 Октября, 1849 года, № 5035, изволили возложить на меня: «произвести немедленно строжайшее секретное изслѣдованіе, но безъ малѣйшей преждевременной огласки: въ чемъ именно состоитъ эта секта, давно ли она образовалась, гдѣ и когда именно сектаторы собираются, и кто ихъ главный руководитель» и проч.

Независимо отъ обыкновенныхъ за упомянутыми выше лицами наблюдений, которыя бы могли повести къ заключенію объ основательности этого донесенія, необходимо было отыскать и прослѣдить прежнія по сему розысканія, которыя обнаружили: ²

Въ Сентябрѣ 1817 года дошло до свѣдѣнія Правительства, что живущая въ Михайловскомъ замкѣ, при матери своей, Полковницѣ Буксгевденъ, Подполковница Катерина Татаринава содержитъ какую-то особенную секту и приводитъ въ оную и

---

² Изъ дѣлъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

другихъ. Это послѣднее обстоятельство основывалось на письмѣ, писанномъ Г-жею Татариновой къ женѣ Польской службѣ Маіора Францъ, Аниѣ. Въ письмѣ этомъ Татаринова, назывъ ея «дражайшею во Христѣ сестрицею,» просить не открывать ни кому ихъ тайны; ибо Господь запрещаетъ бросать перы предъ «нечистыми животными,» изъясняетъ, что вся тайна ихъ секты заключается въ 14 гл. 1-го Посл. къ Коринѳянамъ, ст. 1, 2, 3, 4, и 5, ³ и наконецъ увѣдомляетъ, что мать ея до Сентября мѣсяца уѣдетъ, и тогда она, Францъ, можетъ занять ея комнату, которую уже Татаринова ей и предназначила. ⁴

При принятіи въ эту секту, Г-жа Францъ приведена была въ безчувствіе, и явившійся ей Пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся Ангелы и возьмутъ ея отъ сей жизни, а по тому совѣтовалъ ей, для приобрѣтенія спасенія, быть благотворительною. Солдатская же жена, Варвара Осипова, находившаяся въ услуженіи у Татариновой, и принятая въ ея секту, рассказывала, что при приѣмѣ ея, она положена была въ постель и не знаетъ, отъ чего пришла въ безпамятство; когда же очутилась, то явился ей Пророкъ, предрекавшій, что придетъ къ ней корабль съ деньгами, и тогда она сама будетъ раздавать бѣднымъ деньги.

---

¹ Стихъ 1-й: «Держитесь любви, ревнуйте же духовнымъ: паче же да пророчествуете.»

Стихъ 2-й: «Глаголюй бо языки, не человекомъ глаголетъ, но Богу. Ни кто же бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.»

Стихъ 3-й: «Пророчествуяй же, человекомъ глаголетъ созиданіе, и утѣшеніе, и утвержденіе.»

Стихъ 4-й: «Глаголюй бо языки, себе жаждеть: а пророчествующій, церковь жаждеть.»

Стихъ 5-й: «Хочу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да пророчествуете; болій бо пророчествуяй, нежели глаголюй языки, развѣ аще (кто) сказаетъ, да церковь созиданіе приемлетъ.»

⁴ Когда письмо это было писано, то Анна Францъ жила Литейной части въ домѣ Лелякина. На 20-е Сентября она уже находилась въ предназначенной ей комнатѣ, у Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ.

Приверженные къ сей сектѣ, коихъ число было до сорока человекъ (людей всякаго званія, большею же частію изъ низкаго состоянія), ⁵ собирались каждое Воскресенье, по утру въ 6 часовъ, въ квартиру Татариновой (въ Михайловскомъ замкѣ).

Въ комнатѣ, гдѣ собирались, повѣшенъ былъ на стѣнѣ большой образъ «Тайная Вечеря.» Всѣ собравшіеся сажались вокругъ комнаты, вставали, читали въ слухъ: «Отче нашъ» и пр., потомъ изъ Евангелія Св. Іоанна. Послѣ чего Пилецкій и Ѳедоровъ говорили проповѣди по смыслу чтенія, а потомъ всѣ присутствующіе, ставъ на колѣни, пѣли на распѣвъ слѣдующіе стихи:

«Дай намъ, Господи,
Къ намъ Иисуса Христа!
Дай намъ Сына Твоего!
Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
Изъ Твоея полноты,
Дай, Создатель, теплоты;
Наряди изъ насъ пророка,
Чтобы силы подрѣзать;
Засуди судомъ небеснымъ,
И не дай врагу вѣнчать;
Ниспосли живое слово
Сдѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ;
Ты, Христось, Ты нашъ Спаситель!
Инаго Бога нѣтъ у насъ;
Твоей силой укрѣпимся,
За Тобой во слѣдъ идемъ.
Прими слезы Твоей твари,
И поставь всѣхъ на пути!»

---

⁵ Извѣстными посѣтителами, независимо самой Татариновой, Маіорши Францъ и солдатки Варвары Осиповой, были: Л.-Гв. Семеновскаго полка Подпоручикъ Алексѣй Гр. Милорадовичъ; отставной Маіоръ, бывший Секретаремъ Человѣколюбиваго Общества, Пилецкій; отставной Придворный музыкантъ Никита Ів. Ѳедоровъ (этѣ три болѣе прочихъ имѣли вѣру, что служеніе ихъ, моленіе и пророчество, дѣйствуются Св. Духомъ); Л.-Гв. Преображенскаго полка Капитанъ Бригенъ; три брата Рачинскихъ, Офицеры Л.-Гв. Семеновскаго полка; Л.-Гв. Измайловскаго полка Поручикъ Миклашевскій; Капитанъ Буксгевденъ, братъ Г-жи Татариновой, и проживавшая у Г-жи Загряжской, дѣвица Настасья Петровна Пшперъ.

Во время молитвъ, одинъ становился на средину, вертѣлся кругомъ на востокъ, по окончаніи же молитвы подходилъ къ каждому и пророчилъ, большею частию лестными предсказаніями, на распѣвъ, скороговоромъ, безъ всякаго порядка въ рѣчахъ, и едва ли что можно было разумѣть. Пророчествовали же болѣе женщины и сама Татаринова. Всѣ они заражены были мыслию, что на сихъ пророковъ и пророчицъ бываетъ сошествіе Св. Духа. Пророки и пророчицы увѣряли, что когда бываютъ въ семь положеніи, то не помнятъ себя и говорятъ не собою, по Св. Духомъ, и по тому сами не знаютъ, что кому предрекаютъ.

Этѣми поверхностными свѣдѣніями, кажется, тогда и удовольствовались; да и изъ этѣхъ, слишкомъ недостаточныхъ, дознаній, 20 Сентября, была составлена, Генераломъ отъ Инфантерій Вязмитиновымъ, только краткая Записка Государю Императору, въ которую не были внесены тѣ существенныя подробности, которыя бы могли обратить на сей предметъ достолюбезное вниманіе, на примѣръ: не были поименованы лица, составляющія это сборище; мѣсна, которую въ сборищѣ пѣли, и т. п. На Записку эту Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, изъ Москвы, отъ 15 Октября, того же 1847 года, за № 4, собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ Г. Вязмитинова, что «Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ записку (Вашу) о собраніяхъ въ Михайловскомъ замкѣ, у Подполковницы Татариновой, указать (мнѣ) соизволилъ, сообщить Вашему Высокопревосходительству, что можно оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности. Находя же, что въ Михайловскомъ замкѣ отведены комнаты Буксгевденной, а не Татариновой, повелѣлъ (мнѣ) написать къ Барону Альбедилю письмо, здѣсь въ копіи прилагаемое.»⁶

⁶ Письмо это, изъ Москвы же, отъ 7-го Октября, 1847 года, № 486, повелѣвало сдѣлать замѣчаніе, что, «по положенію о Зиннемъ Дворцѣ, ни кто въ оный не можетъ быть принятъ на жительство безъ Высочайшаго соизволенія; по чему и Подполковница Буксгевденъ не могла имѣть въ отведенныхъ ей комнатахъ, въ Михайловскомъ замкѣ, на жительство Подполковницу Татаринову и Маіоршу Францъ безъ Высочайшей воли, что и впродъ подтверждено къ наблюденію,» и т. д.

Такимъ образомъ не было тогда обращено ни какого вниманія на сущность этой секты, которая, по обрѣдамъ своимъ, слегка только упомянутымъ, и въ особенности по пѣсни: «Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа» и проч., оказывается чисто Хлыстовскою. ⁷ По чему и лица, такъ милостиво оставленныя безъ всякаго преслѣдованія, не оставили противозаконныхъ своихъ дѣйствій.

Въ 1837 году, находившійся въ услуженіи у Тайнаго Совѣтника Попова, крѣпостной человекъ, Петръ Александровъ, обнаружилъ, что близъ Московской заставы, на дачахъ, принадлежащихъ Титулярному Совѣтнику Ѳедорову и Медіку Косовичу, учреждена Статскою Совѣтницею Татариновою релігіозная секта, къ которой принадлежатъ нѣкоторые, поименованныя имъ, лица.

Въ слѣдствіе сего, отъ 8 Мая (1837), въ 10 часовъ вечера, по Высочайшему повелѣнію, С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ Генералъ-Маіоръ Кокоскинъ, Начальникъ Штаба Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Маіоръ Дубельтъ, и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Графъ Протасовъ, прибыли на поманутыя дачи, и приняли предварительныя мѣры, дабы, во время осмотра внутренняго жилья оныхъ, и допроса живущихъ, ⁸ не могло укрыться что либо отъ внимательнаго наблюденія, и потомъ, послѣ нѣ котораго промедленія, были впущены во внутренность дачъ.

Сдѣсь постоянно живущими найдены слѣдующія лица:

1. Генералъ-Лейтенантша Елисавета Павловна Головина.
2. Дочь ея, Екатерина Евгеньевна.
3. Сынъ Сергѣй Евгеньевичъ.
4. Тайный Совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ (Членъ Совѣта Главнначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ).

⁷ Пѣснь эта занимаетъ одно изъ почетвѣйшихъ мѣстъ и въ Скопческой ереси.

⁸ Письменныхъ допросовъ при этомъ дѣланъ не было, а все обозначено въ заключенномъ тогда же на мѣстѣ актѣ.

5. Дочь его, Вѣра, 18 лѣтъ.
6. Тоже, Любовь, 16 лѣтъ.
7. Тоже, Софія, 12 лѣтъ.
8. Статская Совѣтница Екатерина Филипповна Татарнова.
9. Ея пріемщица и воспитанница, Анна Александровна Васильева.
10. Статскій Совѣтникъ Мартынъ Степановичъ Пилецкій.
11. Отставной Инженеръ-Капитанъ Петръ Филипповичъ Вуксгеденъ.
12. Титулярный Совѣтникъ Никита Ивановичъ Оедоровъ.
13. Жена его, Марья Васильевна.
14. Ихъ дочь, Екатерина Никитична.

Служители Генеральши Головной:

15. Горничная Елена Якобина.
16. Кухарка Анна Иванова.
17. Лакей Павелъ Михайловъ.
17. Тоже Борисъ Кондратьевъ.
19. Работникъ Сергѣй Васильевъ.

Прислуга Тайнаго Совѣтника Попова:

20. Работница Олимпиада Швырева.
21. Лакей Трифонъ Ивановъ.
22. Работникъ Никита Ивановъ.

Прислуга Татаринковой:

23. Работница Екатерина Иванова.
24. Тоже Февронья Васильева.

Прислуга Оедорова:

25. Горничная Елисавета Михайлова.
26. Кухарка Ирина Романова.
27. Дворникъ Сампсонъ Ивановъ.
28. Тоже Иванъ Андреевъ.

Въ началѣ посѣтили Тайнаго Совѣтника Попова, котораго нашли спящимъ. Онъ указалъ устроенную, въ занимаемомъ имъ домѣ, особенную моделью, состроенную изъ двухъ пекчевъ, внутренность коихъ имѣла видъ церкви, съ образами и огромными церковными подсвѣчниками, но безъ иконостаса и алтаря. Въ одной изъ сихъ комнатъ находился столъ съ ящиками для хранения церковныхъ свѣчей, другая обставлена стульями, между которыми одни кресла, назначенныя, какъ показала Подозъ, для Старшины духъ союза. Къ сему Поповъ присовокупилъ, что живущіе на дачѣ собираются въ эту модельню по Воскреснымъ днямъ, въ 4 часа до полудни, и приносятъ свои усердныя молитвы Господу безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ.

Разсказъ этотъ Тайнаго Совѣтника Попова не былъ правдивъ; ибо, по словамъ уже дочерей его, «въ назначенные дни собирались въ одну изъ модельней всѣ, живущіе на дачѣ Федорова и нѣкоторые изъ постороннихъ посѣтителей, какъ то: отставной Гвардіи Поручикъ Князь Ельпидиоръ Энгальчевъ, съ своею женою, служащій въ Канцеляріи Ея Императорскаго Величества Коллежскій Ассессоръ Ростиславъ Родіоновъ, и сынъ Генералъ-Лейтенанта Головина, Инженернаго Училища Юнкеръ Головинъ. Собравшіеся обыкновенно одѣвались въ бѣлую одежду, женщины въ платье обыкновеннаго покроя, мужчины въ бѣлые халаты. Тутъ начинали пѣть разныя духовныя пѣсни; ¹⁰ одинъ, или одна, изъ принадлежащихъ къ союзу, начиналъ вертѣться, и такое движеніе продолжалось до тѣхъ поръ, какъ почувствуетъ въ себѣ «вдохновеніе, иногда же сіе движеніе не исполнялось и всѣми вдругъ.» ¹¹ Средняя изъ дочерей Тайнаго Совѣтника Попова, Любовь, непрерывно оказывала отвращеніе къ этѣмъ обрядамъ, и тѣмъ цвѣдела на себя гнѣвъ своего отца, и въ особенноти Татариновой, которая, выдавая себя вдохновенною,

⁹ Въ дѣлѣ не видно, кто былъ тогда Старшиною этого союза, и не видно, чтобы Поповъ и спрошенъ былъ о томъ.

¹⁰ Не показано, какія именно, но несомнѣнно тѣ же, что и въ 1817 году, какъ упомянуто выше.

¹¹ То же, что и въ 1817 году.

приказывала Попову тѣлесно наказывать дочь свою. Поповъ въ теченіе болѣе года былъ ее палками по два, иногда по три, раза въ недѣлю, иногда до крови, не позволялъ ей имѣть сообщенія съ сестрами, держалъ ее въ строгомъ уединеніи, на ночь запиралъ въ чуланъ и бралъ къ себѣ ключъ. Она дѣйствительно найдена была запертою въ чуланѣ, между жилыми комнатами, не имѣющемъ оконъ, кромѣ одной только двери, отъ которой ключъ былъ у отца. Сестры ея утверждали, что она всегда пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ, и только со времени этѣхъ изтязаній начала чахнуть и, какъ сказано въ актѣ, «на ней осталась, такъ сказать, одна кожа и кости, такъ что видъ сей дѣвицы внушаетъ невольное состраданіе.»

Послѣ сего осмотрѣнъ былъ домъ, занимаемый Татариновою. У ней всѣ приемныя комнаты украшены были образами огромной величины, ¹² съ такими же подсвѣчниками предъ каждымъ. Въ спальнѣ ея, на маленькомъ столкѣ, стояла дароносица, въ которой найденъ кусокъ бѣлаго сдобнаго хлѣба.

---

¹² Изъ описи, находящейся во 2-мъ томѣ Дѣла о Татариновой, хранящемся въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, видно, что «оригиналы живописныя изображенія, принадлежавшія вдовѣ Статскаго Совѣтника Татариновой, урожденной Бундсгевденъ, находятся въ Соборѣ Александровской Лавры слѣдующіи:

1. Икона Спасителя въ натуральную величину, оригиналь Академика Боровиковскаго, оцѣнена въ	1500 р. сер.
2. Икона Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, въ натуральную величину, Художника Залѣскаго, въ	500 » »
3. Архистратига Михаила, съ пламеннымъ мечомъ, оригиналь Академика Олешкевича, въ	1000 » »
4. Маріи Магдалины, умывающей ноги Спасителя, въ половинную натуральной величины, оригиналь Боровиковскаго, въ	1500 » »
5. Св. Великомученицы Варвары, въ три четверти натуральной величины, оригиналь Боровиковскаго, въ	1000 » »
6. Св. Великомученицы Екатерины, въ три четверти величины, Боровиковскаго, въ	500 » »
7. Архистратига Михаила у престола, замѣчательное оригинальное произведеніе Боровиковскаго, въ	1500 » »
8. Вознесеніе Христова, оригиналь Боровиковскаго, въ ...	300 » »

Татаршинова, сказано въ актѣ, «приняла объявленную ей Высочайшую волю съ должнымъ благоговѣніемъ, выдала немедленно всѣ бумаги свои, ¹³ и, въ безусловной преданности своей Православной Церкви, «старалась, однако же, доказать истину своего ученія. По ея собственнымъ словамъ, «она достигаетъ до высочайшей степени духовнаго совершенства исполненіемъ своихъ обрядовъ, и ещё слѣдующимъ средствомъ: предъ началомъ какого либо намѣренія, посредствомъ письма на имя Христа Спасителя, вопрошаетъ его: должно ли исполнить предназначенное, или отказаться отъ своего намѣренія? Письмо¹⁴ это кладетъ она вечеромъ къ подножію образа Спасителя, а утромъ всегда уже въ невольныхъ пѣсняхъ возглашаетъ полученный ею отвѣтъ.» ¹⁴

Генералъ-Лейтенантъ Головина, Статскій Совѣтникъ Пилецкій и отставной Инженеръ-Капитанъ Буксгевденъ, съ тою же покорностію приняли объявленіе Высочайшей воли. «Два послѣдніе, въ своихъ разсужденіяхъ, совершенно раздѣляютъ и поддерживаютъ религіозное мнѣніе Татаршиновой.»

Въ домѣ, занимавшемся Титулярнымъ Совѣтникомъ Федоровымъ, «болѣе всего обнаружено (какъ сказано въ актѣ) признаковъ сильнѣйшей преданности къ сей фанатической сектѣ. У него двѣ молебни, изъ коихъ одна украшена, какъ самая лучшая церковь; образа, паникадила, плащаница, хоругви, все въ

---

9. Спаситель Младенецъ, гениальное произведеніе Боровиковскаго, въ.....	1500 р. сер.
10. Икона Владимирской Божіей Матери, оригиналъ ея же..	150 » »
11. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.....	} 550 » »
12. Успеніе Божіей Матери.....	
13. Благоговѣніе	
И того..... 10,000 р.	

¹³ Бумаги отвѣтъ въ Дѣлѣ не находится, и по тому, вѣроятно, онѣ были возвращены, какъ не заключающія въ себѣ важности.

¹⁴ Изъ одного этого можно заключить о всей вредности этой секты, если она утвердится въ умахъ народа.

изящномъ вкусѣ, и, сверхъ того, рядъ отдѣльныхъ комнатъ, также украшенныхъ различными священными предметами, и отдѣльными съ нѣкоторою даже роскошью.»

Выводъ сего акта слѣдующее: «Сколько судить можно изъ слѣдующихъ вопросовъ упомянутымъ лицамъ, Тайный Сорѣтникъ Поповъ и Генералъ-Лейтенантъша Головина, въ особенности первый, ¹⁵ предались учению Татариновой, единственно изъ сильного чувства фанатизма. Татаринова же, по видимому, извлекаетъ изъ своего ученія и довольно выгодное средство къ существованію. Цилецкій и Буксгевденъ также находятъ въ своемъ религіозномъ обрядѣ возможность жить спокойно и въ довольствіи безъ трудовъ. Федорова можно подозревать въ томъ, что онъ, подъ личиною смиренія, скрываетъ свои корыстные виды, и оснѣваетъ свои доходы на щедрыхъ приношеніяхъ особъ, принадлежащихъ къ союзу Татариновой; ибо послѣ неоднократно слѣданныхъ ему вопросовъ объ источникахъ его разбытка, онъ не далъ отвѣта удовлетворительнаго. ¹⁶

Всѣ они не употребляютъ никогда мясной пищи, исключая наемной прислуги, состоящей изъ пяти человекъ мужскаго и семи женскаго пола, которые вообще въ ихъ обрядахъ ни какого участія не принимаютъ.

¹⁵ Изъ секретнаго дѣла, производившагося, по Высочайшему повелѣнію, съ 1820 году, о высылкѣ изъ С.-Петербурга главы скопцовъ, Селиванова, видно, что проповедителемъ дѣла вообще о Скопцахъ былъ этотъ самый Поповъ, а этотъ и объясняется, по чему тогда уже, какъ всѣмъ Скопцамъ вообще, такъ въ особенности Селиванову и окружавшимъ его, одрзывалось всякое смѣхотвореніе, независимо отъ рассказовъ самовидцевъ, что Поповъ лично изъявлялъ Селиванову глубокое уваженіе, и однажды, послѣ бесѣды съ нимъ, сказалъ: «Господи! Если бы не скопечество, то за такимъ человекомъ пошли бы полицъ полкамн!»

¹⁶ Здѣсь невольно представляется разсужденіе: Татаринова, Цилецкій, Буксгевденъ и Федоровъ находятъ возможность чрезъ это жить въ довольствіи, основывая «свои доходы и средство жизни на щедрыхъ приношеніяхъ особъ, принадлежащихъ къ союзу Татариновой.» Но кто же эти особы? Не уже ли только Поповъ и Головина? Это поифредоподобно. Хотя бы къ

«Всѣ упомянутые лица и, вѣсть съ ними. Юнкеръ Инженер-
ство Эчилица Голеничъ, отпущенный на одинъ день для свиданія съ родительницею, арестованы въ своихъ комнатахъ, дурѣ до особеннаго повелѣнія.»

Дело это разсматривалось въ особомъ секретномъ Комитетѣ, и, по опредѣленію оного, удостоенному Высочайшаго утвержденія, рѣшенье подвергнута слѣдующимъ розысканіямъ:

1. Тайный Совѣтникъ Поповъ отправленъ былъ въ Казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ 23 Апрѣля, 1842 года, и умеръ.

2. Статская Совѣтница Татаринова и

3. Воспитанница Анна Васильева отправлены были въ женскій Кашинскій монастырь (Тверской Губерніи). Она и родственникъ ей нѣсколько разъ просили объ освобожденіи ея изъ монастырскаго заключенія. Но Генераль-Адъютантъ Графъ Протасовъ (какъ изъ Дѣла видно) въ 1843 году увидѣвши, что Татаринова въ религіозныхъ понятіяхъ своихъ ни какой перемѣны не блазываетъ, отзываясь, что она «оскорбитъ Духа Святаго, если плоды, какіе видитъ отъ своихъ религіозныхъ занятій, признаетъ заблужденіемъ.» На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ написано карандашемъ: Нельзя послѣ такого отзыва.» Въ 1846 году (въ Августѣ), въ слѣдствіе поступившаго ходатайства о помилованіи Татариновой, сдѣлано было сношеніе съ Генераль-Адъютантомъ Графомъ Протасовымъ, чтобы узнать о религіозныхъ ея занятіяхъ и «согласна ли она дать письменное обязательство, оказывать неизмѣнное почитаніе Православной Церкви, не входить ни въ какія не благословенныя оною общесства, не распространять, ни тайно, ни явно, пренныхъ своихъ заблужденій, и не венчать ни какіхъ особенныхъ обрядовъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ розысканія?»

нимъ присоединить еще и Князя Энгальцева и Родіонова, то и это быть не можетъ. Другимъ же не было тогда открыто принадлежаніи къ тому «зловредному союзу.»

Сперва она отказывалась, но въ 1848 году дала подобную подписку, въ слѣдствіе которой и разрѣшено ей, Татариновой, пребываніе въ городѣ Москвѣ. ¹⁷

4. Статскій Совѣтникъ Пилецкій препровожденъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евѣимовскій монастырь ¹⁸ Владимирской Губерніи, откуда въ 1842 году, послѣ даннаго имъ письменнаго обязательства о неизмѣнномъ повиновеніи Православной Церкви, былъ переведенъ на жительство въ Костромскую Губернію, ¹⁹ въ Іюль 1846 года, на основаніи засвѣдѣльствованія мѣстнаго Начальства, что онъ исполняетъ всѣ правила Православной церкви, Высочайше разрѣшено ему свободное жительство вездѣ, не исключая столицъ, съ освобожденіемъ его отъ надзора; по чему и прибылъ онъ въ С.-Петербургъ. ²⁰

5 и 6. Титулярный Совѣтникъ Ѳедоровъ и жена его отправлены были: первый въ Юрьевъ, а вторая въ женскій Святодуховъ монастырь Новгородской Епархіи. Впрочемъ и они, еще въ 1838 году, по уваженію ихъ раскаянія, освобождены изъ монастырей, съ воспрещеніемъ только въѣзда

¹⁷ Объ образѣ жизни ея будетъ видно далѣе, въ статьѣ о Буксгевенѣ, и въ особой секретной запискѣ.

¹⁸ Куда въ 1820 году былъ сосланъ Селівановъ, и гдѣ стоялъ послѣдній, въ 1832 году, умеръ.

¹⁹ Замѣчательно, что Пилецкій былъ сосланъ въ колыбель Хлыстовской секты, гдѣ тогда еще жила Ульяна Васильевна, послѣдняя изъ рода Даниила Филлипова, бога Хлыстовъ, и гдѣ ученіе Хлыстовское, распространенное подъ тѣмъ же именемъ «братства и любви», имѣетъ и нынѣ множество послѣдователей, между которыми главную роль играетъ Діаконыя села Бовыкина, Попова, съ чтимую имъ крестьянкою Ульяною; такъ же помѣщица Еропкина, и крестьянка Прасковья, которую вездѣ возятъ подъ именемъ Богородицы, чтутъ въ ней небесное существо, дѣлая ей поклоненіе] подобно святымъ иконамъ, какъ видно изъ донесеній Шапошникова со всѣми подробностями.

²⁰ Выше сего значить: достоинъ ли онъ Всемилостивѣйшаго прощенія, и исполняетъ ли смыслъ данной имъ подписки?

въ обѣ столицы и съ тѣмъ, чтобы за ними въ Новгородѣ, гдѣ они остались на жительство, учрежденъ былъ Полицейскій надзоръ, а отъ Духовенства продолжаемо было назиданіе къ утвержденію ихъ въ догматахъ Православной Вѣры.

7. Отставной Капитанъ Буксгевденъ былъ высланъ, подъ надзоръ Полиціи, въ Бѣлозерскъ. Въ 1842 году удостоился онъ получить Высочайшее разрѣшеніе избрать себѣ мѣсто жительства, гдѣ пожелаетъ, съ учрежденіемъ, однако жъ, за нимъ Полицейскаго надзора и съ запрещеніемъ ему вѣзда въ обѣ столицы. Въ слѣдствіе сего онъ изъ Бѣлозерска отправился въ Выборгъ, а оттуда въ Кашинъ ²¹ Тверской Губерніи. Отсюда три раза просилъ онъ о дозволеніи возвратиться въ С.-Петербургъ, и въ исходѣ 1846 года, на основаніи данной имъ подписки такого точно содержанія, каковую далъ, какъ выше значитъ, Статскій Совѣтникъ Пялецкій, Высочайше разрѣшено и ему, Буксгевдену, жительство, гдѣ пожелаетъ, не исключая столицъ, съ оставленіемъ только подъ тайнымъ надзоромъ. Но въ Іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1849 года дошло до свѣдѣнія, что Буксгевденъ, пріѣзжая весьма часто въ Москву, останавливается въ квартирѣ родной сестры своей, Татариновой, и что въ послѣднее время, пріѣхавъ туда 27 Мая и оставаясь въ отсутствіе сестры своей на дачѣ, въ селѣ Кунцовѣ, принадлежащемъ Нарышкину, не рѣдко до полуночи занимается сочиненіемъ писемъ, но къ кому именно, этого дознать было не возможно; получаемыя же имъ самимъ письма присылаются къ нему изъ С.-Петербурга, Кашина и по Московской городской почтѣ подъ адресомъ на ния Татариновой, въ домъ Кумовой, для передачи Буксгевдену, Башкирцову и Арбузовой. О всемъ этомъ тогда же было сообщено Московскому Военному Генералъ-Губернатору, который, отъ 3 Іюля, за № 992, увѣдомилъ, что частые пріѣзды въ Москву Буксгевдена и пребываніе въ домѣ Татариновой давно уже обратили на себя вниманіе его, Военнаго Генералъ-Губернатора; по сему случаю онъ учредилъ за нимъ самое тайное наблюде-

---

²¹ Замѣчательно, что онъ избралъ Кашинъ, гдѣ находилась въ монастырѣ Татаринова,—сестра его.

ніе, и еще въ Ноябрь мѣсяцѣ 1848 года, независимо отъ надзора, какой имѣется за Татариновою и прїѣзжающими туда нерѣдко Княжнами, Анною и Софіею Енгальчевыми, вѣнилъ Полиціи въ обязанность доносить о всѣхъ лицахъ, которыя у нихъ бываютъ, или къ коимъ они сами ѣздятъ; такимъ образомъ онъ, Военный Генераль-Губернаторъ, не замедлитъ принять противъ сказанныхъ лицъ надлежащія мѣры, если бы падающія на нихъ подозрѣнія подтвердились. Но о послѣдствіяхъ дальнѣйшихъ уведомленій уже не поступало.

8. Генеральша Головина съ дѣтьми отправлена была къ ея супругу.

9. Коллежскій Ассессоръ Родіоновъ, служившій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1838 году переведенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, на службу въ Канцелярію Государыни Императрицы и остался безъ взысканія.

Сообразивъ выше приведенныя два Дѣла (1817—1837) о религіозномъ направленіи Татариновой съ настоящимъ доносомъ, не трудно будетъ убѣдиться, что оно есть отпрыскъ того зловернаго ученія, которое подъ именемъ Хлыстовщины или Христовщины, издавна существуетъ въ нашемъ народѣ въ весьма обширныхъ размѣрахъ, ²² но покрыто глубокою тайною. Какъ зашло это ученіе изъ простаго народа въ такой высокій кругъ, къ лицамъ, какъ видно, не безъ значеній по происхожденію, и по чинамъ, и по образованности, это еще рѣшить трудно; конечно, это разъяснится посредствомъ историческихъ розысканій о Хлыстовщинѣ, нынѣ производимыхъ. ²³

---

²² Размѣры еѣ невообразимы, какъ видно изъ многихъ доносеній монахъ.

²³ Во всякомъ случаѣ это заслуживаетъ особеннаго вниманія по тому, что если бы заблужденія Хлыстовъ сосредоточивались въ одномъ простомъ народѣ, то отъ невѣждъ простолюдиновъ, пользующихся у нихъ званіемъ пророковъ, нельзя ожидать такого общественнаго вреда, какъ отъ людей образованныхъ, которые, присвоивая себѣ даръ пророчества, могутъ обращать его въ орудіе какаго угодно вліянія надъ повивающею имъ толпою фанатическихъ послѣдовате-

Тѣмъ не менѣе, однако же, это служитъ разительнымъ свидѣтельствомъ, сколь глубоко укоренены и какъ далеко распространяются вѣтви этого злаго корня. Равнымъ образомъ симъ подтверждается и то замѣченное вообще на счетъ Хлыстовъ обстоятельство, что заблужденіе ихъ одними мѣрами снисхожденія не искоренимо: тѣ, которые неоднократно были Всемилоствивѣйше прощаемы, по прошествіи многихъ лѣтъ, снова являюся такими же нераскаянными фанатиками, забывшими совершенно, что Всемилоствивѣйшее прощеніе даровано имъ подъ условіемъ отреченія отъ ихъ заблужденій и возвращенія къ повинности Св. Церкви. Ниже слѣдующая таблица поясняетъ это.

Лица, обнаруженные принадлежащими къ сектѣ Татариновой. ²¹

Въ 1817 году:	Въ 1837 году:	Въ 1849 году:
Пилецкій, Стат. Совѣт.	Тоже.	Тоже.
Буксгевденъ, Капит.	Тоже.	Тоже.
Татаринова.	Тоже.	
Федоровъ.	Тоже.	
	Князь Энгальчевъ съ женою.	Тоже.
	Родионовъ (Ростиславъ)	Тоже съ женою.

О послѣдствіяхъ наблюденій моихъ по сему предмету и о мѣрахъ, принятыхъ мною къ успѣшному дѣйствию, я буду имѣть честь въ слѣдъ за симъ, донести Вашему Сіятельству.

№ 297.

18-го Сентября, 1850 г.

И. Липранди.

лей. Это тѣмъ еще важнѣе, что Хлысты, Скопцы и нѣкоторые другіе, столь же вредные сектаторы, ожидаютъ Испытателя своего изъ Иркутской стороны и пр.

²¹ Сдѣсь приведены толь тѣ, которые значились въ дѣлѣ 1817 и 1837 годовъ и о которыхъ упоминается въ доносѣ 1849. Въ каждомъ изъ сихъ случаевъ упоминается множество другихъ лицъ, о которыхъ никогда не было подробнаго изслѣдованія.

ВЪДОМСТВО

7-го Августа, 1843 г.

ПРАВОСЛАВНАГО

Секретно.

ИСПОВѢДАНІЯ.**Милостивый Государь,****КАНЦЕЛЯРІЯ****Графъ Александръ Христофоровичъ!****ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА****СВЯТЫЙШАГО СИНОДА****ОТДѢЛЕНІЕ 1.****СТОЛЬ 2-й.****С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

Августа 4 дня, 1843. № 5550.

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Сія-
тельства, отъ 27-го прошлаго Іюля, №
1121, имѣю честь увѣдомить, что, по
сношенію моему въ Декабрѣ прошлаго
года съ Преосвященнымъ Тверскимъ, по-
лученъ былъ отъ него отзывъ, что рас-
положеніе Статской Совѣтницы Татари-
новой въ религіозномъ отношеніи не
разнится съ прежнимъ: она говоритъ,
что оскорбитъ Духа Святаго, если пло-
ды, какіе она видѣла отъ своихъ рели-
гіозныхъ занятій, признаетъ заблужде-
ніемъ; впрочемъ, не перестаетъ увѣрять,
что она вовсе оставила прежнія религіоз-
ныя свои занятія, и что никогда въ по-
добныя общества вступать не будетъ.

Карандашомъ написано на по-
длинномъ: «Нельзя послѣ
такого отзыва.»

По всеподданнѣйшемъ представленіи та-
коваго свѣдѣнія Государю Императору,
Высочайшаго соизволенія на освобожденіе
ея изъ монастыря не воспослѣдовало. Изъ
полученныхъ же въ прошедшемъ Іюлѣ
свѣдѣній видно, что перемѣны въ рели-
гіозномъ состояніи Г. Татариновой не
оказывается, хотя по внѣшности она ве-
детъ себя хорошо и скромно и бываетъ
въ церкви при Богослуженіи.

Не излишнимъ считаю присовокупить
къ сему, что, по отзыву Преосвященнаго,
Татаринова находится въ слабомъ и бо-
лѣзненномъ состояніи здоровья, и что

Духовное Начальство съ своей стороны не могло ни чего инаго по сему поводу предпринять, только разрѣшить посѣщать ее Кашинскому Уѣздному Врачу, Ауербаху.

Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства

покорнѣшимъ слугою

Графъ Протасовъ.

Его Сіятельству

А. Х. Бенкендорфу.

Свѣдѣнія, по приведенному заявленію собиравшіяся въ послѣдствіи отъ разныхъ лицъ и представлявшіяся Г-ну Министру съ 1850 до половины 1852 года, заключались въ слѣдующемъ: ²⁵

Родіоновъ, Ростиславъ, женатъ на мѣщанкѣ Настасѣ Федоровой Поляковой; другая сестра ея, Марья, замужемъ за Иваномъ Яковлевичемъ Пустынскимъ, занимающимся въ Канцеляріи 4-й Адмиралалтейской Части. Еще сестра Родіоновой, лѣтъ 23, дѣвица Пелагея, проживаетъ у сестры своей, Настаси. Тутъ же живетъ и кучеръ Князя Энгалычева, Прокофій, какъ говорятъ, родственникъ жены Родіонова и преданный ему.

Родіоновъ имѣетъ нѣсколько дачъ на Черной Рѣчкѣ; среди расположенія ихъ каменный домъ занимается хозяиномъ; въ самой большой комнатѣ втораго этажа находится довольно большой образъ, схожій съ тѣми, какіе были отобраны въ 1837 году изъ моленной, гдѣ былъ взятъ и Р. Родіоновъ, и нынѣ находящіяся въ складѣ Александровской Лавры. Кромѣ стульевъ, въ этой комнатѣ нѣтъ ни какой другой мебели и ни одного стола.

---

²⁵ свѣдѣнія излагаются суть представлявшихся записокъ.

Родионовъ, Павелъ (Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ), братъ перваго, имѣетъ также дачи на Черной Рѣчкѣ; онъ служитъ въ Канцеляріи Наслѣдника. Живетъ у Лѣтняго Сада, въ казенномъ домѣ, на углу къ Лѣтнему Саду.

Родионовъ, Александръ, двоюродный братъ первыхъ, живетъ 4-й Части, между Цѣннымъ и Каликинымъ мостами, въ домѣ Полковника Долинскаго, на Фонтанкѣ.

Отставной гвардіи Поручикъ, Князь Ельпидофору Энгальчевъ, живетъ Литейной Части, въ собственномъ домѣ, по Сергіевской.

Пустыньскій, Иванъ Яковлевъ, писарь въ 4-й Адмир. Части употребляется Начальникомъ 3-го Отдѣленія Департамента Общихъ Дѣлъ, Арсеньевымъ, по найму, въ свободное время отъ занятій въ Части. ²⁶

Вообще изъ первоначальныхъ свѣдѣній, собиравшихся подъ рукой, подтверждалось только то, что Родионовъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей секты, около котораго собирались его родные и нѣкоторыя другія лица, какъ это будетъ видно далѣе, особенно въ лѣтнее время. Дачи Р. Родионова на Черной Рѣчкѣ всѣ находятся въ смежности съ собою, выходя на рѣчку и на улицу, идущую ей параллельно сзади. Дача, находящаяся въ срединѣ другихъ и занимаемая, какъ сказано выше, самимъ Р. Родионовымъ, охраняется шестью большими собаками. По совѣщанію съ Графомъ Орловымъ, разрѣшено было приступить къ болѣе близкому наблюденію, тѣмъ болѣе, что тутъ, по примѣру и прежнихъ собраній 1817 и 1839-го годовъ, находились гвардейскіе Офицеры.

---

²⁶ Сдѣсь должно замѣтить, что въ этомъ Отдѣленіи сосредоточены всѣ секретныя дѣла по сектамъ; по этому привлеченіе Пустыньскаго къ занятіямъ по такому Отдѣленію, вредно для настоящаго дѣла, тѣмъ болѣе, что Пустыньскій, по мнѣнью, есть и тайный ходатай у нѣкоторыхъ Раскольниковъ и, какъ свѣдѣльствуютъ, иногда не умѣренъ въ употребленіи горькихъ насмѣтокъ и пр.

Въ слѣдствіе такого разрѣшенія на слѣдующій годъ избраны были два лица, одно другому неизвѣстныя, которымъ приказано было, для большаго удобства къ наблюденію, искать нанять для себя помѣщеніе, въ лѣтнее время, на дачахъ Родіонова. Одно изъ втѣхъ лицъ было извѣстно Г. Министру, и не разъ уже мною употреблялось съ большимъ успѣхомъ по нѣкоторымъ дѣламъ, Капитанша, вдова, лѣтъ подѣ тридцать, женщина чрезвычайно ловкая. Она успѣла нанять четыре комнаты въ (мезонинѣ) одной изъ помянутыхъ дачъ, и до 1-го Мая перебралась съ горничной и кухаркой. Но другой агентъ, тоже ловкій, Грекъ, издавна мнѣ извѣстный, не нашелъ помѣщенія на помянутыхъ дачахъ, или владѣлецъ оныхъ не хотѣлъ его пустить, нанялъ двѣ комнаты рядомъ черезъ паетень съ одной изъ дачъ Родіонова. Греку, подѣ видомъ слуги, придакъ былъ испытанный уже Костромской мѣщанинъ.

Но и этотъ надзоръ не доставилъ ожидавшихся свѣдѣній, а только служилъ повѣркой того, что доносилось съ обѣихъ сторонъ, одна другую не подозревавшихъ, что занимаются общимъ дѣломъ. Итогомъ этѣхъ свѣдѣній положительнымъ было одно то, что исчислены были лица, жившія въ это лѣто на дачѣ Родіонова.

Независимо отъ лицъ родственниковъ и близкихъ по сектѣ къ Родіонову, а именно: Пустынскихъ, мужа и жены; сестры Родіоновой, дѣвицы Пелагеи Федоровны; жены Смотрителя Чесменской Больницы, Емельянова; также сестры Емельяновой (самъ Емельяновъ прѣзжалъ только временами) и т. п., занимала дачи, прѣзжавшая изъ Москвы, Генеральша Бутурлина, по свѣдѣніямъ, тоже единомышленица въ сектѣ. Съ ней находилась въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ Госпожа Большева, проживавшая на дачѣ, близъ Крестовскаго острова. По словамъ управителя Большевой, Никиты Иванова, узнано подѣ рукою лицами, направленными къ нему, изъ коихъ извѣстный Василій Шапошниковъ, успѣлъ съ нимъ въ трактирахъ сблизиться, что Госпожу его Бутурлина ввела «въ богоотступную секту;» называлъ еще придворнаго портнаго, Попова, живущаго въ Гороховой улицѣ, совершающаго по ночамъ тѣ же обряды съ приходящими

къ нему, присовокупивъ, что главными тутъ: Князь Энгальчевъ, Родіоновъ и Бутурлина, и что два сторожа моленной живутъ у Калинкина моста и только въ назначенное время приходятъ къ должности, но что они 'очень туги на слова, по тому что сами «придерживаются къ дьявольщинѣ» и пр. Между тѣмъ отъ него же узнано, что какая-то Полковница Рандышева, имѣющая сдѣсь тяжбу, принадлежитъ этой же сектѣ и бываетъ у Родіонова на сходбищахъ; что она развела сына своего съ его женою, по тому что эта не хотѣла по ихнему молиться. Почти то же подтвердила въ разговорѣ съ подосланной бывшая крѣпостная дѣвушка Родіонова, Марья Ватковичева, служащая у швейцара Католической церкви. Она же назвала Предсѣдателя Адреснаго Стола, Богатскаго, придерживающагося той же секты и посѣщающаго моленную въ общихъ собраніяхъ. Участіе Богатскаго не всѣми, однако же, подтвердилось.

Независимо отъ помянутыхъ лицъ, одну изъ дачъ нанималъ извѣстный дѣятель въ сектѣ 1817 и 1839 годовъ, С. С. Урбановичъ—Пелецкій. Къ нему пріѣзжаетъ часто Князь Энгальчевъ. Но что дѣлается внутри этѣхъ дачъ, узнать было не возможно, по тому что дворникъ и кучеръ Князя Энгальчева, Прокофій, на это время живетъ у Родіонова и съ шестью собаками хранитъ дачу. Въ извѣстные дни, особенно по четверкамъ, въ девять часовъ вечера, запираются дачи и отказывается всѣмъ, кто бы ни пріѣхалъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ ни кого дома, между тѣмъ какъ Князь Энгальчевъ и еще нѣкоторые, коихъ имена узнать было нельзя, находились у Родіонова. Въ концѣ же Іюля и въ Августѣ, по четверкамъ въ верхнемъ этажѣ большой дачи, занимаемой самимъ Родіоновымъ, усматривали свѣтъ въ окнахъ, хотя и плотно завѣшанныхъ и проч.

Всѣ этѣ свѣдѣнія далеко не были удовлетворительны, но, не менѣе того, они обозначили нѣсколькихъ лицъ, за которыми было устроено дальнѣйшее тайное наблюдение, болѣе правильное, изъ котораго сдѣлалось уже болѣе положительно извѣстнымъ слѣдующее:

Отставной Поручикъ гвардіи, Князь Ельпидифоръ Энгальчевъ, въ собственномъ домѣ своемъ, Литейной Частн, на Сер-

гіевской улицѣ, устроилъ въ нижнемъ этажѣ, возлѣ кабинета своего, моленную, въ которую собираются его однопоклонники: отставной Инженеръ-Капитанъ, Петръ Филипповичъ Буксгевденъ (извѣстный сектаторъ 1817 и 1837 годовъ), нанимавшій въ домѣ Князя квартиру; Коллежскій Совѣтникъ Родіоновъ, Петръ Родіоновичъ, управляющій конторой Наслѣдника Цесаревича, живетъ Литейной Части 1-го квартала въ домѣ, бывшемъ Баура; Ростиславъ Родіоновъ, жительствуетъ тоже по близости; отставной Статскій Совѣтникъ, Мартинъ Степановичъ Пелецкій-Урбановичъ, жилъ въ началѣ Литейной Части 1-го квартала въ домѣ Жилина, по Сергіевской улицѣ, а потомъ переѣхалъ столь же близко къ Энгальчеву, въ той же Литейной Части, по Кирочной улицѣ, въ домъ Венцеля. Отставной Полковникъ, Князь Николай Степановичъ Кропоткинъ, 3-й Части 1-го квартала въ д. Энгельгардта; отставной Полковникъ, Князь Степанъ Александровичъ Кропоткинъ, съ дочерью Ольгой, 4-й Части 1-го квартала, по Офицерской улицѣ, въ д. Кокушкина, и многіе другіе, въ числѣ коихъ дѣвица Лермонтова, остановившаяся у Князя Энгальчева, но для вещей наняла по близости квартиру въ д. Графа Никитина, гдѣ помѣстила старую няньку, тамъ и прописалась.

Независимо отъ всѣхъ этѣхъ лицъ, живущихъ, какъ замѣчено выше (исключая двухъ), Литейной Части, однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей былъ Генералъ Головинъ, когда бывалъ въ Петербургѣ; жена его (найденная въ 1837 году въ сборницѣ), вмѣстѣ съ дочерью, сопровождала мужа.

Агенты: Шапошниковъ и Наумовъ, узнавъ, что бывшій, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, камердинеромъ у Генерала Головина, крѣпостной его человекъ, Иванъ Васильевъ, удаленный имъ (о причинѣ скажется далѣе), находится сдѣсь, въ Петербургѣ, успѣли съ нимъ сойтись по мелкой торговлѣ, которою они увлекли его, и въ бесѣдахъ, между прочимъ, вывѣдали, что Господинъ его, съ женой и дочерью (Ханьковой), до сихъ поръ строго и неотступно содержатъ секту, по ученію Татариновой. Эта послѣдняя даетъ имъ письменныя наставленія и часто налагаетъ посты, такъ что иногда Г. Головинъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, обѣдаетъ одинъ и не ѣстъ мяса. Одинъ изъ главныхъ

сочленовъ секты есть, между прочими, Костромской Помѣщикъ Нелидовъ, имѣющій свой домъ въ Костромѣ, противъ Богоявленскаго собора. Нелидову лѣтъ 45 отъ роду; онъ прїѣзжалъ къ Головину не разъ въ Ригу, а въ настоящемъ году прїѣзжалъ къ нему и въ Петербургъ. Буксгевденъ тоже прїѣзжалъ въ Ригу и по сектѣ находится въ тѣсныхъ связяхъ съ Генераломъ, непрерывно разъѣзжая то къ нему, то къ сестрѣ своей, Татариновой; Пелецкій, Родіоновы, Князь Энгальчевъ, какъ свои съ Головинымъ. Сей послѣдній устраиваетъ у себя, въ имѣніи Смоленской Губерніи, Гжатскаго Уѣзда, въ селѣ Купровѣ, моленную, куда теперь и уѣхалъ распорядиться, и когда все будетъ кончено, то поселится тамъ; Пелецкій намѣренъ послѣдовать за нимъ. Въ домѣ Князя Энгальчева перестроена моленная, такъ что входъ въ нее изъ спальни внизъ и окнами въ садъ; что теперь происходятъ только частныя моленья, а общія начнутся съ Сентября. Головинъ писалъ Татариновой, что онъ хочетъ посадить камердинера своего рассказывающаго въ исправительное заведеніе, за то, что Пелецкій заподозрилъ его въ болтовнѣ, но это было (какъ камердинеръ завѣрялъ) несправедливо; ибо до тѣхъ поръ, пока онъ находился при должности, онъ, никому никогда ни чего не говорилъ, а только теперь первый разъ своимъ соторгашамъ. На помянутое письмо Татаринова отвѣчала: «Ты это очень хорошо сдѣлаешь: такое свѣдѣніе, предупреждающее о болтовнѣ, показываетъ, что Богъ намъ цокровительствуетъ» и пр. Всѣ сектаторы положили между собою стараться отдалить отъ себя крѣпостную прислугу. Головинъ, освободивъ (разскащика) изъ исправительнаго заведенія, болѣе уже не принималъ его въ домъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, удалилъ отъ себя и всю другую крѣпостную прислугу; что прошедшей зимой прїѣзжалъ въ Петербургъ Михайло Михайловичъ Татаринъ, кажется, родственникъ самой учительницы Татариновой, человекъ среднихъ лѣтъ; онъ останавливался у Пелецкаго и, по дѣламъ своей Вѣры, ежедневно бывалъ у Головина и Энгальчева; что въ прошломъ году Головинъ прїѣхалъ изъ Москвы 9-го Сентября. Лѣтомъ, въ Москвѣ, онъ часто бывалъ у Татариновой, жившей на дачѣ въ Мазилѣ, въ 7 верстахъ отъ Москвы. На обратномъ пути изъ деревни онъ видѣлся рѣже и всегда скрытно; она жила у Николы въ Плотникахъ, въ Гагаринскомъ переулкѣ, въ д. Кумовой или Кумано-

вой, гдѣ живетъ и П. Ф. Буксгевденъ. Въ день прїѣзда сюда Головина, 9-го Сентября, тотчасъ прїѣхалъ Пелецкій, и пробыли наединѣ до 11-ти час. вечера. 25-го Сентября, во Вторникъ, было, въ 6¼ час. вечера, общее собраніе сектаторовъ у Князя Энгальцева, въ числѣ которыхъ были: Головинъ, Пелецкій, Ростиславъ Родіоновъ, съ братьями и какой-то Уланскій Полковникъ, котораго онъ одинъ разъ только и видѣлъ. Позже вечеромъ, на верхъ, съѣхалось много народу, но пророки уже кончили свое дѣло внизу. 30-го Сентября Пелецкій получилъ письмо отъ Татариновой: «На имя всей братіи по Христу.» Письмо это онъ развозилъ по всѣмъ сектаторамъ, и когда прїѣхалъ къ Головину, то этотъ, прочитавъ съ женою письмо, начали креститься и цѣловаться съ Пелецкимъ и прочими, а потомъ крестить и цѣловать самое письмо. На слѣдующій день, по этому поводу, опять собрались на общее моленіе къ Князю Энгальцеву. Константинъ Александровъ, бывшій лакей Головина, какъ-то нашелъ возможность, подъ предлогомъ, что потерялъ письмо, неся его отъ Родіонова, передать бывшему камердинеру, Ивану Васильеву. Письмо это представлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ: оно переполнено извѣстными Хлыстовскими бреднями, и замѣчательно, что Головинъ въ немъ нѣсколько разъ называется не «братомъ во Христѣ», какъ это вообще дѣлается у сихъ сектаторовъ, а «батюшкой во Христѣ, Евгениемъ Александровичемъ.» Другіе же, упоминаемые въ этомъ письмѣ, именуются «братьями и сестрами.»

Какъ по слухамъ отъ этого стараго камердинера, не отказавшагося содѣйствовать помянутымъ двумъ агентамъ, такъ и по вновь устроеннымъ путямъ, для болѣе близкаго развѣдыванія, вдругъ замѣтилась сдержанность въ дѣйствіяхъ сектаторовъ. Изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Каммергеръ, Гаврило Степановичъ Поцовъ, умысленно, или такъ себѣ, далъ понять Е. А. Головину, что обращено вниманіе Правительства на Хлыстовскую секту,²⁷ и невольно напугалъ Головина, который послѣ сего началъ говорить

²⁷ Очень можетъ быть, что онъ слышалъ что либо подобнае въ III Отдѣленіи, а пожалуй и отъ Я. И. Ростовцова, гдѣ онъ былъ какъ домашній.

что къ Новому Году будетъ просить годовой отпускъ, поселится въ своей деревнѣ, и болѣе въ Петербургъ уже не возвратится; что «въ настоящее время, въ сердца всѣхъ лицъ Высшаго Правительства, поселился дьяволъ.»

И если сектаторы сдѣлались осторожиѣе въ распоряженіяхъ своихъ для общихъ собраній въ домѣ Князя Энгальчева, то избранные изъ нихъ не отказались отъ частныхъ собраній для общихъ молитвъ. Они перенесли только мѣсто, которое, по ихъ мнѣнію, должно было быть для нихъ совершенно обезпеченнымъ отъ всякаго надзора; но расчетъ ихъ былъ не вѣренъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Яковъ Владимировичъ Ханыковъ, состоялъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, былъ женатъ на дочери Головина, Екатеринѣ Евгеньевнѣ, рьяной послѣдовательницѣ ученію Татариновой, и въ 1837 году взятой съ матерью въ сборищѣ. Яковъ Владимировичъ былъ человекъ высокаго образованія, но, попавъ въ закоренѣлое сектаторское семейство и общество, не имѣя твердаго характера и къ тому влюбленный, подчинился вліянію обстоятельствъ и воздуха его окружившаго, и, мало по малу, конечно, не раздѣляя сумасбродствъ семейства и близкихъ къ оному посѣтителей, терпѣлъ, для сохраненія семейнаго спокойствія, происходившія тамъ таинственныя чтенія, въ которыхъ тестъ его принималъ такое живое участіе, образованный и заслуженный Генералъ отъ Инфантеріи Головинъ, и отецъ Ханыкова. Нельзя и думать, чтобы Яковъ Владимировичъ могъ снизойти до совершенно безразсуднаго инстинктизма, каковымъ во всѣхъ отношеніяхъ есть, такъ названное, ученіе Татариновой. Если и отецъ его встрѣчается на тѣхъ же чтеніяхъ, то о немъ я сказать ни чего не могу, по тому что мнѣ не пришлось обмѣняться съ нимъ ни однимъ словомъ,²⁸ тогда какъ съ сыномъ его я былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Но какъ бы то ни было, вотъ что происходило въ квартирѣ Я. В.

²⁸ Младшій сынъ Ханыкова, братъ Якова Владимировича, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Петрашевскаго. Послѣ сего въ отцѣ замѣчалась меланхолическіе приступы.

Ханыкова. Онъ жилъ также Литейной Части, въ Сергіевской улицѣ, въ д. Дютака, слѣдовательно, въ кругу жилищъ секретаторовъ, которыхъ сборища у Князя Энгальчева онъ никогда, однако же, не посѣщаль. Когда же, какъ было замѣчено выше, Г. С. Поповъ напугалъ Головина, благоразуміе требовало осторожности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, изувѣрство, съ другой стороны, требовало и совершенія, по усвоенному себѣ обряду, не личной одному молитвы, а соединенно съ другими. Для этого избрана была Суббота. Е. А. Головинъ и жена его, Елисавета Павловна, съ сыномъ Сергѣемъ (взятымъ въ сектѣ 1837 года), обыкновенно пріѣзжали къ обѣду къ своей дочери, Екатеринѣ Евгеньевнѣ, а часто и отецъ Якова Владимировича, Владимиръ Яковлевичъ, съ женою, Анною Николаевной, и сестрой, Варварой Яковлевной, являлись также къ сему времени. Къ осьми же часамъ вечера присоединялись Мартынъ Степановичъ Пелецкій, Князь Ельпидиоръ Парфентьевичъ Энгальчевъ, Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ, иногда съ братьями. Другихъ не принимали, развѣ кто пріѣзжалъ изъ извѣстныхъ Московскихъ сектаторовъ, о которыхъ предупреждали заблаговременно. Всѣ помянутыя лица заключались въ одну комнату, гдѣ читали, крестились, тихо пѣли и пр.

Въ домѣ Дютака надзоръ былъ устроенъ положительнѣе прежнихъ, посредствомъ двухъ тулъ женщинъ, изъ коихъ одна вольноотпущенная, близкая къ прежнему камердинеру, сообщила, между прочимъ, что Пелецкій, послѣ отъѣзда Головина въ деревню, повезетъ туда разные предметы, употребляемые при обрядахъ этой секты, а равно всѣ посланія Татаринновой и пр. Словомъ, все обѣщало полный успѣхъ къ открытію таинствъ этой секты, и какъ бы развязывало руки тѣмъ уже, что все это не будетъ находиться въ экипажахъ Генерала, а у Пелецкаго, котораго легко было взять съ пути со всѣмъ поличнымъ. Множество другихъ данныхъ было собрано для изложенія полной картины секты.

Но въ самое это время Графъ Перовскій оставилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а преемникъ его, Бибииковъ, съ перваго же дня началъ отиѣнять все, предпринятое своимъ предшественникомъ. Такимъ образомъ прекратилось наблюденіе за настоящей

сектой, точно также, какъ и за сектой Подполковника Дубовицкаго, открытія которой имѣли болѣе успѣха, нежели по сектѣ Татариновой. У Дубовицкаго, въ помѣстьяхъ его, преимущественно въ Орловской Губерніи, въ устроенной моленной, находился уже въ числѣ сектаторовъ одинъ изъ агентовъ, успѣвшій войти въ его довѣренность, и не только что сопутствовавшій ему въ Петербургъ, но былъ посылаемъ сюда и одинъ по дѣламъ секты; замѣчательно, что въ ней находилось нѣсколько Лютеранъ. Сущность секты въ главныхъ чертахъ была та же, что вообще ученіе Хлыстовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями обрядовъ и мнѣнія объ Иванѣ Тимоѣевичѣ и Данилѣ Филипповичѣ (ихъ богъ и предтечѣ). Основной же догматъ есть пророчество, возможность молитвами и вертѣніемъ призвать на себя Св. Духъ и содѣлаться пророкомъ.

Какъ ни безумно такое вѣрованіе, и какъ оно ни противно Православію, а между тѣмъ не только что не искореняется, но, напротивъ, при настоящемъ жалкомъ состояніи нашего сельскаго духовенства, оно распространяется, а съ политической точки зрѣнія оно уже положительно вредно, и именно, что все это безумное отклоненіе отъ истины С. Писанія основывается на пророчествѣ. Мы видимъ, что это вѣрованіе сильно было развито въ началѣ XVIII вѣка у насъ, въ Россіи, не среди одного только простонародія, но и въ самыхъ возвышенныхъ кругахъ общества. Изъ Указа Императрицы Анны Ивановны, отъ 7-го Іюня, 1734 года, между прочимъ видно, что эта Хлыстовская ересь была чрезвычайно распространена по всей Россіи, особенно въ Москвѣ; что послѣдователи оной «разныхъ чиновъ люди, старцы и старицы, собираются въ праздники по почамъ... что и прежде сего были уже извѣстны въ этой богомерзкой ереси разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ люди обоего пола,» и пр.²⁹ Изъ дѣлъ же, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода, находимъ, что въ ереси этой были «многіе, Князья, Бояре, Боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщицы; изъ духовныхъ лицъ Архи-

²⁹ См. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г., VI, 66 — 74.

мандриты и другіе настоятели монастырей» и пр. Были также цѣлыя монастыри обоюга пола, всё безъ изыятія слѣдовавшіе этой «богомерзкой ереси,» на примѣръ, въ Москвѣ Дѣвичій и Ивановскій, изъ которыхъ въ послѣднемъ въ соборной церкви такіе изувѣры были торжественно похороняемы подъ особо сооруженными памятниками, въ видѣ часовенъ. Императрица Анна Ивановна повелѣла вырыть тѣла и всенародно предать сожженію на мѣстѣ казни рукой палача. Другія подобныя же крѣпкія мѣры Государыни, казалось, прекратили этѣ сборища; но это было только временно; ибо въ началѣ XIX-го столѣтія, какъ это видно, она проявилась вновь и, къ несчастію, съ возрастающею силою. ³⁰

Доколѣ это зловредное для Государства ученіе ограничивалось простонародіемъ, оно было только противно Православной Церкви, нравственности отъ безбрачной жизни, не воспрещающей беззаконному совокупленію, истребляя происходящій отъ онаго плодъ; оно не могло еще выгнать тѣхъ опасеній, пока не перешло въ область высшихъ круговъ, слѣдовательно, людей болѣе образованныхъ, которые, усвоивъ современныя утопіи, могутъ взволновать невѣжественную толпу, наэлектризованную изувѣрствомъ. Пророкъ, одаренный умомъ, пропитанный нынѣшнимъ духомъ времени, легко можетъ произвести безпорядокъ, въ особенности нынѣ, когда Россію обсмѣивали живою пропагандой

---

³⁰ Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Князь Д. В. Голицынъ, сотнямъ забиралъ такія сборища, въ которыхъ встрѣчались не одни простодушныя. Въ послѣдствіи, съ 1843 по 1846 годъ, такое же количество въ разныхъ мѣстахъ Москвы было забиремо мною. Тогда открытъ былъ священныи колодезь и столъ Ивана Тимоѣевича и Данила Филипповича, съ ихъ изображеніемъ и чтимыи Хлыстами, уснѣвавшими скрывать оный въ продолженіе почти двухъ вѣковъ. Столъ этотъ отправленъ былъ мною въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и находится тамъ. Я имѣю вѣрный рисунокъ онаго. Въ то же время взята была и ихъ Богородица, крестьянская дѣвка Ульяна Васильева, послѣдняя изъ рода Данила Филипповича, жившая, до 1847 г., въ 30 верстахъ отъ Костромы, въ д. Старой. Она была очень богата; къ ней со всей Россіи стекались на поклоненіе, что было извѣстно и мѣстнымъ властямъ, изъ коихъ даже главѣйшія въ Губерніи посѣщали ее, а въ другихъ Губерніяхъ она имѣла знакомство съ людьми значительнѣйшими и пр.

въ лицахъ сосланныхъ Поляковъ, не говоря уже о каторжныхъ, которые не давно заявили себя въ Сибири мятежемъ. Но этѣ враги всему Русскому встрѣчаются во всѣхъ Великороссійскихъ Губерніяхъ, куда ихъ высылаютъ на жительство, подѣ болѣе или менѣе строгій полицейскій присмотръ. Слабое успокоеніе, жалкое утѣшеніе, прискорбное понятіе о нашей полиціи вообще!... Но пріостанавливаюсь здѣсь; ибо это предметъ политическій и по моему взгляду особенной важности.....

Хлыстовская ересь имѣетъ множество подраздѣленій, по подраздѣленія этѣ ограничиваются только названіемъ «кораблей», и нѣкоторыхъ понятій, одни другихъ безразсуднѣе, сохранившись по преимуществу только въ невѣжественныхъ массахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны даже за Христіанъ; ³¹ вообще въ народѣ они извѣстны подѣ общимъ названіемъ Христовщины, по произношенію простонародья Хлыстовщины, но, конечно, правильнѣе Холостовщины, по тому что они отвергаютъ браки; сами же себя по обществамъ называютъ «кораблями, согласіемъ Божіихъ людей, поколѣніемъ Израилевымъ, поклоняющимися живому Богу, Богомолами, братьями и сестрами по Христу» и т. д.

Главная же основа въ догматахъ у всѣхъ подраздѣленій одинакова: въ пѣсняхъ своихъ всѣ они призываютъ на себя

---

³¹ Такъ, на примѣръ, при Иванѣ Ивановичѣ они признавали своимъ богомъ какого-то Ивана Тимофѣевича, рожденнаго отъ блудной дѣвки, Ирины Нестеровой, которую и почитаютъ за богородицу, а предтечѣй—«богатаго гостя Давида Филипповича» и пр., и до сихъ поръ нѣкоторые вѣрятъ этой сказкѣ. То же точно и у Скопцовъ есть свой богъ, Ковдратій Селивановъ, предтеча—Александръ Шизовъ, богородица—Акулина Ивановна и т. п. Скопческая секта тоже основана на пророчествѣ, какъ равно и секта Духовныхъ Скопцовъ; обряды Православія, какъ тѣ, такъ и другіе, исполняютъ только наружно, и тѣ и другіе церковь нашу называютъ мурашьянымъ гнѣздомъ, а Священниковъ—поганцами, смутниками, любодѣями,} или гнѣздняками (по тому что они женаты), Иудейскимъ отродьемъ и пр. Не мѣсто излагать здѣсь подробнѣе этѣ ученія, но замѣчу только, что Графъ Перовскій преслѣдовалъ тѣ ереси и секты, которыя основаны на пророчествѣ; другихъ же Раскольниковъ онъ не трогалъ. Министръ, заступавшій его мѣсто, началъ дѣйствовать наоборотъ.

Святаго Духа и убѣждены, что, во время исполненія ими обряда, онъ снисходитъ на одного изъ нихъ, а тогда этотъ получаетъ въ тотъ день даръ пророчества, и ему поклоняются какъ живому Богу.³²

Пророкъ этотъ предсказываетъ, наставляетъ, что дѣлать, и ему повинуются свято. Во всѣхъ подраздѣленіяхъ присяга для вступленія въ секту одна и таже. Обряды всѣхъ этѣхъ безъ исключенія обществъ одни и тѣже: бѣлая особеннаго покроя одежда, полотенцо, круженіе, припѣвы и т. д. Какъ совершались они въ старину, назадъ тому лѣтъ за полтораста, такъ и во времена Татариновой, Тайнаго Совѣтника Попова, Генерала Головина, и по нынѣ. Начальная пѣснь при открытіи моленья одна и таже: «Дай къ намъ, Господи, Іисуса Христа», и т. д., которою призывается Св. Духъ: она буквально не измѣнилась. Въ другихъ же припѣвахъ разница состоитъ только въ примѣси настоящими сектаторами, не простолюдинами, идей и понятій новаго Европейскаго образованія, заимствованныхъ у Иллюминатовъ и, такъ называвшихся, Мартинистовъ, а также и у Масоновъ, отъ чего, безъ сомнѣнія, Хлысты нынѣ часто и называются въ простона-

---

³² Надо полагать что вѣрованіе въ появленіе Божества, заимствовано отъ древнихъ язычниковъ; оно составляло одинъ изъ догматовъ ихъ вѣры, Θεοοψία, и заключалось въ вѣрованіи, что боги являютъ людямъ и всегда присутствуютъ въ храмахъ. Частыя явленія Юпитера Аоніанамъ и другимъ Грецкимъ племенамъ было причиной, что ему приложили слово — «Ἐμφανέσθαι», что значить являющийся, который виденъ, который является. Цицеронъ говоритъ (De nat. Deor. 1, 2), что боги часто являютъ людямъ, чтобы имъ пособлять, или обуздывать. Арнобій пишетъ (Advers. gent. 1, 6): «Чтобы не думали, сказалъ одинъ язычникъ, что мы строимъ храмы для того, чтобы укрывать боговъ отъ дождя, вѣтра, солнца и другихъ измѣненій атмосферы; но мы дѣлаемъ это для того, чтобы могли созерцать ихъ въблизи съ чтиностію, которую имъ обязаны оказывать.» Діодоръ Сицилійскій (1, 2), сказавъ, что Изида нашла многія цѣлебныя зелья, присовокупляетъ: «Чтимость къ этой богинѣ усилялась еще тѣмъ болѣе, что она всегда сама раздавала оныя.» Плутархъ (въ Maгcell.) замѣчаетъ, что городъ «Enghis», въ Сициліи, сдѣлался обширнымъ единственно по тому, что главнымъ богини являлись въ немъ часто и пр. Немуудрено, что и поплтіе Хлыстовъ объ этомъ предметѣ перешло, вмѣстѣ со многими другими, изъ язычества къ намъ.

родін Фармазонами, т. е., Франкъ-Масонами. Кромѣ того, разница и въ томъ, что еще старинныя Хлысты складывали и пѣвали свои гимны на образецъ простонародныхъ Русскихъ пѣсенъ, а нынѣшнихъ сектаторовъ пѣснопѣніе сложено уже по версификаціи Ломоносова и Державина, книжнымъ литературнымъ языкомъ, а иногда состоитъ изъ переводовъ со псалмъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ духовныхъ поэтовъ. Впрочемъ, повторяю, какъ прежде, такъ и теперь, они раздѣляются, кружатся, призывая на себя сошествіе Св. Духа, и эта первая пѣснь остается безъ измѣненія во всѣхъ обществахъ.

Одинаково, какъ были остановлены упомянутыя наблюденія, точно также они прекратились и за сектой «Поклонниковъ Наполеону (Наполеоновщина). Столь же безумна, какъ Скопческая и Хлыстовская секты, она сдѣлалась извѣстной въ первый разъ въ 1820 году, и замѣчательна тѣмъ, что ученіе это возникло въ одно и то же время между Русскими во Псковѣ и между Католиками въ Бѣлостокѣ. Правительство, кажется, мало обратило тогда на нее вниманія и, можно сказать, что движеніе оной оставалось не извѣстнымъ до 1845 года, когда вдругъ она появилась въ Москвѣ, среди Раскольниковъ Безпоповщины.³³ Поклонники Наполеону въ собраніяхъ своихъ поютъ молитвы и преклоняются предъ бюстомъ Наполеона, котораго полагаютъ живымъ³⁴ и до времени вознесшимся на небо. Въ 1846 году они поставили къ бюсту, заказанную ими въ Парижѣ, гравюру самой изящной отдѣлки, изображающую это вознесеніе. Два экземпляра этой гравюры я досталъ, и одна изъ нихъ находится у меня. Осторожность, которая соблюдалась

---

³³ Одинъ изъ извѣстныхъ богачей-фабрикантовъ и довольно просвѣщенный Московскій Безпоповецъ, лично извѣстный Графу Черковскому, указалъ (записка, его рукой писанная, была мнѣ передана Министромъ) мѣсто сборищъ и главныхъ учителей этого сумасбродства. Тотчасъ, по прибытіи моемъ въ Москву, устроено было постоянное наблюденіе.

³⁴ Скопцы тоже думаютъ о Петрѣ III, а есть и такіе, которые говорятъ то же и объ Александрѣ I-мъ. Есть много презабавныхъ мнѣній безумныхъ сектаторовъ.

этѣми поклонниками, затрудняла скорое разъясненіе наблюденій; въ послѣдствіи медленнѣе дѣло шло прежняго, но не менѣе того все таки подвигалось къ развязкѣ, когда Г.-А. Бибиковъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ, и отправленными въ Москву Чиновниками, никогда до того времени не занимавшимися по дѣламъ Раскола, спугнулъ Раскольниковъ, обративши вниманіе преимущественно на старика Гучкова (Безпоповщина). Борьба по сему случаю происшедшая между Московскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ, Графомъ Закревскимъ, и Бибиковымъ, довершила остальное.

Сдѣсь не мѣсто излагать сущность всѣхъ помянутыхъ сектъ. Политическое и религіозное ихъ значеніе изложено въ двухъ Запискахъ: въ 1855 году, по порученію Статсъ-Секретаря, Князя А. Ѳ. Голицына, и Графа Орлова, для Государя Императора, хотя я тогда и не находился уже въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Другая же Записка, въ 1856-мъ году, по порученію Графа Л. А. Перовскаго, при которомъ я состоялъ въ Министерствѣ Удѣловъ, подъ заглавіемъ: «Объ элементахъ, подготовляющихъ политическіе перевороты въ Государствахъ.» Эта послѣдняя одинаково была представлена Государю. Обѣ Записки секретныя, и я вышло ихъ Обществу.

Н. Лигранди.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ.

Разбирая связки старинныхъ и давнихъ бумагъ въ моемъ семейномъ, литературномъ и служебномъ архивѣ, встрѣтилъ я два безыменныя письма къ Николаю Ивановичу Гибѣичу отъ неизвѣстнаго, отвѣтъ неизвѣстному, и стихотвореніе Николая Ивановича (изъ Оссіана). Этѣ письма и стихи пробудили въ моей памяти многое изъ давно мною позабытаго.

Что такое происходитъ въ головѣ и сердцѣ, когда какое ни будь слово, звукъ, цвѣтъ, запахъ, локонъ волосъ, знакомый почеркъ, цвѣтокъ, рисунокъ, вещьца забытая, внезапно воскресаетъ въ насъ бывшее? Всегда ли въ нашей волѣ вызвать воспоминанія? Не ускользаютъ ли иногда изъ памяти разныя встрѣчи и случаи въ нашей жизни, и тѣмъ болѣе числа, мѣстность, имена и названія лицъ и мѣстъ, даже самыя, когда-то милыя, черты родныхъ и друзей при продолжительной, или вѣчной, съ ними разлукѣ? Прошлое какъ бы таятся въ насъ до поры до времени, словно клубки сложены въ головѣ и сердцѣ, какъ связки рѣшенныхъ дѣлъ въ Архивѣ. Удалось тронуть одну нить, и она потянулась... и клубокъ развивается... и какая пестрота въ этой нити, въ этѣхъ клубкахъ, въ этой, самой жизнию начертанной въ мозгу, лѣтописи!... Сколько разнообразнаго сталкивается, сцѣпляется, складывается въ пробужденной памяти, и рисуетъ, однако же, что-то цѣлое и стройное.

Потяну же нитку попавшагося мнѣ клубка.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ *

Неизвѣстнаго къ Гиѣдичу. .

(Ни время, ни мѣсто въ черновомъ не означены.)

«Многіе писали о выгодахъ и невыгодахъ быть стихотворцемъ. Одни говорили о почтеніи и удивленіи современниковъ, о безсмертіи, о временахъ грядущихъ, и указывали на вѣчно зеленѣющую вѣнокъ, приготовленный славою любимцу Аонидъ. Другіе представляли трудность достигнуть сей высокой цѣли, указуя на шипящую зависть, съ ядовитымъ дыханіемъ, и приводили, по несчастію, не рѣдкіе примѣры страдальцевъ поэтовъ: кто не знаетъ бѣдствій Тасса!.. Вы, конечно, Милостивый Государь, ни какъ не отгадаете, къ чему ведетъ сіе вступленіе? Я желаю доказать вамъ, что ни кому еще не пришло на мысль, — новый родъ непріятности быть поэтомъ. На примѣръ: вы, вѣрно, не ожидали получить отъ неизвѣстнаго, совсѣмъ незнакомаго вамъ человѣка, убѣдительнѣйшую просьбу... мнѣ совѣстно... но... рѣшился, — убѣдительнѣйшую просьбу: взять на себя трудъ и прислать мнѣ сочиненныя вами бѣлыми стихами нѣсколько пѣсенъ въ родѣ Оссіана. Не бросайте мое посланіе, имѣйте терпѣніе выслушать оправданіе дерзости. Не я виноватъ, что, читая нѣкогда (въ одно изъ издаваемыхъ журналовъ въ С.-Петербургѣ) плѣнительныя ваши пѣсни, я, съ самаго того времени, желаю имѣть ихъ. Но обстоятельства, удаленіе отъ столицъ (въ которыхъ никогда не бывалъ и не имѣю ни какихъ знакомствъ), прѣпятствовали мнѣ удовлетворить моему желанію. Теперь, сдѣлавшись случайно обитателемъ Хребта Уральскаго, бесѣдуя часто съ Оссіаномъ (Кострова), находя окрестъ себя величественныя картины сего удивительнаго Барда, мечтая иногда видѣть даже самыхъ тѣхъ героевъ, паряція по слѣдамъ бѣлотрудныхъ и златовласыхъ красотъ Шотландскихъ, я вспомнилъ нѣкоторые изъ прелестныхъ стиховъ вашихъ, и не могъ болѣе удержать пла-

---

* Въ этѣхъ письмахъ «неизвѣстнаго» видна поддѣлка подъ старинный складъ и строй рѣчи. Впрочемъ, тогда (полѣтка назадъ) еще многіе такъ писали, и по шуту, особенно же келитераторы и пожилые люди.

меннаго желанія перечитать ихъ. Посреди дикой, но величественной и прелестной, природы, на крайнемъ рубежѣ, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи, при истокѣ Урала, Бѣлой, Чусовой, въ мѣстахъ, откуда грозный Ермакъ, съ горстью Донцевъ, грянулъ, потрясъ цѣлыя народы обширной Сибири и заставилъ гордаго Кучума пасть къ стопамъ Іоанна; окруженный живыми памятниками въ вѣкахъ отдаленныхъ начинающейся славы любезнаго Отечества, я желалъ бы умѣть сообщить вамъ всѣ чувства, наполняющія мою душу, желалъ бы возбудить въ васъ любопытство обозрѣти сію прекрасную и достопамятную часть Россіи. Сколько предметовъ поэту-живописцу! Можетъ быть, тогда мы имѣли бы своего Оссіана. Блестящія дарованія стихотворца не должны быть его собственностію; онѣ принадлежатъ Отечеству и, по моему мнѣнію, излишняя скромность, оставляющая въ неизвѣстности сокровище, долженствующее обогатить нашу Словесность, есть преступленіе. Появленіе Танкреда обновило было надежды мои видѣть всѣ стихотворенія ваши напечатанными; я заранѣе восхищался уже наслажденіемъ читать и Оссіана въ любимомъ и (по моему по моему мнѣнію) приличнѣйшемъ для него размѣрѣ стиховъ; но... вы жестокойъ человекъ! Вы, какъ нарочно, плѣня меня вновь сладкозвучными стихами героевъ Сиракузскихъ, опять умолили. Ко всей странности письма моего я присовокушу и то, что сѣдые волосы давно уже начали украшать мою голову; но живая, пламенная любовь къ языку Отечественному заставляеть меня забыть приличную мнѣ скромность и убѣдительнѣйше просить васъ объ удометвореніи моего желанія. Душа поэта видна въ его произведеніяхъ: все, что случалось читать мнѣ изъ стихотвореній вашихъ, которыя, подобно прекраснымъ цвѣтамъ, попадаются видѣ въ собранныхъ стихотвореніяхъ Г. Жуковскимъ и въ Пантеонѣ, * заставляеть меня думать, что вы кротки и снисходительны, особливо къ старости, и по тому исполните, можетъ быть, послѣднее желаніе.

Странность поступка моего заставляеть скрыть имя
душевно почитающаго Васъ....

---

* Удивляюсь, по чему издателямъ не угодно было помѣстить Вашихъ писемъ.

ПИСЬМО ГИЭДИЧА.

С.-Петербургъ, Марта 18, 1818 г.

«Милостивый Государы!»

Если бѣ всѣ читатели баловали писателей стиховъ такими письмами, какими вы меня почтили, то я думаю, что поэты даже страдалцы нашли бы довольно отрады, ихъ перечитывая. Въ самомъ дѣлѣ, слышать стихотворцу, что въ край столько отдаленный доходить голосъ его—уже пріятно, а читать еще о себѣ мысли, съ такою образованностію ума и слога изложенныя, еще болѣе лестно. Но для меня отзывы ваши, почтенный незнакомецъ, были уже столько лестны, что я готовъ былъ принять письмо ваше за отзывъ кого либо изъ старыхъ моихъ знакомцевъ, тѣмъ болѣе, что образъ вашихъ мыслей и способъ ихъ изложенія говорятъ не то объ васъ, чѣмъ вы быть хотите; они совершенно возвышаютъ васъ надъ сферою существъ, обитающихъ на Уралѣ. Однимъ словомъ, я принялъ бы письмо ваше за пріятельскую шутку, если бѣ оно не дышало тѣмъ добродушіемъ, которое вселяетъ довѣренность.

Чтобы оправдать лестнѣйшее всѣхъ похвалъ ваше обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, мнѣніе, чтобы доказать, что я въ самомъ дѣлѣ почитаю старость, исполняю желаніе ваше: посылаю вамъ стихи изъ Оссіана; но будьте и вы, почтенный старикъ,нисходительны къ молодости: это почти первый опытъ моего упражненія въ стихахъ, который единственно для васъ я подымаю изъ праха. Не удивляюсь, что вы любите Оссіана: ваша душа, съ такою живостію принимающая впечатлѣнія, конечно, не могла не плѣняться картинами природы величественной и характерами возвышенными. Вы увлеклись красотами Барда и, наполненные ими, былинисходительны и къ слабому моему произведенію въ родѣ Оссіана, котораго величавую Музу одѣвалъ я не къ лицу сельскою одеждою Музы Русской. Размѣръ стиха есть то же, что хватки или манеры человѣка; размѣръ стиха есть душа его; и чѣмъ болѣе поэзія народа оригинальна, тѣмъ болѣе формы раз-

мировъ отличаются особенностію, опредѣляющею свойства стиховъ и ихъ приличіе. Вотъ, мнѣ кажется, по чему народный стихъ Русскій, имѣющій отличительную, рѣзкую особенность, не свойственъ Барду Шотландіи. Кромѣ сей причины есть много другихъ, по которымъ опытъ мой изъ Оссіана останется во всѣхъ отношеніяхъ опытомъ, не смотря на поправки, которыя тоже давно въ немъ сдѣланы и съ которыми его посылаю. Увѣренъ, что и вы теперь то же объ немъ думать станете. И такъ, чтобъ поддержать передъ вами честь Музы моей, чтобъ доказать, сколько я дорожу мнѣніемъ обитателя Урала, прилагаю при семъ одно изъ моихъ стихотвореній, особо напечатанное. Что касается до желанія вашего возбудить во мнѣ любопытство взглянуть на природу Урала, то позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ остаться къ вамъ неумолимымъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ желаніе возбуждать къ тому меня, или другого, еще болѣе овладѣло вами. Полные живыхъ впечатлѣній, историческихъ воспоминаній, съ душею, пламенною подъ сѣдинами, вы бы въ своихъ возбужденіяхъ почувствительно сообщали намъ все, что внушаетъ вамъ и величественная природа Урала, и событія временъ минувшихъ, и слѣды вѣковъ; надъ нимъ протекшихъ. Въ этомъ порука письмо ваше, гдѣ, въ нѣсколькихъ строкахъ описательныхъ, вы возбуждаете столько чувствованій, столько воспоминаній! Нѣтъ, почтенный незнакомецъ! Позвольте ваше оружіе обратить противу васъ самихъ; позвольте сказать вамъ, что вы ни произведеніе, ни принадлежность Урала. Я не имѣю права тревожить вашей скромности, но вы повѣряте, что мнѣ чрезвычайно пріятно было бы знать, къ кому я питаю чувство особеннаго почтенія, съ которымъ и остаюсь навсегда

покорнѣйшимъ слугою

Н. Гибдицъ.»

ВТОРОЕ ПИСЬМО НЕИЗВѢСТНАГО.

Уральскій Хребеть, 14 Мая, 1818 г.

«Милостивый Государы!

Какой подарокъ! Какой прекрасный подарокъ! Вы очень, вы слишкомъ снисходительны къ старости, которая часто, вмѣсто благодарности, бываетъ брюзглива, болтлива, своенравна... Не правда ли, что начало признательности моей нѣсколько ново? Это мой обычай—беру бумагу, перо и часто пишу цѣлыя страницы, послѣдуя одной стремительности мыслей, иногда слишкомъ безпорядочной, странной, а ни какъ не знаю, что напишу, чѣмъ начну и кончу? Со всѣмъ тѣмъ, Милостивый Государь, смѣло увѣряю васъ, что вы не ошиблись, назвавъ меня добродушнымъ, и я, конечно, ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ бы довѣренности, внушенной вамъ первымъ моимъ письмомъ. Теперь мы уже нѣсколько знакомы. Мысли и чувства поэта, излитыя въ сладостныхъ стихахъ языка Отечественнаго, меня не обманули, и я за тысячи верстъ отгадалъ человѣка. Такъ, я не льщу; кто умѣетъ почитать старость, кто снисходитъ къ реблическимъ желаніямъ стараго младенца, тотъ умѣетъ не только хорошо и сильно писать о добродѣтеляхъ, но онъ пытается ихъ въ святилицѣ добраго сердца. А какъ много писателей, которые, судя по ихъ произведеніямъ, кажутся намъ существами высшими челоѣчества; но посмотрите ближе: вотъ писатель-филантропъ,* наполнившій цѣлые томы краснорѣчивѣйшими представленіями страдающей невинности, безпомощной бѣдности, ужаснаго сиротства и проч.; онъ идетъ съ обѣда лакомаго богатой ханжи, которой онъ посвящаетъ свои сочиненія; карманы его наполнены часто не нужнымъ ему золотомъ; блѣдная мать, съ кучею дѣтей,

---

* Писатель-филантропъ и писатель-философъ не вымышленныя лица. Низость послѣдняго—анекдотъ; по тому-то «неизвѣстный» и указываетъ на нихъ, даматныхъ, конечно, и Гибдичу. Называли мнѣ когда-то этѣхъ пролазъ, да я забылъ ихъ имена. Впрочемъ, такіе филантропы и философы вездѣ и всегда встрѣчались. Встрѣчаются, чай, они и теперь.

едва покрытая рубищемъ, въ углу улицы, озираясь и какъ бы стыдясь своего поступка, приближается къ нему съ робостию, съ почтеніемъ: «Милостивый Государы! говорить она ему въ полголоса: вы извѣстны всѣмъ своимъ состраданіемъ... я...» авторъ-эпикантъ бросаетъ на нее полупрезрительный, холодный взглядъ и слышитъ пробѣжать скорѣе улицу... Вотъ поэтъ-философъ, прославляющій громкими, прекрасными стихами Вельможу-временщика; онъ сейчасъ отвезъ ему новое приношеніе; онъ вѣкъ восторженъ со всѣмъ возможнымъ благоволеніемъ. Искусный поэтъ-философъ воспользовался всѣми средствами ума, учености, ловкости; онъ не хвалилъ своего истукана, но, какъ безпристрастный поклонникъ добродѣтели, представилъ предъ нимъ одни живописныя изображенія: все дышетъ справедливостію, благороднѣйшія выраженія, звучность, очаровательнѣйшія иносказанія, удивительныя подобія, все кстати, все изидлось изъ чувствъ и сорвалось съ пера... Со всѣмъ тѣмъ Вельможа узнаетъ себя, улыбается, жметъ съ благосклонностію руку поэта, и онъ, отъ радости не помня себя, скачетъ домой; тысяча лестныхъ предположеній наполняютъ его мысли, онъ выбираетъ, чего желать и просить; но едва переступилъ за свой порогъ, какъ слышитъ, что кумиръ его палъ, и другой заступилъ всѣ его мѣста и должности. Блѣдный, бездыханный философъ не хочетъ вѣрить ни ушамъ, ни глазамъ своимъ... Какая ошибка! Какъ поздно, какъ не кстати, пожертвовалъ онъ лучшимъ своимъ произведеніемъ... Но гений, истинный гений стихотворства вдыхаетъ въ него новыя мысли, новыя искусственныя обороты, и новый кумиръ вознесенъ еще превъспрение своего предшественника. Поэтъ-философъ получилъ чинъ, крестъ, пенсію и съ гордою улыбкою смотритъ на неловкихъ своихъ товарищей. Но что я говорю?

Коль често на блестящей лрѣ

Пить злодѣвъ прославлять;

Зміей предъ трономъ изгибался и проч.

Со всѣмъ тѣмъ потѣство, предъ коимъ исчезнуть время и причина, будетъ не менѣ удивляться сладости стиховъ, а можетъ быть и благоговѣть къ памяти Вельможъ. Чудотворцъ, коихъ именъ исторія не возьметъ труда начертать на своихъ скри-

жалаяхъ. Но куда ушелъ я отъ первыхъ моихъ мыслей? Простите! старость болтлива, и я, кажется, долженъ былъ возмите терпѣніе дочитать мою архіахиною, и согласитесь точно, что она брюзглива и своенравна. Всѣ старики хвалятъ старое: въ наше время все было лучше, и солнце свѣтлѣе, и цвѣты душистѣе, и люди умнѣе: мы даже не любимъ, чтобъ не только древнее что либо измѣнили, или даже исправили, мы требуемъ, чтобъ все то, что единожды въ жизни намъ пришло по сердцу и по мысли, чтобъ то такъ и оставалось; упаси, Боже, тронуть Расколы, Государь мой, страшные расколы заставляютъ возгрезнуть нашему на все новое.... Вотъ и развязка длиннаго предисловія. Опытъ вашъ въ 1804 году былъ не такъ исправленъ въ чистотѣ языка, были нѣкоторыя повторенія, даже нѣкоторыя погрѣшности; но, я старикъ, онъ въ томъ видѣ меня тронулъ, и я досадовалъ, прочитавъ, перечитавъ и еще разъ прочитавъ исправленную пѣснь любимаго моего Барда. Я, забывъ скромность, приличную дѣтямъ, хочу, особенно на нѣкоторыя мѣста, которыя часто вспоминалъ, сдѣлать сравнительныя замѣчанія.

Начальные стихи хотя нѣсколько перемѣнены, но картины та же; а ошутительная перемѣна заставила меня цѣлымъ часомъ вспоминать слѣдующіе стихи; у васъ было:

Есть въ долинѣ голубой цвѣтокъ,
Вѣтръ качаетъ его голову
И, стрясая росу.... утренню—
Не даетъ цвѣтку засохшему
Освѣжиться ея каплями.

Милостивый Государы! Во первыхъ стрясти росу правильнѣе, гораздо правильнѣе, нежели свѣять; ибо вѣтеръ, качая головкою цвѣтка, точно стрясаетъ, а не свѣиваетъ, росу. Далѣе: освѣжиться ея каплями—этотъ стихъ былъ живописательный и говорить вдругъ, и воображенію и душѣ; для жизни цвѣтка нужно нѣсколько капель, и ихъ-то вѣтеръ стрясаетъ. Вы, вмѣсто моего стараго пріятеля-стиха, поставили: освѣжиться чистой влагою. Воля Ваша! вся картина ослаблена; ага! же какъ-но болѣе получается изъ земли, и стихъ этотъ, право, былъ лучше. Картина сія, кажется, кончена почти такъ.

И его сегодня видѣвшій
 Красотою чистой Лутау,
 Завтра тщетно, тщетно будетъ онъ,
 Обращать вокругъ глаза свои,
 Чтобъ увидѣть голубой цвѣтокъ.

Я какъ будто вижу, что нѣкто, бродя въ чистой Лутау и замѣтя голубой цвѣтокъ, почитая его красотою долины, не сорвалъ; но завтра вернулся нарочно опять въ то мѣсто, чтобъ полюбоваться—и что жъ? Онъ не находитъ цвѣтка; онъ думаетъ, что ошибся мѣстомъ, озирается, обращаетъ вокругъ глаза свои и, увы! не видитъ голубаго цвѣтка. Вы это сократили, но опять, для нѣкоторой очистки слога, потеряли много въ чувствахъ. Я даже смѣю сказать, что ловецъ неприлично и почти дурно. Ловецъ есть охотникъ; онъ бѣжитъ за серною; предъ нимъ мелькаютъ всѣ предметы, у него не можетъ быть въ замѣчаніи цвѣтокъ, и почти невѣроятно, чтобъ онъ на завтра пришелъ искать его.

Такъ-то нѣкогда придетъ сюда... и проч.

Прекрасно! но послѣдніе, знакомые сердцу, стихи опять перемѣнены:

Онъ вздохнетъ, и къ ней приблизится,
 Онъ приблизится—слеза блеснетъ
 На глазахъ его блуждающихъ
 Вируть жилища Оссіанова,
 Опустѣвшаго, валяцагось!

Что дѣлать? Простите, друзья мои!... Далѣе: о герои! о сподвижники!... И тутъ перемѣны; но такъ и быть; однако жъ стихъ: гласомъ облаковъ сверкающихъ былъ не хуже: гласомъ грома поднебеснаго.

Но не долго я остануся, и проч. до
 Одѣяніе прозрачное.

Вдохновенный старецъ, забывъ слѣпоту, приходитъ въ восторгъ и восклицаетъ въ сильнѣйшемъ, если смѣю сказать, наступленіи чувствъ духовныхъ:

О! подай, подай мнѣ арфу, ты,
Сынъ Алпина громогласнаго!
Чувства сердца я хочу назвать...

Живо, плѣнительно, натурально! Ваша нынешняя переѣзна— несносная. Въ ту минуту, когда старецъ, обращая мысленный взоръ на вѣчность, видитъ прекрасную будущность, кто-то тихонько подходитъ: во первыхъ, онъ не можетъ того и замѣтить, а не только совершенно возвратиться отъ чувствъ восторга къ обыкновеннымъ, очень обыкновеннымъ, томнымъ чувствамъ. Въ прежнихъ стихахъ я видѣлъ Барда, и вы заставили меня разбрызжаться на сладкой приходе Мильвины. Даже и стихъ: сынъ Алпина громогласнаго прибавлялъ живости къ восторгу Оссиана. Послѣ сего я представлялъ, что старецъ, давши приказаніе подать арфу, въ ожиданіи останавливается на минуту въ своемъ пареніи. Мгновеніе восторга прошло, и онъ, чувствуя опять всю тягость физической жизни, продолжаетъ:

Я хочу, да звуки темные...

Потомъ опять желалъ бы найти:

И на мрачныхъ на сѣдыхъ челахъ
Возсіяетъ лучъ веселія...

Напрасно, совсѣмъ напрасно, вы слишкомъ чистили свой опытъ. У меня замирало сердце, что и послѣдующая прелестнѣйшая картина ночи переѣзнена; но, слава Богу, благодарю васъ, она почти не тронута; но два слова были лучше: не разбудить ото сна меня, не разбудить отъ глубокаго. Нынѣ: не пробудить. Пробуждается человекъ внезапно, вдругъ; пробужденіе есть дѣйствіе мгновенное; разбудить значить долго будить, будить даже нѣсколько разъ, съ нѣкоторыми усиліями—и, не смотря на все, вѣтръ его никогда не разбудить, хотя всегда будетъ свистать въ волосахъ главы его. Это истинно глубокой сонъ.

Потомъ сожалѣю о стихѣ:

Для чего сей облакъ горести,
Оссіанъ, покрылъ чело твое?

Но опять очень сержаюсь на переищу.

У Васъ было:

И Фингалъ, отъ взора' койко'
 Добрымъ на: поляхъ своихъ
 Вы, сыны скривъ, отъ каменнейшихъ,

Какая полная картина! Фингалъ пропалъ въ отдаленнѣйшия иноплеменные страны; народы готовились защищать свои родные поля; они, конечно, имѣли сильнѣйшее мужество и редкость; поради ихъ, были жены и дѣти; и что жъ? отъ взора забывъ все, любѣжали! Все это было ясно сказано въ трехъ строюкахъ. Поправленная картина очень, очень холодна. На поляхъ своихъ много имѣло силы. Русскіе, вездѣ дрались хорошо, но прель Москвою, на поляхъ Бородинскихъ, на поляхъ своихъ, они превзошли самихъ себя.

Въ послѣдующихъ стихахъ оставившись наводворилось заустѣніе, и опять сожалѣю о сверкающихъ очахъ дикаго звѣря, поселившагося въ развалинахъ Царскихъ торговъ.

Если вы имѣли терпѣніе дочитать, то точно согласитесь во всѣхъ трехъ слабостяхъ старости. Однако же, и мы утѣмъ за добро платимъ добромъ, т. е., по старинному, правдою. Рожденіе Прелеваго (сестрица) прекрасно; плавность смехозъ, живость чувствъ борини матери; важность Дія, словоцъ, все хорошо, прекрасно; а заключеніе прелестно. Вы славно воспользовались прошедшимъ для настоящаго (будущаго). Вы, очень, очень сдѣлали много мнѣгодолженія (присылкою) событій новаго своего сочиненія, и умуна (дѣти) взышоки переановываютъ для себя пѣсню Оссиана (и Романдіе) Ромара; по тому что подлинники сохранныя навсегда въ чистотѣ и бережливости, какъ нѣчто рѣкое, священное; да и не всякій такъ счастливо сунется съ просьбами, какъ я.

Вашъ почитатель

На письмо ваше, исполненное пріятностей, я отвѣчаю вамъ пыльнымъ чувствомъ благодарности, и съ стариннымъ просто-

бердичевъ скажутъ вайтъ, что я точно иногда имѣлъ дозволеніе ила-
ментное воображеніе, и который даръ объясняться и могу бы
тогда быть полезенъ; и рука времени и тоже тяжчайшая рука
несчастія едва не потребили все правосудіи мои способности...
Если я и не очень долго жыву, то уже свидѣю скажу, что
живу много. Въ чувствахъ челоука иногда одно мгновение даетъ
понятіе о вѣчности.. Проститъ, я забыли! И такъ обращаю
лучше къ размѣру стиха. Вы правильно объяснили его свой-
ства, и, можетъ быть, на языкѣ Шотландскомъ однопрыные
стихи я не приличны, но на Русскомъ они хороши. Самъ Ос-
сианъ очень однообразенъ, онъ безпрестанно повторяется въ
мысляхъ, въ картинахъ и даже въ выраженіяхъ. Но все плѣни-
тельно! И такъ однообразіе въ размѣрѣ дѣлаетъ его на-
сколько заунывнѣе, но очень, очень прилично! Впрочемъ, убѣж-
деніе мое кончу тѣмъ, что всякая иностранная красавица не обез-
бравитъ вашей красоты, облекшись въ сарафанъ Русской. По
крайней мѣрѣ въ глазахъ Русскаго она будетъ еще прелестнѣе.
Но уже время окончить попытаніе вашего долготерпѣнія; я отъ-
лылъ два часа просидѣлъ съ вами, и говорилъ все однимъ: Если
не откажетесь въ рѣшительномъ продолженіи моихъ отвѣтовъ, то
сочту за особиную благосклонность, когда въ свободное время
напечете нѣсколько страницъ къ пустынному жителю Урала. По-
вѣрже, что чувствуетъ благодарности и почтенія моего къ вамъ
передать своимъ дѣламъ)

Благодарный шшъ Бродяга шшъ

Ц. Ш. Ш. Ш. Ш.

Изъ двухъ стихотвореній, присланныхъ при письмѣ къ не-
извѣстному Гнѣдичеву, "Рожденіе Гомера", написанное въ 1816
году; и посвященное Графу С. С. Уварову, до моихъ рукъ не
дошло; а "Послѣдній вѣкъ Оссиана" въ подлинной рукописи
сохраняется у меня вѣсть съ письмомъ его руки. Впервые она на-
печатана въ "Свердловъ Вѣстникъ" 1804 г., т. 1, № 1, стр. 65—69.

Позже, съ многими измѣненіями, она вошла въ изданіе Сочиненій Гнѣдича (въ 1832 г.). Рукописная прислана Николаемъ Ивановичемъ въ 1818 г.: она представляетъ вторую редакцію этого стихотворенія, и въ ней много равнословій какъ съ первой, такъ и съ третьей. Въ «Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ» (изданномъ Смирдинымъ въ 1854 г.) Пѣсьнъ Оссіана перепечатана съ редакціи 1832 г. безъ всякихъ перемѣнъ.

Н. И. Гнѣдичъ, уроженецъ Малороссіи, учился въ Московскомъ Университетѣ. Окончательно классическаго образованія онъ достигъ непрерывными трудами всей своей жизни. Продолжительная борьба съ Гомеромъ раскрыла ему всѣ сокровища Древне-Греческаго языка. Латинскій былъ столько же ему знакомъ, какъ и Русскій. Наружности онъ былъ некрасивой: слѣды жестокой оспы оставили глубокія рябины и рубцы на темно-блѣдноватомъ лицѣ, которое было, впрочемъ, оклада правильнаго и даже пріятнаго, если бы болѣзнь въ дѣтствѣ не лишила его одного глаза. Прекрасно сдѣланный бюстъ поэта, надъ могилой его на Ново-Александровскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, очень съ нимъ схожъ. Тутъ же, рядомъ съ его могилой, и могила Крылова. Два друга жили подъ одной кровлей, и по смерти покоятся подъ однимъ слоемъ земли. Росту виднаго, сухощавый, стройный, онъ держался очень прямо, нѣсколько величаво, и во всѣхъ движеніяхъ былъ соразмѣренъ и плавенъ, какъ въ своихъ гекзаметрахъ. Чтеніе въ слухъ стиховъ было ему наслажденіемъ. Но онъ былъ очень смѣшонъ и напыщенностію протяжнаго чтенія съ завываніями, и вытянутой шеей, которая съ каждымъ стихомъ какъ будто бы все болѣе и болѣе выходила изъ толстоширокаго «жабо», и высоко-поднятой головой, и къ небу возносящимся глазомъ. Пѣніе à la Рашель гекзаметровъ еще было сносно, иногда даже и музыкально, а ужъ завываніе при вычурномъ произношеніи Александрійскихъ стиховъ было часто невыносимо.

Гнѣдичъ былъ щеголь: платье на немъ всегда было послѣдняго покроя. Съ утра до ночи во фракѣ и съ бѣлымъ жабо (тогда и никто не носилъ сюртуковъ, ни черно-шелковыхъ плавокъ); онъ припоровлялъ цвѣтъ своего фрака и всего наряда къ той порѣ дня, въ которую тамъ и сямъ появлялся: коричневый,

или зеленый фракъ утромъ, сипій къ обѣду, черныи вечеромъ. Бѣлье, какъ снѣгъ; складки или брыжи художественны, Обувь, шляпа, тросточка, все безукоризненно. Цвѣтныя перчатки въ обтяжку. Бѣлыя составляли принадлежность военнаго паряда; а мы, статскіе, до 1824—1825 г. бѣлыхъ перчатокъ не надѣвали даже на балы.

Любя большой, какъ говорится, свѣтъ и свѣтскіе разговоры, Николай Ивановичъ любилъ примѣшивать къ Русской болтовнѣ кстати и не кстати иностранныя слова, даромъ что не терпѣлъ ихъ въ печати; онъ думалъ, вѣроятно, этѣмъ показать себя вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. Чуть ли не онъ первый ввелъ слова: наивность, граціозность, интимность и т. п. Однажды зашла у насъ рѣчь о роскошной природѣ Тавриды; я только что воротился изъ Крыма; мы плѣнялись бѣлою акаціей, каштаномъ и раиной (тополь). «Раина! завопилъ Гибдичъ, это раи древо, которое.... s'élance въ облака!» И голова его вознеслась къ потолку. Я познакомился съ нимъ еще въ 1814, также, какъ и съ неразлучнымъ его спутникомъ на обѣды, съ И. А. Крыловымъ, въ домѣ гостепріимнаго Д. М. Полторацкаго (отца Сергѣя Дмитриевича). И отецъ и сынъ заслужили почетное мѣсто въ дѣтописяхъ Русской письменности. Первый, при дружескихъ связяхъ своихъ съ Державинымъ, Карамзинымъ, Оленинымъ, Капнистомъ, Гибдичемъ, Крыловымъ, Языковымъ (Д. И.) и многими изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей его времени, поощрялъ и знакомилъ съ ними молодыхъ стихотворцевъ и прозаиковъ. Последніе, за исключеніемъ знаменитостей, издателей журналовъ и Гг. критиковъ, тогда еще были не въ большомъ почетѣ, и первымъ отдавалось въ свѣтскихъ обществахъ явное предпочтеніе передъ ними: посредственные стишки предпочитались дѣльной прозѣ! Въ 1814—1815 году домъ его былъ постояннымъ мѣстомъ свиданія жившихъ тогда въ Петербургѣ писателей, художниковъ и ученыхъ. Дмитрій Марковичъ извѣстенъ и какъ одинъ изъ основателей въ 1818 году Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Родоначалникъ, можно сказать, нашихъ агрономовъ, онъ первый испыталъ плодоперемѣшную систему въ земледѣліи на Руси. Сынъ его, Сергѣй Дмитриевичъ, наследникъ дѣдовской (Петра Кирилловича Хлѣбникова) библіотеки, неутомимо пополняетъ и

разрабатываетъ ея замѣчательные и частью рѣдкіе библиографическіе источники. Статьи его драгоцѣнны для исторіи Русской Литературы: онѣ многое уже разъяснили, исправили и дополнили въ разновременнo распространяемыхъ ими свѣдѣніяхъ о тѣхъ или другихъ лицахъ, книгахъ, рукописяхъ и т. д. Пошли ему Богъ силы и средства довершить свой огромный трудъ. Сколько матеріаловъ собрано имъ для вѣрной оцѣнки и давнихъ и новыхъ труженниковъ на литературномъ у насъ поприщѣ! Сколько въ нихъ правды и сколько въ немъ самомъ терпѣнія, точности и безпристрастія!.. Кой-что изъ своихъ розысканій и соображеній онъ издалъ отдѣльными тетрадами на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, а кой-что помѣстилъ въ «Иллюстраціи» (изданіе Н. В. Кукольника), въ Сѣверной Пчелѣ, въ Москвитинѣ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858, въ Нашемъ Времени, Павлова, и въ иныхъ журналахъ и листкахъ. Въ 1855 г. ему удалось издать (въ Лейпцигѣ) Стихотвореніе В. А. Пушкина «Опасный Сосѣдь.» Въ Парижѣ (1854 г.) Кераръ (J. M. Quérard) указалъ на его труды въ своей статейкѣ: «Notice sur M. Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe Russe.»

На указанія нашего библиофила, не только у насъ, а и за границей, многіе ссылались, ссылаются и будутъ ссылаться. Вотъ недавно добросовѣстный и возможно безпристрастный Шницлеръ сослался на него въ книгѣ, изданной имъ въ 1863 г., о Графѣ Ростопчинѣ и Свѣтлѣйшемъ Кутузовѣ: «La Russie en 1812». Жаль, что онъ не довольно строгъ въ выборѣ источниковъ и, при своей довѣрчивости, не отвергаетъ даже Русско-заграничныхъ, частью и подземныхъ, бредней, лжи, клеветъ. Отсюда, на примѣръ, похвалы Черторыйскому и выходка противъ Графа Маркова. Впрочемъ, надо сказать правду, эта книга, или (какъ Шницлеръ самъ опредѣлялъ ея значеніе) «картина нравовъ и опыты исторической критики,» ниже всего, что имъ написано доселѣ о Россіи. Нельзя при этомъ не подивиться и тому, что онъ какъ бы и не слыхивалъ объ изданіи «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», а въ нихъ, бы хотъ съ 1858 г., онъ нашелъ бы большой запасъ свѣдѣній, обработанныхъ и не обработанныхъ матеріаловъ, достовѣрныхъ рассказовъ о событіяхъ и лицахъ, промелькнувшихъ и до войнъ нашихъ съ

Наполеономъ, и въ нашествіе его полчищъ на Москву, и по снятіи Русской опеки съ Франціи и т. д., до настоящихъ въ Государствѣ нововведеній, преобразованій, ошибокъ, улучшеній, говора, вопросовъ, прѣвій, колебаній, добра и худа.

Библіотеку свою Полторацкій продалъ за полцѣны Московскому Румянцевскому Музею; перевезены туда и безцѣнные картонны его. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ всевозможные матеріалы для объясненія дѣятельности того или другого у насъ писателя, на какомъ бы ни было языкѣ. Отъ перваго опыта до предсмертнаго произведенія и до послѣдняго изданія книги, брошюры, піески нашихъ ученыхъ, поэтовъ, прозаиковъ, и отъ перваго о нихъ и ихъ трудахъ отзыва критиковъ, журналовъ и газетъ до послѣднихъ похвалъ и порицаній, даже шутки, пасквили, эпиграммы, а также отвѣтныя шутки, антикритики, анти-эпиграммы и антипасквили, все сложено въ этѣхъ картонкахъ хронологически. Сбирая и отыскивая всевозможныя свѣдѣнія о другѣ и недругѣ, онъ рѣдко входитъ въ критическій разборъ сочиненія, или перевода, и еще рѣже принимаетъ на себя роль судьи литературныхъ прѣвій объ извѣстномъ, или неизвѣстномъ, о славномъ, или преслѣдуемомъ, писателѣ; онъ только сохраняетъ все, имъ добытое, какъ историческіе запасы и живые источники для составленія біографій и бібліографій.

Возвращаясь къ Гибдичу. Никто не былъ доступнѣе и внимательнѣе его къ молодымъ писателямъ. Онъ съ полнымъ участіемъ просматривалъ ихъ опыты, ободрялъ ихъ, давалъ имъ совѣты, слѣдилъ за ихъ успѣхами, и когда признавалъ какое либо сочиненіе, или переводъ, достойнымъ вниманія, то возилъ свое открытіе повсюду, хвалилъ и читалъ, не только въ свѣтскихъ и литературныхъ кружкахъ, но и въ ученыхъ, какъ, на примѣръ, у А. Н. Оленина, у Графа С. С. Уварова и т. д. Такъ онъ особенно покровительствовалъ Лобанова, переводчика трагедіи: «Ингенія въ Авлидѣ» и Никольскаго, издателя «Пантеона Русской Поэзій.»

И свѣтскія и литературныя связи его были обширны и большею частью дружественны. Онъ вездѣ былъ принимаемъ

радушно, какъ добрый и простосердечный гость-приятель. Изъ пишущей братіи онъ никого не чуждался, и какого бы кто ни былъ стѣга и направленія, ни съ кѣмъ не ссорясь за мнѣнія и оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, онъ все таки, при сужденіяхъ о трудахъ чьихъ бы то ни было, всегда обнаруживалъ благородное безпристрастіе.

Теперь рѣдко кто заглядываетъ въ произведенія Гнѣдича, хотя и встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ мѣста замѣчательныя по мысли, чувству, или отдѣлкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ очень нравились въ свое время. Такъ, на примѣръ, «Посланіе Перуанца къ Испанцу» надѣлало много шума. Замѣчены были и его «Простонародныя пѣсни Грековъ.» Теперь онъ извѣстенъ только какъ переводчикъ Гомеровою Илиадою, которую также очень не многіе читаютъ и которая остается какъ бы учебной книгой. Сдѣсь онъ окончательно овладѣлъ Греческимъ гекзаметромъ, первые опыты котораго на Русскомъ языкѣ принадлежатъ Мерзлякову (М. У. Б. Пансіонъ и воспитанникъ Университета, Гимназіи его, Благороднаго Пансіона и Дружескаго Общества, стр. 88—100. М. У. Т. 1858). Сперва Николай Ивановичъ хотѣлъ только докончить переводъ Кострова, также ямбомъ съ римами, но, не довольный своими опытами, принялся, по совѣту Графа С. С. Уварова, за полный переводъ гекзаметромъ.

Трудился Гнѣдичъ и для театра. Четыре трагедіи переведены имъ: 1. Абюфаръ или Арабская семья (Дюссиса), шестистопнымъ ямбомъ съ римами. (М. У., Т. у Люби, Гарія и Иопова. 1802 г.). 2. Заговоръ Фіеска (Фіески) въ Генуѣ (Шиллера), прозой. (М. въ вольной типографіи Гарія и компаніи. 1803). Этоъ переводъ, судя по заглавному листу его, на которомъ означено: «Съ Нѣмецкаго Г. и А.» сдѣланъ не имъ однимъ, а въ товариществѣ какого-то А. 3. Леаръ (Лиръ), прозою. (С.-Петербургъ, въ типографіи Императорскаго театра. 1808). Это передѣлка Дюссисовой передѣлки одного изъ лучшихъ твореній Шекспира. Въ первый разъ она представлена на С.-Петербургскомъ придворномъ театрѣ 28 Ноября, 1807. 4. Танкредъ (Вольтера), стихами. (С.-Петербургъ, въ типографіи Императорскаго театра 1816 г.).

Надобно сказать, однако, правду: языкъ во всѣхъ этихъ переводахъ устарѣлъ; проза ихъ, даже и въ свое время (1802—1808) напыщенная, не разговорная, не нравилась чуткому уху знатоковъ чистаго Русскаго языка; а стихи, особенно въ первой трагедіи, несравненно ниже стиховъ Озерова, который часто достигалъ простоты и естественности въ своей звучной и текучей почти всегда рѣчи. Впрочемъ, въ Танкредѣ встрѣчаются прокрасивѣйшія строки.

Кромѣ этихъ 4-хъ трагедій, Гидичъ перевелъ и нѣсколько отрывковъ драматическихъ: 1. Два дѣйствія изъ Вольтеровой Запеты, въ 1809; 2. три дѣйствія изъ Лонжеиьеровой Меден, въ 1819; 3. изъ Расиновой Андромахи 5 явленіе 4 дѣйствія и 3 явленіе 5 дѣйствія (Сынъ Отечества, 1820, ч. 66, № 41, стр. 31—38).

Но вотъ съ подлинной рукописи поэта:

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ

ОССІАНА.

1804 года. *

О источникъ ты лазоревой,
 Со скалы крутой люціися
 Съ бѣлой пѣною, жемчужною!
 О источникъ, покатися ты,
 Разливай струи холодныя
 По долину чистой Лутау.
 О дубрава кудреватая!
 Ты склонись густой вершиною,
 Чтобы солнца зной полуденный
 Не палилъ долины Лутау.
 Есть въ долину сей терновой кустъ,
 Вѣтръ играетъ въ волосахъ его;

---

* Это не переводъ, но подражаніе Оссіану. Н. Г.

Есть въ долинь голубой цвѣтокъ,
 Вѣтръ колеблетъ на стеблѣ его,
 И, свѣвая росу утренню,
 Не даетъ цвѣтку поблекшему
 Освѣжиться чистой влагою.
 Скоро, скоро голубой цвѣтокъ
 Томною своею головкою
 На горячу землю сложится,
 И пустынный вѣтръ, полуночный
 Цвѣтъ сорветъ, развѣетъ листь его!
 И ловець, сегодня видѣвшій
 Цвѣтъ сей поля украшеніеъ,
 Завтра прійдетъ, не найдетъ его!

Такъ-то нѣкогда прійдетъ сюда
 Оссіана гѣсни слышавшій;
 Такъ-то нѣкогда приблизится
 Звѣроловець къ моему окну,
 Чтобъ еще услышать голоеъ мой.
 Но прищелець, стоя въ безмолвіи
 Предъ жилищемъ Оссіановымъ,
 Не услышитъ звуковъ гѣнія,
 Не дождется при окнѣ моемъ
 Голоса ему знакомаго.
 Въ дверь войдетъ онъ растворенную,
 И очами пзумленными
 Озирая сѣнь безлюдную,
 На стѣнѣ полуразрушенной
 Узритъ арфу Оссіанову,
 Гдѣ вися, уединенная,
 Будетъ вестъ бесѣды тихія
 Только съ вѣтрами пустынными.

О героя, о сподвижники,
 Тѣхъ время, когда рука моя
 Разбивала щитъ трелиственный,
 Вы сокрылись, вы оставили
 Одного меня, печальнаго,
 Старца дряхлаго, ослѣпшаго!
 Ни меча извлечъ не въ силахъ я,
 Въ битвахъ молніеи сверкавшаго;
 Ни щита я не могу поднять,
 И на немъ напечатлѣнные
 Язвы битвъ, единоборствъ моихъ
 Я считаю осязаниемъ.

Ахъ! и гласъ мой, бывшій пѣкогда
 Гласомъ грома поднебеснаго,
 Шнылъ тихъ, какъ вѣтеръ вечера,
 Шепчущій въ листахъ тополевыхъ.
 Всѣ сокрылись, всѣ оставили
 Оссіана престарѣлаго,
 Одянокого, ослѣпшаго!

Но не долго я остануся
 Безполезнымъ Сельмы бременемъ;
 Нѣтъ, не долго буду въ мірѣ я
 Безъ друзей и въ одиночествѣ!
 Вижу, вижу я то облако,
 Въ коемъ тѣнь моя сокроется;
 Тѣ туманы вижу тонкіе,
 Изъ которыхъ мнѣ составится
 Одѣяніе прозрачное.

О Мальвина, ты ль приближилась?
 Узнаю тебя по шествию,
 Какъ пустынной лани, тихому,
 По дыханью кроткихъ устъ твоихъ,
 Какъ цвѣтовъ дыханье, сладкому.
 О Мальвина, дай ты арфу мнѣ,
 Чувства сердца я хочу излить,
 Я хочу, да звуки томные
 Моему предъядуть шествию
 Въ сѣнь отцовъ моихъ воздушную.
 Внемля пѣснь мою послѣднюю,
 Тѣши ихъ выиграють радостью
 Въ свѣтлыхъ облаковъ обителяхъ;
 Низлетять оны отъ воздуха,
 Сонмомъ склопятся на облака,
 На края ихъ разоцѣптые,
 И прострутъ во мнѣ десницы ихъ,
 Чтобъ принять меня къ отцамъ моимъ!...
 О подай, Мальвина, арфу мнѣ,
 Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
 На крылахъ, съ тѣнями черными;
 Волны озера качаются,
 Хлещеть нѣна о кремнистый брегъ;
 Мхомъ покрытый, дубъ возвышенный
 Надъ источникомъ шатается;

Вѣтеръ стонетъ межъ листовъ его,
 И, срывая, съ шумомъ сыплетъ ихъ
 На мою сѣдую голову!
 Скоро, скоро, какъ листы его
 Пожелтѣли и рассыпались,
 Такъ и я увяну, скроюся!
 Скоро въ Сельмѣ и слѣдовъ моихъ
 Не увидать земнородные.
 Вѣтръ, свистящій въ волосахъ моихъ
 Не пробудитъ ото сна меня,
 Не пробудитъ отъ глубокаго!

Но почто сіе уныніе?
 Для чего печали облако
 Осѣняетъ душу Бардону?
 Гдѣ герои прежде бывшіе?
 Рано, младостью блистающій,
 Гдѣ Оскаръ мой—честь безтрепетныхъ?
 И герой Морвена грознаго,
 Гдѣ Фингалъ, меча котораго
 Трепеталъ ты, царь вселенныя?
 И Фингалъ, отъ вѣзора коего
 Вы, странъ дальнихъ рать сильныя,
 Рассыпались какъ призраки!
 И герой сей не поверженъ ли?
 Тѣсный гробъ сокрылъ великаго!
 И въ чертогахъ праотцовъ его
 Позабытъ и слѣдъ могучаго!
 И въ чертогахъ праотцевъ его
 Вѣтръ свиститъ въ окно разбитое;
 Предъ широкими вратами ихъ
 Водворилось заустѣніе!
 Подъ высокими ихъ сводами,
 Арфъ бряцаніемъ гремѣвшимъ,
 Воцарилось безмолвіе!
 Тишина ихъ возмущается
 Завываньемъ звѣря дикаго,
 Жителя ихъ стѣнъ разрушенныхъ!

Такъ, въ чертогахъ праотческихъ
 Позабытъ и слѣдъ великаго!
 И мои слѣды забудутся?
 Нѣтъ, пока свѣтила ясныя
 Будутъ блескомъ ихъ и жизнию
 Озарять холмы Морвенскіе—

Голосъ пѣсней Оссіановыхъ
 Будеть жить надъ прахомъ тѣнѣя,
 И надъ холмами пустынными,
 Надъ развалинами Сельскими,
 Въ тихій часъ ночей задумчивыхъ,
 Разливался гармоніей,
 Призоветъ потомка позднѣго
 Къ сладостнымъ воспоминаніямъ.

Неизвѣстный, прикинувшійся старикомъ, чтобъ выманить у добродушнаго и довѣрчиваго поэта стихотвореніе его руки, былъ въ 1818 г. еще молодымъ человекомъ, едва 35 лѣтъ. Въ сущности онъ былъ знакомъ съ Гнѣдичемъ. Любя поэзію, какъ еще любили ее тогда, съ безотчетною дѣтскою восторженностью онъ чистосердечно плѣнился Пѣснію Оссіана. Золотыя времена!.. а все таки не худо, что они прошли. Я свѣжо помню ту пору, когда пѣсколько звучные и даже только легкіе, гладкіе, какъ во время оно говорилось, стишки обращали вниманіе невзыскательныхъ читателей на стиходѣя. И. И. Дмитріевъ говаривалъ, что у насъ надобно только чаще печатать свое имя въ цовременныхъ изданіяхъ, чтобъ прослыть писателемъ. Онъ даже свѣтывалъ (и не всегда въ шутку, илѣ насмѣшку) молодымъ риемоцетамъ: печататься какъ можно чаще, и черезъ то приучить къ себѣ публику, сдѣлать имя свое ей знакомымъ и по немножку прославиться. Не тяжелы были тогда и требованія критики: не содержаніе, не мысль, а форму, размѣръ, музыку, и, когда случится, чувство оцѣнивала она въ произведеніяхъ, часто вовсе не художественныхъ. Замѣчанія «неизвѣстнаго» во второмъ письмѣ его къ Гнѣдичу показываютъ отчасти, какъ судили у насъ о стихотвореніяхъ. Лагарпъ былъ путеводною звѣздою нашей критики, Сами читатели удовлетворялись разборами всевозможныхъ сочиненій только по Лагарпу да по Буало. Даже Мерзляковъ, не только искусный подражатель классикамъ, а природный поэтъ въ народныхъ дѣсняхъ своихъ, писатель съ эстетическимъ вкусомъ, рецензентъ съ художественнымъ чутьемъ, даже Мерзляковъ, какъ позже и Александръ Бестужевъ, смѣлѣйшій изъ критиковъ своего времени, не совсѣмъ отбились отъ вліанія Лагарпа.

Неизвѣстный былъ воспитанъ въ Тверскомъ Дворянскомъ Училищѣ. Случилось мнѣ встрѣтить на желѣзной (Николаев-

ской) дорогѣ одного изъ воспитанниковъ этого училища, сановитаго старца, съ окладистой, сѣдою бородой, съ бѣлыми развѣвающимися на головѣ волосами, съ умнымъ добродушнымъ лицомъ. Это морякъ, Казакъ и Предводитель Дворянства Фиглевъ. Онъ, какъ видите, служилъ и на морѣ, и на сушѣ, и за границею, и дома: съ корабля попалъ на коня, въ Тверской Казачій полкъ, а изъ воинственного Казака сталъ мирнымъ Предводителемъ Дворянства на своей родинѣ. Люди большею частью любятъ вспоминать про дѣтскія лѣта, рассказывать о мѣстѣ своего образованія, объ учителяхъ, наставникахъ, товарищахъ. Вотъ что я узналъ отъ почтеннаго Фиглева о Тверскомъ Училищѣ: оно было основано Тверскимъ Дворянствомъ, съ прекрасною цѣлю, дать средства небогатымъ родителямъ приготовить въ немъ своихъ дѣтей на службу. Ученики поступали отсюда въ Морской, или первый Кадетскій Корпусъ, смотря по успѣхамъ и призванію. Нѣкоторые изъ нихъ переходили и въ другія, среднія и высшія, учебныя заведенія. Такъ, на примѣръ, И. И. Давыдовъ (покойный Сенаторъ) переведенъ, по выбору Попечителя М. У. М. Н. Муравьева, въ Разночинскую (Академическую) при Московскомъ Университетѣ Гимназію. Преподаваніе учебныхъ предметовъ и надзоръ за нравственностію въ Тверскомъ Училищѣ были постоянно одобрены Дворянствомъ, которое, создавъ его изъ добровольныхъ пожертвованій, имѣло полное право и высказывать свое о немъ мнѣніе. Сколько слыхалъ я о немъ прежде, оно было, такъ сказать, сколкомъ съ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. Но оно не пользовалось преимуществами его, и готовило учениковъ не для Университета. Главныя поощренія и награды въ немъ заключались, по рассказамъ Фиглева, не въ золотыхъ, или серебряныхъ, медаляхъ, а въ красивыхъ бантахъ изъ орденскихъ лентъ: Аннинской, Владимирской, или Андреевской. Удостоившіеся пришить тотъ или другой бантъ къ петлицѣ сильно радовались и гордились заслуженнымъ отличіемъ, вовсе не заботясь о медаляхъ. Независимо отъ дѣйствій всѣми уважаемаго Директора, помнится, если не ошибаюсь, Барантова, вліяніе Инспектора В. Н. Мерзлюкина (чуть не Мерзлякова) на развитіе воспитанниковъ оставило пріятное о немъ въ нихъ воспоминаніе. Училище это уже закрылось само собою, съ истощеніемъ жизненныхъ силъ, — капитала, которымъ суще-

ствовало. Остатокъ денегъ присоединенъ къ суммамъ, изъ которыхъ содержится Аракчеевскій Кадетскій Корпусъ.

Я упомянулъ о Тверскомъ Дворянскомъ Пансионѣ, какъ нѣкогда о разсадникѣ Русскихъ моряковъ и воиновъ, какъ о заведеніи, хоть и мало извѣстномъ нынче, а все же послужившемъ просвѣщенію въ своемъ уголкѣ. Можетъ быть, кто ни будь изъ давнихъ питомцевъ его, прочитавъ этѣ строки, вспомнить про былое, и расскажетъ намъ полную повѣсть жизни забытаго Училища. Можетъ быть, въ списокѣ его воспитанниковъ блеснутъ и имена историческія.

До меня дошло одно, грустной памяти, имя Александра Григорьевича Степанова, въ замѣткѣ, оставленной о немъ его товарищемъ по воспитанію, покойнымъ братомъ моимъ, Петромъ Васильевичемъ. Степановъ когда-то (вѣроятно, послѣ своего несчастія) гостилъ у нашего дяди, М. В. Храповицкаго. Скорби и испытанія смягчаютъ сердце. Радужіе хозяина-философа, порядокъ и вся обстановка его отшельнической въ деревнѣ жизни,* очаровали гостя. Нѣсколько дней, проведенныхъ имъ подъ гостепримнымъ кровомъ своеобразнаго старца-мыслителя, произвели на него отрадное впечатлѣніе. Съ юношескою восприимчивостью и поэтическимъ умиленіемъ говорить онъ о немъ, объ его мѣстопробываніи, о своихъ ощущеніяхъ, въ тетрадкѣ: «Отрывокъ изъ письма моего друга.» Эта тетрадка, въ 8 долю листа обыкновенной писчей бумаги, украшенная краснымъ переплетомъ и вишнейкой, тщательно, хотя и съ погрѣшностями въ правописаніи, перебѣленная, была передана моимъ братомъ дядѣ Храповицкому, по смерти котораго возвратилась въ архивъ племянника. Рисунокъ изображаетъ, въ лучахъ солнца на закатѣ, поверхъ облаковъ, лиру, книгу, ноты, кларнетъ, свѣточъ съ пламенемъ, и цвѣточную цѣпь—эмблемы внутренней жизни Храповицкаго; поэзія, музыка, любовь къ природѣ и къ просвѣщенію.

Вотъ что я почерпнулъ, какъ изъ отмытки моего брата въ тетрадкѣ Степанова, такъ и изъ рассказовъ его о немъ, сколько мнѣ вспомнилось.

* Раутъ, сборникъ 1852: «Храповицкій и Сердюковъ,» стр. 204—219, и приложение стр. 219—259.

Степановъ былъ лично извѣстенъ Императору Александру (онъ иногда одинъ сопутствовалъ ему въ походахъ и въ побѣдахъ его за границу). Но вотъ въ 1806 году открылось, что Степановъ передалъ Мееровичамъ (Евреямъ, конечно), находившимся при нашей арміи, «предварительныя свѣдѣнія о сборныхъ пунктахъ войскъ». Въ Указѣ Сенату повелѣно судить его «за измѣну отечеству.» Прослушавъ Указъ, подсудимый объявилъ, что ему тутъ отвѣчать не на что и не за чѣмъ, такъ какъ Государь самъ сдѣлалъ и судъ и приговоръ.» Рѣшено: лишивъ чиновъ и дворянства, сослать его въ каторжную работу. Осужденный взведенъ на эшафотъ, надъ головой его руками палача переломлена шпага, и, скованный по рукамъ и по ногамъ, отправленъ онъ къ отдаленнымъ рудникамъ въ Сибирскую глушь. Въ послѣдствіи было дознано, что онъ «съ вѣдома Начальства» сообщилъ Мееровичамъ упомянутыя свѣдѣнія. Его вернули изъ Сибири въ Тверь, «на жительство къ родителямъ.»

Какъ же теперь смотрѣть на него: какъ на невинно пострадавшаго и оправданнаго, или же какъ на преступника, закономъ наказаннаго и потомъ милостію прощеннаго?

Въ первомъ случаѣ должно было гласно объявить объ его невинности, возстановить доброе имя напрасно опозореннаго, сознаться въ ошибкѣ Начальства и суда; въ послѣднемъ же надлежало пояснить хоть тѣ, облегчающія вину, или неосторожность, обстоятельства, по уваженію которыхъ онъ возвращенъ изъ ссылки на родину, и при томъ: съ полнымъ ли возстановленіемъ его правъ Дворянскихъ, или нѣтъ.

Какъ понимать слова: «съ вѣдома Начальства?» Вѣдь не просилъ же Степановъ согласія, или дозволенія, отъ Начальства передавать Жидамъ «Канцелярскія тайны?» Не смѣтчено ли тутъ выраженіе? Не «по приказанію ли» (а не съ вѣдома только) Начальства выдано Мееровичамъ «росписаніе сборныхъ пунктовъ?» А въ военную пору не исполнить приказаніе Начальства тотчасъ, въ точности, безъ разсужденій, значить ити доброю волей на смерть: ослушника неминуемо растрѣляютъ.

Наконецъ, тѣ или другія свѣдѣнія передаются отъ Военнаго Начальства лицамъ, употребляемымъ при арміи, какъ вѣрныя,

таетъ и невѣрныя; однимъ, въ преданности которыхъ не сомнѣвается оно, или имѣеть надежное обезпеченіе, сообщаются, по должности свѣдѣнія, справки, наблюденія, относительно ли продовольствія войскъ на укаранныхъ мѣстахъ, развѣдки ли о населенности края, о духѣ его обитателей, о движеніи непріятеля и т. д., другимъ же, по необходимости терпимымъ и не надежнымъ, Евреямъ и всякимъ чужестранцамъ, даются свѣдѣнія неточныя, для того, чтобъ они вводили въ заблужденіе непріятеля и отвлекали его силы въ противоположную нашему, направленью сторону. Не такъ ли были переданы Степановимъ «съ вѣдома Начальства» и тѣ «предварительныя», стало быть, неточныя, не окончательныя, свѣдѣнія, за которыя онъ пострадалъ?...

Какъ бы то ни было, помылованный, или оправданный, Степановъ не долго отдыхалъ отъ скорби и трудовъ. Александръ, проѣзжая черезъ Тверь, замѣтилъ одинъ домъ и спросилъ: «Чей это?»—«Степанова,» отвѣтили ему... Императоръ опять посмотрѣлъ на домъ «выразительнымъ взоромъ.» Вспомнилъ ли онъ о послѣшномъ приговорѣ? пожалѣлъ ли о страдальцѣ?.. Добрые люди поторопились передать объ этомъ «выразительномъ взорѣ» Сибирскому выходцу. Ихъ рассказы, толки, догадки, нарушили спокойствіе его души, поразили его воображеніе, потрясли его нервы. Онъ какъ бы почувалъ новую за плечами бѣду, и скоро умеръ.

Вотъ что Карамзинъ писалъ о немъ, отъ 28 Мая, 1812, изъ Москвы въ Симбирскъ, къ своему брату, Василію Михайловичу: «Исторія С. есть для насъ тайна: публика ни чего не знаетъ. Думають, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ брали; теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть.»

Неизвестный обитатель Уральскаго хребта, подшутившій надъ добросердечностью и легковѣріемъ Гнѣдича, —отецъ известной писательницы, Графини Е. П. Ростопчиной. *

Болѣе 60 лѣтъ назадъ братъ мой (Петръ В.) былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ романа: «Дѣти природы,» и какъ сочи-

* Съеъ опускается любопытная выдержка изъ настоящаго отдѣла записокъ Н. В. С., такъ какъ она помѣщена во II кн. 1867 «Вѣстника Европы», стр. 192—200.

нитель драмы, въ 4-хъ дѣйствіяхъ: «Юлія, или свидѣіе оболъщенія.» Плавильщиковъ любилъ играть въ ней роль сумасшедшаго старика, отца Юліи. Москва долго плѣнилась этой драмой. Въ первый разъ она поставлена на Петровскомъ театрѣ 1 Октября 1803, а напечатана въ 1805 г. (М. Т. Христофора Клаудія). Черезъ три мѣсяца послѣ представленія (11 Января, 1804) появилась на нее въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» критика (письмо отъ неизвѣстнаго, ч. I, № III, стр. 372—375). Авторъ не оставилъ критику безъ отвѣта, изъ котораго видно, что онъ былъ вызванъ и что Караневичевой (Юліи) былъ брошенъ кошелекъ. Стало быть, драма понравилась публикѣ. Обычай бросать на сцену кошельки издавна велся на Руси. Теперь не мечутъ золото актрисамъ, а кидаютъ имъ цвѣты. И это пріятно артисту; да тогда пріятное соединялось съ полезнымъ. Лучшее доказательство, что піеса нравилась,—это передѣлка ее въ оперу, много лѣтъ послѣ ея появленія.

Братъ мой страстно любилъ театръ, и былъ хорошимъ актеромъ. Я помню его въ трехъ піесахъ. Въ первой и я участвовалъ, будучи едва пяти-шести лѣтъ. Это было въ Симбирскѣ, въ домѣ почтеннаго помѣщика И. В. Жадовскаго. Играли Беверлея. Братъ, въ роли разорившагося игрока, порываясь убить своего младенца, такъ неустово бросился съ кинжаломъ на меня, своего спящаго ребенка, что я преестественно испугался, кинулся передъ нимъ съ плачемъ на колѣни и на другой день занемогъ нервной горячкой. Потомъ я видѣлъ его въ роли Сеида. Магомета представлялъ Ф. Ф. Ивановъ (писатель), Пальмиру А. И. Жадовская. Кто былъ Вопиромъ, не помню, тутъ же Ф. Ф. Кокошкинъ. Думаю, что и самъ Вольтеръ остался бы доволенъ постановкой своей трагедіи, даромъ, что переводъ (Марина, или Потемкина) далеко не достигалъ подлинника звучностью, плавностью и силой стиха. Сеидъ и Пальмира были дѣйствительно совершенны. Въ Москвѣ найдется еще, вѣроятно, кто ни будь изъ посѣщавшихъ театръ въ домѣ С. С. Апраксина на Знаменкѣ, гдѣ теперь Военное Училище, а до него былъ Кадетскій Корпусъ, образованный изъ Училища, въ которомъ воспитывались дѣти жертвъ первой холеры въ Россіи.

Аграфена Ивановна Жадовская, образованная, пылкая, восторженная, если не выше, то ужь, конечно, и не ниже была въ роли Пальмиры ни Семеновой, ни Жоржъ. Полявка позже, любуясь на Рашель, въ лучшей роли ея, въ роли Камиллы (тр. Гораціи и Куріаціи), мнѣ невольно вспоминались и звучно естественное чтеніе, и страстность голоса, и пластичность движеній Аграфены Ивановны. Главная разница между ею и Семеновой, Жоржъ, Рашель, Ристори, это—совершенное отсутствіе ибнія; всѣ онѣ шѣли, а она говорила.

Съ молодости Аграфена Ивановна любила блистать умомъ, чувствительна была къ своимъ сценическимъ успѣхамъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отказавшись отъ шума и тщеславія, углубилась сама въ себя, въ свой внутренній міръ души, и достигла подъ старость Христіанскаго смиренія. Назидаясь бесѣдою Московскаго пастыря, Митрополита Филарета, исполненнаго терпимости, она склонялась и подъ тяжелое иго безотчетнаго руководителя своихъ духовныхъ дѣтей, Фотія, Архимандрита Юрьевскаго монастыря близъ Новгорода. Строгость, взыскательность и даже строгости непреклоннаго наставника терпѣливо переносила она, вмѣстѣ съ Графиней А. А. Орловой-Чесменской, съ которой, по одинаковому настроенію души, была дружна, столько же, какъ и съ извѣстными набожностью и Христіанскою жизнію Е. В. Новосильцевой, Е. С. Герардъ, Графиней А. С. Шереметевой и другими послушницами Филарета, милостиваго къ кающимся, снисходительнаго къ начинающимъ духовный путь, и бережно поучающаго спотыкающихся на этомъ пути. Молитва и благотворительность наполняли остальные дни ихъ на землѣ.

Заговоривъ о Фотіѣ, приведу хоть одинъ примѣръ его произвола. Какъ-то провѣдалъ онъ, что у Графини Орловой сохранился антикъ, рѣдкое, драгоценное каме. «Анна!» кликнулъ Архимандритъ.—«Что прикажете?» молвила Графиня Орлова. «Ты идолоклонница: у тебя хранится языческой камень, съ гнуснымъ изображеніемъ нечистой силы.»

Графиня молчитъ.

«Аграфена!..»

«Что угодно?» спрашиваетъ А. И. Жадовскій.

«Поди сейчасъ домой, отыщи проклятый отъ капища камень, разбей, растолки, растопчи и брось его въ огонь, вѣже будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Слышишь?»

— «Слушаю.»

И вотъ «Анна» объясняетъ «Аграфенѣ», гдѣ отыскать древнее художественное каме, и она уходитъ, разбиваетъ сокровище въ дребезги, бросаетъ осколки въ каминъ и, перебивавъ ихъ съ грудой угля, золы и сажки, возвращается къ Фотію...

Третьей діэсы, въ которой я видѣлъ моего роднаго актера, не вспомню ни названія, ни содержанія. Помню только, что онъ игралъ роль дикаря, что онъ, выбѣжалъ изъ за кудисъ, съ ногъ до головы обтѣнутый трико тѣлеснаго цѣпта и вооруженный лукомъ и кочаномъ со стрѣлами, что на первое мгновеніе прекрасный и стыдливый полъ дхнулъ, а не прекрасный и не стыдливый захохоталъ.

Съ молодю онъ пописывалъ и стишки, для альбомовъ и для пріятелей, ради шутки, на заданныя рѣмы при игрѣ въ *bous-gimés*, и при случаѣ экспромтомъ, но никогда не печаталъ. Такъ однажды за споромъ объ эпитафїи Пирона:

*Ci-gît ma femme—ah! qu' elle est bien
Pour son repos et pour le mien!*

будто бы ее невозможно перевести на Русскій языкъ, онъ (одинъ въ ту пору еще не женатый въ кружку остряковъ жеватыхъ) экспромтомъ сказалъ эпитафію по Русски:

Вотъ памятникъ жевѣ моей:
Какъ хорошо и мнѣ и ей.

Въ № 9-мъ «Современника» (Сентябрь, 1859) напечатаны «Записки моего отца,» т. е., не моего, а Г. П. Аренбашева (разказы о старомъ времени). Разказавъ о незавидномъ военномъ житьѣ-бытьѣ, описавъ весь ужасъ палочнаго (къ чести нашего времени забытаго) ученія и воспитанія рекрутъ, солдатъ и ма-

стеровыхъ въ полкахъ, онъ упомянулъ и о подковныхъ пѣсняхъ и припѣвахъ, на примѣръ:

Ахъ! весело жить
Намъ, солдатамъ молодымъ и пр.

(это поютъ битые и перебитые мученики военной «дисциплины».)

Или:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь начальникомъ намъ вѣчно!..

То есть:

Вѣчно учи и сѣки,
Съ легкой руки.

Авторъ, между прочимъ, говоритъ: Въ то время была еще въ употребленіи слѣдующая пѣсня:

Я желалъ бы быть съ усамъ
Саблей, шпорами гремять... и проч.

Эта пѣсня, попавшая, не знаю, какими судьбами, съ бала въ полковой хоръ, написана моимъ братомъ. И вотъ по какимъ обстоятельствамъ:

Плѣнясь, мимолетомъ, одной изъ Московскихъ вѣтреницъ, и досадуя на ихъ пристрастіе къ военнымъ и придворнымъ мушкетерамъ, онъ написалъ полусатирическіе, полуэлегическіе куплеты. У меня ихъ нѣтъ. Вспомнилъ мнѣ только три куплета. Вотъ они:

Я желалъ бы быть съ усамъ,
Саблей, шпорами гремять,
Вышить платье галунами
И на фалдѣ ключъ имѣть.
Тутъ бы милья Фришета
Танцовать со мной пошла,
И, искавши эполета,
Можетъ, сердце бы нашла.

* Такъ звали ее въ обществѣ.

Посмотрите, какъ танцуетъ,
 Какъ онъ мило говорить!
 Какъ онъ ловко вальсируетъ
 И усами шевелить!

Влюбленный желаетъ богатства, почестей, знатности, чтобы она замѣтила его и угадала, за чѣмъ онъ всего этого желаетъ?

Не стану занимать читателя подробностями о жизни и службѣ моего брата, но коснусь нѣкоторыхъ съ нимъ случаевъ, на сколько въ нихъ мелькаютъ значительныя лица, на сколько они своеобразны, смѣшны, или грустны, на сколько наконецъ они обрисовываютъ такъ еще недавнее, а уже совершенно не похожее на наше, время.

Служба ему не везла, да и не давала сидѣть сложа руки. Сперва онъ думалъ посвятить себя дипломатическому поприщу, и уже поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; послѣ предполагалъ войти въ гвардію, но своенравный рокъ постоянно отбрасывалъ его на пути и распутія, о которыхъ онъ и не помышлялъ. Такъ въ первую войну нашу съ Наполеономъ, онъ волею, неволею, очутился въ арміи Коммисаріатскимъ Офицеромъ. Правда, мундиръ тогда его былъ общеармейскій съ эксельбантомъ, что утѣшало молодого человѣка въ ожиданіи перехода въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, по обѣщанію Н. Ѳ. Хитрова, любимца Цесаревича Константина Павловича. Но непоборимый «фатумъ» заваливалъ его порученіями, важными, непрерывными, до той поры, какъ безпорядки и злоупотребленія со стороны многихъ, положимъ, даже большинства, да не всѣхъ же Штабъ и Оберъ-Офицеровъ Коммисаріатскаго штата, разсердили Императора, и всѣ они, безъ исключенія, безъ слѣдствія, безъ суда, лишены были, однимъ почеркомъ пера, мундировъ, которые въ послѣдствіи возвращались то тому, то другому, въ видѣ награды, за отличіе по службѣ.

Послѣ Аустерлицкой битвы представился было ему случай сойти съ трудной дороги: Австрійскіе солдаты столпились на Аустерлицкомъ мосту; Цесаревичъ нетерпѣливо пробивался сквозь толпы, шумѣлъ, кричалъ, ругалъ Нѣмцевъ по Русски, и напослѣ-

докъ замахалъ на нихъ палашомъ. Австрійцы, не узнавъ его, обнажили свое холодное оружiе. Къ счастью, братъ мой тутъ же случился и отчаянно заревѣлъ: «Es ist Gross Fürst!» Солдаты разступились. На другой день Цесаревичъ приказалъ своимъ телохранителямъ непремѣнно узнать: «Кто спасъ его отъ разбойниковъ?» Узнавъ, призвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ будетъ при немъ Адъютантомъ. Приближенные, замѣчая благоволенiе къ новичку, видѣли въ немъ страшнаго соперника, затѣяли переписку, собирали справки, дѣлали дѣло о перемѣщенiи въ гвардію Коммисаріятскаго Офицера, и когда дошло наконецъ до приказа о переводѣ его въ конно-гвардейскій полкъ, то умѣли устроить, подъ разными предлогами, дѣло такъ, что въ приказѣ не было сказано о томъ, чтобы ему состоять Адъютантомъ при Его Высочествѣ. Приготовленный приказъ они показали новому любимцу Цесаревича. Братъ, взбѣшенный ихъ хитростями, горячо высказалъ имъ разныя разности и твердо заявилъ, что въ строевую службу не пойдетъ, что онъ этого не просилъ, что если это милость, то этой милости не приметъ, что обѣщанiе надобно сдерживать вполнѣ, или вполнѣ не сдерживать. Такъ дѣло и кончилось. Но онъ могъ утѣшиться въ послѣдствiи тою пользою, какую удалось ему по своему Вѣдомству принести Государству въ тяжелое время для казны. Въ 1812 г. подрядчики и поставщики всего нужнаго для войска неумовѣнно возвысили цѣны на всѣ предметы. Трудно, невозможно было сладить тогда съ ними въ обгорѣлой, разграбленной и малолюдной Москвѣ, гдѣ все вздоржало и всѣ обѣднѣли. Испытавъ всѣ средства къ пониженію цѣнъ, онъ, въ порывѣ злобы на алчность любостяжателей, рѣшается на отчаянный поступокъ: принимаетъ на себя снабженіе арміи всѣми вещами, по прежнимъ цѣнамъ. Главнокомандующій Графъ Ѡ. В. Ростовчинъ и Генералъ-Кригсъ-Коммисаръ А. И. Татищевъ (позже Графъ), обрадовались такому вызову опытнаго въ стѣхъ дѣлахъ Офицера. Напрасно подрядчики и поставщики предлагали ему большія деньги, чтобы онъ отказался отъ своего предпріятія: ему любо было жертвовать Отечеству всѣми силами своими безкорыстно и даже съ опасностію невинно пострадать при малѣйшей неудачѣ. Велика смѣлость его, да велико и довѣріе къ нему Графа Ростопчина и Татищева, которымъ отвѣчать бы за него предъ Правительствомъ, если бы онъ не одолѣлъ

всѣхъ затрудненій по заготовленію и доставкѣ въ сроки всевозможныхъ предметовъ въ разсѣянные тамъ и сямъ полки. Не легко одѣть съ головы до ногъ значительную армию, и при томъ снабдить всю конницу сѣдлами, чепраками, уздечками и т. д. Очень трудно удовлетворить войско, въ которомъ каждый полкъ чѣмъ ни будь да отличается отъ прочихъ: покроемъ, цвѣтомъ, эполетами, шнурами и т. п. Но смѣлымъ Богъ владѣть. Вся выгода его была въ томъ, что онъ могъ распоряжаться независимо, безотчетно, полнымъ хозяиномъ, что отъ него, какъ отъ комисіонера, не требовали залоговъ, что нужныя суммы онъ получалъ и впередъ на треть каждой поставки и, по сдачѣ заготовленнаго, на двѣ трети. Помчались изъ Москвы всюду за товаромъ комисіонеры, повѣренные и мелкіе торговцы. Набраны по кабакамъ, зарядьямъ и площадямъ мастеровые и работники. Заведены швальни, присканы закройщики, сапожники, сѣдальники и т. д. Два года (1812 и 1813) день и ночь труды, приемка, отправка, сдача, счета, переписка и т. п.; милліоны прошли чрезъ его руки, и онъ остался чистъ, какъ голубь, и голъ, какъ соколъ. Награда его была въ спокойствіи совѣсти и нѣсколько позже, въ орденъ Св. Владимира 4 ст., который, можно сказать, онъ вытребовалъ себѣ по Статуту.

Въ 1814 г. Генераль-Кригсъ-Коммисаръ опять вызвалъ его въ армию, какъ опытнаго и дѣятельнаго чиновника, для порученій, требующихъ особеннаго вниманія и заключающихъ въ себѣ важность.» (Предписаніе отъ 13 Марта, 1814, № 851).

Между тѣмъ, еще въ 1810, братъ мой женился на Д. П. Пашковой. Въ 1817 онъ овдовѣлъ, въ 1818 г. отправился на Уралъ на желѣзные заводы своего тестя. Полный успѣхъ увѣчалъ необъятные труды на пользу семьи покойной жены его. Возвратясь съ Урала, гдѣ нужно было возстановить, или, по правдѣ молвить, за ново создать заводское производство и окончательно успокоить людей, возмущенныхъ неразуміемъ и злоупотребленіями мѣстнаго начальства, то есть, управляющихъ и прочихъ довѣренныхъ лицъ заводовладѣльца, онъ нѣсколько лѣтъ хлопоталъ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, по предпріятіямъ, тяжбамъ и оборотамъ Ивана Александровича, который, въ благо-

дарность за сохраненіе своего достоянія и добраго имени, подарилъ зятю 30 тыс. асс., т. е., менѣе 9 тыс. руб. сер. Наконецъ, нужно было подумать и о себѣ. Братъ вступилъ опять въ службу по Министерству Финансовъ. Сдѣсь ему удалось открыть значительную контрабанду. Невозмутимый Англичанинъ входитъ съ порядочнымъ узломъ звонкой монеты и, едва кивнувъ хозяину головой, кладетъ узелъ на столъ. Братъ спрашиваетъ:

«Что это?»

— За контрабанду.

«Напрасно беспокоитесь.»

.. — Тутъ много.

«Дѣло ужъ въ ходу.»

— Ходъ можно остановить!»

«Не думаю.»

— Можно.

.. «Я не могу.»

— Завтра же все безъ васъ сдѣлается.

«Дѣлайте!»

— Подумайте! Тутъ много.

«Не могу, не могу, не хочу.»

— Прощайте!

Англичанинъ взялъ свой узелъ и ушелъ, сказавъ про себя въ полголоса: Fool! Должно, однако, отдать чужаку справедливость: онъ зналъ уже, что дѣло это кончится благополучно, что дипломатическое ходатайство, съ одной стороны, черезъ Несельроде, и живое участіе въ немъ съ многихъ сторонъ, отъ Таможни до Департамента Внѣшней Торговли, избавятъ его отъ разоренія; но, какъ человекъ, привыкшій уважать права каждаго, онъ не

хотѣлъ лишить законной награды поимщика запрещенныхъ товаровъ. На другой день, по Высочайшей волѣ, контрабанда Англичанину возвращена; штрафъ, навадшій на него, проценты, а поимщику, вмѣсто значительной суммы наградныхъ денегъ, пожалованъ орденъ Св. Анны 2-й ст., позже украсили его и алмазами, которые онъ тотчасъ продалъ, а орденъ свой украсилъ стразами. Не до щегольства, когда деньги нужны. А братъ мой, какъ и вся наша семья, былъ очень небогатъ. Послѣ отца нашего остались въ Астрахани рыбныя ловли, да послѣ дяди В. М. Храповицкаго достался намъ небольшой капиталъ.

Въ 1823 г. братъ мой, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ бѣду: адъютантъ корпуснаго командира, Н. М. Бороздина, А. А. Алябьевъ (даровитый музыкантъ-композиторъ) приходитъ съ пріятельскаго обѣда въ театръ, навеселѣ, переодѣтый во фракъ, и садится рядомъ съ нимъ. Ужасная для хранителей воинской формы метаморфоза была замѣчена, тѣмъ больше, что на фабричные усы (техническій терминъ) прямо обличали гусара. Когда Алябьевъ, по шумѣвъ въ партерѣ, вышелъ, во время междудѣйствія, въ коридоръ, присяжные соглядатаи обратились къ нему съ вопросомъ: «Какого онъ полку, и за чѣмъ не въ мундирѣ?» Громко ругнувъ ихъ и погрозивъ приколотить перваго, кто осмѣлится загородить ему дорогу, при чемъ строгіе блюстители порядка разступились, онъ достигъ своихъ дрожжекъ и ускакалъ. Тутъ они приступили къ брату:

«Кто этотъ переодѣтый Офицеръ?»

— Не знаю.

«Вы съ нимъ рядомъ сидѣли.»

— Мало ли кого судьба посадить рядомъ въ креслахъ.

«Вы съ нимъ разговаривали.»

— Какъ будто нельзя въ театрѣ разговаривать съ сосѣдомъ, хоть бы и незнакомымъ.

«Не скрывайтесь! Вы говорили съ нимъ дружески, вы унимали его при каждомъ шумномъ движеніи, при возвышеніи голоса, при хохотѣ. Вы его знаете.»

— Ну, если на то пошло, знаю.

«Такъ назовите!»

— Не назову.

«Это ваша должъ?»

— Ваша должъ быть соглядатаями, за что вы получаете жалованье и награды, а мой должъ, должъ порядочнаго челоѣка, не быть допосыкомъ. Да за это же мнѣ и гроша не дадутъ. Понимаете, что это было бы и подлость и глупость.

«Ваша фамилія?»

— Сушковъ.

«Гдѣ служите?»

— Въ Департаментѣ Внѣшней Торговли Начальникомъ Отдѣленія.

«Гдѣ живете?»

— Въ домѣ Канаева, у Канаева моста.

Допросъ снятъ. Допрошенный возвратился въ свои кресла. Представленіе кончено. Онъ дома; выпилъ чаю въ семьѣ, съ сестрой М. В. Беклешевой, съ мужемъ ея, отставнымъ кавалергардомъ, и съ братомъ Андреемъ В. За полночь всѣ они улеглись спать. Въ два, или три, часа тревога въ воротахъ, на дворѣ движеніе, дохъ окруженъ жандармами, альгвазилы шумно взбираются на лѣстницу, стукъ въ дверяхъ... безъ вины виноватый взять съ постели и отправленъ въ тюрьму. Едва успѣлъ онъ накинуть на себя Бухарскій халатъ, надѣть спальные Торжковскіе сапожки и прикрыть черныя кудри ермолкой. Испуганная, на рукахъ съ груднымъ младенцемъ, сестра чуть не умерла со страха. Всѣ жилицы въ домѣ переполошились. Даже известная Французская оперная актриса, Данжевиля Вандербергъ, охрипла съ испуга, цѣлую недѣлю не "кокетничала" и не позволяла одному изъ своихъ обожателей, Кн. Г., освѣщать и укращать цвѣтами ведущую въ ея покои лѣстницу.

Казенное помѣщеніе заточника (не Данила, а Петра) отведено было на такой глубинѣ, что изъ окошечка съ желѣзной рѣшеткой, изъ котораго не выльзъ бы и полугодовой ребенокъ, видна была только поверхность Невы.

Онъ пробылъ въ заточеніи нѣсколько недѣль. Просидѣлъ бы и больше, если бъ не Шереметевы, В. С. и Т. И. О Евангельской любви ихъ къ ближнему я говорю уже прежде (М. У. Б. Дансіонъ). Они, черезъ Гр. Модена, успѣли тронуть его участію Великою Княгиню, Александру Ѳеодоровну. Она умолила Александра Павловича освободить его изъ заключенія. Впрочемъ, Министръ Финансовъ, Графъ Д. А. Гурьевъ, еще прежде, тотчасъ же по взятіи преступника, объяснилъ Государю, что онъ не обходимъ по дѣламъ внѣшней торговли, что онъ ужъ не юноша, а отецъ семейства, человекъ степенный, нравственный, и что, конечно, донесеніе о происшествіи въ театрѣ не совѣмъ вѣрно. На это сказано: «Покуда не назоветъ виновнаго гвардейца, не будетъ освобожденъ.» Желаніе, чтобы братъ мой назвалъ это таинственное лице, было такъ сильно, что, когда даже Князь П. М. Волконскій спустился въ подземелье, чтобы объявить ему прощеніе, онъ все таки (по приказанію Его Величества) попытался сперва предложить условіе:

«Вотъ я самъ къ вамъ пришелъ, Петръ Васильевичъ, чтобы по тому участію, которое я всегда принималъ въ васъ, лично поговѣтовать вамъ не упрямиться.»

— Я ужъ просидѣлъ здѣсь нѣсколько недѣль. Досижу и еще, сколько велѣно.

«У васъ дѣти. Пріятно ли вамъ, доброму отцу, держать ихъ въ печальной неувѣстности о вашей участи?»

— Богъ не оставитъ сиротъ.

«Вамъ нужна служба? Вы можете лишиться одной?»

— Я наймусь въ управители, пойду въ актеры.

«Такъ вы рѣшительно не хотите назвать повѣсу?»

— Не хочу и не могу.

«Упрямецъ, что съ нимъ будешь дѣлать!.. Такъ слушайте жь: Государь Императоръ, снисходя къ ходатайству Государыни, Великой Княгини, Александры Ѳеодоровны, Всемилостивѣйше повелѣлъ васъ освободить.»

— «Всеподданнѣйше благодарю.

1«А вѣдь мы знаемъ виновнаго.»

— Такъ за чѣмъ же меня допрашивать?»

«За чѣмъ? за чѣмъ?.. Охъ, вы либералы!.. Это Адъютантъ Бороздина, не такъ ли?»

— Не знаю.

«Опять: не знаю!.. Это Алябевъ. Онъ самъ недавно пови-
нился.»

— Очень радъ за него.

«А я радъ за васъ. Посидѣть бы вамъ еще тутъ...»

Вышелъ узникъ, перекрестясь, на вольный воздухъ, свобод-
нѣе вздохнулъ и побрелъ домой, напентывая грустно изъ Шилъ-
онскаго узника:

Взгляните на меня: я сѣдъ!
Но не отъ хлосты и лѣтъ!
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдну!.. *

---

* Въ статьѣ «А. С. Грибоѣдовъ» («Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.» Выпускъ второй, 1868 г.) сказано мимоходомъ (стр. 9): «Суш—въ шикалъ одной актрисѣ; его взяли и посадили въ крѣпость; пробылъ онъ тамъ недолго, всего три дня, но все таки сидѣлъ въ крѣпости.» Д. А. Смирнову, какъ видно изъ вгѣхъ строкъ, вовсе не были извѣстны подробности рассказаннаго мною происшествія. Но это еще не важно. А жаль, что автору такой за-
нимательной и вообще достоверной статьи не были извѣстны обстоятельства, предшествовавшія и послѣдовавшія соединку Шереметева (Василья Васильевича,

Что за судьба паша, скажу мимоходомъ: братъ П. В. потонулъ въ Петропавловской крѣпости за чужую вину; я погостилъ два мѣсяца въ крѣпости Тираспольской за собственную; братъ Александръ В. и умеръ въ заточеніи за любовныя похождения. Третій мой братъ, Василій В. былъ безъ вины три раза подъ военнымъ судомъ... При Павлѣ I служилъ онъ въ гвардіи, потомъ перешелъ въ армію и, женись, вышелъ въ отставку. Въ Отечественную войну онъ опять вошелъ въ службу, временно командовалъ однимъ изъ Украинскихъ Казачьихъ полковъ, былъ гдѣ-то и Комендантомъ (помнится, во Франкфуртѣ), наконецъ, соблазненный приглашеніемъ Гр. Е. Ѳ. Комаровскаго, давняго своего сослуживца по гвардіи, онъ взялся образовать Московскій жандармскій полудивизионъ. Надобно сказать, что, при объявленіи о сформированіи жандармскихъ полудивизионовъ, повелѣно было избрать Командировъ изъ отличнѣйшихъ Штабъ-Офицеровъ. Какъ отъ Шульгина должно было принять не однихъ драгунъ и лошадей, а и деньги и вещи и пр., то «по не радушному приему» полуодѣтыхъ драбантовъ и полуголодныхъ росинантовъ, не смотря на строгія предписанія Главнокомандовавшаго: «воспѣнить приемкой», Шульгинъ увѣрилъ и удостовѣрилъ Гр. Тормасова, что всего короче отдать Подполковника Сушкова подъ судъ. Военный Судъ оправдалъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Презусу и членамъ за это выговоръ. Наряженъ другой судъ. Тотъ же конецъ. Также выговоръ Военносудной Комисіи. Наряженъ третій судъ. Опять невозможно осудить невиннаго. А тутъ умеръ Тормасовъ; захлебнулся какимъ-то сикеромъ Шульгинъ; успокоился вѣчнымъ покоемъ трижды судимый, и—концы въ воду, и вѣчная всѣмъ имъ память!

Разсказанный случай съ моимъ роднымъ узникомъ (братомъ Петромъ В.) пересѣкъ ему дорогу по службѣ. Должность его была занята. Онъ остался Чиновникомъ для особыхъ порученій, и нѣсколько мѣсяцевъ скитался изъ края въ край Россіи по раз-

---

а не Александровича) съ Завадовскимъ: онъ упоминалъ бы о томъ, что отецъ Шереметевъ (Василій Сергѣевичъ) вымолилъ прощеніе убійцѣ своего сына! (Моск. У. Б. Пансіонъ. Изд. второе. 1858 г., стр. 12—13).

нымъ дѣламъ. Новый Министръ, Гр. Е. Ф. Канкринъ, опредѣлилъ его Начальникомъ Оренбургскаго Таможеннаго Округа. Сдѣсь долго все шло хорошо. Но вотъ появилась первая холера. Общце мнѣніе ученыхъ и неученыхъ, врачей и народа, было такое, что она прилипчива, что отъ нея надобно ограждать, какъ отъ чумы, и карантинны были почти вездѣ устроены. Оренбургскій Окружной Начальникъ рѣшился, однако же, испытать ея неприлипчивость: онъ самъ встрѣчалъ караваны, перебиралъ товары, особенно легко передающіе чуму, гладилъ рукой верблюдовъ, ѣлъ и пилъ съ Азіятцами. Вооружась противъ карантинновъ, вопреки мнѣнію Главнаго Начальника края, Гр. П. К. Эссена, который былъ съ нимъ до холеры, можно сказать, въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ поставилъ его противъ себя, и тѣмъ больше, что Министръ Финансовъ вполне согласился съ заключеніями своего подчиненнаго. *

«Все это, батюшка, очень хорошо,» сказалъ мнѣ Графъ Егоръ Францовичъ, покуривая кнастеръ, или вакштафъ, изъ пеньковой трубки на коротенькомъ чубукѣ и полевывая въ горящій каминъ. «Братъ вашъ совершенно правъ, да, вѣдь, нельзя же ему тягаться съ Петромъ Кириловичемъ. Пожалуй, напишетъ къ Государю, отвезутъ дальше Урала. А тамъ послѣ оправдывайся!.. Я просилъ Дмитрія Гавриловича (Бибикова, Директора Департамента Внѣшней Торговли, потомъ Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго Генералъ-Губернатора, позже Министра Внутреннихъ Дѣлъ) вызвать брата вашего сюда по дѣламъ службы.» Графъ угадалъ. Отъ Эссена была получена бумага въ такомъ смыслѣ, чтобъ или его, довѣренное лице Императора, или Сушкова, прочь изъ Оренбурга. Къ счастью, эта бумага была у меня въ рукахъ (я тогда управлялъ 1-мъ Отдѣленіемъ Медицинскаго Департамента), и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Графъ А. А. Закревскій, не далъ ей хода, а

---

* Въ бумагахъ брата моего попалось мнѣ описаніе одного, между прочими, способа, къ излѣченію холерныхъ, и свѣдѣніе о занемогшихъ тогда, съ повлеченіи болѣзни (съ Іюня, если не ошибаюсь) по Августъ. Жаль, что не означена мѣстность. Изъ него видно, что дѣтей занемогало меньше, нежели взрослыхъ, а женщинъ больше, нежели мужчинъ. За то дѣтей умирало на половину и полпроцента больше, а женщинъ около трети, мужчинъ же четвертая часть.

только успокоилъ Эссена сообщеніемъ, что Сушкову предписано явиться въ Петербургъ, и что въ Оренбургъ онъ не возвратится. И вотъ онъ опять причисленъ къ Министерству Финансовъ, потомъ перечисленъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и опять начались скитанія по безпредѣльной Россіи. Между тѣмъ лѣта идутъ, силы упадаютъ, онъ выходитъ въ отставку, съ пенсіей въ 1000 руб. асс., или около этого. Родился онъ въ 1783, умеръ въ 1855 г., въ Псковѣ, подъ родственно-дружеской кровлей зятя нашего, Н. С. Беклешова.

Вотъ какой размоталъ я клубокъ, и толстый, и пестрый и, пожалуй, мѣстами скучный. Да какъ быть! Исторія не надевилъ. Ея цѣль не смѣшить, а рассказывать все на прямикъ: и худое и доброе, и веселое и печальное, и смѣшное и скучное...

Н. Сушковъ.

САВВИНСКОЕ ПОДВОРЬЕ

ВЪ МОСКВѢ

И МОСКОВСКІЕ ПРЕСВЯЩЕННЫЕ ВИКАРИИ.

I.

На мѣстѣ Саввинскаго подворья въ Москвѣ, на Тверской улицѣ, древле существовалъ мужской Воскресенскій монастырь, называвшійся Высокимъ. Высокимъ монастырь назывался, полагаемъ, отъ возвышенной мѣстности, которую занималъ. Какъ и Петровскій монастырь, состоящій на той же мѣстности, на сѣверо-востокѣ, не далеко отъ Саввинскаго подворья, также издревле назывался Высокимъ, по тому ому и нынѣ удерживаетъ названіе Высоко-Петровскаго. Въ 1651 г., по Указу Царя Алексѣя Михайловича, Воскресенскій Высокій монастырь приписанъ къ Саввину Сторожевскому монастырю, состоящему Московскоѣ Губерніи, близъ г. Звенигорода, на Москвѣ рѣкѣ. По припискѣ Воскресенскій монастырь обращенъ въ Саввинское подворье. Въ 1691 г. на Саввинскомъ подворьѣ, вмѣсто бывшей здѣсь деревянной церкви, построена каменная, во имя Воскресенія Христова, съ двумя придѣлами: по правую сторону во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, по лѣвую во имя Преподобнаго Саввы Сторожевскаго; при церкви находилась каменная колокольня, подъ которой къ Тверской улицѣ была часовня.

Сто мѣтъ тому назадъ, а именно, въ 1770 г., и нѣсколько позднѣе, какъ послѣ увидимъ, каменная Воскресенская церковь на Саввинскомъ подворьѣ въ это время находилась среди мѣстности очень населенной. Къ сѣверу отъ подворья, гдѣ нынѣ отъ Никитскихъ воротъ бульвары Тверской, Страстной и Петровской,

до Трубы, тогда стояла каменная стѣна, служившая чертою Бѣлаго города; по тому въ актовыхъ бумагахъ о Саввинскомъ подворьѣ говорилось, что оно состоитъ въ Бѣломъ городѣ. Съ восточной стороны, гдѣ идетъ улица, называемая Труба, протекала рѣка Неглинная до самой стѣны г. Китая, остающейся донынѣ. Съ западной стороны, отъ Никитскихъ воротъ, къ Кремлю вела, какъ и нынѣ, Никитская улица, простиравшаяся до самаго рва, которымъ въ это время былъ окруженъ Кремль. Въ этой мѣстности, имѣющей въ окружности едва ли болѣе 5 верстъ, находилось въ то время 26 приходскихъ церквей и 2 монастыря, какъ то, отъ Саввинскаго подворья: а) къ сѣверо-западу до Никитскихъ воротъ: 1, Васильевская, на Тверской; 2, Елисейевская, на Вражкѣ; 3, Воскресенская, тамъ же; 4, Вознесенская, на Никитской; 5, Предтечевская, у Никитскихъ воротъ; 6, Николаевская, въ Хлыновѣ; 7, Николаевская, въ Гиѣздникахъ; 8, Дмитріе-Селунская, у Тверскихъ воротъ; б) къ сѣверо-востоку: 9, Сергіевская, на Дмитровкѣ; 10, Алексѣевская, на Глинницахъ; 11, Григоріе-Богословская, на Дмитровкѣ; 12, Сергіевская, въ Крапивкахъ на Трубѣ; 13, Рождественская, въ Столечникахъ; 14, Воскресенская, на Дмитровкѣ; 15, Космо-Даміанская, въ Шубинѣ; в) къ юго-западу: 16, Преображенская, на Тверской; 17, Успенская, на Вражкѣ; 18, Благовѣщенская, что былъ Моисеевскій монастырь; 19, Леонтьевская и 20 Діонисіевская, близъ Университета; 21, Георгіевская, на Красной горкѣ; 22, Ильинская, на Тверской; г) къ юго-востоку: 23, Пятницкая, противъ Охотнаго ряда; 24, Анастасьевская, близъ того же ряда; 25, Спасская, на Коньѣ, и 26, Воскресенская, на Петровкѣ, близъ Кузнецкаго моста. Монастыри Высокопетровскій, о которомъ сказано, и женскій Георгіевскій на юго-восточной сторонѣ, близъ Саввинскаго подворья. Въ приходахъ поименованныхъ церквей состояли большею частію дома Вельможъ и лучшихъ Дворянскихъ родовъ. ⁴

Въ 1773 г., 22 и 23 Мая, въ Москвѣ были большіе пожары, и Саввинское подворье въ то время выгорѣло. ⁵ Государыня Екатерина Алексѣевна въ томъ 1773 г., Указомъ 3-го Декабря, велѣла Саввинское подворье обстроить на сумму изъ Коллегіи Экономіи, и отдать подворье для каѳедры Крутицкой Епархіи. ⁶

II.

Крутицкая Епархія древле называлась Сарскою и Подонскою. Каедрa ея съ 1454 г. помѣщалась въ Москвѣ, на Крутицахъ, гдѣ нынѣ Успенская церковь, бывшая прежде каедральною Крутицкихъ Архіереевъ. Къ Крутицкой Епархіи принадлежали города съ ихъ Уѣздами: 1, Козельскъ; 2, Бѣлевъ; 3, Серпейскъ; 4, Мещовскъ; 5, Воротыньскъ; 6, Перемышль; 7, Лухвинъ и другіе. Крутицкіе Архіереи, управляя подѣдомою имъ Епархіею, въ то же время состояли ближайшими помощниками въ дѣлахъ церковнаго управленія, сперва Всероссійскимъ Митрополитамъ, потомъ Патріархамъ, пребывавшимъ въ Москвѣ. Въ случаѣ долговременнаго отсутствія изъ Москвы, или кончины, Патріарха, Крутицкій Архіерей управлялъ Патріаршею областію, т. е., Московскою Епархію, и завѣдывалъ всѣми дѣлами церковными, до назначенія новаго владыки. По упраздненіи, въ 1700 году, Патріаршества въ Россіи, Крутицкіе Архіереи также нерѣдко управляли Московскою Епархіею. Такъ послѣ Рязанскаго Митрополита Стефана (Яворскаго), управлявшаго Патріаршею областію, по кончинѣ Патріарха Адріяна, въ 1719 г. управление Московскою Епархіею поручено было Крутицкому Митрополиту Игнатію (Смолѣ), а по учрежденіи, въ 1721 г., Св. Синода, съ устройствомъ для управленія Московскою Епархіею Московскою Дякастеріею, первоначально членомъ въ ней былъ Крутицкій Архіепископъ Леонидъ. По назначеніи, въ 1742 г., для Московскою Епархіи своего Епархіальнаго Архіерея, Крутицкіе Архіереи управляли Московскою Епархіею, какъ члены Московскою Св. Синода Конторы, во время междуархіерейства на Московскою каедрѣ, какъ то: 1, Преосвященный Платонъ (Малиновскій), послѣ кончины Московскаго Архіепископа Юсифа (Волчанскаго), съ 10 Іюня, 1745 г., по 14 Апрѣля, 1748 г., когда Преосвященный Платонъ переведенъ на каедрѣ Московскою Епархіи; 2, Преосвященный Иларіонъ (Григоровичъ), послѣ кончины Преосвященнаго Платона, съ 14 Іюня, 1754 г., до 25 Генваря, 1758 г., когда на каедрѣ Московскою Епархіи прибылъ изъ Кіева Митрополитъ Тимофей (Щербацкій); 3, Преосвященный Амвросій (Зертисъ-Камецкій), по кончинѣ Митрополита Тимофея, съ 18 Апрѣля, 1767 г., по 18 Генваря, 1768, когда Преосвященный Амвросій переведенъ на каедрѣ Московскою Епархіи; и 4, Преосвященный Самуилъ (Мислар-

скій), послѣ кончины Преосвященнаго Амвросія, съ 16 Сентября, 1771 г., до 27 Генваря, 1774 г., когда на кафедрѣ Московскои Епархіи поступилъ Преосвященный Платонъ II (Левшинъ).¹

При Преосвященномъ Платонѣ II, Указомъ Св. Синода, 11 Апрѣля, того 1775 г., объявлено, что изъ имѣвшихся въ непосредственномъ вѣдомствѣ Св. Синода Ставропигіальскихъ монастырей, состоящему близъ Москвы 1-го класса Саввину Сторожевскому и Николаевскому Греческому, Высочайше повелѣно быть въ вѣдомствѣ Московскаго Епархіальнаго Архіерея.

Преосвященному Крутицкому Самуилу, послѣ Московскаго Преосвященнаго Амвросія, Высочайше поручено было возобновленіе въ Московскихъ соборахъ, большомъ Успенскомъ и Архангельскомъ, иконной и стѣнной живописи. Преосвященный Самуилъ дальними и частыми проѣздами съ Крутиць въ Кремль для надзора за работами въ соборахъ много обременялся. По сему, когда въ 1773 г. работы, по возобновленію живописи въ соборахъ, были окончены, Государыня Екатерина Алексѣевна, 3-го Декабря, того же 1773 г., велѣла, какъ выше мы сказали, обстроить Саввинское подворье и отдать для жительства Крутицкаго Архіерея.

Въ Февралѣ 1774 г. Намѣстникъ Саввинскаго подворья, Гермомахъ Захарій, сдалъ подворье Эконому Крутицкаго Архіерейскаго дома, Игумену Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, Амвросію. Ризница изъ Воскресенской, на Саввинскомъ подворьѣ, церкви, какъ то: двѣ сребропозлащенныхъ сосудовъ со всѣмъ приборомъ, ризы разныхъ шелковыхъ матерій, подризники, стихари и другія священныя облаченія, Евангелія въ серебряныхъ окладахъ, книги, лампы и подсвѣчники мѣдные, нѣсколько мебели, а именно: комодъ, канapé черной кожи, стулья и портреты, отданы въ Саввинскій монастырь. Въ Воскресенской церкви на Саввинскомъ подворьѣ остались только иконы, сохраненныя послѣ пожара, и два небольшіе колокола на колокольнѣ.²

На обстройку Саввинскаго подворья Государыня назначила изъ Коллегіи Экономіи 5,000 р. Для распоряженій по производству работъ при обстройкѣ подворья употреблены были со стороны Коллегіи: Капитанъ Михайло Ивановъ, имѣвшій прежде на

блюденіе за матеріалами при возобновленіи соборовъ, и Архитекторскій гезель, Иванъ Залуцкій; со стороны Крутицкой каведры показанный Економъ Крутицкаго Архіерейскаго дома, Игуменъ Амвросій. Деньги изъ Коллегіи Економіи на обстройку подворья выдавались повременно, и подворье окончательно обстроено уже въ Августѣ, 1775 г.

По описи, представленной въ томъ же 1775 году Преосвященному Самуилу о постройкахъ на Саввинскомъ подворьѣ, значится, что на подворьѣ въ это время обстроены слѣдующія зданія:

1. Каменныя палаты о двухъ ярусахъ (на заднемъ дворѣ), покрытыя черною Гжелскою черепицею по дереву. Въ нижнемъ ярусѣ палатъ, съ правой стороны отъ подъѣзда, было семь покоевъ, въ конхъ полы въ четырехъ досчатые, въ двухъ лещадные и въ седьмомъ ни какого пола не было, потолоки каменные, печей израсчатыхъ 5, окошекъ съ двойными оконницами (рамами) 5, съ одинаковыми 7, дверей столярныхъ 9; съ лѣвой стороны три покоя, при нихъ сѣни и одна кладовая, въ двухъ покояхъ полы лещадные, а въ третьемъ досчатый, печей израсчатыхъ 3, дверей столярныхъ 7, окошекъ 9, въ четырехъ по 2 оконницы, а въ прочихъ по одной.

Отъ каменнаго подъѣзда въ верхніе покои вела главная лѣстница деревянная столярной работы о 22 ступеняхъ, съ двумя площадками и панелями. При лѣстницѣ, съ одной стороны, круглыхъ окошекъ было трое, вышиною 4 арш., шириною 1½ арш.

При главныхъ сѣняхъ двѣ двери створчатыя, съ задвижками и желѣзными замками.

Въ верхнемъ ярусѣ, въ первомъ покоѣ, двери вышиною въ 3 арш. 12 вершк., шириною 1 арш. 14 вершк., два окна вышиною 3 арш. 6 вершк., шириною 1½ арш.; во второмъ покоѣ одна дверь, 3 окошка; комната для отправленія письменныхъ дѣлъ, въ ней 2 окошка; нишь съ 2 дверьми, въ немъ 3 окошка, отдѣланъ чистою столярною работою, полъ сосновый досчатый, клееной; комната уборная, или для поклажи платья; съ оной комнаты въ нижнія палаты каменная лѣстница; въ буфетной двери одинакія

столярныя, окно одно надъ буфетомъ, свѣтелка (дѣтресоль) съ двумя одинаковыми окошками, въ ней двери одинакія столярныя. Въ покояхъ печей изрѣсчатыхъ 6, изъ конхъ при трехъ затворки иѣдныя, а при прочихъ желѣзныя, потолки отдѣланы штукатурною работою, съ вытяжными карнизами прямыми, полы выстланы Гжельскою плитою на извести.

Подъ нижнимъ ярусомъ палатъ находились три каменные погреба, а входъ въ оныя одинъ.

2. Близъ палатъ каменная поварня съ приспѣшною и кладовою палаткою; въ ней сводъ каменный, покрыта по дереву черепицею; очагъ въ ней каменный, окошекъ съ одинаковыми оконницами 9, дверей 3, въ томъ числѣ одна створчатая.

Изъ поварни въ палаты переходъ каменный; въ немъ окошекъ полуциркульныхъ 6, дверь гладкая столярная. Поварня и переходъ убраны штукатурною работою.

3. На улицу къ мостовой, близъ большихъ воротъ, два каменныхъ покоя съ сѣньми, крыты тесомъ; при оныхъ покояхъ кладовая деревянная. Въ покояхъ полы и потолки деревянные, печи кирпичныя, окошекъ 6. При покояхъ анбаръ и погребъ покрыты дранью.

4. По правую сторону, близъ Гагаринскаго дома (нынѣ Княгини Шаховской), три покоя каменные, изъ конхъ одинъ большой, а другіе два поменьше, крыты тесомъ; въ нихъ потолокъ каменный, а полы деревянные, печь кирпичная, окошекъ съ одинаковыми оконницами 9, дверей 4; при покояхъ небольшая каменная кладовая; у ней дверь деревянная на улицу.

Во время обстройки въ двурусныхъ каменныхъ палатахъ снятъ былъ верхній ярусъ и подстроены изъ новаго и стараго кирпича. Прочія зданія остались прежнія; они только обстроены.

Архитекторскій гезель, Залуцкій, представилъ Преосвященному Самуилу, что съ состоящими при немъ пѣвчими и духовникомъ, ему, Преосвященному, на Саввинскомъ подворьѣ будетъ утѣснительно,

и предлагалъ испросить у Коллегіи Економіи, состоящую впускѣ близъ Саввинскаго подворья, Богодѣльню. Коллегія, по просьбѣ Преосвященнаго, отдала Богодѣльню Саввинскому подворью, которая въ то же время и обстроена.

Церковь Воскресія Христова на Саввинскомъ подворьѣ въ это время не была обстроена: ее только покрыли и обѣлили. Службы въ ней не были. ¹⁰ Преосвященный Самуилъ устроилъ для себя въ двурусныхъ палатахъ на Саввинскомъ подворьѣ домовую церковь, безъ главы, во имя Божія Матери Казанскія. ¹¹

Въ 1776 г., Марта 17, Преосвященный Самуилъ съ Крутицкой кафедрой переведенъ на кафедру Ростовской Епархіи; послѣ него Крутицкою Епархіею управляла Московская Св. Синода Контора до 1782 г. Въ семь году на кафедру Крутицкой Епархіи переведенъ Сѣвскій Преосвященный, Амвросій (Подобѣдовъ). Онъ Воскресенскую на Саввинскомъ подворьѣ церковь велѣлъ разобрать, и матеріалъ ея проданъ за 1465 р. 89 к. Въ 1785 г., 27 Марта, Преосвященный Амвросій переведенъ въ Казань, а Крутицкою Епархіею опять стала управлять Московская Св. Синода Контора.

Въ 1787 г., Іюля 10, Главнокамандующій города Москвы, П. Д. Еропкинъ, объявилъ Московскому Митрополиту Платону Высочайшій Указъ, отъ 26 Іюня того года, которымъ повелѣно: «состоящее въ Москвѣ, на Тверской улицѣ, подворье, бывшее сперва во владѣніи первокласснаго Саввина Сторожевскаго монастыря, потомъ отданное Крутицкому Архіерею, по неимѣнію сего послѣдняго, отдать по прежнему во владѣніе Саввину Сторожевскому монастырю.» ¹²

Такъ Саввинское подворье въ Москвѣ возвратилось въ вѣдомство Саввина Сторожевскаго монастыря, и, въ послѣдствіи времени, какъ увидимъ, помѣстились на немъ Московскіе Преосвященные Викаріи.

III.

Викаріатство въ Московской Епархіи первоначально учреждено въ 1764 г., когда Епархіи Россійской Церкви раздѣлены по штатамъ на 3 класса. Въ это время отъ Московской Епархіи отдѣлены, состоявшіе въ вѣдомствѣ ея на югѣ, города: 1) Сѣвскъ, 2) Брянскъ, 3) Орелъ, 4) Карачевъ, 5) Рыльскъ, 6) Путивль, 7) Трубчевскъ и 8) Кромы, съ ихъ Уѣздами, въ количествѣ 789 церквей. Поименованные города, подъ именемъ Викаріатства Московской Епархіи, поручены управленію особаго Архіерея, который состоялъ въ зависимости отъ Московскаго Епархіальнаго Архіерея и титуловался Сѣвскимъ и Брянскимъ. Пребываніе Сѣвскому Преосвященному назначено въ г. Сѣвскѣ, гдѣ и Консисторія для него учреждена.

Первымъ Викаріемъ Московскимъ по сему учрежденію и Епископомъ Сѣвскимъ опредѣленъ, изъ Архимандритовъ Спасскаго Ярославскаго монастыря, Тихонъ (Якубовскій), 8 Августа, того 1764 г. Онъ, въ 1767 г., Декабря 17, переведенъ на кафедру Воронежской Епархіи. На мѣсто Преосвященнаго Тихона въ Сѣвскѣ Епископомъ поступилъ, изъ Архимандритовъ Новоторжскаго Богоявленскаго монастыря, Кириллъ (Флоринскій), 1768 г., Января 13. Онъ, въ 1778 г., Апрѣля 26, уволенъ на покой въ Кіево-Михайловскій монастырь. На мѣсто Преосвященнаго Кирилла въ Сѣвскѣ во Епископа произведенъ, Ректоръ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и Архимандритъ Законо-Спасскаго монастыря, Амвросій (Подобѣдовъ), въ томъ 1778 г. Юля 5. Онъ, какъ выше показано, въ 1782 г. переведенъ на кафедру Крутицкой Епархіи. На мѣсто Преосвященнаго Амвросія во Епископа Сѣвскаго произведенъ, также изъ Ректоровъ Московской Академіи и Архимандритовъ Законо-Спасскаго монастыря, Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ), 1782 г., Юля 5 дня. Онъ, въ 1783 г., Сентября 22, переведенъ на кафедру Нижегородской Епархіи. На мѣсто Преосвященнаго Дамаскина въ Сѣвскѣ Епископомъ поступилъ, Тверскаго Калязинскаго монастыря Архимандритъ, Θεоктистъ (Мочульскій), 1784 г., Января 17. Онъ, въ 1787 г. Февраля 9, переведенъ на кафедру бывшей Бѣлгородской Епархіи. Послѣ Преосвященнаго Θεоктиста Сѣвская Епархіа оставлена въ непосредственномъ вѣдомствѣ Московскаго Епархіальнаго Архіерея, Преосвященнаго Платона.

Въ 1788 г. послѣдовали новыя распоряженія относительно устройства Епархій Россійской Церкви. Указомъ, того 1788 г., Мая 6, предписано: 1, Сѣвскую Епархію открыть самостоятелною; 2, Крутицкую Епархію упразднить. Изъ городовъ, состоявшихъ въ Крутицкой Епархіи, образована Крутицкая Епархія, которая до времени присоединена къ Епархіи Московской. Въ то же время упразднена Переславская Епархія, и города, принадлежавшіе сей Епархіи и состоявшіе въ Московской Губерніи, а именно: Дмитровъ, Клинь, Волоколамскъ, Руза и Верей, присоединены къ Московской Епархіи.

При семъ распоряженіи въ ближайшую помощь Епархіальному Архіерею, Митрополиту Платону, Указомъ Св. Синода, 17-го того же Мая, ¹³ назначенъ Викарій, съ наименованіемъ его Епископомъ Дмитровскимъ. Первымъ Московскимъ Викаріемъ по сему учрежденію назначенъ, изъ Архангельскаго Богоявленскаго монастыря и Членовъ Московской Консисторіи, Серапіонъ (Александровскій), который во Епископа Дмитровскаго рукоположенъ въ 1788 г., Іюня 11 дня. Преосвященный Серапіонъ помѣщался въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ Архимандритомъ.

На требованіе Митрополита Платона отъ Консисторіи мнѣнія, какія дѣла по Московскому Епархіальному управленію поручить Московскому Викарію, Преосвященному Серапіону, Консисторія представила докладъ слѣдующаго содержанія:

1. Преосвященному Серапіону, Епископу Дмитровскому, Викарію Московскому, отдать въ управленіе г. Дмитровъ съ Уѣздомъ.

2. Поручать Преосвященному въ управленіе и другіе города съ Уѣздами, по усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ ими, на основаніи Правилъ Св. Отецъ, Духовнаго Регламента и Указовъ.

3. Управляя вѣренными городами и Уѣздами, Преосвященному выслушивать въ чтеніи и пѣньи желающихъ поступить на Священно и церковнослужительскія мѣста, посвящать ставлениковъ и выдавать имъ грамоты отъ своего имени.

4. Для писмоводства употреблять штатнаго Поддьячаго того монастыря, въ которомъ Преосвященный имѣеть пребываніе, и въ требовать отъ Консисторіи, котораго, опредѣливъ къ Преосвященному, числить въ спискѣ при Консисторіи. Для разсылокъ употреблять штатныхъ служителей.

5. Какія дѣла по разсмотрѣнію духовныхъ Правленій, подвѣдомыхъ Преосвященному городовъ, представлены будутъ къ Преосвященному, рѣшать ему самому, исключая тѣхъ дѣлъ, по которымъ Священники и Діаконы будутъ подлежать лишенію Священства. О таковыхъ, произведши дѣла въ Духовныхъ Правленіяхъ, и разсмотрѣвъ оныя, Преосвященный, съ приложеніемъ своего мнѣнія, долженъ представлять Митрополиту при репортахъ, съ требованіемъ конечнаго рѣшенія. По прочимъ же дѣламъ, ежели Священно-церковнослужители рѣшеніемъ Преосвященнаго Викарія будутъ недовольны, о пересмотрѣ дѣла могутъ просить самого Митрополита.

6. Вѣренныя Преосвященному Викарію Духовныя Правленія потребныхъ по дѣламъ свѣдѣній могутъ просить отъ Консисторіи доношеніями.

7. Съ Указовъ Св. Синода, по касающимся до Епархій дѣламъ, доставлять Преосвященному Викарію коніи за скрѣпою Секретарскою.

8. Срочныя вѣдомости присылать Преосвященному въ Консисторію и, вмѣстѣ съ Консисторскими, отсылать въ Св. Синодъ.

9. Въ священнослуженіяхъ имя Преосвященнаго Викарія, на основаніи Указа о Сѣвской Епархіи, воспоминать послѣ имени Митрополита Московскаго только въ вѣренныхъ Преосвященному Викарію городскихъ и Уѣздныхъ церквахъ и въ монастырѣ, гдѣ имѣеть пребываніе.

10. При служеніи въ церквахъ Преосвященный Викарій долженъ быть срѣтаемъ по обыкновенію, съ крестомъ и со звономъ, также на горнѣхъ мѣстѣ возсѣдать, и на амвонѣ среди церкви облачатся, и лампаду имѣть.

Митрополитъ Платонъ утвердилъ докладъ Консисторіи, съ тѣмъ, что Преосвященный Викарій, управляя своею Епархіею, можетъ въ Москвѣ исправлять служенія и, въ случаѣ болѣзни самаго Митрополита, посвящать ставлениковъ церквей, непосредственно подвѣдомыхъ Митрополиту.

На такомъ же положеніи, какъ г. Дмитровъ съ Уѣздомъ, поручены были управленію Преосвященнаго Викарія Серапіона другіе города Московской Епархіи съ Уѣздами, а именно: въ 1789 г.; 23 Февраля, города: Клинъ, Волоколамскъ и Руза; 1790 г., Іюля 13, Звенигородъ и Воскресенскъ; 1792 г., Февраля 18; Можайскъ:

Въ 1798 г. Св. Синодъ, Указомъ 21 Октября, по подобію С.-Петербургскаго Викарія, которому отдѣлены были въ управленіе церкви Новгородской Епархіи, предписалъ Митрополиту Платону опредѣлить въ особое управленіе Московскаго Викарія, Преосвященнаго Серапіона, всѣ церкви, находящіяся въ Калужской Губерніи. Пребываніе Преосвященному Викарію назначено имѣть въ томъ же Богоявленскомъ монастырѣ, по прежнему именоваться Епископомъ Дмитровскимъ и состоять въ вѣдомствѣ Московскаго Митрополита. При семъ предоставлено Преосвященному Серапіону по дѣламъ церквей, отшедшихъ въ его вѣдомство, непосредственно представлять Св. Синоду, и, по соглашенію съ Митрополитомъ Платономъ, имѣть свой каедральный соборъ и особую Консисторію.

Московская Консисторія, отъ которой Митрополитъ по сему предмету требовалъ мнѣнія, представила Каедральному Собору и Консисторіи для Преосвященнаго Викарія Серапіона быть въ г. Дмитровѣ, по именованію его Епископомъ Дмитровскимъ, но Митрополитъ назначилъ Консисторіи для Викарія быть въ Богоявленскомъ монастырѣ, яко его каедрѣ. Въ то же время Митрополитъ поручилъ управленію Преосвященнаго Серапіона и тѣ города, которые по прежнимъ распоряженіямъ поручены были Преосвященному, а именно: Клинъ, Волоколамскъ, Рузу, Звенигородъ, Волоколамскъ, Можайскъ и Верею, съ ихъ Уѣздами, но чтобъ дѣла церквей ихъ ведены были чрезъ Московскую Консисторію.

Викарная Консисторія въ то же время учреждена въ Боголюбленскомъ монастырѣ, и, по титулу Преосвященнаго Викарія, названа Дмитровскою. Въ новоучрежденную Консисторію Московская Консисторія передала дѣла г. Дмитрова, съ его Уѣдомъ, и церквей, состоящихъ въ Калужской Губерніи. Присутствующими въ Дмитровскую Консисторію назначены трое Священниковъ Московскихъ, а Секретаремъ опредѣленъ Иванъ Яновскій, съ нѣсколькими Канцелярскими чиновниками и служителями. Впрочемъ, Дмитровская Викарная Консисторія въ Москвѣ существовала недолго. Въ 1799 г. открыта Калужская Епархія самостоятельною, и на кафедру ея назначенъ, 16 Октября, Московскій Викарій, Преосвященный Серапіонъ; но онъ, 21 того же Октября, опредѣленъ въ г. Казань Архіепископомъ. На кафедру Калужской Епархія, 30 того Октября, во Епископа произведенъ Архимандритъ Новгородскаго Иверскаго монастыря, Теофилактъ (Русановъ). Въ то же время Дмитровская Консисторія перешла изъ Москвы въ г. Калугу.

IV.

Въ томъ 1799 г. послѣдовало окончательное распредѣленіе Епархій Россійской Церкви, сообразно предѣламъ Губерній Россійской Имперіи. Коломенская Епархія закрыта, и гг. Коломна и Серпуховъ поступили въ составъ Московской Епархія. Указомъ Св. Синода, 16 Октября, Викарные Архіереи оставлены въ Епархіяхъ на прежнемъ основаніи, т. е., для вспоможенія мѣстнымъ Епархіяльнымъ Архіереямъ. При семъ Викаріямъ велѣно: 1) состоять въ непосредственномъ вѣдомствѣ Архіерея, отправлять дѣла, которыя производятся въ Епархіяльной Консисторіи; 2) при церковныхъ служеніяхъ занимать ризницу и все при томъ нужное отъ мѣстныхъ Архіереевъ; 3) пребываніе Викарными Архіереямъ имѣть въ первоклассныхъ монастыряхъ, которыми имъ и управлять непосредственно.

Московскому Викарію при семъ распоряженіи назначенъ первоклассный Саввинскій Звенигородскій монастырь, съ предоставленіемъ ему окладнаго жалованья по званію Архимандрита того мо-

настыря, и прочаго, принадлежащаго на его часть; кромѣ того, какъ прочимъ Викарнымъ Архіереямъ, Московскому Викарію положено 12 человекъ служителей, съ жалованьемъ имъ по штату. Съ сего времени Московскіе Преосвященные Викаріи стали занимать для своего жительства Саввинское подворье въ Москвѣ на Тверской улицѣ, какъ принадлежащее Саввинскому Звенигородскому монастырю.

По новому учрежденію Московскаго Викаріятства, на мѣсто Преосвященнаго Серапіона, Викаріемъ Московской Епархіи, 16 Октября, того 1799 г., назначенъ, Ректоръ Московской Академіи и Архимандритъ Заиконо-Спасскаго монастыря, Серафимъ (Глаголевскій). Онъ, того 1799 г., 25 Декабря, въ день Рождества Христова, Митрополитомъ Платономъ, съ Преосвященнымъ Теофилактомъ, Епископомъ Калужскимъ, и Грузинскимъ Архіереями, Митрополитомъ Іоною и Архіепископомъ Варлаамомъ, посвященъ во Епископа Дмитровскаго, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ храмъ Преподобнаго Сергія.

Митрополитъ Платонъ, резолюціею 30 того же Декабря, поручилъ Викарію, Преосвященному Серафиму, въ управленіе города: 1) Дмитровъ, съ его Уѣздомъ, такъ какъ на сей городъ Преосвященный Викарій и посвященъ, съ тѣмъ, чтобы онъ управленіе производилъ на основаніи законовъ, чрезъ посредство Дмитровскаго Духовнаго Правленія, имѣя, въ чемъ надлежитъ, отношеніе къ Митрополиту и Московской Консисторіи, и 2) города: Звенигородъ, Клинъ, Волоколамскъ, Рузу, Можайскъ и Верею, съ ихъ Уѣздами, и имѣлъ бы ихъ въ своемъ управленіи, также при посредствѣ мѣстныхъ Духовныхъ Правленій, на точномъ основаніи, какъ ими управлялъ бывший Викарій, Преосвященный Серапіонъ. При семъ велѣно, въ порученныхъ управленію Преосвященнаго Викарія церквяхъ имя его при священнослуженіяхъ вспоминать послѣ имени Митрополита.

Всѣхъ церквей, порученныхъ управленію Преосвященнаго Серафима, простиралось до 436. Въ слѣдующемъ году, а именно, 4 Апрѣля, 1800 г., Митрополитъ велѣлъ еще поручить управленію Викарія до 100 церквей. Консисторія по сему предмету представила

Митрополиту, что въ вѣдомствѣ Серпуховскаго Духовнаго Правленія, поступившаго изъ Коломенской Епархіи, состоитъ 3 монастыря и 101 церковь. Митрополитъ сіи монастыри и церкви отдалъ въ управленіе Преосвященнаго Викарія.

Митрополитъ Платонъ, для руководства по Епископскому управленію, далъ Преосвященному Серафиму слѣдующій наказъ:

1. По всей Московскои Епархіи отъ просящихся на церковнослужительскія мѣста прошенія принимать и, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, учиня справку и производство чрезъ Консисторію, а по порученнымъ управленію Преосвященнаго городамъ и Уѣздамъ чрезъ Духовныя Правленія, ежели не окажется ни какого препятствія и сомнѣнія, опредѣлять, въ стихарь посвящать и грамоты за своимъ подписомъ давать.

2. При выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, ежели просители окажутся неудовлетворительны, отказывать; а ежели средственны—опредѣлять, но на время, доколѣ изучатся читать и пѣть, назначая срокъ, и дотолѣ ихъ дѣйствительными не почитать.

3. Предоставляя за Семинаристами мѣста, поступать съ осторожностію, смотря, каково они учатся, и бѣдныхъ ли отцовъ дѣти, и пѣть ли спору отъ Священниковъ и прихожанъ.

4. Прошенія на Діаконскія и Священническія мѣста по тѣмъ церквамъ, кои Преосвященному особо въ управленіе поручены, хотя и принимать и, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, производство чинить, но не поставлять, а прежде присылать къ Митрополиту (жилъ въ Виѣнаніи) на разсмотрѣніе, прилагая прошенія и другихъ просителей на тѣ же мѣста.

5. По прочимъ всѣмъ церквамъ прошенія на Діаконскія и Священническія мѣста не принимать, а велѣть присылать къ Митрополиту, и ожидать его рѣшенія.

6. Имѣть при себѣ генеральныя Вѣдомости, въ коихъ писаны церкви, приходъ, священно и церковнослужители, ихъ дѣти,

состояніе и содержаніе ихъ и чьихъ владѣльцевъ приходы. Во все сіе выикая, можно порядочнѣе и справедливѣе дѣло рѣшить, и въ производствѣ къ церквамъ достойныхъ служителей можетъ быть меньше затрудненія.

7. Усмотря изъ Вѣдомости, что нѣкоторые рекомендованы хорошо и состоятъ или при той церкви, къ которой просители просятъ, или по близости, Преосвященный можетъ ихъ къ себѣ потребовать, и, нашедъ ихъ достойными, можетъ ихъ предпочесть тѣмъ, которыхъ просятъ; ꙗко нерѣдко случается, что дурные не допускаютъ хорошихъ по разнымъ страстямъ.

8. Прочія всякаго рода дѣла и прошенія принимать и, по изслѣдованіи въ Консисторіи, или Духовныхъ Правленіяхъ, рѣшать; а ежели окажутся дѣла важными и затруднительными, представлять къ Митрополиту.

9. Паче всего хранить справедливость, со страхомъ Божиимъ творя, яко дѣло Божіе, а не человѣческое.

Преосвященный Серафимъ, Викарій Московскій, въ 1804 г., 29 Генваря, переведенъ на кафедру Вятской Епархіи. Въ томъ же 1804 г., Февраля 7, во Епископа Дмитровскаго, Викарія Московскаго, произведенъ въ С.-Петербургѣ, въ Александровской Лаврѣ, Ректоръ Московской Академіи и Законо-Спасскій Архимандритъ, Августинъ (Виноградскій). Ему, Указомъ Святѣйшаго Синода, 19 того же Февраля, велѣно быть Московскимъ Викаріемъ на томъ же основаніи, на какомъ, по Указу Синода, отъ 16 Октября, 1799 г., былъ Преосвященный Серафимъ.

Митрополитъ Платонъ въ особое управленіе Преосвященнаго Августина поручилъ тѣ же города и Уѣзды Московской Епархіи, которые были въ управленіи Преосвященнаго Серафима, и одинаковый съ нимъ и наказъ данъ Преосвященному Августину въ руководство по Епаршескимъ дѣламъ. Въ наказѣ Преосвященному Августину Митрополитъ только прибавилъ: 1) при всякой просьбѣ во Священника изъ неученыхъ церковниковъ сообщать въ Академію и Троицкую Семинарію, съ требованіемъ увѣ-

домленія, нѣтъ ли на то мѣсто желающихъ, и 2) имѣть Преосвященному Августину смотрѣніе надъ Академіею, «чтобъ всѣ, особливо учителя и проповѣдники, должности свои проходили рачительно и исправно.»

Митрополитъ Платонъ въ это время достигъ уже глубокой старости и, живя при Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ Спасо-Виеанскомъ монастырѣ, рѣдко бывалъ въ Москвѣ. По сему Преосвященный Августинъ, пребывая въ Москвѣ, преимущественно распоряжался по дѣламъ Московскаго Епархіальнаго управленія.

Въ 1810 г., Апрѣля 3, Митрополитъ изъ Виеаніи писалъ Преосвященному Августину: «Чувствуя старость и соединенныя съ нею слабости, принуждаюсь облегчить себя дѣламъ,» и предоставилъ Преосвященному съ Консистоію: 1) рѣшать окончательно дѣла слѣдственные по жалобамъ, или доносамъ, на дурное поведеніе духовныхъ; однако, ежели подсудимые изъ Священниковъ и Діаконовъ будутъ подлежать лишенію сана, или отрѣшенію отъ мѣста, а не штрафу денежному, или посылкѣ въ монастырь, то представлять на рѣшеніе къ Митрополиту, и 2) окончательно рѣшать дѣла о разводѣ браковъ и производствѣ на мѣста во Священники, кромѣ Москвы.

Когда, въ томъ 1810 г., прошелъ слухъ, что Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Князь А. Н. Голицынъ, назначается Министромъ Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, Митрополитъ Платонъ, 10 Іюля, уже слабою рукою, писалъ изъ Виеаніи Преосвященному Августину: «Всѣ дѣла и производство во Священники изволите производить и кончить. Я по истинѣ не могу. Министръ новый, что-то будетъ. Но мнѣ не до того. Думаю о временномъ и вѣчномъ покоѣ.»

Въ 1811 г., 16 Іюля, послѣдовалъ Указъ Св. Синода, съ изложеніемъ именнаго Указа, что Митрополитъ Платонъ, по случаю его тяжкой болѣзни и согласно просьбѣ его, увольняется отъ Епаршескихъ дѣлъ, впредь до выздоровленія, а управленіе оныхъ вѣряется его Викарію, Преосвященному Августину, Епископу Дмитровскому.

Впрочемъ, Митрополитъ Платонъ не совѣтъ устранилъ себя отъ управленія Епархіею. 1 Юля, того 1811 г., Митрополитъ далъ Преосвященному Августину предписаніе:

1. При управленіи моею паствы кратко миѣ давать знать объ Указахъ Синодскихъ.

2. Монастырскимъ дѣламъ всѣмъ по просьбамъ имѣть ко миѣ отношеніе.

3. Ежели что случится особенное на какое либо мѣсто производство, прежде писать ко миѣ и спрашивать.

4. Ежели Вы разсудите еще о чемъ ни будь доложить миѣ, то дозволяется въ такомъ случаѣ писать ко миѣ.»

Во время нашествія непріятелей въ 1812 г. на Москву Преосвященный Августинъ оставилъ Саввинское подворье на 2-е число Сентября, въ 2 часа по полуночи, когда получилъ отъ Главнокомандующаго, Графа Ростопчина, извѣстіе, что непріятель близъ Москвы и положено сдать Москву безъ боя. Преосвященный Августинъ, съ Намѣстникомъ Саввинскаго монастыря, Іеромонахомъ Досиееемъ и прочими своими, отправился по Владимирской дорогѣ и прибылъ въ Муромъ. На Саввинскомъ подворьѣ оставались Іеромонахъ Іона и бѣлый Священникъ, въ послѣдствіи Економъ подворья, Іеромонахъ Иннокентій. Саввинское подворье во время нашествія непріятельскаго сторѣло, но церковное имущество показанными лицами сохранено въ цѣлости.

По изгнаніи непріятелей, 12 Октября, изъ Москвы, Преосвященный Августинъ, 31 того Октября, прибылъ въ подмосковное село Черкизово, а 7 Ноября помѣстился въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Къ празднику Рождества Христова Преосвященный перемѣстился въ Богоявленскій монастырь. На возобновеніе погорѣвшихъ въ Москвѣ монастырскихъ и церковныхъ зданій прислана была въ то время изъ Св. Синода особая сумма; на эту сумму и Саввинское подворье обстроено. Преосвященный Августинъ помѣстился на Саввинскомъ подворьѣ въ концѣ 1813 года.

Между тѣмъ Митрополитъ Платонъ, въ 1812 г., 11 Ноября, скончался. Указомъ Св. Синода, 5 Декабря, того 1812 г., Преосвященному Августину поручено было управление Епархіальными дѣлами на прежнемъ основаніи, до опредѣленія въ Московскую Епархію мѣстнаго Преосвященнаго Архіерея. Въ 1814 г., Августа 30, Преосвященный Августинъ пожалованъ, какъ сказано въ именномъ Указѣ, «за оказанныя услуги во время вторженія непріятеля въ Москву и за успѣшное приведеніе духовной части въ порядокъ», Архіепископомъ Дмитровскимъ и Архимандритомъ Свято-Троиція Сергіевы Лавры, и велѣно ему именоваться Членомъ Св. Синода и управляющимъ Московскою Митрополіею. Съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлено Преосвященному получать всѣ доходы, какіе принадлежатъ Московскому Архіерею. Въ 1815 г. Преосвященный къ Троицыну дню съ Саввинскаго подворья перемѣстился для жительства на Троицкое Сухаревское подворье. Въ 1818 г., Февраля 19, Высочайше повелѣно Преосвященному Августину быть Архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ.

Въ 1819 г., по представленію Св. Синода, къ Московской Епархіальной каедрѣ, 4 Генвара, назначенъ Викаріемъ, бывший въ С.-Петербургѣ на чредѣ служенія, Высоко-Петровский Архимандритъ, Лаврентій (Бакшевскій). Омъ во Епископа Дмитровскаго, 19 того Генвара, посвященъ въ Казанскомъ соборѣ Митрополитами: С.-Петербургскимъ Михаиломъ и Грузинскимъ Варлаамомъ, Архіепископами: Тверскимъ Серафимомъ и Ярославскимъ Антоніемъ, и Епископомъ Ревельскимъ Филаретомъ, въ послѣдствіи Митрополитомъ Московскимъ.

Преосвященный Лаврентій, Епископъ Дмитровскій, 6 Февраля, того 1819 г., прибылъ въ Москву, помѣстился на Саввинскомъ подворьѣ.

Для дѣйствованія по дѣламъ Епархіальнаго управленія, Преосвященный Августинъ Преосвященному Лаврентію далъ наказъ, составленный изъ прежнихъ наказовъ Московскимъ Викаріемъ, а именно:

1. Преосвященному Викарію поручены въ управленіе монастыри, градскія и Уѣздныя церкви, состоящія въ вѣдомствѣ Ду-

ховныхъ Правленій: Дмитровскаго, Звенигородскаго, Клинскаго, Рузскаго и Волоколамскаго.

2. Ему предоставлено принимать прошенія отъ просящихся на праадныя церковническія мѣста, кромѣ Москвы. По выслушаніи просителей въ чтеніи и пѣніи, и по учиненіи чрезъ Консисторію справки и производства, ежели не окажется ни какаго препятствія и сомнѣнія, опредѣлять на мѣста, и въ стихарь посвящать, и грамоты давать за своимъ подписаніемъ. Оказавшихся средственными въ чтеніи и пѣніи опредѣлять на время, доколѣ изучатся чтенію и пѣнію, назначая срокъ, а дотолѣ ихъ дѣйствительными не опредѣлять.

3. За обучающимися въ Училищахъ и Семинаріяхъ мѣста представлять только за тѣми, кои отцовъ не имѣютъ, или и имѣютъ, но бѣдныхъ, съ большимъ семействомъ, и спора отъ Священника и прихожанъ нѣтъ.

4. По тѣмъ церквамъ, кои въ управленіи Преосвященнаго Викарія находятся, прошенія на Діаконскія и Священническія мѣста принимать, но, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, и по учиненіи чрезъ Консисторію справокъ, представлять Преосвященному Августину; а безъ предписанія его, какъ въ Діаконы и Священники не посвящать, такъ изъ готовыхъ отъ одного мѣста къ другому не переводить.

5. Прошенія о прочихъ матеріяхъ принимать и, по изслѣдованіи въ Консисторіи и въ Духовномъ Правленіи, на основаніи законовъ, рѣшенія чинить и отсылать въ Консисторію, которая должна приводить въ исполненіе тѣ только опредѣленія, по коимъ священноцерковнослужители присуждаются, или: а) къ взысканію должныхъ штрафовъ, въ пользу вдовъ и сиротъ, или б) къ положенію нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ въ церкви, или в) къ выговору, съ обязаніемъ подпискою. Но ежели: а) Священноцерковнослужители осуждаются къ посылкѣ подѣ началъ въ монастырь, б) колымъ паче къ отрѣшенію, съ запрещеніемъ священнослуженія, а церковники къ исключенію изъ духовнаго званія въ свѣтское, в) по дѣламъ о расторженіи браковъ, и г) о посылкѣ свѣтскихъ

въ монастырь подъ епитимію, то Консисторія свои опредѣленія, съ апробаціи Преосвященнаго Викарія, должна представлять на утверждение Преосвященному Августину.

6. Вѣдомости, репорты и другія бумаги отъ мѣстъ и лицъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Преосвященнаго Викарія, присылать въ Консисторію.

7. Имя Преосвященнаго Викарія во всѣхъ, находящихся въ управленіи его, монастыряхъ и церквахъ, при-священнослуженіяхъ, гдѣ слѣдуетъ, вспоминать послѣ имени Преосвященнаго Августина.

По кончинѣ Преосвященнаго Августина, послѣдовавшей 3-го Марта, 1819 г., управленіе Московскою Епархіею Св. Синодъ поручилъ Преосвященному Викарію, Лаврентію, впредь до опредѣленія мѣстнаго Архіерея, и 15 того же Марта на кафедру Московской Епархіи переведенъ, въ санъ Митрополита, Тверской Архіепископъ Серафимъ, прежде бывший Викарій Московскій.

Московскій Викарій, Преосвященный Лаврентій, въ 1820 г., Октября 26, поступилъ на кафедру Черниговской Епархіи. На его мѣсто, 21 Генваря, 1821 г., въ Московскіе Викарія опредѣленъ, Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новыи Іерусалимъ, Архимандритъ Аванасій (Телятьевъ), который, 10 Марта, того 1821 г., посвященъ во Епископа Дмитровскаго въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ Митрополитомъ Серафимомъ, съ Преосвященными Грузинскими, Митрополитомъ Іоною, и Архіепископами Пафнутиемъ и Досифеемъ. Для дѣйствованія по дѣламъ Московскаго Епархіальнаго управленія, ему данъ такой же наказъ, какой данъ былъ Преосвященному Лаврентію.

VI.

Въ 1821 г., по Высочайшему повелѣнію, 19 Іюня, Московскій Митрополитъ Серафимъ переведенъ въ С.-Петербургъ на кафедру Новгородской и С.-Петербургской Епархіи, а на кафедру

Московской Епархіи, Высочайшимъ Указомъ, 3 Іюля, того 1821 г., съ кафедры Ярославской Епархіи, поступилъ, въ санъ Архіепископа, покойный Митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ).

Въ управленіе Московскаго Митрополита Филарета Московскою Епархіею, преемственно въ санъ Епископовъ Дмитровскихъ, пребыло на Саввинскомъ подворьѣ 12 Викаріевъ Московскихъ, именно:

	годы.	мѣсяцы.
1. Показанный Преосвященный Аванасій.		Август.
Переведенъ на кафедру Тамбовской Епархіи.	1824	5
2. Кирилль (Богословскій-Платоновъ), изъ Архимандритовъ Московскаго Новоспасскаго монастыря и Ректоровъ Московской Духовной Академіи	—	Октяб. 26 Марта
Переведенъ на кафедру Вятской Епархіи ...	1827	26
3. Иннокентій (Сельно-Криновъ), изъ Архимандритовъ Псковскаго Елизарова монастыря и Ректоровъ Псковской Семинаріи.....	—	Мая 23 Марта
Переведенъ на кафедру Курской Епархіи ...	1831	28
4. Николай (Соколовъ), изъ Архимандритовъ Козловскаго монастыря и Ректоровъ Тамбовской Семинаріи.....	—	Мая 3 Октяб.
Переведенъ на кафедру Калужской Епархіи.	1834	2
5. Исидоръ (Никольскій), изъ Архимандритовъ Заиконо-Спасскаго монастыря и Ректоровъ Московской Семинаріи.....	—	Октяб. 16 Іюня
Переведенъ на кафедру Полоцкой Епархіи.	1837	5
6. Виталій (Щепетевъ), изъ Архимандритовъ Пафнутьева монастыря и Ректоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи.....	—	Іюня 12

Переведенъ на кафедру Костромской Епархiи.	1842	Нояб. 14
7. Иосифъ (Богословскій), изъ Архимандритовъ Заиконо-Спасскаго монастыря и Ректоровъ Московской Семинарiи...	—	Декаб. 5
Переведенъ на кафедру Оренбургской Епархiи.....	1849	Нояб. 20
8. Фидошей (Успенскій) изъ Архимандритовъ Высоко-Петровскаго монастыря и Ректоровъ Московской Семинарiи.....	—	Декаб. 3
Переведенъ на кафедру Костромской Епархiи.	1853	Август. 19
9. Алексій (Ржаницынкъ), изъ Архимандритовъ Заиконо-Спасскаго монастыря и Ректоровъ Московской Духовной Академiи.....	—	Сентяб. 20 Юля
Переведенъ на кафедру Тульской Епархiи.	1857	20
10. Евгенийъ (Сахаровъ-Платоновъ), изъ Архимандритовъ Высоко-Петровскаго монастыря и Ректоровъ Московской Духовной Академiи.....	—	Сентяб. 14
Переведенъ на кафедру Симбирской Епархiи.	1858	Октяб. 13
11. Порфирій (Соколовскій), изъ Архимандритовъ Богородицкаго Игрицкаго монастыря и Ректоровъ Костромской Семинарiи.....	—	Апрѣл. 14
Переведенъ на кафедру Оренбургской Епархiи.....	1859	Марта 21
12. Леонидъ (Красногѣвковъ), изъ Архимандритовъ Заиконо-Спасскаго монастыря и Ректоровъ Московской Семинарiи	—	Апрѣл 4
Донинъ пребываетъ.		

Вышепоименованнымъ Преосвященнымъ Викаріямъ, при вступленіи ихъ на должность, для дѣйствованія по Московскому Епархіальному управленію, выдавался наказъ, по прежнимъ примамъ, слѣдующаго содержанія:

1. Преосвященному Викарію, Епископу Дмитровскому, поручаются въ управленіе монастыри вѣдомства Духовныхъ Правленій Дмитровскаго и Звенигородскаго, а городскія и Уѣздныя церкви, какъ сихъ, такъ Клинскаго, Волоколамскаго и Можайскаго Духовныхъ Правленій, по которымъ ему, Преосвященному, отъ просящихъ на празднаыя причетническія мѣста прошенія принимать, и, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, и по учиненіи въ Консistorіи справки и производства, если не окажется ни какого препятствія и сомнѣнія, опредѣлять, въ стихарь посвящать и грамоты, за своимъ подписаніемъ, давать.

2. Если, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, просящійся окажутся недостаточны, отказывать, а если средственны, опредѣлять ихъ на время, доколѣ изучатся чтенію, пѣнію и Катихизису, и назначить на сіе непродолжительный срокъ.

3. За обучающимися въ Училищахъ и Семинаріяхъ учениками мѣста предоставлять только за тѣми, кои отцевъ не имѣютъ и если затрудненія о томъ отъ Священника и прихожанъ не будетъ.

4. Прошенія на Діаконскія мѣста по тѣмъ церквамъ, кои управленію Преосвященнаго поручены, принимать и, по выслушаніи въ чтеніи и пѣніи, и по учиненіи чрезъ Консistorію справокъ, представлять Митрополиту; а безъ разрѣшенія Митрополита, какъ въ Діаконы не посвящать, такъ и отъ одного мѣста къ другому не переводить.

5. По жалобамъ и доносамъ прошенія отъ священно и церковнослужителей и прихожанъ, также о разрѣшеніи желающимъ вступить въ бракъ не въ близкомъ родствѣ, принимать и, по изслѣдованіи въ Консistorіи, или Духовныхъ Правленіяхъ,

рѣшать на законномъ основаніи и къ исполненію отсылать въ Консисторію, но по такимъ только опредѣленіямъ и резолюціямъ Преосвященнаго, по коимъ священно и церковнослужители осуждены будутъ къ наказанію взысканіемъ денежнаго штрафа въ пользу вдовъ и сиротъ, или положеніемъ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ въ церкви и выговоромъ въ присутствіи съ обязаніемъ подпискою; а кои осуждены будутъ къ посылкѣ въ подначальство въ монастырь, Священники и Діаконы съ исправленіемъ служенія, или съ запрещеніемъ, а причетники въ работу, коими паче объ отрѣшеніи священнослужителей отъ мѣстъ съ запрещеніемъ служенія, а причетниковъ объ исключеніи изъ духовнаго званія въ свѣтское, таковыя опредѣленія представлять на утвержденіе Митрополиту.

6. Заключение Консисторіи: а) о преданіи церковному покаянію свѣтскихъ лицъ за небытіе на Исповѣди и у Св. Причастія, за прелюбодѣяніе, любодѣяніе, покушенія на свою жизнь, невольное убійство и за ложное показаніе подъ присягою; б) объ окрещеніи Евреевъ, в) объ увольненіи изъ духовнаго званія въ свѣтское учениковъ, не окончившихъ курсъ въ Семинаріяхъ и исключенныхъ изъ Училищъ, представлять на утвержденіе Преосвященнаго Викарія.

7. Имя Преосвященнаго во всѣхъ, находящихся въ управленіи его, монастыряхъ и церквахъ, при священнослуженіяхъ воспоминать, гдѣ слѣдуетъ, послѣ имени Митрополита.

Въ 1862 г. покойному Митрополиту, въ помощь по дѣламъ Епархіальнаго управленія, данъ второй Викарій, съ наименованіемъ его Епископомъ Можайскимъ. Пребываніе ему назначено въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ, гдѣ онъ состоитъ Архимандритомъ.

Первымъ Епископомъ Можайскимъ и Викаріемъ Московскимъ, съ 14 Октября, того 1862 г., былъ, изъ Ректоровъ Московской Духовной Академіи и Архимандритовъ Высоко-Петровскаго монастыря, Преосвященный Савва (Тихомировъ).

Второму Московскому Преосвященному Викарію, въ томъ 1862 г., въ руководство по дѣламъ Московскаго Епархіальнаго управленія, данъ наказъ слѣдующій:

1. Преосвященному Епископу Можайскому въ особомъ вѣдѣніи имѣть церкви и монастыри, подвѣдомые Можайскому Духовному Правленію, въ которыхъ и имя его при Богослуженіи воспоминать послѣ имени Митрополита.

2. Къ церквамъ своего вѣдомства Преосвященный можетъ назначать и посвящать священно и церковнослужителей, съ тѣмъ, чтобы о назначаемыхъ на священнослужительскія мѣста онъ представлялъ свои мнѣнія на утвержденіе Митрополита, а на причетническія опредѣлялъ свою властію, если не встрѣтитъ особенныхъ обстоятельствъ, требующихъ разрѣшенія Митрополита.

3. Преосвященный можетъ также принимать прошенія и назначать на церковнослужительскія мѣста и посвящать достойныхъ къ церквамъ, подвѣдомымъ Духовнымъ Правленіямъ Коломенскому, Серпуховскому и Богородскому.

4. По жалобамъ и доносамъ отъ священно и церковнослужителей и прихожанъ тѣхъ частей Епархіи, которыя поручены Преосвященному, онъ можетъ принимать прошенія и назначать потребныя дознанія и слѣдствія, употребляя въ посредство Консисторію, Духовныя Правленія и Благочинныхъ, которые должны предписанія сія исполнять. Поставляемые по таковымъ дѣламъ опредѣленія онъ можетъ утверждать только въ случаѣ меньшей важности; а рѣшенія о Священникахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, и рѣшенія о Діаконахъ и причетникахъ, подвергающія ихъ монастырскому подначальству, или отрѣшенію отъ мѣста, представлять, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе Митрополита.

5. Преосвященный можетъ давать окончательныя рѣшенія: а) о бракахъ въ неблизкихъ степеняхъ родства, требующихъ Архіерейскаго разрѣшенія; б) по опредѣленіямъ Консисторіи: о пре-

даніи церковному покаянію свѣтскихъ лицъ, за небытіе на Исповѣди и у Св. Причастія, за грѣхи противъ 3, 6 и 7-й Заповѣдей Божіихъ, о крещеніи Евреевъ, объ увольненіи изъ духовнаго званія въ свѣтское учениковъ Семинарій и Училищъ, и по другимъ дѣламъ, которыя особеннымъ распоряженіемъ Митрополита ему предоставлены будутъ.

Въ соотвѣтствіе сему данъ наказъ и первому Викарію, Преосвященному Дмитровскому.

Въ 1865 г., Октября 14, покойный Владыка, въ видахъ возможнаго ускоренія движенія и рѣшенія дѣлъ и удобства для имѣющихъ отношеніе къ Епархіальному Начальству, предоставилъ Московскимъ Преосвященнымъ Викаріямъ:

1. Принимать всякаго рода прошенія, и проч., кромѣ прошеній на священнослужительскія мѣста въ столицѣ и на Священническія мѣста въ городахъ, и давать по онымъ рѣшенія, или назначенія дѣлопроизводства, и наблюдать за правильнымъ и неупустительнымъ движеніемъ онаго.

2. Въ случаѣ особенной важности, или необыкновенныхъ обстоятельствъ, Преосвященный можетъ полученное прошеніе, или донесеніе, предварительно обращать къ Митрополиту, съ мнѣніемъ, какое полагалъ бы дать рѣшеніе, или сдѣлать распоряженіе.

3. Опредѣленія Консисторіи, которыя Преосвященному предварительно должны быть представляемы на усмотрѣніе, онъ, смотря по обстоятельствамъ, или рассматриваетъ отдѣльно и, полагая свои заключенія, представляетъ на окончательное рѣшеніе Митрополиту, или въ присутствіе свое, лично Митрополиту, излагаетъ свои по онымъ соображенія и заключеніе.

Преосвященный Савва, Епископъ Можайскій и Викарій Московскій, въ 1866 г., 17 Юня, переведенъ на кафедру Полоцкой Епархіи. На мѣсто Преосвященнаго Саввы вторымъ Викаріемъ Московской Епархіи, Высочайше 26 Юля, того же 1866 г., повелѣно быть Ректору Московской Духовной Семинаріи; Богоявленскаго мо-

настыря Архимандриту Игнатію (Рождественскому), который во Епископа Можайскаго посвященъ 7 Августа, въ Святотроицкой Сергіевой Лаврѣ, въ Успенскомъ соборѣ, Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ, съ Архіепископомъ Евгеніемъ и Епископами, Саввою Полоцкимъ и Леонидомъ Дмитровскимъ.

По кончинѣ Митрополита Филарета, послѣдовавшей 19-го Ноября, 1867 г., первому Викарію Московской Епархіи, Пресвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, Указомъ Св. Синода; отъ 20 того же Ноября, поручено было управление Московскою Епархіею, впредь до назначенія новаго Пресвященнаго на мѣсто покойнаго Митрополита Филарета.

VII.

Обращаясь ко времени, когда Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1651 г., Воскресенскій Высокій монастырь въ Москвѣ отданъ Саввину Сторожевскому монастырю, находимъ, что Саввинское подворье уже болѣе 200. лѣтъ состоитъ въ вѣдомствѣ того монастыря. Только нѣкоторое время Саввинское подворье переходило въ вѣдомство Крутицкой каеедры, какъ бы въ знаменіе того, что, подобно Крутицкимъ Владыкамъ, долгое время бывшимъ ближайшими помощниками Всероссійскимъ Митрополитамъ и Патріархамъ по дѣламъ церковнаго управленія, и Московскіе Пресвященные Викаріи, пребывая на Саввинскомъ подворьѣ, будутъ ближайшими помощниками Московскимъ Епархіальнымъ Архіереямъ по дѣламъ церковнаго управленія.

Внѣшній видъ Саввинскаго подворья, по обстройкѣ его въ 1775 г., въ послѣдствіи времени много измѣнился. Двухрусныя палаты, въ конхъ жили Крутицкіе Архіереи, а потомъ заняли ихъ Московскіе Пресвященные Викаріи, оставались въ прежнемъ видѣ, но по возвращеніи Саввинскаго подворья въ вѣдомство Саввина Сторожевскаго монастыря, домовая Казанская церковь въ палатахъ переименована во имя Саввы Сторожевскаго, или все

тоже Звенигородскаго; при обстройкѣ палаты послѣ пожара, бывшаго во время нашествія непріятельскаго, внутреннее расположение въ нихъ много было измѣнено. Въ послѣдствіи времени, при Викаріѣ Преосвященномъ Алексѣ, надъ палатами надстроены третій ярусъ и внутреннему расположенію покоевъ данъ тотъ видъ, въ которомъ они нынѣ находятся. Впрочемъ, тщательный наблюдатель можетъ и нынѣ видѣть въ Архіерейскомъ домѣ на Саввинскомъ подворьѣ слѣды построекъ въ немъ 1775 г. Бывшая близъ палаты каменная поварня съ присѣбною и кладовою обращена въ жилые покои; переходы изъ бывшей поварни въ палаты остаются до нынѣ. Отъ Архіерейскаго дома на улицу къ мостовой небольшія каменные зданія всѣ остаются; конечно, они не разъ были исправляемы и измѣняемы. На мѣстѣ бывшей каменной Воскресенской, близъ большихъ воротъ, церкви, нынѣ находится жилое двурусное каменное зданіе. Нѣтъ нынѣ при воротахъ часовни, но, вмѣсто оной, надъ воротами воздвигнута икона Преподобнаго Саввы Звенигородскаго, съ неугасимою лампадой.

Мѣстность, окружающая Саввинское подворье, также много въ теченіи времени измѣнилась. Каменная стѣна, служившая чертою Бѣлаго города, по плану, составленному для города Москвы въ 1775 г., Юля 7, сломана, и на мѣстѣ оной, въ 1782 г., устроены бульвары, о которыхъ мы прежде оказали, а именно: Тверской, Страстной и Петровскій; на востокъ рѣка Неглиная, по тому же плану г. Москвы, закрыта, и подземное ея теченіе называется Трубою; съ запада отъ Никитскихъ воротъ къ Кремлю идетъ также улица Никитская, но ровъ около Кремля, до котораго простиралась улица, на нашей памяти засыпанъ, и на мѣстѣ его раскинутъ Кремлевскій садъ.

Населеніе мѣстности, окружающей Саввинское подворье, противу прежняго увеличилось; но наъ 26 храмовъ Божіихъ, которые выше упомянуты, на сей мѣстности почти половины нынѣ уже нѣтъ. Такъ, церкви: 1, Предтечевская, у Никитскихъ воротъ, упразднена 1786 г., Юня 3, разобрана въ 1789 г; 2, Благовѣщенская, что былъ Моисеевскій монастырь, упразднена въ 1787 г., Ноября 17, разобрана въ 1788 г.; 3, Преображенская, на Тверской, упразднена въ 1788 г., разобрана въ 1789;

4, Леонтьевская, на Вражкѣ, упразднена въ 1790 г., Юля 9, разобрана въ 1793; 5, Анастасіевская, у Охотнаго ряда, упразднена въ 1793 г., Генваря 10, разобрана въ 1797 г.; 6, Діонисіевская, близъ Университета, въ 1790 г., 2 Августа, отдана Университету, но, по Высочайшему повелѣнію, въ 1791 г., церковь для Университета устроена въ главномъ корпусѣ онаго и освящена Митрополитомъ Платономъ, а Діонисіевская церковь послѣ разобрана; 7, Василіе-Кессарійская, на Тверской, упразднена въ 1808 г., Юля 31, разобрана въ 1816 г.; 8, Елисеевская, на Вражкѣ, упразднена въ 1809 г., разобрана въ 1817 г.; 9, Ильинская, на Тверской, упразднена въ 1813 г., Декабря 3, разобрана въ 1817 г.; 10, Спасская, на Копѣ, упразднена въ 1813 г.; 11, Воскресенская, на Дмитровкѣ, упразднена въ 1814 г., Октября 28, и 12, Воскресенская, близъ Кузнецкаго моста, упразднена въ 1815 г. Послѣднія три церкви разобраны въ 1816 г. "

Кромѣ того, Сергіевская церковь на Трубѣ, съ 1813 г., остается приписною къ Григоріе-Богословской церкви, а Георгіевскій монастырь, въ томъ 1813 г., обращенъ въ приходскую церковь.

Изъ церквей, которыми въ прежнее время окружено было Саввинское подворье, остались: а) къ сѣверовостоку отъ подворья: 1) Воскресенская на Вражкѣ, 2) Вознесенская на Никитской, 3) Николаевская въ Хлыновѣ, 4) Николаевская въ Гибодникахъ, 5) Дмитріе-Селунская у Тверскихъ воротъ. На сей мѣстности, между большими зданіями по Тверской улицѣ, недалеко отъ Саввинскаго подворья, возвышается домъ Московскаго Генералъ-Губернатора, съ домовою церковью во имя Св. Князя Александра Невскаго. Церковь первоначально устроена въ 1806 г., 29 Ноября, съ соизволенія Государя Александра Павловича, по прошенію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Тимофея Ивановича Тутолмина; въ 1815 г., Апрѣля 9, по приказанію Пресвященнаго Августина, въ домовую церковь Генералъ-Губернатора отдано много церковныхъ вещей изъ упраздненныхъ церквей Ильинской на Тверской, и Спасской на Копѣ. Нынѣ церковь въ домѣ изящно отдѣлана иждивеніемъ Генералъ-Губернатора, Князя В. А. Долгорукаго; б) къ сѣверовостоку: 6) Алексѣевская на Глинцахъ, 7) Сергіевская на Дмитровкѣ, 8) Григоріе-Богословская

на Дмитровкѣ, 9) Высоко-Петровскій монастырь, 10) Сергіевская на Трубѣ, 11) Рождественская въ Столечникахъ, 12) Космо-Даміанская въ Шубинѣ; в) къ юговостоку: 15) Георгіевская въ бывшемъ монастырѣ, и 16) Пятницкая въ Охотномъ ряду.

Саввинское подворье имѣетъ два двора, внѣшній и внутренній. Внѣшній дворъ примыкаетъ къ домамъ, выходящимъ на Тверскую улицу, отдаваемымъ въ наймы. Онъ раздѣляется на два небольшія отдѣленія проѣздомъ съ улицы на внутренній дворъ чрезъ двое воротъ: первыя, надъ аркою которыхъ водруженъ образъ Преподобнаго Саввы Сторожевскаго, и вторыя, служащія входомъ во внутренній дворъ. Внутренній дворъ, довольно обширный, четверугольный, весь опоясанъ каменными зданіями: влѣво, отъ воротъ, около цвѣтника, занимающаго сѣверо-западный уголъ двора, тротуаръ изъ плитъ ведетъ къ подъѣзду главнаго дома, который занимаетъ почти всю сѣверную сторону двора. На восточной сторонѣ небольшой каменный домъ, который былъ некогда занятъ, какъ мы упоминали, поварнею и приспѣшнейю. Теперь въ верхнемъ ярусѣ помѣщается Економъ и Письмоводитель Преосвященнаго Викарія, Ризничій и прислуга Архіерейскаго дома. Противъ главнаго дома, на южной сторонѣ, во всю длину двора, простираются каменныя службы: конюшни, сарай и погреба. На западную сторону выходятъ къ цвѣтнику глухія стѣны зданій внѣшняго двора.

Въ верхнемъ ярусѣ главнаго дома помѣщаются братія Архіерейскаго дома, числомъ отъ 10 до 12 человекъ. Они живутъ въ отдѣльныхъ небольшихъ келліяхъ, расположенныхъ по общему корридору, имѣютъ особую лѣстницу, которая сообщается ихъ въ среднемъ ярусѣ съ церковію, а въ нижнемъ ярусѣ, съ трапезою. Въ нижнемъ ярусѣ, кромѣ трапезы, помѣщаются небольшія комнаты для проѣзжающихъ чрезъ Москву Преосвященныхъ, Канцелярія, кладовая и поварня.

Въ средній ярусъ сего дома ведетъ, изъ теплой входной комнаты, очень удобная чугунная лѣстница къ церкви во имя Преподобнаго Саввы Сторожевскаго. Церковь небольшая, но довольно помѣстительная, съ изящнымъ рѣзнымъ иконостасомъ, золоче-

нымъ на полиментъ. Въ алтарѣ на жертвенникѣ икона Божіей Матери Казанская, вѣроятно, та, которая прежде была храмовою. Другихъ храмовыхъ иконъ изъ храмовъ, бывшихъ на Саввинскомъ подворьѣ, не имѣется. Икона Лѣстничника напоминаетъ объ упраздненной церкви сего Святаго въ Саввинѣ монастырѣ при бывшей больницѣ, а икона Преподобнаго Сергія о союзѣ духовномъ между Троицкою Сергіевою Лаврою и Саввинскою обителію, такъ какъ Преподобный Савва былъ ученикъ Преподобнаго Сергія и въ обители его полагалъ начало своего монашескаго житія. Въ храмѣ на небольшомъ аналоѣ покоятся многія частицы Святыхъ мощей.

Богослуженіе въ церкви, по благовѣсту и звону небольшихъ колоколовъ, совершается ежедневно: въ будни утренняя въ 5 часовъ, литургія въ 9 и вечерня по уставу. На праздники съ вечера отправляется всенощное бдѣніе и по утру литургія въ 9¹/₂. При служеніи Архіерейскомъ поютъ пѣвчіе изъ Чудовскаго хора.

При церкви находится и помѣщеніе Преосвященнаго Викарія: это четыре, или пять, необширныхъ комнатъ съ келейницею. Комнаты высоки, свѣтлы, съ штучными полами, снабжены приличною мебелью. Вотъ и все помѣщеніе Московскаго Преосвященнаго Викарія.

Показавъ прежній и нынѣшній бытъ Саввинскаго въ Москвѣ подворья, на которомъ имѣетъ помѣщеніе Преосвященный Викарій, Епископъ Дмитровскій, закончимъ соображеніями. Хотя Саввинское подворье находится въ срединной части города и на самой шумной улицѣ, но Преосвященный можетъ пользоваться и на семъ подворьѣ приличествующею ему монастырскою тишиною. Изъ оконъ дома, занимаемаго Преосвященнымъ, видны только ряды кровлей сосѣдственныхъ зданій, и тѣ въ кабинетѣ Преосвященнаго закрыты высокими тополями, вѣтви которыхъ касаются стѣны дома; по сему на подворьѣ, какъ въ уединенномъ монастырѣ, вниманіе ни какими посторонними предметами не развлекается. Развѣ отъ настоящаго къ прошедшему могутъ увлекать воображеніе нѣкоторые предметы, какъ то: вблизи возвышающаяся надъ кровлями пятиглавая церковь

упраздненнаго Георгіевскаго монастыря, который дравле занялъ мѣсто дома Бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ, а въ отдаленіи башни Кремлевскія: Никольская и Спасская и весь Кремль—святыня всей Православной Руси.

Въ лѣтнее время, когда на Саввинскомъ подворьѣ, отъ большой населенности окрестныхъ домовъ, воздухъ дѣлается душ-ливъ и нестерпимъ, Преосвященный можетъ, хотя, по роду и количеству своихъ занятій, на краткое время находить себѣ убѣжище въ Саввинскомъ монастырѣ, гдѣ и воздухъ благорастворенный, и святыня благоухаетъ въ мощахъ угодника Божія, и молитвословіе совершается по строгому монастырскому чину.

Н. Резановъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. См. «Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря, соот. С. Смирновымъ. Москва, 1860 г.» въ прим., стр. 171, гдѣ объяснено, что Воскресенскій Высокій монастырь въ Москвѣ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ.

2. О припискѣ монастыря къ Саввинскому Сторожевскому монастырю и о постройкѣ каменной церкви см. въ томъ же описаніи Г. Смирнова.

3. См. ниже прим. 6.

4. См. исповѣдныя росписи того времени въ Архивѣ Московской Консисторіи, и въдомствы, представленныя Пресвѣщенному Платону Левшину, на требованіе его за 1785 г., о доставленіи ему свѣдѣній, кто состоитъ въ приходахъ прихожане высшихъ чиновъ, гдѣ показаны: при церквяхъ: 1) Васильевской, на Тверской, противъ Саввинскаго Подворья: Генераль-Майоръ Князь Алексій Борисовичъ Голицынъ, Генераль-Майоръ Князь Матвѣй Алексѣевичъ Гагаринъ, Полковникъ Князь Петръ Александровичъ Черкасскій. У Князя Голицына была домовая церковь съ главою во имя Преподобнаго Сергія, освященная въ 1677 г.; 2) Елисейевской: Надворный Совѣтникъ Николай Ивановичъ Колычевъ, Капитанъ Василій Ѳедоровичъ Кобылинъ; 3) Воскресенской на Вражьи: Секундъ-Майоръ Князь Николай Сергѣевичъ Долгорукой, Княгиня Аграфена Ѳедоровна Голицына, Статскій Совѣтникъ Никита Автономовичъ Муравьевъ; 4) Леонтьевской: Полковникъ Князь Сергій Абрамовичъ Волконскій; 5) Вознесенской на Никитской: Генераль-Аншефъ дочь дѣвица Анна Петровна Саморокова, Графиня Екатерина Ивановна Головкина, Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, Генераль-Аншефъ Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, Князь Алексій Александровичъ Долгорукой, Генераль-Майоръ Князь Сергій Александровичъ Меншиковъ. У Графини Головкиной была домовая безъ главы церковь во имя Спаса образа Нерукотвореннаго, дозволенная въ 1761 году; 6) Предтечевской, у Никитскихъ воротъ: Княгиня Марья Ивановна Сибирская, Князь Михайло Ивановичъ Валдольскій, Бригадиръ Князь Алексій Алексѣевичъ Путятинъ, Бригадирша Княгиня Екатерина Ивановна Прозоровская; 7) Николаевской въ Хлыновѣ: Генераль-Аншефъ Ѳедоръ Ивановичъ Глѣбовъ, Генераль-Поручикъ Павелъ Матвѣевичъ Ржевскій. У Генераль-Аншефа Глѣбова была домовая церковь во имя Великомученицы Екатерины; 8) Николаевской въ Глѣзднякахъ: Лейбъ-Гвардіи Ротмистръ Василій Васильевичъ Исленьевъ, Секундъ-Майоръ Князь, Петръ Ивановичъ Горчаковъ, Полковникъ Князь Алексій Васильевичъ Урусовъ. При Николаевской въ Глѣзднякахъ церкви находилась другая Николаевская каменная церковь, числившаяся домовою Гвардіи Поручика Александра Алексѣевича Шереметова (по ветхости разобрана въ 1791 г., Мая 20); 9) Дмитро-Солунской у Тверскихъ воротъ: Майоръ Князь Николай Михайловичъ Несвицкій, Тайный Совѣтникъ Князь Иванъ Андреевичъ Вяземскій, Дѣйствительный Камергеръ Александръ Михайловичъ Пушкинъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Семеновичъ Кишкинъ, Поручикъ Степанъ Петровичъ Долгово-Сабуровъ, Графиня Екатерина Андреевна Чернышова; 10) Сергіевской на Дмитровѣ: Генераль-Майоръ Ѳедоръ Матвѣевичъ Шестаковъ, Полковникъ Сергій Михайловичъ Власовъ, Полковникъ Матвѣй Ивановичъ Магницкій; 11) Алексѣевской на Глинцахъ: Генераль-Аншефъ Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, Генераль-Поручикъ и Кура-

торъ Московскаго Университета Иванъ Ивановичъ Мелиссино, Князь Александръ Александровичъ Черкасовъ, Генеральская дочь Княжна Прасковья Васильевна Урусова, Докторъ Петръ Ивановичъ Погорѣцкой; 12) Григоріе-Богословской: Княжна Наталья Яковлевна Волконская, Генераль-Майоръ Федоръ Ивановичъ Ивановъ, Гвардія Капитанъ Князь Иванъ Алексѣевичъ Трубецкой, Ротмистръ Иванъ Федоровичъ Талызинъ, Полковникъ Александръ Михайловичъ Кологривовъ; 13) Сергіевской въ Крапивкахъ: Княгиня Клеопатра Михайловна Юсупова, Полковникъ Князь Сергій Ивановичъ Одуевскій, Петръ Ивановичъ Ханыковъ и Петръ Яковлевичъ Евреиновъ; 14) Рождественской въ Столечникахъ: Гвардія Поручикъ Александръ Алексѣевичъ Шереметевъ, Генераль-Поручикъ Петръ Васильевичъ Хитрово, Генераль-Майоръ Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, Бригадиръ Петръ Степановичъ Протасовъ, Полковникъ Князь Петръ Алексѣевичъ Козловскій, Гвардія Поручикъ Дмитрій Ивановичъ Сабуровъ, Коллежскій Ассессоръ Андрей Яковлевичъ Засѣцкій; 15) Воскресенской на Дмитровѣ: Баронеса Марья Артемовна Строганова, Князь Яковъ Алексѣевичъ Козловскій, Генераль-Поручикъ Сергій Васильевичъ Салтыковъ, Бригадиръ Князь Семень Борисовичъ Мещерскій. У Князя Козловскаго домовая церковь во имя Ярославскихъ Чудотворцевъ была надъ Воскресенскою церковію, и соединилась съ нею чрезъ переулокъ аркою. По резолюціи Митрополита Платона въ 1786 г., Мая 28, соединена съ приходскою; 16) Космо-Даміанской въ Шубинѣ: Генеральскія дочери дѣвѣцъ Екатерина и Александра Ржевскія, Княгиня Марья Николаевна Козловская; 17) Преображенской на Тверской: Полковникъ Алексій Ивановичъ Бахметевъ, Полковница Наталья Алексѣевна Пассекъ, Полковникъ Князь Петръ Ивановичъ Одуевскій, Петръ Афанасьевичъ Бекетовъ. У Князя Одуевского была домовая безъ главы церковь во имя Св. Мученика Хрисанова и Дарія, дозволенная въ 1771 г.; 18) Успенской на Вражкѣ: Баронъ Тайный Совѣтникъ и Камергеръ Григорій Николаевичъ Строгановъ, Полковничья дочери дѣвѣцъ Княжна Марья Александровна Долгорукая и Анна Александровна Янинова. Въ домѣ Княжны Долгорукой была домовая безъ главы церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, дозволенная въ 1760 г.; 19) Благовѣщенской, что былъ Моисеевскій монастырь: Генераль-Аншефъ Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій; 20) Діонисія Ареопагта: Генераль-Аншефъ Михайло Михайловичъ Измайловъ, Генераль-Поручикъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, Бригадирша Софья Федоровна Воейкова. У Графа Орлова была домовая безъ главы церковь во имя Преподобнаго Мемнона и 9 мучениковъ въ Кизикѣ; 21) Сергіевской на Красной Горѣ: Подполковникъ Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Верхняя церковь была его достоянію; 22) Ильинской на Тверской: Генераль-Аншефъ Иванъ Ивановичъ Костюринъ, Князь Василій Владимировичъ Долгорукій, Архитекторъ Петръ Романовичъ Никитинъ. У Костюрина была домовая безъ главы церковь во имя Казанскія Божія Матери, дозволенная въ 1758 г.; 23) Пятницкой противъ Охотнаго ряда: Генераль-Майоръ Сергій Владимировичъ Салтыковъ, Княгиня Дарья Александровна Грузинская. У ней была въ домѣ церковь во имя Св. Іоанна Богослова, дозволенная въ 1752 г. Прим. Верхняя Воскресенская церковь у Пятницкой построена въ 1687 г., Княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ; послѣ оцалы его, Петръ I домъ Голицына и церковь, которая принадлежала ему, отдалъ Грузинскому Царю, Арчилу; послѣ церковь переходила къ

его наслѣдникамъ; въ 1775 г. церковь принадлежала Грузинской Книгиѣ Аннѣ. Митрополитъ Платонъ, въ 1780 г., Сентября 19, соединилъ Воскресенскую церковь съ Пятницкою во едино; 24) Анастасіевской у Охотнаго ряда: Генераль-Поручикъ Михайло Федоровичъ Соймоновъ и Бригадиръ Александръ Алексѣевичъ Арсеньевъ; 25) Спасской на Копѣ: Генераль-Аишефъ Князь Иванъ Андреевичъ Прозоровскій, Генераль-Поручикъ Князь Федоръ Федоровичъ Щербатовъ, Генераль-Майоръ Князь Михайло Михайловичъ Голыцынъ, и 26) Воскресенской на Петровкѣ: Бригадиръ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, Бригадирская дочь Княжна Дарья Николаевна Щербатова, и Полковникъ Князь Василій Федоровичъ Сибирскій.

5. По дѣламъ Консисторіи видно, и см. въ «Полн. Собр. Зак. Рос. Имперіи,» 1773 г., Сентября 3, № 14,030, о правилахъ строенія въ Москвѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ.

6. См. дѣло въ Архивѣ Консисторіи 1773 г., Декабря 19, № 19, въ свѣдѣніи дѣла Саввина Сторожевскаго монастыря. Дѣло начинается копіею съ пменнаго Указа Коллегіи Економіи: «Погорѣвшее выиѣ въ Москвѣ Саввинскаго монастыря подворье, что на Тверской, повелѣваемъ выстроить, на что и опредѣляемъ изъ Коллегіи Економіи пять тысячъ рублей; а выстроитъ, отдать оное въ подворье Крутицкой Епархіи. Екатерина. Декабря 3 дня, 1773 года.»

7. См. «Исторію Россійской Іерархіи», и «Исторію Русской Церкви, соч. Преосвященнаго Филарета Черниговскаго.»

8. Свѣдѣнія взяты изъ дѣла Архива Консисторіи.

9. Въ дѣлѣ, показанномъ выше, прим., 6, значится опись вѣщамъ, которыя отданы въ Саввинскій монастырь, и которыя остались. Объ оставшихся предметахъ сказано: 1) Церковь каменнаго зданія во имя Воскресенія Христова, отъ бывшаго пожара вся щекатурная работа отпала, съ двумя придѣлами, по правую сторону всѣхъ скорбящихъ Божія Матери, съ вызолоченымъ новымъ иконостасомъ, по лѣвую сторону Преподобнаго Саввы, Сторожевскаго Чудотворца съ иконостасомъ ветхимъ. Покрыта листовымъ желѣзомъ, а трапеза тесомъ: полъ въ трапезѣ и придѣлахъ деревянный; подъ оною церковію погребъ теплый. 2) Образовъ, оставшихся послѣ пожара: 1, Спасителя, 2, Богоматери, 3, Воскресенія Христова, 4, Богоматери, 5, Саввы Преподобнаго вѣнецъ мѣдный, 6, Саввы жъ Преподобнаго, 7, Богоматери въ мѣдномъ вѣницѣ и бисерномъ уборѣ, 8, Спасителя, 9, Запрестольныя Богоматери, 10, Рождества Богородицы и Введенія во храмъ, 11, Успенія Богородицы и Сшествія Св. Духа, 12, Входъ во Іерусалимъ и Распятіе Господне, 13, Богоявленіе и Срѣтеніе Господне, 14, Св. Апостола Петра и Алексія человека Божія, 15, Господа Вседержителя, 16, Кирилла Александрійскаго и Священномученика Антипы, 17, Богоматери Запрестольной окладъ мѣдный, 18, Богоматери, Пророка Захаріи и прочихъ Пророковъ, 19, Отца и Сына, вокругъ рѣзба деревянная съ позолотою, 20, Рождества Христова, 21, Воскресенія и Вознесенія Христова, 22, Апостоловъ Іуды и Фомы, 23, Вечери Тайныя, 24, Рождества Богородицы, 25, Ахтырскія Богоматери въ котѣ рѣзномъ золоченомъ, 26, Успенія Божіей Матери, 27, Св. Живоначальныя Троицы, 28, Св. Филиппа и Варооломея, 29, Св. Мученика Дмитрія, 30, рождества Пресвятыя Богородицы, 31, Вечери Тайныя, 32, Всѣхъ скорбящихъ радости въ окладѣ серебряномъ, 33, Саввы Преподобнаго и Сергія, 34, Господа

Вседержителя, сѣдящаго на престоѣ, 35, образъ Дмитрія Митрополита, писанный на холстѣ, 36, Воскресенія Христова въ серебряномъ окладѣ, 37, Денеусъ въ иконостасѣ, по сторонамъ Св. Апостолы Андрей, Петръ и Пророки, 38, Казанскія Богородицы, 39, Пророка Ілія, 40, Преподобнаго Александра Свирскаго, 41, Богоматери съ короною, 42, Два креста деревяндыхъ, 43, Соборъ Архистратига Михаила, 44, Картина большая, писанная на холстѣ, Симеона Богопримца, 45, Царскихъ дверей рѣзныхъ и позолоченныхъ трое. Кромѣ того, иконостаса рѣзнаго золоченаго большихъ 4, а малыхъ 3 штуки, завѣса отъ Царскихъ дверей шерстяная красная, наловъ 2, въ томъ числѣ одинъ живописный. 3) При переднихъ воротахъ часовня каменная, въ ней Св. образы: 1, Воскресенія Христова, 2, Николая Чудотворца, 3, Богоматери, и 4, Параскевы, нарицаемыя Пятницы. При оныхъ образахъ лампада мѣдная. 4) На показанной часовнѣ колокольня каменная, крыта листовымъ желѣзомъ, съ желѣзнымъ крестомъ, на ней два небольшихъ колокола.

10. См. то же дѣло. Въ немъ показанъ расходъ суммы на какіе матеріалы по обстройкѣ Саввинскаго подворья.

11. Въ вышепоказанной вѣдомости, представленной по требованію Митрополита Платона, о Васильевской на Тверской улицѣ церкви, въ приходѣ коей находилось Саввинское подворье, между прочимъ, показана домовая церковь: «На подворьѣ Крутицкаго Архіерея, безъ главы, во имя Казанскія Божія Матери.»

12. Дѣло объ отдачѣ Саввинскаго подворья изъ вѣдомства Крутицкаго Архіерея Саввинскому монастырю въ Архивѣ Консисторіи, 1787 г., Іюля 13, № 73, также въ вязкѣ дѣлъ Саввинскаго подворья. Тамъ на справкѣ объяснено и о продажѣ Воскресенской церкви на Саввинскомъ подворьѣ. Изъ дѣла, между прочимъ, видно, что изъ часовни при воротахъ образовалась послѣ уже лавочка.

13. Въ печатномъ Указѣ Св. Синода, отъ 17-го Мая, 1788 года, № 790, между прочимъ сказано: «Седьмое: Въ пособіе Митрополиту Московскому учредить Епископа Викарнаго, съ именемъ Дмитровскаго, которому прозаводить жалованье и содержаніе, положенное Викарному Архіерею Новгородской Епархіи, включая въ оное и тотъ окладъ, что Архимандриту положено. А какъ Симоновъ монастырь упраздненъ быть долженъ, то содержаніе Настоятеля и вообще сего монастыря перенести на тотъ монастырь, который назначенъ будетъ Синодомъ Нашимъ, по лучшей удобности, для пребыванія Викарнаго Архіерея Московской Епархіи. «Одинадцатое: Въ исполненію сего Высочайшаго Указа 7-го пункта, повелѣвающаго въ пособіе Митрополиту Московскому учредить Епископа Викарнаго съ именемъ Дмитровскаго, на предписанномъ основаніи, съ назначеніемъ ему отъ Синода, по лучшей удобности для пребыванія, монастыря, и о перенесеніи на оный отъ упраздняемаго Симопова монастыря всего положеннаго Настоятелю и вообще сему монастырю содержанія; то какъ соотвѣтствующая сему удобность больше извѣстна мѣстному Архіерею, Синодальному Члену, Преосвященному Московскому, для того ему, Преосвященному, избрать, изъ еостоящихъ нынѣ въ вѣдомствѣ его монастырей, два монастыря, такіе, кои, по его разсужденію, для пребыванія Викарнаго Епископа опредѣлитъ приличнѣе и удобнѣе, представитъ объ нихъ на разсмотрѣніе Святейшему Синоду безъ замедленія.

14. Всѣ свидѣнія извлечены изъ дѣлъ Архива Консисторіи.

ЗАПИСКА
О
ФИНАНСАХЪ, ПОЛИТИКѢ И ТОРГОВЛѢ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ 1810 Г.

Предлагаемая сдѣсь Записка обязательно сообщена намъ знатокомъ и дѣтелемъ на поприщѣ Русской Исторіи, Его Высочайшескимъ Высочайшимъ, Павломъ Александровичемъ Мухановымъ, изъ богатаго его хранилища книгъ и рукописей.

Подлинникъ Записки—рукопись въ 4-ю л., на 71 страницѣ; писана она крупнымъ, четкимъ почеркомъ первой четверти текущаго столѣтія, на обыкновенной, толстой бумагѣ, безъ всякихъ помятокъ. Рукопись не имѣетъ заглавія; мы составили его соответственно ея содержанію; въ Запискѣ нѣтъ также указаній на фамилію, или личность, ея составителя.

Между тѣмъ изъ содержанія Записки видно, что она писана въ 1810 году, и именно въ первую его половину, вскорѣ по обнаруженіи 2-го (а не 4-го, какъ сказано въ Запискѣ) Февраля, 1810 г., Манифеста: «О мѣрахъ къ уменьшенію Государственныхъ долговъ, о прекращеніи выпуска въ оборотъ новыхъ суммъ ассигна-

ціями и о возвышеніи нѣкоторыхъ податей и пошлянъ» (П. С. З. т. XXXI, № 24, 116; см. также: №№: 24,119, 24,120 и 24,132). Манифестъ этотъ, какъ надо полагать, и послужилъ ближайшимъ поводомъ къ составленію настоящей Записки; Что до ея составителя, то изъ содержанія рукописи видно, что сочинитель Записки подавалъ въ Декабрѣ 1809 года, другую Записку; что это былъ человекъ съ большимъ свѣдѣніями въ финансахъ, при томъ Русской человекъ, патриотъ Екатерининскаго времени и заклятой противникъ политическихъ воззрѣній Сперанскаго и прочихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ Александра I-го въ предѣлахъ и во время его царствованія. По нѣкоторымъ взглядамъ и убѣжденіямъ своимъ сочинитель примыкаетъ къ сторонѣ Н. М. Карамзина, О. В. Ростопчина и ихъ послѣдователей; но несомнѣнно, однако, что не Карамзинъ былъ составителемъ Записки. Въ этомъ, помимо множества другихъ доказательствъ, легко убѣдиться при бѣгломъ взглядѣ на письма Карамзина 1810 г. къ Дмитріеву; въ одномъ изъ писемъ этого именно года (отъ 3-го Марта) Карамзинъ, между прочимъ, пишетъ: «Съ великимъ любопытствомъ читалъ я на сихъ дняхъ проектъ Законовъ: на иное сдѣлалъ бы свое примѣчаніе, но писать объ этомъ неловко.» (Изд. 1866 г., стр. 126)...

Не ограничиваясь указаніями на ошибки въ финансовыхъ мѣраxъ тогдашняго Правительства Россіи, неизвѣстный составитель Записки 1810 г. касается вопроса о внѣшней торговлѣ и промышленности Русскаго Государства, и переходитъ къ разсмотрѣнію внѣшней политики Русскаго Правительства. Въ этомъ вопросѣ сочинитель, вопреки мнѣніямъ Сперанскаго и его стороны, является рѣзкимъ противникомъ сближенія Россіи съ Франціею, осуждаетъ материковую (континентальную) систему, прямо настаиваетъ на ея нарушеніи и, яркими красками очерчивая безотрадное, съ его точки зрѣнія, положеніе тогдашней Россіи, даетъ указанія на выходъ изъ этого положенія. При этомъ сочинитель, между прочими соображеніями, выдвигаетъ весьма смѣлую и свѣтлую для своего времени мысль о

необходимости для Россіи тѣснѣйшаго союза съ Австрійскими Славянами, и о силовченіи ихъ, вмѣстѣ съ Венгріей, въ одинъ Восточной Союзъ, въ противовѣсъ Союзу Западному, Рейнскому.

Тонъ Записки весьма рѣзокъ, слогъ тяжелъ и явно носить отпечатокъ слога людей 1780—90 годовъ. Темъ не менѣе по всему видно, что составитель Записки привыкъ разсуждать о важныхъ Государственныхъ вопросахъ и, по своему положенію, не считалъ нужнымъ стѣсняться.

Мы сообщали настоящую Записку почтеннымъ Академикамъ: А. Ѳ. Бычкову, А. А. Кунику и П. П. Пекарскому, съ просьбой опредѣлить: кто именно былъ ея составителемъ? Розысканія этихъ ученыхъ остались безуспѣшны. Во всякомъ же случаѣ настоящая Записка является весьма важнымъ и знаменательнымъ памятникомъ для исторіи преобразовательной поры царствованія Александра I-го, и для знакомства съ положеніемъ Россіи въ первые годы текущаго столѣтія до великаго разореннаго года.

Печатаю рукопись, съ согласія П. А. Муханова, мы долгомъ считаемъ засвѣдѣтельствовать глубочайшую признательность ему за обязательное сообщеніе этого любопытнаго историческаго памятника.

Михаилъ Семевскій.

24 Октября, 1868 г.

С.-Петербургъ.

Въ Запискѣ, поданной въ прошломъ 1809 году, въ Декабрѣ, упоминалъ я о прежде подаваемыхъ бумагахъ: о курсѣ и пошлинахъ, и что въ сихъ бумагахъ предсказанное мною приходитъ въ исполненіе, объяснилъ, что доходы казенные уже тогда существенно составляли только треть настоящаго дохода. Съ уменьшеніемъ же кредита ассигнацій доходъ еще умалится.

Нынѣ и сіе совершается. Доходы уже составляютъ четвертую часть суммы собираемой. Къ змиѣ еще курсъ упасть неиннуемо долженъ, если продлится война съ Турками. Промѣнъ будетъ въ 4 рубли. Тогда вся монета спрячется совершенно, и нельзя будетъ остановить паденія курса, такъ что промѣнъ можетъ возвыситься до 9 р.: тогда уже ассигнаціи будутъ ни во что, казна и частные люди останутся безъ дохода и безъ денегъ, и весь оборотъ кончится.

Въ сей же Запискѣ означено единственное средство избѣжать сей гибели, состоящее въ томъ, чтобъ найти способъ, дабы: 1-е, въ казну входили не только ассигнаціи, но золото и серебро; 2-е, чтобы доходы сравнить съ расходами, не отягчая народъ налогами, а изворотами, обращая въ казну то, что платитъ народъ постороннимъ.

Въ началѣ нынѣшняго года въ разсужденіи нуждъ Государственныхъ, Манифестомъ 4 Февраля, наложены новыя подати. Хотя симъ средствомъ умножилось число сборовъ, но сомнительно, чтобъ намѣреніе уравнять доходы съ расходами достигло своей цѣли и нужды казенныя были удовлетворены. Ибо сумма, нужная для оборота въ Государствѣ, равна сложности надобностей каждаго семейства на его издержки, для удовлетворенія нуждъ своихъ.

Сія сумма, нужная на покупку надобностей, каждый достаетъ продажею своего произведенія, или своего стяжанія.

раскладывая цѣну на вещи производимыя такимъ образомъ, чтобы отдавая свои вещи за деньги, могъ удовлетворить своимъ надобностямъ.

Плательствъ податей есть изъ числа сихъ нужныхъ имъ надобностей. Если выйдетъ налогъ на тѣ вещи, или промыслъ, коимъ частный человекъ достаетъ нужное содержаніе своему семейству, или положится оиладъ на него и семейство его составляющія лица, тогда надобности вдругъ умножатся, расходъ увеличится паче прежняго, и бывшее равновѣсіе его дохода съ расходами, разрушась, окажется недостатокъ, который, чтобы дополнить, необходимо всякъ долженъ возвысить цѣну своего промысла и цѣну вещей своихъ, дабы удовлетворить подати, на него наложенной.

А какъ всѣ состоянія въ одинаковомъ положеніи, то всѣ вещи должны вздорожать; каждый же, покупая дороже все, ему нужное, по неволѣ сей избытокъ расходовъ долженъ выгадывать на своихъ произведеніяхъ и промыслахъ. И сіе шатаніе цѣнъ и возвышеніе дороговизны вещей продолжится, доколѣ пакы нужды семействъ удовлетворятся, и расходы съ приходами придутъ въ равновѣсіе, и сумма всего оборота въ Государствѣ придетъ въ сложность, равную нужному числу денегъ, для удовлетворенія нуждъ и необходимыхъ расходовъ.

Но деньги, какія бы оиѣ ни были, бумажныя, или металлическія, суть также произведеніе и промышленность, какъ всѣ прочія вещи. Монетный Дворъ, Ассигнаціонный Бамкъ, суть не что иное, какъ денежныя фабрики. А сіа фабрика суть собственность и промышленность казенная. Слѣдственно, частнымъ людямъ негдѣ взять денегъ, какъ вымѣнявъ ихъ у казны. По чему и сей избытокъ, налогомъ произведенный, иначе уплатить народъ не можетъ, какъ получа его отъ казны деньгами, ево сдѣлацными.

Сего предмета достигаютъ люди, вылагая на свои вещи, казнь даваемая въ промѣнъ за ея деньги, тотъ избытокъ, каковой оиѣ платитъ должны, и то излишество своихъ расхо-

довъ, которому удовлетворить· принуждены· необходимо, такъ· что казна, покупая на свои деньги вещи, ей· нужныя; нестратитъ больше· прежняго, и вознаградитъ народу ту самую пропорцію· избытковъ въ расходахъ его, которой она сдѣлала налогомъ, что и случилось: цѣна· вещамъ· перемѣнилась, но пропорція· надобностей казенныхъ· осталась та же, какъ и была, то есть, "пропорція· доходовъ съ· ея· расходами· осталась по· прежнему, а нужда въ деньгахъ· умножилась, по· соразмѣрности· дороговизны.

По· чему· очевидно, что· единственно· экономическими· изворотами· и· обращеніемъ· въ· казну· денежных· суммъ, народомъ· платимыхъ· постороннимъ, можно· только· уравнивать· расходы· казенные· съ· ея· приходами.

Банкъ· Погасительный· по· тому· не· наполняется, что· нѣтъ· кредиту· и· ни· какого· надежнаго· залога· вкладчикамъ· не· представлено. Въ· Заемный· Банкъ· и· Ломбардъ· каждый· отдаетъ· деньги· по· тому, что· недвижимыя· имѣнія, подъ· закладъ· которыхъ· сн· деньги· раздаются, суть· достаточный· залогъ· вѣрности· платы.

Но· можетъ· быть, что· недостатокъ· кредита· избавилъ· Государство· отъ· великой· потери; ибо· иностранецъ, переведя· серебромъ· 100· тыс. руб., получаетъ· ассигнаціями· около· 400· тыс., вноситъ· оныя· въ· Банкъ, за· что· ему· платится· серебромъ· 200· т. Очевидно, что· онъ· при· самомъ· вкладѣ· выигрываетъ· сто· на· сто, и· 14· на· сто, получая· семь· лѣтъ· за· свои· 100· тыс., получаетъ· 298· тыс. руб. серебромъ. Двадцать· же· милліоновъ· могли· бы· достаться· иностранцамъ· за· пять· милліоновъ, переведенныхъ· ими· въ· Россію, за· которые· въ· семь· лѣтъ· могли· бы· получить· выигравшемъ· при· вкладѣ, 5· милліоновъ, да· процентами· 4· милліона, 900· тыс. руб., всего: 14· милліоновъ· 900· тыс., почти· втрое· противъ· внесенной· суммы· въ· Банкъ. Такой· залогъ· врядъ· ли· выгоденъ· казнѣ: При· томъ· опасно, что· положенная· уплата· серебромъ, по· тину· за· рубль, можетъ· возстановить· возвышеніе· курсъ· ассигнацій, выше· рубля· промѣну, что· весьма· вредно; ибо· умалитъ· ея· доходы· въ· половину; изъ· чего· никогда· и· не· выступитъ, если· не· будутъ· въ· скоромъ· времени· взяты· мѣры, для· предупрежденія· сего· зла.

Передѣлъ монеты можетъ произвести великія выгоды выпускомъ серебряной мелкой монеты миллионѡвъ на 30; поелику сими средствами можно будетъ уничтожить все мелкія бумажки, и оныя замѣнить монетою. Отъ сего опять серебро войдетъ въ оборотъ и крупныя ассигнаціи поднимутся, курсъ оныкъ повернется на серебро, и самая мѣдь придетъ въ надлежащую цѣну; ибо: нѣмѣнская цѣна мѣди случайная: Австрія, потерявъ пушни, великою закупила оной возвысила сей металлъ выше обыкновенной его цѣны, и отарая упадетъ, безъ сомнѣнія, какъ скоро сіи нужды кончатся.

Сумма 30 миллионѡвъ можетъ поддержать кредитъ; но она еще недостаточна, чтобъ совершенно удовлетворить обороту, который могъ бы удовлетвориться уничтоженіемъ мелкихъ бумажекъ. Но какъ дѣсная услуга возвышаетъ и утверждаетъ кредитъ, до публики, ведя казну, плавающую серебромъ; получить доверіе къ казнѣ, и суммы денегъ, крахмалъ въ сундукахъ, выйдутъ въ оборотъ; поелику надежда, что всегда можно оныя получить серебромъ же, рушитъ опасность выпускать деньги, дабы на мѣсто ихъ получать ассигнаціи, коихъ цѣна ежедневно уменьшается. Сей выпускъ серебра дополнитъ недостатокъ казны и ей дастъ средство даже получать серебро на свои извороты. По чему, до изданія сего Манифеста о монетахъ, нужно было придумать способъ, чтобъ въ казну поступало на нѣсколько десятковъ миллионѡвъ серебромъ, дабы, при самомъ обнародованіи, имѣть въ рукахъ силу поддержать сію монетную систему.

Указъ о пошлинахъ, гдѣ ефимокъ положенъ въ 4 руб., унижилъ кредитъ, по тому что тогда еще ефимокъ или талеръ стоялъ только 3 руб. 60 коп., и 3 руб. 70 коп. Нынѣ же, когда талеръ возвысился въ 5 и 6 руб., казна теряетъ на пошлинахъ 50 процентовъ, ибо за талеръ платится все 4 руб. ассигнаціями. Слѣдственно, удобнѣе принимать иностранную монету по курсу, или принимать оную на вѣсъ, приводя въ цѣну и достоинство Русской монеты; плату же пошлинъ взимать не иначе, какъ золотомъ и серебромъ. Отъ чего достанется казеннымъ монетнымъ дворамъ нужный матеріалъ для дѣланія денегъ, коего недостатокъ останется ихъ дѣйствию.

Изъ всего слѣдуетъ, что весьма хорошія планы не во время и безъ настоящаго поддержанія въ исполненіи ихъ могутъ слѣдовать вредъ и удалити отъ преднамѣреваемой цѣли; и что принятый ходъ системы финансовъ не можетъ достигнуть желаннаго исправленія оныхъ, поелику налоги только производятъ недостатокъ во всѣхъ частныхъ стяжаніяхъ, броженіе въ общемъ оборотѣ Государственномъ, возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы, и недостатокъ денегъ въ казнѣ на покупку вздорожавшихъ, но ей, необходимымъ, вещей. И еслии еще налоги умножатся, особливо на мосты, дороги, лошадей, упадающія на перевозку товаровъ, то внутреннее сообщеніе Государства съ столицами пресѣчется во многихъ частяхъ, какъ сіе уже и было во времена Императрицы Елисаветы Петровны; дороговизна за все умножится и дойдетъ до такой степени, что покупка вещей слѣзается насоразмѣрною; промышленность остановится; ремесленники, не получая нужнаго на надобности своего семейства, по причинѣ непродажки своихъ работъ, оставятъ оныя, разойдутся для сканія пропитанія, опустѣетъ Государство, доходы казенные пресѣкнутся, останется одна недомка, и казна очутится безъ денегъ и безъ людей.

Сіе зло тѣмъ опаснѣе, что дѣлается непримѣтнымъ образомъ, и тогда почувствуется Правительствомъ, когда оному пособить уже не можно.

Дабы избѣжать угрожающаго упадка, не помогутъ ни системы, ни уничиства, ни подраженіе иностранцамъ. Необходимо нужно: 1-е, представить средства, чтобъ въ казну втекало доходами на нѣсколько десятковъ милліоновъ существенною монетою; 2-е, изыскать хозяйственныя средства къ доставленію казнѣ нужныхъ ей вещей, съ наймалѣйшею выдачею денегъ за оныя, дабы получать ежегодно остатокъ отъ доходовъ на знатную сумму, и сей остатокъ ассигнаціями истреблять; 3-е, предложить средства къ уменьшенію и уничтоженію налоговъ, подавляющихъ промышленность, дабы тѣмъ самымъ цѣна вещей умалчилась, съ чѣмъ уменьшаться и расходы казенныя.

Изъ главнѣйшихъ средствъ, къ сему ведущихъ, есть: уничтоженіе монополистовъ, скупщиковъ и перекупщиковъ, столь много

расплодившихся, и истребленіе лихоимства и взятокъ служителей Коронныхъ. Безъ сихъ же предосторожностей не избѣжны: общая разстройка частныхъ людей и Государственной казны, безъ коихъ оборотъ денегъ въ Имперіи остановится, промышленность уничтожится и потрясется связь цѣлаго Государства, изъ чего какія выйдуть послѣдствія, всякъ чувствовать можетъ.

Многіе думаютъ, что миръ возстановитъ упавшій кредитъ, и что открытіе торговли дастъ средство къ теченію металловъ, чѣмъ поправятся финансы. На сіе можно замѣтить: что иногда и самыя здоровыя яства портятъ разстроенный желудокъ. И опытъ доказываетъ, что самыя хорошія системы, не во время и безъ надлежащаго порядка въ дѣлахъ пущенныя въ дѣйствіе, могутъ быть вредны.

По чему нужно разсмотрѣть всякое предположеніе въ надлежащемъ его видѣ, а не такъ, какъ оно мечтается въ соображеніи людей шалосмыслящихъ о истинномъ положеніи Государства, въ отношеніи его внутренности и его интересовъ съ иностранными Державами.

Нельзя не признаться, что война съ Турками отяготительна Государству:

1. Вся Черноморская торговля остановилась и пресѣкла богатства полуденныхъ областей. Наши произведенія: хлѣбъ, пенька, парусина, сало, масло, желѣзо и проч. свалены въ кучахъ и не продаются. Помѣщики лишены доходовъ, хлѣбопашцы способовъ добывать деньги на подать, ремесленники промысловъ, а купцы оборотовъ. Сама казна претерпѣваетъ лишеніе во многомъ нужномъ: Государство лишается денегъ, за избытки свои получаемыхъ, чѣмъ умаляется число ходячей монеты и кредитъ ассигнацій унижается.

2. Война въ Турецкіи самая убыточная; ибо арміи содержать должно всѣмъ, имъ потребнымъ, не имѣя ни какого пособія отъ земли, гдѣ оная производится, чего ради требуетъ великаго истеченія денегъ серебромъ, такъ что пресѣченіе втеченія и умноженія выхода оныхъ, совокупно подрываютъ кредитъ и уни-

жають курсъ. Гдѣ потребенъ былъ одинъ милліонъ, нынѣ нужно тамъ около четырехъ, для заплаты равной суммы.

3. Россія воюетъ не токмо безъ помощи, но, напротивъ, подъ личиною дружбы: иностранцы всѣми мѣрами стараются вредить и дѣлать Россіи помѣшательства. Миръ все сіе прекратить можетъ. Но какъ сдѣлать миръ? Есть вопросъ, требующій великой осторожности въ его разрѣшеніи.

Туреція клонится къ паденію, но еще не пала; она истощается, но еще не истощилась, еще имѣетъ силы великія и найдетъ средства изворотиться къ своей защитѣ.

Правда, бывшія собранныя богатства истощились прежними войсками и бунтами. Отпаденіе многихъ Пашалыковъ уменьшило доходы Султанскіе; возстаніе Вехабитовъ, разореніе Египта, грабительства Пашей, помѣшательство въ торговлѣ, изнурили подданныхъ. Турки не могутъ купить мира, но найдутъ средства вести войну въ пожертвованіи самыхъ Пашей и подданныхъ, для избѣжанія своего паденія.

Турки не меньше насъ желаютъ мира, по причинѣ внутреннихъ своихъ неустройствъ, по чему несомнѣнно жертвуютъ многими областями, для полученія спокойствія, но не деньгами, за немѣніемъ оныхъ. По сему можно надѣяться, что по Дунаю согласятся уступить Россіи и весь сѣверный берегъ Чернаго моря: Анапъ, Сунжукъ-Кале, Потти и проч. А Россія такая уступка принесетъ пользу: 1. Всѣ Горскіе народы, отрѣзанные отъ соединенія съ Турками, войдутъ скорѣе въ подданство и, служа въ войскахъ нашихъ, принесутъ великія выгоды. 2. Доходами сихъ странъ умножатся средства къ уравненію доходовъ съ расходами. 3. Таможни на Дунаѣ, по которому всѣ Австрійскія произведенія проходятъ должны, часть отъ часу возрастая, награждать издержанныя на войну суммы. 4. Россія получитъ многія произведенія южныхъ странъ, коими нуждается; вина, фрукты и проч. будемъ имѣть, и выпускъ денегъ на покупку оныхъ останется дома.

Цесарцы, вѣдая всѣ выгоды, какія Россія пріобрѣсти можетъ владѣя Дунаемъ, стараются лишить ее оныхъ, тѣмъ болѣе,

что Государь Императоръ объявилъ присоединенными къ Россіи Валахію и Молдавію, по чему и противятся сему присоединенію для того: 1, чтобъ лишить Россію сихъ выгодъ; 2, дабы уничтожить объ ней мнѣше публики, представя ее безсильною исполнить торжественно объявленное Государемъ присоединеніе сихъ странъ; 3, дабы потеря людей и денегъ въ сей войнѣ осталась безъ вознагражденія; 4, чтобъ въ самомъ народѣ Русскомъ возбудить робость и недовѣрчивость къ Монарху заключеніемъ мира, невыгоднаго съ честію, славою и силою Государства не соразмѣрнаго; 5, дабы не дать Россіи властвовать надъ торговлею Австріи, отправляемой по Дунаю, получая пошлины съ товаровъ и налагая сборы на промышленность чуждую, получая тѣмъ средство стѣснять Австрійское рукодѣлье, и выманивать изъ оной искусныхъ ремесленниковъ, для заведенія художествъ у себя.

Хотя Наполеонъ объявилъ, что не завидуетъ пріобрѣтеніямъ Союзника, ни чего не значущимъ въ сравненіи имъ пріобрѣтеннаго и пріобрѣтаемаго, однако мудрость заставляетъ не вѣряться словамъ, а дѣятельностію принудить согласиться на миръ, Россіи выгодной, когдо совершенію иностранныя Державы не могли бы противиться.

Австрія находится въ разоренномъ состояніи: она не въ силахъ совершить предпріятій великихъ. Сіе обнаруживаетъ, что она дѣйствуетъ не сама собою, но по наущенію другой Державы, опасоющейся, чтобы Австрія съ Россією не заключила паки союза по замиреніи съ Турками, и желающей Россію держать въ войнѣ, для нея тягостной, дабы истощать ея силы.

Изъ сего ясно, что войны съ Австрією опасаться нечего: ибо: 1, предвидѣть можно, что она неминуемо должна восплѣдовать. Сему Государству нужно вознаградить свои потери, а Россіи безъ опасности не возможно позволить сіе вознагражденіе отнятіемъ владѣній Прусскихъ, Турецкихъ, тѣмъ паче собственныхъ; 2, Держава, дѣйствующая на Австрію, подвигнетъ ее начать съ нами войну даже противъ воли и склонности ея Правительства, для того, чтобъ Россія, будучи занята, не могла мѣшать той дѣйствующей Державѣ распространять свои владѣнія часть отъ часу далѣе на востокъ; чтобъ Австрія, приведен-

ная въ слабость, прибѣгла къ ней для полученія помощи, вручила бы оной свои крѣпости въ сохраненіе, что и дастъ средство сей Державѣ сдѣлать то же съ Австрією, что сдѣлано было съ Гишпанією; 3, Венгерцы давно не любятъ Австрійскаго правленія, разными пронырствами лишаящаго ихъ древнихъ правъ и преимуществъ. Нынѣ, по наущенію той же державы, Австрійское начальство объявило намѣреніе Венгрію поработить одному правленію съ Австрією подъ свое иго, и, занявъ крѣпости Венгерскія и сію страну, принудить къ тому же порабощенію.

Россіи стоитъ только поддержать народъ Венгерской, содѣлаться защитникомъ его правъ и вольности, подкрѣпить сильнымъ войскою отрядомъ, чтобъ Венгрію и всѣ Славянскіе народы отторгнуть отъ Австріи и присоединить ихъ тѣснымъ съ собою союзомъ, поставя въ Венгріи особеннаго Короля изъ самихъ Венгровъ, ими же избраннаго.

Таковой союзъ противопоставится Рейнскому Союзу, произведетъ равновѣсіе, или паче дастъ перевѣсъ Восточному Союзу надъ Западнымъ, отъ котораго многія области, для сохраненія своей безопасности, отстанутъ и прилѣпятся къ Восточному; но время упускать не должно. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ одна твердость только сохранитъ Государство, а нерѣшимость причинитъ невозвратной вредъ.

Отъ сего переворота въ Венгріи Россія получить можетъ большую часть Галиціи, Буковину, Трансильванію и протянуть границы свои почти прямо чертою по хребтамъ горъ до самаго Дуная, союзное Государство Венгрію, могущее съ Славянами выставить болѣе 200 тыс. войска храбраго къ защитѣ владѣній и правъ обоихъ Государствъ, и весь Венгерскій торгъ останется въ нашихъ рукахъ, имѣя выходъ только по Дунаю.

Если Франція вступитъ въ защиту Австріи, то и тогда опасности не предвидится: 1, Мы теперь имѣемъ предводителей, знающихъ образъ войны Французовъ, искусившихся опытомъ и оказавшихъ свое искусство на дѣлѣ. Слѣдственно, удобнѣе можемъ бить Французовъ, нежели прежде, и тѣмъ болѣе, что фанатизмъ Французовъ погасъ, старые ихъ солдаты побиты, союзные Нѣм-

цы замѣняютъ національныхъ и бѣгутъ. Мнѣніе о непобѣдимости Бонапарте потряслось въ Пултускѣ и Прейсшъ-Ейлауѣ, померкло подъ Вѣною, изгладилось въ Гиспаніи. 2. Силы Имперіи Россійской единственны, силы Франціи многосложны. Нашему Государю нечего опасаться отъ своихъ подданныхъ, волею ему повинующихся, но, напротивъ, Французы силою и страхомъ токмо держатъ области въ своемъ подданствѣ. Одна потерянная битва, преслѣдуемая съ живостью, можетъ разрушить всю связь Державы ихъ, взбунтовать подвластные народы и расторгнуть насиліемъ удерживаемый составъ ихъ власти, чего ни десять потерянныхъ сраженій съ Россією учинить не можетъ. Мы страшнѣе Французамъ, нежели Французы намъ. 3. Недостатокъ денегъ можетъ исправиться войною; должно только не щадить непріятельскіе народы и на счетъ ихъ содержать войска, какъ содержать оныя и самыя Французы. Отъ сего въ Государствѣ останется много суммъ, которыми ассигнаціи истребятся, множество войдетъ монетъ въ Россію отъ добычи, приобретенной и собранной контрибуціями, — суммы и отъ доходовъ земель покоренныхъ, что послужитъ къ той же цѣли. Такимъ образомъ во Франціи истребили ассигнацій непомѣрное число. 4. Недостатокъ монетъ произошелъ отъ пресѣченія торга, но разрывъ съ Франціею рушитъ систему твердой земли, изобрѣтенную Французами на тотъ конецъ, чтобъ лишеніемъ торговли привести Государства въ разслабленіе, отнять у нихъ продажею избытковъ приобретаемыя богатства и средства содержать войска, могущія ихъ защитить отъ нападенія Франціи и отъ несчастія быть обращенными въ Французскую провинцію, какъ сіе случилось съ Голландіею и иными Державами.

Но когда послѣдуетъ разрывъ сей системы, тогда Россія воспользуется всѣми выгодами, естественнымъ ей дарованными, и паки обилія и богатства обновятся.

Можно быть удостовѣрену, что какъ скоро Франція усмотритъ Россію, паки принимающеюся имѣть то вліяніе на Европу, которое прежде имѣла, то остановится во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ сблизять Россію свои завладѣніи, обнимая ее оными и съ сѣвера и съ юга, переимѣнитъ свой тонъ, сдѣлавшись только же

низка, колико нынѣ высокохвѣрна въ своихъ поступкахъ. Гышнавія, лишенная всего, противостоящая единою храбростію, непоколебимостію духа и твердою рѣшимостію, почти выгнала Французовъ изъ нѣдръ своихъ. Бывъ же поддержана Россіею, отвлеченіемъ силы Французскихъ и пораженіемъ оныхъ Русскими, поможеть и намъ, угрожая самому Парижу оозженіемъ. Отъ чего на песнѣ построивное зданіе силы Французской рухнетъ въ основаніи. Сія устрашающая мечта преѣдетъ съ лица земли. Пышныя нареченія, исполнискія предиріятія, мечтаемыя и разглашаемыя Французами, суть личина, покрывающая ихъ слабость; пугало, выставленное, чтобъ не смотрѣли во внутренность ограда ихъ политики, дабы не явилась ложь ихъ системы, тщета ихъ могущества, дабы слабость и недостатки не обнаружились.

Пруссія, низложенная Французами, ими же истощается. Требуютъ съ нея денегъ по трактату, начитывая непрестанно за содержаніе войскъ, а съ другой стороны воспрещая ей торговлю приобрѣтатъ нужное количество денегъ на заплату, съ тѣмъ, чтобъ часъ отъ часу обезсильвать сію Державу и при первомъ случаѣ отторгнуть отъ нея Силевію, для отдачи Австрійцамъ, Бранденбургію Вестфалію, а Пруссіею усилить въ Польшѣ предполагаемое Королевство. Все сіе не оказываетъ ни малѣйшаго благорасположенія Франціи къ Россіи, ни искренней дружбы Наполеона къ нашему Императору.

Данія также трепещеть, предавшись въ увѣреніе Французовъ. Разглашенія, сдѣланныя въ газетахъ, о Скандинавскомъ Королевствѣ, обезпокоили Датское Правительство. Известно; что ни чего не печатается въ оныхъ, безъ повелѣнія Тюльерійскаго Кабинета, но недавно оный отрекся и велѣлъ искать разнесшихъ сіи слухи, вѣрно зная, что никто не коснется Парижа. Но какъ таковыя же публикаціи и отреченія были дѣлаты, то томимыя сомнѣніями области оканчивали быть поработченными. Сіе выставляетъ наружу, что Якобинцами составленная система есть основа дѣйствій Парижскаго Кабинета. Она основана на разрушеніи всѣхъ связей между властителями народовъ, разсѣвая недоуверіе межъ ими, и включивъ, ходомъ политики обольщая всѣхъ, чтобы не мѣшали поглощать слабыхъ, и, разслабля таковымъ образомъ всѣ обще-

ства, въ послѣдствіи поглотить ихъ всѣхъ. Единный огромный комъ Россіи можетъ заградить уста жаднаго Дракона, и принудить его извергнуть поглощенное. Къ силамъ Россіи прицѣнятся всѣ слабосильные и отягченные народы, и умножатъ ея могущество.

Утверждая истину, всѣми вѣками свидѣтельствуемую, что, отъ торговли процвѣтають Государства въ силѣ, могуществѣ и богатствѣ, отнюдь не думаю, чтобъ всякая торговля была оному полезна. Торговля можетъ также истощевать Государство, какъ и война; чего ради считаю нужнымъ объяснить, въ чемъ выгоды и невыгоды торговли Государственной состоятъ могутъ.

Главное политическое правило торговли есть: «Всякой торгъ, который размножаетъ рукодѣля и промышленность внутрення Государства, его обогащаетъ, расширяя благосостояніе народа. Всякій же торгъ, который не размножаетъ трудолюбія въ народѣ, вреденъ. А подавляющій внутреннюю промышленность, ремеслами пагубенъ и истощителенъ для Государства.»

Изъ сего слѣдуетъ: 1, Ежели выпускаются въ чужія страны товары сырые, необдѣланные, грубые, самой первой обработки, а привозятся товары роскошныя, высокою отдѣлки и по большоѣ части только произведенія утонченнаго вкуса, такой торгъ разорителенъ; поелику иностранецъ, купивъ у насъ сырой товаръ, заплатя всѣ издержки за оный до мѣста продажи и всѣ надбавки перекупа, обдѣлываетъ оный, полагая за труды цѣну, удовлетворяющую всѣмъ нуждамъ своего семейства, продаетъ скупщику, который паки привозитъ сей обдѣланный товаръ въ Россію, гдѣ наши покупаютъ его, платя за всѣ издержки и барыши до доставленія его на мѣсто продажи, которая не токмо во сто разъ, но въ нѣсколько тысячъ возвышаетъ его цѣну. За аршинъ кружева платятъ 100 р., 200 р. и 300 р., а въ оныхъ льну изъ Россіи вывезеннаго едва ли будетъ на грошъ. Колико же пудовъ льну замѣнитъ одинъ кусокъ кружева? По сему очевидно, что наши сырые товары иностранцы получаютъ ни за что; ибо мы сами за нихъ платимъ имъ всѣ издержки до доставленія на мѣсто продажи. 2, Выкупая къ обработкѣ нужные матеріялы, иностранцы мѣшаютъ нашимъ пользоваться оными, и тѣмъ самымъ мѣщанамъ въ городахъ мѣшаютъ прилежать къ рукодѣлію; подры-

ваютъ начинающіяся наши фабрики, а множествомъ привозимыхъ издѣльевъ принуждаютъ мѣщанъ промышленяты барышничествомъ и въ праздности проводить время. 3, Изъ сего ясно, что когда на торгу выпускается равное количество издѣльевъ съ привозимымъ издѣльемъ, тогда и торгъ въ равенствѣ, и на чью сторону склонится перевѣсъ вывозу обдѣланныхъ товаровъ, то Государство и беретъ преимущество.

Второе, столь же важное правило есть: «чтобъ хлѣбопашество было въ равновѣсїи съ рукоеслами;» ибо: 1, Если рукодѣліе слишкомъ умножится и выгодиѣ будетъ ремесло хлѣбопашества, тогда крестьянинъ оставитъ соху и бросится въ промыслы, оставить и жену. Плодородіе отъ сего потерпитъ, поля начнутъ пустѣть, распутство проникнетъ въ села и порядокъ рухнетъ съ умаленіемъ пропитанія, отъ чего упадетъ и самое Государство; ибо дороговизна хлѣба сдѣлаетъ то, что ремесленникъ не можетъ пропитать своего семейства, множество сихъ ремесленниковъ будутъ держать ихъ рукодѣліе въ низкой цѣнѣ, они уйдутъ и поселятся тамъ, гдѣ прокормиться могутъ, и сей причинѣ приписать должно, что толпятся въ Россїи иностранцы. 2, Если, напротивъ, хлѣбопашество избыточествуетъ, а рукодѣлія очень мало, тогда крестьянинъ сытъ, но бѣденъ. Не чѣмъ платить податей: хлѣбъ безъ цѣны и гниетъ въ скирдахъ, какъ во многихъ внутреннихъ Губерніяхъ видимъ. 3, То Государство благоустроено, гдѣ рукодѣлье на мѣстѣ истощаетъ хлѣбъ, земледѣліемъ выращенный, и гдѣ избытки сего рукодѣлія вывозятся въ чужіе края, платящіе за нихъ своими избытками, или деньгами.

По симъ правиламъ разсматривая Россійскій торгъ, окажется, можетъ быть, что по сіе время система торговли, со времени Пѣтра Великаго, отшатнулась отъ своей цѣли, и въ виду не поставилась истинная польза Государства, но частныхъ людей выгоды направляли оной стремленіе. Теперь самое время дать ей лучшей ходъ; теперь самый благопрїятный случай, чтобъ разсмотрѣть, съ какими народами выгодиѣе открыть торговлю.

Торгъ Россїи наибаче производится съ Англіею, потомъ съ народами, на Сѣверѣ Европы лежащими. Но выгоденъ ли торгъ

сей? Частные люди несомнѣнно производятъ оный съ барышами. Но полезенъ ли онъ Государству? Желѣзные заводы весьма размножились отъ сей торговли, Англичане брали онаго (т. е., желѣза) чрезвычайное количество, отъ чего биржа завалена желѣзомъ, а внутри онаго мало. На биржѣ пудъ продавался 180 коп. и 2 р., а внутри 4 р. и болѣе. Англичане брали оное на промѣнъ стальныхъ издѣлій, ими привозимыхъ, и Англія получала желѣзо наше од ничто; ибо за сія издѣлья плата равнялась, если не превосходила всю плату за желѣзо. Парусинныя фабрики умножились, сѣянiе пеньки распространилось, скатертной торгъ также поддерживался, и сіи суть истинныя выгоды отъ сего торга. Пильныя мельницы также было размножились, но истощеніе лѣсовъ принудило запретить вывозъ тесу. Смола, пошпъ были запрещены по той же причинѣ, но паки позволены. Суконныя фабрики никогда возникнуть не могли. Затрапезы, шелковыя матеріи, холсты, полотна и прочія ткани, которыя едва стали размножаться, какъ и подавлены Англійскимъ рукодѣльемъ. Съ трудомъ начали оправляться по пресѣченіи съ ними торга. Ситцевыя и набойчатыя фабрики ту же имѣли участь. Стальныя издѣлія возникнуть не могутъ, ни устоять противу соперничества Англичанъ. Все сіе доказываетъ, что торгъ Англичанъ подрываетъ рукодѣль и лишаетъ Россію самонужнѣйшихъ къ работѣ вещей, и Англійскія фабрики и мануфактуры живутъ и содержатся на счетъ Россіи.

Одни колоніальныя товары суть нужныя вещи, коими Англія снабждаетъ Россію. Слѣдственно, торгъ сей полезенъ Англіи, а Россіи весьма мало приноситъ выгоды. Англія богате Россію капиталами, по чему подавляетъ и самую торговлю и купечество Русское. Капиталы Англіи обращаются въ Россію, многіе купцы Русскіе на сія капиталы сдѣлали состояніе. Но сія частная выгода нѣсколькихъ лицъ вредна всему сословію купечества.

Иностраннѣй купецъ долженъ торговать на биржѣ и покупать у туземца товары, имъ скупаемые внутри Государства; а во внутреннюю торговлю не входитъ. Сіе есть право всякаго общества. Англичане же вручаютъ свои капиталы Русскимъ мелкимъ купцамъ, на которые сія скупаютъ товары внутри Государства

и ставятъ въ конторы, отъ коихъ посланы, измѣняя своей собратимъ, за нѣскольکو процентовъ, получаемыхъ ими, такъ что когда купцы, торгующіе на свой капиталъ, привезутъ тѣ же товары на биржу, находятъ Англичанъ оными снабдѣнными и бывають принуждены отдавать ихъ по цѣнѣ, Англичанами установленной.

Симъ средствомъ иностранцы опредѣляютъ цѣну нашимъ товарамъ, какую хотятъ, а не такую, какую нужда принудила бы ихъ заплатить. Свои же товары отдаютъ по цѣнамъ себѣ выгоднымъ; ибо нѣтъ соперничества, и сіи товары только у нихъ получить можно; повелѣну нѣтъ Русскихъ конторъ въ Англіи, и оныи ищяють тамъ водвориться всякими промислами. Отъ сего завладѣнія торговлѣ и множества капиталовъ, въ Россіи имѣющихся, они (т. е., Англичане) завладѣли курсомъ, возвышая и унижая оный по своимъ выгодамъ.

Можно достовѣрно утвердить, что паденіе нашего курса есть мастерство Англичанъ, требующихъ безпрестанно своихъ капиталовъ изъ Россіи. Если же откроется съ нами торгъ, не по правя сего зла, Россія понесетъ тѣ же невыгоды, какія произошли отъ порабощенія торгова ея иностранцамъ. Но къ сему поправленію не видно ни какого движенія, и не извѣстно, знаютъ ли о такомъ разорительномъ оборотѣ?

Сѣверныя страны Европы имѣють почти тѣ же произведенія, каковыя находятся въ Россіи. Они не нуждаются въ нашихъ, а токмо отъ нашего изобилія дополняютъ свои недостатки. Чѣмъ же платить за нихъ могутъ? Издѣльями, а болѣе ни чѣмъ. Они еще пособляютъ себѣ перекупомъ. Голландія, Данія, Германія, Швеція, существуютъ перекупнымъ торгомъ, привозятъ къ намъ товары Южныхъ странъ, а наши отвозятъ на Югъ; симъ самымъ берутъ барыши съ обѣихъ, и на чужіе товары получаютъ свои выгоды. Если же Россія заведетъ прямой торгъ, уничтожа перекупной, тогда получить товары, ей нужны, дешевле всею тою суммою, какая расходится на перекупъ и онаго барыши, а свои товары продать дороже, точно на столько же, сколько получаютъ перекупщики.

Дабы учредить торгъ въ Россіи не на олію, нужно обозрѣть, въ чемъ она нуждается, то есть, узнать гдѣ произведенія, какиѣ не производятъ обширныя ея страны, что очень не трудно.

Россія, бывъ Сѣверное Государство, не производитъ произведеній Южныхъ странъ, такъ какъ Южныя области имѣютъ нужду въ произведеніи Сѣверныхъ. Самая природа указываетъ, что торгъ Россіи долженъ обращенъ быть на Югъ, дабы приносить истинныя выгоды, снабждая себя нужнымъ на промѣтъ нашихъ произведеній; нужныхъ Южнымъ Державамъ. Съ симъ согласуется и политическое состояніе.

Первая и ближайшая Держава къ Россіи есть Турція, въ которую все то, что работаетъ, что родится въ Россіи, идетъ съ избыткомъ. Одесса, возрастая изъ ни чего въ столь краткое время, и богатство древнихъ вѣковъ Россіи, свидѣлствуютъ выгоды сей торговли. Вина, фрукты, оливковое масло, хлопчатая бумага, шелкъ, шерсть и множество иныхъ вещей вышывиваются на мѣхъ, сало, желѣзо, парусину, пеньку, холстъ и всякое Русское рукодѣліе; даже наши цѣновки и рогожи тамъ въ чести.

Изъ сего явствуетъ, что Турецкой торгъ подыметъ наше рукодѣліе и промыслы. Турецкіе подданные не искусны нашихъ въ оборотахъ торговли, и не могутъ взять верха надъ нашими купцами, не имѣя капиталовъ накопившихся. Рукодѣлія у нихъ мало; слѣдственно, наше рукодѣлье имъ нужно. Стоитъ только поставить сей торгъ на выгодномъ положеніи, введя порядокъ, прекращая плутовство и обманы, особливо уничтожая разныя злоупотребленія корабельщиковъ, разорившихъ многихъ, предпріавшихъ заводитъ купческія суда на Черномъ морѣ.

Испанія, Государство сильное, имѣющее въ Америкѣ величайшія и богатѣйшія владѣнія, гдѣ много богатства, но мало рукъ, по чему всякія издѣлія изъ Россіи тамъ поглотятся, какъ бы число велико ни было, и вознаграждаются не токмо произведеніями колоніальными, но и чистыми деньгами, конхъ слишкомъ много въ сихъ странахъ. Нужно только завести гдѣ обработки желѣза, стали и прочія, какія тамъ необходимы. А канаты,

холстъ, всякаго рода полотно, затрапезы, обдѣланныя кожи, юфты, подошвы и прочія ткани всякаго рода суть первѣйшіе товары въ тѣхъ мѣстахъ.

Англія одна умѣетъ пользоваться торгомъ Гмшпаніи, и сіе есть основаніе ея богатства. Она, скупая наши товары, возить въ Гмшпанію, получаетъ на нихъ тѣ барыши, которые можемъ имѣть сами, заведя прямой торгъ. Одна ишеница заплатитъ большую часть привозимыхъ товаровъ, отъ чего и хлѣбопашество умножится болѣе, и низкой степень народа почувствуетъ благотворное вліяніе сей торговли.

..Португаллія, перещедъ въ Бразилію, представляетъ неизреченныя выгоды Россіи, если будетъ она умѣть ими воспользоваться. Въ Бразиліи всѣмъ завестися должно; тамъ всякое Сѣверное произведеніе, особливо хлѣбъ, желѣзо, ценька и проч., необходимо нужны. Но въ Бразиліи нѣтъ рукъ къ обработкѣ; сдѣлственно, туда должно посылать вещи обработанныя и такія, которыя нужны къ самому, простому употребленію, а не высокой работы, точно такія, какъ у насъ дѣлаются: холстъ, цестреди, царусина, топоры, сохи, гвозди, подковы, подошвы, козлы и всякія кожи, все это тамъ необходимо. Однимъ словомъ, нѣтъ торгу, который бы былъ сходнѣе и выгоднѣе Бразильскаго, съ нашимъ нынѣшнимъ положеніемъ, и который бы толикія преимущества представить могъ, если только будемъ умѣть учредить, съ симъ Государствомъ прямой, дѣятельной торгъ, независимой отъ чужихъ Государствъ.

Области Сѣверной Америки найпаче цромышляютъ перекупомъ, имѣютъ у себя подобныя нашимъ произведенія, нуждаются только въ вещахъ, для флота нужныхъ, какъ то: ценька, канаты, якоря, нѣкоторыя желѣзныя издѣлія и самое желѣзо.

Торговля съ ними мало представляетъ выгодъ для Государства, хотя частныя барыши и получатся кунцами. И для того торгъ сей распространять невыгодно.

Представивъ вкратцѣ о внутреннемъ разстройствѣ доходовъ Государственныхъ, о политическомъ положеніи онаго, и о невы-

годахъ его нынѣшней торговли, и о выгодахъ, какія получить отъ оной можно, ясно окажется, что сія разстройка началась уже нѣсколько лѣтъ назадъ, но нынѣ все скопленіе принятыхъ мѣръ, не на правилѣ истиннаго повнанаія Политической Экономіи основанныхъ, но на разныхъ ошибкахъ, сдѣланныхъ по сей части, пришло въ развязку, и оборотъ денежный началъ останавливаться, и совершенно остановиться можетъ, упадкомъ кредита, что ввергнетъ Государство въ великую опасность быть поглощеннымъ зіяющими жадными челюстями Франціи, и быть лишеннымъ своихъ законныхъ Государей; стояя въ порабощеніи какихъ ни будь самозванцевъ, чего ни одиѣтъ сынъ Россіи безъ ужаса и ярости себѣ представить не можетъ.

Сему свидѣтельствуютъ пронырства, хитрости и разныя безсовѣстныя средства, употребляемыя иностранцами, чтобъ Россію заводить въ разорительныя брани; не дерзая мѣряться съ нею силою; бывъ немощны поработить ее оружіемъ, стараются, истощая ея богатства, привести ее въ невозможность содержать войнство, могущее ее оборонить отъ умышляемаго ими похищенія, или, по крайней мѣрѣ, желаютъ лишить ее странъ, кровію сыновъ ея завоеванныхъ, мудростію ея влѣстителей удержанныхъ, составляющихъ ея величество, силу и источникъ ея богатства сообщеніемъ съ морями.

Всякая минута, потерянная къ исправленію нуждъ Государственныхъ, грозитъ опасностью. Но если кто замечаетъ, что финансы и кредитъ можно устроить безъ наружной торговли, или, что наружною торговлею финансы и кредитъ исправятся; не переменяя нынѣ принятой системы управленія оными, неминуемо ошибется.

Должно начать исправленіе системы сей тѣмъ: 1-е, чтобъ въ подати платимыя заводило золотомъ и серебряною монетою на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей; ибо безъ сего средства и подумать не возможно о исправленіи кредита:

2-е. Чтобъ истощеніе монетъ выходомъ изъ Государства вознаграждалось втеченіемъ оныхъ, посредствомъ продажи избытковъ нашихъ чужестраннымъ.

3-е. Удержаніемъ перетѣса нашего въ торговлѣ; разрушеніемъ своевольства иностранныхъ купцовъ, могущихъ скупать наши товары внутри Государства и властвующихъ нашими курсомъ, который долженъ зависѣть отъ насъ.

4-е. Приведеніемъ въ строгое исполненіе законовъ на монополистовъ, скупщиковъ, перекупщиковъ, и пренебреженіемъ законовъ, послабляющихъ имъ монополію, бездѣльныя накладки на лавки, и всѣ многочисленныя плутни, въ которыя пустилось купечество, для приобрѣтенія капиталовъ разоряя и притѣсняя свою собратію, заставляя страдать все общество и нанося казніи великіе проторы и убытки

5-е. Должно изыскать средства уменьшити налоги, дабы дороговизна нужныхъ вещей умалилась.

6-е. Нужно взять экономическую систему, посредствомъ которой казна, не выпуская денегъ, могла бы удовлетворять своимъ нуждамъ, и остальные суммы ассигнаціями истреблять.

7-е. Сія экономическая система покажетъ необходимость и выгоду замѣнять своими собственными произведеніями произведенія, доставляемые намъ иностранцами. Многія изъ нихъ находятся въ нашемъ Государствѣ, но небреженіемъ народа, не озабочающаго имъ цѣны, и несмотрѣніемъ чиновъ, къ нему представленныхъ, или ихъ незнаеніемъ, сіи произведенія не обработаны и не пущены въ оборотъ и проч. Къ сему присовокупить можно замѣчаніе, что когда Наполеонъ, выдавши систему континентальную, прекращеніемъ торговли съ Англичанами самъ отступилъ отъ оной, и 7-го Августа уничтожилъ свои Берлинскія и Миланскія постановленія, кажется, что всѣ Державы симъ самымъ освободилъ отъ принужденія держаться сей системы, которой Россія и прочія Державы послѣдовали по договорамъ, съ нимъ сдѣланнымъ. А какъ онъ нарушилъ сіи договоры, открывъ торгъ, прочія Государства не обязаны держать условій, нарушенныхъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое выдумало оныя и предлагало.

Франція не имѣетъ права, нарушая свои трактаты, требовать оныхъ исполненія отъ другихъ. Державъ Россія вправѣ открытъ

торгъ съ Англіею, на какихъ условіяхъ найдетъ выгоднымъ для себя, какъ Франція открыла оной, не бывъ отнюдь обязана ни какому подражанію; ибо, что выгодно Державѣ одной, то можетъ быть вредно для другой.

Все сіе доказываетъ, что поправленіе Государственныхъ казенныхъ дѣлъ есть дѣло обширное; составленное изъ всѣхъ сношеній Государства, внутреннихъ и наружныхъ; что требуется умѣніе, искусство, бдительность, не упускающая ни малѣйшаго случая, ни единого средства, клонящагося къ пользѣ Государственной.

Безъ умѣнія же и весьма чистаго и яснаго понятія о системѣ, средной положенію, правамъ, обычаямъ, произведеніямъ Россіи; безъ знанія хитростей, пронырства и интересовъ другихъ Державъ, противныхъ интересу своего Государства; безъ вѣдѣній агентовъ ихъ; въ службѣ Россійской употребляемыхъ ко вреду Россіи, ни малѣйшаго успѣха въ поправленіи разстройства финансовъ ожидать не можно.

Напротивъ, отъ ложнаго умничества, отъ слѣплаго хода ощущеній: пробуя, не удастся ли то средство, или другое, отъ присвоенія системъ иностранныхъ, выдуманныхъ къ поправленію ихъ финансовъ, но намъ несродныхъ, отъ довѣрія чужестраннымъ знахарямъ, нарочно въ заблужденіе вводящимъ незнающихъ, и отъ неосторожнаго норабощенія себя наущеніямъ чужихъ Державъ, ни чего иного произойти не можетъ, кромя вящей запутанности, скорѣйшаго паденія курса и совершенной остановки внутренняго оборота денегъ, чѣмъ и совершится паденіе Государства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЧВА ЗАПАДНАГО КРАЯ

въ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Относительно Западнаго края, нѣкогда мнѣ близко знакомаго во всѣхъ отношеніяхъ (съ 1812 по 1852 г.), въ настоящее время буду говорить о положеніи его только на основаніи изобильнаго количества статей, помѣщаемыхъ не только что въ разныхъ столѣчныхъ журналахъ, но и въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а равно и на устныхъ разсказахъ пріѣзжающихъ изъ онаго.¹ Начну съ главнаго, именно съ того, что должно было положить основаніе всему.

Обрусѣніе Западнаго края, т. е., введеніе въ него Русской интеллигенціи, въ четырехлѣтній промежутокъ времени, вполнѣ не удалось. Высочайшій Указъ 3-го Марта, 1864 г., разрѣшалъ раздачу конфискованныхъ имѣній, на основаніи 37 лѣтняго банковскаго разчета процентовъ. Эта мудрая и единственная, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, мѣра вдругъ водворила бы въ страну нѣсколько сотъ² владѣльцовъ, изъ Русскихъ отставныхъ воен-

---

¹ О Царствѣ Польскомъ говорить не буду, хотя есть многое, едва ли не заслуживающее особеннаго вниманія; воздерживаюсь за неимѣніемъ достаточно тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя въ изобиліи находятся о Западномъ краѣ.

² То же можно бы сдѣлать и съ имѣніями, подпадавшими подъ обязательную продажу 10 Декабря.

ныхъ и гражданскихъ лицъ, а равно и помѣщиковъ Великороссійскихъ Губерній, потерпѣвшихъ отъ какихъ либо случайностей разстройство въ хозяйствѣ своемъ, словомъ, лицъ съ заслугами, съ именемъ, съ значеніемъ въ свѣтѣ и просвѣщенныхъ, которыя, такимъ образомъ, сопоставились бы интеллигенціи Польскихъ паповъ и ксендзовъ. ³ Въ особенности, если бы, при раздачѣ такихъ имѣній, имѣнялось въ неуклонное обязательство получающему оное подвергнуться лично съ семействомъ, по крайней мѣрѣ, на первыя пять лѣтъ. Въ противномъ случаѣ высланные управляющіе, для завѣдыванія имѣніями, или отдача оныхъ въ аренду, не измѣнить настоящаго положенія къ лучшему. Около лично основавшихся Русскихъ помѣщиковъ неминуемо образовались бы Русскіе владѣльцы меньшихъ размѣровъ.

Министерство Государственныхъ Имуществъ нашло, однако же, полезнѣе раздробить этѣ конфискованныя помѣстья и опредѣлило инструкцію 1865 года: «Прежде надѣлить крестьянъ землею» (что могло бы быть сдѣлано, какъ и вездѣ, при владѣльцахъ), «а остающуюся за тѣмъ раздѣлить на два разряда участковъ: 1-й отъ 800 до 600, 2-й отъ 600 до 1000 десятинъ; сдѣлать участкамъ планы и прочее, и такъ уже раздавать ихъ въ видѣ награды (или почти безусловно) однимъ служащимъ въ Западномъ краѣ, на основаніи помянутыхъ банковскаго 37-милліоннаго, или 20-милліоннаго, взноса процентовъ. ⁴

³ Слово—успавъ Русскій элементъ и Православіе, не ясно опредѣляетъ смыслъ. Русскій элементъ и Православіе въ томъ краѣ, въ общемъ итогѣ, превосходитъ въ восемь разъ элементъ Польскій и Католичество, но положеніе его теперь находится вполне подъ вліяніемъ Поляковъ и Католичества. Тамъ нужна интеллигенція, которая бы боролась съ Польскою, и Православные Священники, которые бы, будучи обезпечены, какъ Католическіе, не играли той жалкой роли, въ которую поставлены.

⁴ Такъ въ Подольской Губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ уже и сдѣлано. Изъ списка, обнаруженнаго въ разныхъ газетахъ, видно, что многіе чиновники, служащіе при Губернаторахъ, получили по 300 и болѣе десятинъ, на правѣ башковаго расчета. Какое же это обрусѣніе края! Чиновникъ не броситъ службы, чтобы поселиться на 300—600 десятинахъ голой земли (гдѣ десятина стоитъ отъ 6 до 15 рублей), чтобы заняться жалкимъ хозяйствомъ. Онъ от-

Само собою разумѣется, что такая мѣра не привлечетъ ни одного изъ тѣхъ, которыхъ было бы желательнo видѣть въ край обѣдлыми; да и не можетъ привлечь; ибо предположено отдавать служащимъ въ ономъ; исключеній не много. Чтобы рѣшиться оставить родну. и. перенестись въ Западныя Губерніи на участокъ такого пространства, нужно имѣть и капиталъ, не только что для введенія какихъ либо особенныхъ хозяйственныхъ основаній, но и на самый наемъ рабочихъ, для одного уже простаго воздѣлыванія земли и то, еще при условіяхъ, если найдутся рабочіе; ¹ должно обстроить усадьбу, привезти съ собою, или выписать, управляющаго, либо эконома и т. п., ибо мѣстныхъ употребить для сею. воспрещается; а за такую плату рѣшатся изъ Россіи ѣхать на такую должность и на такой участокъ? Какими же жалкими представителями Русскаго Дворянства такіа лица будутъ въ главахъ пановъ? Не усилятъ ли это еще болѣе презрѣнія, цитаемаго тайно, а иногда и явно выказываемаго ими, къ панинѣ, интеллигенціи? Что же за выгоду приобрѣтеть и казна отъ такого произвольнаго раздѣла имѣній на малые участки, очевидно. Въ политическомъ отношеніи владѣльцы, такихъ участковъ, особенно, если бы основались въ оныхъ, значеніемъ своимъ не будутъ имѣть вліянія, не будутъ въ состояніи поддерживать. Православіе улучшеніемъ храмовъ, быта священнослужителей и развивать въ школахъ грамотность. Въ финансовомъ же отношеніи, независимо отъ надержекъ на нарѣзку участковъ, составленія оныхъ плановъ и т. п., неминуемо послѣдуетъ неисправный платежъ, и за тѣмъ необходимость отбирать имѣнія на глумленіе Польскимъ панамъ. Кто имѣетъ капиталъ и пожелаетъ заняться земледѣліемъ, тотъ можетъ сдѣлать это и дома, въ кругу и средѣ, ему знакомой, а не пуститься въ край мало извѣстный, противъ котораго столько предубѣжденій; и изъ какихъ цѣлей предпринимается переселеніе: чтобы сѣсть на участокъ въ 300—1000 десятинъ земли безъ рукъ?

дать участокъ свой колонисту, или на имя, подставленнаго Жидомъ, Христианина, который и будетъ хозяйничать для обрусѣнія края!!

¹ Богатые помѣщики-Поляки, пожалуй, прибавятъ плату, съ единственною цѣлью—купить такого Русскаго, мелкопомѣстными рабочихъ рукъ и, довершивъ его разореніе, отбить охоту сѣяться между ними.

Но пусть всё такіе участки и будутъ розданы (которыя не вездѣ еще и наръзаны), то, въ строгомъ смыслѣ, это значило бы развести Русскую Шляхту, которая очень скоро ополчится; ибо большія имѣнія Польскихъ помѣщиковъ, преимущественно живущихъ въ оныхъ, всегда будутъ тяготѣть надъ ними, а съ помощью всесильныхъ въ Западномъ краѣ Евреевъ, искренно преданныхъ панамъ (ибо одни безъ другихъ немислимы), это совершится скорѣе, нежели предполагаютъ. Крестьянныя всегда будутъ, по привычкѣ, скорѣе обращаться, безъ наущиванія даже и Еврея, къ Ясновельможному пану, къ его закону, къ ксендзу, за совѣтомъ въ своихъ нуждахъ, нежели къ поселившемуся Русскому на трехъ стахъ десятинахъ голой земли. Триумфировать; составленный изъ ксендавъ, Поляковъ и Евреевъ, сумѣетъ привлечь къ себѣ крестьянина, хотя бы въ первое время и съ нѣкоторыми жертвованіями. Помѣщики, владеющіе значительными имѣніями, всегда будутъ вліять въ краѣ, пока не уравниваются это вліяніе Русскими землевладѣльцами, могущими бороться съ ними своею интеллигенціей. Такъ Поляки, нахавъ на Югозападный край нашъ, а отчасти и на Сѣверозападный, тотчасъ создали крупныхъ землевладѣльцевъ: Браницкихъ, Сангушекъ, Сапегъ, Черторыйскихъ, Любомирскихъ и т. п., образовавъ имъ по нѣскольку десятковъ тысячъ душъ. Они сдѣлались свѣтлами края, и около этихъ-то свѣтилъ размѣстилась Шляхта, кормившаяся около Вельможныхъ Баръ, мыслила и дѣйствовала, какъ имъ приказывалось. Словомъ, не мелкопомѣстность направляетъ духъ края, если эта мелкопомѣстность не имѣетъ могущественнаго средоточія, двигателя, отъ которыхъ она болѣе или менѣе всегда и вездѣ зависитъ въ матеріальномъ прямомъ, или косвенномъ, существованіи.

Сверхъ сего, не лишнимъ припомнить здѣсь, какъ очень справедливо замѣчено, что законодатели древнихъ Республикъ старались уравнивать имущество между гражданами, дабы это ра-

---

¹ Въ 1-й книгѣ 1866 года «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», въ статьѣ: «О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ» и пр.

венство служило опорой ихъ правленія; на семь же основаніи и Польскіе республиканскіе законы старались раздроблять имущество, дабы симъ поддерживать духъ свободы, не совмѣстный съ монархическимъ. Отъ сего, и произошелъ этотъ многочисленный и мятежный разрядъ, называемый Шляхтой, а именно, отъ излишняго раздробленія имуществъ. ⁷ Наполеонъ, на островѣ Св. Елены, сказалъ: «Аристократія существуетъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ переворотахъ; уничтожите ее въ Дворянствѣ, она тотчасъ помѣстится въ богатыхъ и сильныхъ семействахъ средняго согласія; подавите ея и сдѣсь, она всплыветъ опять и двинется къ предводителямъ народа, въ хозяевахъ ремесленныхъ заведеній. Государь ни чего не выиграетъ при такомъ перемѣщеніи аристократіи, напротивъ того, онъ сохраняетъ Государственный порядокъ, оставляя ее жить въ природной ей сферѣ, возражая ее въ древнихъ семействахъ, при новомъ Правительствѣ. Повелѣвая вселенною, Римъ, чтобъ упрочить эту власть, имѣлъ нужду въ волшебной силѣ именъ: Сципіоновъ, Метелловъ, Павловъ Эмилиевъ, Клодиевъ, Фабиевъ, которые завоевали Европу, Азію, Африку, столько вѣковъ сряду управляли ими и держали ихъ жребій въ своихъ рукахъ»..... И такъ, раздробляя въ Западномъ краѣ Дворянскія имѣнія, подпавшія конфискаціи, которыя могли бы перейти въ полномъ составѣ Русскимъ, остающіяся большія помѣстья въ рукахъ Поляковъ удержатъ за собой, вліяніе на малоземельныхъ, и, такимъ образомъ, во всемъ краѣ Русское землевладѣніе никогда не приобрететъ вліянія: аристократами края останутся Поляки, а раздробленные участки возведутъ въ аристократы подручныхъ панамъ Евреевъ, единственныхъ обладателей капиталовъ, и т. д.

Раздробленіе имѣнія, если оно не составляетъ маіората, послѣдуетъ естественнымъ законнымъ порядкомъ, послѣ смерти

---

⁷ Въ упомянутой же статьѣ дагѣ, между прочимъ, находимъ еще слѣдующее: «Излишнее раздѣленіе имуществъ препятствуетъ народному благосостоянію и въ видахъ Государственной экономіи; ибо, производя раздробленіе капиталовъ и труда, отнимаетъ средства къ улучшеніямъ, требующимъ сосредоточенія труда и капиталовъ» и т. д. Словомъ, раздробленіе конфискованныхъ имѣній на

главы семейства, слѣдовательно, безъ особенно рѣзкихъ вліяній даже на общее хозяйство. Понятно, что если бы конфискованныя имѣнія были громаднѣе размѣровъ, какъ, на примѣръ, въ Кіевской Губерціи, Браницкихъ, въ Подольской Потоцкихъ, въ Волынской Сангушекъ и т. п., такое раздѣленіе (конечно, однако же, не въ 300—1000 десятинъ), пожалуй, и могло бы имѣть смыслъ; но раздроблять въ двѣ, три, или, самое большее, въ пять тысячъ десятинъ, значитъ разорять въ основаніи всѣ хозяйственныя его условія. Условія этѣ почти достигли уже своей вершины, находясь въ арендномъ содержаніи у Евреевъ, которые, ожидая со дня на день, что арендуемыя ими имѣнія поступятъ въ продажу въ другія руки, разрушаютъ основныя хозяйственныя силы своихъ арендъ, не заботясь о будущемъ, ищутъ, какими бы то мѣрами ни было, болѣе дохода,⁹ которыя въ подномъ составѣ могли только и существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ есть огромныя каменные Барскіе дома, иногда до 80 комнатъ: что сдѣлается съ такимъ дворцомъ, если онъ попадетъ въ участокъ даже и въ тысячу десятинъ? Вѣдь надо имѣть большія средства независимо отъ скуднаго дохода, который будетъ очищаться отъ взноса банковскихъ процентовъ, чтобы домыслить только объ основаніи въ оныхъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и т. п.; поддерживать же такіе хоромы не для чего и не изъ чего. Такое произвольное раздробленіе хозяйства, сплоченнаго вѣками, равносильно тому, если бъ раздѣлить домъ по этажамъ, раздавъ каждый изъ нихъ послѣднихъ отдѣльному владѣльцу и т. д.⁹

произвольные участки было несчастной мыслию, препятствующею основному предположенію—водворенію Русскихъ землевладѣльцевъ съ вліяніемъ.

⁸ Множество статей въ разныхъ газетахъ и столичныхъ и мѣстныхъ Западнаго края свидѣтельствуютъ это.

⁹ Вотъ примѣръ: когда исследовалъ Указъ о раздѣлѣ конфискованныхъ имѣній, на правдѣхъ 37 дѣтняго банковскаго расчета, я вошелъ также съ прошеніемъ о полученіи такого имѣнія Волынской Губерціи, въ Уѣздахъ Староконстантиновскомъ и Острожскомъ. Испрашиваемое мною имѣніе, Теофиполь-Ляховецкое, принадлежало одному помѣщику нераздѣльно. Оно не было громадно, заключало въ себѣ 4300 десятинъ, безъ надѣла еще крестьянамъ, и въ этомъ положеніи

Сдѣсь можно привести вкратцѣ: «Мысли Русскаго помѣщика въ Западномъ краѣ» (Москов. Вѣдом. 3-го Декаб., 1867 г., № 265). Описавъ подробно положеніе Русскихъ владѣльцевъ края и т. п., онъ присовокупляетъ: «Сдѣшніе Русскіе старожилы тоже почесываютъ затылокъ и гвѣбруютъ: «Хорошо ли мы сдѣлали, что разсорились съ паннами?» Таково у насъ настроеніе!»

отдавалось нѣсколько лѣтъ срѣду съ оброчными статьями Еврею за 10,800 р. въ годъ. Но по циркуляру Министерства Государственныхъ Имуществъ, оно, за надѣломъ крестьянъ, было раздѣлено на участки, изъ коихъ мнѣ опредѣленъ участокъ въ Теофиолѣ (въ устахъ народа въ Чолганѣ) 588 $\frac{1}{2}$ десятинъ, въ томъ числѣ лѣсъ въ 20 верстъ въ другомъ Уѣздѣ, на условіяхъ 37 лѣтняго учета процентовъ и взноса пятой части изъ оцѣнки этого участка впередъ (оцѣнка 19,000 р.). На мою долю выпаде въ мѣстечкѣ съ нѣсколькими строениями и помѣщичій домъ съ провалившеюся крышею и полуразрушенный, какъ онъ, такъ и все прочее. Забора, окружающаго садъ нѣтъ и слѣда: свишь хозяйничали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ около деревьевъ. Такимъ образомъ предположеніе мое поселиться въ Теофиолѣ съ семействомъ рушилось; нельзя же было мнѣ, хотя бы и имѣлъ средства, явиться въ край, знавшій меня за 40 лѣтъ тому назадъ, не Шлятичемъ, чтобы сѣсть на такой участокъ, среди Сангунекъ, Потоцкихъ, Сапегъ и т. п., у которыхъ каждый управляющій имѣлъ бы богѣе нѣса, нежели я! Между тѣмъ семейство мое заключается изъ жены, трехъ сыновей, желающихъ также на Православныхъ и живущихъ съ полдюжины дѣтей. Понятно, что Теофиоль, принадлежа одному лицу, при такихъ условіяхъ, могъ бы служить какъ бы центромъ разсадника интеллигенціи и въ полной возможности бороться съ интеллигенціей Польскою, и самое имѣніе Теофиоль-Ляховецкое могло бы переимѣнить свое Польское названіе на Русское. Но раздѣленное на семь вѣтковъ—это не мыслимо, точно также, какъ и учрежденіе хозяйства. Совладѣльцы имѣнія этого были счастливые меня: во первыхъ, получили несравненно болѣе чѣмъ вдвое противъ меня; во вторыхъ, что имѣ, какъ чиновникамъ, служащимъ въ краѣ (не болѣе года!), дали на правахъ двадцатилѣтняго срока, безъ процентовъ, съ двухлѣтней льготой. Оставаясь на своихъ должностяхъ, естественно, имѣнія отданы въ аренду—и обрусѣніе края идетъ своимъ чередомъ! Конечно, я не имѣлъ права (не будучи даже и нѣмѣстемъ Начальству Государственныхъ Имуществъ) на предоставленную льготу, но двое изъ моихъ сыновей, со времени мѣтежа по сей часъ служатъ въ Западномъ краѣ, а третій, не разъ, въ самый разгаръ мѣтежа, былъ посылаемъ въ Царство и въ Западный край и за успѣхъ порученія получилъ двѣ награды. Не говорю уже о себѣ, не получившемъ во всю службу ни аренды, ни земли: по этому я и могъ ожидать большаго надѣла, тѣмъ болѣе, что я заявлялъ намѣреніе лично водвориться въ Теофиолѣ, а не обрусѣвать край, какъ это нынѣ, посредствомъ арендаторовъ!

Распространяясь о мѣрахъ, принятыхъ Императрицею Екатериною II-ю, объ обрусѣннн края, при возвращеннн онаго къ нашей Державѣ, онъ приводитъ примѣръ, что дѣдъ его, за штурмъ Праги, въ 1794 г., между прочими, получилъ имѣннє, принадлежавшее прежде Виленскому Доминиканскому монастырю, съ 526 крестьянами мужескими, изъ коихъ 310 было Католиковъ и 216 Православныхъ; нынѣ въ томъ же имѣннн 723 души—и всѣ Православныя. «Пусть же судятъ, присовокупяетъ сочинитель, каковы были бы послѣдствня, если бы система раздачи имѣннй въ Русскня руки продолжалась и послѣ Екатериныг, и если бы преемники Ея Генералъ-Губернаторовъ, подобно своимъ предшественникамъ, оказывали особенное вниманнє и особое вспомошествованнє Русскимъ помѣщикамъ, предупреждая всякня неприятности.» Въ другихъ журналахъ находимъ, что при кончинѣ Императрицы Екатерины II-й въ Бѣлостоцкой области было только двое Польскихъ помѣщиковъ, а всѣ прочнє Православныє. Вскорѣ послѣ того всѣ имѣння Русскихъ опять перешли въ руки пановъ. Довольно о семъ. Изъ того, что уже сказано, можно заключать, какъ принимается Русское землевладѣннє въ томъ краѣ отъ мѣръ, не соответствующихъ Высочайшей волѣ, въ частныхъ распоряженняхъ.

Если же, Русскимъ, съ большимъ или меньшимъ значеннємъ, которое могло бы повлнать на Польской краѣ, постановлены такня преграды, за то мало препятствнй къ тому, чтобы онъ не онѣмчивался и даже снова не ополячивался. Такъ, на примѣръ, не говорю о Царствѣ Польскомъ, куда стремится приливъ Нѣмцевъ и гдѣ есть города, почти составленные изъ одного этого народа, какъ, на примѣръ, Лодзь съ тридцатню тысячами населення преимущественно изъ Нѣмцевъ; Згержъ, имѣющнй двѣнадцать тысячъ жителей и т. п., но въ Сѣверозападномъ краѣ всѣ болѣе значительныя имѣння изъ обязательныхъ къ продажѣ 10-го Декабря, 1867 года, приобрѣтены Нѣмцами нашего Прибалтнйскаго края, и вообще элементъ этотъ скупаеъ въ краѣ имѣння, и, какъ говорятъ и газеты, на этотъ предметъ будто бы образовалось въ Прусснн даже общество. Такимъ образомъ этѣ помѣщики, прикнувъ къ Прибалтнйскимъ Губерннямъ, преимущественно къ Курляндской, уже будутъ имѣть болѣе повода причн-

слять себя къ составу Германіи, нежели теперь Прибалтійцы, какъ это видно изъ многихъ газетъ.¹⁰

Въ Югозападномъ краѣ нѣкоторые изъ Прибалтійскихъ и другихъ иноземцевъ приобрѣли имѣнія, преимущественно въ Подольской Губерніи. За симъ явился наплывъ, такъ называемыхъ, Нѣмецкихъ колонистовъ изъ Пруссіи и Австріи, въ особенности поселяющихся въ Волынской Губерніи. Помѣщики очень и очень охотно однимъ продаютъ, другимъ отдаютъ на чрезвычайно продолжительные сроки утастки. Независимо отъ «Волыцкихъ Губернскихъ Вѣдомостей», «Московскія Вѣдомости» (10-го Декабря, 1867 г., № 270) приводятъ свѣдѣнія изъ «Кіевлянина», что съ 1861 года переселилось въ Волынскую Губернію изъ Царства Польскаго, Галиціи и Познани 13,948 чел. (а заявлено много еще послѣдователей); всѣ они, не исключая и вышедшихъ изъ Царства, суть иностранные подданные и желаютъ остаться таковыми; 1000 семействъ приобрѣли собственность, но большее число наняли земли на продолжительные сроки. Изъ этихъ псевдонимцевъ только 46 семействъ вступили въ Русское подданство! Не странно ли это? «Понятно, восклицаютъ «Московскія Вѣдомости», въ заключеніи статьи, что иностранные переселенцы не спѣшили стать подъ покровительство Русскихъ законовъ, когда наши законы подвергали податнаго человѣка тѣлеснымъ наказаніямъ, не ограждали личности отъ оскорбленій, и когда всякій податной, и особенно всякій крестьянинъ, въ сущности принадлежалъ на правѣ собственности или помѣщику, или казнѣ; но теперь въ Россіи крестьянинъ признанъ свободнымъ человекомъ и скоро, по крайней мѣрѣ, расторгнутся его обязанности отношенія къ землѣ, которыя, впрочемъ, и теперь на переселенцевъ не распространяются; ему открытъ доступъ въ Земскія собранія

¹⁰ Никогда не слѣдуетъ забывать, какъ умно и быстро распорядились Пруссаки съ Познанью: все въ ней отмѣчено, и даже самыя названія поселеній Польскихъ уничтожены. Такъ, даже наше Вербово превращено въ «Вербалень»; мѣстечко, принадлежавшее древнему роду Столыпниныхъ, называется уже «Стаюпенень» и т. п. Надписей Польскихъ нигдѣ не видно, а у насъ, съ трудомъ и крикомъ, едва лишь совмѣстля на вывѣскахъ издписи Польско-Русскія.

и, безъ сомнѣнiя, въ непродолжительномъ времени на сѣбѣ крестьянъ Имперiи распространится благодѣнiе Мироваго Суда; праваго, гласнаго, скорога, для всѣхъ Русскихъ гражданъ общаго. Казалось бы, что мы уже далеки отъ того времени, когда многоземныхъ поселенъ нужно было привлекать въ Россiю! громадными льготами и изъятiями изъ общаго законодательства. А вотъ, однако, только 44 семейства изъ 3057, прибывшихъ въ Волинскую Губернiю, пожелаши сдѣлаться Русскими подданными; хотя это званiе прямо всякому дается въ руку и не требуетъ, какъ право гражданства въ другихъ Государствахъ, болѣе или менѣе продолжительнаго искуса. Такимъ къ намъ переселенцамъ даруются значительныя льготы: они избавляются на десять лѣтъ отъ платежа податей и исправленiя повинностей; кромѣ земскихъ, на все пребыванiе ихъ въ Россiю; они избавлены отъ военной и гражданской службъ и т. п. Вотъ средства, которыя имъ предоставляются, чтобы въ короткое время превзойти сосѣда-гудача, въ благосостоянiи, и за тѣмъ смотрѣть на него, какъ на челоуѣка низшей породы.¹¹ Но сдѣсь это еще не все: въ числѣ этихъ переселенцевъ, подъ фирмою Нѣмцевъ есть много и Католиковъ, и даже такихъ, которые вовсе и не говорятъ по Нѣмецки; и это очень понятно, по тому что они изъ В. Княжества Познанскаго и Галиции, на радость помещиковъ пановъ, посылаются у нихъ.¹²

Наконецъ стоитъ заглядывать почаще въ разныя Газеты, чтобы видѣть, какимъ ловкимъ образомъ Евреи обходятъ законъ и дѣлаются владельцами земель въ Западномъ краѣ, гдѣ и безъ

¹¹ «Московскiя Вѣдомости» приводятъ засвѣдѣтельствованiе «Кiевлянина», что деревни и поселки Волинскихъ пришельцовъ уже теперь замѣтно отличаются отъ сосѣднихъ селъ и деревень Русскихъ: вездѣ заведены школы, построены церкви и т. п.

¹² По чему бы имъ не отводить земли въ Новороссiйскомъ краѣ, въ некоторыхъ Приволжскихъ Губернiяхъ, гдѣ есть просторъ и переселенцы нашли бы многихъ своихъ родичей; издавна основавшихся? Сдѣсь, пожалуй, можно было бы предоставить имъ льготы, только бы не тѣснились тамъ, гдѣ менѣе простора, и гдѣ политическое ихъ пребыванiе неблагоприятно краю въ настоящее, и еще болѣе, въ будущее время: объ этомъ можно было бы сказать многое.

того вся торговля и промышленность у нихъ въ рукахъ и гдѣ, какъ извѣстно, связь ихъ съ Польскими помѣщиками неразрывна. Евреи управляютъ всѣмъ хозяйствомъ у пановъ, достигая постепенно изъ званія простаго фактора до арендатора.¹³ Еврей шатается по Присутственнымъ Мѣстамъ, хлопочетъ у властей, кланзничаетъ: онъ доносчикъ, преимущественно безыменно, противъ тѣхъ, которые не поддаются его видамъ, а иногда, съ самоувѣренностью мѣстнаго Макиавели, интригуетъ противъ невѣрующихъ въ Еврейскую честность, и, наконецъ, вѣрный и ловкій провод-

¹³ Въ корреспонденціи изъ Западнаго края, помѣщенной въ одной изъ Петербургскихъ газетъ, очень вѣрно сказано: «Еврей у насъ все: онъ друженъ и съ Русскимъ и съ Полякомъ, надуваетъ и того и другого, и въ то же время держитъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Къ Польскимъ панамъ Евреи умѣли поддѣлаться особенно искусно: чопорный Вельможа, считающій униженіемъ своего чонора распорядиться лично даже въ своемъ домашнемъ быту, всегда нуждается въ лакействующемъ факторѣ. И вотъ является Еврей, рассыпается мелкимъ бѣсомъ, дѣлуетъ ноги Янеосвѣченного, или Янеосвѣможного, пана, льститъ его смѣлѣйшему чванству, и за тѣмъ, мало по малу, превращаетъ Найславнѣйшаго пана въ дичаго шляхтича, безъ гроша денегъ въ карманѣ, съ однимъ только гоноромъ подъ мышкой. Разумѣется, это достигалось постепенно. Мошка сначала гдѣ ни будь удостоился счастія перевезти пана на своей спинѣ черезъ грязную лужу, или просто потѣшилъ панское сердце ключьями своихъ пейсовъ; потомъ мошка дѣлается факторомъ, кланзничаетъ, хлопочетъ, приобретаетъ титулъ прикащика, арендатора, управителя, и за тѣмъ уже превращается въ посессора, полнаго распорядителя панскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ мѣстномъ уголкѣ, говоритъ корреспондентъ, рѣдкій изъ пановъ не находится въ Еврейскихъ лапахъ; за то это преобладаніе поставило здѣсь почти непреодолимую препопу развитія Русскаго элемента. Русскіе не могутъ ити такою же дорогой, какою идутъ Евреи. Русскіе не уживаются ни со слѣплымъ хвастовствомъ Поляковъ, ни съ изысканнымъ лакействомъ Евреевъ. Русскій, такъ сказать, живетъ особнякомъ. Такимъ образомъ главный характеръ нашего задустья имѣетъ какой-то Польско-Жидовскій отбѣнокъ. Смѣсь грубаго гонора и тайнаго мошенничества поражаетъ васъ на каждомъ шагу... Полякъ не можетъ разстаться съ своимъ Шлахетскимъ достоинствомъ, съ которымъ онъ гдѣзетъ всякому на шею, а Русскій, по своей честной и медвѣжьей натурѣ, не умѣетъ ползать у ногъ. Такимъ образомъ, Полякъ и Русскій не сходятся между собой на короткую ногу. Поляку остается облокотиться на Еврея, который принимаетъ это очень охотно, такъ какъ по натурѣ своей готовъ подставитъ свою спину самому чорту, лишь бы платили деньги. Изъ всего этого и выходитъ, что Жидъ здѣсь и продаетъ и покупаетъ, беретъ и съ продавца и съ покупателя и т. д.

никъ Польскихъ стремленій въ народъ, который, по особенной ограниченности своей въ томъ краѣ, легко поддается обаяніямъ всякаго рода.

Окончивъ краткое обозрѣніе положенія, въ которомъ находится высокое предназначеніе: «обрусьніа Западнаго края посредствомъ водворенія Русскаго землевладѣнія и возвышенія Православіа, приходимъ къ слѣдующему размышленію: «Если. Управленіе Государственными Имуществами, въ слѣдствіе, конечно, глубокаго обсуждения столь важнаго Государственнаго предмета, пришло уже къ убѣжденію что раздробленіе землевладѣнія въ томъ краѣ полезнѣе для Государства въ экономическомъ, политическомъ и другихъ отношеніяхъ, недостижимыхъ для умовъ обыкновенныхъ, то частному человѣку объ этомъ и говорить уже нечего. Но, между тѣмъ, однако же, вотъ мысль, высказанная однимъ изъ моихъ знакомыхъ, мысль, которую вполнѣ раздѣляю и я. Онъ говоритъ, что, «принимая за основаніе помянутое раздробленіе землевладѣнія и допущеніе колонистовъ, какъ мѣру, положительно принятую, невольнo рождается слѣдующее разсужденіе. Мы имѣемъ, конечно, десятки тысячъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ разныхъ классовъ, изъ всевозможныхъ вѣдомствъ, оставленныхъ за штатомъ, безъ всякой надежды вновь попасть на службу, и это тѣмъ болѣе для нихъ очевидно, что, по мѣрѣ очищенія вакансій въ прежнихъ мѣстахъ ихъ служенія, эти вакансии заищуются почти всегда другими со стороны, не смотря на то, что уволенные за штатъ были всегда одобряемы на службѣ, а по тому и снабжены подобающими аттестатами. Положеніе, нищета ихъ, часто съ семействомъ, невыразимы: это созданный пролетаріатъ, уже и теперь заявляющій свое отчаянное положеніе.»⁴⁶

⁴⁶ Мы видимъ такихъ чиновниковъ, являющихся къ Оберъ-Полицеймейстеру и въ частныя Полицейскія Управленія, объявляя, что они не имѣютъ ни пристанища, ни одежды, по нѣскольку дней безъ куска хлѣба... Изъ состраданія, ихъ допускали отогрѣваться, отдыхать и подкрѣпить себя, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пищей. По истребованнымъ свѣдѣніямъ объ ихъ поведеніи изъ мѣстъ ихъ служенія, получались одобрительные отзывы. Но этого мало: сдѣсь, въ столицѣ, одинъ изъ такихъ уволенныхъ явился къ Мировому Судьѣ и, изложивъ свое положеніе, просилъ арестовать его и отправить куда заблагоразсудятъ.

И такъ, не было ли бы во всѣхъ совершенно отношеніяхъ полезнѣе составить колоніи изъ иныхъ, чѣмъ изъ псевдо-Нѣмцевъ, какъ видѣли выше, большею частію почти тѣхъ же Католиковъ? Да если бы тутъ были и все Нѣмцы, то развѣ они благонадежнѣе для Правительства, чѣмъ коренные Русскіе? Исторія разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Разница большая колоніи ихъ въ Новороссійскомъ краѣ и Приволжскихъ Губерніяхъ, въ Западномъ же краѣ—другое дѣло.¹⁵ Конечно, для колонизаціи защитныхъ чиновниковъ нужны совершенно другія мѣры и условія, нежели тѣ, которыми руководствуются при колонизаціи иностранцевъ.

Успѣхъ въ предполагаемой колонизаціи можетъ быть достигнуть только посредствомъ общества, которое бы само собою, разумѣется, предварительно испросивъ разрѣшеніе Правительства, собрало, посредствомъ обнародованія во всѣхъ Губернскихъ Вѣдомствахъ, свѣдѣнія о количествѣ отставныхъ чиновниковъ, съ необходимыми свѣдѣніями, обдуманно составленными.¹⁶ Однѣмъ такой нтодъ, соединенный въ одномъ мѣстѣ и раздѣленный по разрядамъ, самъ собою уже весьма важенъ въ политическомъ отношеніи. Сосредоточивъ такіа свѣдѣнія, предложить на волю, кто

Мировой Судья отвѣчалъ, что «такъ разсуждаться онъ имѣетъ право въ приговорахъ за преступленіе; а такъ какъ Вы не совершили преступленія, во законъ и не указываетъ мнѣ исполнить Ваше желаніе...» Съ грустнымъ лицомъ проситель вышелъ изъ камеры, и въ прихожей, встрѣтивъ сторожа, нанесъ ему ударъ: желаніе отставнаго тотчасъ было исполнено: онъ приговоренъ на известное время къ содержанію. Не читаемъ ли мы непрерывно въ газетахъ участіе отставныхъ чиновниковъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, которыя, до принятой системы—составлять азгштотажъ, были весьма рѣдки? Теперь, съ учрежденіемъ тюремъ для временныхъ арестантовъ, предстоить возможность, во крайней мѣрѣ, нѣкоторое время не умереть съ голода и холода, и даже выходить, во окончаніи термина, съ капиталцемъ; что несомнѣнно, какъ увидимъ далѣе, привлечетъ многихъ.

¹⁵ Поселеніе иностранцевъ въ Западномъ краѣ равносильно тому, какъ, если въ печьку, сильно растопленную сухими березовыми дровами, подбрасывать по полбну сырыхъ сѣловыхъ, которыя, хотя и не вдругъ воспламяются, но конецъ концовъ будетъ тотъ, что уголья тѣхъ и другихъ составятъ однѣмъ сребъ.

¹⁶ Сдѣла резумируются не занятые на службѣ Судомъ.

пожелаетъ поселиться въ добровольномъ составѣ изъ себя въ 15, или 20 (если же Правительство признаетъ полезнымъ, то и болѣе), семействъ, для составленія одного поселка.¹⁷ Каждая изъ такихъ общинъ должна выбрать отъ себя одного старосту, который бы завѣдывалъ онымъ, какъ это существуетъ и во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Надѣлъ на семейство не долженъ быть менѣе 25 десятинъ; ибо иначе не будетъ возможности ожидать благосостоянія переселенцевъ, и, по минованіи льготнаго времени, опредѣляемаго для всѣхъ колонистовъ вообще, требовать взноса земельныхъ и другихъ платежей. Сдѣсь можетъ оказаться необходимость сдѣлать нѣкоторымъ для переселенія пособие, но пособие это можетъ быть возвращено сдѣланными обязательствами на усмотрѣнные и опредѣленные сроки. Да если бы это было сдѣлано и безъ возврата, какъ это дѣлается колонистамъ, то польза, приобретаемая отъ такого поселенія, далеко бы превзошла издержки, которыя могли быть для сего употреблены:

Во первыхъ, въ Губерніи, и въ особенности объ столицы, очистятся отъ вопиющихъ на тѣ вѣдомства, отъ которыхъ они отчислены. А такой ропотъ людей, не только что не запятанныхъ на службѣ, но и получившихъ самыя одобрительныя за свѣдѣтельствованія, чтобы въ силу того умирать съ голоду, или по необходимости впадать въ преступленія самыя грязныя, которыя мы такъ часто нынѣ встрѣчаемъ, такой ропотъ весьма важенъ. Показывая свои аттестаты, а часто и ордена, они производятъ грустное впечатлѣніе на слушателей и т. д.¹⁸

Во вторыхъ, Западный край, въ особенности Югозападный, и по преимуществу Волынская Губернія, отчасти и Каменецъ-Подольская, заселились бы тысячами семействъ Русскихъ людей,

¹⁷ Мысль же о поселеніи чиновниковъ, или раздачѣ имъ участковъ, уже проявилась и, кажется, указывается на Симбирскую и Самарскую Губерніи. Но сдѣль бы полезнѣе было бы поселить Нѣмцевъ, ищущихъ пріютииться въ Югозападномъ краѣ, чтобы оставаться неразрывно съ своими родичами.

¹⁸ Какъ чиновника, его не принимаютъ въ частную службу ни прикащикомъ, ни свидѣльцемъ, ни чашникомъ, ни дворникомъ и т. п.

которые между забытыми, отдѣленными, безграмотными, находящимися подъ игомъ Евреевъ, разсѣвающихся между ними, по волѣ пановъ, все то, что прямо, или косвенно, рано, или поздно, ведетъ къ подпольному дѣйствию Ксендзо-Польской интриги, завели бы у себя школы, возвысили бы Православіе, и по тому одушевили бы крестьянъ, нынѣ плавающихъ въ океанѣ Полонизма, безъ Русскаго руля.

Въ третьихъ, такія поселенія составили бы изъ себя какъ бы цѣль противъ набѣговъ изъ Галиціи и Молдавіи (черезъ Бессарабію и Буковину), набѣговъ, пока подпольныхъ, тайныхъ.

При хорошемъ устройствѣ такія поселенія могутъ принести Государству неисчислимую пользу, развивать которую сдѣсь было бы длинно, а замѣчу только, что во всякомъ уже случаѣ они будутъ ближе къ главной цѣли обрусѣнія края, нежели раздача мелкихъ участковъ чиновникамъ, служащимъ особенно въ Губернскихъ учрежденіяхъ; ибо (какъ это уже и есть) такіе участки отданы въ аренду на двадцать и болѣе лѣтъ пришедшимъ псевдо-Нѣмецкимъ колонистамъ изъ Галиціи, Познани и т. п., частію такимъ же Католикамъ, какъ и мѣстная Шляхта, или, наконецъ, туземнымъ подставнымъ отъ Евреевъ, единственныхъ въ краѣ капиталистовъ. Само собой разумѣется, что чиновникъ Губернаторской Канцеляріи ¹⁹ и подобныхъ мѣсть, какъ замѣчено, не броситъ службы и жалованья, чтобы сѣсть на участокъ въ нѣсколько сотъ десятинъ и заняться хозяйствомъ, о которомъ онъ и не имѣютъ ни какого понятія. Между тѣмъ какъ отставные чиновники, получивши осядлость, несомнѣнно займутся хозяйствомъ, прінскавъ рабочія руки для земледѣлія. Разведеніе домашнихъ птицъ, сады, огороды въ томъ климатѣ доставятъ семейнымъ возможность къ существованію, ²⁰ которое, при тру-

¹⁹ А между ними есть и такіе, какъ говорятъ, и не мало женатыхъ на мѣстныхъ Католичкахъ, съ огромною родней этого Исповѣданія.

²⁰ Не видѣли ли мы это и въ климатѣ, несравненно болѣе суровомъ, какъ помѣщики, владѣющіе тремя, четырьмя, душами, существовали съ семействами трудомъ собственныхъ рукъ своихъ, давленная изъ кусочка земли все то, что только

долюбин, можетъ заставитьъ ихъ забыть свое недавнее положеніе. Впрочемъ, въ томъ край многіе изъ такихъ чиновниковъ не остаются безъ приглашенія обществами занять должности волостныхъ Писарей, нынѣ замѣщаемыхъ несравненно большою частію, или даже вообще, лицами мѣстнаго происхожденія, весьма неблагонадежными, какъ, на примѣръ, удаленными за поведеніе изъ службы и женатыми на Католичкахъ. Да и во всѣхъ Уѣздныхъ Присутственныхъ Мѣстахъ всѣ Канцелярскія должности одинаково занимаютъ тѣми же мѣстными уроженцами, женатыми на Католичкахъ; а кто знаетъ край, тотъ знаетъ и то, что такой союзъ несравненно хуже, чѣмъ самому быть Католикомъ. У тѣхъ и у другихъ въ домашнемъ быту нѣтъ другого языка, кромѣ Польскаго.²¹ У Исправниковъ и Становыхъ Приставовъ Письмоводители большою частію уже кровные Католики, за отсутствіемъ возможности имѣть на мѣстѣ Русскихъ. Вышесказанное поселеніе чиновниковъ измѣнило бы всѣ этѣ условія, не устранивъ которыхъ, тщетно ожидать того, до чего думаютъ достигнуть.

И. Дипранди.

возможно было извлечь для пропитанія, изготовляя у себя холстъ, простое сукно и т. п.? Въ Югозападномъ край все это производить будетъ несравненно удобнѣе.

²¹ Наши Священники, такъ обставленные, употребляютъ тамъ тотъ же языкъ всадъ, кромѣ Церковной службы.

П И С Ь М О

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ ГРАФУ А. А. АРАКЧЕВУ
ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ ЕГО ДЕРЕВЕНЬ.

Графъ Алексѣй Андреевичъ. Устройство и порядокъ, которые лично видѣлъ я въ деревняхъ вашихъ, при возвращеніи васъ на возвратномъ пути моемъ изъ Твери, доставили мнѣ истинное удовольствіе.

Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства Государственнаго. По сему я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взирая на всѣ свѣдѣнія, доходящія ко мнѣ о благоустройствѣ частнаго сельскаго управленія, и всегда желалъ, чтобъ число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ отечествѣ нашемъ умножалось. Надѣяться должно, что примѣры ихъ изгладятъ постепенно слѣды тѣхъ неустройствъ, кои, къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ, необдуманная роскошь, или небреженіе, доселѣ въ сей части оставляли.

Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и благоустройства, которое въ краткое время безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ, успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, я ниспѣшаю изъяснить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы мнѣ симъ доставили.

Когда съ дѣятельною Государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
21-го Іюня, 1810 г.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1868 года, Октября 5-го дня.

1868 года, Октября 5-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Вице-Президента, Князя А. Пр. Ширинскаго-Шихматова, и въ присутствіи Г. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ф. Вельмана, С. М. Соловьева, А. Н. Аванасьева, Гр. М. В. Толстого, А. С. Клеванова, М. Л. Назимова, П. В. Хавскаго, Ю. Д. Филимонова, А. И. Хмельницкаго, Н. В. Сушкова, Соревнователя А. Е. Кудрявцева и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 18 Іюня сего года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянской, прочелъ статью, полученную имъ отъ Д. Чл. Архимандрита Иова: «Іерусалимъ, Палестина и Св. Афонская Гора по Русскимъ памятникамъ XIV—XVII вѣковъ.»

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Международнаго Собранія (съѣзда) по части Археологій и Исторіи въ Боннѣ 14—21 Сентября, 1868 года, приглашеніе, получ. 1-го Іюля, 1868 г.

3. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 1-го Юля, № 879, пол. 4-го, 1868 г., извѣщеніе о разрѣшеніи съѣзда Русскихъ Археологовъ и пр.

4. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 16-го Юля, 1868 г., № 2229, объ утвержденіи его Г-мъ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, 6-го Юля, въ званіи Вице-Президента Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

5. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Д. А. Толстаго, отъ 3-го Авг., 1868 г., № 6336, пол. 12-го, благодарность Обществу за избраніе его въ Почетные Члены.

6. Д. Чл. Н. В. Сушкова, пол. 5-го Сентября, 1868 г., благодарность за избраніе въ Члены Общества.

7. Правленія Императорскаго Московскаго Университета, отъ 18-го Сент., 1868 г., № 3023, увѣдомленіе о приобрѣтеніи покупкою для Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, на полученные изъ Московской Конторы Государственнаго Банка капиталы и проценты по пяти (5) билетамъ Московской Сохранной Казны, принадлежащимъ Обществу, разныхъ процентныхъ бумагъ на сумму 10,400 рублей, и о сдачѣ сихъ бумагъ на храненіе въ Московское Губернское Казначейство, гдѣ 13-го Сентября и записаны на приходъ по Московскому Университету въ переходящую сумму, въ кн. 2, въ ст. подъ № 6,425. При увѣдомленіи Правленія приложены: расчетъ о полученныхъ капиталахъ и процентахъ по 5-ти билетамъ Сохранной Казны, принадлежащимъ Обществу, и вѣдомости приобрѣтеннымъ на оныя процентнымъ бумагамъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ разнѣна наличными деньгами 57 руб. и 43 коп. (Послѣднія 57 руб. и 43 к. выданы Г. Казначеемъ Общества, М. Л. Назмому).

8. Правленія Императорскаго Московскаго Университета, отъ 4-го Окт., 1868 г., № 3297, въ дополненіе въ отношенію отъ 18 Сент., за № 3023, о томъ, что четыре крѣпостныя акта по приобрѣтенію выкупныхъ свидѣтельствъ препровождены, вмѣстѣ съ процентными бумагами, на храненіе въ Московское Губернское Казначейство.

Все, заключающееся въ §§ 2—8 опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Приношенія.

а. Матеріалами:

9. Соревнователя Общества, А. И. Хмельницкаго, 19 Іюня, 1868 года: 1 Переводъ съ Польскаго: «Записокъ о событіяхъ на Волини и Подолѣ въ 1789 году, соч. Архивреспублика Греческаго Уніятскаго Капитула въ Луцкѣ, Θεодосіа Бродовича»; 2. Переводъ съ Польскаго же 2-й половины 1-й части «Исторіи Славянскихъ законодательствъ», изд. 2-го, соч. В. А. Мацѣвскаго, ч. 3, Переводъ съ Польскаго «Записокъ Оскѣрка.»

в. Статьями:

10. Д. Чл. Архим. Леониды: «Іерусалимъ, Палестина, и Св. Аѳонская Гора по Русскимъ паломникамъ XIV—XVII вѣковъ.»

11. Д. Чл. И. П. Липранди: «Замѣчанія на 2 и 3 томы «Исторіи Отечества войны 1812 года, соч. Г. М. Богдановича.»

12. Соревнователя Общества А. И. Хмельницкаго: «Нѣсколько замѣчаній на сочиненія Смита: 1, Исторію Польской войны 1830—1831 г., и 2, «Отзывы и мнѣнія военнопольскихъ о Польской войнѣ, въ переводѣ Квитницкаго.»

13. Учителя 2-й Кіевской Гимназіи, Нинифора Степановича Тумасова, отъ 1-го Іюля, пол. 17-го: «Дворянство Западной Россіи въ XVI вѣкѣ.»

14. Д. Чл. А. Ф. Вельтмана, 7-го Авг., 1868 г.: «Дѣйствіе пороги и названія ихъ по Константину Багрянородному въ X вѣкѣ.»

15. Кандидата Московскаго Университета, П. Мельгунова, пол. 21 Авг., 1868 г.: «Нѣсколько словъ по поводу новаго труда о Славянскихъ Первоучителяхъ.»

в. Книгами:

16. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: 1, пол. 20-го Іюня: «Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ Графа Уварова. Спб. 1868;» 2, пол. 17-го Сент.: «Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29-го Дек., 1867, Спб. 1868.»

17. Археографической Коммисіи, отъ 18-го Іюня, пол. 24-го: «Лѣтопись занятій Археографической Коммисіи 1865—66. Вып. 4-й. Спб. 1868.»

18. Императорскаго Казанскаго Университета, пол. 25-го Іюня, 1868 г.: «Извѣстія и Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1867 г. Вып. 4-й. Казань. 1867.»

19. Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы Засѣданій Совѣта Университета и Приложенія къ нимъ: 1867 г. №№ 3, 4, 6—9 и 1868 г. №№ 1—2.»

20. Поч. Чл. Я. О. Головацкаго, изъ Вильны, отъ 29-го Іюня, пол. 7-го Іюля: 1, «Viertes Programm des K. K. Akademischen Staatsgymnasium in Lemberg am Schlusse des Schuljahrs 1853. Lemberg.» Сдѣсь: «Ueber Ihors Heereszug gegen die Polowzevn, v. Jacob Glowacki;» 2, «Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка Русскаго въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ Княжествѣ и въ смежныхъ Русскихъ областяхъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Издавъ Я. О. Головацкій. Львовъ. 1867;» 3, «О костюмахъ или народномъ убранствѣ Русинновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и Северо-Восточной Венгріи. Сочиненіе Я. О. Головацкаго. Петроградъ. 1868.»

21. Галицко-Русской Матицы въ Львовѣ, пол. 7-го Іюня, 1868 г., черезъ П. Чл. Я. О. Головацкаго: «Науковый Сборникъ, издаваемый Литературнымъ Обществомъ Галицко-Русской Матицы»

22. Яковъ Березина-Ширяева: 1, отъ 15 Іюля, 1868 г., пол. 1-го Авг.: 1, «Описаніе находящихся у С.-Петербургскаго 1-й гильдіи купца и Потомственнаго Почетнаго Гражданина, Федора

Егоровича Сокурова, книгъ, брошюръ, указовъ, астамцовъ, изданныхъ въ царствованіе Императора Петра Великаго и Императрицы Екатерины Алексѣевны 1-й. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб...1868; 2, Матеріалы для библиографіи, или обзоръ Русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ и Словесности, составленное Яковомъ Березинымъ-Ширяевымъ. 5-ть книжекъ. Спб. 1868; 3, отъ 18 Сент. книжка VI: Русскія и иностранныя книги XIX вѣка.»

23. Соревнователя Каноника Іосифа Малышевича изъ Неводницы, Бѣлостоцкаго Уѣзда Гродненской Губерніи, отъ 21-го Авг., пол. 29-го, 1868: «In nuptias solennes Magnifici Domini D. Nicolai Wizgerdi, et Magnificae Dominae Kurpska, lectissimae ac nobilissimae virginis, gratulatio ab Andrea Osowski conscripta. Vilna, anno 1598, вѣ 8, стр. 16.» Печатная. Визгердъ былъ Упитскій депутатъ въ Польскій Сеймъ, а невѣста его—дочь извѣстнаго Русскаго Князя Андрея Курбскаго: «Dominus Andreas Kurpski Dux, gentis Russorum primaria familia oriundus, Magni Ducis Moschorum Joannis Basilidis affinis», и супруги его, «Александры Сѣмашковой: «Domina Alexandra Siemaszkowna, antiquissimae et clarissimae Siemaszkorum familiae.»

24. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, пол. 5-го Сент., 1868 г.: «Псковская Судная Грамота (1397—1467). Изданіе 2. Одесса 1868.»

25. Д. Чл. Н. В. Сушкова, пол. 5-го Сент., 1868 г.: «Записки о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московскаго. М. 1868.»

26. Югославянской Академіи въ Загребѣ, отъ 16-го Авг., пол. 7-го Сент., 1868 г.: 1, «Rad. IV; 2, «Rěčnik lěčničkoga nazivlja, od Ivana Dezmana. V Zagrabu. 1868.»

27. Д. Чл. А. О. Гильфердинга, пол. 15-го Сент., 1868 г.: «Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. Спб. 1868; 2 тома.»

28. Новороссійскаго Универс тета, пол. 25-го Сент., 1868 года: 1, «Записки Императорскаго Новороссійскаго Универ-

ситета. Годъ 2-й, томъ 1-й, выпуски 3 и 4. Одесса. 1868.» Въ немъ: «Леонтовича: Древнее-Хорвато Далматинское законодательство»; 2. «Годичный торжественный актъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ 30 Авг., 1868 года. Одесса. 1868.» Въ немъ: «А. Брикнера: Рѣчь о главныхъ задачахъ исторической науки.»

29. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, отъ 23-го Сент., 1868 г., № 894: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга 1. Москва. 1868 г.»

30. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 29-го Сент., 1868 г.: 1, «Маврикія Ходнева, Игуменя Горицкаго монастыря, въ схимѣ Марія. М. 1868»; (особый оттискъ изъ Юньской книжки «Душеполезнаго Чтенія» 1868); 2, «Нѣчто объ Игуменѣ Артеміи, мнимомъ еретикѣ» (перепечатано изъ 15 № «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1868).

Опредѣлено: матеріалы и статьи рассмотреть, а книги сдать въ Библиотеку Общества.

в. Сообщенія.

31. Сумма, пожертвованная Чиновниками Канцеляріи бывшаго Московскаго Генераль-Губернатора, Князя Д. В. Голицына (342 руб. 85½ коп.) на премію за лучшее сочиненіе: «Градоначальствованіе Князя Голицына въ Москвѣ», отъ процентовъ и приобрѣтенія на оную 5% билетовъ, значительно увеличилась, именно до 800 рубл. Определено: повторить въ «Вѣдомостяхъ» приглашеніе къ представленію въ Общество означеннаго сочиненія.

32. Скончались: Поч. Членъ Неофитъ, Архіепископъ Пермскій, избранный 31-го Мая, 1856 г., и Соревнователь М. П. Полуденскій, избр. 18-го Марта, 1850 г. Первый умеръ въ Іюнь, а послѣдній въ Іюль 1868 г. Определено: умершихъ исключить изъ списка Членовъ.

Въ концѣ засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества представилъ только что отпечатанную 2-ю книгу «Чтеній» 1868 года, заключающую въ себѣ 48 печатныхъ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Исследования. Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ. Конст. Алексѣева. Днѣпровскіе пороги по Константину Багрянородному. Д. Члена А. О. Вельтмана. Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе Ф. Смита по поводу переводовъ ихъ съ Нѣмецкаго на Русскій Г. Квитницкимъ.

II. Матеріалы Отечественные. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I. Пѣсни хороводныя.

III. Матеріалы Славянскіе. Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ. Д. Члена П. А. Лавровскаго.

IV. Матеріалы Иностранные. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Аддамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга II.

V. Смѣсь. Мирный договоръ между Швеціею и Россіею, заключенный 10 Мая, 1595 года, близъ Нарвскаго озера, на сторонѣ Иванъгорода, въ Тязвинѣ. Перев. съ Шведскаго Соревнов. А. А. Чумикова. Письмо Императора Петра 1-го къ Подполковнику 1716 года. Дополненіе къ статьѣ: «Последніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Феодоровны.» Николая Дубровскаго. О караванной торговлѣ съ Джунгарскою Бухаріею въ XVIII столѣтіи. Н. Г. Потанина. Письма Московскаго и Коломенскаго Митрополита Филарета къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому и Зарайскому. Сообщ. Св. Н. Гумилевъ. Замѣтка на замѣтку. Н. В. Сушкова. Нѣсколько словъ по поводу новаго труда о Славянскихъ Первоучителяхъ, П. Мельгунова. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторія и Древностей Россійскихъ, Марта 3-го дня, 1868 года.

О П Е Ч А Т К И

въ 3-й книгѣ «Чтеній» 1868 года.

Отд. III.

<i>Напечатано:</i>		<i>Читайте:</i>
Стр.	Стр.	
IV,	24 сверху: пользуюсь	пользуюсь
V,	15 — (1200 заводъ)	(заводъ въ 1200 эка.)
12,	1 — его стали ласкать	стали его ласкать
13,	12 — были	быль
15,	1 — мажонгъ	обманомъ
24,	7 — послѣ по	послѣ
29,	3 снизу: получила	получила
31,	23 сверху: свѣдующи	свѣдущи
32,	3 — Священникъ	Священникъ
—	28 — по образу	по образцу
34,	2 снизу: о твоего	своего
38,	19 сверху: защищать	защитить
41,	17 — перевести	привести
43,	20 — чернь	что чернь
47,	5 — ужась	ужасность.
51,	1 — пьющая	пьяла
—	26 — по тому что живя	по тому, что живя
60,	4 снизу: обязанности для него. Вѣра	обязанности. Вѣра для него
68,	12 сверху: ихъ	своихъ
72,	1 снизу: ножей копій	ножей и копій
73,	10 сверху: помощникъ	помощника
76,	21 — Священника	Священника
95,	20 — сняты	бывъ сняты.

Отд. V.

237,	3	снизу:	врачемъ		врагомъ
240,	5	сверху:	Святыхъ		Святыхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стр.
Дворянство Западной Россіи въ XVI вѣкѣ. Н. С. Ту- масова.....	1 — 108

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шей- номъ. Часть I. Пѣсни плясовыя и бесѣдныя...	245 — 288
---	-----------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Widok przemocy na słabą niewinność zrogo wywartej. Польскій текстъ «Историческихъ Записокъ о со- бытіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, Архипресвитера Греко-Уніятскаго Капитула въ Лудкѣ, Феодосія Бродовича.....	1 — 98
--	--------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго По- сольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посоль- ства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмец- каго П. П. Барсова. Книги III послѣдняя по- ловина	227 — 388
--	-----------

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

СМБСБ.

	Стран.
Духовная жены Алексѣя Ивановича Годупова, Ольги Васильевны, уражденной Зузиной, 1625 года. Сообщ. Архимандритъ Григорій.....	1 — 5
Переводъ съ двухъ Китайскихъ листовъ, писанныхъ при доношеніяхъ въ Комиссію Иностранныхъ Дѣлъ отъ Сибирскаго Губернатора, Тайнаго Совѣтника Соймонова, отъ 25 и 29 Мая, 1758 года, относительно бывшаго Джунгарскаго Тайши и потомъ Китайскаго Цынъ-Вана (Князя первой степени), Амурсаны. Сообщ. Н. А. Абрамовъ.....	6 — 14
Опись города Волхова Троицкаго Оптина монастыря. Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ...	15 — 19
О Сектѣ Татариновой. Д. Членъ И. П. Липранди.	20 — 51
Выдержки изъ Записокъ. Д. Члена Н. В. Сушкова.	52 — 92
Саввинское подворье въ Москвѣ и Московскіе Преосвященные Вакаріи. Н. Розанова...	93 — 128
Записка о финансахъ, политикѣ и торговлѣ Россійскаго Государства въ 1810 году. Сообщ. М. И. Семевскій.....	129 — 150
Политическая почва Западнаго Края. Д. Члена И. П. Липранди.....	151 — 167
Письмо Императора Александра Павловича къ Графу А. А. Аракчееву по возвращеніи изъ его деревни.....	168 — 1
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 5 Октября, 1868 года.....	169 — 176